РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

ТРУДЫ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Выпуск

13

МОСКВА 2015

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Т 78

Серия основана в 1997 году

Редакционная коллегия:

Ю.А. Петров (ответственный редактор),
А.В. Голубев, С.В. Журавлев (заместитель ответственного редактора),
А.П. Корелин, академик РАН Г.А. Куманев, В.А. Кучкин,
Н.М. Рогожин, Т.М. Смирнова (редактор-координатор),
А.К. Соколов, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев,
А.В. Юрасов (заместитель ответственного редактора)

Научно-техническая работа — И.А. Головань

Рецензенты:
д-р ист. наук И.Б. Орлов,
д-р ист. наук В.П. Булдаков

Т 78 Труды Института российской истории / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. — М., 1997 — .
Вып. 13 / [отв. ред. Ю.А. Петров; ред.-координатор Т.М. Смирнова]. — 2015. — 403, [5] с. — ISBN 978-5-8055-0301-7.

Тринадцатый выпуск «Трудов Института» по традиции знакомит читателей с основными направлениями деятельности Института российской истории РАН. Содержание выпуска определяется актуальными научными проблемами, важнейшими юбилейными датами в истории страны, а также научными дискуссиями, которые нашли отражение в переработанных в научные статьи докладах сотрудников Института и выступлениях приглашенных исследователей на заседаниях Ученого совета и центров ИРИ РАН.

Тематика тома отличается разнообразием. В него вошли работы, посвященные военной, политической, социальной и экономической истории, истории внешней политики и государственного управления, вопросам национальных отношений и административно-территориального устройства России, различным аспектам развития науки, техники и культуры, истории повседневности.

Особенностью тома является то, что представленные в нем материалы носят дискуссионный характер, многие из них отличает междисциплинарность. Кроме того, авторами статей вводится в научный оборот большое количество новых архивных документов.

ISBN 978-5-8055-0301-7

© Институт российской истории РАН, 2015
© Российская академия наук, серия «Труды Института российской истории» (разработка, оформление), 1997 (год основания), 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 5

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

С.В. Кудряшов
К дискуссии о Договоре о ненападении 1939 г. между СССР и Германией: новые архивные документы 10
Г.А. Куманев, академик РАН
Решающий вклад военной экономики СССР в победу антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне 19
О.Е. Ащеулов
Оценка роли артиллерии Красной Армии участниками Сталинградской битвы 54

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Д.Ю. Кривцов
Легенда о происхождении крымских «поминков» 70
Е.В. Мезенцев
Участие донских казаков в войне против наполеоновской Франции в 1805 г. 87

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И НАУКИ

Т.Н. Жуковская, Е.А. Калинина
Во главе училищ: административная деятельность дореформенного университета в России 115
Л.А. Сидорова
Институт истории Академии наук СССР в 1937 г.: новые архивные документы 137
Г.Б. Куликова
Анри Барбюс и И.В. Сталин: к истории создания биографии вождя 157
Р.А. Киреева
О неосуществленном замысле А.А. Зимина 184

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ СССР И РОССИИ

Д.А. Аманжолова (Киселева)
К вопросу о формировании советского народа: политика и этничность ... 194

В.Н. Круглов
Формирование территориального устройства РСФСР: административные, экономические и национальные аспекты (1918—1992 гг.) 217
Л.В. Борисова
Особенности трудовых отношений на предприятиях советской России в период нэпа 241
М.Ю. Мухин
Советская промышленность легких сплавов в 1930-х — первой половине 1940-х годов 258
А.С. Степанов
Государственная власть в СССР и проблемы борьбы с национализмом (1953—1960 гг.) 276
Г.М. Иванова
Советская модель «государства благосостояния»: общее и особенное 293
А.С. Сенявский
Советский путь экономического развития: становление, эволюция, кризис мобилизационной модели (теоретические проблемы) 310
Р.Г. Кирсанов
Роль государственных специализированных банков в осуществлении финансово-экономической политики периода перестройки 330
А.К. Соколов, *М.Ю. Мухин*
Модернизация повседневности: мобильная сотовая связь в СССР и России 354
К.Д. Николенко
КПРФ в 1999—2003 гг.: потеря инициативы и спад влияния 389

Сведения об авторах 401

ВВЕДЕНИЕ

Институт российской истории РАН представляет тринадцатый том своих Трудов. По традиции содержание выпуска определяется актуальными научными проблемами, важнейшими юбилейными датами в истории страны и научными дискуссиями, которые нашли отражение в переработанных в научные статьи докладах сотрудников Института и выступлениях приглашенных исследователей на заседаниях Ученого совета и центров ИРИ РАН.

Тематика тома отличается разнообразием. В него вошли работы, посвященные военной, политической, социальной и экономической истории, истории внешней политики и государственного управления, вопросам национальных отношений и административно-территориального устройства России, различным аспектам развития науки, техники и культуры, истории повседневности. Статьи тома систематизированы по четырем рубрикам: «К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне», «История международных отношений и внешней политики», «История культуры и науки» и «Актуальные проблемы новейшей истории СССР и России». Последняя рубрика представлена наибольшим количеством статей.

Особенностью тома является то, что представленные в нем материалы носят дискуссионный характер, многие из них отличает междисциплинарность. Кроме того, авторами статей вводится в научный оборот большое количество новых архивных документов. Приоритет подобным работам — это принципиальная позиция редколлегии Трудов, полагающей, что научное знание прирастает в значительной мере информацией, содержащейся в источниках, а также за счет научных дискуссий.

В первой рубрике представлены три статьи. С.В. Кудряшов на основе рассекреченных документов из Архива Президента Российской Федерации анализирует причины, по которым И.В. Сталин пошел на подписание Договора о ненападении с Германией. В статье академика Г.А. Куманева «Решающий вклад военной экономики СССР в победу антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне» исследуется экономическая составляющая победы. Работа содержит обширный статистический материал, в том числе данные, позволяющие сопоставить общий объем англо-американских поставок военной техники в СССР по Ленд-лизу в годы войны с объемом советского производства. Завершает юбилейную рубри-

ку статья О.Е. Ащеулова «Оценка роли артиллерии Красной Армии участниками Сталинградской битвы». Ее особенность в том, что для достижения разносторонней оценки автор использует не только отечественные, но и немецкие источники эффективности советской артиллерии под Сталинградом, главным образом, мемуары.

Рубрика «История международных отношений и внешней политики» открывается чрезвычайно актуальной в свете последних международных событий статьей Д.Ю. Кривцова «Легенда о происхождении крымских “поминков”». Под «поминками» понимается ежегодная отправки из Москвы в Крым в XVII в. денег и дорогих подарков крымскому хану и его приближенным. Анализ различных легенд о происхождении «поминков» приводит автора к исследованию более общих аспектов борьбы вокруг «крымского вопроса» в середине XVII в.

В статье Е.В. Мезенцева «Участие донских казаков в войне против наполеоновской Франции в 1805 г.» рассматривается состав и организация донских казачьих полков, их дислокация и степень мобилизации, распределение по различным корпусам и армиям во время войны России с наполеоновской Францией в 1805 г. Используя сведения из казачьих послужных списков, автор анализирует боевой опыт и тактику казаков (в том числе их участие в операциях партизанского характера в тылу врага, характер полученных ими ранений и др.).

В статье, помещенной в рубрике по истории науки и культуры, Т.Н. Жуковская и Е.А. Калинина характеризуют сложившуюся в России в первой трети XIX в. иерархическую модель управления в образовании, в частности, администрирование училищ со стороны университетских структур. Не менее ценны данные о студенческой среде тех лет, о социальном и национальном составе студенчества, о способах социализации выпускников университетов.

Интересна и другая статья данной рубрики — «Институт истории Академии наук СССР в 1937 г.: новые архивные документы», написанная Л.А. Сидоровой на материалах фонда Института в Научном архиве ИРИ РАН. Нужно подчеркнуть новаторский характер этой работы. Во-первых, потому, что эти документы впервые вводятся в научный оборот, во-вторых, в ней впервые на уровне конкретного института исследуется не просто развитие отечественной исторической науки в переломный период второй половины 1930-х годов, но подробно характеризуется чрезвычайно сложная обстановка в коллективе в условиях массовых репрессий. Доказательность выводам Сидоровой придает то, что ее статья снабжена документальными приложениями.

Ветеран Института Г.Б. Куликова в последние годы исследовала отношение известных иностранных деятелей культуры к советской

действительности и ее лидерам. Одним из результатов этой работы стала статья «Анри Барбюс и И.В. Сталин: к истории создания биографии вождя». На материалах преимущественно Российского государственного архива социально-политической истории автор рассказывает малоизвестную и крайне увлекательную историю появления книги французского писателя Анри Барбюса «Сталин. Новый мир, увиденный через одного человека». Из документов выясняется, что Сталин и Барбюс состояли друг с другом в переписке (а значит, личный момент играл существенную роль), что руководство СССР, учитывая имя и влияние Барбюса в интеллектуальных кругах Запада, было крайне заинтересовано в том, чтобы он написал биографию Сталина. Из статьи Г.Б. Куликовой следует, что рукопись Барбюса «рецензировалась» в ЦК партии, что по мотивам книги, выход которой был превращен в пропагандистскую акцию, готовился сценарий фильма о Сталине и т.д. Все это вносить новые черты в понимание эпохи 1930-х годов.

Значительный интерес представляет историографический материал Р.А. Киреевой о выдающемся историке А.А. Зимине, основные вехи творчества которого были связаны с работой в Институте. К сожалению, историк умер в расцвете сил, не успев в полной мере реализовать свои научные планы. Статья Киреевой «О неосуществленном замысле А.А. Зимина» повествует о многолетней работе ученого над исследованием биографии и творческого наследия В.О. Ключевского. Статья основана на документах личного архива Зимина, любезно предоставленных автору В.Г. Зиминой, на воспоминаниях и других источниках.

Рубрика «Актуальные проблемы новейшей истории СССР и России» открывается дискуссионной статьей Д.А. Аманжоловой (Киселевой) «К вопросу о формировании советского народа: политика и этничность». В центре внимания оказывается вопрос о том, как в ходе реализации советской этнонациональной политики шло формирование поликультурной гражданской общности — «советский народ», в образовании которого в СССР с 1930-х годов у автора нет сомнений.

Особенностью статьи В.Н. Круглова, посвященной процессу формирования территориального устройства РСФСР в динамике, за весь период советской власти, является то, что автор в комплексном ключе рассматривает административно-управленческие, хозяйственно-экономические и национальные процессы, которые в действительности взаимодействовали между собой. Поиск оптимального с точки зрения эффективности административно-территориального устройства России с учетом экономики, культуры,

конфессиональных и национальных особенностей населения регионов — и по сей день актуальная задача. При ее решении опыт РСФСР, в котором были свои достижения и неудачи, может быть востребован.

В статье Л.В. Борисовой «Особенности трудовых отношений на предприятиях советской России в период нэпа» исследуется отношение рабочих к труду, к мерам администрации предприятий по повышению его производительности, трудовые конфликты, взаимоотношения руководителей производства и рядовых работников.

Логично, что М.Ю. Мухин, активно изучающий историю советской авиационной промышленности с опорой на архивные источники, обратился к важному сюжету о зарождении и становлении советской промышленности легких сплавов (прежде всего, авиационного алюминия) в 1930-е годы, а также в военный период.

А.С. Степанов в своей статье поднимает вопрос о межнациональных проблемах и конфликтах в СССР в 1953—1960 гг., а также исследует, как советское государство боролось с националистическими проявлениями в условиях начавшейся десталинизации. Автор обращает внимание на всплеск загнанных внутрь, но не исчезнувших межнациональных конфликтов и националистических проявлений в первый период после смерти Сталина. В 1960 г. был отмечен последний известный случай столкновения с членами подпольной ОУН на Украине.

Г.М. Иванова посвятила свою статью обоснованию тезиса о том, что в СССР, в соответствии с общемировыми тенденциями, была создана особая советская модель «государства благосостояния». В результате изучения разных аспектов советской социальной политики автор приходит к выводу, что советская модель социального государства имела те же цели и задачи, но отличалась по сравнению с Западом средствами и методами их достижения.

А.С. Сенявский в концептуальной, полемичной по характеру статье «Советский путь экономического развития: становление, эволюция, кризис мобилизационной модели (теоретические проблемы)», анализируя советский опыт форсированного экономического роста в чрезвычайных условиях, приходит к выводу об эффективности мобилизационной модели для своего времени и критикует господствующее ныне представление об отсутствии альтернативы рыночной экономике.

Р.Г. Кирсанов, обратившись к вопросу о реформировании советской банковской системы во время «перестройки», изучил роль созданных в это время государственных специализированных банков. Автор пришел к важному выводу о том, что спецбанки не выполни-

ли свою роль регуляторов финансово-экономической деятельности и ускорителей структурной модернизации народного хозяйства В целом, по мнению Кирсанова, реформируемая банковская система СССР оказалась не в состоянии справиться с нараставшим кризисом плановой экономики и предотвратить распад СССР.

В данном выпуске Трудов, как и в прежних томах, делается ставка на темы, лежащие «на стыке» традиционных исторических направлений или дающие новый ракурс видения прошлого. В этом смысле новаторской представляется совместная статья А.К. Соколова и М.Ю. Мухина о том, как технологические достижения, связанные с развитием сотовой связи, повлияли на повседневную жизнь россиян в последние 20 лет. Фиксация историками на основании источников основных этапов перехода от «домобильной» к «мобильной» эре в России представляется весьма своевременной по той причине, что жизнь в этом отношении стремительно уходит вперед, не оставляя полноценной источниковой базы. Вероятно, массовое распространение сотовой связи — наиболее характерный пример того, как современные технологии меняют не только повседневность и уровень комфорта, но и наряду с массовой компьютеризацией влияют на более глубинные процессы жизни социума.

Продолжается в данном томе Трудов и дискуссия о том, в какой мере допустимо историкам с их инструментарием и методологическими принципами вторгаться в изучение близких к современности периодов, традиционно относящихся к сфере политологов. Показательна в этом смысле публикуемая в данном выпуске статья К.Д. Николенко о деятельности КПРФ в 1999—2003 гг. Значение данной работы видится и в том, что давно назрело возвращение в историографию (конечно, на современном уровне и без идеологической пристрастности) историко-партийной тематики.

Редколлегия «Трудов Института российской истории РАН» надеется, что данный выпуск будет с интересом воспринят читателями и способствует активизации научных дискуссий по актуальным проблемам отечественной истории.

К 70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

С.В. Кудряшов

К ДИСКУССИИ О ДОГОВОРЕ О НЕНАПАДЕНИИ 1939 Г. МЕЖДУ СССР И ГЕРМАНИЕЙ: НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

В статье на основе рассекреченных документов из Архива Президента РФ детально анализируются причины, по которым И.В. Сталин пошел на подписание Договора о ненападении с Германией. Автор исследует влияние, которое оказали на позицию Кремля по отношению к западным союзникам отстаиваемая ими политика невмешательства, а также Гражданская война в Испании. На основе широкого круга исторических источников в статье показано, почему западные политики считали достижение компромисса с Гитлером более перспективным подходом, чем какие-либо договоренности с Москвой. Советский Союз целенаправленно изолировали, с ним демонстративно перестали считаться. Проанализированные автором документы Архива Президента Российской Федерации не подтверждают распространенного в историографии мнения, что именно Сталин стал инициатором заключения договора с Германией, послав в своей речи на XVIII съезде ВКП (б) сигнал Гитлеру о готовности СССР к улучшению отношений.
Ключевые слова: Договор 1939 г. о ненападении с Германией; Мюнхенское соглашении; Лига Наций; Гражданская война в Испании; политика невмешательства; Судетский кризис; советско-чехословацкий договор о взаимопомощи.

S.V. Kudrjashov

Returning to the Discussion about the "Non-Aggression Pact" between Soviet Union and Germany: New Archival Documents

Recently declassified documents from the Archive of President of Russian Federation are analysed in this article. The reasons for Stalin to sign the Non-Aggression pact with Germany are the main problem of it. Western allies' policy towards Soviet Union, "non-intervention policy" and the Spanish Civil war influenced Cremlin's position. Politics of the Western countries thought that treaties with Hitler were more promising that those with Soviet Union. As a result, Soviet Union became isolated. However, based on the newly declassified archival documents, one could not support a popular historiographic idea that Stalin was an initiator of the Pact.
Keywords: Non-Aggression Pact between USSR and Germany; Munchen Agreement; League of Nations; Spanish Civil War; "non-intervention" policy; Sudeten Crisis; Soviet-Czechoslovakian Treaty about Mutual Assistance.

Вопрос о том, почему И.В. Сталин пошел на подписание Договора 1939 г. о ненападении с Германией, продолжает оставаться в центре современных дискуссий В данной статье мы постараемся рассказать о том, что нового дают рассекреченные в 2007—2013 гг. документы из Архива Президента Российской Федерации (АПРФ), относящиеся к взаимоотношениям СССР и европейских стран в конце 1930-х годов.

Главным образом, это материалы, отложившиеся в фонде Политбюро (ф. 3), который был обработан архивистами в конце 1960-х и в 1970-е годы. Этот фонд не является систематическим архивом, то есть он содержит самые разнообразные документы о деятельности Политбюро, но не отражает ежедневную международную деятельность СССР и Политбюро, а также не освещает полностью все аспекты советской дипломатии того времени. Иными словами, к разочарованию ученых, дела АПРФ не отвечают на все вопросы, вызывающие острые разногласия среди историков. Вместе с тем, сопоставляя рассекреченные документы с уже опубликованными, мы можем выделить некоторые важные или недооцененные факторы, которые существенно повлияли на изменение курса советской внешней политики весной — летом 1939 г.

На наш взгляд, сильное влияние на позицию Кремля по отношению к западным союзникам оказала Гражданская война в Испании и политика невмешательства, которую активно защищали Великобритания, Франция и США. Ситуация из Москвы выглядела так: фашизм укрепляется и готовится к войне. Англия и Франция не хотят решительно противодействовать агрессорам. Гитлер и Муссолини выглядят для них более надежными и привлекательными партнерами, чем Сталин и Советский Союз. Большевизм воспринимается как более опасная угроза, чем фашизм. Особо надо подчеркнуть, что Сталину давали понять, что «чрезмерная вовлеченность» в испанские дела (то есть большая помощь республиканцам) повлияет самым неблагоприятным образом на переговоры и сотрудничество по противодействию агрессии[1].

События в Испании совпали с Судетским кризисом и заключением Мюнхенского соглашения. В АПРФ нет материалов, свидетельствующих о каких-либо дискуссиях в Политбюро по выработке политики или обсуждения результатов Мюнхена. Разумеется, это вовсе не означает, что подобных дискуссий не было. Судя по всему, многие вопросы решались устно. Стремление не оставлять «следы» на бумаге явственно прослеживается в высшей политической «кухне» советских властей с конца 20-х годов. Однако сделать это не всегда удавалось, и по некоторым шифрованным телеграммам, пе-

переписке и отчетам дипломатов мы можем почувствовать накал страстей. К примеру, ранее уже публиковалась шифровка М. Литвинова с просьбой к Сталину объявить хотя бы частичную мобилизацию, дабы «припугнуть» или надавить на Гитлера. Но только после рассекречивания документов Политбюро мы видим на полях короткое сталинское «Нет». Это соответствует линии, которая выдерживалась на протяжении всего Судетского кризиса: не допускать ни малейших сомнений в своей готовности выполнить обязательства по советско-чехословацкому договору о взаимопомощи или решения Лиги Наций и в то же время избегать всяких открытых выступлений[2].

В литературе опубликовано много предположений о том, оказал ли бы Советский Союз помощь Чехословакии в случае отказа Франции от своих договорных обязательств. Значительная часть исследователей склоняется к маловероятности такого сценария. Как выясняется, мы могли бы узнать точный ответ на этот вопрос. 30 сентября 1938 г. в 17.00 Бенеш срочно запросил Москву: как относится СССР к альтернативе — война или капитуляция, поскольку великие державы принесли Чехословакию в жертву Гитлеру. Советскому правительству давалось максимум два часа на ответ. Однако такой ответ не поступил — и не смог бы поступить. Судя по архиву Кремля, уже через 45 минут, то есть до истечения им самим назначенного срока, Бенеш отозвал запрос. Пражское правительство приняло мюнхенский ультиматум. Советский посол в Праге объяснял Сталину мотивы Запада предельно четко: «Гитлеру удалось убедить Чемберлена и Даладье, что в данной ситуации большую опасность для мира в Европе представляет не он, а СССР, который объективно является большевистским форпостом и может сыграть роль поджигателя новой войны». Политика «мюнхенцев» оказала колоссальное влияние на дальнейшие действия Кремля. Документы АПРФ свидетельствуют, что Сталин был готов участвовать в переговорах. Отстранение СССР от решения Судетского кризиса он воспринял как попытку изоляции и еще одно подтверждение антикоммунизма Запада. Усилия найти общий язык с Францией и Англией, чтобы сдержать экспансионизм национал-социалистической Германии, потерпели крах. Политика «коллективной безопасности» провалилась. Как и в случае с Франко в Испании, западные деятели считали достижение компромисса с Гитлером более перспективным подходом, чем какие-либо договоренности с Москвой. Советский Союз целенаправленно изолировали, с ним демонстративно перестали считаться.

В подобной ситуации легко понять раздражение Сталина. Когда англичане, делая вид, что ничего особенного не произошло, попытались через полпреда Майского прояснить позицию советского

руководства, то в Лондон ушла гневная шифровка: «Полпред не обязан отвечать всем обращающимся к нему об основах политики своего правительства. Рекомендуем отделываться общими замечаниями, что советское правительство изучает новую обстановку, созданную событиями последнего времени»[3]. Как мы теперь знаем, результатом «изучения обстановки» стало германо-советское сближение в 1939 г.

Документы АПРФ не подтверждают распространенного в историографии мнения, что именно Сталин в своей речи на XVIII съезде ВКП (б) послал сигнал Гитлеру о готовности СССР к улучшению отношений[4]. Генсек редко говорил что-то случайно, особенно если речь шла о публичных выступлениях. Судя по заявлению Риббентропа, которое он сделал в беседе с Астаховым (временным поверенным в делах) 3 августа 1939 г., первый сигнал пришел все-таки из Германии: в начале февраля 1939 г. немецкой прессе было дано указание прекратить нападки на СССР. «Вы, вероятно, обратили на это внимание?» — сказал Риббентроп. Фраза советского лидера на съезде о готовности развивать отношения с Германией подтверждает, что в Москве действительно обратили внимание на этот нюанс[5]. В дальнейшем (и это подтверждают рассекреченные документы) именно германская сторона постоянно проявляла инициативу «по улучшению отношений».

В этом смысле особую роль приобретают встречи немецкого посла в Турции фон Папена с советским посланником Терентьевым 8—10 мая 1939 г., на которые историки не обращают должного внимания. Понятно, что Папен — это не совсем ординарная фигура в политическом мире нацистской Германии. Почти сразу после своего назначения в качестве посла в Анкару бывший вице-канцлер встретился с Терентьевым. Его слова о том, что «различие идеологий не должно служить препятствием к сближению», «идеологии надо оставить в стороне и вернуться к Бисмарковским временам дружбы», очень заинтересовали Кремль. Хотя и нет в нашем распоряжении уцелевших немецких документов, все равно можно с большой долей уверенности утверждать, что без санкции фюрера Папен никогда не смог бы решиться на подобную откровенность и контакты. Тем более что слова о «сближении», «отсутствии противоречий» и пр. стали повторять почти все высшие немецкие сановники[6].

Таким образом, в середине мая 1939 г. к Сталину поступила ясная информация, что Германия готова к изменению отношений. Посылая этот сигнал советскому руководству, немцы действовали очень осторожно, избегая самой фразы «улучшения отношений». Совершенно определенно Берлин ждал конкретного ответа Москвы. И этот ответ последовал. 20 мая 1939 г. Молотов встретился с германским послом Шуленбургом и заявил ему, что под экономические

переговоры между СССР и Германией необходимо подвести «надлежащую политическую базу». Это предложение наркома оказалось для немцев неожиданным. Оно требует исторического объяснения.

До Мюнхенского кризиса Сталин несколько раз предпринимал попытки к улучшению отношений с Германией, но безуспешно. При этом кроме официальных контактов он пытался использовать и неофициальные. Самый известный пример — миссия Давида Канделаки. С приходом к власти нацистов торговые отношения между двумя странами продолжали развиваться, однако наметилось ухудшение. В этой ситуации решением Политбюро Канделаки поручили с 5 декабря 1934 г. вести в Берлине переговоры о торговле и кредитах. Используя свои контакты с двоюродным братом Германа Геринга — Гербертом Герингом, Канделаки пытался улучшить не только торговые, но и политические отношения. Сталин поощрял эти неофициальные контакты. При этом потребовал обо всем информировать не посла, а его лично. Немцы не пошли на улучшение политических отношений, и миссия Канделаки результатов не дала. Но именно в то время в советской дипломатической переписке неоднократно высказывалась мысль, что вряд ли удастся серьезно договориться по экономическим вопросам и развивать торговые отношения без адекватного политического соглашения. В мае 1939 г., после получения обнадеживающих германских сигналов, советская сторона прямо заявила об этом. Интересно, что никакие детали не разъяснялись. Поэтому первая реакция немцев — растерянность. На попытки Шуленбурга прояснить ситуацию реакции не последовало, но от него потребовали довести эту мысль до высшего немецкого руководства. Иными словами, Сталин ждал от Берлина политических предложений. Эти предложения выдвинул в завуалированном виде Вайцзеккер, статс-секретарь иностранных дел Германии. Он заявил советскому посланнику, что «в нашей лавке много товаров», и от Советского Союза зависит, какой сделать выбор. Фраза «о лавке с товарами» будет неоднократно упоминаться в ходе дальнейших бесед с германскими представителями.

До конца июля 1939 г. центром большинства дискуссий было кредитное соглашение между СССР и Германией. Кроме общих фраз о необходимости улучшения отношений детальных обсуждений не было. Приблизительно 24—26 июля немцы начинают оказывать серьезное давление, предлагая широкое обсуждение политических вопросов. Они были до такой степени откровенны, что советский полпред попросил Москву сообщить ему, «как в таких случаях держаться»[7]. Напор немцев был ошеломительным. Без преувеличения, на советское руководство сильное впечатление производили скоордини-

рованные действия высших немецких чиновников. Шнурре, Хильгер, Шуленбург, Вайцзеккер, Риббентроп и другие повторяли одни и те же мысли. На встречи приходили с записями предшествующих бесед, показывали эти записи и снова повторяли: «Мы готовы договариваться. Нам надо договариваться. Скажите, чего вы хотите». При этом немцы не скрывали, что имеют прямые указания свыше, от фюрера. Осторожность советской стороны, ее нежелание конкретизировать политические пожелания нервировали немцев, тем более что это происходило на фоне франко-британо-советских переговоров в Москве. По всей видимости, намерения Германии в отношении Польши не были ясны Москве, по крайней мере, до начала августа 1939 г. Очевидно, перелом произошел 2 августа 1939 г., когда Риббентроп пригласил к себе Астахова и прямо сказал ему, что Германия готова договориться «по всем проблемам, имеющим отношение к территориям от Черного до Балтийского моря», что «Данциг будет наш», что Германия сможет «начисто выбрить Польшу». Понимая, что Астахов сразу же сообщит об этом в Москву, Риббентроп требовал полной конфиденциальности. Именно эти мысли Сталин подчеркнул в отчете Астахова[8].

После 2 августа темп дискуссий только нарастал. 3 августа 1939 г. Шнурре впервые предложил подписать секретный политический протокол. 5 августа он попросил Москву высказаться об ее отношении к этому предложению. 7 августа Молотов отказался, но идеей зафиксировать деликатные вопросы в особом протоколе воспользовались через две недели. 10 августа немцы фактически «раскрыли карты». Шнурре уведомил Астахова, что возможно начнется война с Польшей. Соответственно, «германское правительство хотело бы знать, какова будет в этом случае позиция советского правительства». При этом он недвусмысленно дал понять, что заключение соглашения с Англией и Францией «будет плохим введением к нашим переговорам с Германией»[9]. Со слов Шнурре, германское правительство готово сделать все, чтобы не угрожать и не задевать советские интересы, «но хотело бы знать, к чему эти интересы сводятся». Через два дня Берлин получил краткий ответ от Молотова. «Перечень объектов нас интересует. Разговоры о них требуют подготовки и некоторых переходных ступеней... Предпочитаем вести разговоры по этим вопросам в Москве»[10]. Таким образом, судя по новым документам, основные решения были приняты в Кремле в районе 12—15 августа 1939 г.

13 августа немцы усиливают давление, так как «события идут очень быстрым темпом и терять время нельзя»[11]. С этого момента все эвфемизмы были отброшены, и разговоры шли предельно откровенно. Немцы не скрывали, что минимум, на который они готовы без лишних дебатов, — это обещание невмешательства в кон-

фликт с Польшей. То, что война может разразиться со дня на день, сообщил в своем письме Сталину Адольф Гитлер[12].

Москва пыталась оттянуть приезд Риббентропа, но Гитлер настаивал на немедленном приезде министра иностранных дел, и Сталин принял его предложение. В архиве Кремля сохранился уникальный документ. Это немецкий вариант договора о ненападении[13]. Он особенно важен, так как немецкий оригинал до сих пор не найден. Сталин лично отредактировал русский перевод немецкого текста и внес много изменений, которые вошли в окончательную редакцию документа. Интересно, что Сталин изменил немецкое предложение срока действия договора с пяти на десять лет, а также зачеркнул абзац о том, что пакт действителен лишь при одновременном подписании особого протокола. Так, в течение буквально двух-трех недель совершился переворот в советской внешней политике.

В литературе часто встречается утверждение о двойной игре советского руководства. С одной стороны, переговоры с англичанами и французами, а с другой, тайные контакты с немцами. История часто преподносится таким образом, что Кремль вонзил нож в спину возможных союзников и принял предложение нацистов о сотрудничестве. Как мы сейчас видим, в действительности ситуация была значительно более противоречивой и не все зависело лично от Сталина. Приезд военных миссий Франции и Англии и длительные беседы с ними стали своеобразным камнем преткновения. Можно как угодно относиться к искренности намерений англичан и французов, подчеркивать демократический характер принятия решений и процедуры различных согласований всех вопросов, но главное, и это было принципиально с точки зрения Москвы, — западные союзники не проявляли готовности к оказанию существенной военной помощи СССР в случае его войны с Германией. Поэтому нацисты удачно били в самое больное место, повторяя с начала августа практически одно и то же: «на вас никто нападать не собирается», «зачем вам воевать за интересы Польши», «договор с французами и англичанами ничего не даст», «мы дадим вам все, что вы хотите» и т.д. В дополнение к торгово-кредитному договору и политическому соглашению немцы предлагали широкое экономическое и техническое сотрудничество. Иными словами, Гитлер сделал Сталину такое предложение, от которого он не мог отказаться. Архив Политбюро подтверждает, что главным для Сталина было остаться вне войны. Соображения морального и пропагандистского характера (реакция на пакт коммунистов других стран) его не очень сильно беспокоили.

Успех германо-советских переговоров в августе 1939 г. — это не только достижение немецкой дипломатии, но и провал дипломатии

Запада. Получая сигналы о контактах СССР и Германии, ни в Париже, ни в Лондоне, ни в Вашингтоне не верили, что это может привести к каким-то реальным результатам. Почти все расчеты строились на одной политической аксиоме — непримиримости противоречий между Рейхом и Кремлем. Именно поэтому подписание пакта 23 августа 1939 г. вызвало такой шок в западных столицах. За шоком последовало негодование и даже обида на советское вероломство. С дистанции 75-ти лет подобные чувства вполне объяснимы. Согласившись на пакт, Сталин поставил Лондон, Париж и Варшаву в фактически безвыходное положение. В июле и августе их военные представители демонстрировали свое нежелание оказывать реальную военную помощь Москве, но через десять дней после подписания пакта им всем пришлось вступить в войну.

Документы АПРФ подтверждают крайнее недоверие и подозрительность Сталина по отношению к политике Великобритании. Еще в феврале 1927 г. на этой почве у генсека произошел конфликт с Литвиновым. Тогда Сталин красными чернилами написал сердитую объяснительную записку, в которой дал ясно понять, что ЦК в своей политике исходит из того, что главным врагом СССР «является английская финансовая буржуазия и ее консервативное правительство, что консервативное правительство Англии ведет сложную политику окружения СССР как на Востоке (Китай, Афганистан, Персия, Турция), так и на Западе (лимитрофы и т.д.)»[14]. Уже во время войны, 28 октября 1942 г. Сталин отмечал в телеграмме Майскому, что «поражение нашей страны и компромисс с Германией за счет Совсоюза является наиболее легкой формой войны Англии с Германией». И далее, критикуя непоследовательность Черчилля, он пишет: «Что же, впредь будем знать, с какими союзниками имеем дело»[15].

Сталин был очень устойчив в своих восприятиях и выводах и годами придерживался определенной стратегии поведения. Символично его указание советскому представителю по торговым переговорам в Германии от 15 сентября 1934 г., оформленное постановлением Политбюро: «Советую не торопиться с немцами: немцы от нас не уйдут, так как они нуждаются в договоре с нами больше, чем мы»[16]. Такой же тактики он придерживался и летом 1939 г.

Таким образом, можно выделить следующие мотивы и выгоды заключения пакта о ненападении с Германией с точки зрения высшего советского руководства:

- СССР остается вне войны на неопределенно долгое время.
- Есть время подготовиться к будущей войне.
- Запад будет связан войной в Польше, а затем, возможно, будет долго воевать с Германией.

- Никакие сепаратные переговоры с Германией в ближайшее время невозможны, и, следовательно, единого антисоветского фронта тоже не будет.
- СССР получает сферу своего влияния и имеет гарантированную поддержку в решении политических и территориальных вопросов со стороны Германии.
- Гитлер идет на широкомасштабное торговое и экономическое сотрудничество. СССР получает доступ к немецким военным технологиям.
- Стабилизируется ситуация на Дальнем Востоке. Япония никогда не решится на какие-либо действия против СССР при наличии договора о сотрудничестве между Германией и Советским Союзом.

[1] См.: СССР и Гражданская война в Испании, 1936—1939 годы. — М., 2013. — (Вестник Архива Президента Российской Федерации).
[2] Без пометки на полях см.: Литвинов — Сталину, 23.9.1938 г. // Документы внешней политики. — М., 1991. — Т. XXI.— С. 520 (Док. № 369). См. также: СССР — Германия, 1933—1941 годы. — М., 2009. — С. 24. — (Вестник Архива Президента Российской Федерации).
[3] СССР — Германия, 1933—1941. — С. 25.
[4] См., к примеру: *Чубарьян А.О.* Канун трагедии. Сталин и международный кризис, сентябрь 1939 — июнь 1941 года. — М., 2008. — С. 25.
[5] Беседа Г. Астахова с Риббентропом, 3 августа 1939 г. // Архив Президента Российской Федерации (АПРФ). — Ф. 3. — Оп. 64. — Д. 673. — Л. 53—59.
[6] СССР — Германия, 1933—1941. — С. 175—176.
[7] Там же. — С. 188.
[8] Там же. — С. 188—192.
[9] Там же. — С. 194—202.
[10] Там же. — С. 202.
[11] Там же. — С. 204—205.
[12] Там же. — С. 207.
[13] Там же. — С. 209—214.
[14] АПРФ. — Ф. 3. — Оп. 63. — Д. 137. — Л. 139—140.
[15] Опубликовано в издании: Великая Победа. — М.: МГИМО-Университет, 2013. — Т. 10: Война в эфире. — С. 401.
[16] СССР — Германия, 1933—1941. — С. 97.

Г.А. Куманев,
академик РАН

РЕШАЮЩИЙ ВКЛАД ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ СССР В ПОБЕДУ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В статье детально анализируется состояние советской экономики в целом и военного производства в частности накануне Великой Отечественной войны. Автор показывает на примере каждой конкретной отрасли промышленности (металлургия, машиностроение и т.п.) значение экономики в военной победе над противником. Опираясь на обширный статистический материал, автор поэтапно воссоздает процесс реализации программы военной перестройки народного хозяйства СССР и мобилизации производственных и трудовых ресурсов на борьбу с фашистскими захватчиками. Особое внимание уделяется вопросам перевооружения Красной Армии новейшей техникой; вкладу в победу колхозного крестьянства и советской интеллигенции. Приведенный колоссальный статистический материал об объемах военного производства позволяет адекватно оценить экономическую помощь, оказанную СССР в годы войны союзниками. Автор показывает, что общий объем англо-американских поставок по отношению к советскому производству составил за время войны не более 4%.
Ключевые слова: вторая мировая война; военная промышленность; перевооружение Красной Армии; заводы-дублеры; индустриализация; мобилизационный народнохозяйственный план; антигитлеровская коалиция.

G.A. Kumanev
Decisive Role of Soviet wartime economy in an Anti-Hitler Coalition's Victory in World War II

The article is about the situation in Soviet pre-war economy and its development during the Great Patriotic War period. Author reconstructs the realization of the "wartime reconstruction" program of Soviet economy and the "industrial and labour" resources mobilization campaign. He pays special attention to reequipment of Red Army and contribution of peasantry and intelligentsia to the Victory. The role of "land-lease" supplies is also analysed: according to author's estimations, it was relatively small (only 4%).
Keywords: World War II; arms industry; Red Army rearmament; industrialization; mobilization plan of Soviet economy; "backup factory" ("zavod-dubler"); Anti-Hitler coalition.

Вторая мировая война убедительно показала, что исход сражений и в целом вооруженного противоборства государств был самым тесным образом связан с состоянием и возможностями их экономики. Основы не только военной, но и экономической победы были заложены в годы довоенных пятилеток, когда необходимо было в невиданно короткие сроки преодолеть унаследованную от дореволюционной России экономическую отсталость и превратить страну в современную индустриальную, экономически независимую державу. Процесс реализации грандиозных планов осуществлялся в чрезвычайно трудной и противоречивой обстановке, когда в строительстве нового общества наряду с большими преобразованиями в материальной и духовной жизни народа происходили серьезные деформации, которые нанесли немалый ущерб государству.

В условиях возрастания угрозы фашистского нападения на СССР и возникновения новой мировой войны большие усилия сосредотачивались на максимальном развитии промышленности, прежде всего тяжелой индустрии, за счет существенного ограничения фондов потребления.

Советский Союз представлял собой огромную строительную площадку. В течение довоенных пятилеток в стране было сооружено и введено в действие 9 тыс. крупных предприятий, в том числе за первые годы третьей пятилетки — около 3 тыс.[1]

Производство средств производства по сравнению с 1913 г. увеличилось в 13,4 раза[2]. Получили развитие качественная металлургия и точное машиностроение. Валовая продукция всей промышленности СССР в 1940 г. превышала уровень промышленного производства Советской России в 1920 г. в 38 раз, а продукция машиностроения и металлообработки — даже в 512 раз[3].

Значительные усилия были приложены к созданию и размещению в восточных районах СССР заводов-дублеров.

На базе индустриализации страны удалось создать оборонную промышленность, которая по темпам роста валовой продукции опережала другие отрасли индустрии. Если за три года третьей пятилетки (1938—1940 гг.) ежегодный прирост продукции всей промышленности СССР составлял в среднем 13%, то оборонной — 39%. Такое форсированное развитие военного производства диктовалось необходимостью всемерного повышения обороноспособности СССР в условиях возраставшей угрозы гитлеровской агрессии[4].

Были построены и оснащены передовой техникой авиационные и танковые заводы, крупные предприятия по производству артиллерийских орудий и стрелкового вооружения, реконструированы старые военные заводы. Все это позволило существенно увеличить производство различных видов боевой техники. С января 1939 г.

по 22 июня 1941 г. промышленность СССР дала Красной Армии 17 745 боевых самолетов, свыше 7 тыс. танков, около 30 тыс. полевых орудий, почти 52,4 тыс. минометов. Военно-Морской Флот получил десятки новых современных кораблей[5].

Однако перевооружение Красной Армии не было полностью завершено. По оснащению некоторыми важными видами вооружения и боевой техники она отставала от германского вермахта. Серийное производство новых типов танков и самолетов только начиналось. Устранять эти недостатки пришлось уже в ходе смертельного поединка с агрессором.

Многое было сделано во время пятилеток и в области технической реконструкции советского транспорта. Ускоренными темпами велось сооружение новых магистралей и оснащение их современной техникой. Грузооборот всех основных видов транспорта СССР заметно возрос. К июню 1941 г. вагонный парк советских железных дорог был способен одновременно поднять в 2,5 раза больше груза, чем вагонный парк царской России накануне Первой мировой войны, а локомотивы могли перевезти эту возросшую массу грузов в полтора с лишним раза быстрее, чем раньше[6].

Важные изменения произошли в сельском хозяйстве. Хотя при переводе крестьянских хозяйств на коллективные рельсы были допущены серьезные отступления от ленинских идей кооперирования, все же в целом коллективизация в укреплении позиций социализма в деревне явилась поворотом принципиального значения. Сельскохозяйственное производство стало многоотраслевым и механизированным, но в целом лишь незначительно превзошло уровень 1909—1913 гг. В предвоенные годы государственные заготовки увеличились в 2,5 раза по сравнению с доколхозной деревней[7].

Большое оборонно-экономическое значение имело создание материальных резервов. С 1940 г. по июнь 1941 г. государственные резервы и мобилизационные запасы были увеличены в 2 раза[8].

Все эти факты показывают несостоятельность утверждений некоторых западных историков и ряда доморощенных фальсификаторов истории и публицистов о якобы слабости, военно-экономической отсталости и «потрясающей» неподготовленности СССР к своей защите накануне войны.

Перед Великой Отечественной войной Советский Союз по объему продукции машиностроения и по добыче железной руды занял второе место в мире и первое в Европе, по выплавке чугуна и стали и по производству электроэнергии — третье место в мире и второе в Европе, по добыче угля — четвертое место в мире и третье в Европе[9].

Следует иметь в виду, что ко времени нападения на СССР Германия обладала не только огромной ударной силой своих войск,

но и поставила под контроль экономические ресурсы почти всех европейских государств. Эти страны ежегодно производили более 19,3 млн т чугуна, 22,3 млн т стали, 149 млн т каменного угля, 19,3 млн т бокситов[10]. На 1 апреля 1941 г. 4876 предприятий оккупированных стран были привлечены к выполнению заказов вермахта[11].

В распоряжении военной экономики Германии были металлургическая и машиностроительная индустрия ее союзников, нефть Румынии, бокситы Венгрии, вольфрам и олово Португалии, лес Финляндии и т.д. К июню 1941 г. мощности фашистского рейха по производству металла, электроэнергии и добыче угля были примерно в 2—2,5 раза больше, чем Советского Союза. Кроме того, в оккупированных европейских странах гитлеровская Германия захватила крупные запасы металла, стратегического сырья, оборудования и весь арсенал вооружения. К ней перешло оружие, боеприпасы и снаряжение 30 чехословацких, 92 французских, 12 английских, 22 бельгийских, 18 голландских и 6 норвежских дивизий. Военная продукция одних только чехословацких предприятий Шкода могла снабдить многими видами вооружения около 40—45 немецких дивизий[12].

Внезапно разразившаяся фашистская агрессия, тяжелые раны, нанесенные противником хозяйственному организму страны, поставили советскую экономику уже в первые дни и недели войны в чрезвычайно тяжелое, а затем и весьма критическое положение.

В той угрожающей обстановке требовалось незамедлительно перевести народное хозяйство СССР на военные рельсы с тем, чтобы путем мобилизации всех его внутренних ресурсов обеспечить в кратчайшие сроки максимальное увеличение выпуска оборонной продукции, добиться материально-технического превосходства Красной Армии над вермахтом и другими войсками фашистского блока, создав тем самым возможность переломить ход событий.

Военная перестройка народного хозяйства СССР предусматривала коренное изменение структуры материального производства. Полное подчинение всей экономики: промышленности, транспорта, сельского хозяйства, связи — задачам борьбы против немецко-фашистских захватчиков требовало введения в действие ранее подготовленных (в частности, плана по боеприпасам) и новых мобилизационных планов, существенного перераспределения материальных и финансовых ресурсов в пользу военного производства, установления строгой централизации и строгого контроля в деле их распределения, нормирования и расходования.

Этот процесс сопровождался значительными материальными и финансовыми издержками и потерями, резким падением и даже остановкой производства на многих предприятиях. Положение усу-

гублялось и тем, что в самом начале войны у руководства страны во многом из-за нарушенной связи с действующей армией не было конкретного представления о действительном положении на фронтах войны, что нашло отражение в некоторых абсолютно нереальных решениях, принятых тогда по хозяйственным вопросам.

Так, 23 июня 1941 г. начальники Белостокской, Ковельской, Брест-Литовской, Львовской, Литовской, Латвийской и ряда других дорог западной части СССР получили официальную директиву от наркома путей сообщения Л.М. Кагановича о плане капиталовложений на развитие этих дорог в третьем квартале 1941 г. 24 июня наряду с важным постановлением о создании при СНК СССР Совета по эвакуации Политбюро ЦК ВКП (б) вынесло решение, согласно которому Наркомат заготовок СССР обязывался в июне 1941 г. выделить «3 тыс. тонн муки дополнительно к рыночному фонду и 2 тыс. тонн кукурузы для продажи населению горных районов западных областей УССР»[13], на территорию которых уже вступили войска противника.

Первым документом, определившим поворот промышленности на обслуживание фронта, было решение СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 23 июня 1941 г. ввести в действие принятый 6 июня 1941 г. мобилизационный план по боеприпасам[14]. Он был превращен в оперативное задание по развертыванию наиболее массовой отрасли военной индустрии.

Вслед за этим правительство дало указание Госплану СССР срочно разработать мобилизационный план для всего народного хозяйства на ближайшие три месяца. 30 июня 1941 г. мобилизационный народнохозяйственный план на третий квартал был представлен и утвержден ЦК ВКП (б) и СНК СССР. Это был план, в котором уже зримо проступали черты военной экономики.

Производство военной техники по сравнению с довоенным временем увеличивалось на 26%[15]. Капитальное строительство ограничивалось относительно небольшим числом ударных строек. Средства и материалы концентрировались на строительстве военных заводов в районах Поволжья, Урала и Западной Сибири.

Общая программа военной перестройки народного хозяйства СССР и мобилизации сил страны на отпор врагу содержалась в директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б) от 29 июня 1941 г. и в выступлении по радио 3 июля И.В. Сталина.

Важнейшей задачей высшего органа государственной власти — Государственного Комитета Обороны (председатель И.В. Сталин), созданного 30 июня 1941 г., являлось координация усилий фронта и тыла.

Между членами ближайшего сталинского окружения были распределены обязанности по руководству отдельными отраслями военного хозяйства. Так, в ведении В.М. Молотова стали находиться вопросы производства танков, Г.М. Маленкова — самолетов и авиационных моторов, Н.А. Вознесенского — вооружения и боеприпасов, А.И. Микояна — продовольствия, горючего и вещевого имущества, Л.П. Берия — самолетов и ракетной техники, Л.М. Кагановича и А.А. Андреева — транспортные перевозки.

Мобилизационный народнохозяйственный план на третий квартал 1941 г. явился одной из первых попыток перевести экономику страны на военные рельсы. Но вскоре стало ясно, что, подготовленный в своих главных чертах еще до фашистской агрессии, он не отвечал той реальной обстановке, которая сложилась в результате военных неудач Красной Армии летом 1941 г. Поэтому 16 августа 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП (б) утвердили новый Военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии, который был направлен на то, чтобы в течение намеченного срока развернуть основную военно-промышленную базу Советского Союза в восточных районах страны. Здесь намечалось наладить массовое производство стрелкового вооружения, всех видов артиллерии, минометов, боеприпасов. Была разработана программа увеличения производства в восточных районах электроэнергии, угля, нефти, авиабензина, чугуна, стали, проката, алюминия, меди, аммиачной селитры, крепкой азотной кислоты.

В области сельского хозяйства план предусматривал увеличение посевной площади под зерновыми и техническими культурами в восточных районах РСФСР, Казахстана и Средней Азии[16]. В предвидении увеличения грузопотоков с востока на запад и обратно, большое внимание в Военно-хозяйственном плане уделялось расширению важнейших узлов и станций на магистралях восточного направления. В тыловых районах России было намечено строительство вторых путей, связывающих Сибирь и Урал с Поволжьем.

Вновь составленный государственный бюджет отражал изменившееся направление в развитии народного хозяйства. Военные расходы во второй половине 1941 г. увеличивались на 20,6 млрд руб. по сравнению с первым полугодием. Бюджетные же ассигнования на развитие гражданских отраслей народного хозяйства уменьшались на 21,6 млрд, а на социально-культурные мероприятия — на 16,5 млрд руб.[17]

Новые условия хозяйственной жизни страны, порожденные войной, требовали усиления централизации руководства, существен-

ного изменения форм и методов экономического планирования и управления промышленностью.

Постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. были значительно расширены права народных комиссаров СССР. 18 июля это решение было распространено на наркомов РСФСР и УССР. Наркомы получили возможность распределять и перераспределять между предприятиями материальные ресурсы наркоматов, в том числе излишки материалов и оборудования, между отдельными предприятиями и стройками в соответствии с ходом выполнения планов. Расширялись права наркоматов и в распределении средств на капитальное строительство, в использовании финансовых ресурсов, в регулировании фонда зарплаты.

Одновременно происходили изменения в структуре управления аппарата, прежде всего за счет упразднения лишних звеньев, укрупнения параллельных подразделений, сокращения штатов.

Война заставила коренным образом пересмотреть привычные представления о пределе производственных мощностей, норм выработки, сроков выполнения. Не дожидаясь пересмотра довоенных норм, многие передовики производства по собственной инициативе ломали устаревшие графики работы, вносили серьезные коррективы в использование сырья, топлива и материалов, в расстановку рабочей силы, трудясь за двоих и за троих. Слова «невозможно», «нереально», «невыполнимо» уходили в прошлое.

Перераспределение сырья и материалов в пользу военного производства сопровождалось дальнейшей централизацией системы снабжения и жестким нормированием расхода материалов, топлива, электроэнергии. Выпуск многих видов продукции, в том числе оборудования для легкой и пищевой промышленности, вагонов, паровозов, металлических изделий широкого потребления, удобрений, прекратился. Сэкономленное сырье, материалы, мощности и рабочая сила использовались для расширения военного производства. На предприятиях, где характер производства в основном не менялся, наличное оборудование технически приспосабливалось для выпуска военной продукции или сырья, в котором нуждалась военная промышленность.

Исключительно важная роль в военном производстве принадлежала машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности. Их переключение на выпуск военной продукции потребовало наиболее радикальных и реконструктивных мероприятий. Ряд крупнейших машиностроительных заводов был передан оборонным наркоматам. Тяжелое машиностроение почти целиком включалось в производство корпусов танков, минометов, снарядов, мин, авиабомб и другой военной продукции.

Все эти мероприятия поддерживали и усиливали высокие темпы военного производства, которых достигла в третьем квартале 1941 г. работавшая на нужды фронта промышленность.

Доля военной продукции в общем производстве союзной и республиканской промышленности возросла с 45% в июне до 65% в июле и 70% в августе 1941 г.[18]

В таблице показан рост военной продукции по отдельным промышленным наркоматам в июле 1941 г. по сравнению с июнем.

В это время авиастроители (нарком авиапромышленности СССР А.И. Шахурин) стали давать во все возраставших количествах более совершенные типы истребителей, бронированные штурмовики, пикирующие бомбардировщики. Это позволило ГКО 18 сентября в развитие общего Военно-хозяйственного плана принять мобилизационную программу выпуска самолетов и моторов на сентябрь — декабрь 1941 г. Но реализация этого плана, как и других планов военного производства, во многом зависела от того, насколько быстро удастся развернуть намеченную Военно-хозяйственным планом военно-промышленную базу в восточных районах страны.

Удельный вес военной продукции в общем производстве валовой продукции в июне и июле 1941 г.*

Наркоматы	1941 г.		
	июнь	июль	% роста
Наркомат черной металлургии	30	40	10
Наркомат цветной металлургии	60	75	15
Наркомат тяжелого машиностроения	50	60	10
Наркомат среднего машиностроения	32	52	20
Наркомат общего машиностроения	39	58	19
Наркомат электропромышленности	40	50	10
Наркомат химической промышленности	40	60	20
Наркомат станкостроения	50	70	20
Наркомат нефтяной промышленности	25	40	15
Наркомат резиновой промышленности	40	60	20
Наркомат легкой промышленности	40	60	20
Наркомат текстильной промышленности	25	65	40

* *Источник*: РГАЭ. — Ф. 4372. — Оп. 923. — Д. 28. — Л. 1—2.

В процессе переключения гражданской промышленности на выпуск боевой техники и всех видов вооружения на действовавших предприятиях Центра и Юга европейской части СССР не ослаблялись усилия по наращиванию на Востоке мощностей тяжелой индустрии. Практическое выполнение этих неотложных задач можно видеть на примере развертывания производства танков и самолетов в восточных районах.

После того, как был принят мобилизационный план по танкостроению, В.А. Малышев — нарком созданного 11 сентября 1941 г. Наркомата танковой промышленности — выехал с группой директоров своей отрасли на Урал. Были выявлены конкретные возможности и условия форсированного перевода уральских машиностроительных заводов на выпуск бронетанковой техники, определены места для размещения перебазируемых танкостроительных предприятий и подготовлена новая производственная база для дизелестроения.

До войны единственным поставщиком дизель-моторов В-2 для танков КБ и Т-34 был Харьковский завод. В результате проведенного перемещения предприятий танкостроения танковые заводы имели перерыв в выпуске продукции лишь в один месяц, а производство дизелей совершенно не прерывалось. В тот день, когда ушел из Харькова последний эшелон с оборудованием дизельного завода, в Челябинске происходила сборка первых дизелей для тяжелых и средних танков. К концу 1941 г. на базе Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) возник мощный танкостроительный комбинат имени Кирова. На заводе заводов России и всей страны — Уралмаше, где ранее строились уникальные, главным образом крупногабаритные машины, началось серийное производство корпусов и башен для танков КВ. К концу года завод выпустил первые 606 корпусов. Группа заводов во главе со Сталинградским тракторным заводом образовали комплексную базу танкостроения в районах великой русской реки Волги. Другой волжский танкостроительный производственный комплекс во главе с заводом «Красное Сормово» сложился в Горьком в результате кооперирования этого завода с Горьковским автозаводом и рядом других предприятий. Таким образом, Челябинский и Сталинградский тракторные заводы стали центрами по производству тяжелых и средних танков, а Горьковский автозавод —легких. Что касается бронелистов для боевых машин, то их выпускали Магнитогорский и Кузнецкий металлургические заводы, Нижне-Тагильский и Чусовской заводы и Сталинградский завод «Красный Октябрь». К концу 1941 г. в тылу страны уже действовала мощная танковая промышленность в составе восьми танковых, шести корпусных и трех дизельных заводов[19].

В течение второго полугодия 1941 г. танкостроители изготовили 4649 танков, в том числе свыше 40% легких, 39% средних. Правда, количество выпущенных тяжелых танков типа КВ, производство которых было освоено на Челябинском тракторном заводе, увеличилось в четвертом квартале 1941 г. на 108 штук, но выпуск средних танков Т-34 за тот же период снизился почти на 500 машин[20]. В целом план производства танков удалось выполнить лишь на 61,7%[21]. Однако в первом квартале 1942 г. определился перелом[22].

Что касается производства самолетов в тыловых районах, то в ноябре 1941 г. их было построено в 3,6 раза меньше, чем в сентябре, когда удалось выпустить наибольшее за весь год число боевых машин. В декабре план по самолетам был выполнен только на 38,8%, а по авиамоторам — на 23,6%. Осенью, когда вражеские войска рвались к Москве, оборудование многих самолетостроительных заводов, и в частности Центрального промышленного района Российской Федерации, дававших до войны более $^3/_4$ всей выпускаемой Наркомавиапромом продукции, находилось еще на колесах. На действовавших заводах не хватало квалифицированных рабочих. Перебои в работе транспорта нарушали нормальное снабжение предприятий топливом, электроэнергией, материалами. В это же время на авиационных заводах происходил процесс освоения производства новых типов самолетов, что также замедляло темпы выпуска боевых машин.

Ценой огромного напряжения сил, широкой творческой инициативы и изобретательности авиастроителям удалось преодолеть падение производства и обеспечить его неуклонный рост. И если в четвертом квартале 1941 г. был выпущен 3171 самолет всех типов, то в первом квартале 1942 г. — 3740, во втором — 6004, а в третьем — уже 7388[23]. По этому поводу немецкий исследователь военной истории Г. Фойхтер писал: «То, что в таких трудных условиях Советскому Союзу удалось... в сравнительно короткий срок наладить массовый выпуск самолетов... следует отнести к величайшим техническим достижениям периода Второй мировой войны»[24].

Высокую мобильность показали переключенные на военное производство заводы сельскохозяйственного машиностроения. На их базе создавалась минометная промышленность. Серийный выпуск минометов был налажен еще до войны. Но к 1 июня 1941 г. в войсках имелось всего лишь 14 200 батальонных минометов и только 3800 полковых. 20 августа ГКО постановил изготовить в течение сентября — декабря 1941 г. 15 500 ротных минометов (50-мм), 8445 батальонных (82-мм), 400 горно-вьючных (107-мм) и 169 полковых (120-мм). ГКО обязал местные органы власти Свердловской, Челябинской, Сталинградской и Новосибирской областей к 1 ноября подыскать новые

базы для производства минометов и представить свои предложения на утверждение правительства[25]. 26 ноября 1941 г. указом Президиума Верховного Совета СССР Наркомат общего машиностроения был преобразован в Наркомат минометного вооружения. Его наркомом с того же дня стал один из опытных организаторов военного производства П.И. Паршин. Благодаря усилиям советских, партийных и хозяйственных организаций необходимые резервы для расширения выпуска минометов были найдены. В течение второго полугодия 1941 г. страна получила 42,3 тыс. минометов, или в среднем 7 тыс. в месяц, тогда как в первом полугодии их среднемесячный выпуск составил только 1,7 тыс. Ускоренно шла реализация постановления Государственного комитета обороны от 12 июля 1941 г. о возобновлении ошибочно приостановленного незадолго до войны производства противотанковых пушек 45-мм и 76-мм калибра[26]. Нарком вооружения военных лет Д.Ф. Устинов, назначенный на этот пост 9 июня 1941 г., вспоминал, как повседневно и строго контролировал ГКО и непосредственно Сталин производство этих пушек: «Мне не раз приходилось докладывать И.В. Сталину о выполнении графиков выпуска продукции. На их нарушения он реагировал иногда довольно резко. Когда, например, в сентябре один из уральских заводов не выполнил заказ по выпуску орудий, Сталин тут же дал телеграмму директору завода и парторгу ЦК, строжайше предупредил их об ответственности. Эта телеграмма всколыхнула весь завод, и случаев нарушения графика больше не было». «Проекты постановлений ГКО о производстве 45-мм и 76-мм пушек, — отмечал Д.Ф. Устинов, — разрабатывались нами на каждый месяц совместно с отделом вооружения Госплана. Выпуск орудий быстро рос... Однако в октябре в связи с начавшейся эвакуацией производство несколько сократилось. Возникли трудности и в его планировании. Поэтому в ноябре Н.А. Вознесенский потребовал подготовить проект постановления на три месяца вперед. Рассмотрение этого проекта на заседании ГКО мне особенно запомнилось». Обсуждение было нелицеприятным. В принятом постановлении ГКО подчеркивалось, что производство противотанковых орудий имеет исключительное значение для Красной Армии. Для коллективов, занятых производством пушек, выделялись дополнительные продовольственные фонды. В документ был включен специальный пункт, продиктованный Сталиным: «ГКО предупреждает всех народных комиссаров и директоров заводов об исключительной ответственности за выполнение указанного постановления и за бесперебойное снабжение артиллерийских заводов Наркомата вооружения и устанавливает, что невыполнение заказов для выпуска 45-мм и 76-мм пушек будет рассматриваться ГКО как государственное преступление».

В четвертом квартале по сравнению с третьим кварталом выпуск 76-мм пушек возрос в 5,7 раза, а 45-мм — в 15,3 раза. В начале войны из-за перевода артиллерийских заводов на выпуск орудий среднего калибра было уменьшено производство 152-мм и 203-мм орудий. Однако в дальнейшем артиллерийская промышленность СССР освоила выпуск в значительных размерах всех необходимых артиллерийских систем (как полевых орудий, так и зенитных, танковых, авиационных)[27].

Исключительно важной задачей являлось обеспечение массового производства боеприпасов. Работа предприятий Наркомата боеприпасов (нарком П.Н. Горемыкин, а с февраля 1942 г. — Б.Л. Ванников) была в центре внимания ГКО. Военная обстановка продиктовала необходимость срочно возобновить выпуск снарядов и патронов к 45-мм противотанковым пушкам и противотанковым ружьям. Их производство перед войной по настоянию заместителя наркома обороны СССР и начальника Главного артиллерийского управления маршала Г.И. Кулика было прекращено. Он ошибочно полагал, что танки у немцев будут с толстой броней, как у дредноутов. Вместо этих боеприпасов было налажено производство 76-мм бронебойных снарядов на заводах Юга.

Исторически так сложилось, что промышленность, выпускавшая боеприпасы, размещалась в большей степени, чем другие отрасли, в угрожаемой зоне. Поэтому с самого начала войны она понесла ощутимые потери. Только с августа по ноябрь 1941 г. в результате оккупации и эвакуации выбыли из строя 303 предприятия, изготовлявшие боеприпасы. Их месячный выпуск составлял 8,4 млн корпусов снарядов, 2,7 млн корпусов мин, 2 млн корпусов авиабомб, 7,9 млн взрывателей, 5,4 млн средств воспламенения, 5,1 млн снарядных гильз, 2,5 млн ручных гранат, 16,1 тыс. т аммиачной селитры, 7800 т пороха, 3000 т тротила[28].

13 июля 1941 г. ГКО постановил организовать в восточных районах производство бронебойных и зенитных снарядов, причем именно тех видов боеприпасов, которые были особенно необходимы воинам Красной Армии для борьбы с танками и авиацией противника. Проведение этого постановления в жизнь потребовало от советских, партийных, хозяйственных организаций огромного напряжения. Необходимо было в течение 10 дней мобилизовать и отгрузить с предприятий Москвы и Ленинграда 2800 станков для усиления мощностей предприятий Наркомата боеприпасов. Руководящие органы Москвы, Ленинграда, Киева и Одессы получили задание в двухдневный срок перебросить на уральские и сибирские заводы, изготовляющие боеприпасы, около 5 тыс. инженеров, техников, мастеров, квалифициро-

ванных рабочих по металло- и термообработке, инструментальщиков, монтажников[29]. Ответственное задание было выполнено.

И все же положение с боеприпасами было тяжелым. Накопленные ранее их запасы были израсходованы или утрачены. Войска испытывали острую нехватку артиллерийских снарядов, особенно зенитных, мин и патронов. Выпуск боеприпасов в последние месяцы 1941 г. снизился и не превышал 50—60% плана. Тогда по решению правительства к их производству до конца года было переключено 382 предприятия 34-х наркоматов и ведомств[30], а в 1942 г. — 1108 предприятий 58-ми наркоматов и ведомств[31].

Положение стало постепенно выправляться. С декабря 1941 г. выпуск боеприпасов начал заметно возрастать, и уже в июле 1942 г. предприятия наркомата произвели продукции в 1,7 раза больше, чем в июле 1941 г.[32]

В судостроительной промышленности (нарком И.И. Носенко) в соответствии с планом перестройки было законсервировано полностью производство 5 линкоров, 8 из 10 крейсеров, половина мониторов и других видов тяжелых боевых кораблей. Вместе с тем ускоренным темпом продолжались работы на кораблях с большим процентом технической готовности. К строительству боевых кораблей были привлечены заводы наркоматов морского и речного флота, рыбной и мясной промышленности и ряда других.

Рост и развитие военного производства, в свою очередь, делало необходимым расширение сырьевой и топливно-энергетической базы, прежде всего в восточных районах, где, как уже отмечалось, развертывалась основная военно-промышленная база Советского Союза.

Черная металлургия (нарком И.Ф. Тевосян), продукция которой в целом по стране из-за вражеской оккупации сократилась более чем в два раза по сравнению с 1940 г., требовала к себе особого внимания[33]. Исключительно трудные задачи встали перед металлургами Востока. Они должны были не только восполнить утраченные мощности заводов Центра и Юга, но и существенно изменить технологию производства металла, освоить в кратчайшие сроки выпуск новых марок чугуна, легированных сталей, броневого проката.

Ведущая роль в этом деле принадлежала магнитогорским металлургам. До войны броневая сталь на Урале не производилась. Чтобы удовлетворить потребности фронта в специальных сортах черных металлов, ученым и металлургам, прежде всего коллективу Магнитогорского металлургического комбината, пришлось впервые в мировой практике, к тому же в короткий срок, освоить технологию выплавки броневой стали в больших мартеновских печах. Уже в июле — августе 1941 г. 70% плана мартеновских цехов магнитогорского металлурги-

ческого комбината занимал качественный металл, а прокатные цеха более чем на 50% давали прокат качественных специальных сталей. Всего в течение лишь второго полугодия 1941 г. сталевары Магнитки сумели освоить свыше 30 марок качественной стали[34].

Наряду с выплавкой качественной стали здесь же был налажен и ее специальный прокат. За отсутствием на Урале необходимых прокатных станов для этой цели тоже впервые в истории мировой и отечественной металлургии был приспособлен блюминг. Тем самым был совершен технический переворот в прокатном деле. В октябре 1941 г. магнитогорцы увеличили выпуск броневого листа по сравнению с августом в три раза, в декабре — уже в семь раз. Металлурги Урала дали высококачественную броню для танков на полтора месяца ранее установленного правительством срока.

За короткое время на производство качественной стали и проката был переведен Кузнецкий металлургический комбинат[35]. В ходе военной перестройки на производство качественного проката были переключены и некоторые другие предприятия черной металлургии.

Если в 1940 г. качественный прокат по стране составлял 24,4% от общего количества проката, а специальный прокат — 28,3% от качественного, то в июле 1941 г. только по действующим восточным заводам Наркомата черной металлургии качественный прокат составил 36,9%, а специальный — 55,7%. В августе эти показатели достигли соответственно 42,7% и 54,3%, а в октябре — уже 70,7% и 58,3%[36]. «Это был далеко не механический процесс, — писал известный сталевар, заместитель наркома черной металлургии П.И. Коробов. — Важнейшая военно-хозяйственная задача решалась путем многочисленных исследований, путем разработки и внедрения новой технологии металлургического производства, путем настойчивой борьбы за выплавку именно тех сортов стали, которая была бы способна выдержать на танках удары вражеских снарядов, обеспечила бы производство таких снарядов, которые пробивали бы броню фашистских танков»[37]. Намеченные правительственным графиком на ноябрь 1941 — январь 1942 г. меры по увеличению мощностей металлургических заводов приравнивались к мерам особо важного оборонного значения.

В сложнейших условиях перестраивалась на военный лад советская электроэнергетическая промышленность (Наркомат электростанций в первые месяцы войны возглавлял А.И. Летков, затем с января 1942 г. — Д.Г. Жимерин, а Наркомат электропромышленности — И.Г. Кабанов). Как и другие отрасли тяжелой индустрии, уже в начале гитлеровской агрессии она понесла большие потери. Немецко-фашистские захватчики разрушили 61 крупную электростанцию, около 10 тыс. км высоковольтных линий электропередачи, вывезли

в Германию 14 тыс. паровых котлов, 1400 турбин, 11 300 электрогенераторов. По установленной мощности электростанций Советский Союз был отброшен к уровню 1935 г.

Чтобы возместить такие потери и обеспечить народное хозяйство электроэнергией, ГКО и СНК СССР были приняты срочные меры для расширения старых и строительства новых электростанций. Так, уже 9 июля 1941 г. Государственный Комитет Обороны определил первоочередные мероприятия по усилению мощностей Челябинской, Красногорской и Средне-Уральской электростанций — основных станций уральской энергосистемы. 26 сентября СНК СССР вынес постановление «О мероприятиях по строительству электростанций в г. Новосибирске и Кузбассе», в соответствии с которым предусматривалось расширение Кемеровской ГРЭС и ТЭЦ, а также сооружение линий электропередач Кемерово — Ленинск и Мундыбаш — Таштагол. 17 ноября правительство приняло постановление «Об обеспечении электроэнергией предприятий Поволжья, Урала и Сибири и плане ввода новых мощностей по каждой электростанции»[38].

В соответствии с правительственными решениями Наркомат по строительству (нарком С.З. Гинзбург) развернул в восточных регионах форсированное сооружение новых районных и заводских электростанций малой и средней мощности. Для ускорения их сооружения изыскивались пути сокращения объема и сроков строительных и монтажных работ, упрощения схем, конструкций зданий и сооружений. Вместо дефицитных материалов широко применялись местные. Однако, несмотря на ускоренный ввод в эксплуатацию новых электростанций, выработка электроэнергии в системе Наркомата электростанций СССР в декабре 1941 г. составила только 52% по сравнению с июнем. Положение обострилось ввиду перебазирования энергетического оборудования из угрожаемых районов и временным выходом из строя в связи с этим еще ряда электростанций. Кроме того, резко возросли потребности в электроэнергии в восточных районах страны, где развертывалась военная промышленность и восстанавливались эвакуированные предприятия. В течение первого полугодия 1942 г. производство электроэнергии в СССР сократилось на 5,3 млрд кВт.ч. Только во второй половине 1942 г. удалось, наконец, остановить его дальнейшее падение и обеспечить рост по сравнению с первой половиной года на 6,3%. Объем капитальных работ Наркомстроя особенно резко увеличился по наркоматам, непосредственно обслуживавшим военные нужды страны. По наркоматам обороны, Военно-Морского Флота, машиностроения он составил за шесть военных месяцев 1941 г. по отношению к первому полугодию 128%, по Наркомату вооружения — 14%, по Наркомату боеприпасов — свыше 200%[39].

Капитальные вложения во втором полугодии 1941 г. направлялись преимущественно в восточные районы страны, где были развернуты большие работы по восстановлению перемещенных предприятий. Если в первом полугодии удельный вес капитальных работ этих районов в общем объеме строительства по СССР составил около 57%, то во втором полугодии он поднялся до 80%.

Военная промышленность поглощала огромное количество цветных металлов. Поэтому уже 28 июля 1941 г. Наркомат обороны СССР получил указание направить в помощь строителям Уральского алюминиевого завода Наркомата цветной металлургии (нарком П.Ф. Ломако) 10 строительных батальонов. Это позволило почти удвоить мощность завода. Одновременно началось сооружение новых алюминиевых заводов в Свердловской области и в Кузнецке.

Ускоренными темпами возводились также в различных районах тыла 5 крупных заводов по обработке и прокату цветных металлов. Были приняты меры по усилению производственных мощностей крупнейшего в стране Балхашского медеплавильного завода в Казахстане. В октябре 1941 г. сюда было направлено из Ивановской области оборудование прокатного цеха Кольчугинского завода. На новом месте цех был превращен в завод. Через 80 дней его металлурги дали стране крайне необходимый цветной прокат[40].

Прибывшие на Северный Урал с оборудованием со своих рудников горняки Никополя взялись за знакомое им дело: добычу марганцевой руды. Сквозь тайгу, через болотные топи добирались они от конечной станции Ивдель на Урале до р. Полуночной к месторождениям марганца, в труднейших условиях доставили сюда инструмент, многочисленные тяжелые агрегаты — моторы, компрессоры, подъемные машины. В конце 1941 г. на заводы черной металлургии пошел уральский марганец, который до войны получали с Украины и Закавказья. Если в 1940 г. удельный вес восточных районов в добыче марганцевой руды составлял 8,4%, то в 1942 г., когда вступили в эксплуатацию рудники Джездинского месторождения в Казахстане, восточные районы давали 84,7% всей добычи марганцевой руды в стране.

В восточных районах СССР и особенно в Казахстане и Узбекистане быстро также развертывалась добыча вольфрамовой руды, ванадия, молибдена и других редких металлов, без которых невозможно производство легированных сталей.

Перестройка черной и цветной металлургии и расширение военного производства потребовали от предприятий Наркомата угольной промышленности (нарком В.В. Вахрушев) значительного увеличения добычи угля, прежде всего коксующегося. После временной потери Донбасса и Мосбасса резко возросла роль восточных районов страны.

В конце 1941 — начале 1942 г. в Кузбасс и Карагандинский бассейн из Донецкого бассейна была эвакуирована большая группа хозяйственных и инженерно-технических работников, опытных специалистов и два института с профессорско-преподавательским составом и студентами. Кузнецкий бассейн, где до войны добывалось только около 14% угля. стал основным поставщиком коксующегося угля и химической продукции.

Страна, фронт крайне нуждались в горючем. Между тем с началом войны положение в нефтедобывающей промышленности (нарком И.К. Седин, а с декабря 1944 г. — Н.К. Байбаков) серьезно осложнилось. Это во многом было связано с определенными просчетами довоенного времени. Требовалось, например, уделить гораздо больше внимания вопросам развития восточных нефтяных районов СССР. Во втором полугодии 1940 г. в общей добыче нефти в стране они составляли всего лишь 12,3%, а в первом полугодии 1941 г. их удельный вес не только не увеличился, а, напротив, снизился до 11,9%[41]. Поэтому наряду с форсированной добычей нефти в стране в старых промысловых районах Северного Кавказа и Азербайджана ГКО в июле 1941 г. принял постановление «О мероприятиях по развитию добычи и переработке нефти в восточных районах СССР», прежде всего в районе Второго Баку — в Поволжье и Прикамье. Здесь наряду с расширением нефтепромыслов приступили к строительству нефтеперерабатывающих заводов в Сызрани, Саратове, Уфе, Ишимбае, Орске. В Поволжье создавалась фактически заново газовая промышленность.

В трудном положении в первые военные месяцы оказался Бакинский район — один из основных поставщиков нефти. Из-за невозможности вывозить готовую продукцию Черноморским флотом на Бакинских нефтепромыслах образовались значительные запасы невывезенных нефтепродуктов и непереработанной сырой нефти, в которых так нуждались фронт и тыл (соответственно 1268 тыс. т и 790 тыс. т в конце октября и 1613 тыс. т и 573 тыс. т в конце ноября 1941 г.)[42]. Невывезенная продукция заполнила почти все местные емкости, в связи с чем ГКО был вынужден принять решение о временном сокращении с ноября для Баку среднесуточной добычи нефти.

Положение удалось поправить благодаря более эффективному использованию морского транспорта Каспия, перевалочных баз и Ашхабадской железной дороги. Военная перестройка нефтеперерабатывающей промышленности непосредственно отразилась на повышении удельного веса продукции военного назначения, а также на некотором изменении и размещении ее производства.

Наиболее характерным явилось резкое увеличение выпуска авиационных бензинов. Хотя в третьем квартале 1941 г. из-за вражеской

оккупации страна лишилась продукции Украиннефтекомбината, Одесского, Херсонского и Осипенковского крекинг-заводов, это почти не отразилось на выработке авиабензинов, масел, бензина КБ-70 и дизельного топлива, поскольку основными базами их производства в первые месяцы войны являлись Баку, Краснодар, Майкоп, Грозный, Туапсе и Батуми. Однако в четвертом квартале 1941 г. в связи с демонтажем и эвакуацией нефтеперерабатывающих заводов Майкопа, Грозного, Туапсе и Краснодара продукция нефтепереработки значительно снизилась[43].

С большими трудностями переключалась на выпуск военной продукции химическая промышленность (нарком И.Ф. Денисов, а с февраля 1942 г. — М.Г. Первухин). К концу 1941 г. в результате вражеского нашествия она потеряла свыше 50% мощностей по производству аммиака и каустической соды, 77% серной кислоты, 83% кальцинированной соды и т.д.

В связи с этим центральными и местными органами были приняты энергичные меры как по восполнению понесенных потерь, так и по расширению производственной базы химической индустрии. В ходе перестройки был, например, восстановлен Новомосковский химический комбинат по производству азотной кислоты, увеличены мощности по выпуску этой стратегической продукции на Березниковском химическом заводе, Кемеровском азотнотуковом заводе и Чирчикском электрохимическом комбинате. Вводились также новые мощности по производству каустической и кальцинированной соды, калийной селитры, олеума, газовой сажи, аммиака, органического стекла, различных красителей, средств химзащиты и других видов химической продукции. На коксохимических заводах Кузнецка, Ново-Тагильска и Магнитогорска в короткие сроки было налажено крупное производство такого важного компонента военной продукции, как толуол. Снабжение серной кислотой предприятий, изготовлявших боеприпасы, осуществлялось с Воскресенского, Щелковского и Дорогомиловского химических заводов.

Однако возместить нанесенный войной ущерб удалось не сразу. Объем производства химической промышленности в течение второго полугодия 1941 г. (хотя и с неодинаковыми темпами в ее различных отраслях) продолжал снижаться, составив в четвертом квартале лишь 44% от довоенного уровня. Постепенный подъем наступил только во втором квартале 1942 г.

Военная перестройка внесла существенные изменения в работу легкой, пищевой и текстильной промышленности (наркоматы этих отраслей промышленности соответственно возглавляли С.Г. Лукин, В.П. Зотов и И.Н. Акимов). Например, предприятия текстиль-

ной промышленности перешли на производство преимущественно тканей военных образцов, а все швейные фабрики — на пошив армейского обмундирования. Кроме того, на заводах, фабриках и комбинатах легкой, текстильной и пищевой промышленности был налажен выпуск таких видов военной продукции, как ручные гранаты, корпуса мин и снарядов, зажигательные авиабомбы, автоматы, бутылки с горючей смесью и др.

Успех всей работы по мобилизации экономики и ее переводу на военные рельсы находился в прямой зависимости от правильного использования трудовых ресурсов. Проблема кадров в условиях войны стала одной из самых острых хозяйственных проблем. Трудность ее решений усугублялась тем, что помимо мобилизации в армию большого числа рабочих и служащих значительная часть населения страны осталась на оккупированной территории; десятки тысяч рабочих были временно выключены из сферы производства из-за перебазирования промышленности. Если к концу 1940 г. в народном хозяйстве во всех отраслях было занято 31,2 млн рабочих и служащих, то к концу 1941 г. их насчитывалось лишь 18,4 млн человек.

В целях правильного и планомерного распределения и перераспределения трудовых ресурсов Совнарком СССР своим постановлением от 30 июня 1941 г. учредил при Бюро СНК СССР Комитет по распределению рабочей силы во главе с П.Г. Москатовым[44]. (Позднее Комитет стал заниматься и учетом рабочей силы, его возглавил Н.М. Шверник.)

Недостаток рабочей силы в промышленности пришлось восполнить частично за счет других отраслей народного хозяйства, а также путем увеличения рабочего дня, введением обязательных сверхурочных работ, отменой очередных и дополнительных отпусков, что позволило на ⅓ повысить загрузку оборудования. Для замены ушедших на фронт в промышленность, строительство и на транспорт добровольно влились сотни тысяч советских граждан, в первую очередь старики[45], женщины и молодежь. Существенным источником пополнения квалифицированной рабочей силы оставалась система государственных трудовых резервов.

Но указанные мероприятия, несмотря на их положительную роль, не могли полностью решить проблему воспроизводства рабочей силы. Требовалось наладить систематическую подготовку нового рабочего пополнения и переподготовку имевшихся производственных кадров. Ведь на промышленные предприятия и транспорт пришли люди, которые в своем большинстве не владели какими-либо рабочими специальностями. Так, во второй половине 1941 г. в производство влились 50 тыс. домохозяек и 360 тыс. учащихся 8—10 классов.

Подготовка кадров массовых рабочих профессий была организована на краткосрочных курсах, в стахановских школах, в системе государственных трудовых резервов, а также на самом производстве в порядке индивидуального и бригадного ученичества под руководством кадровых рабочих и мастеров.

23 июля 1941 г. постановлением СНК СССР совнаркомам союзных и автономных республик, а также исполкомам краевых и областных Советов депутатов трудящихся было предоставлено право при необходимости переводить в обязательном порядке рабочих и служащих на работу в другие предприятия независимо от их ведомственной принадлежности и территориального расположения. Это позволяло местным органам власти более оперативно маневрировать производственными кадрами в интересах войны.

Опираясь на помощь и содействие местных органов, Комитет по распределению рабочей силы при Бюро СНК СССР с июля 1941 г. по январь 1942 г. переместил с предприятий местной промышленности, общественного питания, промкооперации, коммунального хозяйства, управленческого аппарата, а также мобилизовал из числа незанятого городского и сельского населения в оборонную промышленность 120 850 человек. За то же время были направлены на угольные шахты, нефтепромыслы, электростанции, в черную и цветную металлургию, на строительство и железнодорожный транспорт 608,5 тыс. рабочих, призванных военкоматами и сформированных в строительные батальоны и рабочие колонны[46].

Для укрепления трудовой дисциплины и закрепления работников за своими предприятиями 26 декабря 1941 г. и 13 февраля 1942 г. были приняты указы Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» и «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве»[47]. Мобилизации подлежали лица, не работавшие в государственных учреждениях и на транспорте. В целях привлечения рабочей силы на выполнение сельскохозяйственных работ в наиболее напряженные периоды постановлением СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 17 апреля 1942 г. мобилизация трудоспособного населения распространялась и на сельских жителей.

Сейчас эти и другие чрезвычайные меры кому-то могут показаться чересчур суровыми и даже жестокими. Но шла война, и с таким положением приходилось считаться. Подобные решения, а также досрочный массовый выпуск учащихся из школ трудовых резервов существенно смягчили остроту проблемы кадров и во многом опре-

делили необходимые возможности для развертывания военного производства.

Осуществляя перестройку народного хозяйства и мобилизацию материальных и людских ресурсов страны, Государственный Комитет Обороны, Совнарком СССР, центральные, республиканские и местные советские, партийные и хозяйственные органы в сложных и драматических условиях добивались максимального использования возможностей не только промышленности, но и сельского хозяйства. (Наркомат земледелия СССР и Наркомат зерновых и животноводческих совхозов СССР в то время соответственно возглавляли И.А. Бенедиктов и П.П. Лобанов.)

Требовалось прежде всего в сжатые сроки убрать урожай первого военного лета и провести своевременно государственные заготовки и закупки хлеба, спасти от врага из прифронтовой полосы скот, сельскохозяйственные машины, запасы сырья и продовольствия; увеличить в восточных районах посевные площади зерновых, картофеля и овощей. Разумеется, все эти меры снижали и без того сравнительно невысокий жизненный уровень тружеников села и повышали требование работать на пределе сил и возможностей.

В связи с тем, что была мобилизована на нужды фронта часть тракторов и автомашин, при уборке урожая использовались простейшие технические средства и ручной труд. В дни первой военной уборочной страды в колхозах тыловых районов страны машинами на конной тяге и вручную было убрано 67% колосовых культур, а в совхозах — 13%[48]. В прифронтовой полосе сбор урожая часто происходил под обстрелами и налетами вражеской авиации. На большей части Украины труженики села сумели выполнить государственный план хлебозаготовок, полностью обеспечили продовольствием войска, действовавшие на территории республики. Несмотря на то что уборочные работы в 1941 г. по климатическим условиям начались позже, чем в 1940 г., в шести южных областях УССР уже на 15 июля было убрано 959 тыс. га зерновых, в то время как на это же число в 1940 г. было убрано только 415,3 тыс. га. Вывезенные с Украины хлеб и хлебопродукты составили примерно $^1/_8$ всех заготовленных в тыловых районах страны[49].

В целом справились со своими задачами колхозники и работники совхозов других прифронтовых районов. Но в создавшейся обстановке вся тяжесть решения продовольственной проблемы легла на восточные районы, где уборка первого военного урожая была проведена хуже, чем в 1940 г., особенно в Поволжье и на Урале. Основными причинами такого положения явились сильные затяжные дожди, начавшиеся во многих районах сразу же после созревания хлебов. Ощущалась также нехватка механизаторских кадров, особенно ком-

байнеров и трактористов, а также транспортных средств, уборочных машин, горюче-смазочных материалов и др. В связи с мобилизацией общая численность трактористов к августу 1941 г. при потребности 498 тыс. человек составляла 286 тыс.

Чтобы по возможности компенсировать потери сельского хозяйства и поддержать на необходимом уровне сельскохозяйственное производство, еще 20 июля 1941 г. правительство утвердило план увеличения озимого клина зерновых культур в областях Поволжья, Урала, Сибири и Казахской ССР. Было принято также решение расширить посевы зерновых культур в районах хлопководства — Узбекистане, Туркмении, Киргизии, Казахстане и Азербайджане. Продвижение на восток озимых хлебов, использование части хлопковых посевных площадей среднеазиатских республик под посевы зерновых и технических культур составляло важнейшую часть программы военной перестройки экономики, мобилизации ресурсов села на помощь фронту.

Фронт оторвал от мирного труда наиболее трудоспособную и квалифицированную часть работников села. Для возмещения убыли рабочей силы в общественное производство деревни вовлекалось все мало-мальски трудоспособное колхозное население, включая подростков и стариков. Женщины и молодежь допризывного возраста были основным резервом комплектования механизаторских кадров. Удельный вес женщин среди трактористов, комбайнеров, шоферов поднялся с 7,8% в 1940 г. до 36—42% в 1942 г., в отдельных областях этот процент был еще выше. Так, в Молотовской области процент трактористок возрос с 9% в 1940 г. до 75% в 1942 г.[50]

Активно вовлекались в производство подростки. Если в 1940 г. в тыловых районах работали 4,4 млн подростков и престарелых, то в 1942 г. их число достигло 6,1 млн. Дополнительную рабочую силу, особенно во время уборки урожая, деревня получала за счет временной мобилизации трудоспособного населения городов и сельских местностей, не занятых в колхозном производстве.

В итоге всех усилий к концу 1941 г. в закрома государства поступило свыше 1 млрд пудов зерна. В тех труднейших условиях это было несомненным достижением работников сельского хозяйства, их заметным вкладом в дело мобилизации экономических ресурсов страны.

Трудности первых недель и месяцев войны наложили свой отпечаток на все отрасли народного хозяйства, в том числе и на транспорт. Приспосабливать транспортные перевозки к возраставшим потребностям фронта и тыла и особенностям военно-экономической мобилизации приходилось в исключительно тяжелых условиях. Враг сразу же сделал попытку перерезать и парализовать транспортные

артерии страны, с особым ожесточением бомбардируя мосты, переправы, пристани и железнодорожные коммуникации.

Перестройка работы железных дорог (нарком путей сообщения Л.М. Каганович, с марта 1942 г. — А.В. Хрулев, с февраля 1943 г. — Л.М. Каганович и с декабря 1944 г. — И.В. Ковалев) началась с перевода движения поездов на особый воинский график 1941 г. — литер «А», который был введен приказом НКПС от 23 июня 1941 г. с 18 час. 24 июня взамен имевшегося в распоряжении воинского графика 1938 г. Введение воинского графика обеспечивало первоочередной и скорейший пропуск воинских эшелонов и грузов.

Одновременно были осуществлены и другие мероприятия, предусмотренные мобилизационным планом, в частности открылись находившиеся на консервации промежуточные станции и разъезды, обходные линии, дополнительные пути, водокачки, устройства локомотивного и вагонного хозяйства, места погрузки и выгрузки. Принимались меры к увеличению пропускной способности важнейших узлов восточных районов (Челябинского, Свердловского, Тагильского, Новосибирского, Кировского), развертывалось строительство ряда дорог в восточных и северных районах. Значительная часть подвижного состава переоборудовалась для перевозок воинских частей, боевой техники, боеприпасов, раненых и т.п. На фронтах учреждались должности уполномоченных НКПС, наделенных широкими правами.

Уже в течение первой недели войны железные дороги СССР выполнили такой объем перевозок, на который дореволюционной России в начале Первой мировой войны потребовалось два с половиной месяца[51]. Всего за летне-осенний период 1941 г. для развертывания и сосредоточения советских вооруженных сил из внутренних военных округов в пункты сосредоточения войск были доставлены главным образом железнодорожным транспортом 291 стрелковая дивизия, 94 стрелковые бригады и свыше 2 млн человек маршевых пополнений[52]. За первые 40 дней войны по железным дорогам были перевезены на фронт 2,5 млн человек. Под воинские перевозки с начала военных действий по декабрь 1941 г. потребовалось 2,4 млн вагонов[53].

Выполнение оперативных заданий по воинским перевозкам уже в первые месяцы войны заметно отразилось на снижении общего объема народнохозяйственных перевозок. Повысился лишь удельный вес основных хозяйственных грузов оборонного значения: с 57% в июне до 65% в июле и 70% в августе 1941 г. Перевозки же остальных хозяйственных грузов, включая товары широкого потребления, уменьшились с 46 тыс. вагонов в июне до 22 тыс. в июле и 18,9 тыс. в августе[54].

Осуществление максимально быстрой переброски войск на фронт, при одновременно проводимых народнохозяйственных перевозках и эвакуации людей и предприятий в тыл, потребовало от железнодорожников высокой организованности, дисциплины и самоотверженности в работе. Подвергаясь постоянным атакам с воздуха, машинисты и поездные бригады героически водили эшелоны с войсками и вооружением на фронт, вывозили отсюда раненых и другие грузы. Чтобы ослабить напряженность движения на линиях и ускорить пропуск воинских поездов, на дорогах стали применяться методы «живой блокировки». По пути следования устанавливались посты, помогавшие следить за движением каждого поезда. Иногда поезда продвигались «караванами» — с небольшими интервалами, меньше тех, которые допускались техническими правилами. Но цель достигалась, и пропускная способность увеличивалась иногда в 2—3 раза.

Трудности и потери на железнодорожном транспорте были велики. Достаточно отметить, что к ноябрю 1941 г. в результате вражеской оккупации длина железнодорожного пути СССР сократилась на 41%. Все это тяжело отразилось на эксплуатационной деятельности железных дорог. Так, во втором полугодии 1941 г. было перевезено народнохозяйственных грузов на 134,9 млн т меньше, чем в первом полугодии[55]. Однако железнодорожный транспорт выдержал самое большое испытание военных лет. Важную роль сыграли меры, принятые ГКО в первые месяцы 1942 г., по созданию устойчивости в работе железных дорог, в том числе учреждение 14 февраля при Государственном Комитете Обороны специального органа, координирующего все перевозки, — Транспортного комитета под председательством И.В. Сталина.

В первые месяцы войны на обслуживание первоочередных нужд фронта были мобилизованы и другие виды отечественного транспорта. Огромные трудности выпали на долю речников Днепро-Двинского, Северо-Западного и Волжского бассейнов (нарком речного флота СССР З.А. Шашков). Только благодаря героическим усилиям речников удалось в невиданно короткий срок организовать 46 переправ по среднему и нижнему течению Днепра и на Десне.

Весь флот Неманского пароходства работал по заданиям военного командования. По мере продвижения вражеских войск на Восток речной флот отводился на Днепр. После оставления Красной Армией левого берега Днепра флот был затоплен.

Морской транспортный флот (нарком морского флота С.С. Дукельский, а с февраля 1942 г. П.П. Ширшов) на Черном море и северных морях так же, как и речной флот в западных областях, был поставлен целиком на службу фронту и действовал главным образом по заданиям военного командования. Моряки своей самоотвер-

женной работой внесли значительный вклад в оборону Ленинграда, Одессы, Севастополя и Мурманска.

Автомобильный транспорт, удельный вес которого в грузообороте страны в 1940 г. составлял всего лишь 1,8%, во время войны приобрел исключительно важное значение при обслуживании ближайших направлений от тыла к фронту, а также для доставки в тыл эвакуированного населения, сырья, продовольствия и материалов. Только автомобильным транспортом Ленинградского фронта через Ладожскую ледовую трассу с 24 ноября 1941 г. по 21 апреля 1942 г. было перевезено 354 200 т грузов. За это же время по той же трассе удалось вывезти в тыл 514 069 человек[56].

На базе автомобильных парков городских и промышленных хозяйств в первых числах ноября 1941 г. по решению ГКО были созданы автоколонны в Москве, Ярославле, Горьком, Рязани, Туле, Воронеже, Ростове-на-Дону, Сталинграде. Эти колонны, находившиеся в распоряжении облисполкомов, перевозили эвакуированные грузы и население, доставляли сырье и материалы для промышленных предприятий, продовольствие для населения городов.

Общий объем перевозок воздушного транспорта Главного управления гражданского воздушного флота (ГУГВФ) за шесть месяцев 1941 г. и первую половину 1942 г. составил 15,9 млн тонно-км. За это же время было перевезено, в том числе фронтовыми авиаподразделениями ГУГВФ, 572 тыс. пассажиров[57].

Развитие производственной инициативы транспортников, массовый трудовой героизм железнодорожников, речников, моряков, коллективов автомобильного транспорта и гражданского воздушного флота в значительной мере помогли им в первые месяцы войны осуществить огромный по тому времени объем перевозок.

К числу мер, ставших важнейшей частью военной перестройки народного хозяйства, явилась начатая с самого начала войны эвакуация основных кадров, материальных и культурных ценностей, сырья и оборудования промышленных предприятий из угрожаемых районов Советского Союза на Восток. Это была вынужденная, но весьма необходимая производственная операция, вызванная крайне неблагоприятной обстановкой, которая сложилась на фронте с первых дней фашисткой агрессии.

Из угрожаемых районов различными видами транспорта в 1941—1942 гг. удалось эвакуировать миллионные массы людей, тысячи предприятий, сотни тысяч тонн сырья, топлива, громадные ресурсы сельского хозяйства и другие материальные и культурные ценности. Ничего подобного мировая история еще не знала. Известный в военные годы американский журналист Л. Сульцбергер в статье, опуб-

ликованной 20 июля 1942 г. в журнале «Лайф», назвал эвакуацию, проводимую в СССР, поистине легендарной. «Этот осуществляемый в гигантских масштабах перевод промышленности на восток, — говорилось в статье, — одна из величайших саг в истории».

Высокую оценку осуществленному в СССР перебазированию производительных сил дал в своей книге «Россия в войне, 1941—1945» английский публицист А. Верт. «Эвакуацию промышленности во второй половине 1941 и начале 1942 г. и ее “расселение” на востоке, — писал он, — следует отнести к числу самых поразительных организаторских и человеческих подвигов Советского Союза во время войны»[58].

В дни эвакуации советская экономика переживала самые большие трудности за все время войны. Предприятия, составлявшие более трети общей производительной мощности важнейших отраслей промышленности, вследствие вражеского нашествия и вынужденной эвакуации временно прекратили выпуск продукции. Все это привело к значительному падению общего объема промышленного производства. Валовая продукция промышленности с июня по ноябрь 1941 г. уменьшилась в 2,1 раза. При этом выпуск проката черных металлов — основы военной индустрии — к концу года против июня 1941 г. уменьшился в 3,1 раза, выпуск проката цветных металлов, без которого невозможно военное производство, за тот же период сократился в 430 раз, а изготовление шарикоподшипников, без которых нельзя выпускать самолеты, танки, артиллерию, — в 21 раз. Казалось, наступает полный паралич советской экономической системы. Однако в результате поистине героических усилий тружеников тыла, а также принятых ГКО и правительством конкретных действенных мер в декабре 1941 г. падение промышленного производства прекратилось, а с марта 1942 г. начался его рост.

Вопросы размещения и восстановления эвакуированных фабрик и заводов, благоустройства прибывавших рабочих, служащих и членов их семей находились в центре внимания партийных и советских органов восточных районов. Часто не было готовых фабрично-заводских корпусов, не хватало жилищ, топлива, электроэнергии. Но советские люди мужественно преодолевали эти трудности, работая нередко под дождем или в ледяную стужу по 13—14 часов. В невиданно короткие сроки, в среднем за 1,5—2 месяца, эвакуированные предприятия вступали в строй и вновь давали продукцию, столь необходимую фронту.

Вот что говорилось, например, в одном из отчетных документов по Новосибирской области: «Осень 1941 года. В нашу сторону двинулось множество эшелонов с людьми эвакуированных заводов, которые везли с собой ценнейшее заводское оборудование, чтобы спасти его от немецких захватчиков, заставить его снова работать на оборо-

ну, на победу. В область прибывали эшелоны из Москвы, Харькова, Ленинграда, Киева и других городов. ...Нужно было немедленно разгрузить эти эшелоны, снять оборудование, установить его часто совсем на новых местах, но чаще — влить в цехи уже работавших заводов. Был мобилизован весь комсомол, вся молодежь области, чтобы как можно быстрее заставить это ценное оборудование работать на победу. После 12-часовой работы приходилось ночами трудиться на разгрузке эшелонов. Комсомольские бригады, невзирая на суровые сибирские морозы, на темные ночи, на свою усталость, шли и работали: расчищали заводские площадки, рыли котлованы там, где нужно было возводить новые заводские корпуса... Комсомольцы строили железнодорожные ветки к новостройкам, а следом уже шли составы, груженные оборудованием и материалом для работы, а через несколько недель завод выдавал готовую боевую продукцию»[59].

Благодаря преимуществам плановой системы хозяйства, умелой организаторской деятельности партийных и советских органов, самоотверженным усилиям советских людей, эта грандиозная производственная операция, равная по своей значимости, по словам маршала Г.К. Жукова, «величайшим битвам Второй мировой войны», была успешно осуществлена. Фактически в глубокий тыл была перемещена целая индустриальная страна. Для этого потребовалось только в 1941 г. 1,5 млн вагонов. Построенные в одну линию, они заняли бы путь от западной части Франции до Тихого океана.

Решение столь грандиозной военно-хозяйственной задачи во многом предопределило ускоренное развертывание на востоке СССР мощной военно-промышленной базы. Уже в марте 1942 г. восточные районы дали столько военной продукции, сколько выпускали до войны предприятия всего Советского Союза[60]. В первой половине 1942 г. здесь было введено в действие более 1200 крупных предприятий. За это же время советская военная промышленность сумела не только восстановить потерянные в начале войны производственные мощности, но и значительно превзойти их.

Неизмеримо возросло значение Урала, ставшего становым хребтом оборонной промышленности страны. Вскоре уральская промышленность стала производить до 40% всей военной продукции, в том числе 60% средних и 100% тяжелых танков. Каждый второй снаряд, выпущенный по врагу, делался из уральской стали[61]. «Вновь созданная по ту сторону Урала или перебазированная туда военная промышленность работала на полную мощность и позволяла обеспечить армию достаточным количеством артиллерии, танков и боеприпасов», — вынужден был отметить в своей книге бывший гитлеровский генерал К. Типпельскирх[62].

За первую половину 1942 г. по сравнению со вторым полугодием 1941 г. производство танков в стране возросло в 2,3 раза, полевой артиллерии — в 2, противотанковой артиллерии — в 4, минометов — в 3, пистолетов-пулеметов и противотанковых ружей — в 6 раз. Рост военного производства важнейших видов боевой техники продолжался в течение всего первого полугодия 1942 г. Так, по сравнению с первым кварталом во втором квартале 1942 г. он был в 2,8 раза выше, чем в ноябре 1941 г.[63] Это позволило советскому командованию начать формирование крупных танковых соединений.

Сочетание жесткого централизованного руководства с местным почином и местной инициативой позволило в значительной мере не только смягчить хозяйственные трудности первого года войны, но и найти пути, необходимые для их преодоления и решения практических задач по созданию военного хозяйства страны. В мае 1942 г. по инициативе передовых предприятий во всех отраслях народного хозяйства СССР развернулось Всесоюзное социалистическое соревнование, направленное на усиление помощи Красной Армии. В нем проявилось единое стремление тружеников тыла сделать как можно больше для фронта.

Движение многостаночников и скоростников, за совмещение профессий, двухсотников, трехсотников и даже тысячников (т.е. выполнявших нормы на 200%, 300%, 1000%), комсомольско-молодежных и фронтовых бригад — таков далеко неполный перечень массовых проявлений в дни войны трудовых инициатив советскими рабочими. Лучшие из них — люди разных национальностей: сталевары Нурулла Базетов, Ибрагим Валеев, Александр Чалков, Ольга Ковалева, фрезеровщик Дмитрий Босый, машиностроители Михаил Попов, Василий Шубин, Павел Спехов, машинисты Николай Лунин, Василий Болонин, бурильщики Алексей Семиволос, Илларион Янкин, станочница Екатерина Барышникова, первая в стране женщина-горновой Фелисата Шарунова и многие другие увлекали за собой на высокопроизводительный труд, в сражение за металл, за уголь и нефть сотни тысяч бойцов трудового фронта.

Чего добивались эти героические труженики советского тыла, можно судить хотя бы по такому факту. Сталевар Кузнецкого металлургического завода А.Я. Чалков освоил способ варки специальной стали в обычных мартеновских печах. Только за первые два года войны он выпустил столько сверхплановой стали, сколько требовалось для изготовления 24 тяжелых танков, 36 пушек, 15 тыс. минометов, 100 тыс. гранат и 18 тыс. автоматов. У него появились тысячи последователей[64]. По этому поводу известный английский экономист Морис Добб в своей книге «Советское планирование и труд в мирный и военный

период»[65], выпущенной во время войны, писал: «Величайшую ошибку совершит тот, кто займется техническим аспектом планирования и станет рассматривать советскую хозяйственную систему только в свете согласования и руководства, игнорируя демократический элемент в ней, выражающийся в активном участии и самодеятельности масс».

Перестроенная к середине 1942 г. на военный лад, целиком подчиненная интересам фронта, задаче скорейшего разгрома врага, советская экономика создавала необходимые предпосылки для обеспечения материально-технического преимущества над силами гитлеровской военной машины. И хотя в 1942 г. соотношение экономических ресурсов было еще весьма значительным в пользу противника, опиравшегося на потенциал почти всей Европы, организованное в СССР к концу года быстро растущее военное хозяйство стало давать военной продукции больше, чем промышленность фашистского рейха. Всего в течение года Советский Союз произвел больше танков на 18 257, самолетов — на 10 736, полевых и зенитных орудий (от 75-мм и выше) — на 34 793[66].

Советская экономика с максимальной эффективностью использовала каждую тонну металла и топлива, каждую единицу станочного оборудования. Этого удалось добиться путем четкого планирования, эффективного использования основных фондов, рабочей силы, внедрения в производство передовых методов труда, прогрессивной технологии, более совершенной организации производства. Советский тыл выпустил в следующем, 1943 г. самолетов почти на 10 тыс. больше, чем Германия, в два с лишним раза больше танков и самоходно-артиллерийских установок, орудий и минометов. И это в условиях, когда фашистский рейх произвел в 1943 г. больше, чем СССР, электроэнергии на 11,8 млрд кВт·ч, чугуна — на 21,4 млн т, стали — на 26,1 млн т[67]. Продолжая располагать меньшей промышленной базой, Советский Союз сумел значительно превзойти противника по выпуску вооружения. Успехи в развитии военного хозяйства СССР позволили осуществить перевооружение Красной Армии новейшей техникой и добиться не только существенного количественного, но и качественного превосходства над врагом в боевой технике, вооружении, боеприпасах.

Трудно измерить все величие жертвенного подвига, совершенного в годы войны колхозным крестьянством. В условиях резкого сокращения материально-технической и ремонтной базы, острой нехватки рабочей силы и горючего труженики села напрягали все силы для обеспечения армии и населения продовольствием, а промышленность — сырьем. Ведь от того, как накормлены, одеты и обуты советские воины, как снабжаются продовольствием труженики тыла, в значительной мере зависел исход вооруженной борьбы с фашизмом.

Во всех колхозах и совхозах возникло патриотическое движение за досрочную сдачу хлеба и других сельскохозяйственных продуктов. В ходе войны по примеру рабочего класса на селе развернулось Всесоюзное социалистическое соревнование комбайнеров, трактористов, животноводов, полеводческих бригад и звеньев. Вся страна узнала о выдающихся достижениях трактористок сестер Ангелиных, Прасковьи Ковардак, комбайнера Александра Оськина, хлеборобов Чаганяка Берсиева и Терентия Мальцева, хлопкоробов Хамракула Турсункулова и Зинаиды Муталовой и многих других передовиков производства.

Даже в 1943 г., когда к огромным трудностям, вызванным войной, прибавилась сильная засуха, работники сельского хозяйства, как было отмечено в одном из правительственных документов, обеспечили «без серьезных перебоев снабжение Красной Армии и населения продовольствием, а промышленность сырьем». Всего за 1941—1944 гг., несмотря на временную потерю важных сельскохозяйственных районов, страна заготовила 4312 млн пудов зерна, что в три раза больше, чем заготовила дореволюционная Россия в Первую мировую войну, и 5048 тыс. т мяса.

Бок о бок с рабочими и колхозниками самоотверженно трудилась в тылу советская интеллигенция. Работы ученых позволили получить дополнительно уголь, нефть, железо, марганец, вольфрам, алюминий, медь и другие виды сырья. Важнейшими направлениями деятельности конструкторов, инженеров и техников была разработка новых и модернизация старых видов техники, повышение эффективности военной промышленности. «Все годы, — вспоминал впоследствии известный советский конструктор танков Ж.Я. Котин, — шло состязание конструкторских умов воюющих сторон. Германия трижды меняла конструкцию своих танков. Однако гитлеровцам так и не удалось достигнуть боевой мощи советских танков, созданных и модернизированных учеными и конструкторами А. Морозовым, М. Кошкиным, Л. Трояновым, Н. Духовым, А. Ермолаевым, М. Балжи, В. Торотько, Н. Шашмуриным, Л. Сычевым и многими другими. Творческая мысль наших конструкторов все время обгоняла фашистскую»[68].

Если в начале войны советские истребители и бомбардировщики, за исключением новых типов, по тактико-техническим данным несколько уступали вражеским, то к 1943 г. большинство типов советских самолетов превосходило их. В том году на вооружение советских ВВС поступил модернизированный пикирующий бомбардировщик ПЕ-2, значительно превосходивший однотипные германские бомбардировщики «Юнкерс-88» и «Хейнкель-111». Штурмовик ИЛ-2, прозванный «летающим танком», не знал себе равного в мировой практике самолетостроения. Всего в ходе войны в серийное производство поступили 25 новых моде-

лей самолетов и 23 типа авиационных моторов[69]. Большая заслуга в этом принадлежала талантливым авиаконструкторам и командирам производства А.А. Архангельскому, М.И. Гуревичу, С.В. Ильюшину, В.Я. Климову, С.А. Лавочкину, А.И. Микояну, А.А. Микулину, В.М. Петлякову, А.Н. Туполеву, А.С. Яковлеву и другим.

Благодаря достижениям видных конструкторов В.Г. Грабина, И.И. Иванова, Ф.Ф. Петрова и других был налажен серийный выпуск новых образцов артиллерии. Советские орудия по качеству в своем большинстве также превосходили немецкие. Многозарядные реактивные боевые установки БМ-8, БМ-13, БМ-31-13 наводили страх и панику в войсках противника. В исключительно сжатые сроки было освоено производство высококачественного вооружения, боеприпасов и другой военной продукции.

В первых рядах воюющего народа находились и представители творческой интеллигенции и народного образования, помогавшие партии вдохновлять советских людей на героические дела на фронте и в тылу.

Поистине массовый всенародный характер приняли в военные годы патриотические движения за создание Фонда обороны, за сбор средств на вооружение Красной Армии, а также сбор средств и теплых вещей советским воинам. За четыре года войны только добровольные взносы от советских граждан в Фонд обороны на строительство боевой техники выразились в сумме 118,2 млрд руб., что равнялось почти среднему расходу на наркоматы обороны и Военно-Морского Флота.

Ведя в 1941—1945 гг. тяжелую борьбу с фашистским блоком, СССР нашел в себе силы и для того, чтобы одновременно развернуть широкие восстановительные работы. «В мировой истории, — подчеркивала “Правда” 23 августа 1944 г., — не было государства, которое могло бы сочетать ведение войны с осуществлением грандиозного плана строительства, быстрейшего восстановления разоренных врагом районов. Только могучее Советское государство с волевым, неутомимым, закаленным народом смогло приступить к ликвидации последствий войны в военное время».

Широкая конкретная программа возрождения экономики и культуры содержалась в правительственном постановлении от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Возрождение из руин освобожденных районов, оказание помощи их населению стало важнейшей государственной задачей. В 12 союзных и автономных республиках стали действовать специальные шефские комитеты, которые провели большую организационную работу. Так, трудящиеся Казахской ССР шефствовали над 10 городами и 35 районами Орловской, 12 районами Ленинградской, тремя районами Сталинградской и од-

ним районом Калининской областей. Они оказывали также помощь Украине, Белоруссии, Молдавии и республикам Прибалтики.

На возрождение народного хозяйства выделялись значительные средства. В освобожденные районы непрерывным потоком шли эшелоны с людьми, материалами, оборудованием, продовольствием, сельскохозяйственным инвентарем, семенами и т.д.

Сразу же после изгнания врага большие восстановительные работы развернулись в Донецком угольном бассейне. Преодолевая немалые трудности и лишения, советские люди упорно и настойчиво возрождали к жизни главную кочегарку страны. О громадном объеме проделанной здесь работы свидетельствует хотя бы тот факт, что за время восстановления Донецкого бассейна из затопленных гитлеровцами шахт было выкачено 700 млн кубометров воды, которой хватило бы для того, чтобы наполнить озеро площадью 140 кв. км и глубиной 5 м. К началу 1945 г. уголь уже добывался здесь на трех шахтах из каждых четырех, действовавших до войны. К концу войны Донбасс вновь занял первое место в стране по добыче угля.

В 1944 г. капитальные вложения, направленные на возрождение освобожденных районов, составили более 40% капитальных вложений во всенародное хозяйство СССР. О том, какими темпами осуществлялись восстановительные работы, можно судить и по таким фактам. 629 дней гитлеровцы потратили на то, чтобы получить первую небольшую плавку стали на Днепродзержинском металлургическом комбинате. Но и эта плавка оказалась низкого качества. А советские сталевары уже на 26-й день после начала восстановления Днепродзержинска рапортовали стране о выплавке высококачественного металла[70].

Уже к концу войны в очищенных от врага районах вступила в действие примерно $^1/_3$ довоенного промышленного производства, в том числе 7,5 тыс. крупных возрожденных объектов индустрии. На долю предприятий освобожденных областей к этому времени приходилась пятая часть всей промышленной продукции, выпускавшейся в стране[71].

Имея по сравнению с Германией в начале войны втрое меньше металла и вчетверо меньше угля, Советский Союз добился среднегодового производства больше, чем Германия: самолетов — в 2 раза, танков — почти в 2, орудий — в 4, снарядов, бомб и мин — почти в 1,5 раза[72].

Оценивая соотношение военно-экономических возможностей СССР и Германии, американский публицист М. Вернер еще в 1943 г. писал: «Все имеющиеся ресурсы русских были больше сконцентрированы на военных усилиях и были использованы в большей степени, нежели немецкие. Однако в России из каждой тысячи тонн стали на производство вооружения использовалось большее количество металла, чем в Германии. В Германии было больше машин. Однако в

Советском Союзе значительная часть всех имеющихся станков производила военные материалы. Вот почему оказалось возможной драматическая борьба Магнитогорска с предприятиями европейского континента, находящегося под господством Гитлера»[73].

Всего за годы войны в СССР было произведено 482 тыс. артиллерийских орудий, около 352 тыс. минометов, свыше 100 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок, более 112 тыс. боевых самолетов[74]. За это же время из США и Англии по ленд-лизу было получено 9600 артиллерийских орудий, 11 576 танков и самоходных орудий, 18 753 самолета[75]. В СССР не перечеркивалось значение экономической помощи США и Великобритании, хотя нет никаких оснований в какой-то мере и преувеличивать ее роль. Достаточно указать, что общий объем англо-американских поставок по отношению к советскому производству составил за время войны лишь 4% и не превышал по самолетам 13%, по танкам 7%, зенитным орудиям около 2%. К тому же, к сожалению, далеко не вся техника доставлялась союзниками в те сроки, когда СССР испытывал наиболее острую в ней потребность. «Советский Союз пользуется вооружением со своих собственных заводов», — заявил 20 мая 1944 г. в американском конгрессе президент США Ф. Рузвельт[76]. Наш народ по праву гордится тем, что фашистские полчища были остановлены и разгромлены отечественным оружием, созданным руками доблестных тружеников тыла, которые достойно выполнили свой гражданский, патриотический долг. Как писала в суровые дни лета 1942 г. газета «Правда», «из поколения в поколение будет передаваться слава как о тех, кто в годину грозных испытаний защищал Советскую Родину с оружием в руках, так и о тех, кто ковал это оружие, кто строил танки и самолеты, кто варил сталь для снарядов, кто своими трудовыми подвигами был достоин воинской доблести бойцов. Наши дети и внуки с благоговением будут вспоминать о героях труда наших дней, как о героях великой освободительной отечественной войны»[77].

[1] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945. — М., 1960. — Т. 1. — С. 409.
[2] История Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1970. — Т. 5, кн. 1. — С. 58.
[3] *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. — [М.], 1947. — С. 26.
[4] Коммунист. — 1967. — № 1. — С. 23.
[5] Там же. — 1982. — № 10. — С. 84—85.
[6] Социалистическое народное хозяйство СССР в 1933—1940 гг. — М., 1963. — С. 531.
[7] Страна Советов за 50 лет: сб. стат. материалов. — М., 1967. — С. 119.
[8] История второй мировой войны, 1939—1945. — М., 1974. — Т. 3. — С. 386.
[9] СССР в борьбе против фашистской агрессии, 1933—1945. — М., 1976. — С. 256.

[10] Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. — М., 1985. — С. 81.
[11] История второй мировой войны, 1939—1945. — Т. 3. — С. 283.
[12] *Вознесенский Н.* Указ. соч. — С. 171.
[13] Научный архив Института российской истории РАН. Документы и материалы. — Инв. № 148. — Л. 82.
[14] Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.). — М., 1988. — С. 85.
[15] *Вознесенский Н.* Указ. соч. — С. 38.
[16] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. — М., 1968. — Т. 3: 1941—1952 годы. — С. 44—48.
[17] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945. — М., 1961. — Т. 2. — С. 142.
[18] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 4372. — Оп. 923. — Д. 28. — Л. 1, 88.
[19] История второй мировой войны, 1939—1945. — М., 1975. — Т. 4. — С. 149.
[20] Поступавшие на фронт танки Т-34 уже в первые месяцы войны продемонстрировали свое тактико-техническое превосходство над германскими боевыми машинами Т-IV, которые были более уязвимыми в отношении брони, имели короткоствольное орудие и обладали меньшей маневренностью. Желание выпускать точно такие же танки, по свидетельству танкового стратега вермахта генерала Г. Гудериана, не встретило поддержки у немецких конструкторов. Их смущало не отвращение к подражанию, а невозможность производства с требуемой быстротой важнейших деталей Т-34, особенно дизельного двигателя; уступала и германская сталь.
[21] Оружие победы, 1941—1945. — М., 1985. — С. 154; История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945. — Т. 2. — С. 161.
[22] История второй мировой войны, 1939—1945. — Т. 4. — С. 158.
[23] Там же. М., 1975. — Т. 5. — С. 48; *Фойхтер Г.* История воздушной войны в ее прошлом, настоящем и будущем. — М., 1956. — С. 164.
[24] *Фойхтер Г.* Указ. соч. — С. 164.
[25] История второй мировой войны, 1939—1945. — Т. 4. — С. 150.
[26] Там же. — С. 150—151, 158.
[27] Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны ... — С. 119.
[28] *Вознесенский Н.* Указ. соч. — С. 42.
[29] История второй мировой войны, 1939—1945. — Т. 4. — С. 151.
[30] Советский тыл в Великой Отечественной войне. — М., 1974. — Кн. 2. — С. 123.
[31] *Колесник А.Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны: проблемы тыла и всенародной помощи фронту. — М., 1982. — С. 69.
[32] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941—1945. — Т. 2. — С. 498.
[33] В результате вражеского нашествия и эвакуации черная металлургия СССР временно лишилась в 1941 г. 124 коксовых батарей общим объемом 64 589 куб. м, 61 доменной печи общим объемом 42 285 куб. м, 204 мартеновских печей с общей площадью пода 5809 кв. м, 16 больших конвертеров, 150 прокатных станов, 14 трубопрокатных станов и др. (РГАЭ. — Ф. 4372. — Оп. 93. — Д. 31. — Л. 191).
[34] *Митрофанова А.В.* Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. — М., 1971. — С. 112; История второй мировой войны, 1939—1945. — Т. 4. — С. 14.
[35] РГАЭ. — Ф. 4372. — Оп. 93. — Д. 31. — Л. 186.
[36] Там же. — Л. 187.
[37] *Кравченко Г.С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). — 2-е перераб. и доп. изд. — М., 1970. — С. 109, 144; Великая Отечественная война, 1941—1945: энциклопедия. — М., 1985. — С. 817.
[38] РГАЭ. — Ф. 4372. — Оп. 93. — Д. 32. — Л. 120.

[39] История второй мировой войны, 1939—1945. — Т. 4. — С. 154.
[40] РГАЭ. — Ф. 4372. — Оп. 93. — Д. 31. — Л. 183.
[41] Там же.
[42] Там же. — Л. 178—179.
[43] История второй мировой войны, 1939—1945. — Т. 4. — С. 136.
[44] Там же. — С. 144.
[45] 28 июля 1941 г. СНК СССР принял постановление «О сохранении пенсий за пенсионерами, вернувшимися на производство». Пенсия сохранялась за весь период войны независимо от размера заработка пенсионеров на предприятиях. Это позволило привлечь значительное число пенсионеров на производство.
[46] См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. — Т. 3. — С. 64.
[47] История СССР с древнейших времен до наших дней. — М., 1973. — Т. 10. — С. 81.
[48] Экономика Советской Украины. — 1965. — № 4. — С. 17.
[49] РГАЭ. — Ф. 4372. — Оп. 93. — Д. 32. — Л. 79.
[50] Там же. — Л. 72.
[51] *Ковалев И.В.* Транспорт в Великой Отечественной войне (1941—1945 гг.). — М., 1981. — С. 45.
[52] Военные сообщения за 50 лет. — М., 1967. — С. 46.
[53] Тыл Советской Армии. — М., 1968. — С. 122.
[54] РГАЭ. — Ф. 4372. — Оп. 93. — Д. 28. — Л. 8.
[55] *Вознесенский Н.* Указ. соч. — С. 42; Архив Института военной истории МО РФ (Архив ИВИ). Документы и материалы. — Инв. № 819. — Л. 389.
[56] Центральный архив Министерства обороны РФ. — Ф. 41. — Оп. 27014. — Д. 3. — Л. 4—5.
[57] Архив ИВИ. Документы и материалы. — Инв. № 819. — Л. 406.
[58] *Верт А.* Россия в войне, 1941—1945: пер. с англ. — М., 1967. — С. 144.
[59] *Куманев Г.А.* Трудовой подвиг комсомола в Великой Отечественной войне. — М., 1975. — С. 16.
[60] *Вознесенский Н.* Указ. соч. — С. 43.
[61] Вторая мировая война: общие проблемы. — М., 1966. — С. 109; *Вознесенский Н.* Указ. соч. — С. 50, 70.
[62] *Типпельскирх К.* История мировой войны: пер. с нем. — М., 1956. — С. 256.
[63] История второй мировой войны, 1939—1945. — Т. 4. — С. 158.
[64] *Куманев Г.А.* Указ. соч. — С. 25.
[65] См.: *Dobb M.* Soviet planning and labour in peace and war: four studies. — London: G. Routledge & Sons, [1942]. — 126 p. — Переизд.: New York: International publishers, [1943]. — 124 p.
[66] История второй мировой войны, 1939—1945. — М., 1976. — Т. 6. — С. 342.
[67] Вторая мировая война: краткая история. — М., 1984. — С. 297.
[68] Правда. — 1975. — 15 февр.
[69] История Коммунистической партии Советского Союза. — Т. 5, кн. 1. — С. 459.
[70] Шаги пятилеток: развитие экономики. — М., 1968. — С. 124.
[71] Советский тыл в Великой Отечественной войне. — М., 1974. — Кн. 1. — С. 114—115.
[72] Краткая история СССР. — М., 1983. — Ч. 2. — С. 420.
[73] *Werner Max.* Attack can win in 43. — Boston, 1943. — P. 24—25.
[74] История второй мировой войны, 1939—1945. — М., 1982. — Т. 12. — С. 160—161.
[75] Краткая история СССР. — Ч. 2. — С. 420.
[76] Там же.
[77] Правда. — 1942. — 8 июня.

О.Е. Ащеулов

ОЦЕНКА РОЛИ АРТИЛЛЕРИИ КРАСНОЙ АРМИИ УЧАСТНИКАМИ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ

В настоящей статье предпринята попытка освещения действий и роли артиллерии Красной Армии в период контрнаступления советских войск в Сталинградской битве глазами участников данных событий. Прежде всего, основное внимание уделено воспоминаниям артиллеристов — участников Сталинградской битвы: начальника артиллерии РККА Н.Н. Воронова, начальника артиллерии Донского фронта генерал-лейтенанта В.И. Казакова, начальника Главного артиллерийского управления Н.Д. Яковлева и др. Кроме того, необходимые для раскрытия темы статьи сведения содержатся в воспоминаниях известных военачальников других родов войск: командующего Донским фронтом генерала-лейтенанта К.К. Рокоссовского и командующего Сталинградским фронтом генерал-полковника А.И. Еременко, командующего знаменитой 62-й армией генерала-лейтенанта В.И. Чуйкова и др. Оценка действий артиллерии РККА в контрнаступлении под Сталинградом приводится также с немецкой стороны. В заключение дается сравнительная оценка артиллерийской подготовки Красной Армии 19 ноября 1942 г. и 10 января 1943 г.
Ключевые слова: Великая Отечественная война; Сталинградская битва; наступление советских войск под Сталинградом; артиллерия.

O.E. Ascheulov

The estimate of role of the artillery of the Red Army by the participants of Stalingrad battle in the period of counter-offensive of the Soviet troops under Stalingrad

In this article the actions and the role of the artillery of the Red Army in the period of counter-offensive of the Soviet troops during the battle of Stalingrad is shown in the eyes of the participants of these events. First of all, the main attention is devoted to the memoirs of the artillerists-participants of the battle of Stalingrad — Commander of the artillery of the Red Army Colonel-General N.N. Voronov, Commander of the artillery of the Don front lieutenant-General V.I. Kazakov, Head of the artillery of the Main Directorate of the Artillery N.D. Yakovlev and the others. Besides, the estimate of the role of the artillery in the counter-offensive under Stalingrad are contained in the memoirs of the other famous commanders of the other military troops — Commander of the Don front Lieutenant-General K.K. Rokossovski, Commander of Stalingrad front Colonel-General A.I. Eremenko, Commander of the famous 62^{dn} Army Lieutenant-General V.I. Chuikov. The estimate of RKKA artillery in counter-offensive under Stalingrad from the German side is given. In conclusion to the article there is the comparative estimate of the artillery shooting of the Red Army on November 19 1942 and January 10 1943.
Keywords: Great Patriotic War; battle of Stalingrad; counter-offensive of the Soviet troops under Stalingrad; artillery.

19 ноября 1942 г. залпы более 15 тыс. орудий и минометов (в два раза больше, чем в контрнаступлении под Москвой) возвестили миру о начале нового этапа в ходе Великой Отечественной войны. Началось историческое *контрнаступление советских войск под Сталинградом*. Для проведения этой грандиознейшей операции Ставка Верховного Главнокомандования передала фронтам сталинградского направления для проведения 75 артиллерийских и минометных полков. В общей же сложности в Юго-Западном, Сталинградском и Донском фронтах находилось 250 артиллерийских и минометных полков. Кроме того, данные фронты имели 1250 боевых машин и станков реактивной артиллерии, способных за один залп выпустить 10 тыс. снарядов. Для прикрытия войск и важнейших объектов тыла использовалось 1100 зенитных орудий[1].

Решающая роль в прорыве обороны противника и в обеспечении развития успеха в контрнаступлении советских войск под Сталинградом отводилась артиллерии. На участках прорыва артиллеристам предстояло взломать всю систему обороны противника, подавить ее огневые средства, а с началом атаки пехоты и танков сопровождать их движение вперед своим огнем как с закрытых, так и с открытых позиций. Артиллерия должна была обеспечить и ввод подвижных группировок в образовавшиеся бреши в обороне противника.

В настоящей статье предпринята попытка освещения действий и роли артиллерии Красной Армии в период контрнаступления советских войск в большей степени не языком официальных отчетов, а глазами участников данных событий. Прежде всего, основное внимание будет уделено воспоминаниям артиллеристов — участников Сталинградской битвы: начальника артиллерии РККА генерал-полковника (с 18 января 1943 г. маршала артиллерии) Н.Н. Воронова, начальника артиллерии Донского фронта генерала В.И. Казакова, начальника Главного артиллерийского управления Н.Д. Яковлева и др. Кроме того, оценка роли артиллерии в контрнаступлении советских войск под Сталинградом содержится в воспоминаниях известных военачальников других родов войск: командующего Донским фронтом генерала-лейтенанта К.К. Рокоссовского и командующего Сталинградским фронтом А.И. Еременко, командующего знаменитой 62-й армией генерала В.И. Чуйкова и др. С немецкой стороны о действиях советской артиллерии в своих воспоминаниях писал, в частности, очевидец и участник боев командир саперного батальона майор Г. Вельц.

Напомним, что к началу контрнаступления советских войск под Сталинградом немецкие войска уступали советским в количестве вооружения и техники. Это относилось в том числе и к артиллерии. К 19 ноября 1942 г. на направлении Юго-Западного фронта соотно-

шение количества артиллерийских стволов составляло 1,4:1 в пользу советских войск, в полосе Сталинградского фронта — 1,2:1, а в полосе Донского фронта 2,4:1[2].

Анализ боевого состава фронтов показал, что превосходство в артиллерии над противником было достигнуто главным образом за счет минометов, среди которых были и реактивные. Так, в составе Юго-Западного фронта было 35 дивизионов реактивной артиллерии (из них 10 тяжелых М-30), Донского фронта — 36 дивизионов (из них 6 М-30) и Сталинградского — 44 дивизиона (из них 4 М-30). Не имея в целом значительного превосходства в силах, советское командование на направлениях главных ударов смогло добиться тройного превосходства в силах и средствах над немецко-фашистскими войсками.

Количественное превосходство советских войск в артиллерии усиливал еще и тот факт, что в отличие от контрнаступления под Москвой части Красной Армии не испытывали «снарядного голода» и недостатка в других видах боеприпасов. По воспоминаниям руководителя Главного артиллерийского управления в годы Великой Отечественной войны Н.Д. Яковлева, «фронты начали контрнаступление, имея около 6 млн. снарядов и мин, 380 млн. патронов для стрелкового оружия и 1,2 млн. ручных гранат. Подача боеприпасов за период наступления и уничтожения окруженной группировки войск противника проводилась непрерывно»[3].

Подготовка к началу контрнаступления велась самым тщательным образом. Сам начальник артиллерии РККА генерал артиллерии Н.Н. Воронов объездил штабы всех фронтов и лично участвовал в разработке плана артподготовки. Особое внимание при подготовке артиллерии к контрнаступлению советских войск под Сталинградом было уделено разведке вражеских позиций с целью выявления огневых точек и оборонительных сооружений противника. Впоследствии Н.Н. Воронов писал по этому поводу следующее: «Мы следили за врагом во все глаза. Наблюдение велось круглосуточно. Непрерывно работала звукометрическая разведка, которая выявляла вражеские артиллерийские и минометные батареи. С воздуха шло систематическое фотографирование расположения противника, особенно тех районов, где намечался прорыв его обороны. Генералы-артиллеристы часами просиживали за стереотрубами на наблюдательных пунктах»[4].

В итоге во всех армиях, прорывавших оборону противника, артиллерийское наступление было организовано по трем периодам. Планами предусматривалось проведение артиллерийской подготовки атаки продолжительностью от 70 до 80 минут, артиллерийской поддержки атаки последовательным сосредоточением огня на глу-

бину до 1 км и артиллерийского сопровождения пехоты и танков на глубину от 6 до 18 км сосредоточенным огнем и огнем по отдельным целям.

Для осуществления поставленных задач во всех фронтах были созданы мощные артиллерийские группировки. Основная масса артиллерийских полков Резерва Верховного Главнокомандования (РВГК) (85 из 114, или 74%) была сосредоточена на Юго-Западном и Сталинградском фронтах, наносивших главный удар в операции по окружению группировки войск противника под Сталинградом.

Кроме того, Юго-Западному и Сталинградскому фронтам, которые наносили главный удар в операции, было придано 35 из 39 (90%) всех истребительно-противотанковых артиллерийских полков РВГК, сосредоточенных на сталинградском направлении, причем бóльшая часть этих полков — 23 из 39 (59%) — была сосредоточена на Юго-Западном фронте. Среди армий данного фронта основная масса приданных истребительно-противотанковых артиллерийских полков (20 из 23) была сосредоточена в 5-й танковой и 21-й армиях, наносивших главный удар. На Сталинградском фронте армии, действовавшие на направлении главного удара (57-я и 51-я), получили на усиление всего лишь 5 противотанковых полков, в то время как в 62-й и 64-й армиях было 7 полков[5].

Утро 19 ноября 1942 г. надолго запомнилось многим очевидцам. Начальник артиллерии Донского фронта генерал В.И. Казаков вспоминал: «В тот день нам впервые довелось быть свидетелями артиллерийской подготовки такой силы. Воздух наполнился грохотом многих тысяч выстрелов и вторивших им разрывов. Подумать только: во время первого огневого налета каждую минуту производилось 5—6 тысяч выстрелов. Мы различали на слух резкие выстрелы пушек, глуховатое уханье гаубиц и частое покрякивание минометов. Артиллерия усердно перепахивала оборону противника. Там поднимались столбы пыли и земли, взлетали в воздух обломки вражеских наблюдательных пунктов и блиндажей и землянок. Мы как завороженные смотрели на эту феерическую картину»[6].

Захваченные в плен немецкие офицеры позднее показали, «что огонь советской артиллерии не давал возможности высунуть головы из укрытий и почти сразу же уничтожил всю проводную связь, а также ряд радиостанций»[7].

В докладе в Ставку Главнокомандования, подготовленном Н.Н. Вороновым, о боевой работе артиллерии 19 ноября отмечалось следующее: «Артиллерия, минометы и реактивные установки выполнили поставленную боевую задачу по обеспечению наступления и прорыва нашей пехотой и танками оборонительного рубежа

противника на направлениях главного удара. Результаты огня хорошие. Обработка началась мощным, внезапным для противника огневым налетом всех средств по его переднему краю и глубине. Есть данные, что этот огневой налет нанес противнику большое поражение, так как был проведен в тумане, при плохой видимости»[8]. Вместе с тем в докладе были отмечены и некоторые недостатки. По мнению Н.Н. Воронова, артподготовка была недостаточно успешной на второстепенных направлениях удара: «Здесь из-за малой плотности артиллерийских и минометных средств, хотя они и работали с большим напряжением, все-таки не удалось надежно обработать оборонительную полосу противника. Здесь на действиях нашей артиллерии, на эффективности ее огня особенно сказалась плохая видимость из-за густого тумана, а затем и снегопада»[9]. Командующий артиллерией Донского фронта В.И. Казаков хотя и скромно, но все же также отметил некоторые недостатки данной артподготовки: «оценивая опыт артиллерийской подготовки 19 ноября 1942 года, мы пришли к выводу, что ложные переносы огня (а они у нас проводились) в условиях применения артиллерии себя не оправдывают. Они никого не обманывали, если не считать их авторов. Отказались мы и от пауз, и от расчленения артиллерийской подготовки на многочисленные периоды»[10].

В целом следует сказать, что, несмотря на впечатляющее начало, 80-минутная артподготовка прошла хуже, чем ожидалось. Из-за плохой видимости огонь на разрушение целей не давал большого эффекта. К тому же последний огневой налет оказался не таким мощным и сокрушительным, чем хотелось. Дело в том, что недостаточно тренированные орудийные расчеты не выдержали установленного темпа. И все же, несмотря на эти существенные недостатки, артиллерийская подготовка оказалась в целом эффективной, благодаря большой точности и силе первого огневого налета. Уже к середине артподготовки многие подразделения противника начали оставлять окопы и блиндажи, спасаясь в глубине своей обороны.

На Сталинградском фронте артподготовка была назначена на 20 ноября и должна была начаться в 8 часов утра. Но туман сгущался, видимость была не более 200 метров, к тому же начался снегопад. Поэтому командующий фронтом А.И. Еременко из-за плохой видимости перенес начало артиллерийской подготовки на целых 2 часа. Это заметно прибавило волнения не только артиллеристам но и самому командующему фронтом. В самих воспоминаниях А.И. Еременко о тумане и затянувшемся начале артподготовки на Сталинградской фронте писал довольно лаконично: «Вот туман стал подниматься, рассеиваться. Видимость приближалась к нормальной. В 9 часов 30 минут был дан сигнал начать артподготовку в

10 часов. Таким образом, начало контрнаступления Сталинградского фронта из-за тумана было отодвинуто на два часа. Первыми заиграли “катюши”. За ними начали свою шумную работу артиллерия и минометы. Трудно передать словами те чувства, которые испытываешь, вслушиваясь в многоголосый хор артиллерийской канонады перед началом наступления, но главное в них — это гордость за мощь родной страны и вера в победу»[11].

Артиллерийская подготовка велась по тщательно продуманному и подготовленному плану. После залпа тяжелых «эрэсов» (реактивных минометов М-30) началась общая канонада орудий и минометов, которая продолжалась от 40 до 75 минут. Вначале мощный огневой налет был произведен по огневым точкам на переднем крае обороны противника и в ближайшей глубине. Последующий ход артиллерийской подготовки включал два периода подавления и уничтожения обнаруженных целей, два ложных переноса огня, чередовавшихся с налетом по переднему краю. Огневые налеты были спланированы только по конкретным пристрелянным целям, но условия погоды не позволили корректировать огонь. Для уничтожения хорошо наблюдаемых огневых точек врага были выделены орудия для стрельбы прямой наводкой. После заключительного 10-минутного огневого налета с привлечением всех огневых средств, стрелковые соединения, взаимодействуя с танковыми частями, устремились к переднему краю вражеской обороны. Оценивая работу 20 ноября 1942 г. артиллерийских частей и соединений Сталинградского фронта, А.И. Еременко отзывался о ней «с благодарностью»[12].

Вся тяжесть непрерывной огневой поддержки пехоты на всех фронтах легла на батальонную, полковую, частично на дивизионную артиллерию и на истребительно-противотанковые полки. И снова возникла проблема со средствами тяги. Правда, орудия батальонной и полковой артиллерии были не так уж тяжелы — 600—900 килограммов, и они могли перетаскиваться расчетами, правда, это было не таким уж легким делом, особенно в зимних условиях. В.И. Казаков отмечал: «Чтобы не отстать от боевых порядков пехоты, артиллеристы тянули свои пушки по снежному полю, изрытому траншеями, окопами и множеством больших и малых воронок. Все эти препятствия воинам приходилось брать под постоянным огневым воздействием противника, и к тому же вести огонь по врагу, подносить самим снаряды, а потом вновь все дальше, вперед перекатывать орудия... Люди выбивались из сил, но заставляли себя преодолевать усталость, неотступно продвигались за пехотой, поддерживая ее своим огнем Но из-за огня противника расчеты несли потери, и нередко у орудий оставалось по четыре, а то и по три человека. В та-

ких случаях орудия могли стрелять, но неизбежно отставали от пехоты. Тогда пехотинцы приходили им на помощь и тащили орудия на себе»[13]. Несмотря на героические усилия солдат и офицеров, нехватка средств тяги все же отрицательно сказывалась на взаимодействии артиллерии с другими родами войск.

Например, приданный 8-му артиллерийскому корпусу 174-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк (20 76-мм орудий) имел всего 25 автомобилей «Виллис» и одну грузовую автомашину ЗИС-5 вместо 25 тракторов и 47 автомашин, положенных по штату. В таком же тяжелом положении оказался и приданный корпусу 179-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк. В результате при вводе в прорыв 174-й полк мог поднять имевшимися средствами транспорта всего одну заправку горючего и 0,3 боекомплекта снарядов, 179-й полк — ползаправки горючего и 0,1 боекомплекта снарядов. Больше того, 179-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк не смог поднять полностью материальную часть и вошел в прорыв, имея лишь по три орудия в батарее. Дойдя до Усть-Медведицкий, полк оказался без горючего, отстал от кавалеристов и больше в составе корпуса не действовал. 174-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк из-за недостатка транспортных средств вынужден был оставить на месте 120 человек личного состава и войти в прорыв без взводов управления. В таком составе полк не мог оказать достаточно эффективной поддержки корпусу[14].

Командир 1077-го пушечного артиллерийского полка В.М. Жагала также отмечал невысокую подвижность своего подразделения: «Пока переправлялись, стрелковые и танковые подразделения ушли далеко вперед. Попробовали догонять, но это тоже оказалось нелегко: дороги разбиты, скорость движения по ним 152-миллиметровых орудий за тракторами не превышала 4—5 километров в час. Но пехотинцы и танкисты ждали от нас поддержки, и мы делали все, чтобы не отставать и, где требовалось, дать огоньку. Выручали, конечно, солидная дальность стрельбы и наши корректировщики со средствами радиосвязи, которые всегда были впереди»[15].

Несмотря на большое количество артиллерии, ее использование в ряде случаев оставляло желать лучшего. Например, входящая в состав Донского фронта 293-я стрелковая дивизия должна была выбить противника с пяти курганов. Эта дивизия понесла большие потери в ходе контрнаступления, но была усилена 7 артиллерийскими полками всех типов и 2 полками «Катюш». Такого большого количества артиллерии, пожалуй, не получала ни одна дивизия в Сталинградской битве. И все же эта дивизия не выполнила поставленную

задачу, а только увеличила свои потери. У нее совершенно не осталось сил для продолжения активных боевых действий, и она была выведена в тыл для приведения в порядок. Артиллерия в данном случае использовалось плохо. Цели не были достаточно разведаны, огонь велся по площади и распылялся по фронту. Наконец, было плохо налажено взаимодействие пехоты и артиллерии. По всем этим причинам огонь артиллерии не дал должного эффекта.

Но в большинстве случаев артиллерия использовалась эффективно. Когда на смену 293-й дивизии пришла 252-я стрелковая дивизия, то ее руководство умело распорядилось имеющимися артиллерийскими средствами. Для штурма самого трудного, левого кургана была выделена лишь рота солдат и батарея 152-мм гаубиц. В назначенное время артиллеристы открыли огонь, который велся методично и постоянно корректировался. Батарея вела огонь около часа и израсходовала всего 60 снарядов. Этого оказалось достаточно. Еще не рассеялся дым от последних разрывов, а пехота уже поднялась в атаку и через 20 минут заняла курган, не потеряв ни одного человека. С захватом левого кургана положение противника на остальных четырех курганах стало опасным и неустойчивым. Вскоре с пятью курганами было покончено. Сам В.И. Казаков выразил по этому поводу восхищение: «И теперь даже не верится, что рота с помощью всего лишь одной батареи сумела сделать за день то, чего не сделала дивизия в течение нескольких дней»[16].

В это время части знаменитой 62-й армии под руководством генерала В.И. Чуйкова вели ожесточенные бои в самом Сталинграде. И здесь снова большую помощь наступавшим оказала артиллерия.

Предоставим слово командующему армией В.И. Чуйкову: «Но уничтожить противника, который вышел к Волге в районе завода “Баррикады”, только атакой стрелковых полков армия не могла: у нас не было ни танков, ни людских резервов. Что же делать? Как выручить дивизию Людникова? Вот тут-то снова пригодились нам артиллерийские стволы, которые были на левом берегу Волги. Мы решили уничтожить противника артиллерийским огнем. Но осуществление этого варианта было связано с трудностями: нужно было организовать предельно точный огонь по каждой точке врага, нужны были снайперы-артиллеристы и минометчики. Такие у нас были, но корректировать огонь с правого берега трудно — проводная связь непрерывно рвалась из-за ледохода, а радиосвязь работала слабо, ненадежно»[17].

Советских воинов уже в который раз выручила смекалка. Участок, который занимали немецкие войска, был отмечен с двух сторон вехами. Эти вехи были хорошо видны с противоположного левого берега. Советские артиллеристы, видя эти вехи, могли вести прицельный огонь по противнику. Прицельный огонь велся с помощью корректи-

ровщиков, находящихся на правом берегу. Они наблюдали, уточняли цели, отклонение попаданий. Все это сообщалось на артиллерийские наблюдательные пункты, а те, в свою очередь, передавали на огневые позиции. Кроме того, здесь хорошо удалось организовать взаимодействие пехоты и артиллерии. Так, по световому сигналу артиллерия прекращала огонь, а стрелковые подразделения, преимущественно штурмовыми группами, коротким броском с ручными гранатами шли в атаку и захватывали противника в дзотах и в подвалах.

В успехе контрнаступления советских войск под Сталинградом артиллерия сыграла огромную роль. Вот только некоторые данные, говорящие об объемах и роли артиллерийского огня в контрнаступлении под Сталинградом в ноябре 1942 г. Артиллерия одного Донского фронта за 12 дней выпустила свыше полумиллиона снарядов и мин. Это более 3,5 тыс. тонн металла и взрывчатого вещества. Для подвоза такого количества боеприпасов одним рейсом понадобилось бы около 14 тыс. полуторатонных автомобилей. А длина автомобильной колонны растянулась бы на 400 км. Израсходовав столь значительное количество боеприпасов, артиллерия Донского фронта нанесла противнику тяжелые потери: уничтожила более 1300 различных целей, в том числе 50 артиллерийских и минометных батарей, 370 станковых и ручных пулеметов, 570 дзотов и блиндажей, а также много живой силы[18]. Кроме того, в ходе наступления было подавлено большое число таких целей, как артиллерийские и минометные батареи, отдельные орудия и пулеметы.

Согласно официальным данным, артиллерийские части Юго-Западного фронта в период ноябрьских боев уничтожили до 12 батальонов пехоты противника, свыше 20 артиллерийских и минометных батарей, до 300 пулеметных точек, а также большое количество автомашин[19].

В дальнейшем, с 16 по 30 декабря 1942 г. войска Юго-Западного фронта провели операцию по разгрому тормосинской группировки итало-немецких войск на Среднем Дону, предназначенной противником для прорыва фронта окружения и соединения с окруженной группировкой. Продвинувшись на 100—150 км, советские войска достигли Миллерово, расположенного в 300 км западнее Сталинграда.

Кроме того, с 12 по 30 декабря войска Сталинградского фронта провели Котельниковскую операцию, в результате которой была ликвидирована попытка противника ударом со стороны Котельниково прорваться к окруженной группировке.

Следует отметить, что в срыве попытки немецких войск под командованием фельдмаршала Э. Манштейна деблокировать окру-

женную группировку Паулюса большую роль сыграла истребительно-противотанковая артиллерия.

Помимо воспоминаний участников Сталинградской битвы со стороны Красной Армии, интересно было бы узнать оценку действий советской артиллерии и со стороны противника. Немецкие солдаты и офицеры, а также их союзники неизменно указывали на страшный и продолжавшийся даже ночью советский артиллерийский огонь. Например, один из участников Сталинградской битвы с немецкой стороны командир саперного батальона Гельмут Вельц впоследствии вспоминал: «Весь вечер и всю долгую ночь противник ведет сильный артобстрел. Небо гремит канонадой, все в блиндаже дрожит, гаснут коптилки. Снарядные осколки разрывают в клочья все, что встречается им на пути: связных, которые под покровом темноты перебегают из укрытия в укрытие, сменяющиеся посты и группы силой до отделения, высланные с целью подкрепить оборону боеприпасами и оружием»[20].

В письмах немецких солдат 6-й армии, в частности опубликованных в историческом журнале «Родина»[21], также отмечался непрекращавшийся артиллерийский огонь советских войск.

Артиллерия не давала немецким войскам покоя даже в новогоднюю ночь, нанеся сильный огневой налет 31 декабря 1942 г. Гельмут Вельц с содроганием вспоминал ту морозную и страшную для немецких солдат и офицеров ночь: «новогоднюю ночь, казалось, пришел наш последний час. Часа за два до полуночи на всем фронте города протяженностью 30 километров русские начали ураганный артобстрел из тысячи стволов. Пушки, гаубицы, реактивные установки и минометы открыли такой огонь, что мы совершенно ошалели и думали, что уже началось давно ожидаемое генеральное наступление. Но на сей раз это было еще не оно. Это, видно, просто был новогодний привет от противника»[22]. Это окончательно деморализовало окруженные немецкие и румынские войска. Сам Г. Вельц отмечал, что «этот новогодний ужас пронизал нас до самых костей. “Фейерверк” показал нам, что противник превосходит нас не только своими людскими резервами, но и техникой». Это дало ему печальные основания для следующего, вполне справедливого вывода: «Если тысячи стволов непрерывно бьют по нас день и ночь, если у русских столько боеприпасов, что через Волгу гремит новогодняя канонада, если для одной единственной атаки на Мариновку они выставляют 123 реактивные установки, то это такое материальное превосходство, перед лицом которого мы более или менее бессильны»[23]. Многочисленные свидетельства с немецкой стороны также подтверждают, что он был не одинок в своем мнении.

Окончательная ликвидация окруженной под Сталинградом группировки противника в январе 1943 г. осуществлялась войска-

ми Донского фронта в составе семи армий (24-я, 65-я, 21-я, 57-я, 64-я, 62-я и 66-я). Замысел операции предусматривал рассечение всей окруженной группировки на две части и уничтожение каждой из них отдельно. Главный удар наносился с запада на восток, вспомогательные удары — с севера и юга.

Для выполнения данной задачи Донской фронт был усилен 69 артиллерийскими и минометными полками РВГК. Кроме того, в преддверии будущих боев Донской фронт был значительно усилен частями реактивной артиллерии. Достаточно сказать, что в составе фронта по состоянию на 5 января 1943 г. действовали 68 полков реактивных установок М-13, 26 полков М-8 и 114 дивизионов тяжелых реактивных установок М-30[24]. Часть этих полков организационно вошла во 2-ю и 3-ю Гвардейские минометные дивизии. К 10 января 1943 г. в армиях Донского фронта находилось 1656 установок реактивной артиллерии, включая установки калибром 300-мм. Только один залп данного количества реактивной артиллерии составлял 15 тысяч мин! Для сравнения отметим, что по состоянию на 19 ноября 1942 г. Донской фронт располагал всего 424 установками реактивной артиллерии.

Общая численность артиллерии фронта к 10 января 1943 г. составляла более 7500 орудий и минометов, включая и боевые установки реактивной артиллерии. Плотность артиллерии в армиях, наносивших главный удар, достигала 90—110 орудий и минометов на 1 км фронта. В некоторых дивизиях эта плотность была еще выше и доходила до 165 орудий (214-я стрелковая дивизия 65-й армии)[25].

Количественное превосходство в технике советских войск продолжало нарастать. Достаточно сказать, что на направлении главного удара (65-я армия) в артиллерии оно было четырехкратным!

Планируя артиллерийское наступление на 10 января 1943 г., штаб В.И. Казакова отказался от нескольких ложных переносов огня, кроме одного. В остальном же график артиллерийской подготовки был прост. Оценивая характер немецкой обороны и моральное состояние противника, В.И. Казаков со своим штабом решили, что удар должен быть очень сильным, но более коротким. Продолжительность артподготовки была определена в 50—60 минут. В результате разговора В.И. Казакова с Н.Н. Вороновым и К.К. Рокоссовским было принято решение о продолжительности артподготовки в течение 55 минут. Как писал позднее в своей книге В.И. Казаков, «мы намеревались сбить противника с ног одним ударом увесистого кулака, а не тратить время на слабенькие пощечины, от которых можно быстро оправиться»[26].

10 января 1943 г. ровно в 8 часов 5 минут залп тысяч орудий разорвал тишину морозного утра. Командовавший в то время гаубичным полком В.М. Жагала наблюдал за артподготовкой и впоследствии так описал ее: «В 8 часов 05 минут земля задрожала от тысячеорудийного залпа. Словно из-под земли взвились клубы порохового дыма и пламени. Белоснежное покрывало на наших глазах стало черным. Огненный смерч уничтожал в стане врага все живое. Вместе с землей и камнями к небу взлетали обломки блиндажей, орудий и танков противника. Такого мощного артиллерийского огня мне еще не приходилось видеть. 55 минут в воздухе стоял сплошной гул. За это время огневая система противника была полностью подавлена»[27].

А вот как ощущали советскую артподготовку по другую линию фронта: «Лишь только забрезжил рассвет 10 января и над необозримой снежной равниной еще не рассеялся густой утренний туман, на нас обрушился артиллерийский огонь такой силы, какого нам даже здесь не приходилось переживать никогда... Со всех сторон в котел рвутся смерть и разрушение, и нет нигде ни одного укромного уголка, нет защиты, нет даже временной безопасности, потому что нет больше ни одной не простреливаемой противником точки. А огненная волна все нарастает и катится вперед. Вот уже превзойдено все мыслимое, сознание и чувства отказываются воспринимать происходящее»[28].

Предоставим опять слово В.И. Казакову: «Такого мощного огня артиллерии нам еще не приходилось наблюдать. Даже Н.Н. Воронов, которому довелось побывать на многих фронтах и наблюдать не одну артиллерийскую подготовку, после первого огневого налета сказал, что никогда не видел такой мощности и организованности огня. Короче всех, но достаточно убедительно высказывались солдаты: “Вот это огонь!”»[29].

И действительно, после первого же налета вся огневая система противника была подавлена. Ответный огонь открыли не более двух-трех батарей и несколько минометов на всем десятикилометровом фронте. Но после второго артиллерийского налета и они замолчали.

В.М. Жагала свидетельствовал: «Ни одна батарея немцев в секторе обстрела 1-й артиллерийской дивизии не открыла ответного огня. Проезжая позже мимо позиций гитлеровских артиллеристов, мы могли наблюдать свою работу: всюду валялись искореженные орудия, горели арттячаги, едким дымом коптили резиновые накладки на колпаках бетонированных огневых точек, на месте складов с боеприпасами зияли огромные воронки»[30].

Начавшееся после артподготовки наступление развивалось успешно. В первый же день войска 21-й и 65-й армий прорвали пе-

редний край обороны противника на всем фронте. Особенно успешным было наступление правофланговых дивизий 65-й армии.

В целом следует сказать, что артподготовка была успешно выполнена и нанесла противнику серьезный урон. По советским подсчетам, только огнем артиллерии Донского фронта 10 января 1943 г. было уничтожено более 100 орудий и минометов, более 200 пулеметов, разрушено около 300 дзотов и блиндажей. Однако были в артподготовке 10 января 1943 г. и свои недочеты. К примеру, действовавшая на левом фланге 65-й армии 11-я артиллерийская дивизия прибыла на Донской фронт с опозданием и к началу общего наступления едва успела занять боевые порядки. По данной причине командование дивизии не успело как следует изучить боевые позиции противника. В результате огонь 11-й дивизии был менее эффективен по сравнению с другими частями, которые заблаговременно развернулись на своих участках. Это существенно повлияло на ход боевых действий левофланговых соединений 65-й армии, которые продвигались вперед менее значительными темпами.

22 января 1943 г. войска Донского фронта возобновили наступление по всему фронту. Главную роль при взломе обороны врага играли артиллерия и пехота. Об огневой насыщенности ударов можно судить по тому, что в 22-километровой полосе наступления 64-й, 57-й и 21-й армий было сосредоточено 4100 орудий и минометов.

Основная тяжесть по взламыванию обороны противника в этих январских боях снова легла на артиллерию. По воспоминаниям К.К. Рокоссовского боевой порядок советских наступающих войск в январе 1943 г. выглядел следующим образом: «Жиденькие цепочки бойцов двигались по заснеженному полю. За ними поэшелонно двигались орудия прямой наводки. На линии орудий людей оказывалось больше — это были артиллеристы, обслуживавшие пушки. На огромном пространстве виднелось до десятка танков, за которыми, то припадая к земле, то вскакивая, перемещались мелкие группы пехотинцев. Артиллерия, действовавшая с закрытых позиций, сопровождала своим огнем весь этот боевой порядок, нанося удары по отдельным участкам»[31].

Действия артиллеристов в последние дни января 1943 г. были направлены на подавление живой силы и уничтожение боевой техники противника. Представителями штаба артиллерии Красной Армии совместно со штабами армий и фронтов были разработаны и претворены в жизнь сильные, непродолжительные налеты 2—3 артиллерийских полков по основным узлам сопротивления противника, независимо от степени их подавления ранее. Создание таких групп предусматривалось в планах артиллерийского наступления. В результате эти действия артиллерии принесли наступающим советским войскам успех.

Эффектную точку в завершении Сталинградской наступательной операции поставила артиллерия. После отклонения фельдмаршалом Паулюсом 31 января 1943 г. очередного ультиматума советские войска начали готовиться к завершению ликвидации окруженных немецких войск и их союзников. На 1 февраля 1943 г. советским командованием была назначена новая мощная артиллерийская подготовка, которая должна была предшествовать наступлению советских войск в целях окончательного разгрома окруженных войск противника. Главный удар должна была нанести 65-я армия, которая получила наибольшее количество артиллерии. три отдельных артиллерийских полка. Вспомогательные удары справа и слева наносили 21-я и 66-я армии. В результате проведенной перегруппировки средняя плотность артиллерии на фронте 65-й армии составила более 170 орудий и минометов на 1 километр. Максимальная плотность артиллерии была достигнута на участке 27-й гвардейской стрелковой дивизии. Она была доведена до 338 (!) орудий и минометов на один километр фронта.

Вот как описывает последний день окруженной группировки К.К. Рокоссовский: «Наступал рассвет, и с нашего наблюдательного пункта стали уже просматриваться ближайшие, расположенные позади нас артиллерийские позиции. Особенно рельефно выделялись длинные ряды реактивных минометов — “катюш”... Утром 1 февраля огненная буря обрушилась на позиции врага. Нам с наблюдательного пункта было видно, как весь передний край его обороны потонул в разрывах снарядов и мин. По артиллерийским позициям в глубине обороны бомбовые удары наносила авиация. Канонада грохотала долго. Наконец она стихла. И тотчас во многих местах над еще дымившейся черной землей затрепетали белые флаги. Появлялись они стихийно, помимо воли немецкого командования...»[32].

Более ярко дается описание у В.И. Казакова: «Ровно в 8 часов 30 минут заговорили тысячи наших орудий, минометов и “катюш”. Воздух наполнился грохотом выстрелов, которым, как эхо, вторили звуки разрывов в расположении противника. Земля дрожала под ногами так, что наблюдать за полем боя в бинокль было совершенно невозможно: все плясало перед объективом. Пришлось без помощи приборов обозревать местность, кипевшую в море огня. 15 минут длился огневой налет, и этого было достаточно. Враг не выдержал»[33]. И действительно, как только утих грохот орудий и минометов, к советским войскам потянулись вереницы немецких и румынских солдат, шедших сдаваться в плен. Все они заявляли, что их «взяла артиллерия». Как пишет В.И. Казаков, «первый допрошенный пленный, еще не оправившийся от потрясения, сказал, что во время огневого налета целые батальоны опускались на колени и молились

богу, прося о спасении от огня русской артиллерии»[34]. После такого мощного огневого налета артиллерии уже нечего было делать. Только отдельные орудия поддерживали пехоту, ворвавшуюся в город.

Подведем краткие итоги оценки роли и действий артиллерии Красной Армии в контрнаступлении советских войск под Сталинградом.

Артиллерийская подготовка 19 ноября 1942 г. в оценках советских солдат и офицеров, решила поставленные перед ней задачи. В общем, несмотря на некоторые недостатки, она оказалась эффективной. Удачно проведенная артподготовка не только нанесла значительный материальный урон противнику, но и способствовало большому моральному подъему наступавших советских войск. Полностью оправдались расчеты и советского командования на мощные артиллерийские резервы Ставки и их первенцев — артиллерийские дивизии.

Таким образом, 19 ноября 1942 г. впервые совместными усилиями общевойсковых и артиллерийских командиров в столь широком масштабе было организовано артиллерийское наступление. И неслучайно *19 ноября впоследствии был объявлен Днем советской артиллерии.*

Артнаступление 10 января 1943 г. прежде всего в глазах артиллеристов выглядело более продуманным и мощным по сравнению с артиллерийской подготовкой 19 ноября 1942 г. Крупные артиллерийские военачальники Н.Н. Воронов, В.И. Казаков, Н.Д. Яковлев отмечали в своих воспоминаниях о проведенной «работе над ошибками» после 19 ноября 1942 г. Справедливости ради следует отметить, что к 10 января 1943 г. артиллерийских стволов у наступавших советских войск было больше, а окруженные немецкие войска и их союзники были уже истощены и испытывали «снарядный голод». По данной причине с немецкой стороны практически не велась контрбатарейная борьба с советской артиллерией. Несомненно, что это наложило свой отпечаток не только на ход боевых действий, но и на оценку советской артиллерии в данный промежуток времени. То же самое можно сказать и об артподготовке 2 февраля 1943 г., которая окончательно деморализовала окруженные немецкие войска и подавила волю к сопротивлению.

Со своей стороны, немецкие солдаты и офицеры, а также их союзники неизменно указывали в своих письмах и воспоминаниях о постоянном артиллерийском огне русских, который оказывал на них помимо материального урона большое деморализующее действие и вызывал панику. Многие немецкие военные подчеркивали подавляющее количественное превосходство советской артиллерии. Особенно большую зависть, злость и страх с немецкой стороны вызывало применение наступавшими войсками установок реактивной

артиллерии — знаменитых «катюш» и «ванюш». Вера в техническое превосходство немецкого оружия над советскими образцами военной техники стремительно таяла под огнем советских гвардейских минометных частей. Все это в конечном итоге способствовало поражению немецко-фашистских войск под Сталинградом.

[1] *Яковлев Н.Д.* Об артиллерии и немного о себе. — М., 1984. — С. 101.
[2] История второй мировой войны, 1939—1945. — М., 1976. — Т. 6: Коренной перелом в войне. — С. 35, 45.
[3] *Яковлев Н.Д.* Указ. соч. — С. 101.
[4] *Воронов Н.Н.* На службе военной. — М., 1963. — С. 273.
[5] Истребительно-противотанковая артиллерия в Великой Отечественной войне. — М., 1957. — С. 95.
[6] *Казаков В.И.* На переломе. — М., 1962. — С. 104.
[7] Правда. — 1942. — 22 нояб.
[8] *Воронов Н.Н.* Указ. соч. — С. 277—278.
[9] Там же. С. 278.
[10] *Казаков В.И.* Указ. соч. — С. 143.
[11] *Еременко А.И.* Сталинград: записки командующего фронтом. — М., 1961. — С. 347.
[12] Там же. — С. 359.
[13] *Казаков В.И.* Указ. соч. — С. 85.
[14] Истребительно-противотанковая артиллерия в Великой Отечественной войне. — С. 101.
[15] *Жагала В.М.* Расчищая путь пехоте. — М., 1973. — С. 74.
[16] *Казаков В.И.* Указ. соч. — С. 126.
[17] *Чуйков В.И.* Сражение века. — М., 1975. — С. 370—371.
[18] *Казаков В.И.* Указ. соч. — С. 117.
[19] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. — Ф. 232. — Оп. 590. — Д. 27. — Л. 22.
[20] *Вельц Г.* Солдаты, которых предали: записки бывшего офицера Вермахта. — М., 1965. — С. 180.
[21] См.: «...Но вышло совсем не так, как мы думали...»: письма немецких солдат из Сталинграда / подгот. Н. Вашкау // Родина. — 2013. — № 1. — С. 66—70.
[22] *Вельц Г.* Указ. соч. — С. 254.
[23] Там же. — С. 255.
[24] Российский государственный архив социально-политической истории. — Ф. 83. — Оп. 1. — Д. 26.— Л. 93.
[25] Истребительно-противотанковая артиллерия в Великой Отечественной войне. — С. 110.
[26] *Казаков В.И.* Указ. соч. — С. 44.
[27] *Жагала В.М.* Указ. соч. — С. 85.
[28] *Вельц Г.* Указ. соч. — С. 274.
[29] *Казаков В.И.* Указ. соч. — С. 163.
[30] *Жагала В.М.* Указ. соч. — С. 86.
[31] *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. — М., 2002. — С. 179.
[32] Там же. — С. 182.
[33] *Казаков В.И.* Указ. соч. — С. 185.
[34] Там же.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Д.Ю. Кривцов

ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНИИ КРЫМСКИХ «ПОМИНКОВ»

В 40—60-х годах XVII в. в источниках фиксируются различные варианты легенды, объясняющей происхождение ежегодной отправки из Москвы в Крым «поминков» — денег и дорогих подарков крымскому хану и его приближенным. С помощью этой легенды официальные московские круги пытались оправдать сохранение непаритетного обычая отправки крымских «поминков», и объяснить отсутствие активных военно-политических действий против Крыма. Для сторонников же наступательной антикрымской политики, в лице Юрия Крижанича, данная легенда становится объектом критики. Анализ легенды о происхождении «поминков» позволяет яснее понять важные аспекты идеологической борьбы вокруг «крымского вопроса» в середине XVII в.

К л ю ч е в ы е с л о в а: международные отношения; русско-крымские отношения; Московское государство; Крымское ханство; политическая легенда; идеология.

D.Yu. Krivtsov

The Legend about Crimean “pominki” Origin

The legend about “pominki” — the gifts and money sent to a Crimean Khan and Crimean aristocracy — takes place in documents beginning from 1640—1660s. This legend provoked a discussion about policy towards Crimea. It was criticized by the “Hawk party” (f.e. Yuri Crizanic), but it was helpful for Moscovite military elite to explain their passive policy on this direction.

K e y w o r d s: foreign affairs; Russian-Crimean relations; Moscow State; Crimean Khanate; ideology; political legend.

С самого начала установления дипломатических отношений между Московским государством и Крымским ханством в 1472—1474 гг. русская сторона стремилась обеспечить для себя позиции равноправного партнерства. В частности, московское правительство принципиально отказывалось от выплаты в Крым любых видов «пошлины»-дани, которая традиционно собиралась с русских земель в пользу золотоордынских ханов и служила выражением политического господства Орды над Русью[1]. В наказе первому русскому пос-

лу в Крым боярину Н.В. Беклемишеву было однозначно сказано: «А пошлинам даражским и иным пошлинам всем никоторым не быти». Это требование было включено и во все три разработанные в Москве проекты текста возможного договора с Крымом[2]. Крымская сторона это условие приняла и включила его в текст шертной грамоты хана Менгли-Гирея великому князю Ивану III[3]. И в дальнейшем, стремясь полностью сохранить равноправный статус в отношениях с Крымом, московская дипломатия решительно отметала любые попытки крымцев даже упомянуть сам термин «пошлина»[4].

Вместе с тем, русское правительство соглашалось, хотя и с большой неохотой, на отправку ко двору крымского хана «поминков» — денег и дорогих подарков хану, его приближенным и другим влиятельным крымским лицам. «А учнет царь (крымский хан. — *Д.К.*), — наставляли в Москве посла Н.В. Беклемишева, — говорить о том, чтобы вписать в ярлык о великого князя поминкех так: а поминки ко мне к Менгли-Гирею царю великому князю Ивану слати; а поминков ему не умаливати, — ино то отговаривати ж; а не отговорится, ино то в ярлык писати»[5]. Поэтому в первый возможный вариант русско-крымского договора, наиболее выгодный для Москвы, упоминание о посылке «поминков» не было включено; оно появляется только во втором, менее выгодном с русской точки зрения, проекте договора[6]. Переговоры прошли благоприятно для русской стороны, и в шертной грамоте Менгли-Гирея 1474 г. о «поминках» не было сказано ни слова[7]. Однако начиная уже со времен Ивана III и вплоть до 1685 г. из Москвы более или менее регулярно стали отправляться многочисленные «поминки», служившие важным источником доходов верхушки Крымского ханства[8]. И лишь по условию русско-турецкого Константинопольского договора 1700 г. русское правительство окончательно отказалось отправлять в Крым погодную «дачу» (этот термин выступает в тексте договора как полный синоним «поминков») и документально зафиксировало данный отказ[9].

О «поминках» так или иначе упоминали практически все авторы, которые писали о русско-крымских отношениях конца XV — XVII в. Большинство историков рассматривало крымские «поминки» как посольские дары, добровольные подарки[10]. «В практике русско-крымских отношений преподнесение поминков носило двусторонний характер, — отмечала в этой связи А.Л. Хорошкевич, — их привозили как русские послы в Крым, так и крымские послы на Русь»[11]. «Поминками» на Руси называли и посольские дары, которые отправляли из Москвы ко дворам европейских и восточных государей, и те подарки, которые получали в Москве от послов этих государей[12]. Например у Г. Котошихина находим указание: «К цесарскому величеству с посланники по-

сылается поминков на 1000 рублев»[13]. Подобная общепринятость «поминков» в средневековом дипломатическом этикете и, в частности, взаимность обмена ими между Русью и Крымом не оставляет места представлению о них как о «дани-откупе», будто бы выплачивавшейся русской стороной в Крым еще с золотоордынских времен[14].

Однако в современной историографии мы можем встретить позицию, однозначно отождествляющую отправку русских «поминков» в Крым с ордынской данью и рассматривающую «поминки» как показатель «непаритетных» отношений между Московским государством и Крымским ханством. Наиболее ярко эта позиция представлена в ряде докладов и публикаций С.Ф. Фаизова[15]. В частности, он категорически утверждает: «С дарами поминки не отождествлялись: по сообщению летописца, в 1382 г. великий князь Дмитрий Иванович послал хану Тохтамышу “дары и поминки”»[16]. Но сколь это утверждение категорично, столь же оно и безосновательно. Приводимая С.Ф. Фаизовым летописная фраза, при более внимательном ее анализе, оказывается аргументом против его точки зрения. Как показали сравнительно недавние лингвистические разыскания в области древнерусского языка, союз «*и*» в средневековых текстах, при отсутствии знаков препинания, мог выполнять не соединяющую, а «уточняющую» функцию, близкую к современной запятой или скобкам. А.А. Зализняк определяет значение такого «*и*» как «то есть», «а именно». Например: «А князю великому Дмитрию Московскому бышеть розмирие съ татары и съ Мамаемъ»[17], то есть «с татарами, с Мамаем» или «с татарами (с Мамаем)», но не отдельно «с татарам» и отдельно «с Мамаем»[18]. Точно так же и интересующая нас фраза должна пониматься в том смысле, что в 1382 г. к Тохтамышу были посланы «дары, поминки», но не отдельно «дары» и отдельно «поминки».

В отношениях с Крымом русская сторона традиционно настаивала на добровольном характере отправки «поминков» и подчеркивала не только свое право посылать или не посылать их к хану и его людям, но и определять размер и состав посылаемых подарков по собственному усмотрению, а не по запросам крымцев. Например, в 1588 г. московский посланник в Крыму Иван Судаков говорил Моллакай-аталыку: «пишет царь (крымский хан. — *Д.К.*) к брату своему царю и великому князю о запросе и о людех своих о ближних, и о приказных, и в том царь волен, и яз царев приказ до государя своево донесу, в том государь волен и царевым людем ближним и приказным государь свое жалованье пришлет, как при прежних царех бывало ... царь пишет о болшом запросе, царь волен, а государь наш, что похочет прислати, в том государь волен»[19]. Таким образом, по крайней мере та часть «поминков», которая шла не членам ханского

рода, однозначно воспринималась русской стороной как «жалование», награждение крымской знати за заслуги и службу в интересах русского великого князя[20]. В этой связи в историографии неоднократно указывалось на обусловленность выдач «поминков» лояльностью крымских получателей, когда в случае неприязненных действий крымцев посылка «поминков» временно прекращалась[21].

С другой стороны, для исследователей был очевиден и во многом вынужденный характер этих платежей в Крым. «...Это были как бы страховые деньги, или средство предупредить еще большее зло со стороны варваров...» — писал М.Н. Бережков, подразумевая под бóльшим злом разорительные крымские набеги на русские украины, от которых и откупались «поминками»[22]. В некоторых особо трудных условиях, например, после набегов 1521 г. и 1571 г. русская сторона даже выражала готовность официально признать обязательность отправки своих «поминков» в Крым[23]. А в XVII в. такого рода обязательства действительно появляются в некоторых русско-крымских дипломатических документах. Так, шертная грамота крымского хана Джанибек-Гирея от июня 1615 г. фиксирует: «...и тебе бы брату нашему великому московскому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу по нашей шерти на всякий год в начале лета, что у тебя лучитца Казну и поминки ко мне присылати слишком»[24]. А в 1633 г. тот же хан прислал в Москву росписи, по которым в Крым должны были выплачиваться русские «поминки»[25]. Обязательство ежегодно выплачивать «поминки» по росписи, посылаемой из Крыма, было включено и в русско-крымский договор 1670 г.[26] (Хотя, по наблюдениям С.Ф. Фаизова, на практике с 1658 по 1680 г. «приходится беспрецедентный перерыв в вывозе поминков»[27].)

Вышеназванные моменты — обязательность ежегодных платежей и установление их размера по желанию Крыма, действительно, придавали «поминкам» оттенок трибутарных выплат. Поэтому в исторической литературе «поминки» подчас отождествляли с «данью» или «данью-окупом»[28]. Однако невозможно вслед за С.Ф. Фаизовым признать, что «за все время документально подтвержденного существования поминков... не меняется их качественная определенность, которая позволяет считать их целостным явлением, а сущность этого явления выразить категорией дани»[29]. Как раз, напротив, мы видим, что под одним и тем же термином «поминки» при разных обстоятельствах могло скрываться весьма различное содержание. В соответствии с конъюнктурой русско-крымских отношений «поминки» приближались то к русскому «жалованию» крымцам, то к «откупу».

Схожие колебания «поминки» и «жалованье» претерпевали и в русско-ногайских отношениях. «Если в 1530-е годы заметно уси-

ление трибутарной тенденции, умело преодоленной русскими дипломатами, — писал по этому поводу М.В. Моисеев, — то к середине столетия стало очевидным укрепление жалованной тенденции. К 60-м годам XVI века поминки прошли эволюцию и очевидно превратились в жалованье. <...> Правящая элита Ногайской Орды после известных событий: междоусобицы и краха кочевой экономики, стала всецело зависеть от русских “поминок”. Ввиду этого предполагать в “поминочных” отношениях наличие трибутарного характера нельзя, наоборот, в течение всего периода происходила эволюция “поминок” в жалованье»[30].

Кроме того, нужно отдавать себе отчет и в том, что варьироваться до некоторой степени могло не только объективное содержание «поминков», но их субъективная интерпретация Москвой, Бахчисараем или какой-либо третьей стороной. И действительно, мы видим, что если в Москве на всем протяжении русско-крымских отношений «поминки» рассматривали в качестве добровольных даров равному политическому контрагенту, то в Бахчисарае на них смотрели как на дань, восходящую еще к золотоордынским временам и символизирующую вассальную зависимость России от Крыма[31]. Такая неоднозначная оценка крымских «поминков» обусловлена неоднозначной природой самого этого феномена, его компромиссным происхождением, когда каждая из сторон стремилась максимально обратить условия этого компромисса в свою пользу.

Подобный двойственный, компромиссный характер принадлежит не только русским «поминкам» в Крым, но и целому ряду схожих исторических феноменов, возникавших на границе разных политических устремлений взаимодействующих сторон и различных культурно-идеологических систем. Ценные наблюдения в этом плане можно найти у В.В. Трепавлова: «...материальным подтверждением и самым наглядным показателем подданства, — указывает исследователь, — на первый взгляд действительно служит выплата налогов в государственную казну. Народы Поволжья, Сибири и южных степей облагались податью под названием *ясак*. <...> В разных местностях и в разное время ясак видоизменялся, да и понимался неодинаково. Если русские власти однозначно видели в нем обязанность подданных по отношению к государю, то плательщики ясака трактовали его или как способ меновой торговли... или как дань побежденных победителю»[32]. В этой своей интерпретационной неоднозначности ясак вполне сопоставим с русскими «поминками» в Крым.

Еще более близкий аналог мы находим в крымско-литовских отношениях. Литовцы пытались представить в качестве добровольных даров свои «упоминки», выплачивавшиеся в Крым. Михалон Литвин

писал о них так: «Мы ежегодно приносим дары царю перекопскому»[33]. Но в Крыму эти «дары» именовались исключительно «данью» и крымская сторона никогда не отказывала себе в удовольствии напомнить Литве о вынужденном характере уплаты «упоминков»[34]. Причем, по мнению ряда исследователей, Корона Польская и Великое княжество Литовское в своих отношениях с Крымским ханством оказались не только хранителями старой терминологии («дань»), но и сферой реального применения даннических отношений[35]. Со своей стороны в Польско-Литовском государстве в начале XVI в. упорно именовали русские платежи татарам — «датки», то есть дань, стремясь использованием такой терминологии изобразить Ивана III в качестве «холопа» большеордынского и крымского ханов[36]. Но было бы наивно идти на поводу у средневековых литовских внешнеполитических «имиджмейкеров» и считать отправку «поминков» в Крым выражением «холопской» (вассальной) зависимости Руси от Крыма.

Подобной точки зрения не разделяли даже те исследователи, которые позволяли себе называть крымские «поминки» «данью». Диссонансом в историографии выступает, пожалуй, лишь позиция С.Ф. Фаизова. Из всей многообразной, зачастую очень оригинальной и притом всегда весьма спорной аргументации, с помощью которой С.Ф. Фаизов пытается обосновать непаритетный, данническийхарактер крымских «поминков», мы остановимся лишь на одном (но весьма важном, на наш взгляд) моменте. «Наиболее значимым исходным условием трактовки поминков как дани, — пишет этот исследователь, — является наличие признака регулярности выплат». Поэтому он посчитал «целесообразным проследить по сохранившейся от XV—XVII вв. посольской документации, насколько далеко уходит в прошлое хронологическая вертикаль ежегодных выплат». В итоге достаточно длительного изучения фонда «Сношения России с Крымом» в Российском государственном архиве древних актов С.Ф. Фаизов убедился, что «нисхождение по документально обеспеченной хронологии поминков заканчивается на том рубеже, на каком заканчиваются сохранившиеся документы русско-крымских отношений — рубеже 1474 года». А, следовательно, установить с исчерпывающей достоверностью, с какого времени «девятные поминки» стали вывозиться в Крым — вряд ли возможно. Подобный итог, конечно же, не позволяет обосновать генетическую связь «поминков» с золотоордынской данью.

И в этой ситуации, исследователь попытался прибегнуть к помощи источников другого вида: публицистических сочинений авторов середины XVII в. — Григория Котошихина и Юрия Крижанича. Сообщение Григория Котошихина, связывавшего начало выплаты

«девятных поминков» в Крым с соответствующим указанием митрополита Алексия (середина XIV в.), по мнению С.Ф. Фаизова, следует признать правдоподобным. «Крымский улус, — утверждает он, — приобрел к тому времени достаточное влияние, чтобы получить согласие хана всей Орды на девятную форму выражения иерархической субординации между московскими князьями и крымскими владетелями»[37].

Таким образом, представленная у Григория Котошихина (и в другом варианте у Юрия Крижанича) легенда о начале выплаты крымских «поминков» еще в XIV в. оказывается единственным свидетельством непрерывности таких выплат с золотоордынских времен и единственным основанием для интерпретации «поминков» как дани. Но адекватна ли столь большая доказательная нагрузка, возложенная С.Ф. Фаизовым на эту легенду? Он и сам вынужден признать, что «свидетельство Г. Котошихина столь же легко может быть поставлено под сомнение, сколь легко и принято»[38]. Те исследователи, которые прежде С.Ф. Фаизова обращались к котошихинской легенде о пленении митрополита Алексея крымскими татарами и последующем освобождении его под условием ежегодной отправки дани в Крым, единодушно отмечали ее абсолютную фактическую недостоверность и, в лучшем случае, готовы были признать, что в этой легенде нашла отражение осторожная политическая линия на мирное сосуществование с Золотой Ордой, которой мог придерживаться митрополит Алексей[39].

Однако, по нашему мнению, вышеприведенные наблюдения отнюдь не исчерпывают весь источниковедческий потенциал данной легенды. Вот только источником она может выступать не в контексте русско-ордынских отношений XIV столетия, а в контексте того сложного клубка международных противоречий, которые сплетались вокруг Крымского ханства (и стоявшей за ним Османской империи) в середине — второй половине XVII в. И для раскрытия этого потенциала котошихинская легенда должна быть помещена в ряд родственных ей историко-политических мифологем о происхождении русских «поминков» в Крым.

Впервые с мифологемой такого типа мы сталкиваемся еще в 40-е годы XVII в. Согласно документам Посольского приказа, в марте 1645 г. в Москву прибыл царегородский грек Иван Матвеев с грамотами к русским властям, среди которых находилось донесение русского агента в Константинополе Ивана Петрова (Иоанна Варды Тафрали), составленное 15 декабря 1644 г.[40] В этом донесении он, в частности, пересказывал содержание разговоров, которые вели в Константинополе греческие купцы, вернувшиеся из Москвы. На

вопрос, «каким образом татаре воевали Московскую украйну? и они отвечают: будто при них приезжали татаре и около Москвы все села и деревни и посады выжгли и взяли полону сорок тысяч; никто против них не выходил для того, что царствие ваше тогда делали чан серебряный, чтобы крестить в нем королевича. Бусурманы им говорили: отчего не противятся московские люди татарам? Гречане говорили: некий чернец заклял, чтобы им противу татар войною не ходить»[41].

Строго говоря, в пересказе константинопольских толков Иваном Петровым русские «поминки» крымским татарам еще не упоминаются. Но уже фигурирует исходящий от духовного лица («некоего чернеца») запрет («заклятье») на войну с татарами как объяснение пассивности русской политики перед лицом крымской агрессии. В более поздних и более подробных версиях интересующей нас легенды этот мотив «заклятья» неизменно будет сопровождать рассказ об обстоятельствах появления крымских «поминков». И конечно, было бы опрометчиво утверждать, что к середине 40-х годов XVII в. такого рода легендарный рассказ вовсе не существовал, раз его нет в рассматриваемом документе. Просто в донесении Ивана Петрова содержание «крымской легенды» излагается предельно кратко, она передается уже из третьих рук, и оттого некоторые ее составные части вполне могли оказаться опущенными.

Весьма показательна та идейно-политическая атмосфера, в которой впервые возникает перед нами легенда о «заклятье» на войну русских с крымскими татарами. Как показал в своих исследованиях Б.Н. Флоря, в годы Азовской войны (1637—1642) среди константинопольских греков распространилась иллюзия о возможном скором освобождении их от турецкого ига русским царем Михаилом Федоровичем, которому уже стали прочить трон византийских императоров. Но сдача Азова и заключение русско-турецкого мирного соглашения в 1642 г. вызвали обратную реакцию — разочарование в русских. (На фоне начала Кандийской войны в 1645—1647 гг. греки стали уповать как на своего освободителя на Речь Посполитую и ее короля Владислава.)[42] Следствием этого и стали нелицеприятные высказывания греческих купцов о русско-крымских отношениях.

Тем более, что для подобных высказываний имелся прямой и объективный повод: 17 ноября 1644 г. в константинопольский порт из Кафы пришел корабль с русским полоном, захваченным в том году крымскими татарами в ходе набега на Русскую украину. Об этом сообщали русским властям и Иван Петров, и халкидонский митрополит Даниил, грамота которого была привезена в Россию тем же Иваном Матвеевым в марте 1645 г.[43] Причем митрополит Даниил предупреждал, что «похвалялся крымский царь султану, что заставит

московского царя давать дань ежегодно Султану, как и ему дает»[44]. Таким образом, тема русских выплат крымскому хану все же возникала в константинопольских пересудах конца 1644 г. Причем возникала в самой неприятной для русской стороны форме, выступая как унизительная дань.

Совершенно ясно, что разговоры на тему русско-крымских отношений велись греческими купцами и во время их пребывания в Москве в 1643—1644 гг. И, конечно же, именно там, от русской стороны, они услышали легенду о «заклятии чернеца» на войну с Крымом, которую позже пересказывали туркам в Константинополе. Насколько можно судить, подобное оправдание мистическим фактором — наличием «заклятия» — той примиренческой позиции в крымском вопросе, какую в середине 40-х годов XVII в. занимало русское правительство, могло до известной степени быть понято и принято греческой стороной (хотя, конечно, и без большого восторга). В рассматриваемом послании Ивана Петрова мы находим фрагмент, в котором политическое поведение турецкого султана объясняется, кроме прочего, и мистическим воздействием пророчества: «покамест казаки ваши на Дону проживать будут, — пишет он русскому царю, — то вашей царской украйне будет великая помощь, а турскому посрамление и он смирится, потому что и в книгах своих обретают, что царство их будет взято от русскаго рода»[45]. В рамках подобных религиозно-политических воззрений и русское «заклятье чернеца» вполне годилось для объяснения (если не оправдания) «смирения» царя Михаила Федоровича в крымских делах.

Следующий, гораздо более обширный вариант «крымской легенды» представлен в путевых записках архидиакона антиохийского патриарха Павла Алеппского между описанием событий начала 1655 г. В этом варианте вместо безымянного чернеца фигурирует уже митрополит Петр, который будто бы во дни императора Василия Македонянина (то есть в VIII в.) крестил Русь, а затем отправился в Москву, где тогда «были татарские цари... Святой прибыл в этот город, находившийся во власти татар, и совершал великие чудеса. По этой причине его очень полюбили и верили всему, что он говорил им. Видя, что они не веруют (во Христа), он сказал им: “Вот, я пошлю от Господа огонь, который пожжет вас, и воду, которая потопит этот город; уходите из него на некоторое время”. Они поверили ему и ушли в пределы Казанской области, а святой немедленно послал за царем Владимиром и его войском и отдал ему во власть этот город вместе с другими без труда и войны. <...> Затем св. Петр заключил договор между русскими и татарами, наложив в пользу последних дань, которую должны были вносить им ежегодно Владимир и его

дети, чтобы татары утешились в потере своей страны, причем произнес анафему на того, кто нарушит договор. <...> Договор оставался в силе между ними до времен царя Иоанна, который пошел и завоевал Казань, откуда оставшиеся в живых татары ушли в Астрахань; когда же он и ее взял, они бежали в татарскую страну, которой владеют в настоящее время, именно Крым, Бахчисарай, Кафу и иные»[46].

Абсолютная фактическая недостоверность этого «исторического» рассказа Павла Алеппского совершенно очевидна для современного читателя. Но также совершенно очевидно, что сам сирийский путешественник, услышав этот рассказ в России, вполне поверил ему. И для него казалось вполне естественным, что наложенная митрополитом Петром анафема (по сути, совершенный аналог «заклятия» из послания Ивана Петрова), несколько столетий заставляла русских соблюдать мирный договор с татарами. И современные ему политические реалии середины XVII в. Павел Алеппский трактует, исходя из усвоенной легенды о митрополите Петре. Он прямо утверждает, что если бы не это проклятие, то русские совершенно положили бы конец ежегодной отправке «казны» крымскому хану[47].

Хотя Павел Алеппский и использует в качестве названия русских выплат крымским татарам арабский термин, переводимый на русский как «дань», но отношения между Россией и Крымом представлены у него в виде договорных, и вполне паритетных: «царь ежегодно дает хану и мурзам казну... не из страха перед ними, а в виде арендной платы за их земли, которыми завладели московиты»[48]. И объективное состояние русско-крымских отношений в середине 50-х годов XVII в., когда не крымцы тревожили русские украины, а Россия готовила в 1655 г. крупномасштабное вторжение в Крым (сорвавшееся лишь из-за разразившейся эпидемии чумы)[49]; и субъективное восхищенное восприятие Павлом Алеппским Российского государства, его военной мощи и активной, победоносной внешней политики, равным образом, способствовали трактовке русских выплат в Крым, не в принудительном, а в договорном контексте.

Совершенно в ином свете представляет происхождение русских «поминков» в Крым вариант предания, изложенный в сочинении Г.К. Котошихина. Свой вариант «крымской легенды» Г.К. Котошихин записал, уже будучи в эмиграции в Швеции в 1666—1667 гг. Хотя узнал он ее, несомненно, еще в России во время службы в Посольском приказе в 1645—1664 гг. «А уложил те поминки давать, — писал Г.К. Котошихин, — Алексей, митрополит Московский, после того времяни, как он был в Крыму в полону, тому много лет назад. Так же он, митрополит, заклял Московское государство, чтоб они сами на крымских людей войною не ходили, а утешали б нечестиваго дарами; а ежели

они через его заклинание учнут на Крым ходить войною, и им в войне не даст бог поиску, а в земле плоду. Разве они, крымские люди, сами учнут войною приходити — и против них стояти повелел. И по тому его заклинанию московский царь то и чинит: сам войною на Крым не наступает, а окупаетца такими дарами ежегодь; а когда и войска свои против крымских людей посылает, и тогда московские войска на крымские войска поиску сыскати не могут никакого, потому что московские войска никоторых людей так не страшны, как крымских»[50].

Таким образом, «поминки», согласно версии Г.К. Котошихина, возникли вследствие татарского насилия над русским первосвятителем и вместе с запретом воевать против крымцев стали платой за освобождение митрополита Алексея из мифического «крымского плена». Характер отношений между двумя государствами здесь определенно неравноправный, причем не в пользу России. И снова приходится отметить, что для религиозно-политического сознания человека (причем достаточно образованного и культурного человека) XVII столетия оказывается вполне достаточно «заклятия» митрополита Алексея, чтобы объяснить согласие России на сохранение неприритетных отношений с Крымом.

Оба варианта предания о происхождении крымских «поминков» в 60—70-е годы XVII в. существовали параллельно. На это указывает рукопись «Политических дум» Юрия Крижанича, где в 52-й главе «О татарах» первоначально было написано: «Преподобный митрополит Алексей заповедал давать дань татарам», но затем имя митрополита было заменено на Петра[51]. Речь у Крижанича ведется о «перекопских», то есть о крымских татарах, следовательно, под «данью» здесь подразумеваются крымские «поминки». В данной главе своего сочинения Юрий Крижанич стремится убедить русского царя в необходимости и возможности завоевания Крыма и последовательно опровергает доводы, которые могут быть выдвинуты против подобного завоевательного проекта. В частности, он говорит: «по моему разумению, теперь уже прекратилась сила этой заповеди (о дани татарам. — *Д.К.*)... если какой-нибудь государь будет решительно наступать на татар, то это будет не собственно человеческое решение, а именно воля Божия, которая непременно приведет к доброму концу»[52]. Следовательно, Крижаничу было известно, что митрополичья «заповедь» вместе с указанием о выплате дани крымским татарам содержала и запрет воевать с ними. Этот запрет он воспринимает вполне серьезно, как существенное препятствие для предполагаемого захвата Крыма, которое может быть преодолено только с помощью воли Божией.

Такое отношение к «заклятьям» и пророчествам как к действенному фактору в политической межгосударственной борьбе Юрий

Крижанич, подобно Ивану Петрову, демонстрирует, и когда пишет, что хорошо бы было воспользоваться и пророчествами, существующими у турок, что они будут покорены русыми людьми с севера, то есть русскими и вообще славянами. «Во время всеобщего военного похода, — замечает Ю. Крижанич, — полезно бы было нашему воинсту такие пророчества возвестить»[53].

В историографии мы практически не находим попыток определить точное время и обстоятельства происхождения «крымской легенды», указать на ту социальную среду в которой она могла возникнуть. Только А.В. Лаврентьев привел в одной из своих работ рассказ Григория Котошихина в качестве доказательства того, что уже во время Лжедмитрия I, то есть в первые годы XVII в., «возможно, сформировалась ... некая устойчивая позиция “не ходить в Крым”». «“Крымский”» элемент, — по мнению А.В. Лаврентьева, — должен был играть заметную роль в формировавшейся в это время идеологии и психологии дворянской службы»[54]. Общее указание на дворянство, как на среду, в которой могла сформироваться «крымская легенда», выглядит все же очень расплывчато. А датировка ее самым началом XVII в., на основании сочинения Григория Котошихина, написанного шестью десятилетиями позднее, представляется не особенно надежной.

Мы видели, что различные варианты легенды о происхождении крымских «поминков» были известны в середине — второй половине XVII столетия довольно большому кругу очень разных по происхождению, культурно-религиозной принадлежности и социальному статусу лиц. Мы встречаем среди них и греческих купцов, торговавших в Москве, и «агента» русского правительства в Стамбуле, и православного сирийского архидиакона, и хорвата католика, и подьячего Посольского приказа. И именно связь с Посольским приказом, к которому все они при определенных обстоятельствах своей жизни имели отношение, объединяет этих очень разных людей в некую единую группу. Отсюда можно было бы сделать вывод, что различные варианты легенду о крымских «поминках» бытовали в XVII в. именно в среде, связанной с русским внешнеполитическим ведомством. Очень возможно, что сама эта легенда о «заклятии», наложенном тем или иным авторитетным духовным лицом на русско-крымские отношения, явилась плодом исторического мифотворчества служащих Посольского приказа[55].

Но в то же время явная религиозная окраска «крымской легенды», превращение в ее главное действующее лицо одного из авторитетных русских первоиерархов XIV столетия — Петра или Алексея, позволяет предполагать и ее возможное происхождение из церковных кругов[56]. Наши источники позволяют предполагать особую роль

Церкви именно в русско-крымской дипломатии. «В XVI в., — как отмечал Л.А. Юзефович, — крестное целование государя на договорных грамотах было обрядом, который Церковь практически не контролировала»[57]. Но явное отступление от этого правила мы находим в договоре («правде») с крымским ханом Девлет-Гиреем от 9 марта 1564 г., где в конечном протоколе было сказано: «А правду учинили на сей записи перед Афанасием, митрополитом всеа Руси, перед своим богомольцем Великого Новгорода и Пскова архиепископом Пименом с товарищи...». Отметившая эту особенность русско-крымского договора 1564 г. А.Л. Хорошкевич, не нашла ей однозначного объяснения: «Видимо, обряд крестоцелования на записи крымскому хану отличался от крестоцелования на докончаниях с христианскими государями, когда дело обходилось без митрополита и новгородского архиепископа. В чем причина такой разницы, трудно сказать. Либо крымская сторона требовала участия высшего духовенства, памятуя о традициях ордынского времени, когда ханы ориентировались на поддержку духовенства, либо это было сделано по инициативе самого царя, чтобы столь резкому повороту (от конфронтации к миру. — *Д.К.*) в сношениях с Крымом придать максимум законности. Не исключено, что перемены в крымской политике совершались при участии митрополита»[58].

Последнее замечание исследовательницы представляется весьма вероятным. В Русской Православной Церкви традиционно находились и отдельные лица, и целые группы, которые, вопреки воинственным устремлениям светской власти, выступали за неизменное сохранение мира с внешними соседями Московского государства. В середине XVI в. проводниками мирной линии русско-литовских отношениях были митрополиты Макарий и Афанасий[59]. В период Смоленской войны свои голоса протеста подавали священник Иван Неронов и астраханский архиепископ Пахомий[60]. А в 70—80-х годах XVII в., то есть как раз в период активного бытования «крымской легенды», патриарх Иоаким противился вступлению России в антиосманскую «Священную лигу» и желал сохранения мира с Турцией и Крымом[61].

Но в какой бы социальной среде не возникла «крымская легенда» (дворянской, приказной, церковной), она наглядно показывала, что возможность интерпретации «поминков» как выражения неравноправного, подчиненного статуса России по отношению к Крымскому ханству вполне осознавалась в Москве. Чтобы объяснить происхождение крымских «поминков» и оправдать сохранение этого обидного обычая, вредившего престижу России в глазах европейских соседей, и могла возникнуть легенда о религиозном «заклятии» на сей счет. Причем, как мы могли убедиться, эта легенда впол-

не серьезно воспринималась всеми, кто пересказывал ее в дошедших источниках. Таким образом, усилия ее создателей не пропали даром.

Чрезвычайно интересно, что и с другой — крымской стороны мы находим легенду о происхождении «поминков», типологически сходную с русскими преданиями на сей счет (особенно близкую к варианту Г.К. Котошихина). Во второй половине XVIII в. ученый крымский еврей Давид Лехно создал «Устную историю» (Девар Сефатхаим), основанную на рассказах о прошлом Крыма, которые ему удалось услышать от татарских «мудрецов»[62]. Среди прочего, эти «мудрецы» рассказали Давиду Лехно и о том, что будто бы «Царь Мошкова попался однажды Крымскому хану в плен, и для унижения его чести ему дали пару волов и заставили пахать ими землю; но затем это было заменено ежегодными подарками хану»[63]. По мнению В.Д. Смирнова, «эта небылица есть искаженный отголосок народного предания о двух различных исторических фактах — о ругательном ярлыке Сахиб-Герай хана I к царю Ивану IV Грозному в 1541 г. и об установлении дани под именем тыш при Девлет-Герай хане I в 1571 году»[64]. Однако, на наш взгляд, нельзя исключать и возможности появления и развития этой татарской легенды благодаря знакомству в Крыму с историческим мифотворчеством русской стороны.

[1] *Бережков М.Н.* Крымские шертные грамоты // Чтения в историческом Обществе Нестора Летописца. — Киев, 1894. — Кн. 8. — С. 47; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. — М., 1960. — Кн. III, т. 5: С. 83—84; *Хорошкевич А.Л.* : 1) Русь и Крым после падения ордынского ига: динамика трибутарных отношений // Отечественная история. — 1999. — № 2. — С. 76 ; 2) Русь и Крым: от союза к противостоянию, конец XV — начало XVI вв. — М., 2001. — С. 227, 239, 244, 271; *Горский А.А.* Москва и Орда. — М., 2000. — С. 163.

[2] Сборник императорского русского исторического общества. — СПб., 1884. — Т. 41: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Т. 1: С 1474 по 1505 год, эпоха свержения монгольского ига в России. — С. 1—2, 4—6 (№ 1). — Далее: Сб. РИО.

[3] Шертная грамота Крымского царя Менгли-Гирея, утвержденная крестным целованием великого князя Иоанна Васильевича о сохранении взаимной дружбы и братства // Записки одесского Общества истории и древностей. — Одесса, 1863. — Т. V. — С. 267. — Далее: ЗООИД.

[4] *Юзефович Л.А.* «Как в посольских обычаях ведется...»: русский посольский обычай конца XV — начала XVII в. — М., 1988. — С. 23—25.

[5] Сб. РИО. — Сб., 1884. — Т. 41. — С. 2—3 (№ 1).

[6] Там же. — С. 5.

[7] ЗООИД. — Одесса, 1863. — Т. V. — С. 267; *Бережков М.Н.* Крымские шертные грамоты. — С. 43.

[8] *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI—XVIII вв. — М., 1946. — Т. I. — С. 119—120, 166; *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства (вторая половина XV века). — М., 2001. С. 164—166; *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию ... — С. 240—258.

[9] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. — СПб., 1830. — Т. 4. — С. 70 (№ 1804).
[10] *Сахаров А.М.* Крымское ханство // Советская историческая энциклопедия. —М., 1965. — Т. 8. — С. 207—208; *Хорошкевич А.Л.*: 1) Русь и Крым после падения ордынского ига ... — Стб. 77 ; 2) Русь и Крым: от союза к противостоянию ... — С. 244—245.
[11] *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию ... — С. 245.
[12] Там же. — С. 243; *Юзефович Л.А.* Указ. соч. — С. 47—53.
[13] *Котошихин Г.* О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI—XVII веков. — М., 1984. — С. 211.
[14] *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию ... — С. 245.
[15] *Фаизов С.Ф.* : 1) Эволюция дани — откупа во взаимоотношениях Русского государства и крымского ханства в последней четверти XV — XVI вв.: (терминологический, юридический и функциональный аспекты) // Славяне и их соседи: тезисы XI конференции. — М., 1992. — С. 64—67 ; 2) Поминки — «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом: (к вопросу о типологии связей) // Отечественные архивы. — 1994. — № 3. — С. 49—55. Текст второй статьи был озвучен С.Ф. Фаизовым на Круглом столе татарской общественности «Золотая Орда: исторические параллели», организованном Фондом развития мусульманских народов, 2 января 2000 г.; в настоящее время этот же текст размещен в Интернете на сайте Московского татарского студенческого собрания. Наконец, в 2007 г. в Нижнем Новгороде был издан мусульманский календарь «Туграа, 2008-1429», в котором автором текста выступил С.Ф. Фаизов; там в разделе «Казна» он концентрированно изложил свои прежние взгляды на данническую сущность крымских «поминков». Принципиально важно, что это уже обращение не к профессиональным историкам, к широкому читателю, попытка воздействия на массовое историческое сознание наших мусульманских соотечественников
[16] *Фаизов С.Ф.* Поминки — «тыш» ... — С. 54 (примеч. 9).
[17] Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 106.
[18] *Горский А.А.* Указ. соч. — С. 166 (примеч. 78). Ср.: *Янин В.Л., Зализняк А.А.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 1997 г. // Вопросы языкознания. — 1998. — № 3. — С. 30.
[19] *Лашков Ф.* Статейный список московского посланника в Крыму Ивана Судакова в 1587—1588 году // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — Симферополь, 1891. — Т. 14. — С. 78, 80. — Далее: ИТУАК.
[20] *Базилевич К.В.* Указ. соч. — С. 166.
[21] Там же; *Возгрин В.Е.* Исторические судьбы крымских татар. — М., 1992. — С. 199—200.
[22] *Бережков М.Н.* : 1) План завоевания Крыма, составленный Юрием Крижаничем // Журнал министерства народного просвещения. — 1891. — Ч. CCLXXII, октябрь. — С. 73 ; 2) Крымские шертные грамоты. — С. 39—41. Ср.: *Лохвицкий А.* О пленных по древнему русскому праву (XV, XVI, XVII века). — М., 1855. — С. 19—22; *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. — М.; Л., 1948. — С. 418—419; *Шмидт С.О.* К характеристике русско-крымских отношений второй четверти XVI в. // Международные связи России до XVII века. — М., 1961. — С. 367; *Юзефович Л.А.* Указ. соч. — С. 54; *Некрасов А.М.* Международные отношения и народы Западного Кавказа, последняя четверть XV — первая половина XVI в. — М., 1990. — С. 80.
[23] *Юзефович Л.А.* Указ. соч. — С. 25; *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты: в 2 т. — М., 2005. — Т. I: Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. — С. 321—323.

[24] *Лашков Ф.* Памятники отношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел (продолжение) // ИТУАК. — Симферополь, 1890. — Т. 10. — С. 12.
[25] Там же. — С. 29—41.
[26] Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. — Т. 4. — С. 836 (№ 469).
[27] *Фаизов С.Ф.* Поминки — «тыш» ... — С. 52.
[28] *Лохвицкий А.* Указ. соч. — С. 22 (примеч. 44); *Лашков Ф.* Памятники отношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел // ИТУАК. — Симферополь, 1890. — Т. 9. — С. 7; *Смирнов В.Д.* Указ. соч. — Т. I. — С. 321—323; *Самойлович А.Н.* Тийишь (тишь) и другие термины крымско-татарских ярлыков // Известия Российской Академии Наук. — 1917. — № 15. — С. 1277—1278; *Маркевич А.И.* Краткий очерк истории Крымского ханства // Крым: путеводитель. — Симферополь, 1923; *Некрасов А.М.* Указ. соч. — С. 80; *Борисов Н.С.* Иван III. — 2-е изд., испр. — М., 2003. — С. 417.
[29] *[Фаизов С.Ф.].* Казна // Тугра 2008-1429. — [Б. м., б. г.]. — [С. 17].
[30] *Моисеев М.В.* Взаимоотношения России и Ногайской Орды (1489—1563 годы): автореф. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — М., 2007. — С. 17—18. Ср.: *Его же.* Посольские дары-«поминки» — в контексте взаимоотношений России с кочевниками в XVI веке // Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV — первой трети XVIII века: 3-я междунар. науч. конф. цикла «Иноземцы в Московском государстве», посвящ. 200-летию Музеев Моск. Кремля, 19—21 окт. 2006 г.: тез. докл. — М., 2006.
[31] *Новосельский А.А.* Указ. соч. — С. 419; *Юзефович Л.А.* Указ. соч. — С. 55—56.
[32] *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV—XVIII вв. — М., 2007. — С. 135.
[33] *Михалон Литвин.* О нравах татар, литовцев и москвитян. — М., 1994. — С. 93.
[34] *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию ... — С. 242—243; *Юзефович Л.А.* Указ. соч. — С. 54.
[35] *Довнар-Запольский М.В.* Литовские упоминки татарским ордам. Скарбовая книга Метрики Литовской 1502—1509 // ИТУАК. — 1898. — Т. 28. — С. 17; *Хорошкевич А.Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию ... — С. 230—231; *Аверьянов К.А.* Купли Ивана Калиты. — М., 2001. — С. 34—35, 185.
[36] *Хорошкевич А.Л.* : 1) Русь и Крым после падения ордынского ига ... — С. 70 ; 2) Русь и Крым: от союза к противостоянию ... — С. 226.
[37] *Фаизов С. Ф.* Поминки — «тыш» ... — С. 51.
[38] Там же.
[39] *Аболенский И.* Московское государство прицаре Алексее Михайловиче и патриархе Никоне, по запискам архидиакона Павла Алеппского. — Киев, 1876. — С. 194; *Бережков М.Н.* План завоевания Крыма ... — С. 78—79; *Борисов Н.С.* Церковные деятели средневековой Руси XIII—XVII вв. — М., 1988. — С. 86.
[40] Российский государственный архив древних актов. — Ф. 52. — Оп. 1. — № 30. — Л. 32—41.
[41] *[Муравьев А.Н.]* Сношения России с Востоком по делам церковным. — СПб., 1860. — Ч. II. — С. 298.
[42] *Флоря Б.Н.* : 1) Россия и стамбульские греки в годы борьбы за Азов (1637—1642) // Славяне и их соседи. — М., 1992. — Вып. 4. — С. 119 ; 2) Россия, стамбульские греки и начало Кандийской войны // Там же. — М., 1996. — Вып. 6. — С. 182—183 ; 3) Османская империя, Крым и страны Восточной Европы во второй половине 30-х — 40-х гг. XVII в. // Османская империя и страны Цент-

ральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. — М., 1998. — Ч. 1. — С. 162—164.
[43] *[Муравьев А.Н.]* Сношения России с Востоком ... — Ч. II. — С. 297, 300.
[44] Там же. — С. 302.
[45] Там же. — С. 295—296.
[46] *Павел Алеппский.* Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским: по рукоп. Моск. гл. арх. М-ва иностр. дел. — М., 2005. — С. 317.
[47] Там же. — С. 318.
[48] Там же.
[49] *Санин Г.А.* Порта, Крым и страны Восточной Европы в 50—60 гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. — М., 2001. — Ч. 2. — С. 37.
[50] *Котошихин Г.* Указ. соч. — С. 214.
[51] *Бережков М.Н.* План завоевания Крыма ... — С. 78, 115.
[52] *Крижанич Юрий.* Русское государство в половине XVII века. Рукопись времен царя Алексея Михайловича. [Открыл и изд. П. Бессонов]. — М., 1859. — [V]. — С. 131—132. — (Приложение к № 5 «Русской беседы» за 1859 год).
[53] *Маркевич А.* Юрий Крижанич и его литературная деятельность. — Одесса, 1895. — С. 105; *Бессонов П.* Указ. соч. — С. 120—121, 133—136.
[54] *Лаврентьв А.В.* Царевич — царь — цесарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали, 1604—1606 гг. — СПб., 2001. — С. 135.
[55] О широком использовании в практике Посольского приказа легенд историко-политического характера см.: *Ерусалимский К.Ю.* История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI в. — М., 2005.
[56] За указание на такую возможность, сделанную во время моего доклада на Ученом совете ИРИ РАН, искренне благодарю В.А. Кучкина.
[57] *Юзефович Л.А.* Указ. соч. — С. 174.
[58] *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. — М., 2003. — С. 395.
[59] *Смирнов И.И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. — М.; Л., 1958. — С. 196—201; *Полосин И.И.* Монастырские «объезды» Ивана IV: (из истории военной политики России) // *Полосин И.И.* Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. — М., 1963. — С. 68—69; *Хорошкевич А.Л.* Митрополит Афанасий и царь Иван Грозный // IN MEMORIAM: сборник памяти Я.С. Лурье. — СПб., 1997. — С. 282—291; *Филюшкин А.И.* История одной мистификации: Иван Грозный и «Избранная Рада». — М., 1998. — С. 177; *Кривцов Д.Ю.* Рассказ Степенной книги о «шествиях» в Орду митрополита Алексея и царско-митрополичьи отношения 60-х гг. XVI в. // Мининские чтения: материалы докладов науч. конф., проводившихся в Нижегород. гос. ун-те им. Н.И. Лобачевского 22 мая 1998 г., 21 мая 1999 г. и 21 мая 2000 г. — Н. Новгород, 2001. — С. 67—84.
[60] *Кривцов Д.Ю., Морохин А.В.* Известие о смерти патриарха Филарета в Хронографе архиепископа Пахомия // Мининские чтения: материалы науч. конф. Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского (29—30 окт. 2004 г.). — Н. Новгород, 2005. — С. 62—73.
[61] *Богданов А.П.* Московская публицистика последней четверти XVII века. — М., 2001. — С. 80—82.
[62] *Боровой С.Я.* Давид Лехно и его история Крымского ханства // Исторические записки. — М., 1948. — [Т.] 10. — С. 295—299.
[63] *Гаркави А.* Отрывки из исторического сочинения Д. Лехно // Отчет Императорской Публичной библиотеки на 1882 год. — СПб., 1884. — Отд. 5. — С. 5.
[64] *Смирнов В.Д.* Указ. соч. — Т. I. — С. 432 (примеч. 1).

Е.В. Мезенцев

УЧАСТИЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ В ВОЙНЕ ПРОТИВ НАПОЛЕОНОВСКОЙ ФРАНЦИИ В 1805 Г.

В статье освещаются боевые действия донских казаков во время войны России с наполеоновской Францией в 1805 г. Рассматривается состав и организация донских казачьих полков, их дислокация и степень мобилизации, распределение по различным корпусам и армиям. Прослеживается роль казаков в различных боях и сражениях указанной войны. На основе сведений из казачьих послужных списков анализируется характер полученных ранений, боевой опыт, специфика действий в бою. Исследуется урон, причиненный французам казаками, и их собственные потери. Особо рассматривается вопрос о партизанских операциях донцов в тылу наполеоновской армии.
Ключевые слова: донские казаки; партизанские действия; наполеоновские войны; война 1805 г.

E.V. Mezentzev

Participation of cossacks from the Don in the War with Napoleonic France in 1805

The article is devoted to the military actions of the Don cossacks during the war with Napoleonic France in 1805. The composition and the organization of the Don cossacks regiments, their dislocation and grade of mobilization, distribution of different corps and armies. The role of the cossacks in different battles of this war is investigated. The character of wounds received, level of combat experience, specifics of battles activities is analyzed on the basis of the information from the Cossack's service lists. The damage made by the Cossacks to the France and their own losses are researched.
The question of the partisan operations of Don Cossacks in the rear of Napoleonic Army is specifically studied.
Keywords: Napoleonic wars; struggle between Russia and France in 1805; cossacks from the Don; guerilla warfare.

После славных подвигов в Италии и в Альпах в 1799 г. донскому казачеству недолго пришлось отдыхать от ратных трудов. В 1805 г. разразилась новая война с Францией, во главе которой стоял уже Наполеон. К тому времени все население области Войска Донского составляло 400 тыс. человек, из них мужчин было 191 тыс. Среди них казаков — 116 тыс., остальные — крестьяне-переселенцы (в основном украинцы) и калмыки, которые не несли казачьих обязанностей[1]. За вычетом малолеток-выростков и отставных ветеранов чис-

ло взрослых казаков, годных к службе, составляло 44 тыс. человек[2]. Поскольку по традиции в состав донского казачьего полка входило, как правило, вместе с офицерами чуть более 500 человек, из указанного общего числа казаков формировалось обычно 80 полков[3].

По новому штатному расписанию от 31 августа 1803 г. численный состав донского полка был увеличен до 578 человек: 18 офицеров (1 полковник — командир полка, 5 есаулов — сотенных командиров, 5 сотников — их помощников, 5 хорунжих, 1 квартирмистр и 1 писарь), 10 унтер-офицеров (урядников или пятидесятников) и 550 простых казаков, включая и десятников (капралов или приказных)[4]. Впрочем, новые штаты на практике часто не выдерживались.

Донской казачий полк делился на пять сотен, каждая сотня — на две полусотни (пятидесятни), полусотня — на десятни (десятки). Отряд из нескольких донских полков на войне возглавлялся походным атаманом в чине генерал-майора[5].

Комплектование донских полков до 1792 г. производилось по округам (сыскным начальствам) земли Войска Донского. Округа, находившиеся на верхнем Дону (Донецкий, Хоперский, Усть-Медведицкий), назывались верховыми, а те, что были на нижнем Дону (Донской, Сальский и пр.), — низовыми. Низовые казаки — первопоселенцы на Дону, на территории которых находилась и столица Донского войска г. Черкасск, были более зажиточны и более лояльны русскому правительству, выделяясь и антропологически (темноволосые, с сильной примесью турецкой, татарской и черкесской крови)[6].

Верховые казаки, переселившиеся на Дон позднее из южнорусских земель, — в основном бывшие беглые крестьяне и их потомки (преимущественно светловолосые) были довольно бедны, сохраняли бунтарский дух и нередко проявляли неповиновение царским властям, требуя сохранения былых демократических традиций и вольностей Тихого Дона[7].

Поэтому после подавления в 1792 г. с помощью низовых казаков очередного восстания казаков верховых (на Хопре) царское правительство, не желая больше иметь неблагонадежные полки, сформированные в верховых округах, решило при отправке на службу перемешивать верховых казаков с низовыми, так чтобы последних было в каждом донском полку не менее половины[8]. Отныне каждый донской полк составлялся со всех округов Войска Донского, а не со станиц определенного округа.

Это, конечно, повысило политическую благонадежность донских полков, но несколько понизило их боеспособность, поскольку был сильно ослаблен принцип землячества. Если раньше полк составлялся из казаков нескольких соседних станиц, а иногда даже одной большой станицы, то теперь он формировался из казаков несколь-

ких десятков станиц, разбросанных по всем округам Войска Донского, то есть до службы эти казаки совершенно не знали друг друга и «притирались» уже в полку[9].

Что касается оружия, то каждый донской казак обычно имел при себе пику («дротик»), саблю или шашку, лук со стрелами либо ружье, поясной нож, аркан, а порой еще и 1—2 пистолета и боевой топор[10]. Пика была любимым оружием донца, его главным отличием («казак без пики, что девка без ожерелья»), с нее начинали бой при столкновении с противником и ею же обычно заканчивали при погоне за опрокинутым неприятелем, коля его в спину и пониже[11].

Казачьи пики были гораздо длиннее русских и польских уланских пик (2,85 метра) и позднейших (с 1811 г.) уланских пик французов (2,76 метра). Строгой регламентации у донцов не было, но пик короче 3 метров у них не бывало. Наиболее часто фигурировала длина в 3—3,65 метра, но порой пики достигали в длину 2 саженей (4,27 метра), а иногда даже 5,5 метра![12]

Древко (ратовище) пики донцы изготавливали из сосны или липы и насаживали на него на трубке длиной 18 см 3—4-гранный наконечник. Чтобы противник не перерубил деревянное древко клинковым оружием (при штурме Измаила в 1790 г., например, турецкие янычары своими ятаганами порой обрубали казакам пики), донцы с конца XVIII в. обычно оковывали железом прилегающую к металлическому наконечнику верхнюю часть пики[13].

Впрочем, перерубить древко даже там, где оно не было оковано железом, с одного удара сабли, а тем более шашки было крайне трудно, а попасть второй раз по уже сделанной насечке было практически невозможно. Так, донской казак Степан Полунин во время службы на Кавказской линии (1847 г.) отбился пикой от 20-ти напавших на него конных чеченцев, причем древко пики было надрублено ударами шашек в 17 местах, но так и не сломалось![14]

Характерной особенностью донской казачьей пики было наличие «отреза» — двух острых железных лезвий, тянувшихся от наконечника вдоль древка на 70 см в длину. Отрез не позволял врагу схватиться за пику или отвести ее рукой в сторону, а также давал возможность использовать пику не только как колющее (при прямом ударе), но и рубящее оружие (при ударе боком пики)[15].

Кроме того, режущие лезвия отреза разрезали и расширяли колотую рану, нанесенную наконечником, что делало ее вдвойне опасной и часто смертельной, особенно при ранении в живот[16].

Наличие отреза позволяло донцам, в отличие от улан, наносить удары пикой в полную силу и нередко пробивать противника насквозь, не боясь, что пика застрянет («завязнет») во вражеском

теле. Лезвия отреза разрезали рану достаточно широко, чтобы можно было без особого труда выдернуть пику[17]. Обычная донская пика весила около 2 кг и была легче уланской, но в гвардейском лейб-казачьем полку, куда отбирали самых высоких и сильных донцов, она была тяжелее, чем у улан, обладая зато повышенной убойной силой. В этом на собственном опыте убедился Фаддей Булгарин, служивший в 1806—1810 гг. в лейб-уланском полку[18].

Сабли у донцов были в основном азиатских образцов (турецкого, татарского, персидского и отчасти среднеазиатского типов), в том числе много трофейных. Но большинство донцов предпочитали шашки кавказского типа, перенятые ими у горцев, в основном у черкесов. Казачья шашка того времени в среднем имела длину около 90 см, ширину примерно 3 см и весила немногим менее 1 кг[19].

В отличие от расхожего мнения, ружей у казаков тогда было очень мало, и Платов в 1807 г. даже сетовал, что в донских полках ружья имеют менее чем по 30 человек в каждом, причем самых разных типов и калибров[20]. Остальные казаки были вооружены луками, которыми владели очень хорошо. Сам Платов, как известно, был прекрасным лучником и поразил Наполеона в Тильзите своей виртуозно меткой стрельбой, подарив напоследок Бонапарту на память свой лук и стрелы[21]. Кстати, при Аустерлице, по французским источникам, некоторые наполеоновские солдаты были убиты и ранены стрелами[22]. Это, безусловно, результаты боевой работы казаков.

Между прочим, французы уверяют, что под Аустерлицем в составе русской армии были *татары* и *калмыки*[23]. В принципе это могло быть. Особых татарских и калмыцких полков при Аустерлице не было, но в донских казачьих полках могли быть небольшие команды татар и калмыков. Дело в том, что в XVII—XVIII вв. в состав Донского казачьего войска было включено несколько тысяч татар и калмыков, переселившихся на Дон. Они жили отдельными станицами, сохраняли свой язык, веру и национальную одежду[24]. После реформы комплектования 1792 г. эти малочисленные татары и калмыки стали попадать в донские казачьи полки небольшими вкраплениями.

В качестве оружия донцы использовали при необходимости и нагайку, которой они погоняли своих лошадей, поскольку шпор у казаков не было. По силе удар нагайкой равнялся удару тупой саблей[25].

По договоренности с союзниками — Англией и Австрией царь обязался выставить для войны с Францией не менее 180 тыс. солдат, разделенных на шесть армий и корпусов. В состав 50-тысячной Подольской армии М.И. Кутузова было назначено шесть донских казачьих полков: войсковых старшин П.Х. Кирсанова, Дмитрия Михайловича Киселева 2-го, Тимофея Дмитриевича Грекова 18-го, подполковников

Алексея Гавриловича Сысоева 1-го и Василия Егоровича Ханженкова 1-го и полковника Алексея Евдокимовича Грекова 9-го. Последний был походным атаманом всего этого казачьего отряда[26].

Кстати, А.И. Сапожников в своей книге об участии донских казаков в войнах против Наполеона путает войскового старшину П.Х. Кирсанова с подполковником Х.П. Кирсановым (Хрисанфом Павловичем, вероятно, отцом первого)[27]. На деле в состав Подольской армии был назначен именно П.Х. Кирсанов со своим полком.

В 40-тысячную Волынскую армию генерала Ф.Ф. Буксгевдена было включено четыре донских казачьих полка (Денисова 14-го, Гордеева 1-го, Мелентьева 3-го и Андриянова 2-го). В состав других армий и корпусов было назначено 28,5 донских полка, но почти все они не успели принять участие в военных действиях.

Для движения за границу Подольская армия в начале августа 1805 г. была разделена на шесть дивизий («колонн»), в каждую из которых было включено по одному казачьему полку[28].

Однако 13 (25) августа 1805 г. в день выступления 1-й колонны Подольской армии за границу в пределы Австрии три донских казачьих полка (Грекова 9-го, Грекова 18-го и Кирсанова) внезапно были остановлены и получили приказ перейти в состав других русских армий. В итоге в Австрию в составе Подольской армии отправилось всего три казачьих полка: Ханженкова, Сысоева и Киселева[29]. Поскольку первоначально назначенный походный атаман (Греков 9-й) остался в России, следовало выбрать нового начальника казачьего отряда и им, несомненно, стал подполковник Василий Егорович Ханженков 1-й, как самый старший в чине (он был произведен в подполковники на 3,5 месяца раньше Сысоева)[30].

А.И. Сапожников предполагает, что двойное сокращение числа казачьих полков в Подольской армии (с шести до трех) произошло по просьбе австрийского правительства, которое якобы боялось недисциплинированности казаков, как иррегулярного войска, при походе их через территорию Австрии[31].

На наш взгляд, все было наоборот, то есть Александр I сперва планировал послать в Австрию в составе Подольской армии всего три донских казачьих полка. Но австрийцам этого показалось мало и, уступая их просьбам, царь увеличил число донских полков до шести, но в последний момент опять передумал и отправил вместе с Подольской армией всего три казачьих полка, как и намечал вначале.

В конце августа 1805 г. царь, вероятно, по просьбам Австрии, направил в состав Подольской армии еще один казачий полк, которому велено было догонять ушедшую за границу армию[32]. По некоторым косвенным данным можно предположить, что это был полк

подполковника Аркадия Ивановича Исаева 3-го[33]. Кутузов надеялся, что затем будут присланы еще два донских полка, чтобы всего их стало шесть, но царь на это не пошел[34].

Три казачьих полка, ушедших за границу ранее в составе Подольской армии (Киселева, Ханженкова и Сысоева), шли поначалу при трех задних колоннах армии (4-й, 5-й и 6-й)[35], а затем по просьбе правительства Австрии Кутузов соединил всех казаков в отдельный отряд, который следовал позади армии[36].

Понимая ошибочность решения австрийского высшего командования, Кутузов вскоре постарался исправить его, предписав донцам спешить вперед. К моменту отхода Кутузова из Браунау по крайней мере часть казаков уже успела прибыть туда, о чем свидетельствуют донесения французского шпиона Карла Шульмейстера, который сам видел донцов в Браунау и был весьма впечатлен их воинственным видом[37].

Поскольку в послужных списках казачьих офицеров полков Сысоева и Ханженкова записи об участии в боевых действиях начинаются лишь с 3 (15) ноября 1805 г. [38], ясно, что в Браунау прибыл казачий полк Киселева. Именно этот полк и должен был принимать участие почти во всех стычках и боях от Браунау до Кремса, поскольку других казаков при армии в это время не было, а для аванпостной службы и разведки казачьи услуги были настоятельно необходимы, тем более, что донцы умели вести бой и в пешем строю[39].

При Амштетене казаки, по словам очевидца И.Г. Бутовского, два раза удачно атаковали вместе с гусарами французскую кавалерию и опрокидывали ее, а накануне Кремской битвы донцы Киселева вместе с егерями поймали в виноградниках 40 французских разведчиков из корпуса Мортье и доставили их в штаб Кутузова[40]. Причем сделали они это, видимо, в пешем строю, поскольку местность у Кремса была неудобна для действий кавалерии[41].

Прекрасно зная австрийцев и будучи уверен, что после сдачи без боя Вены они не сумеют помешать французам с ходу форсировать там Дунай, Михаил Илларионович Кутузов дал своей армии отдохнуть после Кремской битвы всего сутки и уже утром 1 (13) ноября выступил из Кремса к Цнайму, стремясь миновать лежавший по пути Голлабрунн раньше, чем туда со стороны Вены смогут подойти французы[42]. Серьезно раненых в Кремской битве, которые не перенесли бы длительной перевозки по тряской дороге (1101 русский боец и примерно столько же пленных врагов), Кутузов оставил в кремском госпитале, а 985 здоровых и легкораненных пленных французов увел с собой[43]. Поскольку пленных обычно конвоировали казаки, как правило, из расчета 1 конвойный на 10 пленников[44], то живые трофеи сопровождала, видимо, сотня донцов из полка Киселева.

Предвидение Кутузова оправдалось. Французские маршалы Мюрат и Ланн в полдень 1 (13) ноября с ходу захватили в Вене Таборский мост через Дунай, обманув австрийского генерала К.Ф. Ауэрсперга ложным сообщением, что между Австрией и Францией якобы уже заключен мир. После этого Мюрат с Ланном устремились через Штокерау к Голлабрунну и далее к Ецельсдорфу и Цнайму на перехват кутузовской армии, стремясь зайти ей в тыл и отрезать от идущих подкреплений: 27-тысячного корпуса Буксгевдена и 11-тысячного корпуса генерал-лейтенанта И.Н. Эссена 1-го[45].

Но Кутузов, выйдя из Кремса заранее, успел опередить врага и прибыл к Голланбрунну утром 3 (15) ноября. Отставив там в качестве прикрытия со стороны Вены 7-тысячный арьергард князя Багратиона, Кутузов через Шенграбен прошел еще 20 км на север и остановился к вечеру в Ецельсдорфе[46].

Около полудня к Голлабрунну подошло и 20 тыс. французов (13-тысячный кавалерийский корпус Мюрата и 7-тысячная пехотная дивизия гренадер Удино из корпуса Ланна), увидевших с досадой, что они опоздали. У Голланбруна стояли аванпосты багратионовского арьергарда: казачьи донские полки Сысоева и Ханженкова и союзный австрийский отряд графа И. Ностица (два батальона егерей и восемь эскадронов гессен-гомбургских гусар)[47]. По архивным источникам, в составе отряда Багратиона был и казачий полк Исаева, который, видимо, также был на аванпостах[48].

Французский передовой отряд атаковал эти аванпосты, но с ходу опрокинуть их не смог. Тогда Мюрат, чтобы облегчить себе задачу, вновь обманул австрийцев ложным сообщением о заключении мира между Австрией и Францией. Поверив этому, Ностиц велел своему отряду прекратить бой и отойти в сторону, а сам поехал для выяснения обстановки в штаб Мюрата, где и был задержан на несколько дней[49].

Наши казаки, оставшись одни, покинули без боя Шенграбен и отступили к основной линии русского арьергарда, расположенного на пологих холмах в 400 шагах к северу от Шенграбена[50]. Полк Сысоева отошел на правое крыло главной русской позиции, встав рядом с Черниговским драгунским полком, а полки Ханженкова и Исаева — на левое крыло, поместившись рядом с казачьим полком Исаева и Павлоградским гусарским полком.

Имея тройное численное превосходство, Мюрат в тот же день 3 (15) ноября 1805 г. потребовал от русского арьергарда, чтобы он капитулировал, на что получил решительный отказ от Багратиона[51]. Узнав же, что главные силы Кутузова еще довольно близко, смущенный Мюрат вынужден был смягчить тон, опасаясь, что Кутузов мо-

жет повернуть назад и разбить его, как корпус Мортье при Кремсе. Поэтому он решил хитростью задержать кутузовскую армию на месте до тех пор, пока Наполеон с главными своими силами не подойдет к Шенграбену и не задавит русских числом[52].

Мюрат через Багратиона предложил Кутузову беспрепятственно уйти со своей армией обратно в Россию, а пока Александр I и Наполеон будут решать, утверждать это условие или нет, кутузовской армии и корпусу Мюрата оставаться на своих местах, заключив перемирие[53]. Не так давно О.В. Соколов в своей новой книге о Наполеоне представил дело так, что Кутузов и Багратион якобы обещали Мюрату сдаться в плен, а затем подло обманули простодушного гасконца. Столь ответственное заявление он сделал лишь на основании того, что одна из французских копий текста данного перемирия была озаглавлена: «Капитуляция, предложенная русской армии»[54]. Но из русского оригинала данного документа, заверенного подписью и печатью начальника штаба корпуса Мюрата — А. Бельяра, видно, что о никакой сдаче в плен речи не идет и что «капитуляцией» французский писарь вольно назвал предлагаемый кутузовской армии уход с театра военных действий (что, кстати, в действительности не произошло)[55].

Кутузов тянул время и согласился на перемирие и остановку движения, когда его армия отошла уже на два перехода. Убедившись, что его перехитрили и одновременно получив нагоняй от Наполеона за самовольное заключение перемирия, Мюрат пришел в ярость и в 16 часов вечера 4 (16) ноября атаковал арьергард Багратиона, имея шестикратное численное превосходство и думая довольно быстро уничтожить его.

На левом русском крыле маршалу Ланну удалось атакой кавалерии сразу отрезать стоявший у села Вейкерсдорф крайний казачий полк Исаева, который вынужден был отступить к Цнайму другой дорогой. Поскольку этот полк фактически не успел принять участия в шенграбенском бою, он обычно и не упоминается в описаниях этого сражения. И георгиевского знамени от царя казаки Исаева также не получили по той же причине[56].

Казаки Ханженкова вместе с павлоградскими гусарами продержались несколько дольше, проведя пару атак на французскую конницу и пехоту и нанеся врагам некоторый урон, но затем также были отсечены от основных сил арьергарда и тоже отошли к Цнайму другой дорогой. Поэтому хотя полк Ханженкова и получил георгиевский штандарт, но ни один из офицеров полка не был награжден, не успев отличиться чем-то особенным[57].

Другое дело — донской полк Сысоева, который находился в составе багратионовского арьергарда в течение всего сражения и из всех

казачьих отрядов наиболее отличился. И это несмотря на то, что полк не был полностью укомплектован офицерами. Из положенных по штату 28 офицеров и унтер-офицеров налицо было 26: сам командир полка — подполковник А.Г. Сысоев 1-й, только три есаула вместо пяти (Е.А. Попов 19-й, Д.А. Быкадоров и Быструлев), всего один (!) сотник (Ф.Г. Тапилин) из положенных пяти и пять хорунжих (Ф.С. Щучкин, Я.П. Мордовин, И.И. Жиров, А.Е. Акинтьев, П.А. Усачев). Кроме того, было 16 урядников (А.Г. Жогалев, И.Г. Ниволин, Ф.К. Савостьянов, Л.Д. Машутин, И.И. Кузнецов, Ф.Т. Щепетков, Д.С. Ребреев, С.И. Чернявский, Я.О. Кузнецов, И.И. Чеботарев, Т.Т. Рыковский, С.И. Попов, П.П. Попов, А.В. Попов, В.И. Мельников, *А.А. Сысоев* — возможно сын командира полка) и квартирмистр В.Т. Косов[58].

Ввиду частых вакансий, особенно в старшем командном составе, вакантные должности замещались более младшими офицерами, а их обязанности нередко поручались унтер-офицерам (урядникам). В связи с этим войсковой атаман Донского Войска М.И. Платов перед войной 1805 г. добился согласия военного министра и царя на то, чтобы урядники, которые во время войны будут замещать офицерские должности, приравнивались на это время к офицерам и получали повышенное жалованье[59].

В полку Сысоева, например, ввиду нехватки командиров старшего звена есаулу Попову 19-му были отданы под команду три сотни; непосредственно сотнями командовали 2 есаула, 1 сотник и 2 хорунжих, а обязанности хорунжих исполняла часть старших урядников[60].

Самым опытным в полку боевым командиром был 44-летний есаул Е.А. Попов 19-й, который в конце XVIII в. неоднократно дрался с кавказскими горцами и турками и, самое главное, был единственным в полку офицером, который участвовал в Итальянском и Альпийском походах Суворова в чине есаула же в составе казачьего полка генерал-майора С.И. Курнакова 1-го[61]. Тогда Ефим Александрович особенно отличился в Альпах при разгроме французов в Муттентальском сражении, где он, кстати, был тяжело ранен в левое бедро пулею, которую врачи смогли извлечь только через 5 лет[62].

Некоторые историки путают полкового командира А.Г. Сысоева 1-го с его более знаменитым сыном — В.А. Сысоевым 3-м и полагают, что при Шенграбене полком командовал В.А.Сысоев 3-й. Хотя донской историк М.С. Жиров еще в начале XX в. установил истину[63], некоторые исследователи, например В.М. Безотосный и О.В. Соколов, до сих пор повторяют старую ошибку[64].

А.И. Сапожников же полагает, вероятно, что В.А. Сысоев 3-й в 1805 г. и позднее служил в полку отца, будучи его заместителем, почему в феврале 1807 г. по выходе отца в отставку и при-

нял от него полк под свою команду[65]. Однако послужные списки офицеров полка А.Г Сысоева 1-го за 1805 г. ясно показывают, что В.А.Сысоева 3-го среди них не было[66]. Из других же архивных документов видно, что по достижении в 1798 г. чина войскового старшины, дающего право на командование полком, В.А.Сысоев 3-й получил под команду собственный полк[67].

Таким образом, отец и сын командовали разными полками. Что же касается того, перешел ли Сысоев 3-й после отставки отца в его полк, приняв его под свою команду, или остался командовать своим прежним полком, что было бы логичнее, то этот неясный вопрос требует еще дальнейшего изучения.

В Шенграбенском бою основной удар Мюрат направил на правый фланг багратионовского отряда, где находился донской полк Сысоева 1-го, который в одной из схваток помог черниговским драгунам пленить французского подполковника[68]. При отступлении багратионовского отряда к деревне Грунт французам удалось обойти русских и перерезать им путь отхода. Тогда по приказу Сысоева есаул Попов 19-й во главе трех сотен казаков через рвы, наполненные водою, и кустарники «с сильным стремлением на неприятеля вдарил» в конном строю и «обратил в бегство, очистив дорогу»[69]. В послужном списке прямо не сказано, французскую кавалерию или пехоту опрокинул Попов, но из контекста ясно, что это были пехотные стрелки в рассыпном строю, которые довольно сильно пострадали от казаков.

При дальнейшем отступлении французы у деревни Гунтерсдорф снова перерезали русскому арьергарду дорогу, но егеря и казаки Сысоева, особенно три сотни Попова, при содействии новгородского батальона подполковника Ф.Ф. Манахтина, снова пробили путь отхода, да еще выручили левый фланг багратионовского отряда, помогши ему вырваться из окружения[70].

За свои подвиги при Шенграбене донцы Сысоева были довольно щедро награждены: пять офицеров (есаулы Е.А. Попов 19-й и Д.А. Быкадоров и хорунжие И.И. Жиров, Я.П. Мордовин и Ф.С. Щучкин) получили орден св. Анны 3 ст., а сам Сысоев 1-й — орден св. Владимира 4 ст. с бантом[71]. Кроме того, в своем рапорте царю от 7 (19) ноября Кутузов запросил для рядовых участников Шенграбенского боя 300 знаков отличия ордена св. Анны (солдатских анненских медалей), часть из которых, несомненно, досталась и казакам Сысоева и Ханженкова[72]. Все участники боя получили также отчеканенную по царскому приказу памятную медаль с надписью «Пять против тридцати»[73]. Наконец, царским указом от 15 (27) ноября 1805 г. для всех полков, участвовавших в Шенграбенском сражении, была учреждена коллективная награда — почетные

георгиевские знамена для пехотных полков и георгиевские штандарты — для конных с памятной надписью «За подвиги при Шенграбене 4-го ноября 1805 года в сражении 5-тыс. корпуса с неприятелем из 30 тыс. состоявшим»[74].

Георгиевские штандарты для казаков (по одному на полк) были изготовлены только в январе 1807 г., а в полки высланы лишь в октябре при царской грамоте от 27 сентября 1807 г. Полк Ханженкова 1-го к этому времени был уже распущен и почетное знамя (штандарт) передали на хранение в войсковую канцелярию Войска Донского. А Сысоев 1-й в феврале 1807 г. сдал свой полк сыну — В.А. Сысоеву 3-му, который получил почетную награду вместо отца[75].

Любопытно, что к столетию шенграбенского боя в 1905 г. правительство Австрии за свой счет поставило на месте побоища величественный памятник бесстрашному русскому отряду, в том числе и героям-казакам[76]. После Шенграбенского боя отряд Багратиона через день догнал армию Кутузова, принеся с собой 1 трофейное знамя и приведя 53 пленных, в том числе 3 офицеров[77]. Еще раньше к Кутузову присоединились отступившие другой дорогой павлоградские гусары и казаки Исаева и Ханженкова, приведшие с собой 52 пленных, среди них 2 офицеров[78]. Знамя и офицеров захватили не казаки, но из числа рядовых пленников около половины было, скорей всего, взято донцами.

Продолжая отходить, Кутузов 6 (18) ноября соединился в Брюнне с отступавшим от Вены 13-тысячным австрийским корпусом И. Лихтенштейна, а 7 (19) ноября у Вишау с первой 14-тысячной колонной корпуса Буксгевдена[79]. Отступя еще немного, Михаил Илларионович 10 (22) ноября в Ольшанах близ Ольмюца (Оломоуца) встретился со второй 13-тысячной колонной корпуса Буксгевдена, а 12 (24) — 14 (26) ноября туда прибыла из Петербурга и русская гвардия[80].

С прибытием корпуса Буксгевдена к уже бывшим на главном театре военных действий четырем казачьим донским полкам добавилось еще четыре: полковника Гордеева 1-го Петра Михайловича, подполковника Денисова 14-го Петра Григорьевича и войсковых старшин Малахова 1-го Тимофея Андреевича и Мелентьева 3-го Федора Федоровича[81]. Походным атаманом этого отряда, несомненно, был Гордеев 1-й, как самый старший по званию.

Во время отступления Кутузова к Оломоуцу у Раусница между русским 6-тысячным арьергардом под командой Багратиона и французским 14-тысячным авангардом под началом Мюрата произошел 8 (20) ноября 1805 г. еще один бой, в котором с нашей стороны приняли участие четыре казачьих полка: Сысоева 1-го, Ханженкова 1-го, Малахова 1-го и Киселева 2-го[82].

Бой закончился тем, что Багратион удержал свою главную позицию, отразив все атаки противника, и отошел вслед за Кутузовым только ночью. Казаки приняли активное участие в борьбе, причем полковой командир Малахов был серьезно ранен в одной из схваток, получив позднее за храбрость в этом бою орден св. Владимира 4 ст., команду же над его полком принял уже до конца войны есаул М.А. Капылков[83].

Но особенно отличился в Раусницком бою опять полк Сысоева, захвативший в плен 1 обер-офицера, 1 унтер-офицера и 29 рядовых французов, из них 11 пленных взял есаул Е.А.Попов 19-й, отряженный с сотней на левый фланг, где опрокинул три вражеских эскадрона[84]. Вероятно, он смял их не один, а с помощью двух эскадронов санкт-петербургских драгун под командой майора И.Ф. Гернгросса, которые в этот момент атаковали 11-й драгунский полк врага из трех эскадронов[85]. Понятно, что равные силы неприятеля наши конники без особого труда опрокинули, причем санкт-петербургский драгун Иван Дмитриевич Чумаков захватил штандарт 1-го эскадрона данного полка, а казаки старались ловить французских драгун живьем[86].

Неприятельского унтер-офицера схватил урядник Степан Иванович Попов, причем в его послужном списке не отмечено, как он был за это награжден[87]. Французского же офицера пленил рядовой казак, имя которого осталось неизвестным (вероятно потому, что он не лично привел пленника в штаб, а поручил кому-то из сослуживцев). Зато известно, что он был заочно щедро награжден. Царь велел разыскать героя и вручить ему от своего имени 50 голландских червонцев (150 рублей), что составляло 40 (!) годовых окладов жалованья рядового казака[88]. При этом в приказе Кутузова по армии подчеркивалось, что такая сумма дается не только за доблесть, но и за бескорыстие и милосердие к пленнику, так как скромный герой «ничего от него себе в добычу не взял, даже и денег, кои он ему предлагал»[89].

Примечательно, что захватив 30 пленных и убив, вероятно, не меньшее количество врагов[90], полк Сысоева сам потерял всего пять бойцов: двое убитых (есаул Быструлев и 1 рядовой казак) и трое раненых (есаул Быкадоров и два рядовых донца)[91]. Такая ситуация была типичной в ходе всех войн России с республиканской, а затем наполеоновской Францией: нанося противнику значительный урон, сами казаки почти всегда теряли в несколько раз меньше бойцов![92] По свидетельствам местных моравских жителей казаки при Рауснице при содействии гусар и драгун почти полностью уничтожили два французских конных полка и нагнали на врагов такого страху, что они всю ночь провели в тревоге, ожидая нападения донцов[93].

Тем временем на военном совете в Ольмюце Александр I, поддержанный своими «молодыми друзьями» из царской свиты и частью ав-

стрийского генерального штаба, настоял на немедленном переходе в контрнаступление. Кутузов предлагал повременить с этим хотя бы до подхода корпуса Эссена 1-го, в состав которого входило три донских казачьих полка (походного атамана подполковника Д.Р. Андронова, майора И.И. Андриянова 2-го и войскового старшины Х.П. Кирсанова), но его не послушали[94]. На другой день после выступления союзников из Ольшанского лагеря близ Вишау произошел 16 (28) ноября 1805 г. крупный бой между русским авангардом под началом Багратиона и авангардом французским под началом Мюрата. В этом столкновении приняло участие пять донских казачьих полков: Малахова 1-го, Сысоева 1-го, Гордеева 1-го, Киселева 2-го и Исаева 3-го[95].

Один эскадрон французских конных егерей замешкался в Вишау, был окружен и капитулировал в числе 4 офицеров и 100 нижних чинов перед нашей пехотой гусарами и казаками[96]. Продолжая наступление, четыре эскадрона павлоградских гусар и казачьи полки Малахова и Сысоева атаковали за Вишау гусарский полк из бригады Трейяра вместе с драгунской бригадой Себастиани и опрокинули их. При этом один гусарский эскадрон французов был отрезан и в числе 3 офицеров и 60 нижних чинов сдался гусарам и казакам[97].

Мюрат выдвинул навстречу русским свежую драгунскую бригаду Вальтера, но и она была смята нашими гусарами и казаками. При этом был опять окружен и захвачен в плен целый эскадрон драгун, после чего враги отошли за Раусниц к горе Сантон.

Всего русские захватили в плен в бою под Вишау 23 или 24 офицера и около 500 нижних чинов[98], из этих пятисот казаки, вероятно, захватили не менее половины. В этом бою наряду с сысоевцами особенно отличился донской полк Малахова, которым из-за ранения при Раснице командира руководил есаул М.А. Капылков. Он и сотник Е.Л. Семилетов — оба участники Итальянского и Швейцарского походов Суворова[99] — были награждены за умелые действия в Вишауском бою орденами св. Владимира с бантом[100].

Три других казачьих офицера — есаул Коротков и сотники Плетнев и Траилин (вероятно, тоже из полка Малахова) получили ордена св. Анны 3 ст. за то, что весьма удачно поддержали атаку эскадрона мариупольских гусар под командой полковника князя М.П. Долгорукова[101].

В последующие три дня казачьи полки, идя впереди наступающих колонн австро-русской армии, неоднократно вступали в стычки с передовыми отрядами противника. Так, хорунжий Дмитрий Филиппович Горин из полка Денисова 14-го, уроженец Пятиизбянской станицы, возглавляя команду казаков, встретил 17 (29) ноября у местечка Жданца партию французских драгун, разбил ее и взял в плен их начальника — капитана Холанта, которого лично доставил к

царю. Тот выразил Горину свою благодарность и наградил 25-ю червонцами[102].

А.И. Сапожников высказывает предположение, что казаки, видимо, часто приводили пленных вражеских офицеров, если Александр I в течение восьми дней уже вдвое уменьшил сумму вознаграждения за них[103]. Вероятно, так и было, хотя прямых свидетельств имеется только о двух офицерах, доставленных лично к царю.

В Аустерлицкой битве 20 ноября (2 декабря) 1805 г., согласно диспозиции генерал-квартирмейстра союзной армии бездарного австрийского генерал-лейтенанта Франца Вейротера, восемь казачьих полков были расписаны по различным колоннам армии. Но сделано это было так бестолково, что в 3-й и 4-й колоннах (генерал-лейтенантов И.Я. Пржибышевского и И. Коловрата) казаков вовсе не оказалось, а в 1-ю и 2-ю колонны генерал-лейтенантов Д.С. Дохтурова и А.Ф. Ланжерона) было назначено всего по 2,5 сотни казаков полка Денисова 14-го[104]. Далее все согласны, что казачий полк Малахова находился в составе авангарда Багратиона (6-й колонны)[105]. А вот как были распределены остальные шесть казачьих полков, среди историков существуют значительные разногласия, вызванные противоречиями в документах[106].

Не разобрался во всей этой путанице и А.И.Сапожников. Зная, что в битве в австрийском авангарде Кинмайера было два казачьих полка, Сапожников решил, что это были полки Киселева и Ханженкова, а полки Сысоева и Мелентьева остались в центре в составе 5-й колонны князя И. Лихтенштейна вместе с полками Гордеева и Исаева[107]. Большинство же авторов считает, что два донских полка у Кинмайера в битве — это полки Сысоева и Мелентьева, а в составе 5-й колонны были полки Гордеева, Исаева, Киселева и Ханженкова[108]. На деле не правы и те, и другие.

Ближе всех к истине подошел О.В. Соколов, у которого был, видимо, очень хороший консультант — специалист по русской армии, скорее всего Алексей Васильев. По Соколову, у Кинмайера были донские полки *Исаева 3-го* и Мелентьева 3-го, в 5-й колонне Лихтенштейна — Гордеева и *Сысоева*, а у Багратиона — Малахова, Киселева и Ханженкова[109].

Небольшая поправка лишь в том, что полки Киселева и Ханженкова утром 20 ноября (2 декабря) 1805 г. находились, видимо, сперва в 5-й колонне Лихтенштейна и лишь через пару часов битвы были отброшены французами к северо-востоку и стали действовать в составе соседнего отряда Багратиона[110]. Чуть позже туда же был оттеснен и полк Сысоева, поскольку в послужных списках офицеров и унтер-офицеров полка за 1805 г. указывается, что сысоевцы при Аустерлице дрались в багратионовском отряде[111]. Таким образом, к

середине боя под началом П.И. Багратиона действовало уже четыре казачьих полка (Малахова, Киселева, Ханженкова и Сысоева), больше, чем в любой другой колонне.

По послужным спискам сысоевцев видно, что при Аустерлице они часто сходились с врагом врукопашную. Так, хорунжий Жиров был «в правую щеку ранен саблею», хорунжий Щучкин «в *левую* (здесь и далее курсив мой. — *Е.М.*) щеку от рта по против уха саблей жестоко ранен и на *левой* руке большой палец отрублен»[112]. Еще чаще были ранения пулями. Сам Сысоев 1-й и есаул Попов 19-й были контужены: первый — в *левую* ногу, второй — в голову. Хорунжие Усачев и Акинтьев ранены пулями в *левую* ногу, а урядник В.И. Мельников — в *левую* руку[113].

В полку Денисова уже известный нам есаул Горин, пленивший тремя днями прежде французского капитана, при Аустерлице снова отличился. Вырвавшись вперед, он выбил из седла (вероятно ударом пики) вражеского офицера, который, правда, успел саблей легко ранить героя в *левое* плечо[114]. А.И. Сапожников в своей книге ошибочно назвал есаула Горина хорунжим, то есть понизил его в чине на 5 классов[115].

«Сбил верхоконного француза» и урядник Белогородцев Федор Степанович из Каменской станицы, под урядником С.К. Лапиным был убит при атаке конь, а сам полковой командир подполковник П.Г. Денисов 14-й был «жестоко контужен» в *левую* ногу[116].

Полк Исаева 3-го тоже действовал неплохо. Одна его сотня действовала вместе с двумя эскадронами санкт-петербургских драгун подполковника Балка при задней бригаде 2-й колонны (Фанагорийский и Ряжский пехотные полки), которая весь день вела упорный бой на южных Праценских высотах. Казаки Исаева вместе с санкт-петербургскими драгунами при одной из контратак были окружены втрое превосходящими силами французской кавалерии Маргарона, но сумели вырваться из кольца[117].

К концу битвы они были оттеснены на юг к колонне Дохтурова, где весь день вели жаркий бой основные силы исаевского полка (4 сотни). По свидетельству очевидца из Московского полка, донские полки Исаева и Мелентьева вместе с венгерскими гусарами Кинмайера неоднократно ходили в атаку против легкой и средней французской конницы и обычно опрокидывали ее, но затем были вынуждены отходить под огнем пехоты и артиллерии. Казаки тут так разгорячились, что стали бросаться даже на пушки, бившие по ним в упор картечью[118].

При отступлении колонны Дохтурова часть казаков Исаева, по свидетельству Ланжерона, потеряла своих лошадей в Меницком пруду[119], но это сообщение недостоверно, поскольку Ланжерон сам этого не видел, а передал по слухам. После битвы французы спусти-

ли воду из пруда, надеясь обнаружить там трофеи, но в отличие от Сачанского пруда, на дне которого враги нашли 38 утонувших орудий и трупы 133 лошадей и двух солдат, на дне Меницкого пруда не оказалось абсолютно ничего![120]

О подвигах казаков Гордеева известно меньше, поскольку сам командир полка — полковник Петр Михайлович Гордеев, в бурной молодости раненный в *левую* щеку шведским ядром[121], в самой Аустерлицкой битве не участвовал, оставшись по болезни в Вишау.

По собранным им неполным сведениям известно, что сотники Ф.М. Телешов и урядник Ф.П. Мордовин были ранены пулями: первый — в *левую* ногу, а второй — в *левую* щеку. Урядник же Г.П. Меркулов был ранен в голову и *левую* руку саблею[122].

Обращают на себя внимание ранения казаков холодным и огнестрельным оружием исключительно с левой стороны. Это объясняется техникой кавалерийского боя. Человеку-правше рубить в левую сторону и отбивать клинок противника с этой стороны крайне неудобно, поэтому вражеский всадник при преследовании всегда старается заехать слева[123]. В то же время единственный случай ранения саблей с правой стороны показывает, что обычно казаки в индивидуальном рукопашном бою превосходили регулярных французских кавалеристов, не допускали себя ранить и, следовательно, сами ранили или убивали поединщиков.

Интересно ранение хорунжего Щучкина, у которого левая щека была глубоко разрублена от рта до самого уха. Вероятно, французский кавалерист применил тут особый, «пилящий» удар, который позволял сабле шире и глубже входить в тело, доставлял человеку дополнительные страдания. Этот довольно варварский прием французы переняли от мамелюков в Египте[124].

Примечательно, что нигде не отмечены колющие ранения клинками, особенно колющий удар в горло — излюбленный прием французской кавалерии, являющийся как бы ее фирменным знаком[125]. До войн с Францией казаки имели дело с конницей татарской, казахской, калмыцкой, башкирской, турецкой, польской, горской (на Кавказе), которая наносила рубящие удары, поэтому колющие «дуэлянтские» удары французов, с которыми донцы впервые столкнулись в войне 1799 г., были для казаков поначалу непривычны. Но к 1805 г. казаки, видимо, уже выработали приемы отражения колющих французских ударов, раз ранения такого рода не встречаются в послужных списках.

Любопытно, что на Щучкина напали слева два противника (сразу или поочередно — не ясно), один из которых разрубил ему щеку, а другой отрубил большой палец на левой руке (вероятно Щучкин переложил шашку из правой руки в левую)[126]. Видимо, французы на-

столько уважали боевые способности казаков, что даже с левой стороны предпочитали нападать на них не в одиночку, а по двое.

Что касается огнестрельных ран, то можно предположить, что большинство пулевых ранений было причинено пистолетными выстрелами. Другими словами, даже заскакивая к казаку с левой, неудобной для него стороны, французские всадники предпочитали не вступать с донцом в рукопашный бой, а стрелять в него или его коня с расстояния нескольких метров из пистолета, то есть с той дистанции, когда казак еще не мог достать противника пикой, а вероятность попадания была уже довольно высока.

Обращает на себя внимание отсутствие ранений в грудь и живот (при скачке вперед) и в спину (при движении назад). Видимо, попасть пулями в казаков, быстро скачущих на маленьких лошадках в рассыпном строю было весьма трудно, тем более, что донцы обычно пригибались, укрываясь от пуль за шеей коня. К тому же, владея приемами джигитовки, многие казаки могли соскользнуть под брюхо своей лошади, когда видели, что противник целится, а затем опять подняться, когда опасность миновала[127].

В рукопашном же бою донцы, видимо, брали обычно верх, раз не получали ран в живот и грудь. Скорее всего потому, что пикой не подпускали врага на расстояние удара клинком, перерубить же древко пики, как уже говорилось, было крайне трудно. Вероятно по той же причине донцы не получали и рубяще-колющих ударов клинком в спину при отступлении. Когда противник настигал, казак оборачивался и поражал его пикой или заставлял податься назад[128].

Следует отметить, что в войне 1805 г. с французскими кирасирами казаки сталкивались лишь три раза: при Раусницe 8 (20) ноября, Вишау 16 (28) ноября и в Аустерлицкой битве и всегда довольно неудачно, по крайней мере бесспорной победы не одержали[129]. Это произошло от того, что донцы еще не успели приноровиться к закованным в броню латникам. Казачьи пики и шашки гнулись и ломались при ударе в панцирь, не пробивая его. Но уже через год, в новой войне с Наполеоном казаки выработали специальные приемы для борьбы с кирасирами и начали успешно бить французских «рыцарей»[130].

Интересные сведения о потерях казаков содержатся в составленной Кутузовым в декабре 1805 г. ведомости об убитых и без вести пропавших при Аустерлице воинских чинах. Согласно ей, донцы потерь в офицерах вовсе не имели, а унтер-офицеров (урядников) потеряли только два полка: Гордеева — 2, Исаева — 3[131]. Следовательно, эти полки были в наиболее жарких переделках, что видно и из урона в рядовых.

Половина казачьих полков понесла в рядовых весьма небольшие утраты (от 4 человек в полках Денисова и Малахова до 13 и 14 че-

ловек в полках Сысоева и Мелентьева)[132]. Полк Ханженкова имел средние потери — 25 рядовых. Наиболее же тяжкий урон понесли три донских полка: Гордеева, Исаева и особенно Киселева (31, 43 и 55 человек соответственно)[133]. При этом сопоставление числа убитых и пропавших без вести казаков в полку с аналогичным показателем о строевых лошадях наводит на некоторые предположения. Так, в гордеевском полку на 31 убитого и пропавшего казака приходится 31 же убитая и пропавшая лошадь, а в полку Киселева это соотношение выглядит как 55 и 53[134]. Конечно, всадника и коня почти никогда не убивает одновременно, точно так же, как если убьют казака, то эта вовсе не означает, что затем непременно убьют и его коня или наоборот. Таким образом, одинаковое число убитых казаков и коней — нонсенс. Следовательно, это не убитые, а пропавшие без вести вместе со своими лошадьми казаки. А когда обычно всадники пропадают без вести со своими конями? Когда попадают в окружение! Тот, кто не смог пробиться и не вернулся до конца боя в полк, и записывается как пропавший вместе с конем.

Картина сражения представляется так. В полку Гордеева 2 унтер-офицера, а в полку Киселева 2 рядовых были убиты у всех на глазах, но лошади их остались целы. А 31 рядовой казак в гордеевском полку и 53 казака в киселевском попали в окружение, в полк больше не вернулись и были отмечены в полковых списках как пропавшие вместе с лошадьми.

Конечно, не все пропавшие без вести казаки были пленены или убиты. Часть из них просто рассеялась, отступила в других направлениях и присоединилась к своим полкам позднее. По французским источникам, в плен при Аустерлице попал всего один рядовой донской казак (вероятно раненый), он же был единственным пленным казаком и за всю войну 1805 г.![135] Поскольку наибольшие потери пропавшими без вести казаками понесли частично попадавшие в окружение полки Гордеева, Исаева и Киселева, то попавший в плен казак, вероятно, был из одного из этих полков, скорее всего Киселева.

Большие потери в полку Исаева объясняются окружением одной его сотни на Праценских высотах, попаданием под картечь при атаке на батарею и проходом узким коридором между прудами под прицельным огнем французских пушек[136]. Полк Гордеева, по французским источникам, принял участие в знаменитой атаке лейб-улан и, следовательно, именно вместе с ними часть гордеевских казаков и попала в окружение[137]. Что касается полка Киселева, то можно предположить, что часть его угодила в окружение, когда в конце битвы кирасирская дивизия Опу на какое-то время прорвала центр отряда Багратиона[138].

Все знают о рейде казаков Платова и гусар и улан Уварова на Бородинском поле в тыл левого фланга наполеоновской армии, но мало кому известно, что Багратион попытался сделать то же самое еще при Аустерлице, обойдя оконечность французского левого крыла у селений Сивиц и Велятиц. Но достаточно сил для масштабного набега Багратион выделить не смог и послал лишь небольшой отряд: не более 10 эскадронов мариупольских и павлоградских гусар и 1 полк казаков (вероятно Малахова, который с утра в день битвы занимал передовые посты близ этих селений). В итоге французы смогли отразить этот удар и спасти свой тыл, хотя небольшая группа казаков, возможно, туда и просочилась[139].

Необходимо вкратце упомянуть также о действиях гвардейского лейб-казачьего полка при Аустерлице. Полк этот, составленный из самых рослых, сильных и красивых казаков Тихого Дона, имел всего две сотни и прибыл на поле битвы из резерва вместе с кавалергардским полком лишь к 14 часам дня[140]. На другом берегу Раусницкого ручья они увидели нашу гвардейскую пехоту (батальон Семеновского и два батальона Преображенского полков), отчаянно отбивавшуюся от почти окруживших ее превосходящих сил французов. В особенно тяжелом положении оказался семеновский батальон, на который с одной стороны напирал 27-й легкий полк из корпуса Бернадота, а с другой терзала непрерывными атаками легкая гвардейская кавалерия французов (знаменитые мамелюки Наполеона и императорские конные егеря)[141].

Тогда первые три эскадроны кавалергардов бросились выручать Преображенский полк, а последние два кавалергардских эскадрона (4-й и 5-й) под командой полковника Репнина и лейб-казаки помчались на выручку семеновцев, причем кавалергарды перешли ручей по мосту, а казаки — вброд[142].

В полковой истории лейб-казаков сказано, что они опрокинули французскую кавалерию, но не сказано, какую именно[143]. Скорее всего лейб-казаки помогли сперва кавалергардам Репнина смять французских гвардейских конных егерей и мамелюков, представлявших наибольшую опасность для семеновцев, а затем уже устремились на конницу Келлермана и пехоту Бернадота[144].

Каре 27-го полка лейб-казаки прорвать не смогли, но стоявших перед ним рассыпанных французских стрелков смяли и, вероятно, опрокинули поначалу передовые части кавалерии Келлермана. Но при ее контратаке превосходящими силами не устояли и отошли за Раусницкий ручей, куда уже отступили прежде семеновский батальон и кавалергарды[145]. Этот скоротечный бой оказался для лейб-казаков весьма жарким и кровопролитным. Казачий полк Ханженкова, для примера, потерял в битве *за 9 часов боя* 25 человек уби-

тыми и пропавшими, а лейб-казаки всего *за полчаса* потеряли почти столько же — 23 убитых, в том числе 1 офицера (штабс-ротмистра Е.С. Филиппова)[146].

Позднее выяснилось, что один рядовой лейб-казак (Абашин) был не убит, а тяжело ранен, на другой день был подобран французами на поле битвы и оказался в плену[147]. Вообще-то казаки всегда старались выручать раненых и попавших в беду товарищей. Так, когда под поручиком А.А. Чеботаревым была убиты лошадь и его, пешего, окружили французские кавалеристы, желая взять в плен, несколько лейб-казаков бросились на помощь своему офицеру и освободили его от опасности[148]. Абашин же потерял сознание, не шевелился и не звал на помощь, почему его и посчитали убитым. Впрочем казаки нередко подбирали тела и убитых своих товарищей и уносили с собой, чтобы не оставлять на поругание врагу[149]. Это, конечно, не всегда было возможным, как было, видимо, и в случае с Абашиным.

За свои подвиги при Аустерлице лейб-казаки были щедро награждены, особенно офицеры. Так, например, командующий полком полковник П.А. Чернозубов получил орден св. Георгия 4-й ст., а ротмистр А.С. Бирюков, поручик А.А. Чеботарев и корнет В.М. Жмурин — ордена св. Анны 3 ст.[150]

Теперь нам осталось разобрать еще три интересных эпизода, связанных с участием казаков в Аустерлицкой битве. Как сообщается во всей французской литературе, перед началом сражения еще до рассвета в 4 часа ночи Наполеон лично отправился осмотреть расположение австро-русской армии, почти наехал в темноте на казачий сторожевой пикет и едва не был схвачен казаками. Только резвость арабского скакуна спасла императора, а когда он завяз в болотистой пойме ручья Гольдбах и снова возникла опасность пленения, Бонапарта выручил его слуга, отдавший императору своего коня[151]. Этот случай произошел немного северо-западнее деревни Працен, а по диспозиции Вейротера и боевому донесению Багратиона аванпосты в этом месте занимал казачий полк Малахова[152]. Следовательно, именно малаховцы чуть не захватили в плен самого Наполеона.

По сообщению французского «короля шпионов» Карла Шульмейстера, за несколько дней до Аустерлицкой битвы цесаревич Константин Павлович решил сформировать особую диверсионную группу для заброски в тыл французов с целью пленения или убийства Наполеона[153]. Если такая группа была создана, то в нее должны были войти и казаки. Но была ли попытка претворить этот план в жизнь, и не выдумка ли это Шульмейстера, — неизвестно.

И, наконец, в мемуарах И.Г. Бутовского и рапорте Ф.Ф. Манахтина — участников Аустерлицкого сражения — сообщается о нападе-

нии казаков в ночь после битвы на французский лагерь[154]. По словам полковника Манахтина — командира Новгородского мушкетерского полка, попавшего в плен к французам в начале битвы у селения Працен, ночью через деревню, где содержались пленные, вдруг с гиканьем проскакали казаки. Караульные испугались и разбежались, и наши пленные, в том числе и Манахтин, получили свободу, присоединились к донцам и вместе с ними прибыли в русский лагерь[155].

Кто же были эти дерзкие казаки, напавшие на полусонных французов с тыла? Тут, на наш взгляд, возможны три варианта: 1) один из небольших партизанских войсковых отрядов, составленных из казаков и гусар и отправленных за несколько дней до генерального сражения на тыловые коммуникации французов[156], 2) «диверсионная группа» для поимки Наполеона, которая, не сумев выполнить свою задачу, теперь возвращалась к своим, 3) часть полка Малахова, которая днем обходила французский левый фланг у Сивица и Велятица.

По-нашему мнению, наиболее вероятен третий вариант, поскольку и Манахтин, и Бутовский говорят об одних казаках, а в первых двух вариантах кроме казаков обязательно должны были быть и гусары. Вероятно, часть казаков Малахова (видимо 1—2 сотни) все же зашла днем в тыл французской армии, но будучи отрезана от своих, вынуждена была укрыться в ближайшем лесу, затаившись до темноты. Ночью же донцы решили вернуться к своим напрямик через засыпающий вражеский стан, чтобы заодно попугать победителей и освободить часть наших пленных. Эта идея блестяще удалась, и неожиданный ночной рейд казаков, да еще с тыла всполошил почти весь французский лагерь и вызвал кое-где панику[157].

В течение двух дней после Аустерлицкой битвы Багратион со своим отрядом снова составил арьергард и прикрывал отступление русской армии в Венгрию, причем 21 ноября (3 декабря) 1805 г. у Уржица (Уртица) выдержал сильный бой с корпусами Бернадота и Сульта, задержав до ночи продвижение французов[158]. Видимо, в составе багратионовского отряда были те же казачьи полки, что и при Аустерлице, причем особенно отличился в схватках с французами полк Ханженкова[159].

А 22 ноября (4 декабря) 1805 г. у Напагедля казаки корпуса Эссена 1-го (из полка Андронова) схватили французский форпост[160]. Поскольку форпост состоит от 25 до 50 и более человек, то во главе его обычно находится младший офицер, который, видимо, тоже попал в плен вместе со своими подчиненными.

Напоследок надо сказать об участии казаков в 1805 г. в партизанских действиях на коммуникациях противника. Для подобных действий во вражеском тылу Кутузов обычно формировал отряды из

100—200 казаков и гусар (причем донцов было обычно несколько больше, чем гусар)[161]. Видимо, поэтому Кутузов в 1812 г. по привычке отдал под команду Дениса Давыдова отряд именно такой силы, хотя Давыдов, поддержанный Багратионом, просил в несколько раз больше![162]

Самым знаменитым партизаном в это время, своего рода предшественником Дениса Давыдова, был Виктор Антонович Прендель (1766—1852), тиролец, служивший прежде в австрийских гусарах. Восхищенный победами Суворова в Италии и подвигами там донских казаков, которых он лично видел в деле и восторженно называл «первыми воинами в мире», Прендель в октябре 1804 г. добивается, наконец, давно желаемого перевода в русскую армию[163].

Во время войны 1805 г. Кутузов взял к себе энергичного и предприимчивого тирольца в адъютанты «для особых поручений» и, видимо, именно Прендель подсказал Михаилу Илларионовичу идею партизанских набегов в тыл французской армии, вызвавшись стать командиром одного из таких отрядов[164]. Получив под свою команду 100 павлоградских и мариупольских гусар и 150 казаков, Прендель, служивший к тому времени штабс-капитаном в Тверском драгунском полку, отправился на коммуникации неприятеля и внезапно напал на вражеский обоз в Гросснемшице. Перебив, пленив и разогнав захваченное врасплох прикрытие из 250 человек (1 полковник, 1 майор и до 60 нижних чинов были убиты, а 3 обер-офицера и 43 солдата взяты в плен), Прендель захватил обоз, в том числе личные повозки офицеров 24-го и 46-го линейных полков и генералов Вандама и Деферса. Сам же Прендель не потерял в бою ни одного человека![165]

Из послужного списка урядника Ф.С. Гоголева из полка Денисова 14-го видно, что всех офицеров захватили казаки, да и большинство пленных, вероятно, тоже. Ведь только партия из 15-ти казаков под командой Гоголева, бывшая под началом павлоградского гусарского поручика Шецовца, схватила 13 французских солдат, то есть почти каждый казак взял пленника![166] Затем Прендель произвел еще ряд нападений и всего захватил в плен во вражеском тылу 6 офицеров и более 260 нижних чинов, истребив при этом обозы 7 пехотных и 4 кавалерийских полков и личные повозки семи генералов[167].

Отправив все захваченные обозы и пленных в Аустерлиц и далее в Чейч, Прендель вскоре услышал канонаду начавшегося Аустерлицкого сражения. Будучи уверен, что французы проиграют битву и предполагая, что Наполеон в таком случае не останется ночевать в Брюнне, а спешно выедет со своим штабом в Вену впереди отступающей французской армии, Прендель решил устроить ему засаду, укрывшись в лесу близ дороги, ведущей из Брюнна в Вену. Одна-

ко надежда напасть на бегущего Наполеона врасплох и пленить его или убить не осуществилась, поскольку битва закончилась в пользу французов и Бонапарт поехал вперед, а не назад[168].

Имеются сведения и о других партизанских отрядах. Так, партия из гусар и казаков под командой павлоградского гусарского поручика Фроланда, входившего в отряд под началом австрийского майора Шейблера, действовала во вражеском тылу в Чехии и нанесла французам немалый вред, за что Кутузов представил Фроланда к награждению. Прендель же получил за свои подвиги орден св. Владимира 4 ст. с бантом и был произведен в капитаны[169].

Хорунжий В.А. Чиснаков из полка Денисова 14-го еще из Ольмюца был отправлен с партией казаков для действий на флангах и в тылу неприятеля и партизанил во время Аустерлицкой битвы[170]. Примечательно, что в войну 1805 г. донские казаки захватили в плен, по данным А.И. Савельева и П.А. Чуйкевича, более 1800 французов, в том числе одного офицера (в бою при Рауснице)[171]. Однако число вражеских командиров здесь явно занижено, так как во время аванпостных стычек и партизанских рейдов донцы захватили, как минимум, еще 4 офицеров, как мы уже описывали. Поэтому и по захваченным нижним чинам сведения Савельева и Чуйкевича, видимо, тоже не совсем полные, что в отношении войны 1806—1807 гг. отмечал и А.И. Сапожников[172].

На наш взгляд, правомерно поэтому повысить число захваченных донцами в плен французов в 1805 г. до 2 тыс., причем в «правильных», «регулярных» боях (при Амштетене, Шенграбене, Рауснице, Вишау, Аустерлице, Уржице) казаки пленили, если суммировать все известные сведения и предполагаемые оценки, не более 600 французов, следовательно, остальных почти полторы тысячи они захватили во время «малой войны», то есть во время разведки, стычек на аванпостах и партизанских рейдов. И это всего *за месяц военных действий*, действуя обычно отдельными полками и более мелкими отрядами, то есть раздробленно и не имея над собой централизованного руководства в лице войскового атамана.

А *за 7 месяцев боевых действий* в 1806—1807 гг. донцы, имея уже не восемь полков, как в 1805 г., а 27, находясь под командой самого Платова, который имел под своим непосредственным началом целый казачий корпус из семи полков, смогли захватить в плен лишь около 5 тыс. французов[173]. Между тем должны были захватить около 50 тыс. (2 тыс. × 7 × 3,5), если б действовали так же результативно, как в 1805 г.! То есть в войне 1805 г. казаки «работали» в 10 раз эффективнее, чем в войну 1805—1807 гг.!

Причину же этого прекрасно раскрыл Денис Давыдов. Хотя он говорил о войне 1812 г., но это вполне можно отнести и к войне 1805 г.

Суть в том, что и в 1805 г. и в 1812 г. казаки партизанили, то есть вели часто боевые действия и в тылу противника. А в 1806—1807 гг. Платов почему-то вел боевые действия только перед фронтом и иногда на флангах противника, не проникая, в сущности, на его коммуникации, где пленных можно захватить гораздо легче и в несколько раз больше![174]

Таким образом, в войне 1805 г., несмотря на ее неудачный исход в целом, донские казаки нисколько не помрачили в глазах французов свою грозную репутацию, обретенную ими под знаменами Суворова в 1799 г.

[1] *Сапожников А.И.* Войско Донское в наполеоновских войнах: кампании 1805—1807 гг. — М., 2008. — С. 30.
[2] Там же.
[3] Там же. — С. 23.
[4] Там же. — С. 37.
[5] Там же. — С. 15, 46, 237.
[6] Донские казаки в прошлом и настоящем. — Ростов н/Д, 1998. — С. 33—34, 45—49, 372—374, 391—394, 426—428, 433, 442.
[7] Там же. — С. 33—34, 83, 87, 92, 372—374, 391—394.
[8] *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 28.
[9] Там же.
[10] Там же. — С. 15, 17, 36, 39—40.
[11] *Суворов А.В.* Документы. — М., 1949. — Т. 1. — С. 452.
[12] *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 40; *Соколов О.В.* Армия Наполеона. — СПб., 1999. — С. 157; *Бегунова А.И.* Путь через века. — М., 1988. — С. 97.
[13] Донские казаки в прошлом и настоящем. — С. 169; *Бегунова А.И.* Указ. соч. — С. 97; *Duffy Ch.* Austerlitz, 1805. — London, 1977. — P. 35.
[14] См..: URL: forum.elan-kazaki.ru/t449-topic
[15] *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 40.
[16] См..: URL: Sword.com.ua/7/
[17] *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 67—68.
[18] *Булгарин Фаддей.* Воспоминания. — М., 2001. — С. 232; *Бегунова А.И.* Указ. соч. — С. 97.
[19] *Бегунова А.И.* Указ. соч. — С. 96.
[20] *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 39.
[21] Там же. — С. 232.
[22] Třeti koaliční válka 1805 (její kořeny — její pozadí). — Brno, 2004. — S. 145.
[23] Ibid. — S. 168.
[24] Донские казаки в прошлом и настоящем. — С. 48, 51—53, 372, 400.
[25] *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 36.
[26] Там же. — С. 44—45.
[27] Там же. — С. 44, 221; *Кутузов М.И.* Сборник документов. — М., 1951. — Т. 2. — С. 534. — Далее: *Кутузов*. Документы.
[28] Там же. — С. 37—38.
[29] *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 46, 62.
[30] Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). — Ф. 489. — Оп. 1. — Д. 3640. — Л. 1 об.
[31] *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 4; *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 46—47.
[32] *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 43.

[33] Документы штаба М.И. Кутузова, 1805—1806. — Вильнюс, 1951. — С. 236—239; *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 59, 61.
[34] *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 54.
[35] Там же. -—С. 40—41.
[36] *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 46.
[37] Из истории военной разведки. — М., 1991. — С. 98.
[38] РГВИА. — Ф. 489. — Оп. 1. — Д. 3640. — Л. 2—52; *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 50.
[39] *Бутовский И.Г.* Фельдмаршал князь Кутузов при конце и начале своего боевого поприща. Первая война императора Александра I с Наполеоном I в 1805 году. — [СПб., 1858]. — С. 24.
[40] Там же. — С. 24.
[41] *Соколов О.В.* Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799—1805 гг. — М., 2006. — Т. 1. — С. 240.
[42] Документы штаба М.И. Кутузова ... — С. 171; *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 154—157.
[43] РГВИА. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 607. — Л. 12 об.; Ф. 471. — Оп. 1. — Д. 15. — Л. 7; *Маслинковский Т.И.* Санитарное обеспечение русской армии в войну с французами 1805 г. — М., 1954. — С. 49, 55.
[44] РГВИА. — Ф. 1. — Оп. 1. — Т. 1. — Д. 1175. — Л. 1—19.
[45] *Соколов О.В.* Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799—1805 гг. — Т. 1. — С. 249—254, 257, 259, 261.
[46] *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 157, 158, 160; Сражение при Шенграбене: отрывок из походного журнала 1805 года // Отечественные записки. — 1823. — Ч. 13, март, № 35. — С. 351—354; *Бутовский И.Г.* Указ. соч. — С. 25.
[47] *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 48—49, 54.
[48] РГВИА. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 14—15; Ф. 471. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 7—8, 10—12; Сражение при Шенграбене ... С. 353—354.
[49] Сражение при Шенграбене ... — С. 49, 53, 55.
[50] Там же. — С. 49, 54.
[51] Там же. — С. 54.
[52] *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 160, 161, 164, 170-171; *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805-м году. — СПб., 1844. — С. 122, 124—125; *Duffy Ch.* Op. cit. — P. 66.
[53] *Кутузов*. Документы. — С. 171, 173.
[54] *Соколов О.В.* Аустерлиц. Наполеон, Россия и Европа, 1799—1805 гг. — М., 2006. — Т. 2. — С. 263—265.
[55] РГВИА. — Ф. 846. — Оп. 16. — Д. 2108. — Л. 77. — На фр. яз.
[56] Там же. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 672. — Л. 1—2; Сражение при Шенграбене ... — С. 355, 362, 365.
[57] Сражение при Шенграбене ... — С. 362, 365; *Ермолов А.П.* Записки А.П. Ермолова, 1798—1826. — М., 1991. — С. 49; *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 49.
[58] РГВИА. — Ф. 489. — Оп. 1. — Д. 3640. — Л. 1—52.
[59] Там же. — Ф. 1. — Оп. 1. — Т. 1. — Д. 417. — Л. 1—47.
[60] Там же. — Ф. 489. — Оп. 1. — Д. 3640. — Л. 4, 6, 8.
[61] Там же. — Л. 3 об.— 4.
[62] Там же. — Л. 4.
[63] *Терновской К.* Наши полковые знамена // Донские областные ведомости. — 1906. — № 91. — С. 3.
[64] *Безотосный В.М.* Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. — М., 1999. — С. 177.
[65] *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 51.

[66] РГВИА. — Ф. 489. — Оп. 1. — Д. 3640. — Л. 1—52.
[67] Там же. — Ф. 407. — Оп. 1. — Д. 2974. — Л. 48.
[68] Там же. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 670. — Л. 17, 20; Д. 672. — Л. 106; Д. 673. — Л. 11; Сражение при Шенграбене ... — С. 365.
[69] РГВИА. — Ф. 489. — Оп. 1. — Д. 3640. — Л. 4.
[70] Там же. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 607. — Л. 10—10 об.; Д. 670. — Л. 11 об., 17 об., 20; Д. 672. — Л. 1—3; Сражение при Шенграбене ... — С. 365—366.
[71] *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 49.
[72] *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 172.
[73] *Amort Č.* Kutuzov a Napoleon na Morave. — Praha, 1971. — S. 58.
[74] *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 220, 278; РГВИА. — Ф. 471. — Д. 12. — Л. 7—8, 10, 12.
[75] *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 51.
[76] РГВИА. — Ф. 471. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 1.
[77] Там же. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 670. — Л. 11 об., 17 об., 22—27; *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 131, 165, 172, 176, 202, 352; *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. — С. 131.
[78] Документы штаба М.И. Кутузова ... — С. 232; *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 532; *Бутовский И.Г.* — Указ. соч. — С. 26; *Amort Č.* Op. cit. — S. 58.
[79] Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). — Ф. 132 (1806 г.) — Оп. 724. — Д. 32. — Л. 21; Документы штаба М.И. Кутузова ... — С. 122—124; *Соколов О.В.* Армия Наполеона. — С. 552, 567.
[80] Документы штаба М.И. Кутузова ... — С. 179, 181, 185, 193, 200; *Бутовский И.Г.* Указ. соч. — С. 27—28; *Керновский А.А.* История русской армии. — М., 1991. — Т. 1. — С. 204.
[81] *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 55—56, 61; РГВИА. — Ф. 489. — Оп. 1. — Д. 3309. — Л. 2 об.; Д. 3378. — Л. 2 об.
[82] *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 55.
[83] Там же. — С. 55, 57.
[84] РГВИА. — Ф. 489. — Оп. 1. — Д. 3640. — Л. 2, 4.
[85] АВПРИ. — Ф. 132 (1806 г.) — Оп. 724. — Д. 32. — Л. 22; *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 187, 214.
[86] РГВИА. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 291. — Л. 525; Д. 318. — Л. 413; Д. 672. — Л. 20; Д. 672. — Л. 1—2; Документы штаба М.И. Кутузова ... — С. 180—182; *Amort Č.* Op. cit. — S. 61.
[87] РГВИА. — Ф. 489. — Оп. 1. — Д. 3640. — Л. 42.
[88] Там же. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 670. — Л. 20; Документы штаба М.И. Кутузова ... — С. 182.
[89] *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 187.
[90] Там же. — С. 108, 109, 113, 121—122, 234, 258 и др. (на этих страницах приводятся сведения, что в войну 1806—1807 гг. казаки в боях обычно убивали французов в 2—3 раза больше, чем брали в плен).
[91] Документы штаба М.И. Кутузова ... — С. 179—181.
[92] См. об этом, например: *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 121—122, 234.
[93] *Лейнар Юрий*. Воспоминания горожанина Брно // Bitva u Slavkova a válka roku 1805. — Třebič, 2005. — S. 176. На чеш. яз.
[94] Ibid. — S. 62; *Мезенцев Е.В.* Война России с наполеоновской Францией в 1805 году (действия русской армии в составе 3-й антифранцузской коалиции). — М., 2008. — С. 156—158.
[95] *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 57.
[96] РГВИА. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 673. — Л. 26 об.—27; *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 255; *Amort Č.* Op. cit. — S. 89.

[97] *Соколов О.В.* Аустерлиц ... — Т. 2. — С. 13; *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 215.
[98] РГВИА. — Ф. ВУА. — Оп. 1. — Д. 3131. — Л. 1; *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 255.
[99] *Сапожников А.И*. Указ. соч. — С. 57.
[100] Там же.
[101] Там же.
[102] РГВИА. — Ф. 489. — Оп. 1. — Д. 3378. — Л. 7.
[103] *Сапожников А.И*. Указ. соч. — С. 48.
[104] *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 207—208, 218—219, 222—223, 226.
[105] См., например: *Соколов О.В.* Аустерлиц ... — Т. 2. — С. 200; *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 208; *Сапожников А.И*. Указ. соч. — С. 59—60.
[106] *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 209—210, 218.
[107] *Сапожников А.И*. Указ. соч. — С. 56, 59.
[108] См., например: *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 209—210 и др.
[109] *Соколов О.В*. Аустерлиц ... — Т. 2. — С. 196, 200.
[110] *Duffy Ch*. Op. cit. — P. 155.
[111] РГВИА. — Ф. 489. — Оп. 1. — Д. 3640. — Л. 6, 8, 10, 24.
[112] Там же. — Л. 10, 14.
[113] Там же. — Л. 2, 4, 16, 18, 48.
[114] Там же. — Д. 3378. — Л. 7.
[115] *Сапожников А.И*. Указ. соч. — С. 48.
[116] РГВИА. — Ф. 489. — Оп. 1. — Д. 3378. — Л. 3, 39, 41.
[117] *Каменский Е.С*. История 2-го Драгунского С.-Петербургского генерал фельдмаршала князя Меншикова полка, 1707—1898 гг. / сост. ген.-майор Е.С. Каменский (бывший командир Полка). —М., 1900. — Т. 2. — С. 155.
[118] *Бутовский И.Г*. Указ. соч. — С. 48.
[119] *Ланжерон А.Ф*. Записки графа Ланжерона, его седьмая кампания в Моравии и Венгрии в 1805 году // Военный сборник. — 1900. — № 12. — С. 53.
[120] *Соколов О.В*. Аустерлиц ... — Т. 2. — С. 71; *Amort Č*. Op. cit. — S. 113; *Duffy Ch*. Op. cit. — P. 148.
[121] РГВИА. — Ф. 489. — Оп. 1. — Д. 3309. — Л. 3.
[122] Там же. — Л. 10, 26, 36.
[123] *Сапожников А.И*. Указ. соч. — С. 68, 70.
[124] *Соколов О.В*. Армия Наполеона. — С. 209.
[125] Там же. — С. 155; *Марбо М*. Мемуары генерала барона де Марбо. — М., 2005. С. 544; *Лашук Анри*. Наполеон. — Походы и битвы, 1796—1815. — М., 2004. — С. 735.
[126] *Сапожников А.И*. Указ. соч. — С. 60.
[127] *Кутузов*. Документы. —Т. 2. — С. 235.
[128] *Сапожников А.М*. Указ. соч. — С. 68, 70; *Брак А.Ф. де*. Аванпосты легкой кавалерии воспоминания / сост. Ф. де-Брак. — Тверь, 1906. — С. 48.
[129] *Соколов О.В*. Аустерлиц ... — Т. 1. — С. 277—278; *Amort Č*. Op. cit. — S. 89; *Бутовский И.Г*. Указ. соч. — С. 48.
[130] *Сапожников А.И*. Указ. соч. — С. 104—105.
[131] *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 235.
[132] Там же.
[133] Там же.
[134] Там же.
[135] РГВИА. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 314. — Л. 587.
[136] *Бутовский И.Г*. Указ. соч. — С. 48; *Соколов О.В.* Аустерлиц ... — Т. 2. — С. 68—72.

[137] *Соколов О.В.* Аустерлиц ... — Т. 2. — С. 50.
[138] *Тюлар Жан*. Мюрат, или Пробуждение нации. — М., 1993. — С. 139; *Duffy Ch*. Op. cit. — P. 129—130.
[139] *Duffy Ch*. Op. cit. — P. 128, 130—131; *Тюлар Жан*. Указ. соч. — С. 138; *Чандлер Д.* Военные кампании Наполеона: триумф и трагедия завоевателя. — М., 2001. — С. 268; Документы штаба М.И. Кутузова ... — С. 221; *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 248—251.
[140] *Мезенцев Е.В.* Указ. соч. — С. 226—227.
[141] Там же. — С. 27.
[142] Там же. — С. 228.
[143] *Хрещатицкий Б.Р.* История Лейб-гвардии казачьего его величества полка, 1775—1813—1875—1913 / сост. Б.Р. Хрещатицкий. — СПб., 1913. — Ч. 1. — С. 98.
[144] *Мезенцев Е.В.* Указ. соч. — С. 228—229.
[145] *Хрещатицкий Б.Р.* Указ. соч. — Ч. 1. — С. 99.
[146] *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 61.
[147] *Хрещатицкий Б.Р.* Указ. соч. — Ч. 1. — С. 100.
[148] *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 60.
[149] Там же. — С. 51—52.
[150] Там же. — С. 60.
[151] *Duffy Ch*. Op. cit. — P. 89—90; *Manceron Claude*. Austerlitz, 2 décembre 1805. — Paris, [1960]. P. 217—218.
[152] *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 223, 249.
[153] Из истории военной разведки. — С. 98.
[154] *Бутовский И.Г.* Указ. соч. — С. 48—49; РГВИА. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 321. — Л. 831.
[155] Там же. — Л. 831.
[156] *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 302—303, 339 и др.; *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 66—67.
[157] РГВИА. — Ф. 26. — Оп. 1. — Д. 321. — Л. 831.
[158] *Amort Č.* Op. cit. — S. 120—121; *Михайловский-Данилевский А.И.* Указ. соч. — С. 225; *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 259, 274.
[159] *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 61.
[160] РГВИА. — Ф. ВУА. — Д. 3124. — Л. 120; Д. 3129. — Л. 1.
[161] *Кутузов*. Документы. — С. 302, 339; *Партизан В.А.* Прендель и медаль за лейпцигскую победу // *Рихтер В.Г. фон*. Собрание трудов по русской военной медалистике и истории. — Париж, 1972. — С. 308—314.
[162] *Давыдов Д.В.* Военные записки. — М., 1940. — С. 240.
[163] *Партизан В.А.* Указ. соч. — С. 309—312.
[164] Там же.
[165] *Кутузов*. Документы. — Т. 2. — С. 302—303.
[166] РГВИА. — Ф. 489. — Оп. 1. — Д. 3378. — Л. 51.
[167] *Партизан В.А.* Указ. соч. — С. 309—312.
[168] *Кутузов*. Документы. — С. 303.
[169] Там же. — С. 302, 339.
[170] РГВИА. — Ф. 489. — Оп. 1. — Д. 3378. — Л. 15.
[171] *Чуйкевич П.А.* Подвиги козаков в Пруссии. С планом театра войны кампании 1807 года и многими любопытными анекдотами. — СПб., 1810. — С. 112; *Савельев А.М.* 300-летие Войска Донского, 1570—1870 г. Очерки из истории донских казаков / сост. А. Савельев. — СПб., 1870. — С. 184.
[172] *Сапожников А.И.* Указ. соч. — С. 163.
[173] Там же. — С. 74, 76—77, 91, 104.
[174] *Давыдов Д.В.* Военные записки. — М., 1982. — С. 211.

Т.Н. Жуковская, Е.А. Калинина

ВО ГЛАВЕ УЧИЛИЩ: АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОРЕФОРМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В РОССИИ*

В статье исследуется деятельность дореформенного университета по управлению училищами подведомственного учебного округа. Реконструируется сложившаяся в 1800—1830-х годах иерархическая модель управления в системе училищ, стержнем которой был университет. Выявлена специфика Петербургского университета и его непосредственного предшественника — Педагогического института (1804—1819), которая состояла в мощной кадровой экспансии его выпускников в другие учебные округа империи, специальной многоступенчатой подготовке учителей, сохранении взаимосвязей между университетом и его выпускниками, служащими в системе министерства народного просвещения.
Ключевые слова: система училищ в первой трети XIX в.; университет; студенты; учителя.

T.N. Zhukovskaia, E.A. Kalinina
At the Head of Schools: An Administrative Activities of Pre-reform University in Russia

This article examines the activities of the pre-reform university in the management of schools from a subordinated educational district. A hierarchical model of management of schools in the 1800—1830s are reconstructed with a university as a core. The specificity of the St. Petersburg University and his immediate predecessor, Pedagogical Institute (1804—1819), was of a strong cadre expansion of its graduates in other educational districts of the empire, of a special multi-stage teachers' training, the maintaining of relationships between the university and its alumni serving in Ministry of Public Education.
Keywords: system of schools in the first third of the XIXth century; University; students; teachers.

Цель нашей статьи — показать важную, но малоизученную функцию дореформенного университета, которому было определено управление всеми училищами на территории подведомствен-

* Статья подготовлена при поддержке проекта «Столичный университет в фокусе правительственной политики России (1819–1917)» Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (Мероприятие 1.2.2.).

ного учебного округа. Мы попытаемся реконструировать модель управления училищами на местах, сложившуюся в 1800—1830-х годах, стержнем которой являлся университет, обратив внимание на специфику в этом отношении Петербургского университета и его непосредственного предшественника — Педагогического института.

Система ведомственного управления в министерстве народного просвещения была выстроена достаточно быстро, в течение 2—3 лет, одновременно с устройством новых университетов. В январе 1803 г. были изданы высочайше утвержденные «Предварительные правила народного просвещения», излагавшие законодательные основы новой учебной системы. Число созданных учебных округов в тот момент было равно числу университетов, то есть шести. Однако в Петербурге в 1804 г. был учрежден не университет, а Педагогический институт в виде «отделения» будущего университета. Этим была определена как специфика управления училищами внутри столичного учебного округа, так и особая роль самого Педагогического института. Ему предстояло стать не только центром подготовки учителей для гимназий и уездных училищ в общероссийском масштабе, но и аналогом «профессорского института», поскольку как минимум четверть его выпускников пополнили университеты империи и заняли впоследствии профессорские кафедры.

Появившиеся в последнее десятилетие концептуально новые работы по истории системы российских университетов[1] не снимают задачу более пристального изучения как особой социальной функции дореформенного университета, так и всей системы межуниверситетских, общественных, административных связей, сложившихся вокруг новых центров. Их сходство с европейскими прообразами в лице немецких университетов, по крайней мере, в период действия первых университетских уставов (до 1835 г.) не стоит преувеличивать. Трансфер «университетской идеи» в Россию через немецкие источники, о котором в последнее время много говорится[2], не был единственным содержанием процесса формирования национального типа университета. В этом типе, по крайней мере, в 1800—1830-х годах, мы наблюдаем сложный синтез немецкой модели организации научной деятельности и техник обучения с австрийско-польским опытом управления иерархией подведомственных училищ, с «французской» номенклатурой кафедр и специализаций и, конечно, с российской патрональной моделью управления, которая характеризуется множественностью инстанций, системой отношений, отягощенной иерархией чинов, неизбежно микширующей систему ученых степеней и званий. «Немецкой» по своему духу университетская наука в России станет только во второй половине XIX в., изменив отношения вокруг себя и к себе. Вот

почему во многих исследованиях улавливается невольная модернизация культурных практик российского дореформенного университета[3], не способного выпасть из своего «времени и места», несмотря на сообщенный ему законодателем статус и вид «европейскости». Это очевидно как при обращении к истории повседневности, так и при изучении специфических, не свойственных более позднему университету, направлений и форм его деятельности.

Современные работы по истории высшей и средней школы дореформенной России преимущественно сосредотачиваются на изучении отдельных учебных заведений или одной ступени школьной иерархии (например, высшей школы) в контексте правительственной политики.[4] Механизм управления системой просвещения, а также характер взаимодействия между ее звеньями редко попадает в фокус специального внимания. Поэтому функция университета как административного звена в школьной иерархии, иные формы его влияния на систему училищ исследованы локально и весьма неглубоко[5].

Между тем, очевидно, что создать представление о *системе* университетов, пока их историописание разорвано на территории, — невозможно. Тем более этой «системы» не выстроить без Петербургского университета (до 1819 г. — без Педагогического института, который комплектовал профессорскими и учительскими кадрами все округа, не исключая Виленский и Дерптский). Ни один другой университет не осуществлял в то время, да и позже, столь мощной кадровой экспансии, поскольку нигде более не была поставлена последовательная подготовка к «учительской должности».

Причина односторонней изученности деятельности самого Педагогического института, а также Петербургского университета в 1820—1830-х годах очевидна: невнимание к богатейшему архивному материалу. Историки университета обращаются в основном к опубликованным материалам: законодательным актам, ведомственным распоряжениям. К сожалению, очень мало используются делопроизводственные материалы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Центральном государственном историческом архиве С.-Петербурга (ЦГИА СПб.). Фонд Главного педагогического института (непосредственного предшественника университета) в ЦГИА СПб. не только не известен историкам, но до сих пор не попал даже в указатели архивных фондов по истории СПбГУ. Этот фонд позволяет по-новому взглянуть на проблему задач, направлений и эффективности деятельности этого учебного заведения, не говоря о богатейшем материале, иллюстрирующем повседневную жизнь его студентов и профессоров, систему управления, уровень преподавания и пр.

Материалы провинциальных архивов историками университетов вообще почти не исследованы (за исключением фондов Московского и Казанского университетов в составе Центрального государственного исторического архива Москвы и Национального архива Республики Татарстан). Поэтому административная деятельность университета и ее результаты плохо представлены в историях Московского и других «старейших» университетов.

Наши выводы стали результатом комплексного изучения материалов провинциальных архивов (фондов дирекций училищ Олонецкой, Архангельской, Вологодской и др. губерний), а также фондов Петербургского университета, Главного Педагогического института, канцелярии попечителя Петербургского учебного округа (ЦГИА СПб), Главного правления училищ, канцелярии министра народного просвещения, Департамента народного просвещения, которые хранятся в РГИА. Кроме того, использованы опубликованные законодательные и подзаконные акты, определявшие статус училищ и порядок управления ими, делопроизводственные материалы, мемуарные источники.

Сделаем одну важную оговорку. Мы рассматриваем историю Педагогического института 1804—1816 гг., ставшего затем Главным Педагогическим институтом как часть истории университета. Это было учебное заведение, хоть и не получившее прав самоуправления, однако выполнявшее функции университета, формально названное «отделением университета». В 1819 г. оно не «преобразовывалось» в университет, а со всем своим штатом, подразделениями, студентами и читаемыми курсами (не измененными) было в университет *переименовано*. Новый устав, так и не принятый, должен был закрепить и развить уже существующие его особенности. Такая формальная, но не функциональная трансформация закреплена в первых историописаниях Петербургского университета, составленных Е.Ф. Зябловским, И.П. Шульгиным, П.А. Плетневым[6]. В отношении к Академическому университету XVIII в., Петербургский университет XIX в., несомненно, *другое* учреждение. Но европейская традиция объединения историй двух университетов, в разное время существовавших в одном городе, позволяет говорить о «первом Петербургском» и «втором Петербургском» университетах, по аналогии с периодизацией, например, истории Дерптского университета[7]. Точно так же Варшавских университетов было два. В истории университетов есть примеры, когда территориальное перемещение университета не мешает рассматривать его историю в единстве. Так, Абосский университет был перемещен в Гельсингфорс, и вместе с тем его история едина.

Можно указать несколько специфических черт Педагогического института и Главного Педагогического института, унаследованных

Петербургским университетом, что позволяет говорить не только о юридической, но и исторической преемственности этих учреждений:

1. Деление на три отделения (философско-юридическое, историко-словесное, физико-математическое), что предлагало иное, чем в других университетах, распределение наук между факультетами, которое больше отвечало гимназической номенклатуре предметов.

2. Наличие кафедр (специализаций), которых в других университетах первой трети XIX в. не было: двух кафедр восточных языков, самостоятельных кафедр зоологии, всеобщей истории. Это не связывается с задачами подготовки учителей, но такова была установка «творца» университета С.С. Уварова, желавшего сделать Петербургский университет центром гуманитаристики по нескольким направлениям.

3. Преобладание казенных студентов, до 1816 г. абсолютное. Но и в следующее 20-летие их было большинство, в том числе принятых еще в Главный Педагогический институт на 6-летний курс обучения и обязанных службой по ведомству министерства народного просвещения. Эти молодые люди заканчивали обучение в 1822—1824 гг. и получали аттестат университета.

4. Наличие «внутреннего» и «внешнего» курсов наук, которые содержательно отличались. Второй предназначался для своекоштных и «вольных» студентов. Слушателей на «внешнем» курсе было немало, но далеко не все его оканчивали с аттестатом. «Внутренний» курс был весьма интенсивным и объемным, так как ориентировал основную массу казенных студентов на подготовку к учительской деятельности, которая по своему репертуару предполагала способность соединять несколько направлений знания (например, географию, статистику как науку о государстве, российскую и всемирную историю).

5. Попечительское управление в отношении университета, по крайней мере, в 1817—1826 гг. было более жестким. В состав администрации Петербургского университета (как до того Главного Педагогического института) входил назначаемый попечителем директор.

Эти отличия сохранялись и после 1819 г., что было мотивировано С.С. Уваровым в специальной записке на имя министра народного просвещения[8].

Некоторые особенности были обусловлены самим местоположением Педагогического института в столице империи, — в частности, непрерывная практика лицензирования лиц, претендующих на вступление в службу, в том числе с дипломами иностранных университетов. Также «Комитет испытаний» Педагогического института выдавал свидетельства на право преподавания, не исключая преподавание в других университетах, принимал «экзамены на чин». Таким образом, Институт имел не только право, но и более широкие,

нежели в провинциальных университетах, возможности академического и профессионального лицензирования.

В руках профессорской корпорации Педагогического института было сосредоточено больше хозяйственно-административных функций в отношении подведомственных университету училищ, да и численность училищ, включая частные пансионы на территории Петербурга и Петербургской губернии, значительно превосходила другие территории.

Границы столичного учебного округа в течение трех десятилетий неоднократно менялись. С 1803 до 1824 г. в состав столичного учебного округа входили Петербургская, Архангельская, Олонецкая, Новгородская и Псковская губернии. В 1824 г. границы округа значительно расширились за счет центральных и западных губерний, к столичному округу были присоединены Вологодская, Витебская, Могилевская, Смоленская и Калужская губернии. Новгородская же дирекция народных училищ была передана Московскому учебному округу. В 1829 г. границы округа вновь подверглись изменению. В составе округа остались шесть губерний: Санкт-Петербургская, Архангельская, Олонецкая, Вологодская, Смоленская и Калужская, а с 1831 г. вместо Калужской округу снова была возвращена Новгородская губерния. Отметим, что в течение первой трети XIX в. границы всех учебных округов неоднократно менялись. Так, в состав Харьковского учебного округа в 1803 г. входило девять губерний, а к 1836 г. осталось только две[9]. Из подведомственных губерний округа Олонецкая была наиболее слабозаселенной, с неразвитой сетью дорог, малым количеством крупных поселений. Единственным городом, сложившимся вокруг крупного промышленного предприятия (Александровского чугунолитейного завода), имевшим в первой половине XIX в. городскую по стилю хозяйственную и культурную жизнь, был Петрозаводск. В нем уже с 1796 г. действовало Главное народное училище. Главные народные училища, открытые в губернских городах при Екатерине II, постепенно преобразуются в губернские гимназии. В Вологде это произошло в 1804 г., в Петрозаводске и в Архангельске — в 1811 г., во время визитации профессора Петербургского университета П.Д. Лодия. Малые народные училища в уездных городах реформируются в уездные училища (в 1804 г. в Вологодской губернии было открыто 5 уездных училищ, в 1808 г. в Олонецкой — 4, в 1811 г. в Архангельской — 3). Кроме того, появляются городские и сельские приходские училища: в Вологодской губернии в 1808—1810 гг. было открыто 11 таких школ, в Олонецкой в 1804—1805 гг. — 24, в Архангельской в 1805—1810 гг. — 12.

С открытием университета организация управления училищами в округе изменилась. Губернские директора народных училищ, ранее

отчитывавшиеся перед попечителем, теперь представляли отчеты ректору университета и полностью подчинялись университетскому Правлению. Университет стал ведать административными, хозяйственными и учебными делами во всех общеобразовательных учебных заведениях, расположенных на территории столичного учебного округа. Этот порядок продолжался до 1835 г. и издания нового университетского устава и положения об учебных округах.

В главе 15 Устава 1804 г. «Об управлении и надзирании училищ» определялись права и обязанности Университета по управлению и контролю за училищами в подведомственном учебном округе. Университет представлял попечителю ежегодный отчет и подробные сведения о состоянии дел в подведомственном округе. В университете создавался Училищный комитет из профессоров, который ходатайствовал перед Советом университета о награждении и поощрении учителей, а также об увольнении с должности, если «они окажутся недостойными звания». Эти предложения утверждались Советом и представлялись попечителю[10].

Ежегодные отчеты директоров народных училищ, содержащие «подробное изображение испытаний, состояния, в каком учение находится, приращения способов народного просвещения и недостатков, останавливающее оное», также поступали через Училищный комитет в Совет университета, а тот, в свою очередь, доставлял попечителю общий ежегодный отчет по округу, с включением обозрения состояния самого университета, для представления министру народного просвещения. В ведении Училищного комитета находились также хозяйственная и учебная части учебных заведений округа. Документы, касавшиеся хозяйственных вопросов, проходили обсуждение в университетском Правлении[11]. Правление же утверждало в должностях учителей не только гимназий, но и уездных и приходских училищ. Это правило распространялось также на священников, занимавших учительские должности. Перевод учителя из одного места в другое внутри округа также решался Правлением. Училищный комитет присваивал звание уездных учителей тем, кто не получил законченного образования, выдавая свидетельства на право преподавания после соответствующих испытаний. Протоколы заседаний Училищных комитетов хорошо сохранились.

Совет университета избирал кандидатов на должность губернских директоров училищ и уездных смотрителей, делая о них представление Главному правлению училищ, ходатайствовал об их награждении.

Педагогический институт с момента своего учреждения существовал по собственному «Положению» 16 апреля 1804 г., в котором не

определялось его отношение к учебным заведениям округа. Однако направленность и эффективность деятельности его была такова, что в первые два десятилетия реформ он соединил в себе Профессорский и Учительский институт.

Правительство не сразу определило «особое положение» Педагогического института, как «рассадника учителей», в системе университетов империи, поскольку первоначально предполагалось, что в Петербурге будет учрежден и собственно университет. Знаковым событием был визит Александр I в Педагогический институт. Заметим, что до этого император не был ни в Московском, ни в Харьковском, ни тем более в Казанском университете.

Посещение Александром I Педагогического института 4 сентября 1807 г. стало своеобразной проверкой эффективности курса на широкое демократическое просвещение, которая прошла удачно. Этот визит совпал с приближением завершения курса студентами первого набора, им уже было чем «блеснуть» перед «протектором наук», как торжественно именовали императора в ведомственных документах.

По идее попечителя Н.Н. Новосильцева император должен был увидеть «рабочую» обстановку занятий, причем так, чтобы студенты могли продемонстрировать свои успехи в науках, которые им предстояло затем преподавать в гимназиях. Это достигалось тем, что в течение 3-часового присутствия Александра в аудитории вызывались преподавать по два студента «из каждой науки», и все прочие студенты готовы были бы «давать лекции». В этот день в Институт были быть приглашены министры, члены Главного правления училищ, Академии наук. Императору «самому угодно было свидетельствовать познания и таланты тех, кому вверены будут надежды и подпора Отечества»[12].

Император прибыл сначала во 2-е отделение Института (где учился младший курс студентов, набранный в 1806 г.) «в начале 12-го часа», был встречен министром гр. П.В. Завадовским, попечителем учебного округа и президентом Академии наук Н.Н. Новосильцевым. В старшем курсе «преподавание наук началось с всеобщей истории, из которой студент Метлин читал о Генрихе IV, за ним студент Воронковский читал лекции из физики о естественном и искусственном видении (т.е. оптике. — *авторы*), потом студент Карцов читал из химии о смешении воды и водотворном газе, студент Соловьев о кислотворном углекислом и кисленном соляном газах, студент Ефремов о происхождении газообразного вида; студент Егорьевский читал из математики по оптике, студент Кастальский из ботаники о растениях вообще и в особенности о древесных, наконец, студент Александ-

ровский читал сочиненное им похвальное слово Пожарскому (относящееся к предмету эстетики)». Император слушал всех студентов «с особенным снисхождением», после чего осмотрел библиотеку, кабинеты, «найдя оные в желаемом совершенстве». Пробыв в Институте почти 4 часа, он уехал оттуда, «изъявив особенную свою признательность начальству сего заведения»[13]. В знак удовольствия всем профессорам были пожалованы бриллиантовые перстни, магистрам и учителям золотые табакерки. Из студентов, читавших лекции, награжден был один Александровский — золотыми часами.

Через несколько месяцев состоялся беспрецедентный акт посылки сразу 12-ти стипендиатов, лучших студентов Института, в Европу для подготовки к профессорскому званию. Общая сумма затрат на три года их обучения за границей, рассчитанная в 80 тыс., была значительно превышена.

Проведение учебной реформы в России по новому училищному уставу 1804 г. затруднялась нехваткой учителей на местах. Преобразование Главных народных училищ в гимназии нового типа началось сразу после издания этого устава, но растянулось почти на 20 лет. В 1808 г. в С.-Петербургском учебном округе из пяти губернских городов, входивших в его состав, лишь в трех существовали гимназии; в Казанском из 13 губернских городов — только в пяти; в Харьковском из 11 губернских городов — в восьми, в Виленском из восьми городов — в шести. Только в Московском учебном округе во всех 10 губернских центрах были открыты средние учебные заведения[14]. В северных губерниях одной из первых на базе Главного народного училища была создана Вологодская губернская гимназия (1804 г.), Олонецкая гимназия была открыта в 1808 г., Архангельская — в 1811 г.

Столичный университет, как до него Педагогический институт и Главный Педагогический институт, влиял на дела училищ округа не только через систему администрирования, но и непосредственно — через своих выпускников, распределяемых на учительские места. Только с 1807 по 1830 г. Институтом и Университетом было выпущено более 300 студентов, особенно многочисленными были первые два выпуска Педагогического института (1808 г., 1811 г.). А были еще выпуски 1814, 1817/1818, 1823 гг. В 1830—1850-х годах миссию «рассадника учителей» выполнял уже «второй» Главный Педагогический институт, сохранивший связь с университетом. Ни один другой университет России в то время не осуществлял столь масштабную и последовательную кадровую экспансию в другие округа.

С 1807 г. в Институте (а затем в университете) ежегодно проходило распределение студентов по губернским гимназиям и уезд-

ным училищам, поскольку казеннокоштные студенты обязывались подпиской прослужить не менее 6 лет по ведомству министерства народного просвещения. Список вакансий заранее оглашался студентам, кандидатуры выпускников, отправляемых на учительские должности, утверждал попечитель округа. Распределение по «учительским местам» проводила Конференция института, оно происходило с согласия студентов, составленного в письменной форме.

В год массового распределения уже окончивших Педагогический институт студентов (180) рассматривалось предложение об определении сразу 15 выпускников 1-го и 2-го разрядов на учительские вакансии в Харьковский учебный округ[15]. В итоге 6 студентов были отправлены в училища Харьковского округа, 7 — в Московский, 10 — в Казанский округ. Трое студентов посланы в Виленский округ, двое — в Тифлис, около 30 — в училища столичного округа, в том числе Морской и сухопутные кадетские корпуса, Царскосельский лицей, уездные училища С.-Петербургской губернии. Несколько человек были оставлены для преподавания и подготовки к магистратуре в самом Институте.

Из числа отправленных в Казань Григорий Никольский, Иван Дунаев и Измаил Срезневский через несколько лет получили должности экстраординарных, затем ординарных профессоров, а Никольский стал ректором университета. В 1812 г. выпускники Педагогического института (Дружинин и Маницев) были посланы преподавателями словесности в Абовский университет[16].

Всего в 1807—1809 гг. было распределено по училищам всех учебных округов 80 студентов 1 выпуска и более 40 — второго. 12 лучших студентов 1-го разряда, как известно, были посланы за границу на три года для подготовки к занятию кафедр в русских университетах; 6 умерли до окончания Института; 7 были исключены: по болезни, за проступки, или переведены в другие учебные и научные учреждения (Медико-Хирургическую академию, Академию наук), в уездные училища, до окончания полного курса. Это лишь общая статистика. Точные данные с фамилиями, местами распределения и этапами карьеры всех выпускников можно представить в виде *базы данных*, подготовка которой по материалам делопроизводства Педагогического института и Университета — вопрос времени.

Объявление конкурса на замещение вакансий по всем университетам в то время было неэффективным, поскольку желающих было много меньше, чем вакансий.

Схема распределения была такова. Объявлялись вакансии по каждому округу, в разное время, и Конференция объявляла это студентам, ожидая «добровольцев», которые бы пожелали отправиться,

куда объявлено. Студенты, в свою очередь, просили рекомендации от преподавателей на «хорошие» места, в основном, в пределах столицы (потом это было запрещено)[17]. Выбор места, в конечном счете, оставался за студентом, и против его воли он не мог быть послан куда-либо. Поэтому распределялись студенты далеко не сразу по окончании курса, некоторые пребывали при Институте еще год и более в ожидании подходящей вакансии. Изъявляя согласие подпиской по определенной форме, они обязывались прослужить в избранном ими месте не менее 6 лет. Кандидату выдавалось третное жалование из расчета 400 руб. в год, он снабжался прогонными деньгами до места назначения. Перемещения с места на место в течение периода обязательной службы был редки, и производились при посредничестве Конференции Института.

Окончившему институт студенту выдавался аттестат с «означением» его успехов по основным предметам, по форме приближенный к университетскому, при этом четкая иерархия оценок в начале XIX в. еще не утвердилась[18]. По архивным документам судьба универсантов-выпускников, оказавшихся в провинциальных гимназиях и других училищах, прослеживается на протяжении нескольких лет и даже десятилетий после распределения.

Обучение, распределение, адаптация и дальнейшая карьера выпускников («“плебеев” с дипломом»), большинство которых были выходцами из среды бедного духовенства, означает, что университет предлагал новые пути социализации, ломающие сословную структуру общества. В первой трети XIX в. среди студентов встречаются дети мещан, государственных крестьян и даже крепостных, принимаемых по представлении отпускной от владельца или сельского общества. По окончании обучения следовала обязательная процедура их освобождения от подушного оклада решением Сената. Таким образом, университет того времени выполнял роль механизма вертикальной социальной мобильности, условием которой было превращение науки в профессию. Социализация начиналась с момента поступления, а «переходный период» занимал около 10 лет, до окончания срока обязательной службы казенного студента.

О студентах того времени писать довольно сложно в силу дробности и масштабности неизученного архивного материала. Но этот материал как раз выявляет отличие русского университета от немецкого прообраза. Если профессорская корпорация была укомплектована выходцами из Германии (в Московском университете наполовину, в других университетах — более чем на треть), то студенческая среда была более однородной в национальном отношении. Социальная же стратификация дореформенного студенчества была весь-

ма пестрой: от аристократов до детей крепостных. Изучать эту среду как целое — очень сложно еще и потому, что по разным университетам картина была не одинакова.

Проблема горизонтальных связей между университетами может быть рассмотрена через перемещение выпускников и профессоров из университета в университет, прослеживание индивидуальных карьер. Это возможно сделать путем комплексного изучения архивного материала. Изучение распределения и деятельности выпускников Педагогического института и Петербургского университета позволяет «связать» почти все университеты империи.

Вот одна из иллюстраций механизма распределения студентов. 18 декабря 1806 г., еще до завершения первым выпуском полного курса учения, попечитель Московского университета М.Н. Муравьев направил запрос петербургскому попечителю Н.Н. Новосильцеву об увольнении в Московский округ двух студентов Педагогического института, Михайловского и Смирнова, «первого для математических предметов, второго для словесных и государственного хозяйства. ... Истинная надобность в округе в способностях означенных молодых людей совершенно согласуется с их собственными желаниями, ибо один из них Тверской, другой Калужский уроженец», — писал Муравьев[19]. К сожалению, исполнить это пожелание в отношении Михайловского было невозможно: он умер в апреле 1807 г.[20] Алексей Смирнов был отправлен в Московский округ вместе с шестью своими товарищами, занявшими вакансии в Пензенской, Калужской, Рязанской, Тверской гимназиях и уездных училищах округа.

Занимаясь распределением студентов, Конференция Института, а позже Правление университета, пытались соблюсти и выгоды студентов, и интересы кадрового обеспечения губернских гимназий. Против желания студента распределение не проводилось, однако мало кто хотел ехать в отдаленные уездные училища. Тем не менее, на русский Север отправлялось немалое количество выпускников, которые не были местными уроженцами, поскольку это была территория Петербургского учебного округа.

В 1802 г. в Петрозаводское главное народное училище, окончив Петербургскую Учительскую семинарию, которая была предшественницей Педагогического института, прибыли М. Копосов, Г. Ореховский, П. Лопатинский. Последний был назначен учителем всемирной и естественной истории, географии, французского и немецкого языков, рисования, Ореховский преподавал математику, французский и немецкий языки и рисование, Копосов — математику, физику, архитектуру, французский и немецкий языки, историю и географию.

М.А. Копосов, получивший должность старшего учителя, уже в 1804 г. исполнял обязанности директора народных училищ, а потом в течение 30 лет был смотрителем училищ Петрозаводского уезда. В общей сложности он прослужил 37 лет. В 1808 г. после окончания Педагогического института в Олонецкую гимназию поступают Н. Куняев, П. Соболев, И. Яконовский, И. Егорьевский. В Вытегорское уездное училище назначается И. Протопопов, в Архангельскую губернскую гимназию направляются Е. Смирнов, К. Васильев, А. Баранов, Л.Левицкий. В 1809 г. Конференция Педагогического института направила в Олонецкую губернию И. Воскресенского и В. Березниковского[21].

Исследователи до сих пор недооценивали значение Педагогического института и Главного Педагогического института не только как «рассадника учителей», но и как аналога Профессорского института, который за полтора десятилетия подготовил не только около 300 учителей, но и более 30 профессоров для всех университетов империи. Преобразование Главного Педагогического института в университет в 1819 г. это его назначение не аннулировало, но делало второстепенным, поскольку основным назначением университета провозглашалось всестороннее образование юношества вообще, а не целенаправленная подготовка педагогов. Однако эта трансформация заняла еще несколько лет, а в составе Петербургского университета до 1824 г. «доучивались» казенные воспитанники Главного Педагогического института, прошедшие полный 6-годичный курс. До 1833 г. и подготовка первого выпуска второго Главного Педагогического института, существовавшего при Петербургском университете (1828—1858), и подготовка учителей для гимназий продолжала оставаться основной функцией последнего.

На документальном материале нами исследованы такие формы администрирования училищ со стороны университета, как визитации (ревизии) училищ округа профессорами, назначавшимися по выбору Конференции Института. Визитаторы были знакомы с проблемами организации и деятельности училищ, владели методикой преподавания учебных предметов. Немаловажное значение имели и личные контакты профессоров с учителями гимназий — бывшими студентами Института. Приезд визитатора часто совпадал с открытием новых училищ. Так, в 1811 г. открытие гимназий в Петрозаводске и Архангельске совпало с визитацией профессора Педагогического института П.Д. Лодия.

Визитаторам вручалось специальное «наставление», которое составляла и утверждала Конференция Института, где указывалось, что они не только обозревают училища и составляют отчет об их посе-

щении, но «должны вести беседу с гражданами и дружески внушать пользу учения и советовать, чтобы они отдавали детей в училища»[22]. Кроме того, визитаторы оценивали деятельность губернского директора училищ, «какую наклонность привил он в жителях к заведению приходских училищ и вообще к просвещению»[23]. Такие «наставления» составлялись для каждой ревизии отдельно. По штату Главного педагогического института на содержание визитатора по Санкт-Петербургскому округу выделялось 4000 руб., кроме того, на путевые издержки отпускалось еще 200—300 руб., по усмотрению университетского Совета.

«Устав» 1828 г. предполагал изменение периодичности визитаций, поставив ее в зависимость от количества училищ на территории дирекции. Если их число было велико и они находились друг от друга на значительном расстоянии, тогда с одобрения университета губернию позволялось обозревать не ежегодно, а один раз в два года (ст. 175).

Делопроизводство министерства народного просвещения того времени является наглядным отражением связей между ступенями иерархии: министерство — попечитель — университет — дирекция — смотрители — народные учителя.

Инспектирование со стороны университетских чиновников редко выходило на уровень приходских сельских школ, обычно осмотру подвергались гимназии и уездные училища. В гимназиях визитаторы знакомились с отчетностью, принимали испытания учащихся, проводили методические и научные консультации с преподавателями. Они должны были составить представление об обеспеченности учебными пособиями, их качестве, уровне преподавания, дать соответствующие рекомендации на общем собрании учителей каждой гимназии по окончании визитации. После осмотра учебных заведений визитаторы представляли Училищному комитету университета письменный отчет о результатах обозрения, отражая в нем состояние осмотренных училищ, качество подготовки учителей и преподавания, качество знаний учащихся.

Если поездки по губерниям учебного округа совершал попечитель, то спутником его, как правило, был профессор, представитель университета. Такую поездку в июле — августе 1834 г. совершил попечителем М.А. Дондуков-Корсаков в сопровождении профессора Петербургского университета А.В. Никитенко. Во время этой поездки в городах Олонецкой губернии Лодейном Поле, Пудоже и Повенце были осмотрены уездные училища, открыты несколько приходских училищ, а в Архангельской губернии был решен вопрос об открытии в гимназии реального класса с изучением английского языка, основ коммерции, бухгалтерии, химии и технологии[24].

Визитации становились дополнительной нагрузкой и отрывали профессоров от основных занятий. Длительность поездок по учебному округу обычно занимала около трех месяцев; плохие дороги, неустроенность дорожного быта, необходимость составления подробных отчетов, — все это лишь отчасти возмещалось двойным окладом жалования визитаторам.

В форме визитаций и на постоянной основе университет осуществлял руководство преподаванием, снабжение пособиями, аккумулировал и транслировал фактическую информацию о положении дел на местах. Благодаря тесной связи университета с подведомственными учебными заведениями, ректор университета владел полной информацией о состоянии училищ на территории округа, о чем свидетельствуют архивные документы. Так, 14 февраля 1828 г. попечитель округа К.М. Бороздин потребовал от ректора Петербургского университета А.А. Дегурова срочно доставить сведения по Олонецкой гимназии: «когда она была учреждена, сколько в ней преподавателей и учеников, и какая сумма в год на содержание отпускалась»[25]. Предписание было получено ректором в 6 часов вечера 14 февраля, но в тот же день, по имеющимся в канцелярии Училищного комитета университета документам (формулярным спискам учителей, отчетам, исторической записке об Олонецкой гимназии и т.д.), был составлен подробный рапорт о состоянии гимназии в Петрозаводске. Уже утром 15 февраля этот документ был доставлен попечителю.

В то же время визитации служили живым связующим звеном между гимназией и университетом, формировали у лучших учеников мотивацию к поступлению в университет, а иногда заранее обеспечивали их протекцией. Профессору-визитатору они давали возможность найти согласование между живыми потребностями обучения и издаваемыми от университета учебными пособиями. А университетские профессора выступали авторами учебников для гимназий. Так, Е.Ф. Зябловский и Н.Г. Устрялов стали авторами лучших учебников для гимназий[26].

Почти все необходимые учебники для училищ округа печатались в университетской типографии, а Училищный комитет изыскивал средства в виде различных пожертвований на пополнение фондов для училищных библиотек, организовывал продажу учебников через книжные магазины при гимназиях. Часть выпускаемых книг университет отправлял в учебные заведения безвозмездно, в частности, бесплатно распространялись учебники, написанные профессорами Петербургского университета и напечатанные в его типографии, за плату — присланные из других университетов.

Тесная связь университета с территориями округа обнаруживается в критические моменты. Чтобы не повторить судьбу сгоревшего в пожаре Москвы университета, в сентябре 1812 г. началась подготовка к эвакуации Петербургского Педагогического института и Петербургской гимназии. Местом эвакуации был определен Петрозаводск Олонецкой губернии. Переезд 125 воспитанников, включая учеников гимназии, и служителей во главе с директором Института Е.А. Энгельгардтом и несколькими профессорами, должен был осуществляться водным путем вверх по Неве, через Ладожское озеро, затем по Свири и Онежскому озеру. Но отправившись из Петербурга 4 октября, суда не успели достичь места назначения до конца навигации и зазимовали на Свири. Гимназистов было решено оставить в д. Усланка, а студенты, поехав дальше на санях, прибыли в Петрозаводск 14 ноября. Институт провел в эвакуации около 2 месяцев, разместившись в здании Олонецкой губернской гимназии и даже пытаясь восстановить занятия[27]. Это «бегство от войны», стоившее казне почти 12 тыс. руб., возможно, было излишним, но осенью 1812 г. события еще не были предрешены. Кстати, уезжая, Институт оставил в гимназии ценные приборы (микроскопы, электрические машины и др.), чем значительно пополнил ее материальную базу.

Олонецкая губерния рассматривалась училищным начальством не только как место службы выпускников Педагогического института, но и как место для «исправления» нерадивых студентов и учителей. В декабре 1811 г. студенты Института Александр Розанов и Петр Беликов были наказаны за «предосудительные проступки» отсылкой в Петрозаводск «на исправление». Их проступок состоял в том, что вместо посещения Щукина двора, куда они отпросились за покупками, студенты побывали у своего друга, офицера Семеновского полка, «откуда возвращались пьяные и попались навстречу неизвестному ремесленнику-немцу», который провожал даму[28]. По словам немца, А. Розанов и П. Беликов сорвали с дамы платок, после чего он закричал «Караул!». На крик подоспел дежуривший караул. Розанов смог убежать, а Беликов был препровожден к квартальному надзирателю.

О выходке студентов было доложено не только попечителю учебного округа С.С. Уварову, но и министру народного просвещения А.К. Разумовскому. В донесении на имя министра С.С. Уваров предложил наказать студентов «временным удалением из Института в Олонецкую губернию на исправление с предложением тамошнему директору, чтоб строжайше наблюдал за ними»[29]. Если Розанов и Беликов исправятся, попечитель считал возможным привлечь их к преподаванию в нижних классах гимназии, если нет, ужесточить на-

казание. Это предложение было принято, и в мае 1812 г. А. Розанов и П. Беликов были отправлены в Олонецкую губернию «на исправление». Сохранились ежемесячные донесения директора народных училищ Олонецкой губернии Н.П. Ушакова о «благонравном» поведении студентов, ведомости прихода и расхода их годового содержания, определенного по 200 руб. на каждого. Для постоянного контроля над провинившимися, директор поместил их в здании гимназии, где проживал сам, и «почел необходимо нужным содержать их и обеспечить столом» в своем доме[30]. В 1812/1813 учебном году их привлекали к преподаванию в Петрозаводском приходском училище и нижних классах Олонецкой гимназии, на время отсутствия постоянных учителей. Своеобразная ссылка студентов продолжалась до мая 1813 г., после чего было признано, что занять учительские места они еще не готовы и им лучше все же окончить Институт[31].

Успех распространения гимназий на местах напрямую зависел от деятельности Педагогического института. Необходимые средства на открытие губернских гимназий направлялись во все дирекции училищ уже с 1805 г. Но открывались новые учебные заведения значительно позже. Нормальное функционирование гимназий становилось возможным только после заполнения всех учительских вакансий. Не случайно преобразование Главных народных училищ в гимназии в Олонецкой и Архангельской губерниях состоялось только после прибытия туда выпускников Педагогического института.

В делах Правления университета отложились формуляры учителей гимназий. Так или иначе, визитации попечителя и профессоров, регулярная переписка, объединенное делопроизводство свидетельствуют о тесной связи между университетом, гимназиями и уездными училищами на уровне не только учреждений, но и людей. Какими же были формы и «плотность» этой связи?

Особый контроль осуществлялся за выпускниками Петербургского университета. Имея подробную информацию о работе учителей округа, университет делал представления на имя попечителя о достоинствах и профессиональных качествах педагогов. Эти представления становились важным фактором в их дальнейшей карьере. Одних педагогов переводили из уездных училищ в губернские гимназии, повышали в чине. Других определяли на должность директоров народных училищ и штатных смотрителей, некоторым предлагалось стать преподавателями университетов, при условии представления диссертации. Университетское начальство инициировало перемещение выпускника, с его согласия, не только из провинции в столичные учебные заведения, но и из одного учебного округа в другой.

Студенты, получившие учительские места в пределах округа, оставались в подчинении Педагогического института (позже университета), что распространялось не только на учебную деятельность. Они должны были испрашивать у Конференции института (Правления университета) разрешения на вступление в брак или на отпуск, через университет они представлялись к награждению и повышению в чине. Правлению же они возвращали из учительского жалования прежние долги или суммы, затраченные на проезд к месту назначения. В Совет университета они представляли свои научные и методические сочинения, в университете защищали диссертации, и тогда их карьера, конечно, круто изменялась. Еще несколько лет бывшие студенты находились «в непосредственном ведении» университета, да и по истечении срока обязательной службы — в постоянном контакте с ним. Раз в год или раз в полгода они встречали «визитатора», своего же профессора, отчитывались перед ним. В случае их смерти размер пособия, определяемого вдове и детям, также зависел от решения университетского начальства, от того, как оно оценивало способности и заслуги умершего. Пенсионное законодательство, касающееся учителей, в первой половине XIX в. еще не оформилось.

Выпускники Педагогического института и Петербургского университета, оказавшиеся в Олонецкой губернии, служили весьма достойно, почти все, исчерпав 6-летний срок обязательной службы, оставались служить и дальше. Представления директоров и смотрителей училищ о молодых педагогах изобилуют свидетельствами об их достойной службе. Так, об учителе Н.О. Куняеве директор С.А. Башинский в 1818 г. писал: «Прилежен и довольно успешен, поведения благородного и отличного»[32]. Такую же характеристику получил И.Ф. Яконовский[33].

По документам губернских дирекций училищ и делопроизводству университета можно восстановить социальные и бытовые параметры «учительской должности», проследить судьбу выпускников — от распределения до отставки или смерти, а также их потомков, многие из которых избирали ту же стезю. Контроль училищного начальства над учителями затрагивал и их личную жизнь. Учителя испрашивали у директора народных училищ разрешения на женитьбу[34]. В брак многие молодые педагоги вступали достаточно быстро: к моменту выпуска они были вполне взрослыми людьми — 22—25 лет, имели чин X—XII класса, были обеспечены неплохим (по провинциальным понятиям) жалованием. Их избранницами становились дочери провинциальных чиновников или учителей. Из определившихся в Олонецкую гимназию Н.О. Куняев был женат на дво-

рянке Е. Реуцкой, П.С. Соболев — на дочери коллежского асессора Ф. Рейнгольда, И.Ф. Яконовский — на дочери губернского секретаря И. Гребенщикова, И.Д. Воскресенский — на дочери титулярного советника П. Безрукова, М.И. Троицкий — на дочери учителя Олонецкой гимназии М.А. Копосова. Семейства учителей были, как правило, многочисленны. В семье М.И. Копосова было 10 детей, в семьях Н.В. Талицкого, А.И. Мещерского — семеро, у Н.О. Куняева — четверо. Все сыновья учителей окончили Петрозаводское уездное училище, затем Олонецкую гимназию.

Связи с Петербургским университетом для учительских семей распространялись на второе-третье поколение. Все шесть сыновей М.А. Копосова после окончания Олонецкой гимназии продолжили дело отца и стали учителями. Старший сын Павел служил учителем в Петрозаводском приходском училище, Иван — учителем в Олонецкой гимназии. Владимир, Александр и Петр Копосовы стали студентами Петербургского университета, а после его окончания вернулись в Петрозаводскую гимназию. Позже Александр и Петр перебрались в Петербург, где Александр Копосов стал учителем 1-й С.-Петербургской гимназии, а Петр Копосов впоследствии — директором 4-й гимназии. Николай Копосов окончил Олонецкую гимназию с серебряной медалью и поступил в С.-Петербургскую Медико-хирургическую Академию «в число казеннокоштных студентов»[35]. Поступили в Петербургский университет сыновья Н.Н. Познякова, А.И. Мещерского, М.И. Троицкого.

По прочности и интенсивности связей с Петербургским университетом Олонецкая гимназия, несмотря на свою отдаленность, оказалась в особом положении. До 1835 г. из Вологодской и Архангельской гимназий в университет не поступал ни один выпускник. Тогда как уже в составе второго выпуска студентов Педагогического института (1810 г.) был А.А. Крылов, сын первого директора училищ Олонецкой губернии А.Е. Крылова, впоследствии профессор Петербургского университета. В 1824 г. университет закончил поэт В.Г. Бенедиктов, ученик И.Ф. Яконовского по Олонецкой гимназии. Вообще в Петрозаводске среди учителей оказалось больше всего выпускников университета, за всю первую половину XIX в. — 31 человек.

Правление университета занималось организацией лечения учителей из числа бывших воспитанников в Петербурге, имея возможность помещать их, как бывших казенных студентов, в Обуховскую градскую больницу, тогда как педагоги-выпускники других учебных заведений такой льготой не пользовались.

Университет ходатайствовал об определении пенсий и пособий учителям, и даже средств на похороны и помощь наследникам. При-

чиной такого всестороннего социального кураторства было несовершенство тогдашнего пенсионного законодательства. В 1827 г. в Училищный комитет министерства народного просвещения поступило донесение из Совета университета о назначении пенсиона вдове и детям учителя Сольвычегодского уездного училища Вологодской губернии А.О. Мудрова в размере 200 руб. в год «за беспорочную 39-летнюю службу покойного»[36].

Недостойное поведение учителей также становилось объектом пристального внимания училищного начальства. Директор училищ о таких фактах обязан был докладывать ректору университета и попечителю учебного округа. В 1833 г. в университетский Училищный комитет было доложено о «недостойном поведении в быту» (проще: о пьянстве) выпускника университета Н.О. Куняева[37].

2 июня 1835 г. было издано новое «Положение об управлении учебными округами», по которому губернские дирекции училищ и учебные заведения на местах были изъяты из ведения университета и переданы в ведение попечителей округов. «Положение» устанавливало, что попечители «получают донесения от директоров училищ и гимназий и дают им разрешения или представляют свое заключение на утверждение министру народного просвещения»[38]. Но связь провинциальных учебных заведений с университетом на этом не прервалась. «Положение» 1835 г. по-прежнему предусматривало проведение профессорами или адъюнктами университета обозрений учебных заведений округа по личному приглашению попечителя, если такая поездка не мешала их основной деятельности. Кроме того, по «Положению» попечитель запрашивал мнение университетского Совета об усовершенствовании преподавания, утверждении дополнительных курсов и методических пособий для средних и низших училищ (§ 12). Ректор университета входил в Совет при попечителе, который решал вопросы организации учебного дела на местах (§ 19).

Деятельность учителей-выпускников Педагогического института и Петербургского университета и формы опеки университета над ними, включая лечение, пенсии, пособия сиротам и вдовам открывают систему социальных отношений в рамках «университетского пространства». Вовлеченными в нее оказываются не только действующие члены корпорации, но и все «бывшие студенты», оставшиеся под управлением университета. «Университетское пространство» в социальном и территориальном измерении расширяется до границ территорий, «подведомых» университету. Это, конечно, не вся «просвещаемая Империя», но значительная ее часть. Пример столичного университета, разумеется, не был уникален, однотипные связи университетов и управляемых ими училищ устанавливались во всех округах.

[1] *Петров Ф.А.* Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. — М., 1998—2001. — [Кн.] 1—4, ч. 1. 6 т.; «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: университеты Российской империи в общеобразовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX в. / отв. сост. А.Ю. Андреев. — М., 2009.

[2] *Андреев А.Ю.* : 1) «Гумбольдт в России»: Министерство народного просвещения и немецкие университеты в первой половине XIX века // Отечественная история. — 2004. — № 2. — С. 37—55 ; 2) Император Александр I и профессор Г.Ф. Паррот: к истории возникновения «университетской автономии» в России // Там же. — 2006. — № 6. — С. 19—30.

[3] Это чувствуется и в лучших работах по теме. См.: *Вишленкова Е.А. Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. — Казань, 2005; *Кулакова И.П.* Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. — М., 2006.

[4] См.: *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. — М., 1985; *Петров Ф.А.* Указ. соч. — Кн. 1—4, ч. 1; *Глущенко П.П.* История становления и развития института образования в России (до начала XX века). — СПб., 2004; *Михащенко А.Л.* Становление и развитие образования в российской провинции в 1719—1917 гг.: на материале южно-зауральского региона Западной Сибири. — Курган, 2004; *Синицына П.Т.* Развитие народного образования на Европейском Севере (досоветский период). — Архангельск, 1996.

[5] Исключение представляет исследование взаимодействия Харьковского университета с училищами его округа. См.: *Ткаченко А.М.* Учебно-методическое руководство Харьковского университета школами в 1805—1835 гг. — Харьков, 1957.

[6] См: *Зябловский Е.Ф.* Историческая повесть об Учительской семинарии и Педагогическом институте до переименования его в Санктпетербургский университет, с присоединением некоторых из предшествовавших учреждений по части народного просвещения. — СПб., 1833; *Шульгин И.П.* О начале и постепенном возрастании императорского Санктпетербургского университета: чит. в торжественном собрании Ун-та в день открытия его в бывшем здании 12 Коллегий 25 марта 1838 г. ректором Ун-та И. Шульгиным. — СПб., 1838; *Плетнев П.А.* Первое двадцатипятилетие Императорского Санктпетербургского университета.: ист. записка по определению Унив. совета чит. ректором Ун-та Петром Плетневым на публичном торжественном акте 8-го февр. 1844 г. — СПб., 1844.

[7] Е.В. Петухов, а вслед за ним современные историки, соединяют историю «старого» королевского («шведского») университета в Дерпте и восстановленного на рубеже XVIII—XIX вв. См.: *Петухов Е.В.* Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802—1902): ист. очерк. — Юрьев, 1902. — Т. 1.

[8] *Петров Ф.А.* Указ. соч. — М., 1999. — Кн. 2. — С. 21.

[9] *Ткаченко А.М.* Указ. соч. — С. 12—13.

[10] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. — СПб., 1864. — Т. 1. — Стб. 297—298.

[11] Там же. — Стб. 297.

[12] Центральный государственный исторический архив С.-Петербурга (ЦГИА СПб). — Ф. 13. — Оп. 1. — Д. 227. — Л. 5—6.

[13] Там же. — Л. 2. Информация о визите императора в Педагогический институт была напечатана в «Периодическом сочинении об успехах народного просвещения».

[14] *Князьков С.А., Сербов Н.И.* Очерки истории народного образования в России до эпохи реформ Александра II / сост. С.А. Князьков, Н.И. Сербов. — М., [1910]. — С. 179, 189.

[15] ЦГИА СПб. — Ф. 13. — Оп. 1. — Д. 451.
[16] Там же. — Д. 1080.
[17] Там же. — Д. 785 (Предписание преподавателям Института воздерживаться от рекомендаций студентов на места, предоставляя это право только Конференции (1811 г.)).
[18] В аттестате, выданном в 1811 г. студенту Вознесенскому, говорилось: «Предъявитель сего бывший СПб педагогического института студент Василий Вознесенский обучался в оном при хорошем поведении, оказал во всеобщей и российской географии ***довольные*** успехи, во Всеобщей и частной теории статистики, в Российской, Французской, Английской, Австрийской и пр. европейских держав статистике, в минералогии, ботанике, зоологии, химии и технологии довольно ***хорошие***; в логике, метафизике, нравственной философии, в частном государственном и публичном правах, во всеобщей грамматике, эстетике, российской и латинской словесности и немецком языке хорошие, в коммерции, политической экономии, науке о финансах, всеобщей и российской истории ***очень хорошие***, в умозрительной и опытной физике ***отличные***; в чистой и прикладной математике ***превосходные***; в удовлетворении чего и дан ему сей аттестат от Конференции оного института. Генваря 18 дня 1811 года» (Там же. — Д. 731. — Д. 4).
[19] Там же. — Ф. 139. — Оп. 1. — Д. 240 (Журнал канцелярии попечителя. Декабрь 1806). — Л. 67.
[20] Там же. — Ф. 13. — Оп. 1. — Д. 206.
[21] Там же. — Ф. 139. — Оп. 1. — Д. 398. — Л. 2.
[22] Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 733. — Оп. 20. — Д. 125. — Л. 3.
[23] Там же. — Л. 7.
[24] Там же. — Оп. 22. — Д. 109. — Л. 25.
[25] ЦГИА СПб. — Ф. 139. — Оп. 1. — Д. 4267. — Л. 1.
[26] *Зябловский Е.Ф.* Всеобщее землеописание, для употребления в Губернских Гимназиях Российской Империи Санктпетербургского Университета ... — СПб., 1821. — Ч. 1—2; *Устрялов Н.Г.* Начертание русской истории, для учебных заведений. — СПб., 1839.
[27] Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 году: документы Архива М-ва нар. просвещения, собр. и изд. под ред. К. Военского. — СПб., 1912. — С. 379—405; РГИА. — Ф. 733. — Оп. 86. — Д. 310, 311.
[28] ЦГИА СПб. — Ф. 139. — Оп.1. — Д. 739. — Л. 1.
[29] Там же. — Л. 4 об.
[30] Там же. — Л. 17.
[31] Там же. — Л. 23.
[32] Там же. — Д. 1878. — Л. 123.
[33] Там же.
[34] Национальный архив Республики Карелия (НА РК). — Ф. 17. — Оп. 5. — Д. 5/11. — Л. 382; Д. 5/13. — Л. 33.
[35] Там же. — Д. 4/8. — Л. 409.
[36] РГИА. — Ф. 733. — Оп. 21. — Д. 97. — Л. 1.
[37] НА РК. — Ф. 17. — Оп. 5. — Д. 4/8. — Л. 15.
[38] Положение об учебных округах министерства народного просвещения // Журнал Министерства просвещения. — 1835. — Ч. 7. — С. 13.

Л.А. Сидорова

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР В 1937 Г.: НОВЫЕ АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ*

В статье поставлена проблема развития отечественной исторической науки во второй половине 1930-х годов в контексте влияния на нее политико-идеологических условий времени, в том числе сталинских репрессий. Статья снабжена приложениями, содержащими уникальные документы по истории Института истории АН СССР и советской исторической науки в целом.
Ключевые слова: советская историческая наука; политика; идеология; Институт истории АН СССР; сталинские репрессии; М.Н. Покровский; Н.М. Лукин; Б.Д. Греков; А.Л. Сидоров.

L.A. Sidorova

The Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR in 1937: Scientific importance of a small document

The article raised the question of the national historical science in the second half of 1930s in the context of the impact of the political and ideological conditions of time, including the Stalinist repressions. Article provided with applications that contain unique documents on the history of the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR and soviet historical science in general.
Keywords: soviet science of history; politics; ideology; Stalin's repressions; the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR; M.N. Pokrovsky; N.M. Lukin; B.D. Grekov; A.L. Sidorov.

В исследовательской практике историка подчас случается, что обнаруженный один небольшой документ оказывается отражением крупных и сложных исторических процессов. Именно так получилось при детальном анализе «Хроники о работе сектора истории СССР Института истории Академии наук СССР», часть которой публикуется в приложении к данной статье[1]. Рассказывая об этапе становления Института истории АН СССР, этот документ дает основания для углубленного понимания развития всей советской исторической науки во второй половине 1930-х годов, влияния на нее политико-идеологических условий того времени, для осмысления роли личности историка и особенностей сообщества советских историков в целом.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект № 12-01-00264а.

1937-й был вторым годом деятельности Института истории АН СССР. В это время складывались его структура, кадровый состав, определялись направления исследовательской деятельности. Образованный 15 февраля 1936 г. постановлением Президиума Академии наук СССР, он соединил три института: Институт истории Коммунистической академии и два академических учреждения — Историко-археографический институт и Институт книги, документа и письма. Территориально Институт истории АН СССР расположился на ул. Волхонке, 14, унаследовав предоставленные в 1925 г. Институту истории Коммунистической академии помещения в знаменитом своими культурными традициями московском особняке XVIII в.

Создание единого научного центра по изучению отечественной и всеобщей истории в рамках Академии наук было связано с произошедшей в середине 1930-х годов сменой вех в идеологической жизни страны. В области исторической науки был провозглашен отказ от социологизирования и переход к изучению гражданской истории, о котором было заявлено в постановлениях ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР» и от 26 января 1936 г., посвященном критике школы М.Н. Покровского. Оба эти документа стали основой для деятельности нового научного центра советских историков.

Институт истории АН СССР объединил в себе историков-марксистов, выпускников Института красной профессуры и других марксистских вузов (Д.А. Баевский, Э.Б. Генкина, П.С. Дроздов, А.И. Неусыхин, М.В. Нечкина, А.М. Панкратова, Р.М. Раимов, А.Л. Сидоров, О.Н. Чаадаева, С.И. Якубовская и др.), и историков «старой школы» (С.В. Бахрушин, Н.Г. Бережков, С.Б. Веселовский, И.А. Голубцов, Б.Д. Греков, В.И. Пичета и др.). Такое организационное решение было составной частью осуществления задачи «быстрейшей ликвидации разрыва» между «всем нашим научным фронтом» и «всем его великим социалистическим окружением»[2], которая была провозглашена в качестве главной в «Программе работ Академии Наук на 1936 г.» ее президентом академиком Г.М. Кржижановским.

Первым директором Института стал академик Н.М. Лукин (1885—1940), возглавлявший до этого Институт истории Коммунистической академии. В прошлом выпускник историко-филологического факультета Московского университета и его приват-доцент и одновременно большевик с дореволюционным стажем и известный историк-марксист, Лукин вполне отвечал, говоря языком тех лет, требованиям момента.

Выступая 27 февраля 1936 г. с докладом о создании нового института, Лукин подчеркнул, что произведенную реорганизацию следо-

вало рассматривать в связи с рядом правительственных и партийных постановлений, касавшихся преподавания истории и развития исторической науки в СССР. Реформа исторического образования была бы, по его мнению, незавершенной, невзирая на изменение преподавания истории в начальной и средней школе, создание исторических факультетов в Москве, Ленинграде, а затем и в Саратове, если бы она «не коснулась также исторических научно-исследовательских учреждений»[3].

Программа деятельности Института истории была изложена Н.М. Лукиным в его выступлении на сессии Академии наук 19 марта 1936 г. Он комментировал основные направления научной деятельности, выдвинутые перед Исторической группой Отделения общественных наук в докладе Г.М. Кржижановского, в котором говорилось, что «особое внимание следует обратить на следующие темы: 1) общий курс истории нашей страны; 2) история народов СССР; 3) древняя история... фундаментальная сводка материалов по вопросам мировой революционной борьбы и истории революционного движения в России»[4].

В первых же словах Н.М. Лукина прозвучало, что к производственному плану Института истории «приходится подходить с сугубой осторожностью», поскольку сам институт «находится в процессе формирования». Он заметил, что «его кадры еще не подобраны; ряд секторов, как сектор древней истории, истории средних веков, новой истории колониальных и зависимых стран — организуются впервые; таких секторов, — подчеркнул он, — не было ни в составе Коммунистической академии, ни в системе Академии Наук»[5].

Среди стоявших перед институтом задач были названы развертывание исследовательской монографической и публикаторской деятельности, написание учебников по истории СССР и всеобщей истории для средней школы и высших учебных заведений, а также преодоление «целого ряда ошибочных установок М.Н.Покровского и его школы»[6]. Все это вместе взятое должно было создать условия для выполнения главной цели — «создания общего курса по истории нашей страны»[7], а в перспективе — и «советской мировой истории — создания Sowjetishe Weltgechichte»[8].

Однако, говоря о центральной задаче института — об академической истории СССР, Н.М. Лукин указал на «чрезвычайную сложность» в ее реализации. «Я должен сказать прямо, — обращался он к руководству Академии наук, — что историки СССР едва ли смогут уже в 1936 г. непосредственно приступить к ее осуществлению»[9]. «В этом году, — продолжал Н.М. Лукин, — придется ограничиться составлением детального плана этого издания, ибо само составление

плана такого академического издания есть большая научная и организационная задача»[10].

Заявленный в плане научно-исследовательских работ Института академический сборник «За 20 лет», приуроченный к юбилею Октябрьской революции, рассматривался в качестве первого шага к выполнению этой главной задачи. На 1936 г. была намечена подготовка первого тома сборника, в котором предполагалось осветить основные проблемы советской истории 1917—1921 гг. Н.М. Лукин считал, что «эта работа вполне посильна для института, она базируется на наших реальных кадрах»[11]. Однако дальнейшие события показали, что этот расчет не оправдался.

Исследовательские задачи Института истории АН СССР широко пропагандировались в печати. Так, заместитель директора Института истории П.С. Дроздов выступил в журнале «Историк-марксист» со статьей, посвященной деятельности института в области создания новых учебников истории[12].

Популяризировалась деятельность Кабинета истории народов СССР, созданного при Институте истории «для оказания всесторонней помощи» участникам конкурса «на лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР», а также для «научного консультирования по вопросам истории народов СССР»[13].

Регулярно печаталась информация о ходе подготовки историками Института сборника, посвященного разоблачению и критике школы М.Н. Покровского. Задуманный в двух частях, первоначально он носил общее название «Против антиленинских и антиисторических взглядов М.Н. Покровского»[14].

Однако осуществление намеченного проходило в крайне сложных условиях. Весьма непростой процесс объединения в единых организационных формах представителей «старой» и «красной» профессуры, которые должны были стать, по мысли руководства Академии, «дружным сплоченным коллективом»[15], проходил на фоне беспрецедентных политических репрессий, которые буквально захлестнули советских историков, главным образом из числа выпускников комвузов. 1936-й и 1937-й годы стали временем массовых арестов историков-марксистов. На партийном собрании Института истории АН СССР 31 марта 1937 г. Н.М. Лукин сообщил, что «институт по числу выявленных “вредителей” занял первое место в системе Академии наук. Только в Ленинградском отделении института из 20 сотрудников аресту подверглись 14 человек»[16].

В таких обстоятельствах все трудности в организации научно-исследовательской работы Института истории, о которых Н.М. Лукин говорил при его создании, получали, главным образом, политиче-

скую оценку. В начале 1937 г. в рамках Академии наук была создана комиссия по обследованию Института. 25 марта 1937 г. на заседании Президиума академии был заслушан доклад о работе Института истории в 1936 г., с которым выступил Н.М. Лукин, и содоклад возглавлявшего комиссию непременного секретаря АН СССР академика Н.П. Горбунова.

По итогам обсуждения Президиум АН СССР принял постановление, в котором говорилось, что он, «признавая отдельные достижения в работе Института, считает деятельность Института истории в целом неудовлетворительной»[17]. Далее в постановлении было сказано, что «Институтом был допущен целый ряд грубейших политических ошибок и промахов»[18].

Институт был обвинен в том, что «совершенно недостаточно учел указания тт. Сталина, Кирова и Жданова, не охватил в своей работе намеченную ими тематику, не вел борьбы с фашистскими концепциями и другими разновидностями буржуазных извращений истории и ничего не сделал для разоблачения антиленинской концепции школы Покровского»[19].

«Особо неудовлетворительной» была признана постановка работы в печатном органе Института — журнале «Историк-марксист»: «Благодаря попустительству Редакции и вследствие отсутствия контроля со стороны дирекции Института “Историк-марксист” стал рупором злейших врагов культуры и человечества». «Редакция этого журнала даже после выявления врагов народа, подвизавшихся на его страницах, не вскрыла и не разоблачила вредительскую и контрреволюционную сущность их писаний», — говорилось в постановлении[20].

В этом документе были приведены примеры «научных и политических ошибок», допущенных в отдельных выпущенных и подготовленных к изданию работах, причиной чего было названо «небрежное отношение дирекции Института и руководителей секторов к редактированию»[21]. Также было подвергнуто критике изъятие из плана Института «Летописи важнейших событий СССР», редактором которой был А.И. Ломакин[22].

Большие нарекания вызвал ход подготовки академического курса отечественной истории. «Институт проявил явную тенденцию ограничиться на ряд ближайших лет собиранием материалов по истории народов СССР, откладывая на долгий срок основную свою работу по составлению этой истории. Это выразилось, в частности, в том, что Институт до сих пор не имеет плана составления “Истории народов СССР”», — констатировало постановление, не принимая в расчет новизну и сложность данного труда[23]. Правда, было отмечено, что в 1937 г. все же наметился «перелом в тематике Инс-

титута в направлении сосредоточения на основных задачах»[24]. Попутно заметим, что задуманное многотомное издание именовалось как «История СССР» или «История народов СССР». Второе название акцентировало внимание на включение в академический курс отечественной истории материалов по истории как России, так и союзных республик.

Неудовлетворительная работа Института объяснялась рядом причин, первой из которых была названа «политическая слепота и беспечность дирекции и совершенное неумение ее сплотить вокруг Института актив из лучших работников в области истории, в результате чего Институт оказался засоренным троцкистскими и правыми диверсантами, шпионами и вредителями, долгое время безнаказанно “работавшими” в Институте»[25].

Также недочеты проистекали, исходя из постановления, вследствие отсутствия систематического руководства Институтом со стороны директора Н.М. Лукина и его заместителя А.Г. Иоаннисяна, поскольку они совмещали эту работу со многими прочими нагрузками. Аналогичный упрек был высказан и в адрес руководителей секторов и ведущих научных сотрудников Института[26].

В целях исправления выявленных недостатков было предложено повысить контроль за текущей научной работой. Для основных ее объектов были определены сжатые сроки. К 15 июня 1937 г. должен был быть составлен проект программы «Истории народов СССР» «с полным учетом всех постановлений правительства по этому вопросу и указаний тт. Сталина, Кирова и Жданова». К 1 октября 1937 г. такая же программа должна была быть разработана для «Всемирной истории».

Особое внимание было предложено обратить на подготовку сборника с критикой концепции М.Н. Покровского, а также на «сборник, посвященный разоблачению фальсификаций исторической науки фашистско-троцкистскими учеными и борьбе с вредительством на историческом фронте»[27], и исправление и окончание «“Летописи истории СССР” (1917— 1937)»[28] (последнее издание осуществлено не было).

Об окончании работы «по составлению схемы программы издания “Истории СССР”» сектором истории СССР Института истории было сообщено в декабрьском номере журнала «Историк-марксист» за 1937 г. В хроникальной заметке в очередной раз подчеркивалось, что «в основу программы были положены “Замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспект по истории СССР” и постановления жюри правительственной комиссии по конкурсу на лучший учебник по истории СССР для 3 и 4 классов средней школы»[29]. Был

освещен ход обсуждения этой схемы. Предварительно она была рассмотрена на заседаниях отдельных групп сектора истории СССР[30], а 9 декабря 1937 г. ее обсудили на расширенном заседании Отделения общественных наук АН СССР, в работе которого приняли участие представители ряда научных учреждений Москвы и Ленинграда.

С докладом о принципах, положенных в основу предлагавшейся схемы многотомника, выступил В.И. Лебедев[31]. К этому времени кардинально изменился персональный состав сотрудников, занятых в подготовке этого издания. Изо всей группы историков, сформированной в Институте истории в 1936 г. для работы по созданию многотомной истории СССР (П.С. Дроздов (руководитель), Е.П. Кривошеина, Д.Я. Кин, С.В. Бахрушин), только С.В. Бахрушин продолжал начатую работу. Остальные были арестованы в июле — августе 1937 г.

В ходе обсуждения были высказаны критические замечания, особенно в части периодизации древнейшей истории СССР, и для окончательного редактирования схемы программы по истории СССР была избрана комиссия под председательством академика Б.Д. Грекова[32].

К этому времени директорские полномочия Н.М. Лукина перешли к Б.Д. Грекову. Уже с конца 1937 г. Н.М. Лукин был фактически отстранен от дел, хотя и оставался еще директором Института. 31 октября 1937 г. им был подписан приказ о создании при Институте истории АН СССР Археографического совета, который стал последним документом за его подписью, касавшимся существа дел Института[33].

4 декабря 1937 г., заслушав доклад академика А.М. Деборина о работе Института истории, Президиум Академии наук принял решение «освободить акад. Н.М. Лукина от должности директора Института истории с оставлением его в должности действительного члена Института и руководителя Сектора новой истории». Временно исполняющим обязанности директора назначался Б.Д. Греков[34].

25 декабря 1937 г. Б.Д. Греков на очередном заседании Президиума Академии наук сделал доклад о деятельности Института истории. На его основе была утверждена основная тематика исследований и структура Института. В качестве первоочередных задач на 1938 г. были определены работы по созданию первых трех томов пятитомника «История СССР», издание антифашистского сборника и сборника статей против концепции М.Н. Покровского. Также было утверждено издание «Русской Правды» с фототипическим воспроизведением 15 основных списков[35].

10 января 1938 г. «временно исполняющий должность директора» Б.Д. Греков распорядился поручить комиссии в составе С.В. Бах-

рушина, В.И. Лебедева, В.И. Пичеты[36] осуществить окончательную редакцию схемы многотомника по истории СССР и 14 января 1938 г. сдать ее в редакцию журнала «Историк-марксист»[37].

Надо полагать, что на этот раз сроки были выдержаны. В книге первой за 1938 г. (сдана в набор 16 февраля 1938 г. и подписана в печать 28 марта 1938 г.) в порядке обсуждения была напечатана схема первых четырех томов пятитомника по истории СССР, определявшая хронологические рамки и проблематику будущего издания. Пятый том, посвященный послеоктябрьскому периоду, в силу особой политико-идеологической заостренности требовал большей осмотрительности и, вероятно, не мог быть подготовлен спешно, особенно в условиях ареста летом 1937 г. многих молодых историков-марксистов[38].

Политические репрессии не миновали и Н.М. Лукина. В течение 1937 и начала 1938 г. атмосфера вокруг него все более накалялась. 31 мая 1938 г. им, как ответственным редактором, была подписана в печать третья книга «Историка-марксиста» за 1938 г. 22 августа 1938 г. Н.М. Лукин был арестован.

В хроникальной заметке, посвященной работе Института истории по написанию учебников по истории нового времени, опубликованной в шестой книге «Историка-марксиста» за 1938 г., Н.М. Лукин был назван, наряду с «Фридляндом[39] и К°», врагом народа, «долго вредительски срывавшим работу над учебниками»[40]. Утверждалось, что «вредитель Лукин» тормозил выполнение этого задания партии и препятствовал в его выполнении молодым работникам Института, которым «в лучшем случае предоставлялась возможность подбирать материалы для этих господ». Под «господами» имелись в виду упомянутые «“руководители” исторического фронта», названные так уже в кавычках[41].

Машинопись схемы пятитомника «История СССР», опубликованной в «Историке-марксисте» (1938, кн. 1), сохранилась в Научном архиве Института российской истории РАН. Она является основной частью «Хроники о работе сектора истории СССР Института истории Академии наук СССР»[42] за 1937 г., подготовленной С.К. Бушуевым[43]. Помимо схемы, в хронике имеется небольшое введение, а также информация о деятельности сектора по подготовке сборника статей против концепции М.Н. Покровского и некоторых других плановых работ.

Полностью этот документ в «Историке-марксисте» опубликован не был. Рукопись плана-проспекта пяти томов «Истории СССР» также имеет отличия от помещенного на страницах журнала варианта. Поэтому содержание «Хроники» представляет большой научный интерес как для изучения истории самого Института исто-

рии АН СССР, так и судьбы его первого директора, Н.М. Лукина, а также для понимания процессов, происходивших в отечественной исторической науке в годы сталинских репрессий.

* * *

Публикуемый документ (две первые вводные страницы «Хроники») является кратким отчетом о работе сектора истории СССР за первое и второе полугодия 1937 г. Составленный в самом конце 1937 или начале 1938 г., о чем позволяет судить его содержание, он раскрывает производственный план сектора и содержит оценку его деятельности в целом.

Первоначальный текст этого документа отличался резкостью оценок. В нем констатировалось, что в первом полугодии 1937 г. сектор закончил свою работу «с крайне неудовлетворительными итогами»[44]. Его руководитель, П.С. Дроздов, а также заместитель директора Института А.Г. Иоаннисян, к этому времени уже арестованные, были названы врагами народа, сам же Н.М. Лукин проявил, как было сказано, «политическую беспечность»[45]. В то же время второе полугодие 1937 г. было представлено как время освобождения от совершенных ошибок.

Машинописный текст вводной части хроники содержит правку, выполненную карандашом. В целях установления авторства этой правки было предпринято сравнение образцов почерка ряда сотрудников Института истории, предположительно имевших полномочия для внесения изменений в текст этого документа, в том числе и А.Л. Сидорова[46].

Сравнительный анализ почерка сделанных в документе исправлений и рукописного текста автобиографии А.Л. Сидорова, датированной сентябрем 1952 г.[47], показал, что характер почерка, размер и особенности написания букв и их сочетаний совпадают. Можно с уверенностью утверждать, что именно он был автором внесенных изменений.

Занимаемые в это время А.Л. Сидоровым должности в Институте истории и в журнале «Историк-марксист» также говорят в пользу данного вывода. В своем автобиографическом очерке «Московский университет. Институт истории. АН СССР. 30—40-е годы»[48] А.Л. Сидоров рассказал о том, как весной 1937 г. он начал работать заведующим отделом истории СССР «Историка-марксиста».

Этому назначению предшествовали крайне сложные обстоятельства в судьбе историка. Поздней осенью 1936 г. А.Л. Сидоров, по его собственным словам, «появился в Москве не по своей воле», а «был вытолкнут с Дальнего Востока начавшимися репрессиями»[49]. В начале 1930-х годов он находился на партийной работе во Владивос-

токе, Комсомольске-на-Амуре, Хабаровске, являлся заведующим отделом губкома, членом пленума краевого комитета ВКП (б)[50]. В конце 1936 г. А.Л. Сидоров был исключен из партии, но не арестован и поехал в Москву «искать правды»[51]. После «хождений в ЦКК» и разбирательства на партколлегии в апреле 1937 г. он был реабилитирован и восстановлен в партии.

Большим везением А.Л. Сидоров считал представившуюся ему возможность попасть на прием в отдел науки ЦК ВКП (б), где высказанная им просьба направить его на работу в журнал «Историк-марксист» была удовлетворена. Он был назначен заведующим отделом истории СССР и впоследствии писал, что ответственный редактор «Историка-марксиста» Н.М. Лукин дружелюбно его принял, они хорошо побеседовали и началась практическая работа с П.С. Дроздовым, заместителем Н.М. Лукина по журналу, который он, по словам А.Л. Сидорова, фактически и вел. П.С. Дроздов и А.Л. Сидоров хорошо знали друг друга по Институту красной профессуры, в котором учились примерно в одно и то же время[52].

Спустя несколько месяцев А.Л. Сидоров начал работать также и в Институте истории. 15 ноября 1937 г. он был зачислен в его штат и. о. старшего научного сотрудника и одновременно руководителем группы истории СССР до XX в.[53] Поэтому вполне закономерно, что «Хроника о работе сектора истории СССР Института истории Академии наук СССР» попала для редактуры именно к нему.

Внесенные изменения отчасти смягчают разоблачительный стиль первичного текста, переносят центр тяжести на «неудовлетворительные условия» выполнения сектором его работ, снимают резкие высказывания относительно Н.М. Лукина. Это было связано, по всей вероятности, с уже произошедшими кадровыми изменениями в Институте истории АН СССР, с возобладавшей тенденцией перенести центр тяжести на преодоление выявленных ошибок и демонстрацию проделанной работы. Можно также предположить, что сыграл свою роль и личностный фактор: сам А.Л. Сидоров еще совсем недавно был в положении исключенного из партии и потенциального «врага народа».

Однако даже в таком виде этот документ демонстрирует накаленную идеологическую атмосферу «исторического фронта». Более того, в отредактированном варианте «Хроники» относительная умеренность появилась в основном лишь по отношению к Н.М. Лукину.

В изложении причин невыполнения плана по изданию «Летописи по истории СССР», данном в заключительной части «Хроники», старая и новая формулировки мало чем отличаются друг от друга по своей сути и терминологии. Сначала в отношении этого труда было

сказано, что «...приходится начинать работу почти заново. На этом участке враги народа сорвали своими вредительскими приемами большую и очень важную работу. Для ликвидации последствий вредительства на этом участке приняты уже практические меры». Затем фраза стала звучать так: «...необходимо заново пересмотреть, поскольку в ней (“Летописи”. — *Л.С.*) хозяйничали враги народа. Меры к налаживанию этой работы приняты»[54].

Для того, чтобы с наибольшей наглядностью представить сложную и, без преувеличения, трагическую ситуацию в Институте истории АН СССР в 1937 г., в качестве приложения к статье публикуется вступительная часть к «Хронике о работе сектора истории СССР Института истории Академии наук СССР». В целях максимально полной передачи содержания текста и характера предпринятой правки публикуются два варианта — первоначальный и исправленный. Все изменения в тексте документа выделены курсивом. Публикуемый документ хранится в Научном архиве Института российской истории РАН (ф. 1, оп. 1, д. 7, л. 14—15).

В фондах Научного кабинета Института российской истории РАН обнаружен один из экземпляров первой книги журнала «Историк-марксист» за 1938 г., на первой и последней страницах которого чернилами сделаны пометы, позволяющие говорить о том, что именно этот экземпляр журнала был использован для подготовки книги четвертой «Историка-марксиста» за 1938 г., вышедшей уже под руководством Ем. Ярославского[55], которая была подписана в печать 27 августа 1938 г., через несколько дней после ареста Н.М. Лукина.

Вверху первой титульной страницы журнала стоит подпись «Захарина», что позволяет сделать вывод о принадлежности этого экземпляра. По сведениям на 1 января 1939 г., Е.Д. Захарина была штатным сотрудником Института истории АН СССР, работала секретарем редакции «Историка-марксиста»[56].

На последней странице журнала, которая выполняла функцию анонсирования этого издания, фамилия прежнего ответственного редактора — Н.М. Лукина — зачеркнута и чернилами вписано: «Ем. Ярославский». Также изменения коснулись формулирования задач журнала и его постоянных рубрик.

[1] Полностью «Хронику о работе сектора истории СССР Института истории Академии наук СССР» предполагается опубликовать в готовящемся в Институте российской истории РАН сборнике документов и материалов по истории Института.

[2] Вестник Академии наук СССР. — 1936. — № 4—5. — С. 1.
[3] Цит. по: *Дунаевский В.А., Цфасман А.Б.* Николай Михайлович Лукин. — М., 1987. — С. 175.
[4] Вестник Академии наук СССР. — 1936. — № 4—5. — С. 19.
[5] Там же. — С. 47—48.
[6] Там же. — С. 48.
[7] Там же.
[8] Там же. — С. 49.
[9] Там же. — С. 48.
[10] Там же.
[11] Там же.
[12] *Дроздов П.* Решение партии и правительства об учебниках и задачи советских историков // Историк-марксист. — 1936. — Кн. 1. — С. 9 —22.
[13] Вестник Академии наук СССР. — 1936. — № 4—5. — С. 103.
[14] Историк-марксист. — 1937. — Кн. 3. — С. 152. В дальнейшем обе части сборника получили собственное название. См. примеч. 6 к документу № 1 в Приложении.
[15] Вестник Академии наук СССР. — 1936. — № 4—5. — С. 1.
[16] *Артизов А.Н.* Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. — 1994. — № 7. — С. 38.
[17] Вестник Академии наук СССР. — 1937. — № 4—5. — С. 140.
[18] Там же.
[19] Там же.
[20] Там же.
[21] Там же.
[22] Там же; *Аркадий Иосифович Ломакин* (1901—?) — советский историк. Родился в с. Борисовка Курской губ. в семье священника. В декабре 1917 г. вступил в РКП (б), стал одним из организаторов Курского союза рабочей молодежи. Делегат I съезда РКСМ, на котором избран в ЦК РКСМ. В последующие годы — на комсомольской и партийной работе. В 1924 г. по путевке ЦК РКП (б) поступил на курсы марксизма-ленинизма при Комакадемии, в 1925 г. — на историческое отделение Института красной профессуры (ИКП). По окончании ИКП работал в секторе лениноведения Института Маркса, Энгельса, Ленина (ИМЭЛ) при ЦК ВКП (б). В связи с делом «С.И. Сырцова — В.В. Ломинадзе» был отправлен в Ташкент руководителем кафедры истории партии местного комвуза. С апреля 1931 г. — зам. зав. культпропотделом Среднеазиатского бюро ЦК ВКП (б) и фактический руководитель Среднеазиатского Института истории революции. С 1933 г. — в Москве, зав. группой истории СССР Института истории Комакадемии и зав. кафедрой истории партии Высшей школы профсоюзного движения, с 1936 г. — старший научный сотрудник Института истории АН СССР. В ноябре 1936 г. был исключен из партии за «неразоблачение врага народа» — своей жены Люции Джапаридзе, но оставлен на работе в Институте. 10 августа 1937 г. арестован. 15 декабря 1937 г. Военной коллегией Верховного Суда СССР обвинен в причастности к троцкистской террористической организации. Приговорен к 10 годам заключения с последующим поражением в политических правах на 5 лет и конфискацией имущества и отправлен в исправительно-трудовой лагерь. Дальнейшая судьба неизвестна. Подробнее см.: *Артизов А.Н.* Указ. соч. — С. 45—46.
[23] Вестник Академии наук СССР. — 1937. — № 4—5. — С. 140.
[24] Там же. — С. 141.
[25] Там же.
[26] Там же.

[27] В 1939 г. издательством АН СССР был издан сборник статей под редакцией Ф.И. Нотовича «Против фашистской фальсификации истории» (М.; Л., 1939). С одной стороны, сборник был реализацией одного из направлений работы Института истории, активизировать которое требовало постановление Президиума АН СССР, принятое по итогам обсуждения работы Института 25 марта 1937 г. С другой, его содержание было ограничено критикой исторических концепций, предлагавшимися историками Германии, отстаивавшими интересы «Третьего рейха». Заявленный подход — «разоблачение фальсификаций исторической науки фашистско-троцкистскими учеными и борьба с вредительством на историческом фронте» — был осуществлен частично. В стороне была оставлена внутренняя составляющая — критика троцкизма и его последствий для советской исторической науки. Заметим, что перед оглавлением сборника было дано несколько иное название этого издания — «Против фальсификации истории германскими фашистами», которое и отражало его реальное содержание.

[28] Вестник Академии наук СССР. — 1937. — № 4—5. — С. 141.

[29] Там же. — № 12. — С. 112.

[30] Внутри сектора истории СССР существовали группы по отдельным хронологическим периодам.

[31] *Владимир Иванович Лебедев* (1894—1966) — историк. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1917) и факультет общественных наук (ФОН) (1922). Преподавал в Коммунистическом университете трудящихся Востока, Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова, Московском государственном педагогическом институте, Высшей школе пропагандистов при ЦК ВКП (б), работал в Государственной академии истории материальной культуры и Институте истории АН СССР. С 1934 г. — профессор Московского государственного университета (МГУ), зав. кафедрой истории СССР (1938—1941). В штатном расписании Института истории АН СССР на 1.01.1939 г. являлся руководителем сектора истории СССР до XIX в. Доктор исторических наук (1954). С 1955 г. — профессор Московского государственного института международных отношений. Советник Министерства иностранных дел СССР. Соч.: «Крестьянская война под предводительством С.Т. Разина 1667—1671 гг.» (М., 1955); и др.

[32] Вестник Академии наук СССР. — 1937. — № 12. — С. 112.

[33] *Горская Н.А.* Борис Дмитриевич Греков. — М., 1999. — С. 117—118. В.А. Дунаевский и А.Б. Цфасман писали, что Н.М. Лукин был директором Института и одновременно возглавлял сектор новой истории до декабря 1937 г. (*Дунаевский В.А., Цфасман А.Б.* Указ. соч. — С. 175). Также из личного листка по учету кадров Б.Д. Грекова, хранящегося в его личном деле в Научном архиве Института российской истории (НА ИРИ РАН. Личные дела. Т. 11 (Голубцова — Гри...). Л. 79), следует, что в течение всего 1938 г. Б.Д. Греков был временно исполняющим должность директора Института истории АН СССР. В этом качестве он работал до 29 октября 1939 г., когда стал директором без приставки «врид» (временно исполняющий должность).

[34] Вестник Академии наук СССР. — 1938. — № 1. — С. 90.

[35] Там же. — С. 89.

[36] *Владимир Иванович Пичета* (1878—1947) — историк, академик (1946). Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1901). Ученик М.К. Любавского. Арестован по «Академическому делу», сослан в Вятку. С конца 1930-х годов работал в Институте истории АН СССР и МГУ. Соч.: «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» (М., 1958); «Белоруссия и Литва в XV—XVI вв.: исследования по истории соц.-экон., полит. и культурного развития» (М., 1961); и др.

[37] НА ИРИ РАН. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 2 а. — Л . 3.
[38] Историк-марксист. — 1938. — Кн. 1. — С. 174—204. Проект схемы многотомной «Всемирной истории» был опубликован в книгах 2 и 3 журнала «Историк-марксист» за 1938 г. См. также примеч. 14 к документу № 1 в Приложении.
[39] *Григорий Самойлович Фридлянд* (1897—1937) — историк. Окончил Институт красной профессуры. Участник гражданской войны. Профессор и первый декан исторического факультета МГУ (1934). Репрессирован.
[40] Историк-марксист. — 1938. — Кн. 6. — С. 200.
[41] Там же.
[42] НА ИРИ РАН. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 14—33; структура документа: введение — л. 14—15; схема пятитомника — л. 15—23; информация о деятельности сектора — л. 23—33.
[43] *Семен Кузьмич Бушуев* (1906—1958) — историк. Окончил рабфак при 2-м МГУ (1926), Ленинградский политехнический институт (1930). Член ВКП (б) с 1931 г. В 1930—1932 гг. — член президиума Госплана Башкирской АССР, доцент сельскохозяйственного института г. Уфы. В 1933 —1934 гг. — доцент Московского авиационного института и Кооперативной академии (Москва). В 1934—1940 гг. — профессор исторического факультета МГУ, Академии общественных наук при ЦК ВКП (б), старший научный сотрудник Института истории АН СССР. В 1943—1945 гг. — директор Высшей дипломатической школы. С 1947 г. — профессор исторического факультета МГУ.
[44] НА ИРИ РАН. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 14.
[45] Там же.
[46] *Аркадий Лаврович Сидоров* (1900—1966) — историк. Окончил Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова (1923), Институт красной профессуры (1928). С 1929 по 1936 г. — на партийной работе. С 1936 г. — на научной и преподавательской работе в Институте истории АН СССР и МГУ. Участник Великой Отечественной войны. Доктор исторических наук (1943), профессор (1946). Директор Института истории АН СССР (1953—1959). Соч.: «Основные проблемы и некоторые итоги развития советской исторической науки» (М., 1955); «Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914—1917)» (М., 1960); и др.
[47] НА ИРИ РАН. — Личное дело А.Л. Сидорова. — Л. 137—138.
[48] Мир историка: историогр. сб. — Омск, 2005. — Вып. 1.
[49] Там же. — С. 405.
[50] НА ИРИ РАН. — Личное дело А.Л.Сидорова. — Л. 137.
[51] Мир историка. — С. 405.
[52] Там же. — С. 407—408.
[53] НА ИРИ РАН. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 1 б. — Л. 67.
[54] Там же. — Д. 7. — Л. 29.
[55] *Емельян Михайлович Ярославский* (Миней Израилевич Губельман) (1878—1943) — историк, публицист, деятель Коммунистической партии, делегат VIII—XVIII съездов партии, член ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР, академик АН СССР)1939). С 1938 г. ответственный редактор журнала «Историк-маркист».
[56] Там же. — Ф. 1. — Ю-310. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 7.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1
ХРОНИКА
О РАБОТЕ СЕКТОРА ИСТОРИИ СССР ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

[Первоначальный текст]

Сектор Истории СССР в первом полугодии [1937 года] *закончил*[1] свою работу *с* крайне неудовлетворительны*ми итогами*. Дирекция Института Истории *в лице* Н.М. Лукин*а*[2] работой сектора *почти не* руководила. *Политическую беспечность Н.М. Лукина* использовал*и* враг*и* народа */Ионнисян*[3]*, Дроздов*[4] *и др. для своей вредительской и гнусной работы на фронте исторической науки. Враги народа сорвали* ряд важнейших тем в плане работ сектора Истории СССР. Издание «Летописи истории СССР» (1917—1921 гг.)[5], сборника статей против антимарксистских, антиленинских концепций М.Н.Покровского[6], — *по вине дирекции Института* оказались *сорванными*, хотя для выполнения этих работ в Институте Истории имелись все возможности. Президиум Академии наук СССР наметил в своем постановлении от 5/IV-37 г.[7] ряд конкретных мероприятий для *решения этих задач Институтом Истории*. Партийная и профсоюзная организации Института *Истории СССР* приняли ряд специальных мер *для того, чтобы вытащить Сектор истории СССР из прорыва. Были намечены особые меры к ликвидации последствий вредительства на историческом фронте*. В центре внимания производственного плана Сектора были поставлены задачи подготовки пятитомного издания истории СССР[8], издания сборника статей против антиленинской, антиисторической концепции М.Н. Покровского[9] и перестройка работы в соответствии с указаниями партии и правительства по вопросам истории СССР (замечания товарища Сталина, Кирова, Жданова на конспект истории СССР, постановление жюри правительственной комиссии на учебник по Истории СССР под ред. проф. Шестакова[10]). Только лишь после *того, как был очищен Институт от вредительских рук Ионисяна*[11]*, Дроздова*[12]*, после того, как отвергнуты были прожектерские, глубоко политически ошибочные «планы», «схемы» Кретова Ф.*[13], работа сектора Истории СССР пошла по линии *развертывания* научной работы *и выполнения плана производственной работы текущего года*.

I/ Во втором полугодии Сектором истории СССР закончена разработка схемы истории нашей родины. Схема программы «Пятитомника по истории СССР» обсуждалась на расширенном заседании исторической группы Отделения общественных наук АН СССР. В первом томе будет изложена история народов СССР, населявших территорию нашей родины, начиная с древнейших времен и кончая *XX веком*[14].

[1] В тексте все места подлежавшие правке, выделены курсивом.

[2] *Николай Михайлович Лукин* (1885—1940) — советский историк, академик (1929). В 1903 г. поступил на историко-филологический факультет Московский университета. Ученик Р.Ю. Виппера. В 1904 г. вступил в РСДРП (б). Участник революции 1905—1907 гг. В 1910 г. был утвержден для подготовки к профессорскому званию по кафедре всеобщей истории. В 1915 г. стал приват-доцентом и начал читать лекции в Московском университете. Участник революции 1917 г. С 1918 г. — профессор Социалистической (Коммунистической) академии. Преподавал в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова, Институте красной профессуры, Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ) и пр. В 1921 г. избран деканом факультета общественных наук МГУ (ФОН МГУ). В 1925 г. был одним из основателей Общества историков-марксистов. В 1932—1936 гг. — директор Института истории Коммунистической академии, в 1936—1938 гг. — директор Института истории АН СССР. В 1935—1938 гг. — ответственный редактор журнала «Историк-марксист». Автор трудов по новой истории Западной Европы, главным образом Франции и Германии. 22 августа 1938 г. арестован. Умер в заключении. Соч.: «Избранные труды» (М., 1960—1963. 3 т.).

[3] *Ашот Гарегинович Иоаннисян (Иоанисян, Ионнисян)* (1887—1972) — советский историк. Академик АН АрмССР (1960). Активный участник революционного движения в Закавказье. Член РСДРП (б) с 1906 г. В 1920—1921 гг. — нарком просвещения Армении, в 1922—1927 гг. — первый секретарь ЦК КП (б) Армении. В 1929—1934 гг. преподавал в Институте национальностей СССР. В 1936 г. — зав. сектором истории народов СССР Института истории Коммунистической академии (Архив Российской академии наук (АРАН). — Ф. 359. — Оп. 1. — Д. 363). Зам. директора Института истории АН СССР (1936—1937). Арестован в июне 1937 г. Реабилитирован. С 1954 г. — старший научный сотрудник Института истории АН СССР.

[4] *Петр Степанович Дроздов* (1900—1937) — советский историк. Учился на ФОН I МГУ, с 1925 г. — в Институте красной профессуры. По окончании ИКП назначен зав. кафедрой истории СССР Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова. Вместе с рядом молодых историков-марксистов являлся активным критиком взглядов М.Н. Покровского при жизни последнего, за что его, по собственному признанию, «до 1934 г. не пускали на страницы исторических журналов» (Цит. по: *Артизов А.Н.* Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. — 1994. — № 7. — С. 45). В сентябре 1934 г. возвращен из провинции в Москву и назначен зав. кафедрой истории народов СССР ИКП истории и зам. заведующего кафедрой истории Высшей школы пропагандистов при ЦК ВКП (б). 28 декабря 1935 г. ему была присвоена ученая степень кандидата исторических наук без защиты диссертации (АРАН). — Ф. 359. —Оп. 1. — Д. 350. — Л. 30—31). Зам. ответственного редактора журнала «Историк-марксист». Зав. сектором истории СССР Института истории АН СССР. В апреле 1937 г. обвинен в

«двурушничестве и троцкизме» и уволен из Института истории АН СССР (Там же. — Ф. 425. — Оп. 3. — Д. 17. — Л. 1—28). Арестован 26 июля 1937 г. В день вынесения приговора Военной коллегии Верховного Суда СССР 2 ноября 1937 г. был расстрелян.

[5] В плане научной деятельности Института истории АН СССР на 1936 г. присутствовала задача «к двадцатилетию Великой пролетарской революции издать академический сборник “За 20 лет”», в котором была бы «дана история нашего Союза за указанный период». Планировалось, что «в 1936 г. будет подготовлен первый том, который должен охватить период от Великой пролетарской революции до окончания гражданской войны (1917—1921)». Упомянутая в документе «Летопись истории СССР» (1917—1921 гг.) является первой частью этого неизданного сборника.

[6] Этот замысел был реализован в двух изданных сборниках статей «Против исторической концепции М.Н. Покровского» (М.; Л., 1939) и «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского» (М.; Л., 1940).

Михаил Николаевич Покровский (1868—1932) — советский историк, организатор науки, партийный и государственный деятель, академик АН СССР (1929). Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1891), приват-доцент (1894). Ученик В.О. Ключевского и П.Г. Виноградова. В 1891—1905 гг. преподавал в средних учебных заведениях, на Московских высших женских курсах. С началом революции 1905—1907 гг. вступил в РСДРП (1905). Летом 1905 г. выезжал в Женеву, познакомился с В.И. Лениным. Член редакций большевистских легальных газет «Борьба», «Светоч», нелегальной газеты «Пролетарий». В 1909—1911 гг. входил в группу «Вперед», возглавляемую А.П. Богдановым. В 1913 г. сблизился с группой «межрайонцев» Л.Д. Троцкого. С началом Первой мировой войны занял интернационалистские позиции. После Февральской революции, в августе, вернулся в Россию. Первый председатель Совета народных комиссаров Московской области (1918), член государственной комиссии по просвещению Наркомпроса. Участвовал в разработке ряда крупных реформ: закрытие духовных училищ, создание единой трудовой школы, отмена ученых степеней и пр. Зам. наркома просвещения РСФСР (1918—1932). Проводил политику перестройки высшей школы и образования, направленную на искоренение буржуазной идеологии и формирование коммунистического марксистского мировоззрения. Сыграл ведущую роль в подготовке и стал признанным лидером первого советского поколения историков-марксистов (А.М. Панкратова, М.В. Нечкина, И.И. Минц, А.Л. Сидоров, Э.Б. Генкина и др.), перед которыми ставил задачу вытеснения историков «старой школы». Возглавлял новые марксистские научные и педагогические центры страны: Коммунистическую академию (с 1918), Институт красной профессуры (с 1921), Центрархив (с 1922), Общество историков-марксистов (с 1925). Руководил редколлегией исторических журналов «Красный архив» (с 1925), «Историк-марксист» (с 1926), «Борьба классов» (с 1931). Активно участвовал в деятельности Истпарта, Института В.И. Ленина и др. После смерти М.Н. Покровского с середины 1930-х годов в связи с общей перестройкой системы исторического образования (восстановление преподавания гражданской истории в школах, исторических факультетов в ведущих университетах, подготовка учебников) его взгляды были подвергнуты резкой критике. В сборниках «Против исторической концепции М.Н. Покровского» (М.; Л., 1939) и «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского» (М.; Л., 1940), в которых активно участвовали и ученики Покровского, его подход характеризовался как антимарксистский, антиленинский и антинаучный. С середины 1950-х годов началась реабилитация научного наследия историка, сделаны попытки объективного анализа его вклада в становление советской исторической науки.

[7] См. примеч. 17 настоящей статьи.

[8] В 1936 г. в Институте истории АН СССР было принято решение о создании многотомной истории СССР. В редколлегию издания вошли П.С. Дроздов (ру-

ководитель), С.В. Бахрушин, Д.Я. Кин, Е.П. Кривошеина, С.А. Пионтковский. Начавшиеся репрессии прервали намеченную работу. В журнале «Историк-марксист» (1938, кн. 1) была опубликована в порядке обсуждения схема первых четырех томов пятитомной «Истории СССР».

Сергей Владимирович Бахрушин (1882—1950) — русский советский историк. Член-корреспондент АН СССР (1939). Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1904). Ученик В.О. Ключевского. Приват-доцент (1909), профессор (1918). С 1924 г. действительный член Института истории РАНИОН. В 1930 г. репрессирован по «Академическому делу». Профессор Института философии, литературы и истории (1934—1936). С 1937 г. работал в Институте истории АН СССР, в 1942—1950 гг. — зав. сектором истории СССР до XIX в. Соч.: «Избранная рада Ивана Грозного» (М., 1945); «Предпосылки “всероссийского” рынка в XVI в.» (М., 1946); «Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI — начала XVII вв.» (М., 1952); и др.

Давид Яковлевич Кин (1900—1938) — советский историк. В апреле 1917 г. вступил в Одесскую организацию РСДРП (б). С августа 1919 г. — политработник в Красной Армии. Окончил Институт красной профессуры (1926). В 1934—1937 гг. работал в Институте истории Коммунистической академии, ИКП истории, Институте истории АН СССР. 20 августа 1937 г. был арестован, как участник «троцкистской террористической организации». 8 февраля 1938 г. в закрытом заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

Евгения Павловна Кривошеина (1898—1937) — советский историк. С 1926 г. — научный сотрудник Института советского строительства и права Коммунистической академии. Член бюро секции методологии истории Общества историков-марксистов. В отдельные годы член редколлегий журналов «Каторга и ссылка», «Пролетарская революция», «История пролетариата СССР», «Борьба классов». Научный сотрудник Института истории АН СССР. 26 июля 1937 г. арестована. 4 августа 1937 г. действительный член Института истории АН СССР Е.П.Кривошеина отчислена из Института (Выписка из приказа № 96 по Институту истории АН СССР // АРАН. Ф. 425. Оп. 3. Д. 27. Л. 28).

Сергей Андреевич Пионтковский (1891—1937) — советский историк. Окончил историко-филологический факультет Казанского университета (1914) и был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре русской истории. С 1910 г. участвовал в революционном студенческом движении. Член РКП (б) с 1919 г. Член первого состава Истпарта (1920). Преподавал в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова, Институте красной профессуры, МИФЛИ, МГУ. С 1929 г. — член секции по изучению истории пролетариата при Институте истории Коммунистической академии. Арестован 7 октября 1936 г. за связь с «троцкистскими элементами», 8 марта 1938 г. расстрелян.

[9] См. выше примеч. 6.

[10] Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР», 8.VIII.34 г. И. Сталин, А. Жданов, С. Киров // На фронте исторической науки. В Совнаркоме Союза ССР и ЦК ВКП (б). —М.: Партиздат ЦК ВКП (б), 1936. — С. 12—15. Одобренный правительственной Комиссией учебник по истории СССР для начальной школы под редакцией А.В. Шестакова был назван, наряду с 1-м томом «Истории гражданской войны в СССР» (М., 1936), «первым шагом по преодолению антинаучных и антипартийных взглядов М.Н. Покровского и его школы и искоренению вредительства на историческом фронте» (От Института истории Академии наук СССР // Против исторической концепции М.Н. Покровского: сб. ст. — М.; Л., 1939. — Ч. 1. — С. 3—4).

[11] См. выше примеч. 3.

[12] См. выше примеч. 4.

[13] *Федор Дмитриевич Кретов* (1900—1989) — советский историк. Участвовал в революционном движении, в 1918 г. вступил в РСДРП (б). С 1919 г. в Красной Армии. С 1921 г. в Москве: инструктор ЦК, МК РКП (б). В 1925—1929 гг. учеба в Институте красной профессуры. По окончании работал проректором Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, в Центрархиве, в газете «Известия». В 1934—1938 гг. — зам. редактора Большой Советской Энциклопедии, зав. сектором науки ЦК ВКП (б), зам. директора Института истории АН СССР. В 1938—1941 гг. заведует Секретариатом Председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина. В годы Великой Отечественной войны — на политработе в действующей армии. В послевоенные годы преподавал в Академии общественных наук при ЦК КПСС, МГУ, заведовал кафедрой истории КПСС Высшей партийной школы при ЦК КПСС (1961).

[14] В журнале «Историк-марксист» (1938, кн. 1) была опубликована в порядке обсуждения схема первых четырех томов пятитомной «Истории СССР». Затем замысел был расширен до семи томов (Историк-марксист. 1939. Кн. 3), а несколько позже — до одиннадцати, из которых восемь томов отводилось на досоветский и три — на советский периоды (Там же. — 1940. — Кн. 4—5). Планировалось, что вся работа по изданию должна была быть закончена Институтом к 1942 г. К середине 1940 г. были написаны семь первых томов (до 90-х годов XIX в.), они находились на стадии редактирования и предварительного обсуждения (см.: *Шунков В.* Работа Института истории АН СССР над многотомником «Истории СССР» // Историк-марксист. — 1940. — № 4—5. — С. 157). К 1941 г. были в машинописи подготовлены первые пять томов, по XVIII в. включительно (см.: *Кушева Е.Н.* Воспоминания Е.Н. Кушевой // Отечественная история. — 1993. — № 4. — С. 141). В 1953—1958 гг. они послужили основой для издания девяти томов «Очерков по истории СССР. Период феодализма» (М., 1953—1958), охвативших период до XVIII в. включительно. К вопросу о создании многотомной истории СССР советские историки вернулись в начале 1960-х годов, приурочив издание к 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции (см.: *Ким М.П., Фадеев А.В.* Об основных проблемах отечественной истории: (к подготовке многотомного издания по истории СССР) // Вопросы истории. — 1961. — № 2. — С. 14—53; *Кретов Ф.Д.* К вопросу о создании многотомной истории СССР // Там же. — С. 54).

№ 2
ХРОНИКА
О РАБОТЕ СЕКТОРА ИСТОРИИ СССР ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

[Текст с исправлениями]

Сектор Истории СССР в первом полугодии *выполнял* свою работу *в* крайне неудовлетворительны*х условиях*[1]. Дирекция Института Истории *с* Н.М. Лукин*ым во главе* работой сектора руководила *мало*. *Это обстоятельство было* использова*но* враг*ами* народа*, работавши-*

ми тогда в Институте, следствием чего явился срыв ряда важнейших тем в плане работ сектора Истории СССР. Издание «Летописи истории СССР» /1917—1921 гг./, сборника статей против антимарксистских, антиленинских концепций М.Н. Покровского, — оказались *невыполненными*, хотя для выполнения этих работ в Институте Истории имелись все возможности. Президиум Академии наук СССР наметил в своем постановлении от 5/IV-37 г. ряд конкретных мероприятий для *оздоровления Института*. Партийная и профсоюзная организации Института *со своей стороны тоже* приняли ряд специальных мер. В центре внимания производственного плана Сектора были поставлены задачи подготовки пятитомного издания истории СССР, издания сборника статей против антиленинской, антиисторической концепции М.Н. Покровского и перестройка работы в соответствии с указаниями партии и правительства по вопросам истории СССР /замечания товарища Сталина, Кирова, Жданова на конспект истории СССР, постановление жюри правительственной комиссии на учебник по Истории СССР под ред. проф. Шестакова/. Только лишь после *этих мероприятий* работа сектора Истории СССР пошла по линии *выполнения* научной работы.

I/ Во втором полугодии *несмотря на ряд неблагоприятных условий, в которых протекала работа И[нститут]а в I полугодии, отмеченных Президиумом АН СССР в заседании от 1/XII [1]937 г.*[2], Сектором истории СССР закончена разработка схемы истории нашей родины. Схема программы «Пятитомника по истории СССР» обсуждалась на расширенном заседании исторической группы Отделения общественных наук АН СССР. В первом томе будет изложена история народов СССР, населявших территорию нашей родины, начиная с древнейших времен и кончая *VIII веком* (первоначально исправлено на IX в. — *Л.С.*).

[1] Все изменения и вставки в тексте документа выделены курсивом.

[2] По всей вероятности, имелось в виду Постановление Президиума АН СССР от 4 декабря 1937 г., принятое по докладу академика А.М. Деборина о работе Института истории, которым Н.М. Лукин был освобожден от должности директора Института истории с оставлением его в должности действительного члена Института и руководителя Сектора новой истории. Временно исполняющим обязанности директора назначался Б.Д. Греков (Вестник Академии наук СССР. — 1938. — № 1. — С. 89—90).

Г.Б. Куликова

АНРИ БАРБЮС И И.В. СТАЛИН: К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ БИОГРАФИИ ВОЖДЯ*

На основе материалов, почерпнутых в РГАСПИ, автор рассматривает предысторию подготовки и появления книги французского писателя Анри Барбюса «Сталин. Новый мир, увиденный через одного человека», взаимоотношения вождя и писателя, историю подготовки сценария фильма о Сталине, характер книги, особенности рецензирования рукописи в ЦК ВКП (б), отклики в других странах.
К л ю ч е в ы е с л о в а: Сталин; встречи с журналистами; контакты с А. Барбюсом; материалы; рецензия ЦК; отзывы на книгу.

G.B. Kulikova
Henri Barbusse and J. Stalin: A Creation of a Biography of a Leader

The author examines the background and the publication of the book by a French writer, Henri Barbusse "Stalin: A New World Seen through one Man", based on materials from RGASPI, as well as the relationship of between the leader and the writer, a preparation of a screenplay about J. Stalin, the character of the book, some peculiarities of reviewing of the manuscript in the CPSU (b), responses to the book in other countries.
K e y w o r d s: J. Stalin; meeting with journalists; biography of a leader; correspondence with H. Barbusse; reviews of the book.

Не только историкам, но и всем читателям, интересующимся событиями 1930-х годов в Советском Союзе и личностью Сталина, хорошо известна книга французского писателя Анри Барбюса «Сталин: новый мир, увиденный через одного человека» («Un monde nouveau vu á traverse un home»). Но предыстория подготовки и появления книги, особенно же история общения Сталина с Барбюсом, представляют большой интерес и остаются почти неизвестными. Материалы, почерпнутые из Российского государственного архива политической истории — РГАСПИ, позволяют более подробно осветить события и закрыть многие существовавшие ранее лакуны[1].

* Часть материалов статьи опубликована ранее автором, см.: *Куликова Г.Б.* : 1) К истории создания биографии Сталина в начале 1930-х годов // XX век в истории России. – Сергиев посад, 2005 ; 2) Из истории формирования культа личности Сталина: (А. Барбюс и создание биографии «отца народов» в начале 1930-х гг.) // Отечественная история. — 2006. — № 1.

По мере роста авторитета Советского Союза за рубежом росло и внимание к фигуре Сталина, как руководителю страны и большевистской партии, особенностям его характера, манере его общения с иностранцами.

Интерес к личности Сталина ощутимо возрос со второй половины 1920-х годов, получив самое широкое распространение в 1930-е годы. Тогда вместе с ростом фашистской опасности мировое сообщество не покидала всеобщая вера в то, что именно СССР является единственным форпостом на пути фашистской агрессии. Кроме того, во многих странах люди верили, что в Советском Союзе найден путь создания еще невиданного в истории человечества нового общества, в котором отсутствуют эксплуатация и нищета. Они искренне восхищались успехами социалистического строительства, особенно итогами первой, а затем второй пятилеток, когда возводились сотни новых заводов и фабрик, возникали новые города, была принята новая конституция, носившая гордое название «сталинской». Наша страна давала миру пример рождения нового общества на практике. Авторитет Сталина укреплялся — именно в нем многие видели основу побед советского общества. Имя Сталина как бы персонифицировалось в глазах людей разных слоев с успехами народов всей страны.

Обратимся к предыстории создания биографии Сталина. До середины 1920-х годов общение Сталина с иностранцами ограничивалось довольно редкой перепиской и отдельными беседами, в основном связанными с приемом представителей коммунистических партий других стран.

Журналисты, писатели и политические деятели зарубежных стран всяческими путями стремились получить его интервью. Сталина в свою очередь очень интересовали отклики на события в Советском Союзе. Неточная передача позиций, искажение в западной печати текста данных им интервью и бесед особенно не нравились вождю.

15 октября 1926 г. Сталин беседует с американским корреспондентом Д. Девисом. Его статья под заголовком «Как Сталин пробил дорогу к власти» появилась в газете “New York American”. Корреспондент писал «Я был в Бюро Сталина по предварительному условию. Его помещение охраняется ночью и днем красными солдатами так, что никто не может войти без пропуска. После сердечного рукопожатия, я оказался против сильной, магнетической личности с черными курчавыми волосами, мужественными усами, коричневыми глазами, с лицом, на котором виднелись следы, оставленные оспой, и привлекательной, дружелюбной улыбкой... Он говорил по-русски быстро, его ответы на мои вопросы следовали моментально, без размышлений и, по-видимому, с полной искренностью»[2].

Когда текст беседы был опубликован в американской печати, Сталин констатировал, что о большевиках распространяются всякие небылицы — что они не едят, не пьют, что у них нет семьи и т.д. Они якобы занимаются только тем, что борются друг с другом и свергают один другого, что они только и делают, что ночью и днем рассылают по всему миру директивы и распоряжения[3]. 6 ноября Сталин ответил американскому издателю упомянутого интервью: «“Ленинградская правда” перепечатала мое интервью, данное в газете “New York American” и переведенное Вами на русский язык. По крайней мере, на $^{9}/_{10}$ оно расходится с действительностью. Поэтому я ни в коем случае не могу согласиться на перепечатку “беседы” в нашей печати»[4].

7 ноября того же года Сталин встретился с американским издателем и журналистом У. Дюранти, который передавал свою беседу с вождем следующим образом: «Сталин дал Вашему корреспонденту связное изложение своих взглядов на общее мировое положение и еще — более драгоценную возможность оценить его характер и заключенную в нем силу, которая привела его из лачуги сапожника в Кремль. Внутренний бог Сталина — если воспользоваться этим выражением Платона — это сила воли — невероятная сдержанность, господство над самим собой и сила сдерживающих центров... Сталин говорит медленно, с мягким южным акцентом, фраза за фразой, со скупыми словами и жестами». Среди других интересовавших журналистов тем был и вопрос о неизбежности войны. На него Сталин твердо и определенно ответил: «Мы не хотим войны». Сталин (как это излагалось американским корреспондентом) также заметил: «Мы показываем посещающим Россию иностранцам и всему миру, что социалистическое государство возможно, что оно растет и будет преуспевать, независимо от того, нравится это кому-нибудь или нет. Социалистическое государство будет развиваться и существовать, и им придется его изучать. Помогут нам или нет — тут мы стоим и здесь останемся»[5].

В начале 1930-х годов события в Советском Союзе стали стали привлекать все большее внимание в других странах. Интерес к личности Сталина, как руководителю огромной страны и правящей в ней партии, особенностям характера советского вождя еще более возрос. О подобном интересе можно судить хотя бы по письму американского писателя Теодора Драйзера к редактору советского журнала «Интернациональная литература» Сергею Динамову, с которым писатель вел оживленную переписку. 22 сентября 1932 г. Драйзер писал Динамову: «Я бы хотел, если возможно, получить небольшое высказывание Сталина в 500—700 слов, с его подписью, на любую тему по его выбору. Например, если бы он мог убедить нас в том, что он не живет в роскоши, а, наоборот, ведет скромный образ жизни, его не окружают охранники с пулеметами, если

бы он мог написать 600—700 слов о чем-то вроде этого, такой материал был бы для нас бесценным». Такая заметка Сталина, по мнению Драйзера, могла бы быть опубликована в журнале “American Spectator”[6].

Несколько месяцев спустя, 13 января 1933 г., Драйзер по просьбе того же литературного журнала обратился с подобным предложением к председателю акционерного общества «Амторг» П.М. Богданову: «Мне бы хотелось получить написанное Сталиным выступление на любую тему, в 500, 600 или 700 слов. Например, на тему о том, что живет он крайне просто, а не в роскоши, и что его не охраняют с пулеметами, как ходят слухи. Такой материал оказался бы действительно бесценным для этого журнала. Еще я хотел бы получить очерк, несколько очерков — не по теории и практике коммунизма, не о пятилетнем плане или завершении какой-либо гигантской стройки, — очерков, по-человечески интересных, зарисовках из жизни колхозников, но без пропаганды в какой-либо форме»[7].

Идея написания популярной биографии Сталина возникла в недрах Отдела пропаганды (Культпропа) ЦК ВКП (б) еще в самом начале 1930-х годов. Сначала предполагалось поручить это важное и почетное задание немецкому писателю Эмилю Людвигу, затем на роль биографа Сталина была намечена фигура А.М. Горького. Мысль о том, чтобы поручить написание биографии Горькому, вождю понравилась. В 1931 г. директор ОГИЗ’а А.Б. Халатов выслал в Сорренто материалы для биографии Сталина. «Дорогой Алексей Максимович, — писал в январе 1932 г. Халатов. — <...> Материалы для биографии И.В. мы Вам послали, напишите мне — не нужны ли Вам какие-либо еще материалы, и когда Вы думаете нам ее дать»[8].

В начале 1932 г. через М.И. Будберг[9] Горький получил предложение от американского издателя Рея Лонга написать книгу, которая должна была называться «Россия сегодня» и содержать примерно 75 тыс. слов. Предлагался следующий вариант книги — предполагалось, что Горький напишет о положении среднего русского человека до революции, предисловие и биографию Сталина. Сталин расскажет о себе как политическом деятеле и о процессах, происходящих в стране. По мнению Лонга, получился бы ответ на все вопросы, волнующие американцев. Особый же интерес вызывал вопрос — кто такой Сталин и в чем причины его власти[10].

Рей Лонг писал Максиму Горькому: «Большинство американцев, и, как я думаю, большинство населения других стран в Европе, Азии, везде — не понимает — каков Советский план организации государства? Они думают, что все обитатели СССР — коммунисты. Нужны ясные определения на языке, доступном каждому, того, что собой представляет большевизм, коммунизм, марксизм, советский строй»[11]. По ини-

циативе Р. Лонга в газете “New York Times” 4 марта 1932 г. было помещено рекламное сообщение, в котором шла речь о предполагавшемся издании и задатке в 2500 ф. ст. Подтверждалось, что Горький напишет биографию Сталина, а Сталин расскажет о себе как политике и его деятельности, о том, что происходит в Советском Союзе. По замыслу издателя, книга давала бы «взгляд на Россию» в период от первой мировой войны до коллективизации. Был также подготовлен проект договора, который могли бы заключить М. Горький и Р. Лонг для издания книги под названием «Правда об СССР» в нью-йоркском издательстве Рея Лонга и Ричарда Р. Смита. Однако опросом членов Политбюро 16 марта данное предложение американских издателей было отклонено[12].

По свидетельству А. Орлова (комиссара НКВД, в 1938 г. вместе с семьей тайно оставшегося в США), мысль о написании такой книги усиленно внушали Горькому часто посещавшие его Ягода и другие деятели НКВД. Орлов отмечал, что «Сталин попросил Ягоду внушить старому писателю: как было бы здорово, если б он взялся за произведение о Ленине и Сталине»[13].

25 февраля 1932 г. Горький (он тогда жил в Италии на о. Капри) сообщил своему помощнику П.П. Крючкову, что берется за работу и постарается сделать ее до отъезда в СССР. Сталин через Крючкова передал Горькому, что согласен участвовать в таком издании, но ждет приезда Л.М. Кагановича и П.П. Постышева для ведения совместной работы. Срок сдачи книги был намечен на 15 мая 1932 г. Однако тщательные поиски исследователей в архиве Горького не обнаружили никаких свидетельств того, что писатель собирался приступить к работе над книгой, никаких подготовительных материалов к ней также не сохранилось[14].

На этом этапе руководители ЦК остановились на кандидатуре французского писателя и общественного деятеля-антифашиста Анри Барбюса. Выбор этой кандидатуры не был случайным.

Барбюс в начале 1920 г. контактировал с В.И. Лениным. Прочитав антифашистские романы Барбюса «Огонь», а позже «Ясность», Ленин прислал автору одобрительные письма, в одном из которых он высказывал мысль о том, что «борьбе против такой войны стоит посвятить свою жизнь»[15]. Важным этапом в жизни писателя стало вступление в феврале 1923 г. в Коммунистическую партию Франции[16].

В конце 1924 г. предполагался приезд французского писателя по приглашению Международного бюро связей пролетарской литературы и правления Всесоюзного общества по охране авторских прав (ВАПП) в Ленинград. Его ждали и в Москве, но поездка сорвалась, и французский писатель сумел приехать в Союз только в 1927 г.[17]

Со времени первой мировой войны Барбюс стал последовательным борцом с войнами и фашизмом. Приветствуя в 1927 г. пер-

вый приезд Барбюса в Советский Союз, А.В. Луначарский называл его «замечательной фигурой нынешней эпохи... разбуженной той огромной миссией, которая выпала на его долю — именно войной». Он подчеркивал, что это «необыкновенно тонкая натура, человек, отличающийся изумительной восприимчивостью, замечательным умением восприятия своих недостатков, умением их перерабатывать, обобщать и не меньшим умением излагать их, заражать ими своих читателей, а все это — черты настоящего художника» [18].

Советский писатель В.Г. Лидин, в 1930-е годы неоднократно встречавшийся с А. Барбюсом, вспоминал: «На протяжении ряда лет Барбюс был недремлющей совестью, своего рода колоколом, звучавшим голосом предупреждения протий готовившейся новой мировой войны. Его книга “Огонь” была заветом поколения, похоронившего свою молодость в Вогезах, в Шампани или под Верденом. ... Всю четверть века после первой мировой войны Барбюс жил в предощущении готовящейся новой мировой войны... Он будил, как набатный колокол, современное ему... общество»[19].

В конце 1920-х — начале 1930-х годов Барбюс вел переписку со Сталиным. В 1927, 1932, 1933 и 1934 гг. он с ним встречался. Именно через А. Барбюса из Советского Союза передавались крупные денежные средства для поддержки антивоенного движения на Западе. 12 октября 1932 г. Барбюс сообщал в Москву о получении собранной по подписке советскими рабочими для Амстердамского движения около 385 тыс. франков. «Я счастлив и тронут этим великолепным жестом рабочего класса, — писал Барбюс Сталину, — эта общественная подписка представляет для нашей работы в настоящее время и в будущем не только огромную действительную помощь, но и бесценное поощрение»[20]. В августе 1932 г. в Амстердаме открылся Международный антивоенный конгресс. «Его душой от начала и до конца конгресса был Анри Барбюс», — писал Р. Роллан[21].

По воспоминаниям И.М. Гронского, который в 1932—1934 гг. работал в должности главного редактора газеты «Известия» и часто встречался со Сталиным, ему была поручена работа с представителями зарубежной интеллигенции. За эту работу Гронский отвечал перед Политбюро. «А если быть совсем точным, — добавлял он, — персонально перед Сталиным». Гронский делал важный вывод о том, что встречи с зарубежными гостями ярко подтверждали незаурядные актерские и режиссерские способности Сталина, а также его умение четко и развернуто отстаивать свою точку зрения, вести разговор внешне максимально доброжелательно и корректно, вежливо и внимательно, но предельно сдержанно. Словом, давать возможность собеседникам высказать свои вопросы и аргументировать их точку

зрения. Другим заметным качеством Сталина, по оценке Гронского, было его умение слушать: «Он вызывал нужных ему людей, как бы случайно затевал разговор и незаметно вытягивал из собеседника все, что тот знал. Обладая феноменальной памятью, он запоминал всю полученную по конкретному вопросу информацию и в последующих беседах дельно высказывался, цитировал книги, которых не читал, словом производил впечатление знающего человека. Пользоваться знаниями других людей, переваривать их и выдавать за плод работы собственного ума — всем этим Сталин обладал в совершенстве». Гронский подчеркивал: «Сталин — гениальный артист. Талант мгновенного перевоплощения был у него поистине шаляпинских масштабов... Сталин обладал даром великого артиста, т.е. умением играть роль, а когда нужно преображаться (перевоплощаться) (добавлено Гронским. — *Г.К.*), что мешало окружающим его лицам, даже самым близким, распознать его сущность»[22]. Факты общения и переписки с Барбюсом подтверждают эту позицию Сталина.

Неоднократные контакты Сталина с Барбюсом представляют большой интерес не только последовательной антифашистской позицией французского писателя, но и взглядами самого Сталина, как руководителя советского государства и как человека.

Обратимся к одной из таких встреч — к встрече Сталина с А. Барбюсом 16 сентября 1927 г. Характер беседы, стенограмма которой до сих пор не публиковалась полностью, очень интересен. И хотя в архивном деле сохранилась лишь ее краткая запись, она раскрывает ряд важных оценок Сталина, характеризует его позиции. Приведем беседу без купюр, такой, какой она сохранилась в архиве в записи переводчиков Духовного и Тивеля. При чтении записи беседы остается стойкое впечатление, что далеко не все нюансы перевода, особенно точка зрения Сталина, адекватно переданы переводчиками[23]. На беседе присутствовал также заместитель председателя ВОКС'а Лернер.

Б а р б ю с: «Я счастлив Вас видеть. С первых же дней моего приезда я пытался получить свидание с Вами. Полагаю пробыть здесь месяц-полтора. Моя ближайшая цель — написать несколько книг об СССР. Сейчас я хотел бы выяснить два вопроса. Первое — на Западе очень много говорят относительно Грузии. Когда толкуют о красном империализме, о том, что коммунисты угнетают национальные меньшинства, то выдвигают всегда Грузию. Грузия стала как бы символом советской политики угнетения. Второе — я хотел бы также получить некоторые материалы для противодействия агитации относительно красного террора в СССР». «Тов. Сталин интересуется, — отмечают переводчики, — действительно ли на Западе уделяют столь

большое внимание вопросу о Грузии. Тов. Барбюс подтверждает это и говорит, что он хотел бы ознакомиться с различными документами. Тов. Сталин спрашивает его, собирается ли он побывать в Грузии, указывая, что лучше всего ознакомиться с этим вопросом на месте. Все документы, которые т. Сталин сможет найти, могут быть предоставлены в распоряжение Барбюса».

Далее Сталин подробно отвечает на главные, поставленные Барбюсом, вопросы и в свою очередь задает личный вопрос — был ли Барбюс на фронте. Писатель отвечает, что он был в окопах 22 месяца, как простой солдат[24].

На вопрос о Грузии Сталин ответил пространно и с максимально выверенных, четких классовых позиций:

«На Западе буржуазная печать и, особенно, социал-демократы толкуют относительно того, что мы завоевали Грузию, что мы отняли у грузинского народа язык, культуру и т.д. Совершенно не так обстоит дело. Грузия может служить образцом страны, где осуществлена национальная свобода, она может служить образцом нашей национальной политики. Кто хочет изучить нашу национальную политику, пусть едет в Грузию. Конечно, в Грузии есть недовольные элементы так же, как и в Центральной России. Объясняется это тем, что существуют еще классы, что есть остатки буржуазных классов, дворянства, есть эмбрионы новой буржуазии. И вот, им неприятно, что у власти в Грузии стоят рабочие. Это свое классовое недовольство они облекают в форму национальную, выдвигают свои собственные классовые интересы под национальным флагом. Это свое недовольство теперешним режимом они облекают в национальную форму, толкуют о национальном угнетении. На Западе это кое-кого смущает. На деле же тут происходит узурпация национального флага, выставляется национальный момент, чтобы прикрыть классовое недовольство. Мы национальную свободу понимаем не как освобождение всех классов, а как освобождение только рабочих и трудящихся крестьян-бедняков, и если мы создаем народную власть на родном народу языке, то это есть власть не всех классов, а трудящихся. Все, что мы делаем в Грузии, вся наша политика там может быть отдана на суд кого угодно. Никаких теневых сторон никто там у нас не найдет. Нигде в мире политика национального равенства не проводится так, как в наших национальных республиках и особенно в Грузии. Вы не обязаны мне здесь верить на слово, — я ведь один из участников проведения этой политики, но Вы поедете на место и сами там в этом убедитесь»[25].

Столь же подробно Сталин ответил и на вопрос о «красном терроре»:

«Эти разговоры начались еще в 1918 г. после покушения на Ленина. До лета 1918 г. мы вели себя даже слишком легко. Расстрелы шпионов, которые происходят, это, конечно, не красный террор...

Интересно отношение к этому вопросу рабочего класса у нас. Рабочие ругаются, что у нас мало расстреливают. После убийства Войкова у нас в ответ было расстреляно 20 белогвардейцев. Рабочие были этим очень довольны, но говорили, что мало расстреляно, что у нас много еще таких паразитов имеется. Они говорили: вы, т.е. это мы, слишком мягки к белогвардейцам». Для наглядности Сталин привел конкретный пример: «Вот недавно была арестована маленькая группа, состоящая из дворян-офицеров. У этой группы было задание отравить газами весь съезд Советов, на котором присутствовало 3—5 тыс. человек. Было дано задание отравить газами весь съезд. Как же бороться с этими людьми? Тюрьмой их не испугаешь и тут просто вопрос об экономии жизни. Либо истребить отдельные единицы, состоящие из дворян и сыновей буржуазии, которые финансируются князьями и ставят своей задачей отравить целые съезды высших органов, (а у нас на съездах бывает до 5000 человек), или позволить им уничтожить сотни, тысячи людей»[26].

Далее Сталин продолжает разговор с Барбюсом:

«С точки зрения внутренних условий в стране нет никаких резонов для сохранения смертной казни. Власть достаточно прочно стоит у нас и в смертной казни нет нужды. Но, с точки зрения международных отношений, отменить смертную казнь в данный момент никак нельзя...[27] В результате, по милости капиталистов, посылающих к нам террористов, мы вынуждены сохранить смертную казнь. Если бы капиталисты оставили нас в покое, мы могли бы немедленно принять декрет об отмене смертной казни (конечно, на мирное время, так как в военное без этого обойтись нельзя)».

Сталин при этом уточняет:

«Конечно, смертная казнь неприятная вещь Кому же приятно убивать людей? Но международная обстановка такова, капиталисты так сильны, у них так много денег, они так беспощадны в борьбе с нами, они так систематически посылают в СССР террористов, что без смертной казни нам не обойтись[28].

Б а р б ю с: «Это совершенно правильно. В теперешних условиях уничтожение смертной казни было бы самоубийством для советской власти».

С т а л и н: «Тут нужно сказать, какая есть разница между нами и западными странами. В капиталистических странах практика белого террора вызывается внутренними причинами, их внутренней неустойчивостью. У нас же других мотивов смертной казни, кроме международных, нет... Мотивы смертной казни у нас диктуются только соображениями

извне. Мы здесь обороняемся. Ни одно буржуазное государство не может этого сказать, потому что у них террор направлен против своих рабочих и крестьян, против их недовольства, у нас же смертная казнь направлена против внешних врагов. Тут нужно поставить вопрос о том, против кого направлена смертная казнь. У нас она направлена против остатков разбитых классов. Кто встречается в списках лиц, приговоренных к смертной казни? Только дворяне, князья, царские генералы, царские офицеры, которые воевали с советской властью. Очень редко, я не знаю такого случая, когда встречаются в этих списках представители неэксплуататорских классов, может быть один-два случая среди шпионов. Кто же нас упрекает, что мы не защищаем всех одинаково, то на это нужно ответить, что мы и не собирались защищать всех. Мы ведь говорим открыто, что у нас классовый строй. Это нужно иметь в виду. Нужно ставить вопрос, кто ее применяет и против кого. Класс паразитический или класс рабочих? Нужно разбирать, какую цель преследует смертная казнь, для охраны кого она применяется»[29].

При правке стенограммы Сталин дополнительно сделал несколько вставок и исправлений. Все они носят редакционный характер, однако прямо указывают на тщательность работы Сталина с текстом. Приведем лишь небольшой отрывок (подчеркнутые фрагменты вписаны при правке, в квадратных скобках даны убранные Сталиным фразы):

«Если мы создаем народную власть на родном народу языке, то это <u>есть</u> власть не всех классов [всего народа], трудящихся. С точки зрения внутренних <u>условий</u> в стране [причин] у нас никаких резонов для сохранения смертной казни. <u>Власть достаточно прочно стоит у нас и в смертной казни</u> нет никакой нужды, <u>но</u> [что] с точки зрения международных отношений отменить смертную казнь <u>в данный момент</u> никак нельзя. У нас нет никаких других средств для борьбы с этими организациями. В результате, по милости капиталистов и <u>посылаемых к нам террористов</u>, мы [должны] <u>вынуждены</u> сохранить смертную казнь. Если бы капиталисты [нас] оставили <u>нас</u> в покое, [то] мы [бы] <u>могли бы</u> немедленно подписать декрет об отмене смертной казни. Конечно, смертная казнь [это] неприятная вещь, кому же приятно убивать людей? [Для этого прямо нужно быть зверем], но международная обстановка такова, капиталисты так сильны, у них так много денег, они так беспощадны в борьбе с нами, <u>они так систематически посылают в СССР террористов,</u> что другого средства у нас [мы не можем обойтись] нет». Конец фразы Сталин исправляет дважды — зачеркивает «мы не можем обойтись». Затем, еще раз прорабатывая стенограмму, Сталин вписывает: «Власть достаточно прочно стоит у нас и в смертной казни нет нужды. Но... в данный момент посылают к нам террористов... поэтому без смертной казни нам не обойтись»[30].

В конце беседы заходит речь о продаже журнала «Monde» («Мир») — главным редактором которого являлся Барбюс, о его намерении написать новые книги об СССР и о Грузии. Барбюс горячо настаивает также на том, чтобы Сталин дал свой ответ на анкету журнала, чтобы «мы могли дать нашим читателям ваше авторитетное мнение по этому вопросу, которое они ждут с нетерпением». К просьбе Барбюс приложил перечень вопросов анкеты, которые представляют значительный интерес:

1. Невозможность научного социализма.
2. Социализм есть верование.
3. Общая закономерность начатков социализма.
4. Социальная ценность борьбы классов.
5. Борьба классов и борьба идей.
6. Современная ценность социализма[31].

Сталинского ответа на анкету в журнале «Monde» в архиве найти не удалось, вероятнее всего по причине некоторой необычности поставленных в ней вопросов.

Чем объяснить столь детальную и длительную беседу Сталина с Барбюсом? Конечно, прежде всего, стремлением советского вождя максимально подробно и убедительно показать позиции нашей страны по отношению к другим, особенно буржуазным, враждебным Советскому Союзу странам, отразить последовательную линию на развитие классовой демократии в первой стране, строящей социализм, по отношению ко всем, кто может помешать этому строительству. Сам Барбюс остался очень доволен беседой. Он подчеркнул, что «Сталин умеет так осветить любую проблему, что в ней не останется ни одной неясной грани»[32].

В начале 1930-х годов главный редактор газеты «Известия» И.М. Гронский не раз встречался с Барбюсом. В редактируемом последним журнале «Monde», по мнению коммунистов, были напечатаны две протроцкистские статьи, за что на Барбюса обрушились ЦК Французской компартии во главе с Морисом Торезом, МОРП и Коминтерн. Гронский позвонил Сталину, затем связался с его секретарем А.Н. Поскребышевым, а также с В.М. Молотовым и М.И. Калининым, чтобы узнать — какой линии следует держаться с Барбюсом. Сталин определенно ответил: «Барбюс — это политический капитал, а они его растранжиривают». Как многих других видных западных деятелей, в число которых входил и Барбюс, Сталин называл его «политическим капиталом»[33].

Для более полного знакомства с Советским Союзом и его людьми осенью 1927 г. Барбюс совершил путешествие по нашей стране — он посетил Украину, города и селения Грузии, Армении, Азер-

байджана. 20 ноября 1927 г. в газете «Правда» была опубликована большая хвалебная статья писателя «Кавказ вчера и сегодня». Вскоре, уже через год, в 1929 г., во Франции появилась небольшая книжка А. Барбюса «Voici ce qu'on à fait de la Géorgie» («Вот что сделали с Грузией»). Он описывает расцвет Советской Грузии, с увлечением рассказывает о необыкновенных судьбах обыкновенных людей республики[34]. В конце 1928 — начале 1929 г. Барбюс вместе со своим секретарем Аннет Видаль побывал в Нижнем Новгороде, Крыму, Одессе, ряде других городов Союза, запечатлев свои наблюдения в книге «Russie» («Россия»). Книга была в 1930 г. издана во Франции, а вскоре и в нашей стране на русском и белорусском языках. Барбюс описывает пейзажи, знакомится с множеством народностей, говорящих на разных языках. «Аксиоматический принцип русской революции — это систематическое выкорчевывание старых социальных отношений и перестройка страны на пользу работающих масс», — делает вывод писатель. Один из определяющих тезисов книги гласит: «Революция создала нового человека: гражданина работающей республики: рабочего завода, рабочего полей, интеллектуального рабочего.... Существует новая нация, и она имеет характер скорее социальный, чем этнический.... Это советская нация». Барбюс пишет о самых простых вещах, на которые он обратил внимание в нашей стране: бесплатный отдых на море для детей рабочих, бесплатное лечение в больницах, отпуска за счет государства и многое другое. В книге было много статистики, фактов для того, чтобы показать и доказать западному читателю особенности жизни в СССР[35].

Еще 20 ноября 1929 г. Барбюс писал Сталину не только о желательном оказании со стороны России денежной помощи французскому антивоенному движению, но и о своем намерении «опубликовать в ближайшем будущем во Франции и в европейских странах книгу об СССР, в которой разнородные вопросы будут последовательно разработаны»[36].

В печатном органе французских коммунистов, газете «L'Humanité» от 1 мая 1932 г. появилась статья А. Барбюса «Призыв к защите Советского Союза». Барбюс писал: «СССР — это живой социализм. По отношению к капитализму — это другой строй, другая система, другой мир. ... В теперешнем мире — это единственное пацифистское государство. Советский Союз, который установил на территории 20 млн. кв. км человеческий закон, диаметрально противоположный закону капитализма, продолжает подниматься вверх, несмотря на все препятствия. Он идет вперед, проникнутый сознанием величия дела континентального возрождения, при котором интересы каждого лица в отдельности логически развиваются в интересах всех».

Во время беседы со Сталиным 5 октября 1932 г. Барбюс выразил признательность за назначенную встречу. На это Сталин скромно ответил: «Я не так уж занят, чтобы не иметь возможности побеседовать с т. Барбюсом». Писатель подчеркнул, что он поражен тем гигантским размахом работы и теми достижениями, какие он увидел после своего последнего посещения три года назад. Сталину ответ понравился: «Находясь под гнетом царизма, мы на 300 лет отстали от Европы. Мы считаем, что нам нужно еще очень многое сделать. Мы не можем удовлетвориться достигнутым. Но кое-что мы все же сделали»[37]. В свою очередь Барбюс подробно рассказал об Амстердамском конгрессе против войны, поднял некоторые финансовые вопросы, а также вопросы о проведении кампаний в защиту мира и против отдельных конфликтов, об организации ячеек на предприятиях западных стран. Сталин счел нужным высказаться и по поводу организации в Европе движения в защиту мира: «Для того чтобы борьба против войны дала большие результаты необходимо, чтобы органы, возглавляющие эту борьбу, не носили характера инструмента или представительства коммунистических партий. Необходимо, чтобы во всех комитетах были не только коммунисты, но и беспартийные — просто люди с чистой совестью и имеющие ясное представление о современном положении». Тогда же Сталин обратил внимание на необходимость широкой агитации, направленной на разъяснение массам сущности империализма и разоблачение истинных организаторов войны, на желательность издания бюллетеня на трех языках для западного читателя с оказанием помощи от СССР — «некоторую помощь, по крайней мере, на первых порах можно будет оказать, а в дальнейшем бюллетень должен будет себя окупать». Во время беседы Барбюс еще раз, гораздо более определенно, чем раньше, выразил желание написать несколько книг и журнальных статей об СССР[38].

Когда писатель обращался по поводу публикации своих статей в советских изданиях, руководители центральных газет и журналов немедленно связывались со Сталиным, как с высшим арбитром. Так, 6 мая 1932 г. Л.З. Мехлис (газета «Правда) обратился к Сталину с запиской: «Посылаю Вам перевод (без литературной правки) статьи Барбюса. Намерен ее напечатать в “Правде” в номере от 8 мая. Нет ли возражений? Статья интересная. Л. Мехлис»[39]. 4 ноября того же года Мехлис сообщал Сталину:

«Тов. Сталин. А. Барбюс прислал нам статью “Меж двух культур”. Смущает нас особенно формулировка о <u>независимости</u> литературного и политического движения (8-я стр.). Просим просмотреть статью. Л. Мехлис». Сталин оперативно и спокойно ответил: «Нужно публиковать без изменений. За ошибки в статье ответственен автор статьи, ибо статья подписана. И. Сталин»[40].

8 декабря 1932 г. под грифом «совершенно секретно» в секретариат Сталина из отдела пропаганды (Культпропа) ЦК было послано следующее письмо:

> «В связи с письмом Анри Барбюса, посланным Вам ранее, Культпроп ЦК вносит следующее предложение: Рекомендовать т. Мюнценбергу *принять* предложение Анри Барбюса о написании последним биографии т. Сталина. Предрешить, что предварительный просмотр работы А. Барбюса должен быть возложен на т. Товстуху. Рекомендовать т. Мюнценбергу непосредственно связаться с т. Товстухой. Последнему определить материалы, которые можно дать Анри Барбюсу. Обязать т. Мюнценберга обусловить предварительный просмотр и редакцию всей работы т. Товстухой. Желательна была бы встреча Анри Барбюса с т. Товстухой. Мы специально спрашивали мнение т. Мануильского, в частности, в связи с тем, что в "Монде" вокруг Анри Барбюса сгруппировались троцкистские элементы. Тов. Мануильский считает, что Анри Барбюсу это дело поручить можно и стоит, он напишет то, что ему посоветуют, в частности, и о борьбе с троцкизмом. Будучи в Москве, А.Б. говорил, что хочет порвать со своим "мондовским" окружением. Тов. Мануильский сообщил, что Мюнценберг в ближайшее время будет в Москве — тогда можно было бы договориться с т. Мюнценбергом детально»[41].

Любопытнейшее признание — Барбюс напишет то, что ему посоветуют!

Небольшое время спустя, Барбюс написал Мюнценбергу:

> «Мой дорогой Мюнценберг!
>
> Договорено, что я займусь книгой о Сталине, о которой мы с Вами говорили. Я буду очень счастлив посвятить все мои усилия к тому, чтобы нарисовать эту великую фигуру, которая играет сейчас такую гигантскую роль и которая действительно воплощает, как я мог убедиться при моей поездке по всей территории Союза, творческий энтузиазм революции. Но я не могу взяться за такое большое дело, если я не буду аккуратно получать с другой стороны документы о политической деятельности Сталина с самого ее начала. То, что мне об этом известно, мне кажется недостаточным. Я прошу Вас поэтому предпринять необходимые шаги перед советскими товарищами, чтобы мне была дана такая документация и чтобы из этих документов были отобраны наиболее важные. Я хотел бы также получить все труды, написанные на французском языке специально о Сталине. Я рассчитываю на Вас, мой дорогой друг. Сердечно Ваш, Анри Барбюс»[42].

Это желание было подтверждено во время следующего приезда А. Барбюса в Москву в 1933 г. 21 июля он писал Сталину:

> «Дорогой тов. Сталин!
>
> С сегодняшнего дня снова я в Москве. Я хотел бы Вас повидать, чтобы поговорить с Вами от имени всех наших товарищей о нашем движении и о больших вопросах, которые встают перед нами. В этих целях я приехал сюда. Я прошу Вас не отказать назначить мне свидание с Вами. Поверьте моей преданности и братским чувствам. Анри Барбюс»[43].

Нельзя не заметить, что огромный пиетет по отношению к советскому вождю проявлялся и в переписке. А. Барбюс неизменно обращался к Сталину не иначе, как «Дорогой тов. Сталин», «Мой дорогой и великий товарищ, друг!»[44].

В этот раз он снова просил ускорить передачу ему необходимых документов. Тогда же Барбюс обратился в отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП (б) с предложением о написании киносценария для фильма о жизни вождя. «Отобразить гениальный образ Сталина», — такой видел свою задачу А. Барбюс[45]. Директор Акционерного общества Межрабпом-Русь Самсонов писал Поскребышеву: «Сценарий представляет огромный интерес. Анри Барбюс нашел другую форму фильмы, через которую можно отобразить гениальный образ т. Сталина»[46].

Осенью 1934 г. А. Барбюс снова приехал в Москву. После прибытия в столицу он заявил корреспонденту «Литературной газеты», что это связано с работой над книгой о Сталине, которую он предполагает закончить зимой. В следующем номере газеты сообщалось, что книга Барбюса о Сталине появится одновременно во Франции, СССР, Англии и Голландии[47].

26 сентября 1934 г. Барбюс направил Сталину письмо с отчетом о задачах и средствах Амстердамского движения. Отчет Барбюса сопровождался запиской:

> «Дорогой товарищ Сталин! Вот доклад, который я обещал в своем предыдущем письме Вам представить. Верьте моему чувству признательности».

В докладе содержалась мысль о важной роли создания единого антифашистского фронта. Доклад Барбюса Сталин переслал для ознакомления Кагановичу и Жданову[48].

Тогда же Барбюс снова попросил аудиенции у Сталина. Он писал:

> «Мой дорогой и высокий товарищ! Я был бы Вам признателен, если бы Вы не отказали мне, — несмотря на Вашу занятость и если это не слишком обеспокоит Вас — назначить мне свидание в том месте, где Вы сейчас находитесь в настоящее время и куда я мог бы немедленно прибыть»[49].

30 сентября писатель получил дружеский ответ:

> «Тов. Анри Барбюсу.
> Уважаемый товарищ! Прошу извинения за поздний ответ. Я вчера только вернулся в Москву и не мог раньше ознакомиться с Вашим письмом. Охотно готов побеседовать с Вами в любой день, начиная с 31 окт.
> Братский привет! И. Сталин»[50].

Барбюс немедленно ответил на записку Сталина:

> «Мой дорогой и великий товарищ.
> С благодарностью подтверждаю получение Вашего письма. Раз Вам было угодно предложить мне назначить день, в который мы могли бы встретиться, начиная с 31-го числа, — я Вас прошу не отказать принять меня 1-го ноября. Весь этот день я буду находиться в Вашем распоряжении и ожидать часа, который Вам будет угодно мне назначить для свидания.
> С братским уважением. Анри Барбюс»[51].

Такая встреча состоялась 1 ноября. В конце беседы Сталин поинтересовался, нет ли у Барбюса особенных пожеланий и не нуждается ли он в чем-либо. Барбюс выразил восторг по поводу всего увиденного в СССР, подчеркнув, что рельефнее увидел всю ложь, которая распространяется на Западе о Советском Союзе, в частности о самом Сталине, который на деле оказывается таким сердечным человеком[52].

Весь 1934 г. ушел у французского писателя на завершение книги и выполнение договора с акционерным обществом «Межрабпом-Русь» о написании сценария художественного фильма (предлагавшиеся рабочие названия: «Творцы», «Строители», «Спасители», «Новые люди»). Главное содержание фильма Барбюс видел в показе различных исторических этапов создания и развития социалистического государства, «олицетворенного, главным образом, в фигурах его двух основоположников — Ленина и Сталина»[53]. Сценарий Барбюс предлагал дополнить антропометрической карточкой Сталина, фото анфас и в профиль, на-

полнить аллегориями и художественными картинами (например, проекцией картины, изображающей демонстрацию в Батуме со Сталиным во главе), высказываниями представителей разных социальных слоев, различных политических течений. Ряд сцен автор намеревался реконструировать с помощью профессиональных актеров. Среди действующих лиц сценария — рабочие: Степан, Надежда, Илья, Василий, крестьянин Хашим. Приводятся его слова: «Я самый ничтожный из людей, я, которого все преследуют, я никогда не обращался к вождям, но тебя я признаю. Ты национальный герой. Ты гибок, у тебя великий ум и у тебя большое сердце». В этой части сценария автор стремился раскрыть выдающуюся роль Сталина в решении национального вопроса[54]. Последняя часть фильма, по замыслу автора, должна была показать достижения советской власти в годы первой пятилетки, старую и новую деревню, развитие промышленности, воспроизвести речь Сталина на XVII съезде партии[55].

19 января 1935 г. Барбюс разъяснял свой замысел директору Межрабпом-фильма Самсонову: «Ради этой фильмы я в настоящее время приостановил все свои остальные работы (за исключением книги о Сталине), и думаю, что теперь дело пойдет быстрее. Фильма ведь должна представлять, как это было условлено, нечто вроде лирической панорамы истории России и СССР за последние 20—30 лет, т.е. первой трети XX века, панорамы расширенной, уточненной и углубленной всеми художественными приемами, которыми мы в настоящее время располагаем и в противовес книге, не имеющей обстоятельного документального характера»[56].

Барбюс писал о том, что фильм должен представлять собой «широкое полотно, охватывающее и синтезирующее не только различные исторические этапы создания и развития социалистического государства (олицетворенного, главным образом, в фигурах его двух основоположников — Ленина и Сталина), но также и главные течения мысли, все глубокие стремления, а также попытки противодействия развитию концепции общин трудящихся в столь обширном масштабе... разногласия и даже интриги некоторых политических деятелей». Движущей силой этой конкретной трагикомедии первого плана должны также быть человеческие страсти, половой вопрос, материальные интересы. «Что же касается образа Сталина, — добавлял Барбюс, — есть несколько возможностей (не прибегая при этом к театральным приемам, недостойным нашего великого товарища), осветить его и выдвинуть вперед на фоне исторических событий»[57].

Для подготовки окончательного варианта сценария Барбюс просил произвести отбор необходимых ему документов: фотографий, фильмов или кусков из фильмов, показывающих Сталина в дей-

ствии, например, на трибуне, на палубе парохода (Беломорканал) и т.п. Кончался сценарий следующими преисполненными пафосом словами: «Людское море образует что-то вроде фронтона монумента, этот монумент — мавзолей Ленина. Мы видим кого-то, стоящего на самом верху монумента и поднимающего руку для приветствия. Мы видим его в отдалении. Он слишком далек, чтобы его различить, но можно догадаться, что это Сталин. Все освещено красным светом, дающим фон пожара и зари»[58].

2 апреля 1935 г. А.Н.Поскребышеву было направлено следующее письмо:

> «Дирекция Акционерного общества “Межрабпом-фильм” заключила в прошлом году договор с т. Анри Барбюссом на написание сценария художественного фильма о тов. Сталине. Вопрос о написании сценария такой фильмы в свое время был согласован с Культпропом ЦК. Т. Анри Барбюс прислал нам предварительный набросок сценария на указанную тему под условным названием “Творцы”. Присланный материал Дирекция рассматривает как сугубо предварительный, но нужно отметить, что он представляет огромный интерес, так как, в отличие от известной вам фильмы “3 песни о Ленине” режиссера Вертова, т. Анри Барбюс нашел другую форму фильмы, через который можно отобразить гениальный образ т. Сталина. Дирекция А/О “Межрабпом” собирается дать т. Анри Барбюссу ряд практических указаний по написанию сценария, но раньше, чем написать наши замечания т. А. Барбюсс, нам хотелось бы иметь предварительную беседу по этому вопросу с вами. Для ознакомления посылаем предварительные наброски сценария т. А. Барбюсс и его письмо к нам по этому вопросу»[59].

Итак, по мнению Дирекции Акционерного Общества, Барбюсом был написан представляющий огромный интерес оригинальный сценарий, в котором жизнь Сталина была бы показана на фоне истории России конца XIX и первой трети XX в., через характеры и судьбы простых людей.

Начатая французским писателем работа над сценарием кинофильма завершена не была. 30 августа 1935 г. после тяжелой болезни Барбюс скончался в Москве. В комиссию по организации похорон писателя вошли Н.А. Булганин, А. Марти, Г. Монмуссо, А.Н. Толстой, М. Кольцов, Е.Д. Стасова и А.И. Стецкий. Весь ритуал похорон был согласован со Сталиным. 31 августа за подписью Кагановича, Молотова, Ежова, Мануильского в Сочи, где отдыхал Сталин, была послана телеграмма с предложениями по организации похорон и просьбой сообщить мнение вождя по поводу того, за подписью какого органа давать официальное извещение. Сталин также отве-

тил телеграммой: «Если друзья и родственники настаивают, лучше похоронить в Париже, конечно, после соответствующих почестей с нашей стороны. Извещение надо дать от ЦК и СНК. Все остальное — согласно вашего предложения. Сталин». Во Францию в газету «L'Humanité» на имя М. Кашена, М. Тореза, П. Вайан-Кутюрье Сталин послал соболезнование:

> «Скорблю по случаю кончины нашего друга, друга рабочего класса Франции, достойного сына французского народа, друга трудящихся всех стран, глашатая единого фронта трудящихся против войны и фашизма — тов. Анри Барбюса. Пусть его жизнь, его борьба, его чаяния и перспективы послужат примером для молодого поколения трудящихся всех стран в деле борьбы за освобождение человечества от капиталистического рабства».

3 сентября текст телеграммы был напечатан в газете «Правда»[60].

Но книга о Сталине была автором закончена. Сам Барбюс придавал огромное значение своему труду. Он писал в газете «Правда» 3 сентября 1935 г.: «Пусть его жизнь, его борьба, его чаяния и перспективы послужат примером для молодого поколения трудящихся всех стран в деле борьбы за освобождение от капиталистического рабства». В своей работе Барбюс искренен, честен и последователен, он не скрывает своего восхищения Сталиным и всем, что ему удалось увидеть и узнать в Советском Союзе.

Для оценки труда Барбюса важно отметить, что он был завершен до убийства Кирова. Но с достаточной степенью достоверности можно утверждать, что вся подготовка книги велась под пристальным вниманием центральных партийных и советских органов. Неслучайно известный израильский славист М. Вайскопф заметил, что книга «созревала в тайниках агитпропа и Коминтерна»[61]. В этом утверждении содержится немалая доля правды. В месяцы подготовки биографии у А. Барбюса завязалась регулярная переписка с руководящими деятелями ЦК ВКП (б) и Коминтерна А.Б. Мюнценбергом, А. Куреллой, А.Н. Поскребышевым, А.И. Стецким. А. Барбюса волновала присылка новых материалов, проверка ряда биографических данных Сталина. В свою очередь из Москвы давались советы по поводу того, как интереснее, политически правдивее и лучше написать столь важную книгу[62].

Над рукописью книги «Сталин» Барбюс работал очень тщательно. Как писал он на ее страницах, перед ним стояла грандиозная задача: «Воссоздать образ человека, так неразрывно слитого с работой мирового значения, образ политического борца, сквозь который видны миры и эпохи». Он неоднократно писал руководителям ЦК

о необходимости присылки ему документации о политической деятельности Сталина, о желании получить все труды, написанные им или переведенные на французский язык и посвященные советскому вождю. Такие материалы Барбюс начал периодически получать с весны 1933 г. 10 апреля А. Курелла обращался к Сталину: «Прошу Вас дать указание т.т., которым Вы поручаете выполнение требований Барбюса по этому вопросу»[63].

8 мая 1934 г. в ЦК было получено подтверждение о вручении Барбюсу необходимых материалов по списку. В числе присланных писателю материалов были отчетные доклады Сталина съездам партии, работа «Вопросы ленинизма», доклад об итогах первой пятилетки и целый ряд других материалов[64].

Законченная рукопись книги была послана на предварительный просмотр заведующему отделом культуры и пропаганды ЦК ВКП (б) А.И. Стецкому. Именно ему было поручено выполнять миссию официального редактирования русского перевода. В ЦК знакомились с рукописью основательно и не спешили с ответом Барбюсу, что не могло не волновать писателя. В течение августа 1934 г. Барбюс послал несколько телеграмм Поскребышеву и Стецкому с просьбой ускорить присылку рукописи с замечаниями. 11 августа Барбюс писал Поскребышеву: «Очень беспокоюсь, ожидаю ответа, рукописи. Телеграфируйте непосредственно. Известите секретаря Димитрова. Барбюс». 29 августа Стецкий сообщил Барбюсу о том, что рукопись с замечаниями будет выслана в ближайшие пять дней. Наконец, 31 августа рукопись со справкой и замечаниями Стецкого была отправлена автору[65].

Прочитав рукопись, Стецкий ответил Барбюсу пространным письмом. Фактически это была развернутая рецензия. Он начал с самой высокой оценки рукописи: «Я восхищен тем, что Вам удалось в такой короткий срок создать книгу подобного масштаба, которая является не просто биографией, а величественной картиной всего нашего движения, написанной с громадным революционным подъемом. На всем протяжении книги ощущается Ваша художественная сила»[66].

Но главная часть рецензии посвящена существенным критическим замечаниям, среди которых было немало постраничных, а также носящих уточняющий характер. «Мне кажется, однако, — писал Стецкий, — что Вы слишком часто подменяете политические и социальные категории этическими понятиями. Так, например, борьба оппозиции против партии (я имею в виду троцкистскую оппозицию, поскольку Вы лишь изредка и недостаточно упоминаете о других оппозициях) представляется Вам, как борьба “темпераментов” Сталина и Троцкого. Между тем, как экономические и социальные корни оп-

позиции Вами освещаются недостаточно. Далее, некоторые эпитеты, которые Вы применяете к Сталину, как, например, “человек здравого смысла”, “практик” затемняют истинный образ Сталина, как величайшего теоретика марксизма после Ленина, делают из него иногда, помимо Вашей воли, какого-то оппортуниста-эмпирика, целиком поглощенного тем, что Вы называете “прикладным марксизмом”»[67].

Для Стецкого разумелось само собой, что приводимые Барбюсом определения «максималисты» и «минималисты» являются неправильным переводом слов «большевики» и «меньшевики», этимологические корни которых «происходят от “большинства” и “меньшинства”». Далее автор письма Барбюсу замечал: «На протяжении всей книги у читателя несколько раз может получиться впечатление, что, по Вашему мнению, имеется неизбежный разрыв между теорией и живой действительностью. Подобная теория была бы догмой, несовместимой с марксизмом. Мы берем конкретные факты в их развитии, в соответствии с законами диалектического материализма. Это вовсе не значит, что марксизм “приспосабливается” к фактам. Объясняя факты, марксизм указывает, как их изменить»[68].

Стецкий сделал еще одно замечание, которое ему представлялось весьма существенным, — по поводу Троцкого. «Мне непонятно, — в поучающем стиле пишет партийный рецензент, — почему в книге о Сталине, руководящем строительством социализма, имеется столько полных терпимости рассуждений о “душевных переживаниях” Троцкого, уже много лет тому назад перешедшего в лагерь контрреволюции. Я хотел бы обратить ваше особое внимание на этот пункт».

Частое упоминание Барбюсом фигуры Троцкого, цитирование его работ вызывает у рецензента весьма раздраженную реакцию. Он советует писателю: «Вы цитируете Троцкого. Разве нельзя передать ту же мысль цитатой из Ленина или Сталина?» Несколько позже, отчеркнув этот тезис на полях, рецензент добавляет: «О роли и личных качествах Троцкого. Хотел бы еще раз обратить Ваше внимание на это — на Вашу исключительную терпимость по отношению к Троцкому, которая приводит Вас к неправильным выводам. Борьба против оппозиции не была борьбой “темпераментов”, она была борьбой против влияния контрреволюционной мелкой буржуазии в рядах нашей партии. Дело вовсе не в том, что, как Вы пишете, “Троцкому недоставало великой, простой грубости творца”, а в том, что “ему “недоставало” понимания ленинизма, роли рабочего класса, как руководителя трудящегося крестьянства, роли партии и т.д.». «Я рекомендую Вам, — советует Стецкий, — коренным образом переделать эту главу, которая должна быть также обогащена анализом социальных корней оппозиции». «Мне кажется, — пишет рецензент, — что

все истории борьбы на два фронта (против правой и левой оппозиции. — *Г.К.*) должна быть насыщена бóльшим количеством фактического материала. Так, например, читателю останется непонятным, в чем заключался оппортунизм Зиновьева — Каменева»[69].

Ряд важных замечаний касался личности Сталина и состоял в том, что «в книге недостаточно дан образ Сталина-человека, не показан его стиль в работе, стиль его языка, не выявлены его многообразные связи с массами, не показано, какой любовью окружен Сталин»[70].

Большой интерес представляют и более мелкие постраничные замечания рецензента. Кроме указаний на ряд фактических неточностей в датах и событиях, связанных с биографией Сталина, делаются следующие замечания: «Вы говорите, что ленинизм не[71] является новой главой марксизма. Ленинизм, безусловно, является новой главой марксизма, а именно “марксизмом эпохи империализма и пролетарских революций”». В этом месте Стецкий настоятельно рекомендует автору воздержаться от определения марксизма (стр. 23 рукописи) или «процитировать одно из классических определений, данных Лениным или Сталиным». «Во всяком случае, — добавляет Стецкий, — данное Вами определение марксизма, как “интегрального реализма” представляется мне слишком уж туманным», требующим более точной формулировки[72].

Так, рецензент замечает, что «нет никаких оснований к тому, чтобы называть революцию 1905 г. “несколько случайной” ни по ее причинам, ни по ее размаху, ни по ее последствиям»[73].

Стецкий считает важным для книги расшифровать, что ВКП (Всесоюзная Коммунистическая Партия — *Г.К.*) — это государственная сила: «Не лучше ли уточнить, что партия — авангард пролетариата, руководящая социалистическим государством». Подобный же совет дается при определении сущности нэпа. Рецензент советует автору уточнить — о каком крестьянине ведется речь — бедняке, середняке или кулаке, что может вызвать путаницу у читателя: «Ваше определение кулака, как “богатого крестьянина” недостаточно». И снова рецензент советует: «Не считаете ли Вы полезным добавить здесь одно из классических определений нэпа, данное Лениным и Сталиным?»[74]

Возражает Стецкий и против тезиса Барбюса о том, что «оппортунизм может быть и хорошим»: «Согласно тому смыслу, который мы за всю историю нашей партии, вкладываем в слово оппортунизм, он никогда не может быть “хорошим”». Указывает рецензент и на неточное определение фашизма, главная задача которого заключается в том, чтобы «дезорганизовать массы и подавить рабочее движение»[75].

Большой интерес представляют и его более мелкие постраничные замечания. Кроме указаний на ряд фактических неточностей в датах и событиях, связанных с биографией Сталина (например, о том, что Сталин является не участником составления Декларации об образовании СССР, он — ее единственный автор. — *Г.К.)*. Далее рецензент уточняет, что не Ленин, а его брат участвовал в народовольческом движении, что ни Ленин, ни Сталин никогда не жили по несколько месяцев в Германии. Среди постраничных замечаний есть следующие позиции, связанные с бытом Сталина: «Я не стал бы на Вашем месте так подробно описывать мебель, меню и т.д. Все это скромно и просто, но не так мрачно... Стоит ли давать цифру жалованья и переводить на франки? Можно было бы просто сказать, что Сталин получает скромную зарплату ответственного партийного работника... Вы говорите: Отец был крестьянином, ставшим сапожником. Отец Сталина был сапожником, рабочим обувной фабрики, "крестьянином" он был только по прописке...» О религиозной школе: «Разумеется, само собой, что Сталин был отдан в эту школу не в силу какой-либо особой религиозности отца, а потому, что обучение в ней было более доступным и бесплатным»[76].

Характерно и замечание, завершающее разбор рукописи Барбюса. Автор пишет: «Социализм осуществим без нанесения кому-либо ущерба и без того, чтобы кому-либо в чем-либо уступать...». Стецкий возражает: «Не считаете ли Вы, что это утверждение может вызвать у читателя недоумение»[77].

«Мне кажется, — заканчивает отзыв рецензент, — что предлагаемые мной поправки, если Вы их учтете, могут лишь содействовать приданию всей книге большей идеологической крепости и от этого только выиграет прекрасная художественная форма»[78].

При доработке рукописи Барбюс прислушался к ряду замечаний, особенно тех, которые касались оценок Сталина и Троцкого.

Авторы предисловия к книге, одним из которых был Стецкий (другим автором — В.Г. Кнорин[79]), отмечали огромную роль книги, как первой попытки пером большого, талантливого европейского писателя «дать образ вождя пролетариата и трудящихся масс, гениального продолжателя Ленина, дать образ Сталина»[80]. Правда, далее обращалось внимание на то, что Барбюс упускает из виду, что как троцкистско-зиновьевская, так и правая оппозиция, выступая со своими антиленинскими взглядами, выражала внутрипартийное сопротивление враждебных пролетариату классов. В книге, отмечалось в предисловии, не всегда удавалось увидеть все обстоятельства и ход борьбы партии на отдельных этапах ее истории. Авторы предисловия также не соглашались с оценками Барбюса, которые он дал троцкистско-зиновьевской оппозиции, и рядом других недостатков.

Вышедшая несколькими тиражами, в том числе в массовом издании «Роман-газета» (общий тираж составил более 320 тыс. экземпляров только на русском языке), книга Барбюса стала важным этапом складывания культа личности Сталина. Написанная талантливым писателем, просто и понятно, она быстро разошлась по стране, получив в те годы наиболее широкое распространение в странах Европы и особенно во Франции. Практически во всех французских газетах, особенно издававшихся отделениями Французской компартии, появились хвалебные отклики на книгу. Одним из типичных примеров таких откликов была статья известного литератора и критика Мишеля Корде, появившаяся в газете «Ля Гриф». Он восхищался тем, что Барбюс выводит «гигантскую фигуру на свет, он очень хорош, этот портрет, чувствуется, что он написан с любовью... Автор книги рисует строгий облик рабочего, в котором сквозит тонкость ученого и лукавство крестьянина»[81].

«Вот он — величайший и значительнейший из наших современников, — с восторгом писал в своей книге Барбюс. — Он ведет за собой 170 миллионов на 21 миллионах квадратных километров. Он соприкасается с множеством людей. И эти люди любят его, верят ему, нуждаются в нем, сплачиваются вокруг него, поддерживают его и выдвигают вперед, во весь свой рост над Европой и над Азией, над прошедшим и над будущим. Это самый знаменитый и в то же время почти самый неизведанный человек в мире». Книгу, которая отличалась бы столь апологетическим содержанием, пожалуй, трудно найти. «Завоеватель масс, человек, сдвигающий с места вселенную». «Точность взгляда, уменье сразу схватывать решающие пункты каждой конкретной ситуации, понимание подлинных причин и неизбежных следствий любого факта, понимание связи этого факта со всем процессом, отвращение к беспорядку и путанице, несгибаемое упорство в деле подготовки поставленной цели, раз уж эта цель обдумана и определена. Все это — не что иное, как истинный марксизм, перенесенный на поля сражений». Слова из той же книги: «История его жизни — это непрерывный ряд побед над непрерывным рядом чудовищных трудностей. Не было такого года, начиная с 1917-го, когда он не совершил бы таких деяний, которые любого прославили бы навсегда. Это железный человек. Фамилия дает нам его образ: Сталин — сталь. Он несгибаем и гибок, как сталь. Его сила — это его несравненный здравый смысл, широта его познаний, изумительная внутренняя собранность, страсть к ясности, неумолимая последовательность, быстрота и твердая сила решений, постоянная забота о подборе людей. Можно сказать: ни в ком так не воплощены мысль и слово Ленина, как в Сталине. Сталин — это Ленин сегодня»[82]. Эти слова стали «крылатыми», широко известными не только в Советском Союзе, но и во многих других странах.

Партийное руководство Советского Союза для создания в массах наиболее выгодного впечатления шло на откровенно примитивную подтасовку. Подзаголовок книги А. Барбюса «Сталин» в переводе с французского звучал «Новый мир, увиденный через одного человека». Перевод же, повторенный в большинстве русских изданий, был следующим: «Человек, через которого раскрывается новый мир», что явно смещало акцент в сторону все более стремительно и повсеместно утверждавшегося культа личности Сталина.

[1] В вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей» книге И. Гуро и Л. Фоменко «Анри Барбюс» (М., 1962) о встрече со Сталиным и беседе с ним вообще не упоминается.
[2] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 726. — Л. 98.
[3] Там же. — Л. 99—100.
[4] Там же. — Л. 124-125.
[5] Там же. — Л. 126.
[6] *Драйзер Т.* Драйзер смотрит на Россию. — М., 1994. — С. 302.
[7] Там же. — С. 309.
[8] Архив А. М. Горького. — М., 1964. — Т. 10, кн. 1. — С. 257, 260.
[9] Мария Игнатьевна Закревская-Борейшо-Бенкендорф-Будберг (1892—1974) — дочь украинского помещика, возлюбленная дипломата-разведчика Брюса Локкарта, вдова графа Бенкендорфа, жена барона Будберга, секретарь и близкий друг Максима Горького, гражданская жена Герберта Уэллса. Блестяще зная иностранные языки, она поддерживала тесные связи со многими писателями и общественными деятелями Запада. В марте 1936 г. Горький писал Сталину о Будберг: «Она вращается среди литераторов Европы давно уже и знает все отношения, все оценки». За рубежом ходили слухи, что она пользовалась «особой поддержкой самого Сталина». На Западе в то время Будберг называли «красной Матой Хари», считая ее агентом сразу нескольких разведок. О биографии М. Будберг см. подробнее: Власть и художественная интеллигенция: документы ЦК РКП (б)-ВКП (б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике, 1917—1953 гг. — М., 1999. — С. 300; *Берберова Н.Н.* Железная женщина: рассказ о жизни М.И. Закревской-Бенкендорф-Будберг, о ней самой и ее друзьях: документы и книги. — New York. 1981; Известия. —2002. — 19 дек.
[10] РГАСПИ. — Ф. 588. — Оп. 1. — Д. 79. — Л. 7.
[11] Там же. — Л. 24.
[12] Там же. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 795. — Л. 38; New York Times. — 1932. — March 4.
[13] *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. — М., 1991. — С. 43, 54, 264.
[14] История советской литературы: новый взгляд: по материалам Всесоюз. науч.-творч. конф., 11—12 мая 1989 г., Москва. — М., 1990. — Ч. 2. — С. 86—87.
[15] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 299. В России в первой редакции роман назывался «Свет». Ленин перевел это заглавие как «Ясность», что и сохранилось в дальнейших изданиях.
[16] *Гуро И., Фоменко Л.* Анри Барбюс. — М., 1962. — С. 214.
[17] РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 699. — Л. 52.
[18] Там же. — Ф. 142. — Оп. 1. — Д. 152. — Л. 3.
[19] *Лидин В.Г.* Люди и встречи. — [М., 1965]. — С. 239—240.
[20] РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 699. — Л. 52. Деньги были переданы через председателя ЦК Международной организации политики борцам револю-

ции (МОПР) Е.Д. Стасову. Об Амстердамском движении см. подробнее: *Покровская С.А.* Движение «Амстердам-Плейель» и народный фронт во Франции (1934—1936) // Французский ежегодник, 1975. — М., 1977.

[21] *Гуро И., Фоменко Л.* Указ. соч. — С. 214.

[22] *Гронский И.М.* Из прошлого. — М., 1991. — С. 148, 152, 242. Все подчеркивания сделаны Гронским. — *Г.К.*

И.М. Гронский — в 1931—1934 гг. главный редактор газеты «Известия», одновременно редактор журналов «Красная нива» и «Новый мир». В 1932—1933 гг. — председатель Оргкомитета по подготовке 1-го Всесоюзного съезда советских писателей.

[23] РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 699. — Л. 2.

[24] Там же. — Л. 6—7.

[25] Там же. — Л. 8, 9—10.

[26] Там же. — Л. 4—5, 8, 13—14. В этой части беседы речь идет о IV съезде Советов, состоявшемся в апреле 1927 г. Здесь Сталиным допущено несколько фактических ошибок: по данным мандатных комиссий на IV съезде Советов СССР было зарегистрировано не 5 тысяч, а 2358 делегатов: 1603 — с решающим и 755 — с совещательным голосом. На предшествовавших I—III съездах Советов были зарегистрированы от 2213 до 2281 делегата. См. подробнее: Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях. — М., 1939. — С. 16, 35, 75, 122.

[27] Подчеркнуто при правке стенограммы И.В. Сталиным. — *Г.К.*

[28] Видимо, подчеркнуто в стенограмме самим Сталиным. — *Г.К.*

[29] РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 699. — Л. 10—11.

[30] Там же. — Л. 15.

[31] Там же. — Л. 23, 25—26.

[32] *Барбюс А.* Человек, через которого раскрывается новый мир. — М., 1936. — С. 14.

[33] *Гронский И.М.* Указ. соч. — С. 149—150.

[34] *Barbusse Henri.* Voici ce qu'on à fait de la Géorgie. — Paris, 1929.

[35] *Idem*. Russie. — [Paris. 1930]. — P. 25, 125, 153—154. О поездках А. Барбюса по Советскому Союзу см. подробнее: *Гуро И., Фоменко Л.* Указ. соч. — С. 169, 180—182 и др.

[36] РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 699. — Л. 20.

[37] Там же. — Ф. 17. — Оп. 3. — Д. 699. — Л. 20, 35, 39. В стенограмме ошибочно указано 3000 лет.

[38] Там же. — Л. 41—42.

[39] Там же. — Оп. 11. — Д. 700. — Л. 28.

[40] Там же. — Д. 699. — Л. 59 а —60.

[41] Там же. — Л. 50—51.

И.П. Товстуха — заместитель директора института Маркса — Энгельса — Ленина.

В. Мюнценберг (1889—1940) — деятель немецкого коммунистического движения и Коминтерна, Генеральный секретарь Заграничного комитета для помощи голодающим Советской России, организатор Межрабпома.

Межрабпом (Международная рабочая помощь) основана в 1921 г. С 1929 г. «Межрабпом-Русь». Просуществовала до середины 1936 г. Среди ее основателей и сотрудников были К. Цеткин, Р. Роллан, М. Андерсен-Нексё, А. Барбюс, В. Мюнценберг.

Д.З. Мануильский (1883—1959) — секретарь и член Президиума Исполкома Коминтерна в 1928—1943 гг.

[42] Там же. — Д. 700. — Л. 62.

[43] Там же. — Л. 60. Все подчеркивания сделаны А. Барбюсом. То же присутствовало в письмах и записках Барбюса М. Горькому.

[44] Там же. — Л. 65—66.

[45] Там же. — Л. 52.

[46] Там же. — Д. 699. — Л. 52.

[47] Минувшее: ист. альманах. — СПб.; М., 1998. — Вып. 24. — С. 176.
[48] РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 699. — Л. 83.
[49] Там же. — Л. 85.
[50] Там же. — Д. 700. — Л. 1.
[51] Там же. — Л. 4—5.
[52] Там же. — Д. 699. — Л. 52.
[53] Там же. — Д. 700. — Л. 7, 10.
[54] Там же. — Д. 699. — Л. 5—6.
[55] Там же. — Л. 3—4.
[56] Там же. — Л. 74.
[57] Там же. — Д. 700. — Л. 73.
[58] Там же. — Д. 699. — Л. 5—6.
[59] Там же. — Л. 72—73.
[60] Там же. — Ф. 71. — Оп. 10. — Д. 218. — Л. 35; Правда. — 1935. — 3 сент. В постановлении Политбюро ЦК ВКП (б) от 31 августа 1935 г. говорилось: «а) одобрить предложение тт. Мануильского, Марти и Монмуссо об отправке тела Анри Барбюса в Париж, согласно просьбе его родственников и друзей, с предварительным набальзамированием тела.. <...> в) Вывоз тела А. Барбюса из Москвы назначить на 2 или 3 сентября. Разрешить военный почетный караул у гроба и военный эскорт гроба до вокзала. Организовать сопровождение гроба от Консерватории до вокзала рабочими и служащими. Организовать митинг на площади Белорусско-Балтийского вокзала с выступлением т. Булганина от комиссии по похоронам, т. Марти от Исполкома Коминтерна и компартии Франции и представителя Союза Советских писателей» (Власть и художественная интеллигенция... — С. 266—267).
[61] *Вайскопф М.* Писатель Сталин. — М., 2001. — С. 288.
[62] РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 699. — Л. 74—75.
[63] Там же. — Л. 22.
[64] Там же. — Л. 71.
[65] Там же. — Л. 72—73.
А.И. Стецкий (1896—1938) — зав. отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) в 1930—1938 гг.
[66] Там же. — Л. 78, 79.
[67] Там же. — Л. 80.
[68] Там же. — Л. 124—125.
[69] Там же. — Л. 126—127.
[70] Там же. — Л. 129.
[71] Подчеркнуто автором рецензии. — *Г.К.*
[72] Там же. — Л. 130.
[73] Там же. — Л. 131, 132.
[74] Там же. — Л. 132.
[75] Там же. — Л. 133. Подчеркнуто автором рецензии. — *Г.К.*
[76] Там же. — Л. 4, 5, 8, 12, 13, 15, 23, 53, 58, 118.
[77] Там же. — Л. 135.
[78] Там же.
[79] Вильгельм Георгиевич Кнорин (Кнориньш) (1890—1938) — член ЦК ВКП (б) в 1927—1937 гг., в 1928—1935 гг. член Исполкома, Политсекретариата, секретарь ИККИ, с 1935 г. зам. зав. отдела пропаганды и агитации ЦК, доктор исторических наук. Репрессирован, реабилитирован в 1955 г.
[80] *Волобуев О.В., Кулешов С.В.* Очищение. История и перестройка. — М., 1997. — С. 169.
[81] РГАСПИ. — Ф. 558. — Оп. 11. — Д. 700. — Л. 76—78. Полный перевод статьи Корде см. на л. 73—75.
[82] *Барбюс А.* Сталин. — Изд. 3-е. — М., 1936. — С. 271—272, 277.

Р.А. Киреева

О НЕОСУЩЕСТВЛЕННОМ ЗАМЫСЛЕ А.А. ЗИМИНА

Статья повествует о многолетней работе ученого над исследованием биографии и творческого наследия В.О. Ключевского. А.А. Зимин, основные вехи творчества которого были связаны с работой в Институте истории АН СССР, к сожалению, умер в расцвете сил, не успев в полной мере реализовать свои научные планы. Автор статьи на основе широкого круга источников, в том числе не изученных ранее документов личного архива Зимина, изучила научную деятельность ученого в последние годы жизни и реконструировала его наиболее значимые творческие замыслы, тем самым существенно обогатив наши знания о научном наследии выдающегося историка.
Ключевые слова: А.А. Зимин; историография; Институт истории АН СССР; В.О. Ключевский; «Русская Правда»; М.В. Нечкина; Н.М. Карамзин; «Вопросы истории»; «Звезда».

R.A. Kireeva
On a fulfilled plan of A.A. Zimin

The author examines a long-term work of A.A. Zimin on the study of scholar biography and creative heritage of V.O. Kluchevsky. A.A. Zimin, who was associated with the work of the Institute of History of the USSR, died in the prime of life and was unable to fully realize his research plans. The author based on a wide range of documents, including personal archive of Zimin, examines scientific activity of the last years of the historian's life and reconstructs his most significant creative ideas, thereby greatly enriched our knowledge of the scholar heritage of A.A. Zimin.
Keywords: A.A. Zimin; historiography; Institute of History of the USSR; V.O. Kluchevsky; "Russkaia Pravda"; M.V. Nechkina; N.M. Karamzin; "Voprosi istorii"; "Zvezda".

2015 г. — год двойного юбилея Александра Александровича Зимина — 95 лет со дня рождения и 35 лет со дня ухода из жизни. А.А. Зимин проработал в Институте истории АН СССР (ныне Институт российской истории РАН) почти 30 лет. Те, кому посчастливилось знать Александра Александровича лично, учиться у него или работать рядом с ним, с душевной теплотой вспоминали об этом большом ученом и светлом человеке. И я храню благодарную память об Александре Александровиче — он открыл для меня В.О. Ключевского и приобщил к изданию рукописного наследия великого историка.

В данной статье я коснусь лишь одного «частного» случая из научной жизни А.А. Зимина. Речь пойдет о его неосуществленном замысле написать крупное исследование о В.О. Ключевском. Осно-

выватьcя буду, главным образом, на документальных материалах, хранящихся в домашнем архиве ученого, за ознакомление с которыми благодарю Валентину Григорьевну Зимину, и частично у меня, а также на личных воспоминаниях.

А.А. Зимина я знала со студенческих лет: была в его семинаре по изучению «Русской Правды», сдавала ему экзамен, а позднее, уже в Институте истории АН СССР, нам довелось работать над «Очерками истории исторической науки в СССР» (на разных уровнях, конечно). Александр Александрович был автором, внутренним рецензентом ряда текстов и издательским редактором первого и третьего томов «Очерков» (М., 1955, 1963), а я проводила научно-вспомогательную и организационную работу по томам. Тогда же А.А. Зимин привлек меня к первому изданию *Сочинений* В.О. Ключевского в восьми томах (М., 1956—1959). Он предложил мне подготовить не издававшиеся ранее специальные курсы Ключевского, и я подготовила три курса: по методологии и терминологии русской истории и лекции по русской историографии. К моему удивлению, «Методология» выпала из издания. С недоуменным вопросом обратилась я к Александру Александровичу, и он с лукавой усмешкой ответил: «А чья это методология? это не наша методология. На чью мельницу льет она воду? не на нашу мельницу». Вопрос был исчерпан... (Замечу, что курс «Методология русской истории» удалось опубликовать только через 30 лет, в 1989 г. в составе второго издания *Сочинений* В.О. Ключевского в девяти томах.)

Так началась наша совместная работа по изданию рукописного наследия В.О. Ключевского и длилась до конца жизни Александра Александровича. С тех пор я, увы, уже одна продолжаю это нелегкое дело. Не скрою, мне было приятно прочитать в воспоминаниях А.А. Зимина упоминание о нашей работе. Вот что он написал: «Особенно важны были копии материалов В.О. Ключевского, по которым нами с Раей Киреевой (ею в первую очередь) подготовлены четыре тома его неизданных трудов (из которых вышел лишь один)».

Сделаю необходимое пояснение. В 1968 г. вышла из печати подготовленная нами под редакцией М.В. Нечкиной книга «В.О. Ключевский. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории» (М.: Наука, 1968. 525 с.; 34 а. л.) Вслед за ней был сдан в издательство том «В.О. Ключевский. Неизданные курсы» (30 а. л.), куда вошли чтения по всеобщей истории, публичные лекции «Западное влияние в России после Петра» и специальный курс по методологии истории. Однако рукопись тома вскоре была возвращена для дополнительного рецензирования. Оказалось, что «Записки по всеобщей истории» «насторожили» редакцию немарксистской оценкой Великой французской революции вообще, и Марата с Робеспьером, в частности.

Опасались даже «осложнений» с Францией. Крупный специалист по истории Французской революции А.З. Манфред дал положительный отзыв об этом памятнике исторической мысли, отметив, что он имеет «несомненную научную ценность и привлечет внимание не только узкого круга специалистов». Несмотря на данный отзыв и «пробную» публикацию[1] фрагмента курса в двух номерах журнала «Новая и новейшая история», не вызвавшего никаких международных «осложнений», «Записки по всеобщей истории» В.О. Ключевского остались ненапечатанными... Лишь в 2012 г. удалось, наконец, опубликовать значительно пополненную новыми материалами книгу[2].

В течение 1971—1975 гг. нами были подготовлены еще два тома «В.О. Ключевский. Неизданные ранние курсы по русской истории» (30 а. л.) и «В.О. Ключевский. Неизданные сочинения. Литературные этюды» (40 а. л.). Но и эти публикации на последнем этапе работы были исключены из издательских планов. Таким образом, 100 авторских листов готовых к печати текстов В.О. Ключевского не увидели тогда своих читателей. Замечу попутно, что А.А. Зимин особенно ценил ранние курсы по русской истории, которые отражают исходный момент эволюции В.О. Ключевского как лектора, являются важной вехой в развитии его исторической концепции и открывают возможность проследить весь процесс создания прославленного «Курса русской истории». Только через 20 с лишком лет, в 1997 г. удалось опубликовать книгу «В.О. Ключевский. Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве, 1872—1875» (М.: ВЛАДОС, 1997. 815 с.; 49,98 а. л.), которая посвящена светлой памяти Александра Александровича Зимина.

Вернемся в 1970-е годы. Тогда нам все же удалось издать еще одну совместно подготовленную книгу «В.О. Ключевский. Неопубликованные произведения» (М.: Наука, 1983. 416 с.; 31,9 а. л.). Но она, к глубокому сожалению, вышла свет уже после кончины А.А. Зимина.

В 1970-х годах Александр Александрович передал мне копии своих статей о Ключевском, написанных им в 1947—1948 гг., черновики, рукописи и некоторые другие материалы. Этот комплекс материалов открыл предо мной глубоко драматическую историю о неосуществленном замысле А.А. Зимина написать докторскую диссертацию о Василии Осиповиче Ключевском. Так как я имела возможность достаточно подробно рассказать о масштабности замысла и чрезвычайной интенсивности начатой Зиминым работе[3], то теперь я лишь кратко остановлюсь на основных моментах этой печальной истории.

В 1946 г. Институт истории АН СССР купил у наследников В.О. Ключевского значительную и наиболее интересную часть ар-

хива ученого (ранее другая часть была приобретена Государственной библиотекой имени В.И. Ленина). Молодому тогда кандидату исторических наук А.А. Зимину поручили обработать новый фонд. Александр Александрович, оценив громадный интерес и научную ценность архива, сразу приступил к работе над докторской диссертацией. (В архиве Зимина сохранились материалы, которые освещают все этапы его предварительной работы над темой.) Параллельно Зимин разрабатывал подробный план публикаций «Архива В.О. Ключевского» в 10 томах.

Но начал он работу публикатора не с тематических томов, а со сборника статей, куда включил 29 неизданных статей Ключевского. К началу 1948 г. Зимин вынес подготовленный сборник на обсуждение. Сборник открывался предисловием Зимина «Новый материал о Ключевском» и завершался его примечаниями. В обсуждении приняли участие авторитетные ученые, в том числе ученики Ключевского (С.В. Бахрушин, С.К. Богоявленский, Н.М. Дружинин). В целом опытные ученые поддержали молодого коллегу. Они говорили, что введение в науку новых материалов Ключевского — событие в историографии, что долг историков — стимулировать исследования о Ключевском, что надо напечатать доклад Зимина и необходимо выделить средства для работы по изданию материалов Ключевского. Внимание докладчика было обращено и на то, что «поднять все сразу нельзя».

После обсуждения Зимин доработал рукопись: увеличил вводную статью на 16 машинописных страниц, написал новый текст «В.О. Ключевский о русской историографии: (обзор рукописных материалов)». Подготовленный сборник был представлен в дирекцию (или Ученому совету) на предмет рекомендации его к печати. Казалось бы, все было благополучно.

Между тем заместитель директора Института истории В.И. Шунков послал сборник на дополнительное рецензирование. Полученный отзыв резко расходился с мнением ученых. Но и там признавалось, что материал сборника «действительно интересен и заслуживает быть напечатанным. Но напечатание его едва ли возможно без серьезного изучения». Приведу несколько фрагментов из этого документа. «Статья тов. Зимина, на мой взгляд, совершенно не удовлетворяет требованиям, которые предъявляются к критическим вводным статьям»; «в оценке взглядов Ключевского на науку и политическую жизнь страны — автор стоит на уровне 19 века»; «как политические взгляды русского либерала определяли ошибочные взгляды научной концепции Ключевского, — автор не ответил. Вообще слово либерал — либеральный автор старательно обходит и рисует какой-то сусальный тип Ключевского». Рецензент утверж-

дал, что «в общем написанное т. Зиминым не годится и методологически, и политически. Из его статьи надо сделать фактическую справку о том, что сохранилось из архива Ключевского, без всяких попыток нарисовать образ Ключевского, или определить его место в науке. Это должны сделать другие».

Затем автор отзыва назвал некоторые материалы, которые с его точки зрения «нельзя давать». Это работы — «О племенном составе восточных славян»; о полемике с Д.И. Иловайским по норманнскому вопросу; очерки по русской историографии и статья о 19 февраля 1861 г., так как «это настоящая либеральная концепция на реформу и русскую историю» и «выдавать эту статью Ключевского за настоящую науку — после статей Ленина — смешно». «В таком же свете выглядит статья о Грановском». Отсюда следовал вывод: «печатать в таком виде статьи Ключевского нельзя. Их надо поделить среди специалистов», которые составят примечания, «дав наше, современное отношение к ним». «2. Составить редакцию Сборника, не откажусь войти в нее и я. 3. написать вводную статью к данным работам Ключевского. 4. Дать статью Зимина о наследстве — в целом — фактического, справочного порядка». Далее стоит подпись и дата: «А. Сидоров. 18 июня 1948 г.» (Сидоров А.Л. был проректором МГУ в 1948—1952 гг.).

Фактически этим отзывом А.А. Зимин отстранялся от своей работы. То было первое, но, увы, не последнее *veto* в научной жизни А.А. Зимина.

Напомню, что в 1940-х годах, после выхода постановлений ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», «О репертуаре драматических театров и мерах его улучшение», «О кинофильме “Большая жизнь”» обстановка на «идеологическом фронте» нагнеталась. Наступило время «борьбы с космополитизмом», «низкопоклонством», с «буржуазным объективизмом». Во всех учреждениях и организациях выискивались и обсуждались «ошибки», в которых надлежало каяться. В области исторической науки мишенью для нападок стала «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна (М., 1941). В прессе подверглись резкой критике и работы о дореволюционных историках, например, статьи А.И. Яковлева[4] о В.О. Ключевском и А.И. Андреева[5] о С.М. Соловьеве. Считалось, что работы о «буржуазных» историках «принижали» марксистскую историческую науку перед наукой «буржуазной». Авторы статей обвинялись в «буржуазном объективизме», академизме и прочих «грехах». Так, в 1949 г. В.Т. Пашуто на страницах журнала «Вопросы истории» (№ 8) подверг сокрушительной критике статью лауреата Сталинской премии, члена-корреспондента АН СССР А.И. Яковлева о Ключевском. Статья квалифицировалась как «панегирик Ключевскому», автор статьи осуждался автором ре-

цензии за восторженную популяризацию трудов Ключевского, за игнорирование всех выводов марксизма. Не спасли Яковлева и его попытка «подтянуть» Ключевского к современности и пышная заключительная фраза о том, что революционные силы «успели уже в предреволюционную эпоху, когда жил Ключевский, найти своих великих вождей, Ленина и Сталина, ныне ставших мировыми символами обновленной жизни всего человечества».

Словом, заниматься историографией стало опасно, и изучение истории исторической науки замерло. Много лет спустя, вспоминая те годы, А.А. Зимин написал: «Наступил 1948 г. и стало ясно, что буржуазным историком во время борьбы с космополитизмом и объективизмом заниматься было невозможно». В такой обстановке он вынужден был отказаться от своей темы. К тому же с 1949 г. А.Л. Сидоров стал заместителем директора, а с 1953 по 1959 г. директором Института истории АН СССР.

Если бы осуществился замысел Зимина, наука имела бы ценный обобщающий труд о великом историке России, написанный человеком, профессионально занимавшимся многими проблемами, что и Ключевский. На десятилетия был задержан ввод в науку ценнейших архивных материалов. А что касается лично Зимина, то он стал бы доктором наук не в 1959 г., а на 7—8 лет раньше.

А.А. Зимин хотел вернуться к любимой теме и написать книгу о Василии Осиповиче Ключевского (об это я говорю, как свидетель). Но Александру Александровичу так и не удалось осуществить свой замысел — не хватило жизни...

И все-таки Александр Александрович сумел много сделать для изучения и пропаганды творчества Ключевского. Он опубликовал две статьи, в которых сказал новое слово, и выводы его восприняты наукой[6]. Ведущей была роль Зимина в издании *Сочинений* Ключевского в восьми томах (М., 1956—1959), где привлечен значительный комплекс архивных материалов (до того при печатании трудов Ключевского его рукописи не привлекались, пометы не раскрывались, не восстанавливался научно-справочный аппарат). Помимо того Зимина отличала поразительная научная щедрость. Он приобщал молодежь к изучению тогда еще неизвестных сторон творчества Ключевского в области русской историографии (Р.А. Киреева), источниковедения (Э.Г. Чумаченко); он широко предоставлял собранные им материалы исследователям творчества Ключевского (Л.В. Черепнину, М.В. Нечкиной, А.В. Гулыге и др.).

Много лет спустя вновь перебирая «мои зиминские материалы», мне вдруг стало очевидно, что у Александра Александровича была, по крайней мере, еще одна тема, которую ему не пришлось завер-

шить. Эта история исторической науки России, куда, естественно, органически входит тема «В.О. Ключевский».

Историографические размышления Зимина рассыпаны по его книгам, статьям, рукописям. Его волновала проблема сохранения памяти о тех, кто осмысливал ход истории. «Получается страшная картина, — писал он. —История все время пишется заново. О предшествующих поколениях историков предпочитают забывать. О них вскользь упоминается в историографических введениях, где сообщается, что тот-то “не понял”, “не сумел” и т.п.». Зимин хотел бы внушить будущим историкам понимание того, что их предшественники уже многое постигли до них. И свои работы он рассматривал как «звено в цепи усилий многих поколений <...> ученых, не жалевших сил в исследовании российской истории».

Среди историографических статей, набросков, обозрений Зимина особое место занимают рукописные «Заметки о русской историографии». Этот сжатый, насыщенный текст отразил в себе удивительно смелый, оригинальный и очень интересный, подчас иронически-критический взгляд как на общее развитие исторической науки, так и на деятельность отдельных историков. Затрагивал он и методологические вопросы, например, определение истории исторической науки («это история накопления знаний, совершенствование методики и развития общих взглядов»), периодизация, отношение к источнику, методы исследования.

В одной статье невозможно подробно ознакомить с содержанием рукописи. Поэтому я вынуждена выборочно остановиться лишь на некоторых моментах общего свойства. Интереснейшие же характеристики отдельных историков придется опустить.

Зимин писал, что в Средние века и в России, и европейских странах история, как наука, была разновидностью познания Воли Божьей (Библия — была историей человеческой), то есть *делом богоугодным,* интерпретировать ее могли только люди духовные. В конце XV — XVII в. наступил переходный период. Во время господства теократического самодержавия написание истории становилось *делом государственным,* но монах еще был выразителем Божьей воли. В XVIII в. история стала занятием государственным, теряя свою религиозную основу и приобретая рационалистическую. Только в XIX в. историческая наука стала *делом человеческим,* неокрашенным еще школами и схемами, которые Зимин назвал «призраками». Он считал, что «в дальнейшем ученые пробавлялись мешаниной из трех ипостасей исторической науки».

Историю, как науку, по мнению Зимина, губило отсутствие бескорыстия в познании прошлого. «Она вечно кого-то обслуживала».

В XIX в. добавилось и еще одно бедствие: «считалось неприличным говорить о моральной (религиозной) основе истории — наука, в представлении господ ученых, должна быть только рациональной — добру и злу внимать равнодушно. Поэтому исчез суд историка над прошлым. Истории стали учиться у писателей, а не у записных историков».

В отличие от многих известных оценок карамзинской «Истории государства Российского» Зимин видел значение Карамзина не в ученейших примечаниях, не в «изящной простоте» изложения, а в нравственной оценке прошлого. Карамзин, писал он, понял долг историка быть судьей героев прошлого, «ибо описывая деяния “России старой”, он все время думал о совершенствовании “России новой”». «Тогу отстраненности, наукообразности, объективности накинули на себя его преемники», чем, по мнению Зимина, «и погубили историю, как науку. Они забыли, что история — наука о людях, а не камнях, не о малюсках. А суть человека — его духовное, нравственное начало. Именно его-то и забыли позднейшие историки. Они стали руководствоваться идеей “прогресса”, накопления материальных благ и могущества государства, как основных условиях его утверждения».

20—30-е годы XIX в. Зимин называл временем, когда история становилась из государственного поручения или барского развлечения *делом профессиональным*. Историки не просто выполняли свой долг перед отечеством, а служили, получали от своих занятий средства для существования. Это накладывало на казенную историографию особый отпечаток, превращало многих из историков в обыкновенных чиновников из присутственных мест. Только университеты оставались очагами самостоятельной мысли.

«И вот настал век схем, — продолжал Александр Александрович. — В угоду построениям приносилось в жертву всё. Самые малейшие признаки свободы объявлялись сторонниками государственного торжества злом, а насилие добром. <...> Схемы вступали в разительные противоречия с плотью истории. Недаром у Соловьева они излагались во введениях, статьях и проч., а конкретная история была лишена их и превращалась в сумму фактов».

Из вышесказанного видно, что приоритетным для Зимина были — духовное видение истории и нравственная оценка прошлого. Отсюда проистекал долг историка быть судьей. Эта позиция Зимина нашла выражение в его историографическом очерке «Н.М. Карамзин, Н.А. Полевой и В.О. Ключевский о времени Василия Темного» и в других заметках.

Итак, резюме Зимина: «В старой науке только два ученых оказали более или менее заметное влияние на развитие исторических представлений не только современников, но и последующих поколений

русской интеллигенции. Это — Н.М. Карамзин и В.О. Ключевский. Речь идет, конечно, не о “школах” и “направлениях”, которых в отечественной науке было предостаточно. В трудах историков искали ответа на традиционные вопросы русской совести — что хорошо и что плохо было в Прошлом, чтобы отчетливее представить себе пути движения в Будущее. Сила воздействия на русскую совесть читателей у Карамзина и Ключевского определялась не какими-либо схемами, а тем, что, синтезируя представления своих предшественников, они размышляли о судьбах живого человека. Познание прошлого поэтому включало суд совести историка, нравственную оценку прошедших столетий».

Много еще интереснейших размышлений Зимина остались не упомянутыми мной. Но, думаю, и этого достаточно, чтобы признать А.А. Зимина не только замечательным историком, источниковедом, но и историком науки, то есть Историографом.

В заключение приведу стихотворение А.А. Зимина, написанное в 1977 г.

В.О. КЛЮЧЕВСКИЙ

Вот он стоит, сощурившись сурово,
Лукавый старец в черном сюртуке.
А перед ним, страстей вкусивший новых,
Бушует зал в туманном далеке.

Как слезы сердца, парадоксов зерна.
Сейчас понять его — не их удел.
Он был судьею, сеятель упорный,
И быть иным Ключевский не умел.

Другие мысли... Времена иные...
Вновь дым борьбы и суета сует.
А он, скорбя печалями России,
Один провидел, что исхода нет.

Конец уж близко. Он вот-вот настанет.
Девятым валом захлестнет страну.
И гром небесный надо всеми грянет,
И Русь, как Китеж-град, пойдет ко дну.

Такого прямого предсказания у Ключевского нет, хотя у него были тяжелые предчувствия и провидения и о судьбе России, и о судьбах человечества XX в. Но так понимал В.О. Ключевского и образно трактовал Александр Александрович Зимин, и это — его право.

[1] См.: *Ключевский В.О.* Записки по всеобщей истории: из лекций, читанных в Александровском военном училище в 1871/72 и 1872/73 учебных годах / [публ. подгот. А.А. Зимин, Р.А. Киреева] // Новая и новейшая история. — 1969. — № 5. — С. 116—121; № 6. — С. 92—102.

[2] *Его же.* Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России. — М.: Рус. панорама, 2012. — 503 с.

[3] См., например: *Киреева Р.А.* : 1) Из истории советской исторической науки конца 1940-х годов: первое veto в научной жизни А.А. Зимина // Россия в XX веке. Судьбы исторической жизни. — М., 1996. — С. 487—495 ; 2) О неосуществленном замысле А.А. Зимина // Историки в России: между прошлым и будущим: статьи и воспоминания. — М., 2012. — С. 457—463.

[4] *Яковлев А.И.* В.О. Ключевский (1861—1911) // Записки / Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Мордовск. АССР. — Саранск, 1946. — Вып. 6.

[5] *Андреев А.И.* Работа С.М. Соловьева над «Историей России» // Труды / Московский государственный историко-архивный институт. — 1947. — Т. 3. — С. 316.

[6] *Зимин А.А* . : 1) Архив В.О. Ключевского // Записки отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В.И. Ленина. — М., 1951. — Вып. 12.— С. 76—86 ; 2) Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского в 60-е годы XIX в. // Исторические записки. — М., 1961. — [Т.] 69. — С. 178—196.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ СССР И РОССИИ

Д.А. Аманжолова (Киселева)

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СОВЕТСКОГО НАРОДА: ПОЛИТИКА И ЭТНИЧНОСТЬ

В статье анализируется, как взаимодействие политики и этничности влияло на формирование поликультурной гражданской общности — советский народ. Этот процесс рассматривается на примере реализации основных направлений советской национальной политики. Показана трансформация концепта «советский народ».
Ключевые слова: политика; этничность; советская национальная политика; советский народ.

D.A. Amanzholova (Kiseleva)
On the Formation of the Soviet people (Policy and Ethnicity)

The article is analyzed as the interaction of politics and ethnicity had an influence on the formation of multicultural civic community — the Soviet people. This process is considered on the example of realization of the main directions of the Soviet national policy. Shows the transformation of the concept like the "the Soviet people".
Key words: Policy; Ethnicity; Soviet national policy; Soviet people.

Дискуссии по поводу реалистичности и реализованности проекта полиэтничной общности «советский народ» концентрируются главным образом вокруг обстоятельств и причин появления идеологического конструкта «советский народ», изменений в его интерпретации и соотношения с исторической действительностью.

Учитывая сложность и многогранность проблемы, стоит выделить наиболее важные аспекты того, как формировалось гражданская социально-культурная целостность в СССР, получившая определение «советский народ».

В истории складывания этой целостности пересекаются два основополагающих принципа — территориальной целостности государства и самоопределения народов. Взятие власти поставило перед большевиками задачу обеспечить социально-политическую консо-

лидацию общества на основе не просто лояльности новой политической системе, но и идентификации с ней. Советы, несмотря на их изначальный демократизм, вскоре стали подсобным инструментом в управлении и преобразованиях, однако именно они превратились и в символ новой идентичности, которая должна была объединить людей труда, причем этническая принадлежность в ней как будто отсутствовала. Это вполне соответствовало утверждению о неравенстве людей как следствии частной собственности и связанного с ней деления на классы. Принадлежность к советской общности как особой социальной ценности талантливо пропагандировал В. Маяковский «по итогам» поездки в США в стихотворении «Бродвей» (1925 г.):

Я в восторге от Нью-Йорка города.
Но кепчонку не сдеру с виска.
У советских собственная гордость:
На буржуев смотрим свысока.

Солидарность рабочих и крестьян в советах представлялась способной преодолеть все другие культурные барьеры между ними, в том числе этноконфессиональные. Между тем практически сразу обнаружилось, что именно этничность, политизированная революцией и отягощенная эксцессами гражданской войны, требует гораздо более пристального внимания и особых инструментов управления. Декларации народного характера советов и классового единства трудящихся независимо от национальности было недостаточно.

Прежде всего необходимо обратить внимание на те исходные условия в межэтнических отношениях и развитии самих народов, в которых началась реализация новой национальной политики пришедшими к власти большевиками, т.н. «стартовый капитал», полученный ими в конце 1917 г. Среди основных факторов имевшегося наследия, серьезно влиявших на взаимосвязь политики и этничности, стоит отметить:

— Многовековой опыт сожительства и взаимодействия большинства народов (1897 г. — 146 языков и наречий). Сложился уникальный опыт взаимной адаптации, обмена навыками хозяйственной деятельности, социальной организации, освоения «кормящего ландшафта». Культуртрегерская миссия русского народа сочеталась с его способностью учиться у других народов и уживаться с ними. Первая мировая война обнажила наличие такого уровня межэтнической интеграции россиян, который обеспечил в начальный период патриотические настроения и действия разных этносоциальных групп.

— Различия в уровне интеграции в общероссийское пространство в связи с разной продолжительностью пребывания в составе империи и собственной истории государственности.

— Неравномерность социально-экономических показателей развития национальных регионов.

— Большие разрывы в уровне образования и особенности культуры народов, в том числе политико-правовой.

— Различия в характере внутриэтнических процессов и этносоциальной модерности народов России, в численности и политической институционализации этноэлит, в том числе интеллигенции.

— Приоритетность конфессиональной, локально-территориальной и сословной самоидентификации граждан страны. При этом культурная сложность личности динамично развивалась, когда в разных обстоятельствах и в те или иные периоды разные критерии самоидентификации и социальной солидарности выходили на первое место.

— Наследие межэтнических конфликтов (армяно-азербайджанский, восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане, казачество — горцы, кержаки — горные алтайцы, антисемитские и антинемецкие погромы и др.) и революционных событий 1917—1920 гг.

Как известно, большевики взяли за основу принципы подчинения национального вопроса классовому, интернациональной солидарности рабочих и крестьян, самоопределения и равенства народов, которые должны были не только обеспечить укрепление власти на местах, но и содействовать реализации социалистического проекта. О межкультурной интеграции в некую новую «нацию» речь тогда не шла.

В соответствии с этим национальная политика проводилась по следующим направлениям: 1) политизация этничности и этническое картографирование, 2) социально-экономическое развитие и спонсирование национальностей для их всесторонней модернизации, 3) большевизация бюрократии и «коренизация», 4) идеология, пропаганда, образование и культпросвет как инструменты прогресса народов и межкультурной интеграции. Все эти меры как будто противоречили советизации на основе классовой идентификации, возвышали этничность и выделяли ее.

Так, политизация этничности, связанная с самоопределением народов, привела к масштабной реорганизации всего административно-территориального устройства страны (1928 г. — создание районов вместо волостей, начало 1930-х годов — округов вместо областей и т.д.). Конструирование этнополитического ландшафта СССР не закончилось созданием союзных республик, автономных республик,

областей и округов. Этнический компонент внедрялся в сознание и идентичность людей вплоть до микроуровня — национальных районов и сельских советов. В 1933 г. в СССР было 250 национальных районов и 5300 сельсоветов.

Но наряду с укрупнением и разукрупнением территорий, этническое картографирование оказалось достаточно сложным и имело неоднозначные последствия. С одной стороны, постепенно складывались национально-государственные образования разного уровня, которые обусловили «матрешечный» каркас федеральной организации страны. Этнополитические границы были условием институционализации и советизации притязаний национальных элит и движений на политическое самоопределение, а также проведения всевозможных мероприятий и проектов по достижению фактического равенства народов в экономическом, социальном, культурном отношении.

С другой стороны, оказалось крайне затруднительно выделить как моноэтничные территории (в частности, споры по поводу границ среднеазиатских республик и Ташкента, а также показательная судьба столиц Казахстана), так и региональные «федералистские» объединения (яркий пример — Горская АССР), обеспечить управленческие структуры подготовленными представителями титульных этносов и т.д. Глава Отдела национальностей ВЦИК С.Д. Асфендиаров в 1925 г. заметил: «С экономической точки зрения размежевание Средне-Азиатской Республики дало мало положительных результатов. ...Экономическое и торговое тяготение к отдельным центрам не было достаточно учтено»[1].

Сама категоризация и дифференциация этносообществ вызывала затруднения, что сказывалось на качестве управления и решении конкретных социальных задач. Этнизация органов самоуправления порождала своеобразные коллизии: пытаясь точно следовать директивам центра, местные руководители искусственно распределяли те или иные этнические группы по разным советам, даже если они проживали вдали от назначенных и в непосредственной близости от других, но уже имевших «прикрепленные» меньшинства. Это давало столь необходимую для отчетов динамику роста, но почти не учитывало сложившееся «лоскутное» территориальное размещение и связанные с этим многочисленные взаимосвязи людей[2].

Кроме того, управление и согласование полномочий, предметов ведения и уровней взаимодействия значительно усложнялось. В отчете правительства России «Государственное оформление РСФСР» за 1924—1926 гг. отмечалось: «при определении границ не могли быть полностью учтены все национальные и экономические моменты». Председатель Госплана СССР Г.М. Кржижановский писал в ЦК пар-

тии (29 декабря 1927 г.): «Чем больше число управляемых единиц, чем разнообразнее они по предметам ведения и объему территории, чем сложнее передаточная цепь управления, тем менее эффективно управление, тем большая затрата сил и меньший полезный результат». А.С. Енукидзе 31 января 1928 г.: единообразие в районировании сразу же упрощает управление[3]. Стоит добавить, что сложности были связаны еще и с введением делопроизводства на национальных языках.

В.М. Молотов в январе 1926 г. рекомендовал руководителям тюрко-татарских парторганизаций: «...нужно идти не по национальной линии, а по экономической, по линии защиты экономических интересов, как трудящихся... К партийному руководству нужно привлекать не левых, а лучших. Нужно потребовать, чтобы люди знали язык, работая там, иначе ничего не получится». К тому же, он признал: «...Создали совет национальностей, который ничего не делает. Это орган на $^{9}/_{10}$ русский. ...ничто, конечно, не оживит межнациональные органы. Они национальные вопросы не решают, партийные вопросы не решают, но массовые административные вопросы пусть националы решают. Ведь все-таки они остаются директивой ЦК? Без ЦК воспитывать будет, правда, трудно...»[4].

Став символом национального равенства и справедливости, национально-государственные образования служили средством во многом искусственной политизации этничности и воплощения мечты рывком преодолеть цивилизационный рубеж. В «ловушку национальной государственности» (термин С.В. Кулешова) попали и большевики, и националы.

Формы политического самоопределения народов СССР в определенной степени содействовали институционализации этнических общностей, давая импульс форсированной перестройке этносоциальных структур и отношений, обновлению и интеграции национальных политических элит в общесоюзную систему устройства власти. Но заданная центром иерархия этнических территорий и их регламентация отнюдь не означали подчинение пересекающихся и пластичных социально-культурных пространств жизнедеятельности народов заданному из центра формату. Одним из важных факторов, повлиявших на межэтнические отношения и роль этнических компонентов в самосознании граждан, был постоянный рост кросс-культурных контактов, в том числе вследствие во многом искусственного характера границ национально-государственных образований. Доля «нетитульных» этносов в их пределах динамично менялась[5]. Выбор между «национальной» и общегосударственной структурой (судебные камеры, уполномоченные по делам нацменьшинств, сельсоветы, культурные учреждения и т.п.) на индивиду-

альном уровне осуществлялся по прагматическим соображениям — реальному влиянию той или иной инстанции на решение дела, возможности использовать неформальные связи и т.п.

В конце 1930-х годов в паспорте была введена графа «национальность» и проведена перепись населения, основанная на новых подходах. Число национальностей с учетом ускоренной аккультурации и стремления к искусственно упорядоченной структуре сократилось до 120[6]. Иерархия народов по Сталину (нации, национальные группы и народности) была увязана с административно-территориальной организацией СССР и отражала нацеленность власти на ясность и недвусмысленность управляемой и стабильной общественной структуры, включавшей не только классы трудящихся и интеллигентскую прослойку, но и отчетливо выраженные этнокультурные критерии. В то же время исторически сложившаяся этнокультурная мозаика диктовала свои особенности.

Решению конкретных повседневных задач национального развития мешала громоздкая бюрократическая схема соподчинения ведомств и организаций. Роспуск Наркомнаца в конце 1923 г. знаменовал новый этап, когда национальная политика полностью перешла в ведение партии как составная часть ее общей работы. Прежде всего она заключалась в реализации решений XII съезда РКП (б) и дальнейшей интеграции регионов и национальностей в недавно образованном СССР. Это, в частности, учреждение второй палаты ЦИК СССР — Совета национальностей и организация союзных наркоматов, а также вовлечение трудящихся национальных окраин в партийное и советское строительство, решение задач их хозяйственного, культурного развития, идейно-политическое и кадровое обеспечение политики партии на местах.

По Конституции 1977 г. в Совете национальностей Верховного совета СССР союзные республики представляли 32 депутата, автономные — 11, АО — 5, национальные округа — 1. Впервые в его состав включались и русских депутаты от республик, автономных областей и округов, то есть русские входили в обе палаты Верховного совета.

По мере развития и укрепления государства общая линия на унификацию административно-территориального устройства страны и гомогенизацию социальной жизни при объективно огромном этнокультурном разнообразии населения СССР должна была привести к необходимости отказа от этнического принципа территориальной и управленческой организации регионов.

Следующее направление национальной политики было связано с тем, что объективная потребность в целостности страны понуждала укреплять сложившиеся и развивать новые хозяйственные свя-

зи, транспортные коммуникации. В единый народнохозяйственный комплекс СССР в 1982 г. входило более 400 отраслей экономики, 300 из них — в РСФСР, 200 — на Украине, 100 — в Узбекистане и т.д. В Грузию производились поставки от 100 отраслей экономики всех союзных республик, она же давала продукцию от 82 своих отраслей. Молдавия получала межреспубликанскую продукцию от 93 отраслей из 14 республик и отправляла в другие республики от 72 отраслей. Минский тракторный завод получал комплектующие изделия более чем от 1000 предприятий из других республик. Заказы КАМАЗа обеспечивали 1,5 тыс. предприятий СССР[7].

Техническая взаимопомощь и сотрудничество усиливали межкультурную интеграцию специалистов — представителей разных республик и национальностей[8]. Одновременно происходил рост мультикультурности регионов и смешанных браков (1959 г. — 10,2%, 1979 г. — 14,9, 1989 г. — 17,5%)[9]. Удельный вес смешанных браков был различным в разных республиках, но его увеличение было повсеместным, что показывают данные следующей таблицы.

Доля этнически смешанных семей (на 1000 семей, %)*

Регион	1959 г.	1979 г.
СССР	10,2	14,9
РСФСР	8,3	12
Украинская ССР	15	21,9
Белорусская ССР	11	20,1
Узбекская ССР	8,2	10,5
Казахская ССР	14,4	21,5
Грузинская ССР	9	10,4
Азербайджанская ССР	7,1	7,6
Литовская ССР	5,9	11,3
Молдавская ССР	13,5	21
Латвийская ССР	15,8	24,2
Киргизская ССР	12,3	15,5
Таджикская ССР	9,4	13
Армянская ССР	3,2	4
Туркменская ССР	8,5	12,3
Эстонская ССР	10	15,8

* Составлено по: *Уманский Л.А., Шаболдин С.С.* Годы труда и побед, 1917—1987: попул. справочник. — М.: Политиздат, 1987. — С. 291.

Готовность многих людей селиться и жить на территории других республик вместе с представителями других народов, активные миграционные процессы укрепляли навыки позитивного взаимодействия в учебных заведениях, трудовых коллективах, армии. Важную роль играло владение русским языком представителей других национальностей: 1970 г. — 48,7%, 1989 г. — 81,9%. В 1979 г. 16,3 млн. представителей разных народов назвали родным русский язык, 61,3 млн. одинаково свободно владели родным и русским языком[10]. В целом рост вертикальной и горизонтальной мобильности, наряду с господством общекультурных практик, усиливали межэтническое взаимодействие.

Социально-экономическая модернизация национальных регионов обусловила изменение внутриэтнической социальной структуры. У многих народов впервые появились многочисленные кадры квалифицированных рабочих, научно-технической и гуманитарной интеллигенции. Внутриэтнические социальные взаимосвязи между этими группами существенно отличались от традиционных, так как опирались на иные маркеры престижности и мобильности. Происходило формирование новой внутриэтнической иерархии, обусловленной доминированием бюрократических критериев социальной организации.

Прежние ценностные ориентиры культивировались в семейной, бытовой сферах и межличностных отношениях, но и здесь новая иерархия общественных отношений оказывала влияние: происходило определенное расслоение на группы, конъюнктурно объединявшие влиятельных в советской системе и отторгавшие от себя «неудачников». Последние, в свою очередь, консолидировались на основе взаимопомощи и в большей степени сохраняли приверженность традициям.

Историческое наследие и традиционные этнокультурные отношения существенно влияли на соотношение уровня развития аграрного и промышленного секторов в каждой республике (выделяются четыре группы республик с разными моделями: Прибалтика; Россия, Украина и Белоруссия; Закавказье и Молдавия; Казахстан и Средняя Азия). В хозяйственный механизм встраивались устойчивые навыки организации труда в этносообществах, традиционные правила неформального социального контроля, межпоколенческих и гендерных отношений, статусной иерархии и т.д. Иные этносоциальные группы оставались вне этих внутриэтнических связей, что вносило определенную напряженность в межнациональные отношения. К тому же включенность представителей титульных этносов в процесс индустриализации и в состав высококвалифицированных научно-технических кадров была неравномерной и явно недостаточной.

Интернационализация при централизации государственного устройства и унификации в 1960—1980-е годы не остановили раз-

витие этнического самосознания. Более того, именно многолетние вложения государства в развитие экономики и культуры всех народов привели к формированию нового качества национальной интеллигенции, которая обрела потребность и возможность влиять на настроения своих сограждан («соплеменников»), пробуждая познавательный интерес и повышенную эмоциональную чувствительность к утраченной этнической самобытности, особенно через язык и национальную литературу. Для власти же ревитализация этих ценностей была прямо связана с угрозой национализма. В итоге недовольство политикой унификации в массовом сознании сплеталось с представлениями о растущей русификации.

Особое значение имели формирование и эволюция этнобюрократии. Реальные рычаги власти национальные элиты получали в ходе образования автономий, а отношения с Центром и упрочение позиций на местах стали доминантой государственного строительства и сопровождались глубокими трансформациями собственно этнической жизни. Объективные противоречия и борьба между политическими целями центральной власти и наличным механизмом их реализации пронизывали всю историю становления национальных структур управления и самоуправления[11].

В 1920-е годы назначенцы из Москвы и партийное руководство стремилось анализировать и учитывать внутриэтнические социально-культурные особенности, особенно в составе партийного и советского национального руководства. В этом направлении представителей центра подталкивала привлекавшаяся тогда во власть старая интеллигенция, которая стремилась разъяснить специфику национальных культур в хозяйственной деятельности, праве, социальных связях и пр.

Укрепление позиций местных элит определялось их значением в конструировании «позитивной этничности» в регионах, которая выражалась в поддержке власти при сохранении собственной культуры и местных традиций[12]. Рост удельного веса «националов»-выдвиженцев в парторганизациях, советских учреждениях, учебных заведениях, подготовка квалифицированных кадров для промышленности и сельского хозяйства, науки и культуры наряду с репрессиями и вытеснением дореволюционной интеллигенции создавали новое качество этой важной части этнических общностей. Но этнобюрократия активно использовала дисциплину обычного права (делегирование полномочий по представительству и защите интересов по традиционной социальной иерархии), партийную борьбу против оппозиций во внутриэтническом соперничестве, обеспечивала этносоциальную перекодировку символов и атрибутов власти, форм и инструментов управления.

Новообращенным в коммунизм националам — управленцам приходилось решать множество сложных и острых задач социально-экономического, политико-правового и культурного характера. Маргинальные группы выдвиженцев «из народа» консолидировались в бюрократическое сословие, крепко связанное зависимостью от вышестоящих чиновников и структур, скороспелым и поверхностным образованием, стремлением сохранить и приумножить социальные привилегии, прилагавшиеся к должности, страхом и незащищенностью перед возможным в любой момент падением с достигнутой ступени в иерархии созданного советским государством острова престижного потребления в океан бесправия и полуголодной жизни. Многие ответработники в силу острого дефицита кадров совмещали несколько должностей, что во многом объясняло низкое качество управления и перманентные срывы в работе, слабую организацию, давая бесконечные поводы к обвинениям в различных прегрешениях.

В обучении партийно-советской бюрократии и управленцев в целом для республик и автономий основное внимание уделялось идеологической подготовке. Этносоциальная специфика в программах обучения чиновников трактовалась как неотъемлемая часть учения о классовой борьбе и позже в рамках принятого тезиса о том, что национальный вопрос успешно решен. Сформировавшиеся в рамках советской системы поколения чиновников-националов считались свободными от тех этнокультурных компонентов, которые должны были остаться в досоциалистическом прошлом, а подготовка т.н. кросскультурному менеджменту в таких условиях не требовалась.

По переписи 1939 г. например, на Украине украинцев в аппарате было более половины всех высших административных работников, в Грузии грузины среди руководителей учреждений составляли 68,7%, а в Армении армяне — 93,5%. При этом управленческий аппарат был многонациональным. В той же Грузии среди управленческих кадров кроме грузин и русских было немало армян, а в Армении были представлены тюрки. В Узбекистане среди руководителей госучреждений узбеки насчитывали 37%, а среди высшего юридического персонала — 33%; русских, украинцев в аппарате было 53,4%, а среди юристов — 59,7%, кроме того, 6% работников аппарата составляли таджики, а среди юристов их было 5,1%. В Казахстане казахов среди руководящих кадров госучреждений было 22,4%, а среди высшего юридического — 33,6%, русских было в аппарате 54,4%, среди юристов — 44,4%; украинцев — 10,1% и 9,8% соответственно. Таким образом, административный аппарат в его высшем звене сразу складывался как многонациональный. То же надо сказать и о высшем корпусе юристов[13].

Контроль за этническим балансом в руководстве национальных регионов в 1960—1980-е годы был одним из важных элементов набора установок для ежедневного функционирования советского общества. Включение в центральные органы власти, прежде всего в ЦК КПСС, представителей республик обеспечивало «институциональный плюрализм», когда первые секретари ЦК компартий республик становились посредниками между высшей властью и массами. При этом численное преобладание русских в высшем руководстве СССР не означало усиления внимания к русской этничности, поскольку для самого руководства решающим критерием самоидентификации была советское, а не этническое начало.

Вместе с тем, этносоциологи констатировали сокращение доли русских во всех республиках во второй половине XX в., в отличие от их роста в период с 1926 по 1939 г., с увеличением доли коренного населения. Отмечается и снижение численности русских в целом (1970 г. — 52,4%, 1989 г. — 50,8%). Кроме того, принципиальным был рост доли занятых умственным трудом: в 1959 г. только четыре народа имели равную с русскими долю, в 1979 г. в шести из 15 титульных этносов союзных республик доля занятых умственным трудом сравнялась с русскими (эстонцы, грузины, армяне, латыши, казахи); к ним приближались литовцы, украинцы, белорусы[14]. Производственная интеллигенция стала самой многочисленной у большинства народов союзных республик, вместе с научной и гуманитарной она формировала мораль и нравственность, умонастроения народа. В партийно-государственном аппарате республик участие русских снижалось, особенно в Закавказье и Прибалтике. Как пишет Л.М. Дробижева, «чем больше накапливался социальный потенциал у национальностей, тем шире становились круги интеллигенции, разнообразнее ее профессиональный состав, более высокими социальные и политические запросы»[15].

Вторая эпоха коренизации, происходившей в этот период, реализовалась в рамках негласного соглашения по данному вопросу в официальном руководстве. Республиканские лидеры, такие, как Д.А. Кунаев, обеспечивали согласованную и взаимовыгодную линию в отношениях с руководством страны, патронируя корректировки в проведении необъявленной коренизации на своей территории. Не случайно в докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии в 1981 г. был выделен специальный раздел о межнациональных отношениях, где республиканским парторганизациям рекомендовалось учитывать культурно-бытовые интересы лиц некоренных национальностей и их представительство в органах власти[16].

Однако именно партийные органы республик, приобретая все бо̀льшее ощущение самодостаточности, не смогли одновременно

приобрести необходимую ответственность за сохранение межэтнического согласия и недооценили скопившийся к середине 1980-х годов на местах конфликтный потенциал. К тому же, сохранявшееся деление на нации и народности при фиксации их юридического и фактического равенства порождало у элиты автономий стремление возвысить статус своих регионов. Последствия механической картографии обусловили ирредентизм (стремление к этническому воссоединению, например, таджиков, оказавшихся на территории Узбекистана, узбеков в Киргизии, армян Нагорного Карабаха и т.п.). В связи с принятием Конституции СССР 1977 г. центр столкнулся с попытками автономий (Татарстан) преобразоваться в союзные республики, интеллигенции закавказских республик сохранить статус языков как государственных[17]. Руководство КПСС не учло адаптивной способности местных элит трансформировать содержание управленческих структур и использовать механизмы этносоциальной иерархии в их деятельности. К тому же сказывалось недостаточное владение среди русских языком коренных народов, а двуязычие последних давало им преимущество.

Жесткое социальное структурирование советского общества обусловливало приоритет именно общих установок и ценностей, нежели этнических, которые должны были вписаться в «негомогенное целое» согражданства и в то же время оставаться выделенными. Гарантией «расцвета и сближения» народов, их спонсором и руководителем выступали облеченные властью институты. Государство одновременно решало две стратегические задачи: укрепление советского единства, нивелирующего национальные различия, и возвышение этничности.

Фундаментальное значение имели все культурные институты и новации. Развитие языков, создание письменности, обучение на родном языке и этнокультурный компонент в содержании образования были важнейшей частью национальной политики. В целом все народы обрели новое, востребованное в конкретно-исторических условиях качество социально-культурного развития. К 1939 г. на 1000 человек населения со средним и высшим образованием насчитывалось: в Грузии — 165, Армении — 128, на Украине — 120, в Казахстане — 83, Узбекистане — 55, Киргизии — 46, Туркменистане — 65, Таджикистане — 40. В автономиях со средним и высшим образованием на 1000 жителей в Чувашии приходилось 99, Коми — 96, Татарской АССР и Якутии — по 89, Кабардино-Балкарии — 86, Удмуртии — 82, Башкирии — 67, Бурятии — 86, Марийской АССР — 73, Чечено-Ингушетии — 71, Мордовии — 68, Дагестане — 63, Калмыкии — 51[18]. С учетом политики «коренизации» кадров, создания и унификации письменности для 89 народов в культуре всех наро-

дов СССР произошли впечатляющие прогрессивные перемены. Это имело принципиальные последствия для дальнейшего роста качественных показателей этносообществ, создания условий к их дальнейшему развитию.

Вопрос о языке определялся не только выбором оптимального средства коммуникации и модернизации полиэтничного населения, но имел глубокое символическое и политическое значение. Язык был важнейшим инструментом формирования этноидентичности народов СССР, служил в республиках маркером для допуска к привилегиям титульного этноса и закрепления его административно-территориального статуса. Социально-культурная гомогенизация общества соединяла меры по развитию языков и культур, декларативно наполненных «интернациональным социалистическим» содержанием, с укреплением идеологических и иных скреп, вытеснявших традиционные духовные ценности.

Дилемма — продолжать всевозможную поддержку многочисленных языков с малым числом их носителей и весьма ограниченной сферой употребления или радикально расширять обучение русскому, обеспечивающему интеграцию людей и экономик регионов, межкультурное общение — была решена в пользу скреплявшего единое государство языка. Причины были вполне объективные: необходимость межэтнической интеграции в интересах хозяйственного и культурного развития, подготовки научно-технических кадров и несения воинской службы[19]. Национальные школы признавались очагами буржуазно-националистического и антисоветского влияния на детей, подрывающими братское единство народов СССР с русским народом[20].

Во второй половине 1970-х годов вновь принимаются меры по улучшению изучения русского языка, что, с одной стороны, вызывало недовольство части этноэлит, рассматривавших язык как важный ресурс и символ власти. С другой стороны, такая позиция центра может рассматриваться как стремление центра найти «ответ» на указанные выше этносоциальные трансформации в союзных республиках.

Поворот к укреплению русского языка и русской культуры не означал возвышение русскости над другими этноидентичностями. Стремление власти не допустить ассоциации всего русского с ней самой и русских как колонизаторов приводило к тому, что для русских возможность самовыражения предоставлялась в надэтничных институтах — социально-классовых, интернациональных, советских (гражданских).

Политико-массовая и культурно-просветительная работа, создание национальных СМИ и библиотечного дела прочно включали этнокультуры в общесоветский контекст. В 1979 г. книги и брошюры в

СССР издавались на 155 языках, в том числе почти на 90 языках народов СССР. 82 радиостанции работали на 62 языках. Радио, печать, архитектура и скульптура, театр, кино, телевидение — все это играло огромную роль. В 1960-е годы в школах союзных республик с образованием на родном языке внедряется двухкомпонентная система содержания образования, благодаря единой системе учебников также усиливается межкультурная интеграция. В то же время сохранялось образование в национальных школах на бикультурной основе.

Формирование негомогенного целого через относительно гомогенное образовательное, культурное, информационно-коммуникативное пространство, наряду с общими параметрами социальной стратификации вне зависимости от национальности и последствиями миграций служило укреплению советского полиэтничного единства.

Пролетарский интернационализм подразумевал социальную солидарность и братство людей труда в искоренении основного зла — частной собственности на средства производства и эксплуатации трудящихся независимо от этнической принадлежности. Пропаганда этой классовой солидарности не подразумевала прямого исключения этничности, скорее на нее делался специальный акцент, когда этническое «Я» рабочего и крестьянина презентовалось как сила, способная умножить эффективность борьбы против ненавистных эксплуататоров в «родном» — национальном обличье.

Закрепленные в многовековом опыте маркеры этничности — религия, родословная, обычаи и традиции, внутриэтническая солидарность — заменялись критериями социального расслоения. В связи с этим после попыток «советизировать» религию борьба против конфессиональной культуры и духовенства означала дискредитацию и вытеснение этничности в латентную зону внутренней духовной и психологической жизни людей. Происходило некое «расслоение» этничности: традиционные способы ее реализации (религия, традиции и обычаи, быт, гендерные и межпоколенческие отношения) дискредитировались и замыкались в скрываемую от внешнего контроля область внутриэтнических отношений, а требуемые властью социально-классовые параметры этничности становились декларацией о лояльности и развивали социальную мимикрию, особенно среди заинтересованных в карьерном росте.

В отношении широких масс устройство массовых организаций по административно-территориальному принципу, интернациональных по составу и престижных в новой социальной иерархии было важным инструментом снижения ценности и значимости этнокультурных стандартов поведения, социальной мобильности. Межэтнические коммуникации, опыт которых был у граждан СССР

многопоколенным и выработал способность уживаться и адаптироваться в разных условиях, прирастали новыми практиками надэтнической политики власти.

Разнообразие общественных сетей и их масштабы служили реализации коллективных и индивидуальных гражданских и культурных потребностей людей. В то же время они играли важную роль в контроле производственной дисциплины, статусной иерархии, направлении амбиций граждан в подчиненное общим целям бюрократическое пространство. При этом доминирование властных рычагов регулирования неформальной сферы жизни обусловило сложный симбиоз нормированной общественной активности и лояльности и пассивного отношения к решению проблем организации труда, быта, досуга, охраны окружающей среды и здоровья и т.д. Внутриэтнические параметры социальности оставались неотъемлемой частью самоидентификации.

Система массовых организаций имела колоссальное значение для формирования советской идентичности народов СССР и их скрепления в единое сложносоставное целое, включения национальных масс в социально активные формы общественной жизни. Но далеко не всегда происходила точная реализация властного проекта в практике разнообразных меж- и еще более внутриэтнических социально-культурных, межпоколенческих, гендерных отношений. Власть и ее представители опирались на традиционные приоритеты массового сознания, глубоко укорененные установки на патриархальный общинный уклад, авторитарный характер и патернализм власти, ее сакрализацию, терпение, правовой нигилизм, низкий общий уровень культуры. Они переплетались с внедрявшейся новой системой ценностей, трудовой мотивации, социальных установок, адекватных требованиям идеологии и политико-правовой практики. Этнокультурные традиции социальных взаимосвязей и иерархий нередко вполне успешно вписывались в советскую систему или, наоборот, также успешно обходили ее, сохраняя за собой многовековым опытом закрепленные функции и общественную ценность. Происходило пересечение и наложение разных культурных, психологических, поведенческих, бытовых практик. Советское совмещалось с этническим и становилось национальным в гражданском смысле.

Сохранялась многослойность идентичности, и у большинства населения постепенно формировалась новая система ценностей, трудовой мотивации, социальных установок. В то же время патерналистский тип ментальности этнической культуры вполне соответствовал доктринальным установкам государства.

Термин «советский народ» использовался уже в 1930-е годы[21]. 19 марта 1935 г. в газете «Правда» была опубликована передовая

статья «Советский патриотизм». В ней советский патриотизм характеризовался как «пламенное чувство безграничной любви, беззаветной преданности своей родине, глубокой ответственности за ее судьбу и оборону» единого «нашего народа», готового смести «фашистских разбойников с лица земного шара». Сам народ тогда определялся в соответствии с социально-политической доминантой как «союз рабочих и крестьян всех наций СССР, объединенных советами». Традиционная национально-государственная духовная ценность наполнялась новым содержанием. Вместе с тем было восстановлено историческое образование, без которого нельзя было организовать широкое патриотическое воспитание. Образ Родины формировался на представлении об СССР в целом, а не «малой родине», причем традиционная метафора державности стала важным компонентом официального дискурса о советском патриотизме. Он дополнялся образом «Большой семьи» с ее лучшими сыновьями и дочерями — передовиками и воинами разных национальностей, гордостью за армию и воинскую славу Отечества. Советский патриотизм предполагал политическую лояльность, а в коммуникативной практике коллективная идентичность формировалась на основе представлений об особых ценностях, образе жизни как предмете общей гордости. Политическое и географическое пространство объединялось в образе советской Родины, включавшем этническое разнообразие.

Конституция 1936 г. сыграла важную роль в кристаллизации новой коллективной идентичности — «советский народ», которая активно развивается в 1935—1939 гг. Западные ученые связывают формирование концепта «советский народ» с утверждением сталинского режима репрессий и жесткой унификации. Б. Эннкер, к примеру, указывает, что введение всеобщего и равного избирательного права связано с конструированием социально и политически единого народного сообщества, которое получило «менталитет», позволивший большевикам вовлечь это согражданство в деление на «своих» и «чужих» и проводить таким образом массовый террор. Сталинское конструирование советского народа было направлено на мобилизацию населения под популистскими лозунгами, ликвидацию местных руководителей, унификацию структур власти и централизацию. Н. Верт также считает, что репрессии были проявлением социальной и этнической инженерии по созданию советского народа[22].

«Советский народ» упоминается в песне 1938 г. В.И. Лебедева-Кумача «Если завтра война», в докладах и резолюциях съезда ВКП (б) в марте 1939 г., в передовице газеты «Правда» от 21 декабря 1939 г. «Родной Сталин», в многочисленных произведениях советской художественной литературы (например, Б. Полевой «Мы —

советские люди»), в годы Великой Отечественной — в приказах И.В. Сталина. Создание гимна СССР (1943 г.) также служило формированию общесоветской гражданской идентичности людей. В то же время подавление этнонациональной, особенно русской, идентичности как близкая перспектива не предусматривалось, так как признавалась этнокультурная сложность советского общества с возможностью и необходимостью сближения народов. Русский язык служил мощным средством межкультурной интеграции.

Само понятие «советский народ» в официальном дискурсе предполагало социально-политическую консолидацию, прежде всего, единство рабочих и крестьян, создавших государство советов[23]. Между тем поликультурное наполнение советского гражданства было реальностью, которая постепенно прочно утверждалась в массовом сознании при обращении к понятию «советский народ».

Ученые, вероятно, раньше руководства обратили внимание на такое понимание термина. Летом 1944 г. на совещании историков в ЦК КПСС при обсуждении «Истории Казахской ССР», изданной под редакцией академика А.М. Панкратовой, в выступлении Х.Г. Аджемяна прозвучал вывод о наличии «общенациональных народных интересов советского народа». Там же М.В. Нечкина сделала важное заявление: «Мы совсем не занимаемся одной очень важной темой, еще не поставленной в науке проблемой — проблемой формирования советского народа. Я думаю, что это вопрос как задача научного исследования и теоретического освещения должен обязательно встать в порядок дня. Формирование советского народа прошло большого значения этапы в Отечественной войне. Советский народ — это не нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории прочнейшая общность людей. Она объединена единством территории, принципиально новой хозяйственной системой, советским строем, какой-то единой новой культурой, несмотря на множественность языков. Однако это не нация, а нечто более высокое. Это совершенно новое явление в истории человечества. Оно должно иметь свою теорию»[24].

Действительно, Великая Отечественная война показала новое качество гражданской консолидации. Примеров тому немало[25]. В частности, для депортированных народов представлялось оскорбительным именно их исключение из общесоветского единства на основе этнической принадлежности, лишавшим права и возможности участвовать в защите Отечества вместе со всеми согражданами. В то же время у этих народов усиливались внутриэтническая сплоченность и определенное обособление.

С 1945 г. в пропагандистской практике в понятии «советский народ» акцент делается не только на братство народов, но и на их

гражданское единство[26]. Но вплоть до 1960-х годов ведущую роль играло все-таки описание процессов интеграции в рамках концепции «многонационального советского государства» и соответствующая ему «дружба народов».

Дж. Брунстедт считает, что после 1945 г. «для партийного руководства неэтническая, пансоветская идентичность стала приобретать все большее значение по сравнению с субгосударственной этнической принадлежностью», а идея «советский народ» основана лишь на кросс-этнической памяти о прошлой славе. Он указывает также, что Брудный, Р. Брубейкер, Р. Суни, Т. Мартин, Ю. Слезкин акцентируют внимание на следующем: построение доминирующей «советской идентичности» было несерьезным проектом или же вообще не входило в планы руководства[27]. Очевидно, вместе с тем, стоит учитывать не только конструирующую мощь государства в лице руководства КПСС, но и его способность воспринимать объективные изменения в обществе и реагировать на них, в том числе благодаря достаточно организованному и долгое время вполне дееспособному аналитическому и идеологическому аппарату.

Выражение «советский народ» использовалось для характеристики граждан СССР как политического целого, а идея советского патриотизма соотносилась с национальной лояльностью[28]. На XXI съезде КПСС в январе 1959 г. Н.С. Хрущев определяет СССР как «многонациональное государство трудящихся, добровольный союз социалистических наций», говорит об идеологической задаче укрепления советского патриотизма и интернационализма[29]. Впервые на официальном уровне в 1959 г. он заявил, что в ходе строительства коммунистического общества «успешнее будет идти процесс слияния народов в единую коммунистическую семью». Но при обсуждении проекта Программы КПСС в Президиуме ЦК КПСС 14 декабря 1959 г. Б.Н. Пономарев, А.И. Кириченко и М.А. Суслов не смогли разделить, говоря современными терминами, примордиальное и конструктивистское понимание нации, что свидетельствовало о методологическом тупике, связанном с неспособностью найти адекватное новой ситуации определение взамен сталинского[30].

Тем не менее, реальные процессы интеграции требовали нового концепта, и в докладе о программе КПСС (1961 г.) отмечалось: «...в СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие черты — советский народ». В программу партии это положение включено не было, а в разделе «Задачи партии в области национальных отношений» подчеркивалось, в частности: «(Возникновение новых промышленных центров, открытие и разработка богатств, освоение целинных земель и

развитие всех видов транспорта усиливают подвижность населения, содействуют расширению взаимного общения народов Советского Союза.) У советских людей разных национальностей сложились общие черты духовного облика, порожденные новым типом общественных отношений и воплотившие в себе лучшие традиции народов СССР»[31].

Концепция развивалась на XXIV (1971 г.) и XXV (1976 г.) съездах КПСС. Ее официальная трактовка в развернутом виде была изложена в 1972 г.: «Советский народ представляет собой не какую-то новую нацию, а является исторической, более широкой, чем нация нового типа, общностью людей, охватывающей все народы СССР. Понятие “советский народ” появилось как отражение коренных изменений сущности и облика интернациональных черт. Но и при тесном переплетении интернационального и национального в социалистических нациях последние образуют советский народ, оставаясь в то же время его национальными компонентами»[32]. Конституция СССР 1977 г. зафиксировала складывание «новой исторической общности», соединив социально-политическое единство с межэтнической интеграцией. В то же время, как верно отметили Н.Ф. Бугай и Е.Ю. Зубкова, появление этой формулы было не только идеологическим конструктом, но и отражением настроений части общества, а также попыткой в рамках советского дискурса ввести политическое понятие нации как гражданства — полиэтничной общности[33].

Советский народ рассматривался как результат и социальных трансформаций («сближение всех классов и социальных слоев»), и достижения юридического и фактического равенства, а также братского сотрудничества всех наций и народностей. В научном сообществе продолжались неявные, но объективно обусловленные обсуждения, чем является СССР — союзом национальностей или национальных государств. Анализ функционирования советского социума позволил соединить в концепции «советского народа» исследование развития регионов многонационального государства, практик управления страной-«империей» и процессов социальной и межкультурной консолидации общества[34].

Система общих социально-политических и культурных институтов и коммуникаций, единая идейно-политическая интерпретация и мифология, общегосударственные символы и ритуалы, сблизившиеся параметры политико-правовой культуры наряду с полиэтничным составом населения многих регионов обеспечивали единство советского народа как политической нации. Это не исключало поощрения этнокультурного разнообразия в установленных идеологических и политических координатах. В результате происходила не ассими-

ляция, а межкультурная интеграция народов СССР. С одной стороны, в паспорте каждого человека указывалась этническая принадлежность (национальность), с другой — понятие «советский» было идентификатором принадлежности к особой общности. Этническое и гражданское соединялись в динамичном соотношении. С ростом культурной сложности личности происходило и усложнение этноидентификации людей (двойная и даже тройная идентичность — русский немец и т.п.).

В Армении доля русских в 1970 г. была 2,7%, в 1989 г. — 1,6%, в Азербайджане — соответственно 10% и 7,9%, в Грузии она уменьшилась с 8,5% до 7,4%. При этом в Грузии и Азербайджане сокращалась доля армян, а в Армении — азербайджанцев (с 1970 по 1979 г. с 10% до 7,9%). В среднеазиатских республиках и Казахстане росла доля коренного населения и за счет высокой рождаемости, и за счет сокращения доли русских. С 1970 по 1989 г. она снизилась в Узбекистане с 12,5% до 8,4%, в Казахстане — с 42,4% до 37,8%, в Туркмении — с 14,5% до 9,5%, в Таджикистане — с 11,9% до 7,6%, в Киргизии — с 29,2% до 21,5%. Этническая мозаичность в этих республиках снижалась. В другой группе республик — Белоруссия, Украина, Латвия, Эстония, Молдавия — уже с 1950-х годов прогнозировалось уменьшение доли коренного населения и рост доли русских, а в Латвии и Эстонии — и других национальностей. С 1970 по 1989 г. доля русских в Латвии росла с 29,8% до 34%, а в Эстонии — с 24,7% до 30%. В Литве изменения были не такими заметными — 95,3% литовцев жили в республике, и русские составляли в 1970—1980-е годы 8,6—9,4%[35].

Между тем, от 60% до 80% населения разных республик называли родиной СССР. Наибольшую приверженность надэтнической общности испытывали русские. Показательно, что по данным переписи 1989 г., 30% русских в РСФСР самоопределились как советские, в Москве и Ленинграде их было 38%[36]. В декабре 1990 г. по данным ВЦИОМ от 70% до 80% русских в России и других союзных республиках воспринимали себя прежде всего как граждане СССР, тогда как представители титульных этносов в союзных республиках на первое место ставили свои республики[37].

В идентификации советских людей в этот период усиливаются критерии общегосударственного единства, восприятие страны как единого пространства общей Родины, обладающего принципиальной ценностью. Это не противоречило сохранению этнического самосознания и возрождающейся тяге к этнокультурной самобытности. Исследования этнологов в 1972—1982 гг. позволили сделать вывод, что формирование советского народа ни в коей мере не означает нивелирования национальных особенностей, вариативно про-

являвшихся в разных сферах социальной жизни и по национальностям[38]. Для большинства советских граждан хорошие отношения между людьми разных национальностей были реальностью, но чувство общности все больше подвергалось испытаниям — в разных республиках и регионах с разной степенью напряженности и остроты. Таким образом, взаимодействие политики и этничности не было вертикально однонаправленным (от политики к этничности) — происходило и обратное влияние как по вертикали, так и по горизонтали социальных отношений.

Одним из доказательств состоявшегося конструирования советского народа являются результаты референдума о судьбе СССР в марте 1991 г. Замечания по поводу формулировки вопроса, конечно, важны, но для массового сознания все же принципиальным было представление о судьбе своего общего Отечества, и этой общностью большинство, несомненно, дорожило. Фундаментальная ценность — единая великая держава — основной части советского народа представлялась естественной необходимостью, а ее разрушение — недопустимым.

Однако устаревшая интеллектуальная культура и инерционная модель поведения руководства страны, неготовность учиться управлять новыми рисками и учитывать качественные изменения, обусловленные проводимой им самим политикой, привели к кризису идеологии, политической практики и самих институтов власти.

[1] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 17. — Оп. 68. — Д. 188. — Л. 70.

[2] Советское строительство. — 1927. — № 10—11. — С. 232; *Хацкевич А.* : 1) Общие итоги проведения белоруссизации к 10-й годовщине Октябрьской революции // Советское строительство. — 1927. — № 12 (17). — С. 50, 48—49, 143 ; 2) Строительство Советов Белоруссии к ее десятилетию // Там же. — 1929. — № 1. — С. 135 ; 3) Работа национальных советов в БССР: (по материалам местного обследования нацсоветов) // Там же. — 1927. — № 7. — С. 84—87.

[3] ЦК РКП (б)-ВКП (б) и национальный вопрос. — М.: РОССПЭН, 2005. — Кн. 1. — С. 521—525, 531—534.

[4] РГАСПИ. — Ф. 17. — Оп. 84. — Д. 1056. — Л. 33, 36, 39—40.

[5] *Котов В.И.* Межэтнические взаимодействие // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. — М.: Наука, 2003. — С. 206. Автор достаточно подробно показал влияние изменений в национальном составе этнополитических образований в СССР на межэтническое взаимодействие и взаимообогащение народов в районах совместного проживания.

[6] См., в частности: *Кадио Ж.* Как упорядочивали разнообразие: списки и классификации национальностей в Российской империи и в Советском Союзе (1897—1939 гг.) // Ab imperio. — 2002. — № 4. — С. 177—206.

[7] Народное хозяйство СССР, 1922—1982. — М., 1982. — С. 74. См. также: *Полынов М.Ф.* Проблемы и противоречия в развитии национальных отношений

в СССР в 1970-х — первой половине 1980-х гг. // Общество. Среда. Развитие (TERRA HUMANA). — 2008. — Вып. № 2. — С. 3—26.

[8] Подробнее см.: Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия. — М.: Наука, 2003. — С. 158—181.

[9] *Котов В.И.* Указ. соч. — С. 206; *Вдовин А.И.* Русские в XX веке. — М.: ОЛМА-Пресс, 2004. — С. 249; *Уманский Л.А., Шаболдин С.С.* Годы труда и побед, 1917—1987: попул. справочник. — М.: Политиздат, 1987. — С. 291.

[10] *Полынов М.Ф.* Указ. соч. — С. 12; *Уманский Л.А., Шаболдин С.С.* Указ. соч. — С. 283.

[11] См. об этом: *Чеботарева В.Г.* Сталин и партийно-советские национальные кадры // Вопросы истории. — 2008. — № 7. — С. 3—25.

[12] См., к примеру: Северный Кавказ в национальной стратегии России / под ред. В.А. Тишкова. — М.: Росинформагротех, 2008. — С. 116.

[13] *Сахаров А.Н., Жиромская В.Б.* Облик народа к началу Великой Отечественной войны // Народ и война: очерки истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. — М.: Гриф и Ко, 2010. — С. 37.

[14] *Дробижева Л.М.* Этнодемографические и социальные изменения в жизни национальностей в 1970—1980 гг. // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. — М.: Новый хронограф, 2012. — С. 346, 348.

[15] Там же. — С. 350, 352.

[16] XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. — М.: Политиздат, 1981. — Т. 1.

[17] См. подробнее: Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. — М.: Новый хронограф, 2012. — С. 337—344.

[18] Советский народ — новая историческая общность людей. Становление и развитие / отв. ред. М.П. Ким, В.П. Шерстобитов. — М.: Наука, 1975. — С. 189.

[19] ЦК ВКП (б) и национальный вопрос. — М.: РОССПЭН, 2009. — Кн. 2. — С. 391—394.

[20] Наркомпрос дал установку сократить зарплату педагогам, которые не могут преподавать русский язык // Учительская газета. — 1938. — 13 июня.

[21] По мнению Н.Н. Константинова, идею «советской нации» как аналога «евразийской нации» Н.С. Трубецкого впервые использовал Н.И. Устрялов, а Трубецкой использовал термин «советская нация». См.: *Константинов Н.Н.* Советский Союз 1944—1991 годов в историографии. Репрезентация полиэтнического политического сообщества. — Екатеринбург: Гриф, 2012. — С. 110; *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана. — М.: Аграф, 2000. — С. 493—505.

[22] *Эннкер Б.* «Советский народ», режим и сталинская конституция 1936 года: исследовательские подходы и теоретическая рефлексия над некоторыми вопросами политической истории Советского Союза. URL: http://perspectivia.fafalter.de/content/publikationen/shdp/ennker_narod (дата обращения: 22.04.2014); *Верт Н.* Сталинизм и массовые репрессии // История сталинизма: итоги и проблемы изучения: материалы междунар. науч. конф., Москва, 5—7 дек. 2008 г. — М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. — С. 97.

[23] Б. Эннкер показал, как в Конституционной комиссии пришли к такому толкованию. См.: *Эннкер Б.* Указ. соч.

[24] Цит. по: *Тишков В.А.* Российский народ. История и смысл национального самосознания. — М.: Наука, 2013. — С. 293—294.

[25] См.: Героическое и трагическое лихолетье: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 55-летию Победы сов. народа над фашист. Германией и милитарист. Японией, Москва, 21—22 сент. 2000 г. / под общ. ред. В.С. Порохни. — Смоленск: Смядынь, 2000; Патриотизм — составляющая государственной

национальной политики России: теория, практика / колл. авторов; сост., авт. и рук. авт. кол. Н.Ф. Бугай. — М.: Голден-Би, 2010. — С.143—190; и др.

[26] *Панкратова А.М.* Великое прошлое советского народа. — М.: Воениздат, 1949; О советском патриотизме: сб. ст. — М.: Политиздат, 1950; *Шатагин Н.И., Осипов Ж.С.* Великая победа советского народа: к 5-й годовщине разгрома гитлеровской Германии. — М.: Политиздат, 1950; и др.

[27] *Брунстедт Дж.* Роль официального увековечивания памяти о Великой Отечественной войне в разработке концепции «советского народа» // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. — 2013. — № 2. — С. 198, 213.

[28] См.: *Константинов Н.Н.* Указ. соч. — С. 114—115.

[29] Комсомольская правда. — 1959. — 28 янв.

[30] Подробнее см.: *Тишков В.А.* Указ. соч. — С. 297—298.

[31] Программа КПСС. Принята XXII съездом КПСС. — М.: Политиздат, 1965; Двадцать второй съезд КПСС, Москва, 17—31 октября 1961 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — Изд. 8-е, доп. и испр.,— М.: Политиздат, 1972. — Т. 8. — С. 206—207; *Хрущев Н.С.* Доклад товарища Н.С. Хрущева (продолжение) // Правда. — 1961. — 19 окт. — С. 2. См. также: *Брежнев Л.И.* Великая победа советского народа // Там же. — 1965. — 9 мая. — С. 3. *Константинов Н.Н.* Указ. соч. — С. 116.

[32] Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. - М.: Политиздат, 1972. — С. 227—228.

[33] *Бугай Н.Ф., Зубкова Е.Ю.* Этнополитика в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период (1941—1960-е гг.) // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. — М., 2012. — С. 300.

[34] Подробнее см.: *Дробижева Л.М.* Этнонациональный компонент в Конституции СССР 1977 г. // Там же. — С. 337—344.

[35] Там же. — С. 344—345.

[36] См.: Демократия и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В. и др. — М.: Мысль, 1996. — С. 305—306.

[37] *Дробижева Л.М.* Мифы и реальность многонациональной семьи народов // Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. — М., 2012. — С. 356; Русские: (этносоциол. очерки). — М.: Наука, 1992. — С. 400, 415. Вряд ли можно согласиться с утверждением этносоциолога М.Ю. Барбашина, что советская идентификация использовалась индивидами с маргинальным этническим статусом, и советскость была некоторой степенью защиты от этнодискриминации на бытовом уровне. См.: *Барбашин М.Ю.* «Советскость» в этносоциальном пространстве: этнические и институциональные процессы // Политика и общество. — 2013. — № 3 (99). — С. 369.

[38] Социально-культурный облик наций: по результатам этносоциол. исслед. / [Ю.В. Арутюнян, И.А. Гришаев, М.Н. Губогло и др.]; отв. ред. Ю.В. Арутюнян, Ю.В. Бромлей. — М.: Наука, 1986. — С. 433.

В.Н. Круглов

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА РСФСР: АДМИНИСТРАТИВНЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ (1918—1992 гг.)

Статья посвящена рассмотрению основных подходов советской власти к проблеме организации территории России: управленческого, хозяйственного и этнического. Каждый из этих подходов играл свою роль, являясь воплощением либо доктринальных партийных установок, либо амбициозных научных разработок, или же служил необходимости управления обширной территорией страны. Их претворение в жизнь становилось результатом сложного взаимодействия различных акторов общественно-политической системы СССР. Это же взаимодействие обусловило и неоднозначные результаты воплощения каждого из подходов. Сделаны выводы о степени эффективности решения указанной проблемы по итогам рассматриваемого периода.
Ключевые слова: федерация; территория; административное деление; регионы; региональная политика; экономика; районирование; автономия; КПСС; управление.

V.N. Kruglov
Formation of the Russian Federation's territorial structure: administrative, economic, and national aspects (1918—1992)

The purpose of this article is to study the process of the territorial organization of Russia during the Soviet era. Three main approaches of organization are following: administrative-territorial structure, economic zoning, and ethnic division. Each of these approaches had their own distinction, determined either by ideological attitudes, ambitious scientific projects, or the managerial tasks and goals. Their implementation was a result of a complicated interaction of various players in the Soviet sociopolitical system. This interaction also played a big part in the ambiguous results of the implementation of each approach. At the end of an article conclusions about the efficiency of the Soviet territorial organization are drawn.
Keywords: Federation; territory; administrative division; regions; regional policy; economics; regionalization; autonomy; the CPSU; management.

Поиск оптимальной формы организации и управления территорией — одна из тех тем новейшей истории нашей страны, которые сохраняют свою актуальность уже без малого столетие. Масштабность пространства России всегда была причиной многочисленных сложностей в управлении ею. Едва ли не каждый правитель страны и

уж точно каждый политический режим должны были формулировать свое видение решения данной проблемы. Понятие «административно-территориальное деление» в различных вариациях (территориальная карта, территориально-политическое устройство, районирование и т.д.) не сходит со страниц как научной литературы, так и документов, относящихся к сфере политики, государственного управления. Под ним понимается региональное устройство государства в виде совокупности административно-территориальных единиц. Причем под «делением» может пониматься как *процесс* демаркации территории страны на такие единицы, так и *результат* этого процесса: готовая карта административно-территориального устройства.

Фактически посредством последнего и осуществляется управление территорией страны — именно с опорой на него организуются местные структуры государственной власти, проводящие в жизнь решения центра. Причем от степени совершенства деления напрямую зависит эффективность действий властных органов, успешность выполнения поставленных перед ними задач. Для советского периода отечественной истории, неотъемлемой характеристикой которого является плановый порядок управления экономикой («народным хозяйством») и другими сферами жизни, решение проблемы территориальной организации имело особое, во многом — определяющее значение.

Необходимость изменения политической карты страны была постулирована большевиками практически сразу после прихода к власти. Опиралась она на работы ведущего теоретика партии В.И. Ленина. «Средневековые, крепостнические, казенно-бюрократические административные деления России» он еще до революции призывал заменить «действительно “современными”, действительно отвечающими требованиям не казны, не бюрократии, не рутины, не помещиков, не попов, а капитализма делениями»[1]. В ленинской трактовке устройство Российской империи представало с политической точки зрения — репрессивным, полицейским, направленным на угнетение народных масс (в особенности национальных меньшинств) и подавление их справедливых протестов; с экономической — архаичным, не соответствующим бурному развитию производительных сил, сковывающим его в угоду пережиткам феодализма. Все это, естественно, делало его неприемлемым для новой власти с ее революционными идеями и масштабными целями.

Однако отнюдь не большевики первыми заявили о необходимости реформ. Конец XIX и начало XX в. дали целый ряд исследований по вопросам экономического районирования России[2]. Эти работы не ставили вопрос о территориально-политическом переформатировании напрямую, но создавали пространство для дискуссий о некоем «естественном» устройстве — в противоположность «искусствен-

ному», «чисто формальному фискально-политическому подходу», который, как считалось, отличал тогдашнее устройство империи. Необходимость внесения серьезных корректив (федерализм, автономия национальных меньшинств и т.д.) постулировали представители различных общественных течений и организаций (в первую очередь этнических), политических партий. Наконец, после событий 1905—1907 гг. проекты реформирования административного управления регионами начали появляться в правительственных кругах[3]. Особенно острые дискуссии по этой проблематике велись в 1917 г.[4] Большевики в общем ряду выделялись «высокой идейностью» (радикализмом) — и отсутствием сформулированного плана преобразований, который заменяли декларации о «праве наций на самоопределение вплоть до отделения» и т.п. Тем не менее, именно им пришлось заняться проблемой административно-территориального деления на практике.

На первых порах правительство большевиков, озабоченное упрочением собственного положения в центре, делегировало значительный объем полномочий по вопросам местного устройства регионам. Так, в январе 1918 г. Совнарком издал декрет «Об определении границ губернских, уездных и пр.», который передавал полномочия изменять административные границы и создавать новые территориальные образования структурам советской власти на местах[5]. Последние не преминули воспользоваться открывшимися возможностями. Однако с расширением «красной» зоны контроля проблема организации нового деления приобретала все более важное значение. В результате уже в 1919 г. курс меняется: большевики, зачастую в обход норм собственного законодательства, начали замыкать на центр принятие решений о территориальных изменениях, выстраивая жесткую «вертикаль власти»[6]. Делалось это в рамках подготовки к процессу политико-административного и хозяйственного переформатирования территории страны — старт которому был дан в конце года на VII Всероссийском съезде Советов[7].

Этот процесс можно разделить на несколько этапов — весьма неравных по временной протяженности, однако имеющих специфические характеристики, цели и задачи. Исследователи выработали периодизацию эволюции административно-территориального деления России[8], однако представляется, что она нуждается в уточнении.

Первый этап охватывает 1918—1922 гг. Его можно охарактеризовать как *этап территориального дробления*. Среди предпринимавшихся шагов главными были следующие:

— Упразднение губерний имперского периода (Тобольская, Черноморская, Уфимская и др.), которые либо меняли свой центр, либо их территории передавались соседним административно-территориальным единицам.

— Создание новых, т.н. «красных» губерний, призванных упрочить влияние большевиков на обширных территориях с населением, настроенным к ним индифферентно или даже враждебно. В результате центрами таких губерний становились крупные промышленные и транспортные центры, ранее не имевшие соответствующего их значению статуса (Царицын, Иваново-Вознесенск, Екатеринбург, Брянск, Череповец, Луганск и др.). С той же целью образовывались различные советские республики на юге страны (территория Северного Кавказа, Крым).

— Создание на территориях компактного проживания различных этносов национально-территориальных образований: союзных и автономных республик, автономных областей, национальных округов и районов. Данный процесс проходил в рамках реализации «права наций на самоопределение», бывшего одним из важных пунктов программы компартии. Целью его провозглашались экономический и социально-культурный подъем народов и обретение ими субъектности на государственном уровне. Правда, единства по этому вопросу в советском руководстве не было, отдельные функционеры (например, нарком по делам национальностей И.В. Сталин) считали создание национальных автономий и республик решением временных, чисто политических задач, и национальный принцип территориального устройства в годы Гражданской войны постоянно нарушался[9].

— Наконец, образование СССР, как федеративного союзного государства. РСФСР вошла в него в необычном статусе субъекта Федерации, который сам имеет федеративное устройство. Причем это устройство отличалось значительной дробностью: к 1923 г. республику составляли 82 административно-территориальные единицы с разным статусом.

Первый этап во многом носил характер подготовительного — своеобразного «собирания земель» в преддверие их организации на новых началах. Его сменил *этап укрупнения*, который охватывает 1923—1929 гг. Образование СССР формально завершило объединение под властью большевиков большей части территории бывшей Российской империи. Теперь предстояло создать новое деление. Этот процесс получил название районирования — организации на территории страны крупных административно-хозяйственных районов. Конкретные предложения вырабатывала Комиссия по районированию России, деятельность которой проходила в связке с Административной комиссией ВЦИК и Госпланом. Подчеркивалось, что эта структура действовала на строго научных основаниях. Создаваемый проект напрямую увязывался с осуществлением амбициозного плана ГОЭЛРО. Будущее устройство страны должно было быть подчинено, прежде всего, задаче восстановления народного хозяйства и

развития производительных сил. Специально формулировалось требование «учета хозяйственных условий, климатических, бытовых, условий получения топлива, местной промышленности и т.д.»[10].

План районирования советской России был обнародован в 1922 г., годом позже началось его осуществление, которое продлилось до 1929 г. Главной задачей стала повсеместная замена прежнего трехступенчатого устройства (по нисходящей: губерния → уезд → волость) на новое, предложенное специалистами Госплана: область → округ → район. Однако это не было простое переименование звеньев. Административные единицы (области) одновременно становились экономическими районами, а округ и район — территориальными хозяйственными звеньями, совмещая, таким образом, функции политического и экономического управления и приобретая широкий круг полномочий.

Районирование сопровождалось этнотерриториальным формотворчеством. Процессу создания национальных республик и автономий придавалось большое идеологическое и политическое значение: «Помочь развить и укрепить... советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; развить и укрепить... действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения»[11]. В его рамках впервые было проведено национально-государственное размежевание выделенной из состава России Средней Азии (Туркестанской АССР). Проводимый курс вызвал нарекания специалистов (волюнтаристская, основанная на чисто административных соображениях политика «коренизации» и «территориализации» на едином цивилизационном пространстве, отличавшемся этнической чересполосицей[12]), однако по его результатам регион приобрел свой нынешний вид. Аналогичный процесс затронул Поволжье и Приуралье, в результате появились почти все существующие ныне национальные республики — субъекты Российской Федерации. Однако и здесь не обошлось без противоречий: границы новообразований редко совпадали с действительными ареалом расселения титульных национальностей, значительная часть таких народов, как татары, чуваши и др., остались за их пределами.

В конечном итоге в 1929 г. Российская Федерация состояла из 23 субъектов. Это, прежде всего, области (Ленинградская, Западная, Московская, Ивановская промышленная, Центрально-Черноземная, Уральская) и края (Северный, Нижегородский, Средне-Волжский, Нижневолжский, Северо-кавказский, Сибирский, Дальневосточный). Края отличались от областей тем, что в их состав, помимо «русских» территорий, входили национальные образования, а их внешние границы были одновременно частью государственной гра-

ницы Союза[13]. «Самоопределение наций» в РСФСР продолжалось все 1920-е годы, однако статус единиц высшего уровня (с прямым подчинением республиканскому центру) в новой структуре получили только автономные республики (Карельская, Крымская, Дагестанская, Башкирская, немцев Поволжья, Татарская, Казакская, Киргизская, Бурят-монгольская, Якутская).

Как уже указывалось, это была первая попытка организации территории страны на научной основе. Причем, по мнению специалистов, первая не только в российской, но и в мировой истории. Отмечается новаторство идеи совмещения экономического и административного аспектов[14]. Реформа видится «реальной попыткой разделения функций управления между центральными и региональными органами, реальной попыткой децентрализации управления»[15], наделения регионов до известной степени широкой самостоятельностью в хозяйственных вопросах. «Исторические сложившиеся... крупные экономические районы... оптимально для того времени соединяли промышленное и сельскохозяйственное производства, образовывали единые народно-хозяйственные комплексы, ориентирующиеся на сокращение перевозок, новые технологии, привлечение недостающих трудовых ресурсов»[16]. И именно эти районы послужили базой для территориального планирования развития экономики в дальнейшем[17].

Однако быстро выяснилось, что получившееся в результате устройство не отвечает задачам политического и хозяйственного управления. С одной стороны, новые области и края отличались огромными масштабами, что в условиях плохого состояния инфраструктуры и проблем с комплектованием управленческого аппарата затрудняло повседневное ведение дел на местах. Однако эта проблема относилась к разряду решаемых. Важнее было другое. Новые территориальные единицы получили значительную часть прав и функций центрального советского аппарата (в бюджетной сфере, управлении промышленностью, торговлей и сельским хозяйством на «своей» территории — вплоть до приостановки действия распоряжений наркомов РСФСР и возможности обсуждения вопросов, имеющих общегосударственное значение[18]). Серьезная ресурсная база и промышленный потенциал каждой территории создавали прочную основу их существования. Комплекс этих факторов сделал их в политическом, экономическом и культурном отношении значительно более мощными, чем «царские» губернии, — фактически они оказались равны союзным республикам.

Проблема для союзного центра заключалась в том, что, по логике развития политической ситуации, столь широкие полномочия и степень влияния регионов неизбежно должны были стимулировать амбициозность их руководителей, стремление к экономической автар-

кии в рамках «подвластной» территории и формированию лояльного управленческого слоя, а в итоге — тенденции к сепаратизму.

Помимо этого, устройство на основе экономических районов вступило в противоречие с нарастающей ведомственностью, установившимся в конце 1920-х годов централизованным отраслевым принципом управления «народным хозяйством» (через систему союзных наркоматов и объединений)[19]. Последнее считалось наиболее соответствующим потребностям оперативного и эффективного проведения курса на индустриализацию и коллективизацию.

Все это предопределило достаточно резкую смену вектора преобразований — и начало нового этапа. В отличие от сравнительно непродолжительных первого и второго он имел значительную временную протяженность, охватив примерно четверть века (с 1930 г. по середину 1950-х годов). Его можно назвать *этапом дробления*, поскольку только что образованные территориальные единицы начали подвергаться систематическому размельчению. Задачей провозглашалось «максимально обеспечить оперативность и конкретность в административно-хозяйственном управлении»[20], хотя, по мнению некоторых исследователей, «под новыми лозунгами осуществлялся старый принцип: “разделяй и властвуй”. Сознательно и целеустремленно страну делили на мелкие единицы, не способные существовать самостоятельно, без опеки центра»[21].

В рамках этого обширного этапа можно выделить несколько подэтапов. Первый продлился до конца 1930-х годов. Для РСФСР его смысл заключался в дроблении только что оформленных краев и областей. Этот процесс пришелся на 1936—1938 гг., причем не только упразднялись обширные территориальные единицы, но и было подвергнуто репрессиям практически целиком их партийно-советское руководство. Одним из обвинений по адресу устраняемых региональных лидеров было чрезмерное увлечение «неуставными» методами формирования местного партаппарата[22]. Действия центра диктовались стремлением ликвидировать возможность повторения подобной ситуации в дальнейшем. Помимо политических соображений, увеличение числа областей совпало с созданием значительного числа новых управленческих структур в хозяйственной сфере (наркоматов, главков)[23] и, таким образом, может рассматриваться как часть общего процесса формирования государственного аппарата и системы управления советского государства.

В этот же период на карте появились новые автономные республики (например, Калмыцкая, Мордовская и др.), однако попутно ликвидировались низовые структуры национально-территориального управления — сельские и районные советы, признанные неэффективными. Противоречивости в национальную политику того

периода добавило и создание за счет территорий России республик в рамках СССР: в 1936 г. появились Казахская и Киргизская, а в 1940 г. — Карело-Финская. Мотивация этих решений была различной: если в первом случае, по сути, продолжалось «самоопределение наций», то во втором действовали причины, прежде всего, политического характера: оформление территорий, присоединенных по итогам «зимней войны» и «заготовка» на будущее (в видах возможной советизации Финляндии). В целом же «внимание к межнациональным проблемам заметно уменьшалось. Национальная составляющая как бы отодвигалась на второй план»[24].

В начале 1930-х годов на некоторое время изменился смысл понятия «районирование»: оно стало обозначать процесс реорганизации нижнего уровня административно-территориального деления — районов в рамках краев и областей — с целью «приближения партийно-советского и хозяйственно-кооперативного аппарата к населению»[25]. Фактически районы, как самостоятельные единицы с широким набором полномочий, исчезли, усилилась централизация управления, выросло влияние областных структур власти (прежде всего партийных). Этот процесс также заложил основу для расчленения административно-хозяйственных регионов, и в конце концов результаты районирования 1920-х годов оказались фактически сведены на нет. Области и края распались, а большинство новых или модифицированных территориальных единиц своими очертаниями стали напоминать дореволюционные губернии.

Однако экономический аспект не потерял актуальность, а лишь трансформировался. К концу десятилетия в структурах Госплана оформляется проект комплексного развития крупных экономических районов — некоторые специалисты видят в нем своего рода реакцию на дробление «госплановских» территорий[26]. Эта макрорегиональная концепция получила поддержку руководства страны и оказалась отражена в принятом на XVIII съезде ВКП (б) третьем плане хозяйственного устройства — с его помощью предполагалось решить проблему производственно-территориальных отношений[27]. В 1939—1940 гг. плановики и сотрудники Академии наук СССР провели исследовательскую работу, в результате которой территория страны оказалась сгруппирована в 13 основных экономических районов. С ориентацией на них отныне предполагалось планировать региональные аспекты развития народного хозяйства. Но Великая Отечественная война и последующее длительное восстановление «народного хозяйства» помешали практическому применению данной разработки.

Второй подэтап приходится на военные годы. Во-первых, продолжался процесс размельчения существующих краев и областей, что объ-

яснялось трудностями в управлении их обширными территориями, а после освобождения от немецких войск — еще и необходимостью более эффективного проведения восстановительных работ. Во-вторых, вносились коррективы в национальное устройство — упразднялись автономии т.н. «репрессированных народов», на месте которых образовывались регулярные административно-территориальные единицы (области). В-третьих, по итогам войны происходило определение территорий, отошедших к СССР, и в его рамках РСФСР (создание Сахалинской и Калининградской областей, Тувинской автономии).

Наконец, третий подэтап охватывает период с конца 1940-х до середины 1950-х годов. Фактически дошел до своего логического завершения процесс дробления, когда на окраинах уже существующих областей были образованы новые единицы (Арзамасская, Балашовская, Липецкая и др. области). Был предпринят эксперимент по созданию областей в составе автономных республик (Татарской, Башкирской)[28]. В целом с конца 1930-х по середину 1950-х годов количество областей на территории РСФСР увеличилось почти в два раза[29]. Производилась передача территориальных единиц от одной союзной республики в состав другой (присоединение Крымской области к Украине) и корректировка границ между ними (передача обширных территорий пограничных областей России Казахстану с началом «целинной эпопеи»).

Завершение этого подэтапа, а вместе с ним и третьего этапа административно-территориальных преобразований в целом, можно отнести к 1955 г.: времени фактического окончания периода «междуцарствия» в советском руководстве. Итогом его оказалось максимальное раздробление и усложнение административной карты республики, что естественным образом создавало трудности в управлении: прежде всего, по руководству местными органами и для мероприятий по развитию территорий.

Четвертый этап относится ко второй половине 1950-х — началу 1960-х годов, его можно условно обозначить как *этап рационализации*. Прежде всего, было фактически прекращено создание принципиально новых административно-территориальных единиц: по крайней мере, на территории России их число стабилизировалось. На местах время от времени выдвигались предложения об объединении уже существующих единиц или образовании новых. Обосновывались они соображениями экономического характера (как, например, проект слияния Кемеровской области и Хакасской автономии в единый Кузнецкий край[30]) или необходимостью стимулировать развитие хозяйства и культуры малых народностей (образование Тобольской области на территориях Ямало-Немецкого и Ханты-Мансий-

ского округов и районов Тюменской и Омской областей[31]). Однако руководство страны раз за разом признавало их нецелесообразными.

С другой стороны, в конце 1950-х годов были воссозданы отдельные автономии «репрессированных народов» (на Северном Кавказе), но это подавалось как акт восстановления справедливости в их отношении и не предполагало более серьезных шагов в этом направлении. Еще одним разовым решением стало изменение состава Союза ССР: в 1957 г. Карело-Финская республика была преобразована в Карельскую автономию в составе РСФСР. Официально это мотивировалось необходимостью удешевления аппарата управления, а также изменениями в национальном составе республики (титульные народы составляли менее пятой части ее населения). На деле же имел место жест доброй воли советского руководства на фоне нормализации отношений с Финляндией. В целом же стало очевидно, что процесс «самоопределения народов» завершился.

В сфере административно-территориальной упразднялись многие из недавно образованных областей. Объяснялись подобные решения тем, что они оказались экономически слабыми и не оправдывали своего существования, борьбой за сокращение расходов на бюрократические структуры и ликвидацией административной раздробленности, экономической и исторической общностью. Кроме того, процесс укрупнения колхозов, развернувшийся в начале десятилетия, привел к уменьшению численности низовых структур управления — сельсоветов, что создало предпосылки для укрупнений на уровне районов и областей[32]. В рамках этой волны укрупнений, в частности, маленькая Арзамасская область была слита с Горьковской, из которой выделилась всего тремя годами ранее, а Великолукская область, выделенная в годы Великой Отечественной войны из Калининской (Тверской), вошла в состав Псковской (1957 г.). На этой волне начали рождаться более серьезные укрупнительные инициативы, как, например, вхождение Новгородской области в состав Ленинградской. Однако поддержки у руководства страны они не нашли: «...не следует торопиться с решением данного вопроса. Сами сперва посоветуйтесь, подтяните хозяйство. Возможно, в будущем такое объединение окажется разумным»[33].

Действия и декларации в сфере административно-территориального деления в тот период являлись комбинацией двух подходов: административно-политического (с элементами внешней и национальной политики) и экономического. Масштабного переформатирования сложившегося деления страны не предполагалось, однако отмечалось, что «эта система не является неизменной», поскольку «далеко не везде полно соответствует задачам, стоящим перед Со-

ветским государством в период развернутого строительства коммунизма»[34]. Таким образом, власть сохраняла за собой свободу действий на всех уровнях регионального управления.

Важной составляющей данного этапа является возрождение идеи организации территории страны на научных основаниях — в форме экономических административных районов. Они создавались в ходе реформы управления народным хозяйством 1957 г.: тогда подверглись упразднению отраслевые министерства, бывшие причиной ликвидации результатов районирования в 1930-е годы. Территорию Союза разделили на 105 районов, из которых 70 пришлось на Российскую Федерацию[35]. В них вошли одна или несколько соседствующих административно-территориальных единиц, представлявших собой единый хозяйственный комплекс или регион со сложившимися экономическими особенностями. Однако на сей раз районирование не заменяло уже существующее деление. Оно действовало параллельно ему, будучи призвано обеспечить комплексный подход к хозяйственному развитию территорий.

Идея же экономических районов, выдвинутая в конце 1930-х годов, возродилась в 1961 г. Тогда по предложению союзного Госплана была утверждена новая сетка из 17 ареалов. Основой для нее послужили в том числе и наработки предвоенных лет: так, около половины новых районов — расположенных преимущественно на востоке — были сформированы именно в тот период[36]. В 1963 г. сетка была уточнена, численность районов выросла до 18[37], из которых 10 приходились на РСФСР (Северо-Западный, Центральный, Волго-Вятский, Центрально-Черноземный, Поволжский, Северо-Кавказский, Уральский, Западно-Сибирский, Восточно-Сибирский, Дальневосточный)[38]. Однако они были сформированы строго в границах уже существующих республик, так что экономическая составляющая в данном случае отступила перед административно-политическими соображениями. Больше того, жесткая увязка районирования с границами субъектов СССР ставила барьер межрегиональной интеграции на союзном пространстве и скорее способствовала размежеванию республик, нежели их сплочению в рамках единого государства. Сами же совнархозы имели тенденцию к обособлению: хозяйственный цикл замыкался в рамках их территории, ослабевали связи с соседями, они начали напоминать своего рода «удельные княжества»[39].

Поэтому на рубеже 1962—1963 гг. система экономических административных районов была реформирована, их численность сократилось более чем вдвое: со 105 до 43, в том числе в России — с 70 до 24[40]. Кроме того, из ведения новых совнархозов был изъят ряд важных отраслей (энергетика, строительство, транспорт, «оборонка»). Запус-

тил процесс укрупнения лично лидер страны Н.С. Хрущев, который заявил, что «сложившееся к настоящему моменту административное деление утратило свое прежнее значение» и что «задача обеспечения высококвалифицированного оперативного руководства... требует укрупнения административных районов»[41]. Эти установки прямо вытекали из содержавшегося в новой Программе КПСС (1961 г.) положения о том, что «границы между союзными республиками в пределах СССР все более теряют свое былое значение, поскольку все нации равноправны, их жизнь строится на единой социалистической основе... все они объединены общими жизненными интересами в одну семью и совместно идут к единой цели — коммунизму»[42].

Фактически давалось понять о возможности пересмотра принципов административно-территориального деления советского государства. При таком обороте дел наиболее вероятным представляется возвращение к опыту районирования образца 1920-х годов как основе нового регионального устройства. Это, прежде всего, соответствовало бы духу периода «коммунистического реформизма» с его активной апелляцией к «ленинскому наследию». Стартовавшая в 1962 г. работа по подготовке новой Конституции СССР, казалось, создала окно возможностей, в недрах властных структур появились аналитические материалы с предложениями о преобразованиях[43], различного рода идеи и проекты поступали в форме писем граждан в ЦК КПСС и Конституционную комиссию[44]. В то же время нестабильное экономическое развитие и сложная общественно-политическая ситуация начала 1960-х годов вызывают сомнения, что руководство страны действительно пошло бы на такую хлопотную меру, как массовое сокращение количества административно-территориальных единиц.

Отстранение Хрущева осенью 1964 г. положило конец многим его инициативам. Среди прочего, началась ликвидация последствий хозяйственной реформы 1957 г.: принято было решение о возвращении к отраслевому принципу управления народным хозяйством, экономические административные районы прекратили существование. В области же административно-территориального деления новое руководство страны, по сути, отказалось от каких-либо серьезных действий. В этом заключается сущность очередного этапа — *этапа стабильности* (середина 1960-х — середина 1980-х годов). Поддержанию *status quo* способствовали:

— провозглашенная на XVIII съезде КПСС (1966 г.) политика «бережного отношения к кадрам», фактически предполагавшая несменяемость руководящих кадров в центре и на местах (либо сменяемость в исключительных случаях) и общую стабильность управленческих структур[45];

— провозглашение построения «развитого (зрелого) социалистического общества», что знаменовало собой «завершение перестройки всей совокупности общественных отношений» и предполагало «органическую целостность... социальной системы»[46];

— наконец, «поименное» закрепление субъектов Федерации и «состоящих» в них территориальных единиц в Конституции СССР 1977 г. и принятых год спустя конституциях союзных республик.

Все это негласно свидетельствовало о завершении формирования административно-территориального деления страны.

В качестве реакции на этот «застой» активизировалась общественность. Причем на первый план вышли этнические группы, оказавшиеся в ущемленном положении в результате непоследовательных действий власти — в первую очередь «репрессированные народы»: крымские татары и немцы. В ходе реабилитационного процесса середины 1950-х годов им не было предоставлено право селиться «в местах, откуда они были выселены»; не был восстановлен и автономный статус этих территорий (Крымской АССР и Немцев Поволжья АССР). Это привело к длительной борьбе, которая стала заметной частью неформальной активности 1960—1970-х годов и привлекла к себе внимание за рубежом.

Пытаясь нейтрализовать эмигрантскую активность советских немцев, которые стремились выехать в ФРГ, советское руководство в 1978 г. приняло решение о создании Немецкой автономной области на территории Казахской ССР. Однако его воплощение оказалось сорвано массовыми выступлениями казахского населения, поддержанными местной этнической бюрократией[47]. Крымские татары же стремились вернуться в Крым, причем оформившееся в их среде течение т.н. «автономистов-инициативников» требовало «организованного возвращения и компактного расселения татар в Крыму, восстановления Крымской АССР» и даже «выселения из Крыма всех жителей, приехавших туда после 1944 г.»[48]. Нейтрализации этой активности служил появившийся в 1970-е годы проект создания на территории южного Узбекистана Мубарекской автономной республики. Однако меры по его осуществлению (направление в регион выпускников вузов, обещания «всемерно содействовать развитию крымско-татарской культуры» и т.д.) натолкнулись на упорное неприятие татарами этой идеи[49], более того, имели одним из следствий активизацию их переезда на полуостров.

В условиях нарастания межнациональной напряженности в союзных республиках отдельные этносы изъявляли желание сменить собственную административную принадлежность. Так, в 1967 и 1978 гг. во время массовых волнений в Абхазии принимались обращения к ЦК КПСС и верховным инстанциям Союза о выводе рес-

публики из состава Грузии и передаче под юрисдикцию РСФСР на правах автономии[50]. С другой стороны, от различных самодеятельных групп «борцов с режимом» звучали призывы об отделении от России Дагестана и других кавказских республик, Кубани и даже Урала[51], что, впрочем, можно рассматривать в качестве курьезов.

Идеи административно-территориальных преобразований время от времени поставляла диссидентская среда. Так, например, во время обсуждения проекта новой Конституции СССР (1977 г.) историк М.Я. Гефтер предложил свой вариант — «Основные принципы конституционного строя». В них он предлагал, среди прочего, дробление РСФСР «на ряд республик, кроме уже существующих (например, учреждение Центрально-Российской, Североросийской, Южнороссийской, Уральской, Сибирской, Дальневосточной республик). Такое членение, отвечая, прежде всего, потребностям интенсивного экономического развития, призвано также содействовать демократизации власти и переориентации ее местных структур на реальные нужды населения»[52].

Подобного рода выступления не оказывали непосредственного влияния на положение дел — однако и не оставались без внимания, сигнализируя о необходимости проявить внимание к территориальной организации страны. Это накладывалось на приобретшие в 1970-е годы особую остроту проблемы интенсификации экономики, а также реализации программ адресной поддержки отдельных регионов (Нечерноземье, Крайний Север, Западная Сибирь). В этих условиях происходит новый подъем интереса к экономическому районированию. Представителям научного сообщества оно виделось наиболее предпочтительным способом решения многочисленных экономических и социальных трудностей: «...настало время для того, чтобы существующее административно-территориальное устройство в большей степени основывалось на экономическом районировании, а последнее строилось на объективной научной базе»[53]. В лексику официальных документов партийных и государственных органов из терминологического арсенала экономической географии перекочевало понятие «территориально-производственный комплекс»: совокупность расположенных рядом друг с другом взаимосвязанных производств. Причем в решениях XXIV и XXV съездов КПСС (1971 г. и 1975 г.) указывались некоторые уже сформированные комплексы, обращалось внимание на «прогрессивность процесса территориально-производственного комплексирования в стране»[54].

Сотрудниками Госплана, Совета по изучению производительных сил, представителями различных отраслей научного знания (экономистами, географами, правоведами) неоднократно ставился вопрос о реформировании государственно-территориального деления на базе

экономического[55]. Идеи единства административного и экономического управления нашли отражение в новой Конституции: местные Советы должны были обеспечивать на подведомственных территориях «комплексное экономическое и социальное развитие»[56]. Наконец, именно в рамках существующих экономических районов осуществлялись программы регионального развития, именно на них ориентировались «решения партии и правительства по хозяйственным вопросам». В 1982 г. их сетка была уточнена, причем уточнение касалось РСФСР: Северо-запад оказался разделен на Северо-запад и Север (в результате численность районов на территории России достигла 11)[57].

Таким образом, альтернатива национально-территориальному устройству виделась именно в экономическом районировании. Его наиболее влиятельным сторонником в руководстве страны был Ю.В. Андропов. Став главой государства, он дал группе своих советников поручение представить соображения «об организации... штатов на основе численности населения, производственной целесообразности, и чтобы образующая нация была погашена». Однако выработанный проект, предполагавший создание на территории СССР 41 штата вместо 15 союзных республик, не получил воплощения вследствие тяжелой болезни и скорой смерти его инициатора[58].

Концентрация на вопросах экономического районирования имела свои положительные стороны (они касались прежде всего сферы исследований в области экономической географии), однако в целом свидетельствовала о кризисе подходов к проблеме территориальной организации страны. Фактически все многообразие региональной политики оказалось подменено решением узконаправленной задачи «размещения и развития производительных сил»[59], которая игнорировала специфику, интересы и потребности не только отдельных административно-территориальных единиц, но и целых регионов. Парадокс, но реальное значение экономических районов в этих условиях даже снизилось: они фигурировали в преподавании, использовались для сбора статистических данных или «вспомогательного» планирования в территориальном разрезе. Однако хозяйственная деятельность министерств и ведомств приводила к освоению не районов целиком, а лишь отдельных, «приоритетных» зон в их рамках — тех самых территориально-производственных комплексов. В результате на периферии внимания Центра оказывались огромные территории. К примеру, когда в 1985 г. в Политбюро ЦК КПСС обсуждалась задача «более рационального формирования территориально-производственных комплексов», в качестве такого «забытого» региона указывался Дальний Восток[60]. В 1987 г. была даже принята программа развития Дальневосточного экономического района[61],

хотя ее осуществление оказалось сорвано стремительным ухудшением социально-экономической обстановки в стране.

Кроме того, решение проблем «народного хозяйства» в значительной степени заслонило собой не менее важные вопросы межнациональных отношений. Советское руководство находилось в плену концепции «новой исторической общности — советского народа», не признававшей наличия многочисленных трудностей и конфликтов между этносами[62]. Между тем, в 1980-е годы эти проблемы с каждым годом становились все острее. Беспрецедентно тяжелый кризис «плановой» экономики только усиливал недовольство существующим устройством СССР (в частности, порождая в союзных республиках недовольство «эксплуатацией Москвы», а в России — нежелание «кормить неблагодарных нахлебников»). В конце десятилетия политика «гласности» вывела эти проблемы в сферу общественного обсуждения, на фоне открытых межнациональных конфликтов в разных регионах СССР речь зашла о кардинальном изменении самой природы государства[63].

Выдвигавшиеся предложения отличались противоречивостью: тут и отказ от самого принципа национальной государственности, и, наоборот, превращение Союза в «ассоциацию национальных автономий», идеи как развития принципа федерализма (в частности, предоставления субъектам Федерации права заключать различные союзы в пределах единого государства), так и решительного движения к конфедерации (вплоть до отказа от таких основополагающих документов, как Конституция и Союзный договор)[64]. Своего рода пиком дискуссий можно считать выступления двух главных моральных авторитетов позднесоветской интеллигенции — ученого А.Д. Сахарова и писателя А.И. Солженицына. Они сформулировали платформы основных политических лагерей того времени: либерально-демократического и национально-державного.

Проект Конституции Союза советских республик Европы и Азии авторства Сахарова был широко опубликован в начале 1990 г.[65] Согласно ему, все национальные автономии СССР (за исключением прибалтийских, взявших курс на достижение независимости) получали статус республик (таким образом число субъектов Союза увеличивалось до примерно 50). «Бывшая РСФСР образует республику Россия и ряд других республик. Россия разделена на четыре экономических района — Европейская Россия, Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь. Каждый экономический район имеет полную экономическую самостоятельность». Проект предполагал создание на пространстве СССР «добровольного объединения суверенных республик» (конфедерации), причем территория России «приносилась в жертву» будущему «равноправному союзу народов».

Осенью того же года имела широкий резонанс статья Солженицына «Как нам обустроить Россию?: посильные соображения»[66]. Заявив о неминуемом распаде СССР, он указал на необходимость возвращения территорий, отторгнутых в пользу Казахстана, и призвал к объединению славянских республик в «Российский союз», а затем коснулся проблемы территориального устройства будущего государства, предложив выделить «скажем, 40... жизненных и световых центров для своих краев как очагов экономической и культурной жизни». По сути, предлагалось значительное сокращение количества административно-территориальных единиц. Что касается национальных автономий, «для некоторых, даже и крупных, наций, как татары, башкиры, удмурты, коми, чуваши, мордва, марийцы, якуты, — почти что и выбора нет: непрактично существовать государству, вкруговую охваченному другим. У иных национальных областей — будет внешняя граница, и если они захотят отделяться — запрета не может быть». В сущности, здесь предлагался противоположный путь: унитарное национальное государство. Эта идея впоследствии неоднократно актуализировалась в публикациях и высказываниях как общественно-политических деятелей, так и представителей экспертного сообщества.

Попытки центральной власти отреагировать как на комплекс накопившихся проблем, так и на бурные общественные дебаты составляют сущность последнего этапа действий в сфере административно-территориального устройства. Его можно назвать *этапом кризисного менеджмента*. Почти сразу был взят курс на наполнение «советского федерализма» реальным содержанием. На XIX конференции КПСС (1988 г.) предлагалось «обеспечивать максимальный учет интересов каждой нации и народности» при «расширении прав союзных республик и автономных образований путем разграничения компетенций... децентрализации, передачи на места ряда управленческих функций, усиления самостоятельности и ответственности»[67]. На I Съезде народных депутатов СССР (1989 г.) уже всерьез говорилось о перестройке федерации с учетом реального суверенитета ее составных частей. Состоявшийся следом пленум ЦК КПСС принял «Платформу по национальной политике», содержавшую идею придания советской автономии нового статуса, а именно: «преобразовать некоторые автономные республики в союзные»[68]. Завершился этот процесс принятием весной 1990 г. Закона «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации»[69]. В нем уравнивался правовой статус союзных республик и автономий («автономных республик, автономных образований»), последние рассматривались отныне в качестве «советских социалистических государств» (возможно, эта новация стала «эхом» идей Сахарова).

Какой бы ни была цель этого акта, на практике он «взломал» всю сложившуюся к тому времени систему административно-территориального деления России, разрушив иерархию и структуру подчиненности в ее рамках. К примеру, постулировалось, что автономные округа входят в состав Федерации напрямую и лишь «могут входить в край или область»; автономии также получили право на взаимодействие с органами власти и управления республики[70]. Закон фактически дал старт т.н. «параду суверенитетов» как в общесоюзном, так и во внутрироссийском масштабе. К концу 1990 г. декларации о государственном суверенитете приняли большинство автономных республик в составе РСФСР (14 из 16), а к лету 1991 г. суверенными республиками провозгласили себя и все автономные области (кроме Еврейской)[71].

Одновременно в условиях резкого ослабления центральной власти возможностью обрести собственную субъектность попытались воспользоваться «обделенные» народы. В 1990—1991 гг. в регионах, отличавшихся «активным и противоречивым межэтническим взаимодействием» (прежде всего, Северный Кавказ), распространилось такое явление, как республиканизация — попытки образования новой республики в составе Российской Федерации или даже «независимого государства» на ее территории. Провозглашены были Кумыкская и Ногайская республики, Шапсугский национальный район, казачьи Баталпашинская и Зеленчугская республики. В традиционных «зонах напряжения» предпринимались попытки размежевания: на территории Карачаево-Черкесии было объявлено о создании Республики Карачай и Черкесской республики, на грани распада оказалась Кабардино-Балкария (там прозвучало требование независимости Кабарды, в балкарских районах прошел референдум, на котором население высказалось за создание Республики Балкария, а население русскоязычных районов потребовало своего присоединения к Ставрополью).

Показательно, правда, что в своих действиях активисты неизменно апеллировали к федеральному центру, стремясь непременно заручиться поддержкой Москвы. Отсутствие же таковой поддержки, наложившееся на отсутствие правовых оснований или ресурсов для функционирования в качестве «суверенного государства», привело к быстрому затуханию инициатив подобного рода. Единственным примером состоявшегося размежевания субъекта Федерации стал распад Чечено-Ингушской АССР в октябре 1991 г.: Ингушетия предпочла остаться в составе России, а Чечня объявила себя независимым государством.

Обращает на себя внимание то, что в процессе суверенизации присутствовала административно-политическая, но практически отсутствовала территориальная составляющая. Территориальные единицы просто повышали свой статус до максимально возможного, не посягая

на существующие границы — как свои, так и соседей. Официальной причиной этого можно считать закрепленное в тогдашней Конституции РСФСР положение о том, что «территория автономной республики не может быть изменена без ее согласия»[72]. Однако этого объяснения явно недостаточно для того периода инициативного нормотворчества.

Представляется, что дело здесь, во-первых, в инерционности представлений «суверенизаторов», по большей части мысливших в рамках привычных демаркационных линий, во-вторых, в существовании в каждой административно-территориальной единице местных элит (представители органов власти, руководители производства, нарождающегося бизнеса, общественные деятели). Их интересам и положению была невыгодна радикальная перекройка внутренних границ, чреватая как утратой уже подконтрольных территорий, так и приобретением новых, но малоразвитых или находящихся в тяжелом положении (последнее, скорее, ослабляет положение и степень влияния местной элиты, нежели способствует их усилению).

В-третьих, как уже отмечалось, местные элиты были ориентированы на Москву и практически не предпринимали решительных сепаратистских действий. Федеральный центр же в условиях тяжелого кризиса государственности испытывал явный дефицит внимания не только к вопросам территориального деления, но и к региональной проблематике в целом. Ярким примером господствовавшего подхода стал подписанный весной 1992 г. т.н. Федеративный договор. Согласно ему, все административно-территориальные единицы Российской Федерации получали статус субъектов Федерации, в то же время их границы оставались неизменными. Договор породил сразу несколько юридических казусов: таких, как «матрешечное» устройство некоторых единиц (автономные округа признавались субъектами Федерации и могли входить в ее состав непосредственно, в то же время оставаясь в составе краев и областей), признание принципа существования суверенных государств (республик) в составе единого суверенного государства, или закрепление «асимметричности» Российской Федерации (республики получили больше прав и гарантий со стороны центра, нежели автономии и края/области). Показательно, что эти казусы, несмотря на все усилия, не ликвидированы и по сей день.

Наряду с центробежными тенденциями в региональной сфере начала 1990-х годов существовали и центростремительные. Наиболее важной стала очередная актуализация темы экономического районирования — причем если ранее все решения в этой сфере принимались «сверху», то есть центральными органами власти, то теперь инициативу перехватили «низы» — регионы. В условиях разрушения единого народнохозяйственного комплекса, обострения социальной

напряженности при декларируемом переходе к рыночной экономике, власти областей, краев и автономий стремились объединить усилия для стабилизации положения. Делалось это в форме межрегиональных ассоциаций экономического взаимодействия.

Они сформировались на территории России в течение 1990—1991 гг. Названия их говорят сами за себя: Дальневосточная, Уральского экономического региона («Большой Урал»), «Сибирское соглашение», «Центральная Россия», «Северо-запад», «Черноземье», «Большая Волга» (Северо-кавказская сформировалась позже, в 1992 г.). С течением времени они вбирали в себя новые субъекты Федерации по принципу тяготения в рамках экономических районов. Впрочем, ассоциации оказались крупнее последних: так, «Северо-запад» включил в себя Северный и Северо-Западный, «Большая Волга» — Поволжский и Волго-Вятский, а «Сибирское соглашение» — Восточно-Сибирский и Западно-Сибирский район. Таким образом, их конфигурация отсылала в результате даже не к районам 1960-х годов, а к «госплановским» краям/областям 1920-х годов.

Российское руководство поддержало формирование ассоциаций. Правда, в позднесоветский период они только складывались и еще не успели проявить себя, но уже к концу 1990-х годов со стороны как экспертного сообщества, так и политического класса зазвучали многочисленные предложения о корректировке Конституции Российской Федерации с целью превращения их в основу федеративного устройства страны. И возможно, что именно ассоциации, будучи главным консолидирующим явлением в регионах, предотвратили казавшийся в те годы вполне вероятным распад России — в отличие от Союза ССР, в котором энергия центробежных сил намного превосходила влияние центростремительных.

Подводя итоги, отметим, что рассматриваемый хронологический промежуток является периодом активных поисков эффективного формата устройства страны в условиях смены государственного строя. Представляется возможным выделить два основополагающих подхода к решению этой задачи: административно-политический и экономический. Первый предполагал образование административно-территориальных единиц исходя из потребностей управления обширной территорией страны, а также политико-идеологических задач. Второй заключался в оформлении территорий для достижения экономических целей. В разные периоды истории то один, то другой подход выходил на первый план, однако чаще всего использовалась комбинация из элементов каждого.

Главной характеристикой действий в региональной сфере советского периода стало то, что большевики пришли к власти, не имея

сформулированного позитивного плана преобразования административно-территориального устройства страны. Поэтому их политика с самого начала носила характер ситуативной, будучи направлена, прежде всего, на упрочение своего контроля над обширной территорией России. Эта ситуативность как *modus operandi* сохранялась даже несмотря на выработку в начале 1920-х годов амбициозной программы районирования. Подходы к организации территории страны изменялись со сменой направления политического и экономического развития, причем, как правило, достаточно радикально, с серьезными последствиями для структур управления как в центре, так и на местах. По сути территориальные преобразования явились частью общего процесса перманентных структурных перетрясок, сопровождавших первые десятилетия существования советской системы. Более того, создается впечатление, что в сфере регионального управления для руководства страны тактические, оперативные задачи имели приоритет перед стратегическими, а поиски оптимальной территориальной структуры были в значительной степени интуитивными.

Результаты этих поисков весьма неожиданны: как отмечают специалисты, большинство единиц высшего звена либо сохранились со времен Российской империи, либо возродились в близком к историческому виде, с прежними центрами (хотя и под новыми названиями краев и областей)[73]. Из новых же, созданных в советский период единиц далеко не все смогли сохраниться на карте. Главной новацией следует признать не их, а многочисленные национальные образования (автономные республики, области, округа) и сам принцип национально-государственного и федеративного устройства России.

К началу 1990-х годов сложилась дробная, неоднородная и весьма громоздкая структура административно-территориального деления страны, с количеством единиц управления, значительно превышавшим возможности центральных структур власти. Это привело к их постепенной, но неуклонной поляризации, формированию точек притяжения и депрессивных территорий, а также этнических форпостов с порой весьма агрессивной местной элитой. Все это сказалось при начале серьезных экономических реформ и весьма осложнило их проведение. Правомерно констатировать, что в советский период власть не сумела привести территорию страны в форму, оптимальную для эффективного управления, постепенно попросту отказавшись от дальнейших действий в этом направлении. Как результат, нерешенные проблемы административно-территориального деления оказались в числе катализаторов территориальной дезинтеграции СССР и достались «в наследство» постсоветской России.

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. — Т. 24. — С. 147.
[2] *Калашникова Т.М.* Экономическое районирование. — М., 1982. — С. 84—91.
[3] См.: *Любичанковский С.В.* Ремонтируемая вертикаль: губернская реформа в планах правительства Николая II. — Оренбург, 2009.
[4] См.: *Кушнир А.Г.* Реорганизация политико-административного деления России как средство захвата и удержания власти: (из опыта революционных преобразований 1917—1918 годов) // Отечественная история XX века: экономическая, политическая и социальная жизнь, преподавание в вузе: материалы Междунар. конф. памяти В.З. Дробижева. — М., 2004. — С. 244—275; *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (весна 1917 — лето 1918 гг.). — М., 2004; *Красовицкая Т.Ю.* Этнокультурный дискурс в революционном контексте февраля—октября 1917 г.: стратегии, структуры, персонажи. — М., 2015.
[5] *Сазонова Т.К.* «Красная» Иваново-Вознесенская губерния: из истории создания (1917—1919 гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. История России». — 2013. — № 10. — С. 127—128.
[6] *Кушнир А.Г.* Указ. соч. — С. 256—274.
[7] Постановление VII Всероссийского съезда Советов от 12 дек. 1919 г. о советском строительстве (Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства. — 1919. — № 64 (ст. 578)).
[8] *Тархов С.А.* Изменение административно-территориального деления России в 18—20 веках // Логос. — 2005. — № 1. — С. 70—90; *Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география. — М., 2001. — С. 460—464.
[9] *Дробижев В.З.* Актуальные проблемы истории СССР (октябрь 1917 — 30-е гг.). — М., 1989. — С. 50.
[10] *Лужин А.В.* О совершенствовании административно-территориального устройства Советского государства // Советское государство и право. — 1962. — № 9. — С. 48—49.
[11] Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, совещаний и пленумов ЦК. — Изд. 8-е, доп. и испр. — М., 1970. — Т. 2. — С. 252.
[12] *Олимов М.М.* В.В. Бартольд о национальном размежевании в Средней Азии // Восток: афро-азиатские общества: история и современность. —1991. — № 5. — С. 97—110.
[13] Малая советская энциклопедия. — М., 1937. — Т. 5. — С. 891.
[14] *Сухопара Ф.Н.* Единство экономического и административного районирования в СССР // Вопросы экономического районирования СССР. — М., 1957. — С. 104—105.
[15] *Исляев Р.А.* Административно-территориальное устройство Советской России и СССР. — СПб., 2002. — С. 10.
[16] *Алексеев В.В.* От централизации к дезинтеграции России // Россия на рубеже XXI века: оглядываясь на век минувший. — М., 2000. — С. 18.
[17] *Сухопара Ф.Н.* Указ. соч.
[18] *Нечипурнова Н.С.* Партийное руководство опытным административно-хозяйственным районированием Северного Кавказа. — Орджоникидзе, 1968. — С. 74, 80—83.
[19] *Терентьев В.Г.* Экономическая генетика. Теория и практика ее применения. — М., 2003. — С. 249—250.
[20] Административно-территориальное деление Союза ССР: краткий справочник на 1 сент. 1935 г. — М., 1935. — С. IV.
[21] *Логиновский С.Л.* К новому территориальному устройству России? // Полис: (политические исследования). — 1997. — № 5. — С. 140.
[22] *Кодин Е.В.* «Смоленский архив» и американская советология. — Смоленск, 1998. — С. 116—117.
[23] *Коржихина Т.П.* Советское государство и его учреждения. — М., 1994. — С. 194, 223—225.

[24] *Бугай Н.Ф.* Советский централизм и авторитаризм: республики и регионы // Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации, XVI—XX вв. — М., 2007. — С. 207—208.
[25] Административно-территориальное деление Союза ССР ... на 1 сент. 1935 г. — С. III.
[26] *Адамеску А.А.* К совершенствованию территориально-организационной структуры России // Российский экономический журнал. — 1993. — № 10. — С. 65.
[27] *Колосовский Н.Н.* Избранные труды. — Смоленск, 2006. — С. 94, 123.
[28] Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). — Ф. 3. — Оп. 8. — Д. 3. — С. 175, 185; Ф. 3. — Оп. 10. — Д. 3. — Л. 26.
[29] *Коржихина Т.П.* Указ. соч. — С. 214.
[30] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 556. — Оп. 14. — Д. 86. — С. 97—98.
[31] Там же. — Д. 27. — С. 25—26.
[32] Государственный архив Псковской области (ГАПО). Путеводитель. — Великие Луки, 2011. — Т. 1. — С. 473—474.
[33] *Хрущев Н.С.* Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. — М., 1962. — Т. 2. — С. 441.
[34] *Лужин А.В.* Указ. соч. — С. 50.
[35] *Лысенко В.Н.* История повторяется трижды // Российская газета. — 2000. — 16 мая.
[36] *Адамеску А.А.* Указ. соч.
[37] Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 сент. 1963 г. «Об уточнении состава экономических районов СССР» (Собрание постановлений Правительства СССР. — 1963. — № 19 (ст. 190)).
[38] Постановление Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР от 13 сент. 1961 г. «Об экономическом районировании РСФСР и организации советов по координации и планированию в крупных экономических районах» (Собрание постановлений Правительства РСФСР. — 1961. — № 24 (ст. 108)).
[39] *Полынов М.Ф.* Исторические предпосылки перестройки в СССР, вторая половина 1940-х — начало 1980-х гг. — СПб., 2010. — С. 150—151.
[40] Ведомости Верховного Совета СССР. — 1963. — № 6.
[41] *Лужин А.В.* Указ. соч. — С. 51.
[42] Справочник партийного работника. — М., 1963. — Вып. 4. — С. 115—116.
[43] *Мякшев А.П.* Власть и национальный вопрос: межнациональные отношения и Совет Национальностей Верховного совета СССР (1945—1991). — Саратов, 2004. — С. 167—168.
[44] *Данилов А.А.* Проект конституционной реформы в СССР начала 60-х годов // Российское государство и общество. XX век. — М., 1999. — С. 217—218.
[45] *Коржихина Т.П.* Указ. соч. — С. 193, 239.
[46] *Бовин А.Е.* Социализм // Философский энциклопедический словарь. — М., 1983.
[47] *Ханья С.* Целиноград, июнь 1979 г.: к вопросу о несостоявшейся немецкой автономии в Казахстане // Acta Slavica Iaponica. — 2003. — № 20. — С. 230—236.
[48] *Пащеня В.Н.* Крымская область в советский период (1946—1991 гг.). — Симферополь, 2008. — С. 302.
[49] *Багров Н.В.* Крым: время надежд и тревог. — Симферополь, 1996. — С. 32.
[50] *Шамба Т.М., Непрошин А.Ю.* Абхазия. Правовые основы государственности и суверенитета. — М., 2004. — Гл. 2: Государственность Абхазии.
[51] 58^{10}: надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде, март 1953 — 1991: аннот. каталог. — М., 1999. — С. 689, 700, 792.
[52] *Усягин А.В.* Политическое управление и его территориальные аспекты: российский опыт. — Н. Новгород, 2005. — С. 104.
[53] *Шафир М.А.* Административно-территориальное устройство советского государства. —М., 1983. — С. 139.

[54] *Кибальчич О.А.* Территориально-производственные комплексы // Большая советская энциклопедия. — 3-е изд. — М., 1976. — Т. 25. — С. 508.
[55] Напр.: *Саушкин Ю.Г.* Экономическая география: история, теория, методы, практика. —М., 1973; Вопросы географии. — М., 1978. — Сб. 109: Географические аспекты управления; *Хорев Б.С.* Территориальная организация общества. — М., 1981; *Калашникова Т.М.* Указ. соч.; Система управления экономикой развитого социализма: тенденции и проблемы. — М., 1982; *Хорев Б.С.* Региональная политика в СССР (экономико-географический подход). — М., 1989.
[56] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. — М., 1977. — Ст. 93.
[57] Постановление Совета Министров СССР от 19 нояб. 1982 г. «Об уточнении экономического районирования» (Собрание постановлений Правительства СССР. — 1982. — № 31 (ст. 158)).
[58] Четыре генсека: Аркадий Вольский о Брежневе, Андропове, Черненко и Горбачеве // Коммерсантъ. — 2006. — 12 сент. (№ 169).
[59] *Агранат Г.А.* О региональном развитии и региональной политике // Свободная мысль. —1996. — № 9. — С. 29.
[60] *Воротников В.И.* А было это так...: из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. — М., 1995. — С. 68, 72, 74.
[61] Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 авг. 1987 г. «О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года».
[62] *Зубкова Е.Ю.* Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР, 1953—1985 гг. // Отечественная история. — 2004. — № 4. — С. 7—8.
[63] *Пихоя Р.Г.* Советский Союз: история власти, 1945—1991. — Новосибирск, 2000. — С. 463—474.
[64] *Терещенко Ю.Я.* К вопросу о конституционной реформе в СССР в период перестройки // Российское государство и общество. XX век. — М., 1999. — С. 224—227.
[65] *Сахаров А.Д.* Конституция Союза советских республик Европы и Азии: проект. URL: http://www.sakharov-archive.ru/Raboty/Constitution.htm
[66] *Солженицын А.И.* Как нам обустроить Россию?: посильные соображения // Литературная газета. — 1990. — 18 сент.
[67] XIX Всесоюзная конференция КПСС. Стенографический отчет. — М., 1988. — Т. 1. — С. 63—68; Т. 2. — С. 157.
[68] *Горбачев М.С.* О созыве очередного XVIII съезда КПСС: выступление на Пленуме ЦК КПСС 19 сент. 1989 г.; О национальной политике партии в современных условиях: доклад и заключительное слово на Пленуме ЦК КПСС 19—20 сент. 1989 г. — М., 1989. — С. 26.
[69] Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1990. — 9 мая. № 19.
[70] *Иванов В.В.* Путин и регионы. — М., 2006. — С. 162.
[71] Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 1990-х годов / Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У. — М., 1996. — С. 116.
[72] Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (с изм. и доп.). — М., 1991. — Гл. 9, ст. 80.
[73] *Тархов С.А.* Указ. соч. — С. 98; *Адамеску А.А.* Указ. соч.; *Кистанов В.В.* Государственно-территориальное устройство России — на экономическую основу // Экономист. — 1993. —№ 8. — С. 56—62.

Л.В. Борисова

ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ПЕРИОД НЭПА

В статье анализируются трудовые отношения на советских предприятиях в период нэпа. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов ГПУ исследуется отношение рабочих к труду, руководителям производства, мерам по повышению производительности труда. Впервые показана повседневная жизнь рабочих через призму многочисленных трудовых конфликтов.
Ключевые слова: рабочие; трудовые отношения; мотивация труда; производительность труда; заработная плата; трудовой конфликт; ГПУ; новая экономическая политика; Советская власть.

L.V. Borisova
Features of labor relations at enterprises in Soviet Russia in the 1920s

The article analyzes labor relations in Soviet enterprises in the period of NEP. Based on the newly introduced into scientific use of archival documents GPU investigated the ratio of workers to work, heads of production, measures to increase productivity. For the first time shows the daily life of workers through the prism of numerous labor disputes.
Key words: workers; labor relations; labor motivation; productivity; wages; labor conflict; GPU; new economic policy.

В последние годы появилось немало работ, посвященных трудовым отношениям в различные периоды отечественной истории. В том числе изучается влияние государственных и общественных институтов на стимулирование и мотивацию труда, рабочий протест, история отраслей и отдельных предприятий и производственных коллективов[1].

Внимание к проблемам рабочей истории обусловлено не только научными задачами, но и неослабевающим общественным интересом к советскому прошлому. В центре дискуссий — особенности формирования и оценки эффективности социалистического производства, его идеологические и экономические составляющие, место и роль человека труда в строительстве нового общества. Большой интерес современных исследователей привлекает также проблема преодоления кризиса в мотивации труда в современной России.

Мотивация производительного труда была ключевой и для трудовых отношений 1920-х годов. Данная статья посвящена анализу важных аспектов трудовых отношений в период нэпа: мотивации труда как многофакторного явления, повседневной практике взаимоотношений рабочих, специалистов и руководителей производства, формам проявления недовольства рабочих различными сторонами производственной жизни.

* * *

Завершение гражданской войны и переход к восстановлению экономики выдвинул на первый план необходимость принятия мер по стимулированию труда и повышению его производительности. «Теперь мы должны побеждать не путем приказаний и монопольного положения, а путем лучшей работы», — заявил председатель ВСНХ А.И. Рыков на IV всероссийском съезде совнархозов[2]. Весной 1921 г. эта задача формулировалась еще крайне неопределенно: в кратчайший срок обеспечить такой паек и такие условия жизни, которые действительно были бы для рабочих стимулом оставаться на фабриках и заводах[3].

В условиях нэпа большое значение для создания рынка труда имело введение в мае 1921 г. облегченного порядка перехода с одного предприятия на другое. С сентября 1921 г. начался переход на новую тарифную сетку, увеличившую дифференциацию оплаты труда[4]. Причем новая тарифная сетка, установленная ВЦСПС, фиксировала только обязательный минимум зарплаты. Профсоюзные органы в зависимости от конкретных условий имели право ее повышать.

Кодекс законов о труде, принятый осенью 1922 г., зафиксировал права и обязанности участников трудового процесса в новых условиях. В соответствии с кодексом, основным документом, регулирующим взаимоотношения участников трудового процесса, стал коллективный договор. В нем фиксировались правила найма и увольнения, размер тарифа, продолжительность рабочего дня и отпуска, нормы выработки и оплата сверхурочных работ, порядок оплаты сокращаемых рабочих, снабжение прозодеждой. В договорах фиксировались также штрафные санкции за нарушение срока выплаты жалования. (Правда, на государственных предприятиях этот пункт выполнялся очень редко.) Даже спустя несколько лет после объявленного отказа от военного коммунизма вносились пункты о выдаче бесплатных трамвайных талонов, талонов на оплату электричества и водопровода, талонов на обувь и одежду.

Проведение в жизнь нэпа предусматривало также децентрализацию управления отраслями, перевод трестов на хозрасчет, введение материального стимулирования рабочих. Исходя из крайней огра-

ниченности ресурсов, ставилась задача как можно быстрее провести концентрацию промышленных предприятий, а на оставшихся организовать эффективное производство.

Формирование рынка труда и конкурентной среды в свою очередь привели к появлению социальной напряженности на производстве. Советская историография умалчивала о том, что рабочие зачастую относились враждебно к коллегам по профессии, потому что видели в них тех людей, которые займут их рабочие места в случае увольнения. Проявления антагонизма наблюдались и внутри инженерного корпуса[5]. В связи с курсом на повышение производительности труда специалисты стремились продемонстрировать свой профессионализм в организации производства. Появилась конкуренция и между государственными и частными предприятиями за получение заказов. Причем в этой борьбе не всегда побеждали государственные предприятия[6].

Еще одна важная особенность, присущая трудовым отношениям этого периода, — столкновение интересов различных социальных групп. Этот процесс сопровождался наиболее многочисленными в советской истории трудовыми конфликтами, в основе которых лежала борьба за справедливую оплату труда[7]. В них проявлялся и большой предреволюционный опыт отстаивания своих интересов и отчаянная борьба за выживание в условиях экономической разрухи, и появившееся ощущение собственной социальной силы, как класса-гегемона.

«Классовая линия» проводилась не только непосредственно на производстве, но и за пределами заводской проходной. Складывались механизмы восприятия общественной и личной жизни, в которой рабочий рассматривался как единица производственного коллектива. Традиционные отношения типа «хозяин-работник» наполнялись новым содержанием. Насаждавшаяся идеологема, что рабочие — хозяева фабрик и заводов, не подтверждалась практикой взаимоотношений на предприятиях. Хотя оппоненты большевиков говорили, что рабочий — «бессловесный раб комъячейки и директора»[8], но реалии заводской жизни не были столь однозначны. Принимая как данность сложившуюся политическую систему и подчеркивая лояльность режиму, рабочие, тем не менее, активно отстаивали свои экономические интересы.

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДОВОГО ПРОЦЕССА

Несмотря на законодательно установленный 8-часовой рабочий день, фактическая организация трудового процесса была такова, что граница между рабочим и нерабочим временем, между трудом и

отдыхом была крайне зыбкой и нередко нарушалась как администрацией, так и рабочими. Так, к неоправданной затрате свободного времени и физических сил рабочих приводило стремление руководителей предприятий к экономии. «Одиннадцать часов в очереди. Если начинается выдача денег после работы, то кончается в 5 часов утра. Это потому, что заводоуправление экономит на дополнительном раздатчике, давая всего одного на огромный цех», — сообщалось в одном из номеров заводской стенгазеты об организации выдачи зарплаты на заводе «Серп и молот»[9].

Использовался и еще один «экономный» метод выдачи зарплаты, изматывавший рабочих. Чтобы не тратить рабочее время, правления предприятий подгоняли сроки выдачи зарплаты к субботе. Рабочий день заканчивался в 2 часа дня, а затем — многочасовое стояние в очереди. «С двух часов в субботу — возмущался рабкор, — простаиваешь до 12 ночи, теряя на получку свой субботний отдых». Вот как, например, происходила выдача денег на заводе «Серп и молот»: «В субботу очередь стала с двух часов, но раздача началась с девяти. Рабочие, проживающие поблизости, успели сбегать домой позаправиться, живущие далеко ожидали впроголодь. Были приехавшие из деревень. Отпуск получили они 1-го [числа] и ушли без денег, а 7-го обещали выдать. Долгая стоянка в череду действовала утомительно: одни уснули, сидя; другие, растянувшись прямо на грязном полу, отлеживали уставшее тело; третьи, махнув рукой, ушли от муки, откладывая ее на завтра, на послезавтра. У всех лица утомленные, грязные. Раздача в этот день закончилась в 6 часов утра. Многие после этого не вышли на работу»[10].

Прогулы также были связаны с натурализацией оплаты труда и выплатами части зарплаты облигациями хлебного и золотого займа. Рабочие были вынуждены вместо работы заниматься продажей полученной продукции своих предприятий и реализацией облигаций на черном рынке. Однако большинство нарушений трудовой дисциплины было связано с ростом пьянства среди рабочих и руководства предприятиями. Особенно в дни выдачи зарплаты пьянство носило повальный характер. В связи с этим отмечалось обнищание рабочих. Многочисленные пивные открывали рабочим кредит, и в день выдачи зарплаты получать им было просто нечего. С пьянством было связано также распространение асоциального поведения в рабочей среде, особенно среди молодежи. В документах приводится немало фактов повального пьянства не только в общежитиях в дни получек, но даже в цехах; прогулов, хулиганства. Так, в апреле 1924 г. произошел вопиющий случай на заводе «Серп и молот». Во время пьяной драки в ремонтном цехе один из рабочих был убит ударом по голове пивной

бутылкой. Убийцу задержали, однако очень скоро он снова появился на заводе. Возмущенные рабочие остановили работу и только после обещания завкома дать делу законный ход возобновили ее[11].

Условный характер границы между рабочим и нерабочим временем, характерный для системы советского производства, был связан также с деятельностью на предприятиях политических и общественных организаций, встраивавших советские идеологемы в повседневные практики. Нередко для проведения политических митингов и шествий останавливалась работа всех предприятий города. Помимо комячейки, фабзавкома и различных комиссий к середине 1920-х годов на предприятиях действовали производственные совещания, через которые рабочие вовлекались в практическую работу по улучшению организации производства и повышению производительности труда. В конечном итоге деятельность этих многочисленных органов создавала атмосферу коллективизма и причастности рабочих к жизни своих предприятий.

Важной формой выявления настроений рабочих и в то же время политического влияния на рабочие массы являлись заводские собрания, митинги и демонстрации. Они служили эффективным инструментом формирования заданного отношения рабочих к многочисленным политическим и хозяйственным кампаниям, использовались для разжигания классовой ненависти и целенаправленного формирования негативного отношения к политическим оппонентам власти. Однако независимо от официальной повестки рабочие обсуждали на собраниях действительно волновавшие их проблемы: задержки зарплаты, новые нормы и тарифы, снабжение прозодеждой и т.д. Как правило, общие собрания начинались вечером и порой затягивались до ночи, не оставляя времени для отдыха.

Рабочие не доверяли ни заводоуправлению, ни руководству треста, ни профсоюзным активистам, поэтому собрания, на которых обсуждались их претензии к руководству, принимали озлобленный и враждебный характер[12].

Активность рабочих на общих собраниях, в том числе и в связи с колдоговорами, оценивалась негативно не только органами ГПУ, но и администрацией предприятия и комячейкой, так как могла привести к принятию нежелательных поправок в проекте колдоговора или к конфликту вплоть до забастовки. Таких рабочих брали на заметку и увольняли, в первую очередь, в ходе кампаний по сокращению штатов. При этом в зоне особого внимания ГПУ находились бывшие коммунисты, как исключенные по разным причинам, так и добровольно выбывшие из членов партии. Информация об их поведении собиралась и периодически докладывалась по запросам партийных органов[13].

НИЗКИЕ СТАВКИ И ВЫСОКИЕ НОРМЫ

Для массового сознания рабочих было характерно наличие собственного представления о справедливой оплате труда. Они не только не признавали необходимость разной оплаты физического и интеллектуального труда на предприятиях, но и квалифицированного и неквалифицированного, считая приоритетным тяжелый физический труд. Так, выражением этой точки зрения являлось недовольство кочегаров московской фабрики «Красная роза» тем, что, несмотря на тяжесть работы, при тарификации их отнесли к низкооплачиваемой категории[14]. А на Бельском спиртоводочном заводе рабочие одного из отделений с санкции фабзавкома произвели «уравнение зарплаты», приравняв в оплате 5-й, 6-й и 7-й разряды к 4-му. Сэкономленные таким образом деньги были поровну распределены между всеми рабочими. «Уравнительные» настроения проявлялись и в том, что на ряде предприятий «низкоразрядники» заявляли, что готовы получать еще меньше, лишь бы столько же получали директор и другие руководители их предприятия.

Недовольство неквалифицированных рабочих, среди которых было немало коммунистов, оплатой своего труда переносилось ими и на работу завкомов и профсоюзов. Примечательно, что кампании по перевыборам фабкомов вызывали значительный рост активности именно этой части рабочих. «Назло ячейкам» они выставляли свои списки, связывая с новым составом фабкомов надежды на повышение зарплаты. «Приперло вас, выдвигайте кого надо, а то провалим», — говорили они членам комячейки. Среди квалифицированных групп рабочих, наоборот, интерес к перевыборам был незначительный.

Большой проблемой, сказывавшейся на величине заработной платы, являлась неразбериха с тарифами. Рабочие одной профессии и квалификации, но занятые в разных трестах, получали разные зарплаты в соответствии со своими ведомственными сетками. Например, большинство рабочих Арматурного треста получали от 16,41 до 31,92 руб. и имели приработок до 50%. В Главвоенпроме рабочие такой же квалификации получали от 19,8 до 39,6 руб., но приработок был не всегда[15]. Большинство коммунальщиков и вовсе имели зарплату в 7—8 руб., но зато 100% приработка[16].

Рабочих раздражали также частые пересмотры норм и расценок, которые, как правило, снижали достигнутое ранее повышение зарплаты. Не случайно из 300 забастовок, происшедших в 1924 г. в СССР, 100 было объявлено из-за низких тарифов и высоких норм выработки[17]. «Раньше трудолюбивых рабочих хозяин баловал, при-

бавлял им зарплату, а теперь, если хорошо работаешь, тебе прибавят норму», — говорили рабочие[18].

В то же время на частных и кооперативных предприятиях, как правило, зарплата была выше. Такое положение способствовало большой текучести кадров, что в свою очередь отрицательно сказывалось на выполнении производственных заданий. Уход квалифицированных рабочих отмечался почти на всех крупнейших металлозаводах страны: Путиловском и Балтийском в Ленинграде, Тульских оружейных заводах, на заводах Урала и многих других. Год от года переход квалифицированных рабочих на лучше оплачиваемые места принимал все большие размеры. Только в Москве за август 1925 г. переход квалифицированных рабочих был отмечен на 11 машиностроительных заводах.

Уход квалифицированных рабочих являлся также одним из методов нажима на администрацию. В ряде случаев, чтобы не сорвать выполнение производственного задания, администрация была вынуждена удовлетворять требования рабочих. Например, в октябре 1925 г. на ленинградском заводе «Вперед» при довольно высокой средней ставке квалифицированных рабочих в 85—90 руб. пришлось повысить расценки на 10—20%. На фабрике «Рабкрай» (Иваново-Вознесенская губ.) банкаброшные мастера пригрозили коллективным отъездом в Ленинград, если им не увеличат зарплату. Однако имелось немало случаев, когда в ответ на твердую позицию администрации квалифицированные рабочие увольнялись с предприятия[19]. В отличие от неквалифицированных рабочих, составлявших основную массу безработных, они были уверены в своей востребованности.

На большинстве предприятий нормы разрабатывались без учета состояния оборудования, в результате заработок после перехода на сдельщину резко понижался. Так, до введения новых норм ткачихи московской ткацкой фабрики имени 5-й годовщины Красной армии вместе с приработком зарабатывали до 40 руб., а подмастерья — до 65 руб. В получку же 6 декабря 1924 г. ткачихи получили 25 руб., а подмастерья — 43 руб.[20]

Низкие расценки, их частое снижение, разная оплата одинаковых работ, произвольное назначение расценок и норм, ограничение приработка являлись серьезным источником острого недовольства рабочих, в том числе и членов партии. Через призму материального положения формировалось и отношение к власти. Не редкостью были такие высказывания: «У нас власть рабоче-крестьянская, а рабочие и крестьяне живут плохо, хорошие должности получают одни коммунисты», «Нэп жиреет за счет рабочих», «Что нам в наших политических правах, когда приходится гнуть спину за кусок хлеба,

нужно, чтобы Советская власть обеспечила рабочего, этого до сих пор не видно».

Критикуя власть, рабочие часто сравнивали свое положение с дореволюционным прошлым. «Раньше этого не было, хозяева с нас шкуру не драли», — говорили на ткацкой фабрике № 3 Орехово-Зуевского треста в связи с большими вычетами из зарплаты после летних отпусков[21]. В связи с отменой по новым колдоговаром оплаты двух субботних часов рабочие стали говорить: «У нас отнимают одно завоевание за другим, большевики стараются для себя, а не для рабочих»[22]. В этом же контексте интерпретировалась и полемика Троцкого с ЦК. Осуждая увеличение норм и снижение заработка, рабочие говорили: «...Нас закабаляют хуже, чем в старое время, а говорить против этого нам нельзя. Да и не только, дескать, им, но нельзя говорить даже самому Троцкому, который хотел нас защитить, но его одернули и предложили заболеть»[23]. Звучали также предложения о необходимости вернуться к рабочему контролю.

В сознании рабочих аналогия с работой при старом режиме усиливалась сравнением новых повышенных норм с нормами, существовавшими в дореволюционный период. Так, протестуя против новых норм, рабочие завода «Трубосоединение» (бывший Ган) отправили в союз металлистов делегацию с данными о производительности труда в 1912—1913 гг. В их обращении подчеркивалось, что в эти годы они вырабатывали за 9 часов на 20—30% продукции меньше, чем при теперешних нормах за 8 часов[24]. В направлении интенсификации труда действовали и другие профессиональные союзы. Так, союз печатников в начале 1925 г. разработал новое положение об оплате труда. В соответствии с ним на всех полиграфических предприятиях вводились расценки довоенного времени, но при более высокой норме выработки[25].

КУРС НА ИНТЕНСИФИКАЦИЮ ТРУДА

С 1924 г. на предприятиях был взят курс на повышение производительности труда, а перспективы его повышения во многом связывались с использованием научной организации труда. В связи с этим один из главных идеологов НОТ, директор Центрального института труда А.К. Гастев опубликовал в «Правде» статью, в которой задался вопросом: «почему немец работает лучше русского?». В ответ в ЦИТ поступило огромное количество откликов из разных городов страны. Вот как в духе нашего времени ответил на этот вопрос рабочий из Ленинграда:

«1) оттого, что рядовой немец вообще культурнее рядового русского,

2) оттого, что производственная техника в Германии, где капитализм развился раньше, нежели у нас, стояла и стоит выше нашей,

3) оттого, что в производственной работе немец давно приобрел и технику организации своей индивидуальной работы: точность и скорость»[26].

Конечно, русские рабочие уступали по этим характеристикам своим немецким коллегам. Однако на многих предприятиях производительность труда не повышалась, прежде всего, по объективным причинам: из-за плохого качества сырья и подсобных материалов, изношенности оборудования. В связи с этим особенно тяжелая ситуация сложилась в текстильной промышленности. Например, на льнопрядильной фабрике имени Рудзутака (Богородский уезд), насчитывавшей около полутора тысяч рабочих, из-за перебоев в снабжении сырьем и вспомогательными материалами в ткацком отделе из 512 станков работало только 150. В швейном отделе из 200 машин — 40. К тому же из-за отсутствия фуража пришлось продать всех фабричных лошадей[27]. Огромные простои оборудования наблюдались и на хлопчатобумажной фабрике «Красный текстильщик» (Серпуховской уезд), на которой работало 5600 рабочих. «Рабочие говорят, — сообщалось с фабрики, — если администрация не примет никаких мер к упорядочению производства, то рабочие не выдержат и прекратят работу»[28].

Работа по новым повышенным нормам даже на сравнительно благополучных фабриках не позволяла ткачихам выработать прожиточный минимум. Массовые жалобы на этой почве имели место на текстильных предприятиях не только Московского региона, но и в Иваново-Вознесенской, Ярославской, Владимирской и Костромская губерниях.

Текстильщики бурно реагировали на начавшийся переход к работе на увеличенном числе станков и сторонок. Так, на Ликинской прядильной фабрике (Орехово-Зуевский уезд) они соглашались перейти на 3 станка только при условии улучшения качества основы и утка, так как из-за плохого качества сырья трудно было выработать норму. Показательно, что в мюльном отделе фабрики из 100 человек норму вырабатывали только 6[29]. А на Трехгорной мануфактуре, когда несколько прядильщиц согласились добровольно перейти на три сторонки, работницы не допустили их к станкам и чуть не избили помощника директора фабрики и председателя завкома. Администрации пришлось отступить, но уже через месяц в прядильном цехе Трехгорки появилось объявление о переходе на работу в три сторонки, вызвавшее новую волну возмущения[30].

В этих непростых условиях представители администрации и профсоюза зачастую вместо проведения разъяснительной работы грубо одергивали и оскорбляли рабочих. Именно в такой атмосфере прошло обсуждение перехода на три станка на фабрике Высоковской мануфактуры (Клинский уезд), на которой работало 3,5 тыс. человек. На созванном для этого 10 февраля 1925 г. производственном совещании и так чувствовалось отрицательное отношение рабочих, но обстановка особенно накалилась, когда председатель уездного союза текстильщиков член РКП (б) Сорокин грубо обратился к рабочим: «Ну, вы, вороны, раскричались. Когда вы будете, как следует, сидеть на собраниях? Вы спрашиваете, как будет производиться переход на три станка? Мы дураков не переводим, дуракам на трех станках работать не дадут, а переведем тех, кто может работать». В ответ поднялся сильный шум, раздались возгласы: «А, мы — дураки, так бы давно и сказали нам»[31]. Вслед за этим выступил один рабочий, который сказал, что на шею рабочих надет хомут. Все попытки выступить членов партии успеха не имели, так как рабочие им говорить не давали. Кончилось собрание демонстративным уходом рабочих.

Протест против интенсификации труда, приводившей к снижению заработной платы, выражался в разных формах. В том числе и в форме забастовки. Одна из самых значительных и по продолжительности (4 дня), и по количеству участников (5 тыс. рабочих), и по организованности и влиянию на другие предприятия состоялась в мае 1925 г. на Тейковской мануфактуре (Иваново-Вознесенской губ.). Причиной забастовки послужил перевод на 3 станка и 4 сторонки, сделанный администрацией и фабкомом без обсуждения с рабочими. Бастующие потребовали отменить новый метод работы, уплатить за простои во время предыдущих забастовок в феврале и марте, принять обратно уволенных после этих забастовок, немедленно уволить директора и председателя фабкома[32].

Масштаб недовольства был таков, что о ситуации в отрасли открыто заговорили руководители промышленности и профсоюзов. В частности, председатель ВЦСПС М.П. Томский заявил: «Чем рабочие недовольны? А недовольны тем: вот стоит машина конструкции 1909 г., а рядом стоит машина конструкции 1876 г. Расценка сделана на обе машины одинаковая. На одной машине, если надо переменить шпульку, то она так приспособлена, что все нитки обязательно должны лопнуть, и работница должна их пересучивать. На другой машине этого нет, а оплата одинаковая. Одна машина работает с музыкой как радиостанция, передающая концерты, другая машина хорошая. Хлопок плохой и получается плохая пряжа»[33].

РАБОЧИЕ И РУКОВОДИТЕЛИ

Широко распространенным явлением в заводской жизни 1920-х годов были проявления грубости со стороны руководства предприятий, трестов, профсоюзных функционеров. Рабочие выражали также недовольство грубостью милиции, которую администрация привлекала для проведения обысков на заводских проходных[34]. Такое положение создавало тяжелую психологическую атмосферу на производстве.

Основой такого поведения являлась психологическая компенсация ущемленного самолюбия людей, поднявшихся на волне революции «из грязи в князи» и почувствовавших свою власть над «серой массой». Рабочие называли их барами, а в печати и партийных документах это высокомерие с партийным билетом получило определение — комчванство. Как правило, именно грубость заводского или профсоюзного начальства была той последней каплей, которая приводила к остановке работы.

В свою очередь острота реакции рабочих усиливалась идеологемой о приоритете человека труда. Связанные с ней чувства собственного достоинства и рабочей гордости сталкивались с особенностями поведения формирующегося класса чиновничества. При этом даже добросовестное исполнение своих обязанностей могло повлечь за собой самодурство и начальственную грубость. Так, один из подобных инцидентов, вызвавших возмущение рабочих, произошел на «Электропередаче» в Богородском уезде. Когда часовой материального склада сделал справедливое замечание помощнику директора, что у склада курить нельзя, тот вместо того, чтобы потушить папиросу, сказал: «Передай начальнику охраны, чтобы он пришел ко мне для переговоров о твоем увольнении»[35]. Следует отметить, что подобные проявления самодурства стали довольно частым явлением, вызывавшим протест рабочих. Так, на ткацкой фабрике «Ревволна» постоянные угрозы помощника директора члена РКП (б) Чубукова выгнать рабочих за ворота настроили против него даже членов комячейки. А на заводе «Красный богатырь» рабочего охраны понизили в должности только за то, что он не снял шапку перед членом заводской дирекции[36].

Резкая нехватка партийных кадров среди руководителей и специалистов в этот период возмещалась за счет привлечения на производство старых спецов. Таким образом, в трестах и заводоуправлениях оказались бывшие владельцы предприятий, члены правлений и управляющие крупными предприятиями. Особенно много их было в легкой промышленности. Например, бывший директор Богородско-Глуховской мануфактуры стал председателем Серпуховского текстильного треста. Бывший владелец альбуминового завода в Москве

С. Стяжкин возглавил химотдел Фанертреста. А директором Богородского управления кожзаводов был назначен бывший владелец товарищества «Равкинд и К°». И таких примеров можно привести немало. В ряде случаев занятие руководящих должностей бывшими «эксплуататорами» было связано с заслугами перед новой властью в годы гражданской войны[37]. Как показывают источники, к руководству предприятиями привлекались и специалисты, уже успевшие побывать в советских местах заключения. Так, на должность зам. директора московской Кардолентной фабрики № 1 трестом был прислан некий Георгий Сафронович Катовский. В свое время он был приговорен к расстрелу, замененному 10 годами тюремного заключения[38].

При доминировании классового принципа власть стремилась не допустить дискредитации новых управленцев и вывести их за рамки судебной ответственности. В то же время по отношению к старым специалистам применялась политика двойных стандартов. Их промахи, мнимые и настоящие, рассматривались в рамках нового понятия, применявшегося в годы нэпа, — экономической контрреволюции. После окончания гражданской войны было провозглашено, что враг, разгромленный на фронтах, в мирной жизни стал еще опаснее. Считалось, что, наводнив государственные органы, благодаря своей массе, своей верности хищническим навыкам, даже действуя без всякого сговора или плана, буржуазные элементы просто силой инерции могут погубить все попытки коммунистов восстановить производство.

Возвращение на предприятия бывших владельцев рабочие воспринимали по-разному. На негативное отношение к ним нацеливала, прежде всего, активная пропагандистская кампания, проводившая классовую линию. В связи с этим на ряде предприятий отмечалось недовольство рабочих тем, что капиталисты «заправляют» в правлениях трестов, что партийный директор предприятия находится под влиянием своего заместителя-спеца. Они опасались, что капиталисты могут снова взять власть в свои руки. С особым напором агитация этого рода проводилась осенью 1922 г. в связи с начавшимися показательными процессами по взяточничеству и хозяйственным преступлениям.

Немалую роль в негативном отношении рабочих к конкретным личностям играла их репутация, сложившаяся еще в дореволюционное время. Так, сильное недовольство рабочих Мытищинского вагоностроительного завода было вызвано включением в состав тарифно-нормировочного отдела некоего Якобсона. Еще в 1905 г. его вывезли на тачке за то, что он «играл предательскую роль во время приезда экспедиции Семеновского полка»[39]. Рабочие пригрозили, что если Якобсона срочно не уволят, то его опять вывезут на тачке. А спустя десять дней директор завода Дружинин получил анонимное

письмо, в котором предлагалось ему вместе с Якобсоном убраться с завода, иначе им будет пущена пуля в лоб.

Следует отметить, что факт вывоза на тачке был своеобразной черной меткой, и рабочие всегда возражали против приема таких специалистов на свое предприятие. Напротив, для администрации это обстоятельство не имело решающего значения. Так, директор завода им. Ильича (быв. Михельсон) принял на работу «спеца по коммерческой части», которого на прежнем месте рабочие за грубость вывезли на тачке, и тем самым создал конфликтную ситуацию[40].

Во многом отношение к администрации и спецам зависело от того, как шли дела на предприятии. Если руководитель предприятия пользовался авторитетом у рабочих, для них не имело значения, беспартийный он или коммунист, а его замена вызывала недовольство, которое могло вылиться в остановку работы. Известны также случаи, когда рабочие защищали бывших владельцев от увольнения. Так, например, на заводе «Металлотехник» в Москве рабочие протестовали против решения ревизионной комиссии треста о снятии с должности директора бывшего владельца завода. «Рабочие находят в Иванове хорошего специалиста и с уходом его с завода опасаются, как бы не закрылся завод», — сообщал в декабре 1924 г. уполномоченный ОГПУ[41].

В зоне рабочего внимания находились все действия администрации, в том числе нарушения законодательства: прием на работу без направления биржи труда, прием ближайших родственников, злоупотребления на национальной почве. Рабочие остро реагировали на некомпетентность руководства, проявления бесхозяйственности, неэффективную организацию производства, приводившую к убыточности, а нередко и к закрытию предприятия. При сдельной оплате труда и хозрасчете в трестах просчеты руководителей прямо или косвенно влияли на материальное обеспечение рабочих.

Источником постоянных трений между руководителями и подчиненными являлся большой разрыв в материальном обеспечении, как тогда говорили, «чрезмерная обеспеченность ответственных работников». Усвоив пропагандистские клише о приоритете рабочих в советском государстве и идеологию равенства, которая на низовом уровне воспринималась исключительно как имущественное равенство, рабочие воспринимали эти различия как вопиющую несправедливость и ущемление своих прав. Укоренение эгалитаризма в их сознании приводило, в том числе, и к недовольству более высокими зарплатами, премиями, правом на дополнительную жилую площадь техников, инженеров и других специалистов. Осознание классового превосходства сочеталось с горечью и обидой за свою тяжелую рабочую долю и порождало ненависть к спецам. Это явление получи-

ло название «спецеедство». «Еще не улучшено положение рабочих, а уже спецам все суют», «снова спецы будут ездить на рабочей шее», — раздавались недовольные голоса. Наиболее сильно ненависть к спецам была распространена на предприятиях Сибири и Урала и ее проявления были связаны также с таким пережитком военно-коммунистического сознания, как красный бандитизм.

ФОРМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАБОЧИХ АДМИНИСТРАЦИИ

В постреволюционный период социальная дистанция между рабочими и инженерно-техническим персоналом, существовавшая в дореволюционном производстве как отражение сословной иерархии, была официально ликвидирована. При этом пусть не всегда искреннее, но, как правило, внешне уважительное, а зачастую и раболепное отношение рабочих к начальству сменилось грубостью, оскорблениями, а нередко и угрозами физической расправы. В подобных случаях рабочие выражали свой гнев старым способом, применявшимся еще в дореволюционное время, — вывозили на тачке за пределы завода. Причем и корни конфликта могли уходить в старые времена. Так, еще до революции рабочие вывезли на тачке помощника зав. производством на московском заводе «Каучук» химика Малли за его грубость. А в апреле 1924 г. рабочие обвинили Малли в том, что он без причины, только из личной неприязни перевел нескольких рабочих на работу по двору, понизив их, таким образом, на 2—3 разряда.

Если же эмоциональный накал не достигал крайней точки, то рабочие могли ограничиться только вербальными угрозами. Например, на московском государственном красильном заводе Фарбверке из-за строгостей, введенных директором Муриным, рабочие пригрозили вывезти его на тачке[42]. На Краснозвездинском рафинадном заводе (Сумского округа) были расклеены листовки с обращением к завкому, в котором директора называли палачом и угрожали расправиться с Дроздовым в случае необуздания его.

Вывоз на тачке рассматривался рабочими и как один из возможных способов добиться повышения зарплаты. Так, в связи с недовольством низкими ставками, особенно сильным в середине 1920-х годов на предприятиях Сибири, среди рабочих Анжеро-Судженских копей ходили разговоры, что увеличения заработка можно добиться только вывозом администрации на тачке.

Вывоз на тачке в 1920-е годы стал настолько распространенным проявлением своенравного поведения рабочих, что в информационных документах ГПУ появился термин «тачкисты». А участники

этих инцидентов не только находились под негласным наблюдением ГПУ, но и известны случаи, когда их отдавали под суд[43].

В документах о протестных выступлениях в 1920-е годы зафиксирована и другая форма невербального реагирования, связанного с возмущением заводской администрацией и профорганами. Она заключалась в том, что агрессивно настроенная толпа окружала «обидчика» и поднимала его вверх, подбрасывая и избивая[44]. Однако во время конфликтов на предприятиях чаще звучали лишь угрозы. Так, возмущение рабочих на шахтах Криндачевкого района Донецкой области, вылившееся в шестидневную забастовку в октябре 1923 г., началось с оскорблений председателя местного отделения профсоюза горняков и управляющего рудником и выкриков, что «надо их немного покачать»[45]. А одного комсомольца, пытавшегося в толпе призвать к работе, ударили о землю так, что пришлось унести с собрания. В ходе этой забастовки горняки выразили негативное отношение к председателю местного отделения союза, применив также свои профессиональные навыки. Во дворе его квартиры был заложен динамитный патрон, взрыв которого был слышен в радиусе 4—5 верст.

Следует отметить, что эти формы проявления своенравного поведения были характерны для производств, в которых преобладали мужчины[46]. Аналогичная модель коллективного мужского поведения наблюдалась и вне стен предприятий. При этом агрессивность усиливалась приемом спиртных напитков, и для ее вспышки было достаточно любого повода. Особенно показательно в этом отношении поведение рабочих-призывников.

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что, несмотря на все сложности, связанные с преодолением экономического кризиса и переходом к нэпу, в системе трудовых отношений появились позитивные перемены. Прежде всего, появился рынок труда и тем самым свобода выбора по преимуществу для квалифицированных кадров. Отказ от принципа принуждения и стимулирование материальной заинтересованности в форме сдельного принципа оплаты труда положительно сказались на изменении отношения рабочих к своему труду. В то же время среди стимулов присутствовал и политический фактор, игравший роль социального лифта на протяжении всего советского периода. При этом крайне низкий уровень нормирования, не учитывавший индивидуальные затраты работников, состояние оборудования и качество сырья, приводил к нивелированию уровня заработной платы и сводил на нет эффект от перехода на сдельщину. Критическая оценка методов интенсификации труда приводила рабочих, как правило, к положительной коннотации дореволюционного опыта организации

и нормирования труда. В этих условиях рабочие проявляли большую активность и организованность в борьбе за свои экономические права. Многочисленные забастовки и недовольства рабочих являлись тем зеркалом, в котором отражались все аспекты трудовых отношений.

[1] *Лукассен Я.* Мотивация труда в исторической перспективе: некоторые предварительные заметки по терминологии и принципам классификации // Социальная история, 2000: ежегодник. — М., 2000; *Бородкин Л.И., Сафонова Е.И.* Государственное регулирование в годы нэпа: формирование системы мотивации труда в промышленности // Экономическая история: обозрение. — М., 2000. — Вып. 6; *Журавлев С.В., Мухин М.Ю.* «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928—1938 гг. — М., 2004; *Маркелов А.М., Соколов А.К.* «Магнитка близ Садового кольца»: стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883—2001 гг. — М., 2005; *Борисова Л.В.* Трудовые отношения в советской России (1918—1924). — М., 2006; «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России / Бородкин Л.И., Валетов Т.Я., Смирнова Ю.Б., Шильникова И.В. — М., 2010; *Соколов А.К.* Советское нефтяное хозяйство, 1921—1945 гг. — М., 2013; и др.

[2] *Рыков А.И.* Статьи и речи. — М.; Л., 1927. — Т. 2. — С. 15.

[3] Резолюция X съезда РКП (б) «Об улучшении положения рабочих и нуждающихся крестьян» // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — Изд. 8-е, доп. и испр. — М., 1970. — Т. 2. — С. 47.

[4] *Гуревич А.* Заработная плата прежде и теперь. — М., 1922. — С. 128.

[5] В частности, по этой причине в декабре 1924 г. отмечалось враждебное отношение рабочих московского фармзавода имени Семашко к рабочим завода бывшего Чепелевецкого и антагонизм между инженерами завода АМО (Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). — Ф. 2. — Оп. 3. — Д. 623. — Л. 123, 125 об.).

[6] Например, в декабре 1924 г. «работы по бурению метрополитена» были отданы акционерному обществу «Водоканал», что вызвало недовольство на госзаводе «Буровая техника» (Там же. — Л. 121 об.).

[7] Подробнее см.: *Борисова Л.В.* Трудовые отношения в советской России (1918—1924).

[8] ЦА ФСБ РФ. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 835. — Л. 110.

[9] Правда. — 1923. — 29 нояб.

[10] ЦА ФСБ РФ. — Ф 2. — Оп. 1. — Д. 839. — Л. 45. Такая же картина наблюдалась и на других предприятиях и вызывала возмущение рабочих. О порядке выдачи зарплаты на заводах Динамо и АМО, см.: Там же. — Л. 219 е.

[11] Там же. — Оп. 2. — Д. 801. — Л. 57.

[12] Там же. — Ф. 1. — Оп. 5. — Д. 426. — Л. 168.

[13] Подробнее см.: *Борисова Л.В.* Трудовые отношения в советской России. — С. 223—224.

[14] ЦА ФСБ РФ. — Ф. 2. — Оп. 1. — Д. 839. — Л. 42.

[15] Там же. — Оп. 2. — Д. 799. — Л. 2.

[16] Там же. — Л. 4.

[17] Там же. — Л. 20.

[18] Там же. — Оп. 3. — Д. 624. — Л. 15.

[19] Там же. — Л. 28.

[20] Там же. — Д. 623. — Л. 135.

[21] Там же. — Д. 799. — Л. 40.

[22] «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934). — М., 2002. — Т. 3: 1925 г., ч. 2. — С. 658.
[23] ЦА ФСБ РФ. — Ф. 2. — Оп. 3. — Д. 623. — Л. 137 об.
[24] Там же. — Оп. 1. — Д. 839. — Л. 27.
[25] Там же. — Оп. 3. — Д. 624. — Л. 43.
[26] Вестник труда. — 1924. — № 27. — С. 114.
[27] ЦА ФСБ РФ. — Ф. 2. — Оп. 3. — Д. 624. — Л. 16.
[28] Там же . — Л. 18.
[29] Там же. — Л. 27.
[30] Там же. — Л. 9, 35.
[31] Там же. — Л. 43.
[32] «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.) — М., 2002. — Т. 3: 1925 г., ч. 1. — С. 286, 291. Примечательно, что забастовкой руководила инициативная группа из 15 бывших коммунистов и 20 беспартийных. Возглавляла группу бывшая член РКП и цеховая делегатка Малеева.
[33] Труд. — 1925. — 30 мая.
[34] В ряде случаев эти инциденты доходили до суда. Так, в марте 1922 г. дело о грубости милиционеров разбиралось в нарсуде Нарофоминского уезда. Решение суда — оштрафовать обвиняемых на 500 руб., в свою очередь вызвало недовольство в городской милиции, которая выполняла приказ начальства (ЦА ФСБ РФ. — Ф. 1. — Оп. 6. — Д. 592. — Л. 60).
[35] Там же. — Ф. 2. — Оп. 2. — Д. 799. — Л. 66.
[36] Там же. — Оп. 3. — Д. 623. — Л. 112 об.
[37] Подробнее см.: *Борисова Л.В.* Нэп в зеркале показательных процессов по хозяйственным делам // Отечественная история. — 2006. — № 1.
[38] ЦА ФСБ РФ. — Ф. 2. — Оп. 3. — Д. 623. — Л. 125 об. В зоне внимания ГПУ находились все выходцы из непролетарских слоев, в том числе и те, кто пришел работать на советские предприятия. Известно, что такое положение не было ни для кого секретом и встречало противодействие. Так, о бывшем директоре фабрики Коншина, работавшем во 2-м Льноджутовом тресте, сообщалось, что он старается уволить тех сотрудников, которые, по его мнению, раньше служили в МЧК. Античекистские настроения были распространены и в рабочей среде (Там же. — Оп. 1. — Д. 839. — Л. 13).
[39] Там же. — Оп. 3. — Д. 624. — Л. 28.
[40] Там же. — Л. 7 об.
[41] Там же. — Д. 623. — Л. 112 об.
[42] Там же. — Оп. 2. — Д. 801. — Л. 23.
[43] В частности, в августе 1922 г. к суду за вывоз директора на тачке были привлечены рабочие 9-го госзавода в Одессе (Там же. — Ф. 1. — Оп. 6. — Д. 489. — Л. 166).
[44] См.: *Людтке А.* История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. — М., 2010. — С. 98—100.
[45] «Забастовка показала... чрезвычайное упорство и озлобленность рабочих» // Отечественные архивы. — 2008. — № 6. — С. 80.
[46] Для понимания повседневной практики труда на немецких предприятиях известный историк А. Людтке ввел термин *Eigensinn*, который имеет довольно широкую трактовку. По мнению отечественных историков этот термин применим и для изучения российской истории в целях уяснения отношений на производстве и в быту в таких проявлениях, как подчинение дисциплине, непокорности и противодействии руководству. См.: *Соколов А.К.* Драма рабочего класса и перспективы рабочей истории в современной России // Социальная история, 2004: ежегодник. — М., 2005. — С. 45.

М.Ю. Мухин

СОВЕТСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЛЕГКИХ СПЛАВОВ В 1930-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х ГОДОВ

Статья посвящена процессу зарождения и становления промышленности легких сплавов в СССР 1920—1930-х годов. Так как основным потребителем продукции этой индустриальной отрасли являлись, в первую очередь, различные сегменты оборонной промышленности, индустрия алюминия и легких сплавов стала одной из важнейших отраслей промышленности, критически важной для обеспечения безопасности Советского Союза. Анализируя причины создания этой индустрии и основные вехи ее становления, автор демонстрирует значение алюминиевой промышленности для советской «оборонки», а также роль иностранной технологической помощи в становлении советской промышленности легких сплавов. Заключительная часть статьи посвящена влиянию событий Великой Отечественной войны на развитие отечественной индустрии легких сплавов.
Ключевые слова: индустриализация; алюминий; «оборонка»; инотехпомощь; внедрение новых технологий; оборонная промышленность; история экономики; авиапромышленность; легкие сплавы; Великая Отечественная война.

M.Yu. Mukhin
Soviet light alloys industry during the 1930s – first half of 1940s. Birth of the industry branch

The article is concerned with the formation process of the aluminum and light alloys industry in the Soviet Union during the 1920—1930s. The main consumer of this industrial sector's products were, primarily, different segments of the defense industry. Therefore this industry branch gained a level of importance, critical to the Soviet Union's security. The author demonstrates this by analyzing the reasons for the creation of this branch and major milestones of its formation. Also, the role of foreign technological aid is touched upon. The final part of the article describes the impact of the Great Patriotic War on the development of the Soviet light alloys industry.
Keywords: industrialization; aluminum; military industrial complex; new technologies; defense industry; economic history; aircraft; light alloys; the Great Patriotic War.

На протяжении прошлых веков алюминий, как материал, прошел несколько этапов, определявших его место в восприятии современников. Он был драгоценным металлом, из которого изготавливались столовые приборы для коронованных особ. Затем он стал,

пусть и не таким редким, но все же — металлом ювелиров. И наконец, в XX в. алюминий стал именно конструкционным материалом, пришедшим в массовое производство и оставшимся там навсегда. Особое значение алюминий имел для авиационной индустрии. Относительно легкий, но при этом позволяющий создавать на своей основе сравнительно прочные сплавы, алюминий в течение нескольких десятилетий стал определять основные векторы развития самолетостроительной промышленности в мире.

Безусловно, производство авиатехники было не единственной сферой применения алюминия. Этот металл широко применялся в электротехнике, строительстве, химической промышленности и т.д. Однако именно в авиастроении алюминий максимально тесно соприкасался с вопросами безопасности государства от внешних угроз. Несколько утрируя, можно сказать, что в те годы на государственном уровне отечественный алюминий означал безопасность отечества.

При этом надо учитывать политические реалии начала XX в. Массовое применение авиации на полях Первой Мировой войны показало огромное значение военно-воздушных сил. Отдельные военные теоретики (например, генерал Дуэ в Италии) высказывали мнения, согласно которым авиация вообще могла самостоятельно, без помощи других родов войск, решать исход военных столкновений. В морской стратегии применение самолетов берегового базирования и специальных кораблей, предназначенных для базирования самолетов, — авианосцев, коренным образом изменило соотношение сил. Теперь мощь флота определялась не числом линейных кораблей, а числом авианосцев. В транспортной сфере применение авиаперевозок начало теснить другие виды транспорта. Таким образом, развитие авиации стало для каждой страны, претендующей на проведение самостоятельной политики, вопросом первостепенной важности. Зависимость от внешних поставок в вопросах производства авиатехники означала зависимость политики этого государства вообще. Между тем, без мощной собственной промышленности по производству алюминия и сплавов на его основе любая авиационная индустрия автоматически превращалась в колосса на глиняных ногах. Поэтому создание отечественной алюминиевой промышленности было критически важно с точки зрения безопасности государства. Однако для решения этой проблемы требовалось, во-первых, наличие определенных природных ресурсов — прежде всего, крупных рек, позволяющих построить гидроэлектростанции, так как алюминиевое производство требовало очень много электроэнергии, а во-вторых — интеллектуальных ресурсов для преодоления различных технических трудностей и затруднений. В результате в начале

XX в. сложился своеобразные клуб государств, сумевших решить проблему производства алюминия.

Для Советского Союза овладение этой технологией имело особое значение. Политическая доктрина советского руководства первой половины 1920-х годов рассматривала установление Советской власти в России лишь как пролог Мировой революции. После подавления социалистических выступлений в Германии, Венгрии и Словакии стало очевидно, что Мировой революции в ближайшие годы не случится. Поэтому в Москве была принята концепция «построения социализма в отдельно взятой стране». Но в то же время советское руководство опасалось возможной интервенции ведущих западных государств, отношения с которыми были стабильно тревожными. К середине 1930-х годов Советскому Союзу удалось более или менее наладить диалог с Великобританией и Францией, но к этому моменту стала нарастать угроза со стороны Германии и Японии. Таким образом, весь период между Первой и Второй Мировыми войнами прошел для Советского Союза в обстановке непрерывного ожидания возможной войны. Между тем, оборонная промышленность СССР после Гражданской войны была не в лучшем состоянии. В ходе общей проверки положения дел, проведенной сразу после так называемой «военной тревоги 1927 г.», выяснилось, что в случае войны — воевать, собственно говоря, будет нечем. Военные заводы не имели нового оборудования, армия не имела нового вооружения, мобилизационные запасы либо вообще отсутствовали, либо были очень малы. В этой ситуации неудивительно, что уже с середины 1920-х годов советское руководство уделяло особое внимание военной промышленности и в том числе производству самолетов. Однако, как уже говорилось выше, организация выпуска авиационной техники без отечественного производства алюминия и сплавов на его основе были бессмысленны. Это была дорога в никуда. Поэтому синхронно с развертыванием работ по производству авиатехники развертывались и работы по производству алюминия и легких сплавов. По сути, для периода между двумя Мировыми войнами была характерна сугубо военная ориентация всего этого комплекса. Львиная доля алюминия шла на нужды авиационной промышленности и подавляющее большинство авиатехники имело военное назначение. Именно развитию алюминиевой промышленности, как базиса промышленности авиационной, в 1920—1930-е годы посвящена следующая статья. В завершение ее автор позволил себе очень кратко проследить судьбу индустрии легких сплавов в годы Второй Мировой войны, для того, что бы оценить результаты усилий, направленных на создание этой новой высокотехнологичной отрасли в предвоенные годы.

* * *

По мере возрастания роли авиации в годы Первой Мировой войны росло и значение алюминия и его сплавов. Сначала алюминий использовался преимущественно в авиадвигателях, потом — для изготовления особо важных деталей. Наконец, в 1917 г. появился первый серийный цельнометаллический самолет — Юнкерс J-1. С этого момента алюминий стал действительно «крылатым металлом».

Однако эта алюминиевая революция прошла мимо царской России. Масштабы авиапроизводства в дореволюционной России были сравнительно невелики. В годы Первой Мировой войны Англия, Франция и Германия произвели десятки тысяч самолетов и авиамоторов. В России за 1914—1918 гг. был изготовлен лишь 3761 самолет. Причем $^2/_3$ авиамоторов для них было приобретено за рубежом. Алюминий в России не производился вообще.

После революции 1917 г. и гражданской войны промышленность России находилась в очень тяжелом положении. Казалось, организация металлического самолетостроения в этих условиях невозможна. Однако и руководство страны, и ведущие авиаконструкторы были уверены, что все усилия надо сосредоточить именно в этом направлении. Уже в 1924 г. в СССР был построен первый цельнометаллический самолет АНТ-2. С 1927 г. серийно строились первые советские цельнометаллические самолеты — разведчики Р-3, а с 1929 г. — бомбардировщики ТБ-1 и истребители И-4. Этот самолет был сделан из российского сплава на основе алюминия, однако сам алюминий был импортным. В 1929 г. Московский обком ВКП (б) собрал совещание по вопросам положения с цветными металлами, на котором докладчик безрадостно признал, что годовая потребность СССР в этом металле составляет 17 тыс. т, планируемая выплавка — 5 тыс. т, а пока алюминий добывают путем раскопок на заводских свалках. Поэтому вопрос создания алюминиевой промышленности стал ключевым для развития советской авиации. Однако производство алюминия требовало огромных затрат электричества. Так алюминиевая промышленность стала одним из важнейших локомотивов развития советской энергетики. Строительство Днепровской, Волховской и Свирской гидроэлектростанций позволило обеспечить энергией алюминиевые заводы.

* * *

Отечественные алюминиевые заводы еще только проектировались, но 2 августа 1929 г. СТО уже принял постановление «О перспективах развития цветной металлопромышленности», в котором пересматривались темпы развития алюминиевой промышленности,

заложенные в пятилетнем плане. Прежний план, рассчитанный исходя из фактического импорта алюминия, предусматривал доведение производства выплавки алюминия до 5 тыс. т в год. Постановление, основываясь на планах строительства воздушного флота, требовало доведение ежегодной выплавки алюминия до 20 тыс. т. В июне 1930 г. на базе Волховской ГЭС началось строительство Волховского алюминиевого комбината. В 1932 г. на заводе прошла первая плавка, а в 1933 г. завод вышел на проектную мощность — 6 тыс. т алюминия в год. Надо отметить, что разработка технологии получения глинозема из тихвинских бокситов сама по себе представляла собой серьезную техническую проблему. Несмотря на то, что наличие алюмоносной руды в окрестностях Тихвина было известно с 1882 г., низкое содержание алюминия в ней долгое время ставило крест на всех попытках промышленного получения алюминия из волховских бокситов. Специалисты Американской алюминиевой компании (АЛКОА), обследовавшие тихвинское месторождение, пришли к выводу, что низкое содержание алюминия в руде не позволяет надеяться на эффективное производство, и рекомендовали ориентироваться на импорт зарубежных бокситов. Тем не менее, советским химикам удалось решить эту проблему. В конце 1930 г. близ Днепрогэса началось строительство Днепровского алюминиевого комбината, на который бокситы предполагалось доставлять с тихвинского и уральского месторождений. На проектную мощность — 20 тыс. т в год — завод вышел в 1934 г. На 1937 г. на долю Днепровского комбината приходилось 70% годового производства алюминия в СССР. Третьим советским центром производства алюминия стал Уральский завод (г. Каменск), чье строительство началось в конце 1934 г., а на проектную мощность — 20 тыс. т в год — это предприятие вышло только перед войной, в 1939 г. В 1934 г. началось строительство алюминиевого завода в Кандалакше, однако в строй завод был введен уже после окончания Великой Отечественной войны. Оборудование для алюминиевых фабрик закупалось преимущественно во Франции, в меньшей степени — в Италии. Уже к 1936 г. СССР вышел на второе место в Европе и на третье в мире по производству алюминия. Накануне войны СССР по выплавке алюминия опережал Великобританию, Францию, Японию и Италию.

Тем не менее, приходится признать, что окончательно проблема так решена и не была. Так, в 1940 г. из положенных в I квартале Народному комиссариату авиационной промышленности (НКАП) 10 тыс. т дюралюминиевого проката было поставлено лишь 7307 т[1], причем основным лимитирующим выпуск дюралюминия фактором была именно нехватка алюминия. Например, ведущее предприятие по дюралюминиевому литью — завод № 95 — в январе 1940 г. полу-

чил лишь 69% от потребного количества алюминия, а в феврале еще меньше — 54,5%[2]. К этому же периоду относятся многочисленные жалобы на Днепропетровский магниевый завод, который «систематически срывает поставки»[3].

Только к августу 1940 г. негативную тенденцию в производстве алюминия удалось преодолеть, а плановые задания стали выполняться практически в полном объеме.

Таблица 1

Отгрузка алюминия Наркомату авиационной промышленности в августе 1940 г. (т)*

Завод	Наряд на август	Фактическая поставка в августе	Выполнение плана (%)
Днепровский алюминиевый	3240	3093,14	95,5
Волховский алюминиевый	738	689	93,3
Уральский алюминиевый	1242	1246,5	100,3
Всего	5220	5028,64	96,3

* *Источник*: ГА РФ. — Ф. 8807. — Оп. 1. — Д. 27. — Л. 56.

Совокупный объем производства и импорта алюминия в 1938—1940 гг. существенно не менялся. Советская промышленность получала в год около 60 тыс. т алюминия, при этом мобилизационный план МП-1 предусматривал потребление 131 100 т алюминия за один год войны.

Таблица 2

Отгрузка алюминия в IV квартале 1940 г. (т)*

Завод	План IV квартала	% выполнения
Днепровский алюминиевый	9307	82,2
Волховский алюминиевый	1015	71,4
Уральский алюминиевый	3035	80,5
Всего	13557	81

* *Источник*: РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 408. — Л. 59.

Как следует из таблицы, львиная доля алюминия производимого в СССР на тот момент вырабатывалась тогда на Днепре. Однако в целом в СССР алюминия продолжало недоставать.

* * *

Уже в 1940 г. было очевидно, что и в будущем году «алюминиевый голод» останется важнейшим фактором экономической жизни СССР. Так, осенью 1940 г. Государственная комиссия по планированию (Госплан), рапортуя правительству Советского Союза о ходе выполнения III пятилетнего плана, характеризовал ситуацию с развитием алюминиевой промышленности весьма пессимистично. Хотя план пятилетки предполагал трехкратный рост выпуска алюминия, за два истекших года производство «крылатого металла» возросло лишь на 33%. При обсуждении заказа Народного комиссариата авиационной промышленности на 1941 г. народный комиссариат цветной промышленности отвечал, что план цветной металлургии на 1941 г. предусматривает выпуск 90 тыс. т алюминия, в связи с чем не представляется возможным одновременно выполнить заказ авиапромышленности на 87 тыс. т алюминия и заказ прочих оборонных ведомств[4] еще на 15—16 тыс. т[5]. Так или иначе, руководство авиапромышленности хорошо понимало важность и напряженность положения дел с производством алюминия. Анализ выпуска алюминия в СССР, особенно в сопоставлении с динамикой алюминиевого выпуска в Германии, заставлял задуматься:

Таблица 3

Выпуск алюминия в 1937—1940 гг. (тыс. т)*

Страны	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	
				запланировано	ожидается
СССР	37,7	43,9	48,9	67	61
В % к прошлому году	118,6	116,4	111,4	137	124
В % к годовому плану	75,4	87,9	87,3	—	91
Германия**	120	165	192	Нет данных	Нет данных

* *Источник*: ГА РФ. — Ф. 8007. — Оп. 1. — Д. 29. — Л. 3.
** По данным начальника металлического отдела НКАП.

Как видим, несмотря на постоянный и достаточно уверенный рост, советская авиапромышленность никак не могла не только догнать Германию, но даже предотвратить отставание от наиболее вероятного противника. В этой связи вопрос о наращивании мощности отечественного выпуска алюминия и сплавов на его основе

стоял особенно остро. Летом 1940 г. Шахурин представил в Совет оборонной промышленности докладную записку, посвященную перспективам развития производства проката, поковок и штамповок из алюминия и легких сплавов для авиапромышленности на период 1940—1943 гг.[6] По расчетам руководства авиапромышленности потребность на 1 января 1943 г. в указанных полуфабрикатах должна была составить 120 100 т в год, в том числе прокат из алюминиевых сплавов — 12 500 т[7]. При условии наращивания мощности заводов № 95 и № 150 и постройки в срок трех заводов типа № 268 по прокату магниевых сплавов, потребность НКАП была бы покрыта в размере 76 700 т (63,8% от потребного), а по магниевым сплавам на — 12 500 т (100%). Для покрытия ожидаемого дефицита Шахурин предложил построить в системе Народного комиссариата цветной промышленности два прокатных завода типа № 95 мощностью по 20 тыс. т в год. Для повышения мощности по выпуску проката из легких сплавов в течение 1941—1943 гг. требовалось осуществить капитальные вложения в размере 563,5 млн. руб. Эти средства, по замыслу Шахурина, должны были бы быть распределены следующим образом:

А) на строительство и оборудование двух заводов-дублеров № 95 — 500 млн. руб.;

Б) на сооружение трубо-прессового цеха мощностью 6300 т в год на заводе № 150 — 40 млн. руб.;

В) на реконструкцию прессовочного цеха на заводе № 95 с доведением мощности до 7200 т в год — 20 млн. руб.

Кроме того, по этой программе следовало предусмотреть выделение «импортного контингента» на 3 млн. руб. для приобретения в Германии специальной установки по непрерывному литью типа «Junghaus».

Однако эти крупномасштабные планы вызвали недовольство Госплана, стремившегося по мере возможностей сократить расходы. Поэтому, принимая программу Шахурина в целом, Госплан рекомендовал построить только 1 завод типа № 95 мощностью 20 тыс. т в год; на заводе № 150 ограничить мощность трубо-прессового цеха 4200 т в год (Шахурин предлагал 6300 т), а штамповочного — 5 тыс. т (Шахурин планировал 6 тыс.); строительство заводов дюралиминиевого проката поручить непосредственно НКАПу и предусмотреть на строящемся Уральском заводе алюминиевого проката производство прутков, проволок и заклепок для НКАП на 3 тыс. т в год. В результате дальнейший выпуск алюминия должен был развиваться следующими темпами (см. табл. 4).

Таблица 4

Перспектива выпуска алюминия в 1940—1943 гг. по скорректированной программе Шахурина (тыс. т)*

Завод	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	Примечания
Волховский	12,5	13	13	13	Функционирует
Днепропетровский, I—VI серии	38,5	39	40,5	40,5	Функционирует
Днепропетровский, VII серия	—	5	14,5	14,5	Строится
Уральский, I—II серии	16	28	37	37	Функционирует
Уральский, III серия	—	—	9	18	Строительство не начато
Кандалакшинский	—	—	3	15	Строится. Возможен срыв пуска — неокончено строительство электростанции
Сталинский	—	—	14	30	Строительные площадки еще не утверждены
Карагандинский	—	—	10	15	
Богословский	—	—	—	2	Строительные площадки еще не намечены
Кемеровский	—	—	—	5	
Кольский (аглумин)					
Несветаевский	—	—	10	15	Госплан предлагает перенести строительную площадку
Итого	67	85	151	221	

* *Источник:* ГА РФ. — Ф. 8007. — Оп. 1. — Д. 29. — Л. 2.

Впрочем, надо признать, что возможность осуществления столь амбициозной программы уже тогда стала вызывать скепсис у многих руководителей-хозяйственников. Так как судьба многих заводов-новостроек еще витала в облаках и ожидала разметки и утверждения хотя бы строительных площадок, начальник Главалюминия и заместитель народного комиссара цветной металлургии составили программу-минимум, согласно которой при планомерном развитии отрасли выпуск алюминия в 1942 г. может составить 108 тыс. т, а именно[8]:

Волховский алюминиевый завод	—	13 тыс. т
Днепровский алюминиевый завод	—	55 тыс. т
Уральский алюминиевый завод	—	37 тыс. т
Кандалакшинский алюминиевый завод	—	3 тыс. т

Выпуск магния в этом случае ожидался на уровне 7,9 тыс. т[9]:

Днепропетровский магниевый завод	—	1,6 тыс. т
Каменский магниевый завод	—	2,5 тыс. т
Соликамский магниевый завод	—	3,8 тыс. т

Однако это всё были планы на дальнюю перспективу. Между тем, в конце 1940 г. советскому руководству требовалось принять решение относительно темпов производства алюминия на 1941 г.

Согласно плану развития народного хозяйства СССР на 1941 г. предусматривалось «обеспечение выплавки... 100 000 т. алюминия и увеличение мощностей алюминиевой промышленности с расчетом выплавки в 1942 г. не менее 175 000 т алюминия». Очевидно, интенсификация производства алюминия должна была обеспечиваться новым алюминиевым заводом, строительство которого шло в Кандалакше, но так и не было завершено в предвоенные годы. Следует также отметить, что даже успешное выполнение плана 1941 г. не позволяло добиться «алюминиевого» паритета с Германией, так как в 1941 г. немецкая индустрия выплавила 324 тыс. т алюминия.

Любопытно, что свой вклад в решение алюминиевой проблемы в СССР внесли и разведчики. 15 ноября 1940 г. сотрудники Генштаба РККА передали в СНК перевод постановлений № 39 и № 47 Германского имперского управления по материалам[10]. Эти постановления, принятые в октябре 1936 г. и сентябре 1939 г., соответственно указывали, в производстве каких именно изделий запрещено использовать медь, алюминий и прочие цветные металлы. Таким образом достигалась экономия ценного стратегического сырья.

Одновременно прилагались усилия по расширению алюминиевого импорта. В 1938—1940 гг. происходит сокращение ввоза алюминия, сопровождаемое сменой основных поставщиков:

Таблица 5

Поставки алюминия в СССР в 1938—1944 гг. (т)*

Страны	1938 г.	1939 г.	1940 г.
Норвегия	2410	3067	500
Франция	1919	220	0
США	4	1824	0
Прочие	3319	202	13
Всего	7652	5313	513

* *Составлено по*: Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. — М., 1960. — С. 379, 407, 691, 791, 1079.

Основными «довоенными» экспортерами алюминия в СССР были Франция и Норвегия. Однако с началом войны Франции самой потребовался свой алюминий, и ее поставки резко сократились. На освободившийся рынок пришли американские поставщики, но и они свернули свою деятельность в 1940 г. в связи с «моральным эмбарго». В 1940 г. Норвегия, подвергшаяся немецкой оккупации, так же резко сократила поставки. Характерно, что, за исключением поставок американского алюминия, прекращение поставок этого металла в Советский Союз означало перенаправление алюминиевого экспорта соответствующего рынка в Германию.

В этой ситуации советское правительство попыталось разрядить ситуацию с алюминиевым импортом переносом закупочной деятельности в Германию. Соглашение о взаимных товарных поставках на второй договорной период по хозяйственному соглашению от 11 февраля 1940 г. между Союзом Советских Социалистических Республик и Германией включало в себя список «1Б» германских поставок в СССР с 11 мая 1941 г. до 1 августа 1942 г. Этот список предусматривал поставки 30 тыс. т алюминия начиная с апреля 1941 г. В апреле 1941 г. в СССР должно было поступить 1000 т алюминия, с 11 мая по 11 августа 1941 г. — 5 тыс. т, в последующие кварталы предполагалась поставка по 6 тыс. т. Таким образом, основная масса обещанного алюминия должна была попасть в СССР уже после начала операции «Барбаросса». Более того, после германского вторжения в Советский Союз Волховский и Днепровский алюминиевые заводы, производившие основную массу отечественного алюминия, остались на оккупированной территории и выбыли из производства[11]. В годы войны, когда алюминий, как стратегический металл, был особо важен, СССР мог рассчитывать только на Уральский алюминиевый завод. Не случайно, среди прочего, в списке поставок в СССР по «ленд-лизу», согласованном советскими, британскими и американскими представителями на Московской конференции 1941 г., фигурировали и 2000 т алюминия, которые союзники обязались ежемесячно направлять в СССР. Ввиду того, что Днепровский и Волховский алюминиевые заводы были потеряны для СССР, на первый план выходила задача интенсификации работы последнего — Уральского алюминиевого завода. В ноябре 1942 г. удалось пустить вторую очередь этого предприятия. Одновременно форсированными методами велось строительство аналогичного завода в Новокузнецке[12].

Выше мы говорили о развитии производства собственно алюминия. Однако для самолетостроения, как правило, использовали дюралюминий — сплав на основе алюминия. К 1920 г. химический состав и механические свойства дюралюминия секрета не представляли, но

помимо этого, требовалось строго соблюдать режим технологических процессов: плавки, термообработки, обработки давлением и т.д. ВСНХ вел переговоры с фирмой «Виккерс» об организации изготовления дюралюминия в СССР. Однако начальник литейного цеха Кольчугинского завода В.А. Буталов взял на себя ответственность за освоение (фактически — разработку) новой технологии и с честью выполнил свою задачу. Первый отечественный слиток дюралюминия был получен в апреле 1922 г. на Первом государственном заводе по обработке цветных металлов в Кольчугино. Вскоре кольчугинская технология производства дюралюминия была передана на Петроградский государственный медеобрабатывающий завод «Красный Выборжец». В 1929 г. филиал завода, занимавшийся выпуском дюралюминия, получил статус самостоятельного предприятия и стал заводом им. Ворошилова. Тем не менее, ситуация с дюралюминием оставалась напряженной.

В среднем в 1920-х годах потребность авиапромышленности в дюралюминиевом прокате удовлетворялась на 75%. Основным производителем «крылатого металла» оставались заводы Госпромцвета — Кольчугинский и «Красный Выборжец». Однако и для этих заводов алюминиевые сплавы были продукцией побочной, изготавливаемой «между делом» в латунно-прокатных цехах. Замечание «между делом» в данном случае характеризует не только и не столько отношение заводчан к заказам Авиатреста, сколько действительный порядок проведения работ с дюралюминием. Техническая обработка сплавов на основе алюминия — операция сложная и требующая тщательного соблюдения температурного режима печи. Заводские печи обычно работали на температурах, существенно превышающих допустимые для обработки дюралюминия пределы, и лишь по субботам охлаждались до пригодной для проката дюралюминия температуры[13]. Такой режим работы снижал как качество, так и количество дюралюминиевого проката.

Для металлургов производство легких сплавов было невыгодной обузой, поэтому Кольчугинский завод интенсивно старался избавиться от дюралюминиевой проблемы. Очевидцы отмечали, что по дюралюминию на Кольчугинском заводе «...ходили ногами и ездили на телегах... положение с дюралюминием было такое, что от него все отмахивались, целые партии разваливались при горячей прокатке, процент выхода был такой, что заведующий обоснованно утверждал, что дюралюминиевое производство — сплошной убыток»[14]. В 1926 г. Госмпромцвет заявил, что отказывается от производства дюралюминия вообще, и только вмешательство правительства позволило сохранить производство отечественного дюралюминия.

В первом пятилетнем плане было предусмотрено строительство Специализированного завода по обработке легких металлов. В ВСНХ

трезво оценивали сложность строительства такого завода, поэтому решено было составить три эскизных проекта. Первый был заказан Гипромезу, второй — фирме в Европе, третий — американской фирме. В ноябре 1928 г. два инженера Госпромцвета отправились в США, где безуспешно пытались договориться с «заводом в Фермонте» о приезде американских инженеров для составления проекта. Другой американский контрагент — завод Баума — не отказал наотрез, но выставил столь жесткие и стеснительные для советской стороны условия, что делегаты Госпромцвета сами вынуждены были свернуть переговоры. В итоге к марту 1928 г. стало ясно — американского проекта не будет. Летом проект Гипромеза был еще не закончен, но уже (по оценке Музалевского, ведущего советского знатока дюралюминиевого производства) требовал переделки, составлявшей приблизительно 70% выполненных проектных работ. Фактически страна оставалась без проекта жизненно необходимого завода. Спешно — с опозданием на 9 месяцев против первоначальных планов — была снаряжена новая делегация в Европу, возглавляемая лично Музалевским. Первым заводом, осмотренным делегацией, было предприятие Симменс-Шуккерт. Эта фабрика производила электропечи и занималась цветной металлургией, однако сама электропечи не использовала. Кроме того, советским специалистам так и не удалось попасть в цеха завода, занятые обработкой алюминия и получением дюралюминия. Из Германии Музалевский отправился во Францию, где уже была проведена некоторая подготовительная работа. С 1926 г. переговоры о цветных металлах вел Шляпников, французские эмиссары приезжали в Москву и вели переговоры о добыче алюминия, кабельном и дюралюминиевом производствах. Уже на четвертый день пребывания во Франции Музалевский получил доступ на завод в Ле-Бурже. По себестоимости французский дюралюминий был в шесть раз дешевле производимого советского и в 2—3 раза дешевле советского дюралюминия, предполагаемого к производству на новом заводе. Это объяснялось как меньшим штатом французских предприятий, что позволяло снизить затраты на оплату персонала, так и большей производительностью французских печей. В то время как на советских предприятиях дюралюминий лили в тигли по 38 кг, на французских заводах использовались печи, рассчитанные на 1500 кг расплава. С другой стороны, в то время как французы пользовались нефтяными печами, в СССР эксплуатировались электропечи, поэтому дюралюминий советского производства был лучше по качеству. Был заключен договор о проектировании советского завода французскими специалистами, но Музалевский был недоволен технологическим уровнем решений, предлагаемым инженерами Ле-Бурже. Однако все попытки Музалевского осмотреть британские заводы по

производству «крылатого металла» не увенчались успехом. После этого Музалевский и бóльшая часть делегации вернулись в СССР, но один из советских инженеров — А.В. Сибилев — продолжил путь за океан, в США. Американская алюминиевая компания в те годы была крупнейшим производителем алюминия и его сплавов в мире. Это сулило большие выгоды тому, кто сумеет овладеть ее технологическими секретами. Однако руководство американской корпорации отнюдь не горело желанием делиться с кем-либо своими «ноу-хау», поэтому Сибилев не смог побывать на американских заводах легких сплавов. Тогда он избрал обходной путь, и стал, с помощью специалистов «Амторга», собирать информацию об оборудовании, которое на американских машиностроительных заводах заказывалось для фабрик Алкоа. В результате этого исследования стало ясно, что в американской дюралюминиевой промышленности используются электропечи и валковые станы, рассчитанные на заготовки весом в 1,5 т. Доклад Сибилева, который он сделал по возвращению на родину, привел к тому, что на новом Специализированном заводе (позднее — завод № 95) было решено устанавливать электропечи вместимостью 1,5—2 т полуфабриката. Первая такая печь была доставлена в СССР из США еще в 1927 г., однако закупленная тогда печь была невелика и была предназначена, в основном, для отработки технологии. В 1932 г. были закуплены печи промышленного масштаба, а уже в 1933 г. завод № 95 вступил в строй.

Помимо успехов в производстве исходных материалов для дюралюминия, происходили перемены к лучшему и непосредственно в методике изготовления «крылатого металла». По воспоминаниям специалистов, сделанные из дюралюминия самолеты сперва больше ремонтировались и красились, чем летали. Это объяснялось тем, что, превосходя чистый алюминий по прочности, дюралюминий существенно уступал ему в стойкости к коррозии. В 1930 г. специалисты завода им. Авиахима разработали метод плакирования (то есть покрытия) дюралюминия алюминием, применяемый до сих пор. Вскоре плакированный дюралюминий стал основным конструктивным материалом при строительстве советских крупных самолетов[15], а с 1932 г. использование неплакированного дюралюминия при проектировании новых самолетов было запрещено[16].

С другой стороны, даже такой рост индустрии легких сплавов не мог покрыть всех запросов бурно развивавшейся советской авиапромышленности. В 1935—1936 гг. спрос на дюралюминиевый прокат превышал предложение. Именно из-за нехватки алюминия советская авиация в основном состояла из самолетов композитной конструкции — деревянный фюзеляж и металлическое крыло или деревянное крыло и фюзеляж из металлических ферм, покрытых полотняной обшивкой. Такую конструкцию имели основные классы самолетов — ис-

требители (И-15, И-16) и штурмовики (Р-5 и Су-2). Цельнометаллическую конструкцию имели лишь бомбардировщики (ТБ-3, СБ, Ил-4).

Поставки полуфабрикатов из алюминиевых сплавов шли с заводов им. Ворошилова (Ленинград) и № 95 (Москва), но эти предприятия с трудом справлялись (если справлялись) даже с текущими заказами, а на 1937 г. планировалось и еще больше увеличить расход дюралюминиевого проката на плановое строительство. Разумеется, «сверхплановые» самолеты уже никак не могли быть обеспечены прокатом.

Таким образом, встал вопрос о строительстве третьего завода легких сплавов. В 1936 г. строительная площадка каширского электровозостроительного завода, на которой уже были произведены обширные работы подготовительного цикла, была передана под строительство нового завода, которому предстояло стать Ступинским комбинатом легких сплавов (в дальнейшем — завод № 150). Однако строительство, по ряду обстоятельств, тормозилось. В 1935 г. в США была направлена делегация советских авиаспециалистов во главе с А.Н. Туполевым, сотрудники которой, наряду с прочими новациями, обнаружили, что американские самолетостроители широко используют дюралюминиевые листы размерами 2500 × 7000 мм, в то время как советские заводы не могли изготовить листов размерами больше чем 1000 × 4000 мм. Незамедлительно последовала реакция — «надо пересмотреть стандарты на алюминиевый прокат, существующие с 1922 г., и всеми средствами добиваться техпомощи от Алкоа»[17]. К сожалению, попытки купить у Алкоа перспективную технологию не увенчались успехом. Тогда, помня об успешном опыте Сибилева, советские инженеры обратились к американским машиностроителям, в частности к Форду, который сравнительно быстро изготовил по советскому заказу нужное оборудование — многовалковые станы требуемой ширины. Параллельно аналогичный заказ валковых станов для Днепровского алюминиевого завода был размещен на других американских машиностроительных фирмах.

Ввод комбината № 150 планировался на III—IV кварталы 1939 г., но станы были куплены в 1938—1939 гг., а установлены в январе 1940 г., из-за чего пуск завода несколько задержался. Уже в 1940 г. Ступинский комбинат произвел 4191 т дюралюминиевого проката. Технологическую помощь в освоении проката широких алюминиевых листов Советский Союз получал и из Франции — 5 июня 1939 г. был заключен договор с фирмой «Дюралюмин». К сожалению, видимо, из-за разразившейся вскоре Второй Мировой войны этот договор и связанные с ним операции не сыграли существенной роли в истории отечественной цветной металлургии.

Спрос на алюминиевые сплавы в годы предвоенной пятилетки рос постоянно. Эту проблему советские производственники и инжене-

ры накануне войны решали путем оптимизации технологии на уже существовавших заводах. Так, в 1931 г. для изготовления дюралюминиевых труб диаметром 25 (23) мм (имеется в виду внешний и внутренний диаметр) волочением требовалась заготовка диаметром 70 (60) мм, которую подвергали 24 операциям волочения и 12 промежуточным отжигам. В 1940 г., с переходом на перспективную технологию изготовления дюралюминиевых труб прокаткой, на изготовление такой же трубы стала требоваться заготовка диаметром 41 (35) мм, которую после одной прокатки подвергали только двум волочениям и одному промежуточному отжигу[18]. Таким образом, достигалась экономия как времени, требовавшегося для изготовления одной детали, так и материальных ресурсов, что позволяло увеличить выпуск продукции без расширения производственных мощностей. Прогресс индустрии цветного литья был столь значим, что по плану реконструкции Кольчугинский завод было решено освободить от дюралюминиевого производства[19].

После германского вторжения в Советский Союз производство дюралюминия резко сократилось. Это было вызвано как эвакуацией собственно заводов легких сплавов, так и спадом производства алюминия. Осенью 1941 г. выпуск дюралюминиевого проката прекратился окончательно и возобновился только в мае 1942 г. Практически одновременно прокат алюминиевых сплавов был налажен на заводах № 95 в Верхней Салде и № 150 на ст. Кунцево[20].

Рост производства алюминия и сплавов на его основе немедленно вызвал увеличение выпуска цельнометаллических самолетов.

Таблица 6

Производство цельнометаллических самолетов в 1939—1945 гг. (шт.)*

Выпуск продукции	1939 г.	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Самолеты	2935	3404	3196	3802	4402	4448	2818
Динамика к прошлому году (%)	+61	+16	–6	+19	+16	+1	–37

* *Подсчитано по*: Самолетостроение в СССР 1917—1945 гг. — М., 1992. — Кн. I. — С. 432—435; М., 1994. — Кн. II. — С. 235—237.

Надо обратить внимание, что резкий рост производства цельнометаллических самолетов не прекратился и в 1943 г. Причем если скачок 1942 г. объяснялся вводом в строй производственных мощностей, эвакуированных из западных регионов Советского Союза, то рост в 1943 г. был основан на запуске новых заводов. В этот год удалось ввести в строй

Богословский алюминиевый завод в Свердловской области и Новокузнецкий алюминиевый завод в Кемеровской области[21]. Первая очередь Новокузнецкого завода была пущена в январе 1943 г.[22] Уже в том же году выплавка алюминия в СССР превысила довоенный уровень на 4%[23]. Уральский алюминиевый завод в 1943 г. производил в 5,5 раз алюминия больше, чем до войны[24]. Другим путем решения алюминиевой проблемы стало производство многих деталей самолета, ранее изготавливаемых из алюминия, — из авиафанеры. Только за 2,5 года таким образом удалось высвободить 30 тыс. т алюминиевого листа[25].

Важно отметить, что довоенный уровень был превышен как по собственно алюминию, так и по алюминиевым полуфабрикатам, используемым в авиапромышленности:

Таблица 7

Производство алюминиевых полуфабрикатов в 1943—1944 гг. (в % от выпуска 1939 г.)*

Полуфабрикаты	1943 г.	1944 г.
Листы	258	368
Трубы	184	225
Прутки	420	510
Профили	1097	1160
Штамповки	206	317

* *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. — [М.], 1948. — С. 284.

В 1943 г. технология холодной прокатки труб, освоение которой началось еще в 1942 г., получила широкое распространение, в результате чего произошел резкий скачок выпуска труб из дюралюминия[26]:

1941 г. — 1154 т
1942 г. — 1182 т
1943 г. — 1749 т
1944 г. — 1899 т
1945 г. — 1713 т

Следует отметить, что холодная прокатка имела ряд несомненных преимуществ перед применявшейся ранее методикой волочения труб. Если при волочении за один проход диаметр трубы можно было изменить на 1,5—3 мм, а толщину стенки — в пределах 0,1—0,3 мм, то при холодной прокатке диаметр мог быть скорректирован на 20 мм, а толщина стенки — на 1,5—3 мм.

В том же 1943 г. была освоена технология качественного литья алюминия в газовых печах, что позволило снизить зависимость металлургии легких сплавов от поставок электроэнергии[27]. Начиная с

1943 г. все более широкое распространение получает технология непрерывного литья алюминиевых сплавов[28]. Все эти меры в комплексе, позволили существенно снизить остроту алюминиевой проблемы для советского авиастроения.

Как видим, в годы Второй Мировой войны советская алюминиевая промышленность сделал огромный шаг вперед. Но этот рывок военного времени был возможен только благодаря фундаменту, созданному в предшествовавшие годы. Этот базис, построенный в течение 1930-х годов, позволил советской промышленности легких сплавов выдержать удар 1941 г., восполнить потери — и идти дальше, наращивая темп производства год от года.

[1] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 401. — Л. 77.
[2] Там же. — Л. 36.
[3] Там же. — Д. 408. — Л. 10.
[4] О вопросах взаимоотношений различных подотраслей оборонной промышленности, в том числе и при распределении ресурсов, см.: *Мухин М.Ю.* Эволюция системы управления советской оборонной промышленностью в 1921—1941 годах и смена приоритетов «оборонки» // Отечественная история. — 2000. — № 3. — С. 6—10.
[5] Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). — Ф. 8007. — Оп. 1. — Д. 33. — Л. 96.
[6] Там же. — Д. 29. — Л. 2.
[7] Госплан был не согласен с такой оценкой и определял потребности НКАП на 1943 г. в размере 106 тыс. т.
[8] ГА РФ. — Ф. 8007. — Оп. 1. — Д. 29. — Л. 4.
[9] Там же.
[10] Там же. — Ф. 8418. — Оп. 24. — Д. 185. — Л. 81—91.
[11] *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны. — М., 1995. — С. 111.
[12] На тот момент г. Сталинск.
[13] История металлургии легких сплавов в СССР, 1917—1945. — М., 1983. — С. 108.
[14] Центральный архив общественных движений Москвы. — Ф. 3. — Оп. 11. — Д. 726. — Л. 12.
[15] Малые, одномоторные самолеты продолжали строить из фанеры, в лучшем случае — по композитной схеме.
[16] История металлургии легких сплавов в СССР, 1917—1945. — С. 162.
[17] ГА РФ. — Ф. 8418. — Оп. 11. — Д. 78. — Л. 51.
[18] История металлургии легких сплавов в СССР, 1917—1945. — С. 265.
[19] РГАЭ. — Ф. 8044. — Оп. 1. — Д. 408. — Л. 57.
[20] Подробнее на эту тему см.: *Мухин М.Ю.* Советская авиапромышленность в годы Великой Отечественной войны. — М., 2011. — С. 172—173.
[21] История металлургии легких сплавов в СССР, 1917—1945. — С. 287.
[22] История второй мировой войны, 1939—1945. — М., 1975. — Т. 5. — С. 42.
[23] *Кравченко Г.С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). — 2-е перераб. и доп. изд. — М., 1970. — С. 239.
[24] Там же. — С. 240.
[25] *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. — [М.], 1948. — С. 71.
[26] Там же. — С. 325.
[27] Там же. — С. 297.
[28] Там же. — С. 308.

А.С. Степанов

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ В СССР И ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С НАЦИОНАЛИЗМОМ (1953—1960 гг.)

Исследуются межнациональные проблемы и конфликты в СССР в 1953—1960 гг. Автор акцентирует внимание на вопросе о том, как советское государство боролось с националистическими проявлениями в условиях начавшейся десталинизации, а также на особенностях проявления загнанных внутрь, но не исчезнувших межнациональных конфликтов и националистических проявлений в первый период после смерти Сталина.
Ключевые слова: межнациональные конфликты; инакомыслие в СССР; национализм; шовинизм; «венгерская революция»; ирредентизм; десталинизация.

A.S. Stepanov
Government and the struggle against nationalism in the USSR (1953—1960)

The article focuses on the interethnic problems and conflicts in the Soviet Union during the 1950s. The government struggled against the manifestations of nationalism during the start of de-Stalinization. The article analyzes hidden but potent nationalist beliefs and describes its various manifestations in the early post-Stalin years.
Keywords: nationalism and the struggle against it; the aggravation of the situation after the death of Stalin; the de-Stalinization and interethnic relations.

В данной статье речь пойдет об имевших место в СССР межнациональных проблемах и конфликтах в период между смертью И.В. Сталина и 1960 г.

Крайние рамки этого хронологического отрезка были выбраны по следующим причинам. Во-первых, со смертью И.В. Сталина с весны 1953 г. начался процесс трансформации системы госуправления как в СССР, так и в социалистических странах, и загнанные внутрь, но не исчезнувшие национальные противоречия получили достаточно широкое распространение, а во-вторых, именно 1960-й г. отмечен последним известным в Советском Союзе случаем боевого столкновения с одной из наиболее известных националистических нелегальных организаций — ОУН. Это произошло 14 апреля на Тернопольщине, когда в результате оперативно-войсковой операции были ликвидированы два нелегала (Петр Пасичный и Олег Цетнарский),

еще один ранен и взят в плен (Мария Пальчак)[1]. В том же году в Литовской ССР также были ликвидированы два нелегала (оба в Арёгальском районе: 19 июля — Йонас Бартушас-Украйнетис, в подполье с 1944 г., а 11 августа — Зянонас Лянартавичюс-Аудра)[2].

Необходимо указать, что детальный анализ подобной тематики, которая затрагивала (и затрагивает) значительные массы населения[3] и огромные территориальные пространства, не пользовался и не пользуется особым вниманием отечественных специалистов разных направлений (за исключением, может быть, сотрудников и историков спецслужб) по достаточно простой причине. Речь идет о том, что, анализируя соответствующий фактический материал, потенциальный автор может быть достаточно легко обвинен в разжигании межнациональной розни. И даже если он старается избрать нейтральную позицию при освещении действий конфликтующих сторон, нет гарантии, что он не будет обвинен одной из сторон (или даже всеми участниками) в лучшем случае в предвзятости и необъективности, не говоря уже о более серьезных последствиях.

Отметим также, что классификация межнациональных проблем и их конкретных проявлений в отечественной историографии иногда не имеет четкого выражения. Например, в существующих исследованиях может отсутствовать четкая система деления «антисоветских» и «буржуазно-националистических проявлений», которые имели место быть в рассматриваемый период среди определенной части населения. Это обстоятельство в свое время объяснялось достаточно просто — нормативно-правовая база СССР делало понятие «антисоветизм» (тождественное понятию «антигосударственные проявления») достаточно обтекаемым и широким, чтобы завуалированно включить в него многие нежелательные для существовавшей системы тенденции. В зависимости от обстоятельств и проводившихся политических кампаний одно и то же действие могло быть расценено как «хулиганство», «проявление буржуазного национализма», «антисоветская акция» или же вообще могло не замечаться и не фиксироваться. Ведь в Советском Союзе старались всячески избегать даже упоминания об имевших место национальных проблемах, ибо это подрывало один из краеугольных тезисов о благополучии и стабильности государства «пятнадцати сестер». Эти тезисы базировались на постулате о «союзе нерушимом республик свободных», что нашло отражение даже в государственном гимне. Особый страх у советского руководства вызывал «национализм политический», подавлявшийся наиболее жестоким и беспощадным образом, а менее всего внимание уделялось «национализму бытовому», который государству в отличие от отдельно взятых граждан ничем особенно не угрожал и зачастую оставался

безнаказанным. Все это было понятно для советского периода, но когда современные исследователи не вычленяют из соответствующих советских документов реальную подоплеку происходивших событий, это вызывает вопрос или к обоснованности методики данных исследований, или к самим авторам, которые либо не обладают достаточной уверенностью в том, что в ряде случаев просто необходимо называть вещи своими именами, либо игнорируют данные обстоятельства совершенно сознательно.

Таким образом, классификация межнациональных проблем и их проявлений — это сама по себе достаточно серьезная задача, требующая отдельного исследования как минимум на уровне статьи. Во всяком случае, как покажет материал, изложенный ниже, национальные конфликты присутствовали как «в чистом виде» (на примерах проявления так называемого «бытового национализма»), так и, напротив, часто накладывались на проблемы военного, политического, социального и материального характера, создавая достаточно сложный и взрывоопасный конгломерат противоречий.

Источниковая база исследования основывается на недавно рассекреченных и опубликованных документах высшего партийно-правительственного руководства и специальных служб СССР, а также переведенных автором материалов из ряда зарубежных исследований, в том числе — из ряда независимых государств, которые до распада СССР являлись его составными частями.

В рамках данной публикации невозможно даже кратко коснуться всех сторон сложной и многогранной темы межнациональных конфликтов, имевших место быть на всем протяжении данного хронологического отрезка. Поэтому необходимо ограничиться тремя условными направлениями с небольшим количеством конкретных примеров по каждому. Эти направления, с точки зрения автора, могут быть следующими:

1) межнациональные конфликты на территории стран Восточной Европы (как внутри отдельно взятых государств, так и между разными государствами), сам факт наличия которых с тревогой рассматривался и руководством СССР, а в ряде случаев прямо был тесно связан с соответствующими проблемами собственно в Советском Союзе;

2) межнациональные конфликты на так называемых «присоединенных территориях» в СССР (под последними подразумеваются территории, которые вошли в состав СССР по итогам Второй мировой войны);

3) межнациональные противоречия на территориях прочих союзных республик.

Первое направление в отечественной историографии практически никем не востребовано, за исключением достаточно узкого круга специалистов. Причина может заключаться в том, что в советское время заниматься исследованиями на эту тему было весьма проблематично — согласно господствовавшей доктрине, между соцстранами не могло быть места ни межгосударственным, ни межнациональным конфликтам (подобную точку зрения не поколебала даже первая в мире война между двумя соцстранами — вьетнамо-китайский конфликт 1979 г.), а в постсоветский период немногочисленные отечественные исследователи истории Восточной Европы послевоенного периода куда охотнее обращаются к дипломатическим, военным и иным вопросам, чем к данной теме. Кроме того, анализ подобных конфликтов невольно может затронуть и существующие современные проблемы России, а желающих проводить подобные аналогии не так много.

Для иллюстрации этого направления можно, в частности, коснуться событий 1956 г. в Венгрии[4]. Вспышка насилия в этой стране отмечена как одна из самых мрачных страниц из всей истории стран социалистического содружества. Ситуация в Венгрии, сложившаяся к рассматриваемому периоду, анализировалась отечественными специалистами, но, ознакомившись даже с новейшими сборниками документов и публикациями, автор пришел к выводу, что существовавшие в этой стране национальные проблемы практически никем не выделяются, за редким исключением — специалистами, анализирующими историю румыно-венгерского конфликта из-за Трансильвании[5].

В случае с венгерскими событиями различные отечественные авторы прежде всего касаются внешнеполитических, военных, экономических, продовольственных и прочих аспектов, а национальный вопрос сводят к проблеме вспышки антисоветских настроений. Среди ряда современных исследователей также стала популярной тенденция своего рода «ретрансляции» документов того времени без надлежащего их критического анализа и автоматического принятия как данности отраженных в них фактов и выводов (кстати, это касается не только национальных проблем, но и очень многих не относящихся к ним тем).

Рассмотрим это на примере следующего отрывка из важного документа — Записки Комитета информации при МИД СССР в Президиум ЦК КПСС «О положении на идеологическом фронте в ВНР» от 2 июня 1956 г., который был подготовлен, в связи с предстоящим обсуждением на Пленуме ЦК КПСС идеологических вопросов, заместителем председателя Комитета информации при МИД СССР И. Тугариновым:

«В период 1954—1955 гг. в Венгерской Народной Республике произошло заметное оживление буржуазного национализма. Характерно, что реакционные элементы стремятся использовать националистические настроения, проявляющиеся у некоторой части населения, в целях подрыва нового общественного строя. Прикрываясь лозунгом укрепления национального единства венгерского народа, они пытаются протаскивать и распространять “теорию” классового примирения, которая одно время проникла даже на страницы венгерской печати.

Националистические проявления имеют место и среди некоторой части работников партийного и государственного аппарата. Нередко эти настроения носят недружелюбный по отношению к Советскому Союзу характер. Это нашло свое выражение, в частности, в неоднократно предпринимавшихся в период 1953—1955 гг. попытках закрыть русский институт имени Ленина, реорганизуемый ныне в Академию общественных наук, русскую школу имени Горького в Будапеште, помешать изданию и распространению советских книг в ВНР, в нежелании популяризировать опыт Советского Союза в венгерской прессе, в ухудшении работы Венгеро-Советского общества (ВСО) и т.д.»[6].

Несет ли в себе данный весьма примечательный документ ответ на вопрос — почему и каким образом проявлялся национализм в Венгрии? И можно ли с помощью подобных материалов досконально изучить затронутую нами проблему?

Авторы этого документа (равно как и составители сборника ни в данном случае, ни в других местах) никак не комментируют противоречивую информацию, содержащуюся в нем. А таких противоречий немало. Можно ли характеризовать как «националистические проявления» нежелание «популяризировать опыт Советского Союза в венгерской прессе» или попытки закрыть Академию общественных наук? Могут ли националистические настроения носить «дружелюбный характер»? Только ли националистам свойственно «протаскивать и распространять “теорию” классового примирения»? Автор данного документа почему-то автоматически отождествляет отрицательное отношение венгров к внедрению «советской» модели социализма и к носителям этой модели с проявлениями национализма. Тем самым он обходит стороной действительно имевшие место в венгерском обществе не только антисоветские тенденции (то есть политические), но и антирусские, то есть националистические, берущие свое начало еще задолго до событий 1917 г. Вообще говорить в данном документе о «националистическом» отношении венгров к чему-то советскому — это абсурд. Налицо как косность советской пропаганды, так и безграмотность ее проводника — идеолога.

Именно подобный упрощенческий подход не позволял и не позволяет провести исследование венгерских событий с точки зрения наличия и огромного влияния на них действительно националистических тенденций, выражавшихся в экстремистских настроениях и активных действиях представителей одной нации против другой. С этой точки зрения, помимо, безусловно, имевшего место и политического контекста, необходимо помнить, что события в Венгрии носили не только «антисоветский» характер. В частности, авторы монографии «Восточная Европа в силовом поле великих держав» прямо указывают на следующее важное обстоятельство: «Напомним, что одним из первых лозунгов Венгерской революции летом и осенью 1956 г. было прекращение дискриминации мадьяр в Румынии»[7].

Даже Матиас Ракоши, такая тенденциозная фигура, которого явно абсурдно причислять к числу сторонников «венгерской революции», в своем письме Н.С. Хрущеву от 15 декабря 1956 г. четко указывал на национальную проблему и на неспособность правящего режима ее решить как на один из важнейших детонаторов венгерских событий:

> «Известно, что когда в 1938—1941 годах Хорти, будучи сателлитом Германии, “возвратил” те области, в которых жило около 3 миллионов венгров, этот факт был воспринят большинством народа с воодушевлением. В конце второй мировой войны одновременно с освобождением нашей родины эти почти 3 миллиона венгров вновь стали национальным меньшинством. Враг в полной мере использовал этот факт, и эта ситуация позволила шовинистам отчасти распространить свое влияние на те, впрочем, демократические элементы, на трудовое крестьянство и даже рабочих, которые сожалели, что одна четвертая часть венгерского народа вновь стала национальным меньшинством.
>
> Когда мы, коммунисты, энергично выступали против ирредентизма, шовинистического подстрекательства, на нас с первого дня освобождения навесили ярлык антипатриотичности. Когда Имре Надь в 1953 году стал премьер-министром, он сразу же начал играть на шовинистических струнах и, в отличие от нас, стал выступать в роли “настоящего венгерского патриота”. Это немедленно усилило, особенно в кругу молодежи, скрытый шовинизм, пропаганда которого была поручена пользующимся широким влиянием старым реакционным педагогам, со знанием дела выпестованным хортистами. Демонстрацию 23 октября с первой минуты характеризовали шовинистические, антикоммунистические и антисоветские лозунги»[8].

В свое время автор этой статьи в беседе с ветеранами Советской армии, которые принимали участие в боях на территории Венгрии во

время Второй мировой войны и после ее окончания некоторое время находились на ее территории, узнал о том, как резко изменилось отношение венгерского населения к советским военнослужащим после решения о передаче спорных территорий румынской стороне. Уже позже советское руководство осознало негибкость своего решения, став своего рода его заложником. По мнению итальянского историка Стефано Боттони, в 1952 г. венгерское меньшинство получило поддержку из Москвы — именно под давлением ВКП (б) в румынскую конституцию была внесена статья, направленная против национальной исключительности и национального шовинизма. В том же году в Трансильвании в рамках румынского государства была образована Венгерская автономная область с центром в городе Тыргу-Муреш. Однако в 1968 г., когда Румыния встала на путь независимости внутри соцлагеря, решением Н. Чаушеску данная область была упразднена[9].

Особенности развития Венгрии обусловили особую или даже преобладающую, по мнению некоторых политологов, роль вопроса национальных меньшинств в венгерской политике и общественной жизни[10]. Уже упоминавшаяся «трансильванская проблема» (еще раз необходимо указать, что зачастую она обходится стороной) играла весьма важную роль в венгерских событиях. Национально-территориальный спор из-за Трансильвании, связанный, прежде всего, с положением венгерского национального меньшинства в Румынии, резко обострился. Интереснейший материал, также прошедший незамеченным для большинства специалистов, изучавших венгерский кризис, был опубликован совсем недавно в сборнике «Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР» в разделе «Хроника 1956». В нем, в частности, сообщалось следующее: «05—19.11: В Румынии подавлена попытка вооруженного выступления этнических венгров в поддержку своих собратьев в Венгрии (органами ГБ Румынии арестовано и репрессировано несколько сот человек)»[11]. Не исключено, что именно из-за событий 1956 г. и произошло упразднение Н. Чаушеску Венгерской автономной области, об истории которой говорилось выше.

Игнорирование советскими лидерами самого факта существования национальной проблемы при социализме на примере событий 1956 г. вряд ли сыграло положительную роль в дальнейшей истории самого Советского Союза. «Кремлевское руководство не сумело сделать должного вывода из этих событий. Москва не предприняла ничего, чтобы придать хоть какой-то практический смысл своей же теории в национальном вопросе», — справедливо отмечали Т.М. Исламов и Т.А. Покивайлова[12]. Последствия игнорирования «трансильванской проблемы» проявили себя сразу же после начала кризисных

процессов в соцлагере. «Первая массовая антиправительственная демонстрация после революции 1956 г. была организована в июне 1988 г. в поддержку угнетенного венгерского меньшинства в Трансильвании»[13]. В то же время подобные процессы происходили и в республиках СССР, где точно так же игнорировались многие существовавшие национальные противоречия.

В Польше во время массовых волнений в Познани 28 июня 1956 г. спецслужбы помимо множества антисоветских лозунгов также фиксировали и наличие лозунгов антирусского содержания в руках манифестантов. Примечательно, что посол СССР в Варшаве сообщал в Москву следующее: накануне выборов в Сейм 20 января 1957 г. в ряде воеводств давала знать о себе и антиукраинская пропаганда[14].

Перейдем к обзору проблемы межнациональных конфликтов собственно в СССР. Отметим, что наиболее охотно, особенно в последние годы, исследователи касаются изучения ситуации на Западной Украине и в Прибалтике[15].

Обратим внимание на то, что, в отличие от отечественных исследователей по истории противоборства ОУН и советских органов госбезопасности, один из ведущих украинских специалистов, начальник кафедры оперативного искусства и истории специальных служб Национальной академии Службы безопасности Украины Д.В. Веденеев придал важное значение планам Л.П. Берия после смерти И.В. Сталина относительно Украины: «Итак, в действиях ставленников Берия в Украине четко просматриваются качественные изменения в политике центра. Симптоматично, что проблема прекращения огня рассматривалась в тесной связи с устранением перегибов и послаблениями в социально-экономической, национальной, религиозной формах. Таковы были признаки того, что хрущевские пропагандисты потом нарекли “бериевским заговором”»[16]. С крахом этих планов, из-за ареста Л.П. Берия, автор связывает активизацию жестких мер по отношению к оппозиционным националистическим силам Украины и репрессии по отношению к тем сотрудникам госбезопасности, которые были вовлечены в попытки прекращения гражданской войны на Украине. «Осмелимся утверждать, что бериевские “сто дней”, в случае их продления, потенциально несли что-то новое и для Украины...» — заключает автор[17].

Отметим, что в отечественных исследованиях эта точка зрения не разделяется. И если с автором можно дискутировать касательно роли Берия как «миротворца» и «пацификатора», то резкую активизацию действий советского руководства против националистических движений на Украине (и не только) можно подтвердить документально (хотя это, как будет показано ниже, и противоречит имеющимся

в отечественной историографии взглядам). Например, в сборнике о венгерских событиях 1956 г. советские лидеры фактически критикуются за «мягкую позицию» на примере амнистии 1955 г., которая, по мнению его авторов, «позволила дать новый импульс борьбе местных националистов и сепаратистов против советской власти»[18].

С точки зрения автора данной статьи дать положительный ответ на вопрос о степени усиления в СССР борьбы с национализмом после смерти И.В. Сталина может факт ликвидации советскими спецслужбами лидеров ОУН. В октябре 1957 г. в Мюнхене был ликвидирован идеолог ОУН Лев Ребет, а в октябре 1959 г. в том же городе — Степан Бандера. Исполнителю — Богдану Сташинскому — руководитель КГБ А.Н. Шелепин лично вручил орден Красного Знамени «за успешное выполнение особо важного задания правительства»[19]. Можно только недоумевать по поводу якобы имевшей место мягкой позиции советских лидеров, принявших такое решение два года спустя после пресловутой амнистии, тем более с учетом широкого международного резонанса этих акций после бегства Сташинского на Запад в 1961 г.

По данным оперативного учета по состоянию на 1 января 1955 г. по УССР насчитывалось 17 бандгрупп (все в западных районах), а по Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР — еще 14[20]. Председатель КГБ СССР И.А. Серов 3 ноября 1956 г. (то есть в разгар венгерских событий) направил в ЦК КПСС записку № 2526-с, в которой сообщал, что в Прибалтике и в западных областях Украины «несколько оживилась активность контрреволюционных элементов, особенно за счет лиц, возвратившихся из мест заключения после отбытия наказания». В связи с этим, Серов просил выделить в распоряжение КГБ мобильные войсковые отряды для наведения порядка «в тех случаях, когда будут возникать отдельные антисоветские проявления». Примечательно, что отряды численностью 1800—2000 человек каждый Серов планировал разместить не только в Прибалтике и на Украине, но и в Закавказье и других регионах[21]. Отметим, что за три недели до этого — 12 октября — командир вооруженных формирований Литовской освободительной армии (ЛЛА) Союза литовских партизан А. Раманаускас («Ванагас»), который еще в 1952 г. приказал прекратить организованное сопротивление, был арестован в Вильнюсе вместе с женой и год спустя расстрелян[22]. А всего в 1956 г. в СССР внутренними войсками было проведено 33 операции или боевых столкновения[23].

Если проблемы борьбы с национализмом в Прибалтике и на Украине, хоть и с оговорками, но все-таки достаточно активно анализируются отечественными специалистами, то в гораздо меньшей степени рассматриваются национальные проблемы в других частях

СССР. О том, что они существовали, свидетельствуют, в частности, недавно опубликованные документы. Возникает ощущение, что советское политическое руководство испытывало сильнейшую тревогу по поводу возможных национальных конфликтов, но реакция его на случаи подобных проявлений в различных регионах страны кардинально отличалась. Где-то искусственно «раздувались» даже малейшие проявления «национализма», а где-то старались не просто замалчивать, но даже не реагировать на случаи откровенного проявления агрессивных националистических тенденций. Если на западе СССР преобладала «жесткая линия», то в южных районах страны позицию правительства сложно назвать иначе, как пассивной.

Среди открывшихся в последнее время документов по данной теме привлекает внимание Докладная записка Министра внутренних дел СССР Н.П. Дудорова[24] и Заведующего сектором Отдела административных органов ЦК КПСС А.И. Еличева в Президиум ЦК КПСС о состоянии уголовной преступности в Азербайджане от 1 октября 1956 г. Формально речь шла о расследовании изнасилования и последующего убийства в районе Кировабада 16 июля 1956 г. молодой девушки — инженера Т.М. Булоховой, 1932 г.р., которая выехала из Москвы в служебную командировку на сейсмостанцию АН СССР. Фактически же в документе говорится о серьезнейших национальных притеснениях азербайджанским населением Кировабада представителей других национальностей, в первую очередь — русского и армянского населения. Помимо Н.П. Дудорова и А.И. Еличева в расследовании принимали участие инструктор Отдела административных органов Панков, замначальника Следственного управления Прокуратуры СССР Камочкин, прокурор Следственного управления Светозаров и заместитель начальника Главного управления милиции МВД СССР Овчинников. По этому делу были арестованы Я. Пиреев, Ш. Алиев, Н. Япаров[25].

Непосвященному человеку трудно представить обстановку, процветавшую в этом городе — втором по численности промышленном и культурном центре Азербайджана после Баку:

> «Мы побывали на текстильном комбинате, строительстве глиноземного завода, механическом заводе, в колхозах, совхозах прилегающему к городу Кировабаду, и воинских частях. В беседах с рабочими, служащими, колхозниками и военнослужащими последние обращались к нам с многочисленными жалобами о произволе, насилиях, грабежах, убийствах, хулиганстве и просили принять решительные меры к преступникам, ссылаясь при этом, что обращения в местные и партийные органы никаких результатов не дают»[26].

Обратим внимание, что речь идет практически обо всех социальных категориях населения.

> Так, с крупнейшего предприятия города — текстильного комбината — «в результате безнаказанности хулиганов и других преступников с комбината ежегодно уходит около 1000 работниц, покидая пределы республики»[27]. Ряд офицеров Кировабадского гарнизона рассказывали, что «вследствие создавшейся в городе Кировабаде обстановки военнослужащие и их семьи редко ходят вечерами по улицам города, так как насильники даже в присутствии офицеров нагло пристают к их женам». «Начальник сейсмической станции т. Касаткин также подтвердил имевшие место случаи попыток к изнасилованию его матери, жены и двух сестер, о которых указывалось в заявлении парторганизации Гипросовхозстроя, направленной в ЦК КПСС в связи с убийством их сотрудницы Булоховой». «Наши беседы с населением города также показали, что во многих случаях русские женщины не подавали заявления об их изнасиловании, боясь расправы. Поэтому данные органов милиции и прокуратуры о том, что к ним поступило за 1955 год и 8 месяцев 1956 г. 14 заявлений от русских женщин, не отражают действительного положения»[28].
>
> «Изучая обстановку в городе Кировабаде, мы установили, что в городе имеется большое количество нигде не работающих граждан, не занятых общественно полезным трудом. Только одной молодежи не работает более 900 человек. Это приводит к тому, что часть из них, ведя паразитический образ жизни, вступает на преступный путь.
>
> Из общего количества лиц осужденных в 1955 и 1956 годах, 70% являлись лицами без определенных занятий, либо к моменту совершения преступлений длительное время нигде не работали.
>
> Ряд лиц из числа не работающих имеют собственные машины, которые ими используются для личной наживы и совершения уголовных преступлений. Всего в городе зарегистрировано 350 частных автомашин»[29].

Анализируя одно из нераскрытых дел об убийстве 1953 г., авторы записки приводят примечательные детали:

> «Свидетельскими показаниями преступники изобличены, но они находятся на свободе. Один из преступников, Кулиев Г., в настоящее время учится на юридическом факультете Азербайджанского госуниверситета, имеет две собственные автомашины (“ЗИМ” и “Победа”)[30]. Кулиев Г. проходил ранее по другим уголовным делам как бандит, но каждый раз уходил от ответственности». Они констатировали: «Подобные факты прекращения уголовных дел на убийц в городе Кировабаде не единичны». Делался очень важный вывод: «От-

сутствие борьбы с уголовной преступностью в г. Кировабаде является характерным и для других городов Азербайджанской ССР». Как примеры приводились 46 случаев изнасилований в Баку за 8 месяцев 1956 г. и «возмутительный случай убийства русской женщины Яковлевой, работницы трубопрокатного завода» мужем-азербайджанцем Алхасовым Абдул-Рагим Азис оглы в г. Сумгаите 28 августа 1956 г., который до этого систематически издевался над ней. Тогда же ее подруге, Подковериной Л.Г., им были нанесены ножевые ранения. В одном из предсмертных заявлений в прокуратуру республики, Яковлева сообщала: «...Когда моя мать стала говорить, что пойдет жаловаться в милицию или в прокуратуру, так он ей стал грозить ножом и говорит: лучше уезжай по-хорошему, и не забывай, что это Азербайджан, что нам, азербайджанцам, веры больше, чем вам, русским. И так, матери пришлось уехать»[31].

Явления коррупции и национализма в Кировабаде были настолько вопиющими, что хотя авторы документа и пытались несколько смягчить эти обстоятельства, это удавалось им с трудом:

«Трудящиеся из числа армянского и русского населения, обращаясь к нам с различными жалобами, указывали тот факт, что в ряде случаев отношение к ним со стороны некоторых местных работников неправильное. Они говорили, что устроиться на работу в учреждения города без взятки невозможно. Военнослужащие, уволенные в запас, продолжительное время не могут получить работу. Это подтвердил и начальник политотдела механизированной дивизии т. Тищенко. Он рассказал, что даже при подборе кадров в военторг, обслуживающий воинские части, местные работники выставляют требования о зачислении на работу в первую очередь азербайджанцев.

Жители армянской части Кировабада в беседах с нами обращали внимание на более худшую благоустроенность жизни их района по сравнению с другим, населенным по преимуществу азербайджанцами. Посещение армянской части города в известной степени подтверждают указанные заявления»[32].

Авторы документа обращают внимание на равнодушное отношение республиканской политической «верхушки» к сложившейся ситуации и фактически признают существование проблемы азербайджанского национализма:

«ЦК КП и Совет Министров Азербайджана, как нам представляется, должны знать о состоянии дел с уголовной преступностью в республике, о фактах зверских насилий над русскими женщинами и женщинами других национальностей. Эти факты не получили в рес-

публике должной политической оценки, что не способствовало искоренению националистических настроений, еще живучих у некоторой части азербайджанцев.

К примеру, можно привести такой факт: отдел писем Совета Министров СССР подготовил записку о неблагополучном положении в Азербайджанской республике с убийствами и другими преступлениями в республике. Тов. Булганин М.А. направил эту записку 30 мая с.г. тт. Мустафаеву и Рагимову, однако ЦК компартии Азербайджана и Советом Министров этот вопрос до сих пор не рассмотрен»[33].

Обратим также внимание, на то обстоятельство, что Постановление Президиума ЦК КПСС «Записка тт. Дудорова и Еличева по делу об убийстве Булоховой Т.М.» П/44XXXII от 4 октября 1956 г. было принята под грифом «Строго секретно»[34]. Годом ранее Заведующий административным отделом ЦК компартии Украины в марте 1955 г. Кузнецов отмечал, что «в 1954 г. в западных областях имело место 13 бандитских проявлений», а из 29 случаев распространения антисоветских листовок было раскрыто только 12. «До настоящего времени не раскрыто 15 бандитских проявлений и 44 случая распространения антисоветских листовок, что имели место в 1952—1953 годах», — констатировал он[35]. Осмелимся предположить, что не всегда урон авторитету советской власти наносился именно в Западной Украине. Интеллектуальный уровень и здравый смысл некоторых «исполнителей» явно были не на высоте. Например, молодой тракторист из колхоза из Львовской области (член ВЛКСМ!), «ожидая установления капиталистических порядков на территории Советской Украины и желая зарекомендовать себя как лицо, ведущее борьбу против советской власти, в ночь на 8 ноября 1960 г. вывесил на клубе с. Криво националистический флаг и в ту же ночь сорвал государственные флаги Украинской ССР со зданий магазина, клуба, медпункта и библиотеки, которые бросил в грязь»[36]. Но, к сожалению, государственная власть зачастую ориентировала советские спецслужбы таким образом, что они были более озабочены поисками подобных распространителей рисунков «тризубов» на дорожных столбах украинских дорог, чем планами обуздания и изъятия агрессивных элементов из южных республик...

Девятого января 1957 г. был подписал Указ «О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР». «В целях создания необходимых условий для национального развития чеченского и ингушского народов» представителям этих народов разрешалось вернуться на прежнее место жительства. Только за 1957 г. в автономную республику прибыло свыше 200 тыс. человек, что существенно превышало цифры, предусмотренные четырехлетним планом переселения. Это

создавало серьезные проблемы с трудоустройством и обеспечением жильем. К тому же налицо были массовое приобретение оружия, круговая порука, убийства на почве кровной мести, изнасилования, нападения на жителей республики, представляющих другие национальности. В первой половине 1958 г. по сравнению с аналогичным периодом 1957 г. в целом по ЧИ АССР количество убийств увеличилось в два раза, а случаев разбоя и хулиганства, повлекших за собой тяжкие телесные повреждения, — в три раза. По всей республике стали обыденным явлением ссоры из-за домов и приусадебных участков, скандалы и групповые драки с применением холодного и огнестрельного оружия. Так, например, в конце 1957 г. в Грозном распространялись антирусские листовки, были зафиксированы и нападения чеченской молодежи на учащихся ремесленных училищ и офицеров Советской армии. И самое главное, что в результате запугивания и при полном попустительстве республиканских властей только в течение 1957 г. за пределы ЧИ АССР выехали 113 тысяч русских, осетин, аварцев, украинцев и граждан других национальностей[37].

Примечательно, что одним из противников восстановления чечено-ингушской автономии был упоминавший выше министр внутренних дел СССР Н.П. Дудоров. В.А. Козлов в связи с этим отмечал: «Зная о потенциально высокой активности этих этносов и опасаясь эксцессов на Северном Кавказе, Дудоров доказывал нецелесообразность восстановления чечено-ингушской автономии на Северном Кавказе. Он предлагал чисто бюрократическое решение — создать автономную область (даже не республику) для чеченцев и ингушей на территории Казахстана или Киргизии»[38].

Можно предположить, что на позицию Н.П. Дудорова повлияла не только его осведомленность в силу служебного положения, но и внутренняя позиция, основанная на вышеупомянутых кровавых уроках событий в Кировабаде, в расследовании которых он принимал активное участие. Во всяком случае, у автора данной статьи нет сомнений в том, что Н.П. Дудоров был одной из немногих политических фигур СССР описываемого периода, кто реально пытался обратить внимание руководства страны на существовавшие межнациональные проблемы и противоречия. Отметим также, что его деятельность в этом направлении отечественными исследователями практически не анализировалась (за исключением, может быть, краткого упоминания о нем В.А. Козлова, явно отрицательно относящегося к Н.П. Дудорову, которого он назвал «главным полицейским»).

Нельзя упускать из вида и тот факт, что «националистические» движения в ряде случаев могли опираться на мощные финансовые капиталы своих единомышленников за пределами Советского Сою-

за[39], а из этого следует, что коррупционная составляющая властных структур отдельных республик вполне могла испытывать на себе не только чисто экономическое, но и внешнеполитическое влияние.

Таким образом, можно сделать вывод о сложной специфике данной темы. Имеющиеся факты говорят в пользу необходимости ее дальнейшей разработки и изучения.

[1] *Веденеев Д.В.* Украинский фронт в войнах спецслужб: ист. очерки. — Киев, 2008. — С. 178.

[2] Известно также, что спустя пять лет, 17 марта 1965 г. в деревне Папишкю Утянского района во время оперативно-войсковой операции, которой руководил майор КГБ Н. Душанский, в жилом доме свояка Антанаса Пинкявичюса застрелился Антанас Краулис (1928 г.р.; псевдоним «Сяубунас»), принимавший участие в антисоветском сопротивлении с 1944 г. В том же 1965 г. 6 июля был обнаружен и ликвидирован (по другим данным — застрелился) бывший член Литовской Освободительной Армии Пранас Кончюс (псевдоним «Адомас»), с 1956 г. нелегально проживавший у Пранаса Друнгиласа в деревне Дидейя Жалимай Крятингского района, в 1947—1951 гг. член штаба дружины Kardo округа Žemaičių. 2 октября 1969 г. в Акмянском районе был ливидирован участник антисоветского сопротивления Костас Любярскис-Жвайнис (1913 г.р.), издатель и редактор нелегальной газеты «Partizanų šūviams aidint» («Под эхо партизанских выстрелов»), последний номер которой вышел в 1957 г. Своеобразный «рекорд» поставил Стасис Гуги-Тарзанас из отряда Григониса-Пабяржиса дружины Tigro округа Vytauto, который 33 года скрывался в деревне Чинчику Швянчёняйского района у Оны Чинчикайте вплоть до смерти от болезни в 1986 г.! (См.: *Gaškaitė N.* Pasipriešinimo istorija 1944—1953 metais. Vilnius, 2006 = *Гашкайте Нийоле*. История сопротивления, 1944—1953 гг. — Вильнюс, 2006. — С. 140—142). По некоторым данным, единичные вооруженные акции в Балтийских странах продолжались вплоть до 1978 г. (см., например: *Caballero Jurado C., Thomas N.* Germany's Eastern Front Allies (2). Baltic Forces. Oxford, 2002. P. 40). Однако именно в силу своей исключительности, они уже не могли вызвать такого общественно-политического резонанса, как в рассматриваемый нами период.

[3] Согласно некоторым данным, только через ряды УПА прошло около 400 тыс. чел. (см.: *Ткаченко С.Н.* Повстанческая армия (тактика борьбы). — Минск; М., 2000. — С. 374). По оценкам американских исследователей Р. Мисиунаса и Р. Таагепера, через повстанческие формирования Литвы в 1944—1952 гг. прошло до 100 тыс. участников. По их же мнению, активной формой борьбы одновременно охватывалось до 1% населения. Литовцы составили одну из наибольших диаспор ГУЛАГа наряду с «бандеровцами». Они создавали в местах заключения подпольные организации для сопротивления администрации. Известна, например, воркутинская организация К. Клементаускаса «Северная месть», истреблявшая агентуру лагерных оперчастей МГБ (см.: *Веденеев Д.В.* Указ. соч. — С. 401, 404).

[4] Как это ни покажется странным, но события 1956 г. в Венгрии даже не рассматривались в двух фундаментальных сборниках Института всеобщей истории РАН, посвященных, соответственно, событиям холодной войны (Холодная война, 1945—1963 гг. Историческая ретроспектива: сб. ст. / отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. — М., 2003) и локальным войнам и конфликтам в XX в. (Война и общество в XX веке: в 3 кн. / рук. проекта и сост. О.А. Ржешевский. — М., 2008. — Кн. 3: Война и общество в период локальных войн и конфликтов второй половины XX века).

[5] Подробно об истории этого конфликта можно, в частности, узнать из следующей публикации: *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Восточная Европа в силовом поле великих держав. Трансильванский вопрос, 1940—1946 гг. — М., 2008.

[6] Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР: сборник документов / сост.: А.А. Зданович, В.К. Былинин, В.К. Гасанов, В.И. Коротаев, В.Ф. Лашкул; ред. Ю.Н. Моруков; гл. ред. Н.Ф. Самохвалов. — М., 2009. — С. 96.

[7] *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. — С. 232.

[8] Советский Союз и венгерский кризис 1956 года: документы / ред.-сост. Е.Д. Орехова, В.Т. Середа, А.С. Стыкалин. — М., 1998. — С. 745, 749.

[9] *Bottoni St.* A Magyar Autonóm Tartomány: A sztálini «Kis Magyarország» megalakitása (1952) // Regio. — Budapest, 2003. — 3. — 89—124. old. Примечательно, что данная проблематика отличается новизной, так как не только в СССР и в России, но и на Западе, и в Румынии специальных работ по этой теме не было.

[10] *Балог А.* Венгры-мадьяры: национальная и европейская идентичность (1990—1998) // Центрально-Европейский Ежегодник: сб. ст. и док. / сост. И. Киш. — М., 2003. — Вып. 1: Международные отношения и безопасность. — С. 224.

[11] Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. — С. 56.

[12] *Исламов Т.М., Покивайлова Т.А.* Указ. соч. — С. 226.

[13] Там же.

[14] *Орехов А.М.* Советский Союз и Польша в годы «оттепели»: из истории советско-польских отношений. — М., 2005. — С. 123, 246.

[15] См., например: НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939—1956) / сост.: Н.И. Владимирцев, А.И. Кокурин; ред. Ю.Н. Моруков; гл. ред. Н.Ф. Самохвалов. — М., 2008. К сожалению, события, относящиеся к периоду после 1953 г. рассматриваются в сборнике, главным образом, в документах, посвященных проблемам учета и реабилитации участников националистического подполья.

[16] *Веденеев Д.В.* Указ. соч. — С. 176.

[17] Там же. — С. 177.

[18] Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. — С. 37.

[19] См., например: *Прохоров Д.П., Лемехов А.И.* Перебежчики. Заочно расстреляны. — М., 2001. — С. 207—209; Разведка и контрразведка в лицах: энцикл. словарь рос. спецслужб / авт.-сост. А. Диенко, предисл. В. Величко. — М., 2002. — С. 468.

[20] Теория и практика национализма в документах западноукраинского НКВД, МВД и МГБ СССР (1939—1956) / сост.: Н.И. Владимирцев, В.Д. Кривец, В.Ф. Некрасов, В.М. Сойма, А.С. Степанов, С.М. Штутман; ред. Ю.Н. Моруков; гл. ред. Н.Ф. Самохвалов. — М., 2010. — С. 309; Прибалтийский национализм в документах НКВД, МВД и МГБ СССР (1939—1956) / сост.: Н.И. Владимирцев, В.М. Комиссаров, В.Д. Кривец, В.Ф. Некрасов, Б.С. Нешкин, С.М. Штутман; ред. Ю.Н. Моруков; гл. ред. Н.Ф. Самохвалов.— М., 2011. — С. 408.

[21] Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР. — С. 54.

[22] *Веденеев Д.В.* Указ. соч. — С. 401, 405.

[23] Полиция и милиция России: страницы истории / А.В. Борисов, А.Н. Дугин, А.Я. Малыгин и др. — М., 1995. — С. 203.

[24] Составители сборника документов почему-то именуют Н.П. Дудорова, одного из авторов Докладной записки, заместителем министра внутренних дел СССР, хотя на той же странице ими же размещена часть документа «Постановление Президиума ЦК КПСС “Записка тт. Дудорова и Еличева по делу об убийстве Булоховой Т.М.”», где Н.П. Дудоров проходит как министр (см. Президиум ЦК КПСС, 1954—1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постанов-

ления: в 3 т. / гл. ред. А.А. Фурсенко. — М., 2006. — Т. 2: Постановления, 1954—1958. — С. 434). Известно, что Николай Павлович Дудоров (1906—1977) был министром внутренних дел СССР с 31 января 1956 г. по 13 января 1960 г. (вплоть до упразднения этого министерства первого формирования), непосредственно перейдя на этот пост с должности Заведующего отделом строительства ЦК КПСС (см.: Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923—1991 гг.: ист.-биогр. справочник / сост. В.И. Ивкин. — М., 1999. — С. 180, 294). Это обстоятельство придает бóльшую значимость рассматриваемому документу.

[25] Президиум ЦК КПСС, 1954—1964. — С. 434—435.

[26] Там же. — С. 435.

[27] Там же. Всего на комбинате работало 4000 человек; таким образом, за год его покидало до 25% от общего состава работавших.

[28] Там же. — С. 435—437.

[29] Там же. — С. 439.

[30] Стоимость автомобиля «Победа» составляла 16 тыс. руб. Еще больше стоил автомобиль представительского класса «ЗИМ», который предлагался в автомагазинах за 40 тыс. руб. После тяжелой и разрушительной войны далеко не все могли позволить купить даже «Москвич-401» — самый недорогой легковой автомобиль СССР того периода, который стоил 9 тыс. руб. (См.: Автолегенды СССР. — М., 2011. — Вып. 2: ГАЗ-М20В «Победа». — С. 5; М., 2009. — Вып. 3: ЗИМ-12. — С. 5).

[31] Президиум ЦК КПСС, 1954—1964. — Т. 2. — С. 440.

[32] Там же. — С. 441—442.

[33] Там же. — С. 442.

[34] Там же. — С. 433—434.

[35] *Сергійчук В.* Десять буремних літ: західноукраїнські землі у 1944—1953 рр.: нові документи і матеріали. — Київ, 1998. — С. 872. В данном исследовании должность Кузнецова ошибочно указана как «Заведующий административным отделом ЦК КП(б)У», однако это формулировка после 1952 г. не употреблялась.

[36] *Козлов В.А.* Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе 1935—1982 гг.: рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР / отв. сост. О.В. Эдельман при участии Э.Ю. Завадской; под ред. В.А. Козлова и С.В. Мироненко.. — М., 2005. — С. 121.

[37] Подробнее об этих событиях см.: *Козлов В.А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 — начало 1980-х гг.). — М., 2010.

[38] *Его же.* Неизвестный СССР: противостояние народа и власти 1953—1985 гг. — М., 2006. — С. 191. Обратим внимание, что автор допустил фактическую ошибку, указывая что, что Н.П. Дудоров якобы еще в августе 1946 г. был министром внутренних дел СССР (см.: Там же. — С. 189). В действительности, этот пост в данное время занимал С.Н. Круглов (см.: Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители, 1923—1991 гг. — С. 180).

[39] Например, С. Айвазян указывает на следующий примечательный факт «Деятели армянского национально-освободительного движения вошли в контакт с турецкими правительственными кругами и договорились выкупить армянские земли Карсской области, закрыв долг Турции США в несколько миллиардов долларов. Президент Турции Джелаль Баяр и премьер-министр Аднан Мендерес готовы были подписать договор о передаче земель». Хрущев заявил, что если Турция передаст земли зарубежным армянам, то СССР введет в Карсскую область свои войска. Он выдвинул альтернативный план передачи этих земель СССР на тех же условиях. Но 15 мая 1960 г. — за 15 дней до запланированного визита Хрущева в Турцию — к власти там пришел генерал Гюрсель и эта сделка сорвалась (см.: *Айвазян С.* История России. Армянский след. — М., 2000. — С. 536).

Г.М. Иванова

СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ «ГОСУДАРСТВА БЛАГОСОСТОЯНИЯ»: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ*

В статье проводится сравнительный анализ западных моделей социальной политики, основанных на концепциях «государства всеобщего благосостояния», «социального государства», и советской модели социальной политики, которая имела аналогичные цели и задачи, но отличалась средствами и методами их достижения; делается вывод об определенном сходстве этих моделей.
Ключевые слова: социальные реформы; социальная политика в СССР; социалистическое государство благосостояния.

G.M. Ivanova
The Soviet model of "welfare state": general and special

The article presents a comparative analysis of Western models of social policies, that based on the concepts of "welfare state", "social state", and the Soviet model of social policy, which had similar goals and objectives, but different means and methods to achieve them. It concludes that there is certain similarity between these models.
Keywords: social reform; social policy in the USSR; socialist welfare state.

Сегодня большинство политиков и ученых рассматривают концепцию «государства всеобщего благосостояния» прежде всего как синоним системы обеспечения социальных потребностей общества или как теоретическое оформление и условное название западной модели социальной политики. Что касается понимания сущности советской социальной политики, то в настоящее время по вполне понятным причинам уже никто не рассматривает ее в качестве политики, «направленной на преодоление классовых различий, и, в конечном счете, политики построения бесклассового социально однородного общества»[1]. Такая точка зрения была распространена в советской исторической литературе в начале 1980-х годов. Сегодня под социальной политикой понимается прежде всего система политических, экономических и финансовых решений и мер, направленных

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00034.

на поддержание социальной стабильности, на достижение общественного благосостояния и на повышение уровня жизни населения.

СССР по ряду ключевых характеристик не был похож на традиционное государство всеобщего благосостояния. Вместе с тем между советской и западными моделями социальной политики было немало общего, что позволяет говорить об их определенном сходстве. Как известно, исходным положением государства всеобщего благосостояния является принцип справедливого распределения и обеспечения благосостояния всех членов общества. В одном из авторитетных английских словарей понятие “Welfare State” определяется как государство, выполняющее комплекс социально-защитных функций, в котором правительство принимает на себя ответственность за обеспечение основных социальных потребностей граждан[2]. Если трактовать сущность государства всеобщего благосостояния с позиции справедливого распределения общественных благ и обеспечения благосостояния всех членов общества, то можно утверждать, что в определенный период своей истории, а именно с середины 1950-х и до середины 1980-х годов, Советский Союз проводил социальную политику, совпадавшую по своим целям с политикой государства всеобщего благосостояния. Этими целями были: социальное равенство, высокие уровень и качество жизни всех членов общества, реализация их социальных возможностей и потребностей. Другое дело, что средства и методы (директивное планирование, жесткий государственный контроль за мерой потребления трудоспособных членов общества, административное распределение ресурсов, отсутствие экономической свободы и т.д.), которыми советское руководство пыталось реализовать сходные цели и задачи в конкретных областях социальной сферы, существенно отличались от социальных механизмов государства всеобщего благосостояния.

Модель социальной политики любого государства — это не столько результат осознанного выбора партийных и государственных деятелей, сколько продукт развития самого государства, его экономики, правовых институтов, следствие культурных традиций, религиозных предпочтений и т.д. Для западных теоретиков и политиков понятия «государство всеобщего благосостояния», «социальное государство», «социальное рыночное хозяйство» неразрывно связаны с представлениями о свободе и демократии, гражданском обществе, правовом государстве. Советское государство либо вообще игнорировало эти понятия и формы общественной жизни, либо ограничивалось формальной постановкой вопроса. Впоследствии оказалось, что этот системный недостаток советской модели социальной политики оказал незначительное влияние на позитивные представления россиян о гуманном и справедливом характере советской системы социальной

защиты. К такому выводу пришли российские ученые, анализируя данные социологического опроса, проведенного в 2003 г. сотрудниками Института социально-экономических проблем народонаселения РАН по заказу Фонда Андрея Сахарова[3].

Среди множества суждений и мнений, высказанных респондентами (их состав был вполне репрезентативным), нас интересовала в первую очередь оценка населением справедливости устройства постсоветского общества *по сравнению* с советским государством. Сопоставления, сделанные респондентами на макросоциальном уровне, оказались в пользу «социалистического государства благосостояния». Следует отметить, что 76% опрошенных граждан посчитали современное устройство российского общества несправедливым и только 13% определили его как справедливое (ответы типа «не знаю» нами не учитываются). На вопрос, было ли советское общество *более* справедливым, чем современное российское общество, 57% респондентов ответили утвердительно. 19% опрошенных посчитали более справедливым нынешнее устройство общества, 11% не видели существенных различий между советским и постсоветским государственным устройством[4]. Результаты не только названного выше, но и многих других социологических опросов показывали, что ретроспективную привлекательность в массовом сознании россиян Советский Союз получил именно благодаря своей социальной политике[5].

В современных российских исследованиях уже делались попытки сопоставить советскую модель социальной политики с режимами государства всеобщего благосостояния. Сравнение осуществлялось, как правило, на основе типологии, разработанной западным социологом Г. Эспинг-Андерсеном. Проанализировав и сравнив различные показатели социальной политики почти двух десятков экономически развитых стран, Эспинг-Андерсен выделил три типа (режима) государства всеобщего благосостояния: консервативный (Бельгия, Германия, Италия, Австрия), либеральный (Австралия, Япония, Швейцария, Канада, США, Великобритания) и социал-демократический (Дания, Норвегия, Швеция)[6].

В основе этой типологии, получившей весьма широкое распространение в зарубежной и российской литературе по социальной политике, лежали три показателя:

1) размер общественного (нерыночного) сектора (наиболее высоким этот показатель был в государствах социал-демократического типа, наименьшим — в государствах либерального типа),

2) стратификация общества (наиболее высокий уровень стратификации был в государствах либерального и консервативного типа),

3) форма и характер государственного вмешательства.

В российской литературе высказывалось мнение о сходстве советской социальной политики с социал-демократической моделью, которая предполагает распространение социального страхования на всех граждан государства в равном объеме, независимо от степени нуждаемости и трудового вклада[7]. Такая точка зрения вызвала критику со стороны некоторых российских политологов. Оппоненты указывали, что «сходство советской и западной моделей было чисто внешним, а в СССР действовали иные институты и практики, чем на Западе»[8].

Зарубежные исследователи старались избегать применения концепции «государства всеобщего благосостояния» для характеристики социальной политики социалистических стран, в том числе и Советского Союза, на том основании, что считали непременной предпосылкой существования государства всеобщего благосостояния наличие рыночной экономики, гражданского общества и правового государства. Наряду с таким подходом встречались в западной литературе и другие точки зрения, которые не исключали утвердительного ответа на вопрос; «Является ли Советский Союз государством всеобщего благосостояния?»[9].

Ввиду того, что в научной литературе отсутствуют четкие критерии понятия «государство всеобщего благосостояния», некоторые современные исследователи проводят аналогии между советской и западной социальной политикой на том основании, что в обоих случаях главным фактором является социальная активность государства, которое берет на себя ответственность за обеспечение основных социальных потребностей граждан[10]. Такой подход, на наш взгляд, является наиболее плодотворным для адекватного понимания сущности советской социальной политики в период с середины 1950-х до середины 1980-х годов.

В этот период советское государство выступало гарантом социальной защиты населения, финансировало основную часть расходов в социальной сфере, но при этом оставляло за собой право решать все вопросы социального развития, исходя из собственных экономических, идеологических и политических приоритетов. С нашей точки зрения, такая модель социальной политики в наибольшей степени подходит под определение «государственного патернализма». Анализируя формы патерналистской опеки в классической социалистической системе, венгерский экономист и социолог Янош Корнаи писал: «Значительная часть функций, связанных с патерналистской опекой населения, осуществляется предприятиями и учреждениями, что делает зависимость работников от их нанимателей еще более сильной. Бесплатное образование и медицинское обслуживание сопровождается принудительным прикреплением к определенной школе, поликли-

нике или больнице. И если государство обеспечивает всех жильем, то оно и монополизирует право решать, где и в каких условиях жить. Государство заботится о нетрудоспособных, но все — и работающие, и нетрудоспособные — постоянно находятся в поле его зрения, под бдительным присмотром. Этот присмотр не оставляет человека с момента его появления на свет в государственном родильном доме, с государственного детского сада до государственного дома престарелых, а при необходимости и до государственного похоронного бюро»[11].

Зарубежные исследователи давно используют патерналистскую концепцию для характеристики обществ советского типа на определенном этапе их развития (применительно к СССР речь идет, как правило, о послесталинском периоде, когда у граждан появилось чувство личной безопасности)[12]. Немецкая исследовательница У. Гёттинг употребляет для обозначения социальной политики бывших социалистических государств Центральной и Восточной Европы понятие «государственно-патерналистская модель государства всеобщего благосостояния» и пополняет «триаду» Г. Эспинг-Андерсена четвертым типом (режимом) государства всеобщего благосостояния — режимом государственного патернализма[13].

В российских исследованиях для определения советской социальной политики также используется концепция патернализма, причем, как правило, она применяется ко всему периоду советской истории. По мнению ряда ученых, социальный патернализм государства воспитывал в советских людях пассивность и иждивенчество, советские граждане уповали на государство как на высшую инстанцию в решении всех социальных проблем[14]. На наш взгляд, такое оценочное суждение нуждается в некоторой корректировке. Нельзя забывать, что советское государство выступало в роли универсального работодателя, было фактическим монополистом в сфере производства и распределения, граждане не имели ни экономической свободы, ни частной собственности, и, следовательно, их возможности для самостоятельного решения многих социальных проблем были существенно ограничены. В этой связи, с нашей точки зрения, логичнее говорить не о том, что государственный патернализм в СССР воспитывал в людях пассивность и иждивенчество, а о том, что он лишал граждан выбора путей для самостоятельного решения тех или иных социальных проблем.

В СССР концепции «государства всеобщего благосостояния», «социального государства», «социального рыночного хозяйства» подвергались резкой критике и рассматривались в качестве попыток западных теоретиков скрыть эксплуататорскую природу капиталистического строя, приукрасить буржуазное общество. Тон был задан Программой КПСС, принятой на XXII съезде КПСС (1961 г.),

в которой отмечалось: «Защитники буржуазного строя именуют его “государством всеобщего благоденствия”. Они сеют иллюзии, будто капиталистическое государство противостоит монополиям и может добиться социальной гармонии и всеобщего благоденствия»[15].

Воинственные идеологические заявления и критические установки коммунистических идеологов, закрепленные на уровне важнейшего партийного документа, оказали негативное влияние на развитие исследований в области социально-экономической теории, закрыли доступ советским ученым к интеллектуальному освоению нового научного, институционального и социокультурного пространства.

Логика идеологического противостояния двух систем неумолимо вела к тому, что не только советские исследователи направляли свои усилия на то, чтобы дискредитировать теорию и практику государства благосостояния, но и западные ученые, в свою очередь, старались по возможности не замечать достижений СССР в области социальной политики. Наиболее весомыми аргументами советских критиков были ссылки на большую численность безработных в капиталистических странах, на высокий пенсионный возраст в «так называемых государствах благосостояния», но больше всего осуждалась практика взимания страховых взносов с трудящихся.

Существовавший, например, в Норвегии до начала 1970-х годов пенсионный возраст в 70 лет и сниженный в 1973 г. до 67 лет расценивался в советской литературе как пример высокой эксплуатации трудящихся. В СССР, как известно, пенсионный возраст составлял для мужчин и женщин 60 и 55 лет соответственно. При этом многие категории граждан (рабочие, занятые на подземных работах, в горячих цехах, с тяжелыми условиями труда; а также многодетные матери, инвалиды войны; лица, работавшие в районах Крайнего Севера, и т.д.) имели еще более низкий пенсионный возраст. Уход на пенсию по старости в более раннем возрасте (45—50 лет) не влиял на размер выплачиваемой пенсии.

В СССР никто не рассматривал старость в качестве важнейшего фактора социального риска. В понимании большинства граждан, в том числе и многих исследователей, пенсии по старости не являлись компенсацией утраченного заработка при наступлении нетрудоспособности, вызванной старостью. В советском обществе преобладала точка зрения, что пенсии по старости являются своего рода вознаграждением за долголетний добросовестный труд, признанием заслуг перед обществом, заработанным правом на заслуженный отдых после достижения определенного возраста. Такие представления в значительной мере порождались и поддерживались государственной риторикой.

Социальное мировоззрение советского человека имело свои особенности, на формирование которых оказали заметное влияние общественные фонды потребления. Например, советским гражданам было трудно понять, каким образом оказание медицинской помощи любого уровня — от сложнейшей хирургической операции до консультации диетолога — может зависеть от наличия медицинской страховки, да и вообще мало кто представлял себе, что такое медицинское страхование. Существовавшие в СССР системы социального страхования, социального обеспечения и медицинского обслуживания не предусматривали уплаты гражданами каких-либо страховых взносов. В Законе о государственных пенсиях, Законе о пенсиях и пособиях членам колхозов, а также во многих других законодательных актах по социальному обеспечению было установлено, что выплаты пенсий и пособий обеспечиваются за счет средств государства и колхозов, без каких-либо вычетов из заработной платы рабочих и служащих или доходов членов колхозов.

Раскрывая социальные преимущества социалистического государства по сравнению с капиталистическим обществом, советские экономисты приводили в своих исследованиях расчеты, показывающие величину прямых обязательных отчислений из заработной платы рабочих и служащих капиталистических стран в фонды социального обеспечения, а также долю взносов трудящихся в общем объеме всех поступлений в эти фонды. Так, например, расчеты, выполненные экономистом М.С. Ланцевым на основе данных, опубликованных в статистическом сборнике “The Cost of Social Security” (Geneva, ILO, 1972), показывали, что взносы работающего населения являлись существенным источником финансирования национальных систем социального обеспечения и составляли в среднем 35% всех поступлений на эти нужды. В некоторых странах (Нидерланды, Австрия, ФРГ, Бельгия, Норвегия) на уплату страховых взносов у рабочих уходило от 10% до 20% заработной платы[16]. Естественно, что публикация подобных сведений лишала западные государства благосостояния в глазах советских граждан «ореола святости».

Общественное сознание советских людей не воспринимало также многие широко распространенные на Западе понятия, такие, например, как частные пенсионные фонды, страхование от безработицы, проверка нуждаемости и т.п. Даже само слово «социальный» до конца 1960-х годов имело в СССР ограниченное употребление (широкое распространение в силу традиции имели лишь словосочетания «социальное обеспечение» и «социальное страхование»).

«Железный занавес» не только скрывал от советских граждан зарубежную действительность, но и лишал мировое сообщество воз-

можности получить объективную информацию о Советском Союзе. В отчетных докладах советских делегаций, вернувшихся из-за рубежа, отмечалось: «во время некоторых встреч члены делегации не могли не заметить, что принимавшие участие во встречах сотрудники учреждений социального обеспечения, медицинские работники, рядовые рабочие имеют необъективное, а порой искаженное представление о советской действительности, о жизни советских людей, об их культуре и быте»[17].

О том, что конкретно было сделано в СССР в сфере социальной политики, в советской литературе писали немало. Но реальные достижения были покрыты настолько плотным слоем коммунистической фразеологии, пропаганды и приукрашивания, что оставались невидимыми для большинства зарубежных политологов. По убеждению самих же советских специалистов, в СССР удалось создать едва ли не самую лучшую в мире систему социального обеспечения, а некоторые советские достижения в сфере социальной политики вполне могли бы стать образцом для всего «прогрессивного человечества». Так, к примеру, оценивалась универсальная система пенсионного обеспечения, оформленная законодательно в 1956 и 1964 гг.

Расцвет советского «государства благосостояния» пришелся на вторую половину 1960-х — начало 1970-х годов. Универсальность равного и бесплатного доступа к таким общественным благам, как социальное обеспечение, образование, здравоохранение и др., достигалась при социализме благодаря так называемым «общественным фондам потребления», которые были в условиях директивно-плановой экономики весьма существенной по масштабам и социальной значимости формой распределения (сверх оплаты по труду) части национального дохода. Общественные фонды потребления можно назвать «несущей конструкцией» советской модели социальной политики. Они стали частью «социалистического образа жизни» и оказали заметное влияние на формирование советской идентичности.

Перспективы развития общественных фондов потребления на ближайшие 20 лет (до 1980 г.) определила третья Программа КПСС. В разделе «Задачи партии в области подъема материального благосостояния народа» провозглашалось:

> «В итоге двадцатилетия общественные фонды потребления будут по своей сумме составлять примерно половину всей суммы реальных доходов населения. Это даст возможность осуществить за счет общества:
>
> — бесплатное содержание детей в детских учреждениях и школах-интернатах (по желанию родителей);

— материальное обеспечение нетрудоспособных;

— бесплатное образование во всех учебных заведениях;

— бесплатное медицинское обслуживание всех граждан, включая обеспечение медикаментами и санаторное лечение больных;

— бесплатное пользование квартирами, а также коммунальными услугами;

— бесплатное пользование коммунальным транспортом;

— бесплатное пользование некоторыми видами бытового обслуживания;

— последовательное снижение платы и частично бесплатное пользование домами отдыха, пансионатами, туристскими базами, спортивными сооружениями;

— все более широкое обеспечение населения пособиями, льготами и стипендиями (пособия одиноким и многодетным матерям, стипендии студентам);

— постепенный переход к бесплатному общественному питанию (обеды) на предприятиях, в учреждениях и для занятых в производстве колхозников»[18].

Коммунистическая программа зафиксировала две главные тенденции в развитии советского государства благосостояния: универсализм и эгалитаризм. По сути, в программе партии излагался «коммунистический вариант» социальной стратегии «государства всеобщего благосостояния». Несмотря на утопичность программы в целом, многие социальные проекты, представленные в этом документе, оказались в последующие два десятилетия полностью или частично реализованными, и важную роль в этом процессе сыграли общественные фонды потребления.

В докладе, прочитанном Л.И. Брежневым в 1970 г. на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня рождения Ленина, отмечалось: «Одно из величайших завоеваний социализма состоит в том, что каждый советский человек уверен в своем будущем. <...> Он знает, что общество никогда не оставит его в беде, что в случае болезни он получит бесплатное лечение, в случае инвалидности — пенсию, что старость его будет обеспечена»[19]. Такого же мнения в тот период придерживалось подавляющее большинство населения СССР.

Данная точка зрения находила подтверждение в цифрах, отражавших развитие социальной сферы в Советском Союзе. С 1955 по 1975 г. расходы на социальную политику из общественных фондов потребления возросли в 5,9 раза, а из государственного бюджета — в 4,3 раза. Расходы из общественных фондов потребления на душу населения выросли с 77 руб. в 1955 г. до 354 руб. в 1975 г., то есть более чем в 4,5 раза. В 1956—1960 гг. среднегодовой темп прироста общест-

венных фондов потребления составлял 12,1%. В последующие годы темп прироста несколько понизился, но все равно оставался достаточно высоким: в 1961—1965 гг. — 8,95%, 1966—1970 гг. — 8,8%, 1971—1975 гг. — 7,1%. Доля расходов на социальные нужды в общей сумме бюджетных расходов в 1970 г. составляла 30,4%, а в национальном доходе — 22%[20]. Оценивая степень увеличения социальных расходов, следует иметь в виду, что ни инфляции, ни значительного роста цен в этот период в СССР не наблюдалось. Приведенные цифры роста расходов на социальную политику и их доли в национальном доходе и государственном бюджете вполне сопоставимы с социальными расходами капиталистических государств, проводивших политику всеобщего благосостояния.

Социальная политика, безусловно, способствовала заметному повышению жизненного уровня населения. Однако следует признать, что уровень материального благосостояния советских людей в начале 1970-х годов все еще оставался относительно невысоким.

Весьма полное представление об имущественном положении населения в этот период дал социологический опрос, проведенный в феврале — марте 1971 г. Центром изучения общественного мнения Института конкретных социальных исследований АН СССР. Исследование под названием «Обеспеченность населения предметами длительного пользования и планы их приобретения» выполнялось по заказу Научно-исследовательского экономического института Госплана СССР и Всесоюзного научно-исследовательского института конъюнктуры спроса Министерства торговли СССР. Главная цель исследования заключалась в том, чтобы выявить реальные, а не просто декларируемые, существующие лишь на словах потребности населения в области некоторых видов недвижимости и так называемых предметов длительного пользования. В ходе исследования был опрошен 1971 человек из 27 основных экономико-географических регионов СССР.

Комментируя результаты исследования, руководитель программы философ и социолог Б.А. Грушин выделил три самых общих свойства предметной среды обитания и жизнедеятельности советских людей. Это:

1. «Совершенно архаические, не совместимые с современной цивилизацией жилищные условия», начиная с чрезвычайной тесноты, острой нехватки жилой площади, особенно в городах (свыше 64% опрошенных показали, что в их семьях приходится менее 10 кв. метров на человека), и кончая отсутствием важнейших бытовых удобств (о жизни без газа сообщили 62,3% опрошенных, без водопровода — 67,4%, без канализации — 73,8%, без центрального отопления — 75,0% и без душа/ванны — 77,6%).

2. Слабое развитие технических и электронных средств связи, обеспечивающих прием и передачу информации в домашних условиях (телевизоров не было у 40% опрошенных, магнитофонов — более чем у 90%, а домашних телефонов — почти у 90%).

3. В целом довольно скромная, но приемлемая экипировка жилья хозяйственно-бытовым оборудованием, хуже — мебелью. Низкий уровень обеспеченности транспортными средствами (менее 11% имели мотоциклы и всего 2,3% — автомобили). Почти полное отсутствие всех видов недвижимости (примерно по 1% опрошенных имели кооперативные квартиры и дачи, 3,5% — садово-огородные участки с летними домиками), за исключением отдельных домов, принадлежавших, главным образом, сельским жителям[21].

По мнению Грушина, имущественное положение советских людей в 1971 г. можно было оценить двояким образом: во-первых, как «бескрайнюю бедность»; во-вторых, как «бесконечную цепь унижающих человеческое достоинство мытарств». Предвидя возможные возражения против таких оценок, Грушин демонстрирует расчеты, основанные на количественных показателях исследования, и доказывает, что сформулированный им «вывод о бедности как господствующей характеристике уровня жизни советских людей в начале 70-х годов полностью сохранял свою силу и потому мог и должен был привлекаться к анализу в качестве фактора, в той или иной мере определяющего и объясняющего различные свойства народного менталитета и народной психологии россиян»[22].

Выявленные характеристики имущественного и финансового положения масс Грушин связывал, в частности, с некоторыми особенностями сознания россиян, имеющими историческую природу. В своих рассуждениях на эту тему российский ученый выделяет два наиболее значимых, с его точки зрения, момента. «Первый — это отчетливо выраженное (и возникшее, заметим, не в Октябре 17-го, а задолго до него) отношение российских масс к низкому уровню и качеству своей жизни как к *норме*, как к вполне естественному, принятому состоянию дел, сопряженному, разумеется, с некоторыми неудобствами и огорчениями, но в принципе вполне терпимому и, конечно же, не побуждающему к протесту. В сущности, речь тут, если угодно, об **исторической привычке к бедности**, о восприятии ее <...> *как единственно возможного способа* человеческого существования», — писал Грушин. Для подтверждения своего наблюдения исследователь приводил ответы на открытый вопрос интервьюеров о трудностях, возникающих при покупке нужных вещей. Этот вопрос был включен в анкету с целью выяснить основные пункты недовольства масс в рассматриваемом сюжете и заодно дать возможность выпустить чрезмерные «критические

пары», связанные с этим недовольством. С немалой долей удивления исследователи обнаружили, что никакого «народного гнева» не было. При нескрываемом недовольстве всеобщим и повсеместным дефицитом его критика была более чем умеренной и безадресной. Отсутствовали какие бы то ни было намеки на возможность протестных акций, налицо была безусловная лояльность.

Второй момент, привлекший внимание российского социолога, — это ценностное отношение масс к самим вещам, к материальным благам (товарам и услугам) как таковым. Социологические исследования, проводившиеся в начале 1960-х годов и касавшиеся динамики и проблем уровня жизни населения, позволили социологам сделать выводы о том, что в эпоху Хрущева личное богатство, высокий достаток и соответственно материальные блага к числу приоритетных ценностей, разделяемых большинством советских граждан, явно не относились. Это были ценности второго ряда, которые существенно уступали, в частности, духовно-нравственному богатству личности. Тематика проводимого в 1971 г. опроса не позволяла осуществить подобное сопоставление, поскольку феномен традиционно отмечаемого российского преклонения перед духовным началом жизни лежал целиком вне обсуждаемой проблематики. Однако, как отмечает Грушин, «подозрение о том, что создание богатого, оснащенного дорогой мебелью и новейшей техникой домашнего хозяйства для значительной части (большинства?) советских людей главным смыслом их жизни в самом деле, скорее всего, не являлось, — такое подозрение при знакомстве с результатами опроса у автора все же несколько раз возникало. Особенно при анализе планируемых покупок на 1971—1973 гг.»[23].

Любой человек, для которого материальное богатство являлось перворазрядной ценностью, по законам психологии должен был бы, выдавая желаемое за действительное, значительно завысить свои планы относительно возможных покупок на ближайшие 2—3 года. Однако этого не наблюдалось. Ответы опрашиваемых о предполагаемых покупках, особенно дорогих, свидетельствовали о чрезвычайно скромных планах населения. Например, о своем намерении приобрести машины заявили лишь 3% опрошенных, купить пианино планировали чуть более 1%, магнитофоны — 6%, телевизоры — 13% и т.д. «Конечно, за всем этим мизером можно усмотреть и завидный *реализм* публики, умение людей трезво оценивать свои действительные возможности, приноравливать к ним свои желания. Но нет сомнений, за 40 процентами опрошенных, не планировавших вообще никаких покупок из предложенного списка[24], скрывалось и нечто другое: **заниженная планка запросов** людей, их неприхотливость, готовность довольствоваться малым», — заключает Грушин[25].

В целом, на наш взгляд, выводы Грушина соответствуют исторической действительности, хотя мы не можем согласиться с некоторыми качественными характеристиками. Оценивая имущественное положение советских людей в начале 1970-х годов как «бескрайнюю бедность», Грушин не учитывал того, каким было это положение 15 лет назад. Как мы должны, например, оценивать имущественное положение московского рабочего, проживавшего в столице с 1920 г., который, обращаясь в 1956 г. в Центральный Комитет партии с просьбой об улучшении жилищных условий, писал, что его семья, состоящая из 11 человек (из них 7 человек работали на разных предприятиях Москвы), занимает одну комнату размером 22 кв. метра без всяких удобств, то есть там нет отопления, уборной, газа, воды?[26] В том же году с аналогичной просьбой в высшую партийную инстанцию обратилась ткачиха из Иванова, семья которой состояла из 9 человек и проживала в 13-метровой комнате, где взрослые были вынуждены спать сидя. Работница из Ленинграда просила совета, как ей жить дальше, ее семья из трех человек проживала в комнате 4,8 кв. метра. Недовольство жилищными условиями выражал один из жителей Воронежа. Его семья из пяти человек проживала в 6-метровой комнате, переделанной из свинарника, которая зимой промерзала[27]. Какими словами можно было охарактеризовать имущественное положение этих и сотен тысяч других советских граждан, писавших в ЦК КПСС в середине 1950-х годов по поводу своих крайне тяжелых жилищных условий?

В начале 1957 г. ЦСУ СССР провело крупномасштабное обследование жилищных условий рабочих и служащих. Было обследовано около 20 тысяч семей, всего более 64 тысяч человек. Обследование показало, что 16% семей имели до 3 кв. метров на человека и 42% семей — от 3 до 5 кв. метров. В более стесненных условиях жили многодетные семьи. 23% детей, имевшихся в обследованных семьях, проживали на площади до 3 кв. метров на человека, а 48% — от 3 до 5 кв. метров[28]. О каких товарах длительного пользования могли мечтать эти люди, если не было места для детской кроватки?

Опрос, проведенный в 1971 г., показал, что до 5 кв. метров на одного члена семьи имели 20% опрошенных, 5—9 кв. метров — 44%, от 10 до 15 кв. метров на человека — 26% и свыше 15 кв. метров — около 9%[29]. Как видим, за прошедшие годы жилищные условия горожан заметно улучшились. Это было большое социальное достижение Советского Союза, которое невозможно игнорировать.

Многие иностранцы, побывавшие в СССР как в 1930-е, так и в 1950-е годы, отмечали, что советский человек «привык жить плохо»[30]. На наш взгляд, этот социальный феномен — «историческая привычка к бедности» — оказывал негативное влияние на советскую социальную

политику. Советское руководство явно злоупотребляло терпением народа и его неприхотливостью. Это проявлялось прежде всего в низком качестве социального обслуживания и в небольших размерах социальной помощи. Вместе с тем социальная политика способствовала росту жизненных стандартов населения, стимулировала потребление (советское руководство высказывало серьезную озабоченность по поводу потребительских тенденций, развивавшихся в обществе «быстрее космоса»[31]). По сведениям, приведенным на совещании в ЦК КПСС в феврале 1971 г. экономистом Г.А. Арбатовым, СССР в тот период занимал «по благосостоянию 24-е место среди развитых стран»[32].

Следует заметить, что многие граждане, имевшие определенный уровень достатка, были готовы взять на себя часть социальных расходов. Так, например, некоторые инвалиды просили разрешить им приобрести мотоколяски за свой счет. Однако в течение ряда лет органы социального обеспечения посылали просителям стандартный отказ: «Ввиду поступления ограниченного количества мотоколясок отпустить Вам таковую за плату не представляется возможным»[33].

Как и все нормальные люди, советский человек был рад получить бесплатную путевку в дом отдыха или санаторий. Но это не означало, что он отказывался оплатить ее сам. Проводившийся летом 1966 г. социологический опрос на тему: «Как вы хотите провести свой отпуск?» — выявил любопытную картину мнений. Особенно примечательным нам показался результат исследования в той части, где граждане отвечали на вопросы: «Нужно ли привлекать для расширения материальной базы отдыха денежные средства населения? Если да, то каким образом?» Вопреки господствовавшим в обществе патерналистским установкам, что, мол, государство обязано заботиться о благе трудящихся, 30% опрошенных высказались за то, чтобы дальнейшее финансирование материальной базы отдыха в стране осуществлялось с «привлечением денежных средств населения». Потенциальные отпускники и туристы предлагали ввести специальный налог, организовать безвозмездные сборы с отдыхающих, вести кооперативное строительство, увеличить стоимость путевок в дома отдыха и т.д.[34] Это было в определенной мере отступлением от патерналистской модели поведения.

Распространенное мнение о том, что государственный патернализм порождал иждивенческие настроения, на наш взгляд, мало применимо к патерналистской модели советской социальной политики. «Социалистическое государство благосостояния» не было настолько щедрым, чтобы содействовать иждивенчеству и паразитизму. В СССР даже доходы от занятости не всегда обеспечивали прожиточный минимум, если в семье были нетрудоспособные члены. Что же касается социальных пособий, то их размер нередко

был значительно ниже прожиточного минимума и никак не мог породить иждивенческих настроений. Низкое качество бесплатных услуг заставляло граждан искать возможность получить за плату более качественные услуги, что в условиях государственного контроля над процессом создания услуг зачастую было весьма затруднительно.

И все же, на наш взгляд, именно государственный патернализм был тем связующим материалом, который скреплял, объединял советское общество. Если в основе норвежского государства благосостояния лежала национальная идея, способствовавшая достижению политического консенсуса, а германское социальное государство базировалось на культуре солидарности, которая имела большое значение для легитимности установленных законом систем страхования, то советская модель социальной политики основывалась на постулате об ответственности государства за социальное благополучие каждого человека «от его рождения до глубокой старости». На наш взгляд, политика государственного патернализма соответствовала массовым представлениям советских граждан о социальной ответственности государства. Ограничение индивидуальной свободы выбора в условиях экономической несвободы не воспринималось населением как нечто противоестественное, скорее наоборот, рассматривалось как неотъемлемое право государства, несущего на себе бремя забот о советском человеке. Патерналистский подход исключал разделение членов общества на экономически сильных и экономически слабых, и в этом состояло его главное отличие от либерального подхода, который реализовывался в моделях социальной политики во многих капиталистических странах.

Норвежский исследователь Ханс Отто Фроланд, характеризуя скандинавскую модель системы благосостояния, писал: «Ее уникальность заключается не в размере общественного (нерыночного) сектора, не в объеме выплачиваемых пособий, не в расходах на социальное обеспечение, а в способе организации системы предоставления услуг и пособий (государственные институты-агентства, управляющие схемами), в принципах, на которых основываются права получения пособий (универсальность и гражданство), а также отсутствие связи между финансированием пособия и правом на его получение (налогообложение[35]). Эти особенности отличают скандинавскую модель от моделей, принятых в других европейских государствах»[36].

Советская модель государства всеобщего благосостояния, постепенно оформившаяся во второй половине 1950-х — 1960-е годы, также имела свои особенности, отличавшие ее от моделей, принятых в странах с рыночной экономикой. Главные отличия советской социальной политики, как социалистической модели государства благосостояния,

заключались в способе организации (централизованное государственное управление всей системой социального обслуживания), способе финансирования (государственное бюджетное финансирование без взимания страховых взносов с населения), в принципах организации государственной социальной поддержки (универсальность и эгалитаризм). Право граждан СССР на получение социальных выплат и услуг было закреплено законодательно, поэтому советская социальная политика не может рассматриваться как политика подаяний и благотворительности. Именно гражданские права лежали в основе социальной защищенности и системы распределения благ.

Государство всеобщего благосостояния не было в СССР общепризнанным концептуальным понятием, закрепленным в социалистической системе ценностей. Однако, не будучи классифицированным как «государство благосостояния», Советский Союз проводил последовательную социальную политику, направляя на повышение материального и духовного благосостояния народа значительную часть своих финансовых и административных ресурсов.

[1] *Вдовин А.И.* К изучению истории социальной политики и социального развития советского общества // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. — 1981. — № 2. — С. 12—13; Социальная политика Советского государства: укрепление ведущей роли рабочего класса в социалистическом строительстве. — М., 1985.

[2] Webster's desk Dictionary of the English Language. — N.Y., 1990. — P. 1020.

[3] Заказчика интересовала проблема справедливых и несправедливых социальных неравенств в современной России.

[4] Справедливые и несправедливые социальные неравенства в современной России / [ред.-сост. Р.В. Рывкина]. — М., 2003. — С. 38—39, 63—64, 639—640.

[5] См., например: *Тихонова Н.Е.* Оптимальная социальная политика: ожидания россиян // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. — 2006. — № 6 (294). Опрос проводил Институт комплексных социальных исследований РАН.

[6] *Esping-Andersen Gøsta* : 1) The Three Worlds of Welfare Capitalism. — Cambridge, 1990 ; 2) Die Drei Welten des Wohlfahrtskapitalismus: Zur Politischen Ökonomie des Wohlfahrtsstaates // Welten des Wohlfahrtskapitalismus: der Sozialstaat in vergleichender Perspektive / Stephan Lessenich, Ilona Ostner (Hg.). — Frankfurt/Main; New York, 1998.

[7] *Виноградова Е.* Социальная политика: исторический, теоретический, практический аспекты // Экономические и социальные проблемы России: социальная политика и социальные реформы в России (2000—2003 гг.). — М., 2004. — С. 48; *Сидорина Т.Ю.* Два века социальной политики. — М., 2005. — С. 350.

[8] *Лапина Н.* Уроки социальных реформ в России: региональный аспект. — М., 2007. — С. 9.

[9] *Nove Alec.* Is the Soviet Union a Welfare State? // Readings in Russian Civilization. — Chicago, 1964. — Vol. III / Ed. by Thomas Riha. — P. 45—56.

[10] *Plaggenborg Stefan.* Experiment Moderne: Der sowjetische Weg. — Frankfurt; New York, 2006. —Insbesondere: S. 221—244.

[11] *Корнаи Янош.* Социалистическая система: политическая экономия коммунизма: пер. с англ. — М., 2000. — С. 342.
[12] *Fehér Ferenc.* Paternalism as a Mode of Legitimation in Soviet-type Societies // Political Legitimation in Communist States / ed. by T.H. Rigby, Ferenc Fehér. — London, 1982. — P. 64—81; *Meyer Gerd.* Sozialistischer Paternalismus: Strategien konservativen Systemmanagements am Beispiel der Deutschen Demokratischen Republik // Politik und Gesellschaft in sozialistischen Ländern: Ergebnisse und Probleme der Sozialistische Länder-Forschung / Hrsg. von Ralf Rytlewski. — Opladen, 1989. — S. 426—448.
[13] *Götting Ulrike.* Transformation der Wohlfahrtsstaaten in Mittel- und Osteuropa: Eine Zwischenbilanz. — Opladen, 1998. — S. 57—84.
[14] Социальная политика: парадигмы и приоритеты / под общ. ред. В.И. Жукова. — М., 2000. — С. 99; *Сидорина Т.Ю.* Указ. соч. — С. 345.
[15] Программа Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1961. — С. 52.
[16] *Ланцев М.С.* Социальное обеспечение в СССР (экономический аспект). — М., 1976. — С. 35—37.
[17] Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). — Ф. 5. — Оп. 60. — Д. 56. — Л. 26.
[18] Программа Коммунистической партии Советского Союза. — С. 99.
[19] *Брежнев Л.И.* Ленинским курсом: речи и статьи. — М., 1970. — Т. 2. — С. 569.
[20] Рассчитано нами на основе данных, опубликованных в статистических ежегодниках ЦСУ СССР «Народное хозяйство СССР» за соответствующие годы.
[21] *Грушин Б.А.* Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения: очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4 кн. — М., 2003. — Жизнь 2-я: Эпоха Брежнева, ч. 1. — С. 315, 318, 349—350.
[22] Там же. — С. 350—353.
[23] Там же. — С. 355—356.
[24] Список включал в себя различные виды мебели, холодильники, стиральные машины, телевизоры, магнитофоны, мотоциклы, автомобили, кооперативную квартиру, дачу и т.д., всего 19 наименований.
[25] *Грушин Б.А.* Указ. соч. Жизнь 2-я: Эпоха Брежнева, ч. 1. — С. 316—317, 356.
[26] РГАНИ. — Ф. 5. — Оп. 30. — Д. 186. — Л. 168.
[27] Там же. — Л. 170.
[28] Там же. — Д. 222. — Л. 176—177.
[29] *Грушин Б.А.* Указ. соч. Жизнь 2-я: Эпоха Брежнева, ч. 1. — С. 320.
[30] Финские журналисты, побывавшие в СССР в середине 1950-х годов, отмечали в своих статьях, что «советский рабочий живет хуже, чем финский», «советский человек привык жить плохо», он не имеет понятия об уровне жизни на Западе (РГАНИ. — Ф. 5. — Оп. 30. — Д. 130. — Л. 6)
[31] Генеральный секретарь Л.И. Брежнев, 1964—1982. — М., 2006. — С. 87. — (Вестник Архива Президента РФ).
[32] Там же. — С. 105.
[33] РГАНИ. — Ф. 5. — Оп. 30. — Д. 186. — Л. 32.
[34] *Грушин Б.А.* Указ. соч. Жизнь 2-я: Эпоха Брежнева, ч. 1. — С. 136—137, 139, 159.
[35] То есть независимо от того, платил ли человек налоги или был освобожден от их уплаты.
[36] *Фроланд Х.О.* Норвежское государство благосостояния // Государство благосостояния и его социально-экономические основы: сб. ст. — СПб., 1998. — С. 91.

А.С. Сенявский

СОВЕТСКИЙ ПУТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ, КРИЗИС МОБИЛИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ (Теоретические проблемы)*

В статье отвергаются идея безальтернативности развития и мифологема о «рыночной экономике» как единственной эффективной модели. Анализируется советский опыт форсированного экономического развития с низкого старта в тяжелейших внутренних и внешних условиях. Показано, что СССР создал одну из самых эффективных экономик мира, обеспечивал стабильно высокие темпы роста, превратился из аграрной страны в высокоразвитую индустриальную и был близок к победе в экономическом соревновании двух альтернативных систем.
Ключевые слова: индустриальная модернизация; советский путь развития; соревнование двух систем; мобилизационная модель.

A.S. Senyavsky
The Soviet way of economic development: occurrence, evolution, crisis of mobilization model (Theoretical problems)

In clause are rejected idea about non alternative of development and mythology about "market economy" as sole effective model. The Soviet experience of the forced economic development from low start in hardest conditions is analyzed. Is shown, that USSR has created one of most effective economy of the world, provided stably high rates of growth, has turned from the agrarian country in advanced industrial and was close to a victory in economic competition of two alternative systems.
Keywords: industrial modernization; Soviet way of development; competition of two systems; mobilization model.

В постсоветский период российские гуманитарные и общественные науки, включая историческую, оказались подвержены идеологической конъюнктуре отнюдь в не меньшей степени, чем в советский, хотя — при отказе от «марксистско-ленинского догматизма» — широко декларировался научный объективизм. На практике на смену старым идеологемам и мифологемам пришли новые. Именно они еще в условиях «перестройки» явились главным инструментом мани-

* Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Советская и имперская либерально-консервативная модели модернизации: сравнительный анализ. Историко-теоретические проблемы».

пуляции общественным сознанием, обеспечившим столь неожиданную, легкую и радикальную смену модели общественного развития всего «социалистического лагеря», включая страны бывшего СССР. Именно они «переформатировали» массовое сознание населения России, внушив, что западная цивилизация готова «исправившуюся» Россию с радостью и на равных включить в свой состав. Уже почти четвертьвековой опыт отношений новой России с Западом, «подмятым» англосаксонским миром, и особенно ситуация 2014 г. вокруг Украины позволяет более трезво увидеть суть мирового устройства. Сегодня маски сброшены: президент США открыто называет Россию едва ли не главной угрозой современному миру. И даже добросовестно питавшим иллюзии очевидно, что дело не в идеологии, не в приверженности абстрактным ценностям, а в стремлении США выстроить «под себя» глобальный миропорядок, в котором нет места странам, способным проводить самостоятельную политику и отстаивать национальные интересы. Сильная и самостоятельная Россия Западу не нужна ни в каком виде. В данном контексте по-иному высвечивается и советский опыт развития, если смотреть на него без мифологических шор квазилиберальных идеологов.

Среди главных мифологем «перестройки» и 1990-х — безальтернативность развития по пути «демократии и рыночной экономики», пути «возвращения на столбовую дорогу цивилизации», «общечеловеческих ценностей», которые на самом деле являются завуалированными ценностями конкретной, западной цивилизации, и т.п. Мифологема «рыночной экономики» с доминированием частной собственности как единственно возможной в современных условиях эффективной модели экономического развития (а иных форм — как безусловно «маргинальных», реакционных, обрекающих страны на неэффективность и неизбежное отставание) была в ряду ментальных разрушительных «вирусов», пожалуй, ключевой.

Начиная с «перестройки» советская модель экономического развития подверглась уничтожающей критике. В сущности, произошла инверсия оценок: плюсы поменялись на минусы, и наоборот. Теперь западная рыночная экономика объявлялась неоспоримым образцом для подражания, а советская модель — тупиковым вариантом развития, обрекающим общество на растрачивание ресурсов, неэффективность, хроническую товарную дефицитность и застойность.

И социальная практика, казалось бы, давала почву для подобных оценок: действительно, с середины 1960-х годов темпы советского экономического роста постепенно замедлялись, так что в начале 1980-х она оказалась в депрессии, а, несколько выйдя из нее к середине 1980-х, чуть позднее, уже в условиях перестроечных реформ,

оказалась в глубоком кризисе, с дезорганизованной финансовой системой, острым товарным голодом и т.д.

Но, во-первых, низкие темпы роста для ряда высокоразвитых «рыночных» стран почти постоянная норма, а в целом капиталистическая «рыночная» экономика переживает отнюдь не единичные, а периодические кризисы, рецессии и депрессии. И все это не является основанием для сторонников «рынка» объявлять данную экономическую систему неэффективной, тупиковой и т.п. Ведь и дефолт 1998 г., и текущий мировой экономический кризис, закономерно втянувший в свои объятия и Россию, страдающую от него больше многих стран Запада, не стали основанием, чтобы российские апологеты «рынка» признали рынок историческим тупиком и покаялись в своих ошибках.

Во-вторых, те или иные общественные явления и даже тенденции отнюдь не доказывают, что плоха сама по себе общественная система, или хотя бы экономическая модель. Прекрасный автомобиль может плохо содержать плохой хозяин, неумело вести плохой водитель, и та или иная — субъективная — причина или их совокупность могут вызвать катастрофу, что — вовсе не основание для сомнений в качестве марки самой машины и даже конкретного ее экземпляра. В данном случае не ошибки в конструкции и не производственный брак, а недостатки эксплуатации и функционального применения — причины катастрофы. Почему не допустить, что именно такие же факторы вызвали крах советской экономической и шире — общественной модели.

Наконец, в-третьих, в пользу данной версии свидетельствует и тот неоспоримый факт, что и в кризисе, и даже в стагнации советская экономика было отнюдь не всегда, а, напротив, исторически — даже применительно к ее собственным срокам существования, — весьма краткий период начала 1980-х годов, а затем, после некоторого перерыва — на закате пресловутой «перестройки». В то время, когда мировая «рыночная» экономика оказывалась в разрушительной депрессии или в периодах более или менее длительной стагнации, советская экономическая модель все время двигалась по восходящей.

Советская экономика оказалась не только способной выдержать испытание Второй мировой войной, где в смертельной схватке сошлась с потенциалом почти всей Европы, но очень быстро выйти из режима восстановления во второй половине 1940-х и перейти в режим дальнейшего, весьма динамичного развития, — и это в условиях «холодной войны», огромных затрат на оборону. Она двигалась такими быстрыми темпами, что ее антиподы явно опасались скорого триумфального опережения СССР.

Конечно, можно не признавать очевидные факты и сказать, например, что автор статьи повторяет старые советские мифы. Но и

объективные западные аналитики, отнюдь не симпатизировавшие СССР, с тревогой констатировали существовавшую для их стран и их системы советскую экономическую «угрозу».

Приведем лишь некоторые примеры. В июле 1953 г. в респектабельном американском журнале “Foreign affairs” была опубликована статья Питера Уайлса, основное содержание которой видно из ее названия — «Советская экономика опережает Запад»[1]. Подход автора к оценке экономической эффективности советской экономики прямо противоположен тому, что станет единственным у американских советологов в 1970—1980-е годы. Хотя Питер Уайлс считал, что Запад имеет свои преимущества перед СССР — прежде всего, «демократические свободы», он был убежден, что собственно экономическая эффективность в Советском Союзе выше, чем в любой стране «свободного мира». Очень высоко он оценивает и послевоенные темпы развития СССР[2].

Более того, и реальное развитие СССР доказывало, что он способен «догнать и перегнать» лидера западной цивилизации — США, то есть осуществить задачу, поставленную еще в период правления И.В. Сталина. Эта задача была тем труднее осуществима, что США имели колоссальную фору в уровне развития к моменту появления Советской страны на развалинах бывшей Российской империи, а затем — еще бóльшую фору после окончания Второй мировой войны, от которой заокеанская держава вновь только выиграла, тогда как СССР лежал в руинах. Одним из важнейших показателей этой возможности было достижение в 1970-е годы Советским Союзом военно-стратегического паритета с этой мощнейшей страной. В марте 1978 г. американский журнал “U.S. News and World Report” сообщил, что из 33-х основных технологических характеристик 8-ми видов вооружения Советский Союз имел качественное превосходство по 12-ти характеристикам, США — по 18-ти, по 3-м характеристикам существовало примерное равенство. Причем речь шла не о количестве, а именно о качественных параметрах систем вооружения. Так, Советский Союз имел лучшие ракеты «земля — воздух», противокорабельные ракеты, антиракеты, эсминцы, танки, вертолеты, боевые машины пехоты, большую мощность стратегических ракет наземного базирования, большую выживаемость систем управления боем[3]. Авторы журнала особенно не обсуждали, благодаря чему СССР в кратчайшие исторические сроки добился примерного равенства военных потенциалов с США, но во всяком случае не объясняли этот феномен исключительно чрезмерными военными расходами. По американским оценкам, эти расходы в СССР и в США были приблизительно одинаковы, но так как экономический потенциал СССР был меньше, более тяжелым бременем они ложились на советскую экономику. Более того, американцы в 1960—1970-е годы

предприняли колоссальные усилия для того, чтобы перестроить систему образования и научно-технического развития, вследствие именно опасений, что в научно-технической, а значит, и в экономической гонке «русские дышат в затылок», а во многом уже и опережают США, которые в своей антисоветской пропаганде, конечно же, всячески принижали достижения СССР, но в реальной политике прекрасно отдавали себе отчет в надвигающейся опасности отставания.

Думается, что и в самом деле возможности для реализации этого оптимистичного для СССР прогноза были, но советское руководство в должной мере их не использовало. И причина — отнюдь не в «порочности» советской модели, а в некомпетентности конкретных лидеров и ошибочности конкретных политико-управленческих решений, принимавшихся позднее, в том числе и в отказе от испытанного исторического опыта, в примитивном подражательстве и заимствовании западных рецептов, далеко не всегда применимых к российским условиям.

* * *

Прежде чем говорить о мобилизационной экономике, следует определиться с тем, что же такое экономика вообще. Производство материальных благ (при всей значимости сегодня «производства информации») — основа жизни любого общества, поэтому оно — ключевой момент для понимания экономики. Термин «экономика» происходит от греческого слова, означавшего рациональное ведение домашнего хозяйства, что в дальнейшем было распространено на хозяйство целых стран и народов. Экономика в интересующем нас контексте имеет два основных значения: 1) совокупность производственных отношений конкретных обществ, включающих также обмен и распределение; 2) народное хозяйство данной страны или его часть, включающая, в частности, соответствующие отрасли и виды производства. Нас в основном интересует экономика в первом значении, тогда как во втором она является средой и предметом экономических отношений.

Экономику следует рассматривать только как часть общественного организма, обеспечивающую его жизнедеятельность и жизнеспособность. А способы этого обеспечения могут быть разными, причем в этом деле возможны два полярных и множество промежуточных вариантов. Один полюс — это предельная свобода многочисленных производителей (они же собственники), выходящие на рынок для обмена результатов своего труда (как, например, в античных демократических городах), и жесткое регулирование отношений производства, обмена, распределения верховной властью, которая является также верховным собственником (пресловутый «азиатский способ

производства»). Но что интересно: все демократии античности раньше или позже подпали под власть тирании, и даже Древний Рим перешел к централизованному распределению хлеба в эпоху императоров. Азиатские общества в действительности имели патерналистскую идеологию, в которой верховная власть — при крайне низком прибавочном продукте и рискованном характере земледельческого производства — обеспечивала «подушку безопасности», накопление стратегических резервов продовольствия и других ресурсов на случаи катаклизмов — неурожаев, войн и тому подобных экстремальных ситуаций. «Свободный рынок» ориентирован на получение прибыли, а значит, и расширенное воспроизводство, которое не срабатывает в экстремальных ситуациях. Но в том-то и дело, что некоторые общества постоянно живут в экстремальной ситуации, на грани выживания — по разным причинам, природным и социальным.

В конечном счете каждым конкретным обществом модель экономического развития в истории выбирается та, которая обеспечивает ему лучшие условия существования, или, если общество ошибается, оно гибнет — как самостоятельное государство, этнос, даже цивилизация.

Экономическое развитие никогда не бывает самоценным, самодостаточным, а всегда определяется совокупностью условий и факторов разного порядка, внутренних и внешних, некоторые из которых относительно стабильны для данной страны (природно-географические и климатические условия, базовые цивилизационные параметры), другие условия — относительно устойчивы, но могут меняться с течением времени (размер территории, социокультурные характеристики, внешнее окружение), третьи могут быть ситуационными, хотя нередко — судьбоносными (например, соотношение сил на региональной или мировой арене, международная экономическая конъюнктура и др.). В случае действия, временного или постоянного, совокупности неблагоприятных условий и факторов общество начинает жить в режиме выживания, когда ресурсы, даже часть необходимых для нормального функционирования отдельных членов общества, концентрируются для решения задач выживания общества как целого. Это бывают экстренные ситуации, например, войны, голод, природные катаклизмы, и ситуации длительного порядка, даже постоянные, если общество живет в экстремальных природных условиях. Существование России как цивилизации отличалось тем, что она рождалась и развивалась в контексте постоянного действия неблагоприятных факторов (природная среда, рассеяние на огромном пространстве населения, невыгодность многих видов производства и потери при обмене, агрессивное геополитическое окружение и др.), которые дополнялись еще и неблагоприятными ситуационными факторами или экст-

ремальной актуализацией постоянных неблагоприятных факторов (природные катаклизмы, неурожаи и голод, войны и т.д.). Крайне высокие риски должны были быть уравновешены общегосударственной страховкой. Отсюда закономерная централизация власти и собственности, стремление к концентрации ресурсов в руках этой власти, ограничения инициативы частных «игроков рынка» и т.д. Отсюда — мобилизационные элементы в российской экономике на протяжении многих столетий, а в некоторые периоды — приобретение экономическим развитием собственно мобилизационного характера.

* * *

Вернемся к мифам о «рыночной экономике». Не говоря уже о том, что как таковой абстрактной, «идеальной» «рыночной модели» нигде и никогда не существовало (экономический механизм всегда исторически конкретен, «привязан» к месту и времени, своеобразен для каждой страны и постоянно находится в динамике, так что, например, экономический механизм в США в 1930-е, 1960-е и 1990-е весьма, даже «качественно», отличен), историческая практика многих стран опровергает тезис о безусловных преимуществах, эффективности рыночных механизмов, пригодности их везде и в любых условиях и, соответственно, неэффективности «нерыночных». Экономика не существует «сама по себе», она — определенная часть общества как системы, а именно та его часть, которая обеспечивает материальные основы его выживания, функционирования и развития. Но поскольку общества исторически, социокультурно, территориально (по географическим, климатическим, иным природным условиям), «ресурсно», «масштабно», геополитически и т.д. очень различаются, то и их экономические механизмы различны, они могут быть адекватны или нет всему комплексу этих параметров, а также объективных задач конкретного общественного организма (страны) в конкретно-исторических условиях. Такова диалектика, ценившаяся в марксизме, «забытая» догматиками марксизма-ленинизма, особенно на последних этапах советской истории и практически не принимаемая во внимание современными общественными науками.

Однако оказываясь в экстремальных ситуациях, экономики разных стран начинают действовать поразительно однотипно. Например, это было продемонстрировано в Первую мировую войну: «Мировая война резко, — пишет В.А. Мау, — усилила потребность в координации деятельности всех участников хозяйственной жизни. Централизованное планирование экономики стало активно внедряться в практику основных воюющих держав, причем формирование этой системы шло как бы с двух сторон»[4], — снизу, со стороны существующих представительных

органов частного капитала, стремившихся сосредоточить в своих руках распределение военных заказов, и сверху, когда правительство создавало специальные органы для решения ключевых проблем функционирования военной экономики. «Именно этот путь и стал основным», — отмечает с огорчением данный либеральный автор, объясняя такое решение опасением власти, что подобные предложения крупных промышленников могут таить ей самой угрозу. Скорее другими опасениями, добавим мы, непомерной алчности промышленников, которые без зазрения совести наживались на казенных поставках, разоряя казну и мешая тем самым достижению мобилизационной цели в ситуации войны — достижению победы и выживанию собственной страны. «Основные задачи регулирования экономики в военный период правительство видело в четком обеспечении производства материальными ресурсами, а населения (и особенно армии) — продовольствием. ...На первое место выдвигались проблемы хлеба, вооружений, топлива и транспорта»[5]. Рынок, как мы видим, в экстремальных условиях не справлялся, и власть вводила и госзаказы, и фиксированные цены, и ограничение свободы торговли, реквизицию продуктов и др. Тогда же было усилено налогообложение крестьянства. В Англии и Германии шли аналогичные процессы. Централизация (закономерно, подчеркнем мы) продолжалась и при Временном правительстве, которую пытались противопоставить ускорявшемуся распаду хозяйства, плановое регулирование приветствовали разные слои, включая предпринимателей.

Эстафета централизации была передана Правительству народных комиссаров. Даже либеральный экономист В.А. Мау признает, что военно-коммунистический эксперимент был не только продуктом программных требований радикальной социал-демократии, но стал «естественным этапом в поиске новой экономической системы, которым на самом деле жила вся страна» и «был подготовлен предшествующим развитием российского хозяйства...»[6].

В результате революции левыми радикалами-марксистами, при всей их вестернизаторской риторике, была создана экономическая модель, кардинально отличная от либерально-рыночной западной, с социальной опорой на преобладающую, трудовую часть населения города и деревни, созвучная национальным традициям и настроениям масс. Во враждебном окружении страна вынуждена была рассчитывать почти исключительно на свои силы, а власть — модернизировать страну в национальных интересах. Советская модернизация была вполне адекватна задачам раннеиндустриального развития.

Начиная с конца 1920-х годов это была «мобилизационная модель» — то есть такая, которая была ориентирована на форсированное развитие за счет мобилизации основных ресурсов, концентра-

ции их в руках государства (органов централизованного управления) и направление на решение ключевых задач, выдвинутых в данный период государственной властью. Особенность мобилизационной экономики заключается в том, что она была подчинена иным, внеэкономическим целям, в том числе стратегическим: «догнать и перегнать», «достигнуть наивысшей в мире производительности труда», «создать материально-техническую базу коммунизма», то есть некой идеальной модели общественного устройства на началах «социальной справедливости», в целом принятой большинством населения; тактическим: создать индустриальную базу экономики, провести «культурную революцию», поднять материальное благосостояние и т.п. Были и внешние цели, выходившие на первый план: выжить и победить в «горячих» войнах и в «холодной войне».

Степень «автономности» советской экономики от этих, более общих и «высоких» внеэкономических целей была минимальной. По сути она была включена, жестко «вписана» в единый общественный организм, который ряд политологов и идеологов называют «тоталитарной моделью». Оценка «тоталитарной» парадигмы выходит за рамки наших задач, и в значительной степени находится в аксеологическом (ценностном) поле. Нас здесь советская модель интересует лишь с одной — прагматической — стороны, а именно, ее способность мобилизовывать ресурсы для обеспечения фундаментальных интересов общества. В том числе то, как она обеспечивала выживание страны и общества в экстремальных ситуациях на грани «жизни и смерти» — в ситуациях войн и мирных периодов, которые на деле являлись состоянием балансирования «на грани» и требовали подчас не меньших мобилизационных усилий, чем состояния военных конфликтов. Ведь вся советская история была своего рода «экстремальным периодом», состоявшим из ряда этапов, по-своему подвергавшим испытаниям советскую экономическую модель.

В отличие от рыночной модели, советская мобилизационная модель опиралась преимущественно на государственную или максимально контролируемую государством общественную собственность, использовало преимущественно не категории материального интереса, выгоды и т.п., а совокупность внеэкономических механизмов (внеэкономическое принуждение, социальную мобилизацию). С внеэкономическим принуждением все относительно ясно («не хочешь — заставим», по отношению к «социально-чуждым элементам», да и остальному «несогласному» населению, реализовывавшееся и в законодательстве, и в практике). Но этого было недостаточно. Для успеха в реализации выдвигаемых целей необходима была добровольная и энергичная поддержка их обществом, большинством на-

селения, массовый энтузиазм, формы организации, объединяющие и направляющие широкие слои. Инструментами ценностно-психологической мобилизации являлись «советская» идеология, и на ее основе агитация и пропаганда. Институтами социальной мобилизации были партия, общественно-политические и общественные организации (советы, профсоюзы, комсомол, творческие союзы и другие «приводные ремни»), экономические «ячейки» (предприятия: заводы, колхозы, организации — и их трудовые коллективы). Формами социальной мобилизации в экономической сфере являлись трудовые почины, социалистическое соревнование и др., позволявшие использовать инициативу и творчество масс, выступавшие важным элементом мотивации труда[7]. Следует отметить широту и системность охвата населения институтами, инструментами и формами социальной мобилизации, которые в значительной своей части были включены в решение задач мобилизационной экономики.

* * *

К началу 1950-х годов СССР стал преимущественно индустриальным обществом, но с экономическим устройством и социальной структурой, существенно отличавшимися от капиталистических индустриальных стран, с огосударствленной экономикой, «планово-директивным» хозяйственным механизмом. Однако весь послевоенный период заполнен реформаторскими поисками в разных направлениях и областях. Уже в 1947 г. была проведена успешная денежная реформа, позволившая отказаться от карточек военного периода (что в Англии произошло лишь в 1952 г.), обеспечить до конца 1950-х годов товарно-денежную сбалансированность, стабильность цен. Денежная реформа явилась основой для элементов рыночных поисков в экономической сфере в контексте устойчивого экономического роста.

После смерти Сталина произошел отказ от ставки на принудительные методы хозяйствования с опорой на репрессивный механизм. Снижен был налоговый пресс на деревню, что обеспечило рост производительности в сохранявшемся личном подсобном хозяйстве. Отказ от насилия, репрессий, ограничение идеологического диктата, характеризовавших основу сталинской хозяйственной модели, требовали замещения экономическими рычагами: большей самостоятельностью предприятий, экономическим стимулированием труда.

Введены были элементы децентрализации в управление экономикой, обеспечен учет интересов регионов и предприятий. Реформа 1957 г. (далеко не во всем удачная) явилась попыткой скорректировать предельно централизованный механизм, с переходом от отраслевого к территориальному принципу управления, с переводом оперативного

управление экономикой на региональный уровень. 1950-е годы, особенно вторая половина, стали весьма успешными в истории советской экономики. Промышленный рост составлял в среднем за год от 10% до 13%, причем высокий экономический рост обеспечивался как за счет экстенсивных, так и значительной доли интенсивных факторов[8].

Реформаторские поиски продолжились и в 1960-е годы. Реформа 1965 г. была попыткой расширить использование экономических методов управления при сохранении в целом директивно-распределительного механизма. В замысле реформы был переход к рыночному механизму хозяйствования на основе расширения самостоятельности и ответственности хозяйственных единиц при ориентации их на получение прибыли. Вводилась экономическая заинтересованность в повышении результатов. Важными внутренними факторами-ограничителями в реформаторских поисках были идеология и политика. Так, в период подготовки хозяйственной реформы в период «оттепели» ей предшествовала широкая научно-общественная дискуссия (чего и в помине не было перед «шоковой терапией» начала 1990-х), но при этом для научного сообщества была характерна жесткая самоцензура, боязнь даже сторонников более радикальных реформ перейти определенную грань.

Экономические дискуссии 1950—1960-х годов так и не смогли выработать теории рыночного социализма, ограничившись констатацией факта сохранения товарно-денежных отношений при социализме и необходимостью их использования в развитии народного хозяйства. При реализации даже эта ограниченная реформа была достаточно быстро выхолощена и свернута, причем свою роль сыграли и консервативные настроения высшего руководства, и «Пражская весна» в Чехословакии.

Послевоенные реформы, направленные на развитие товарно-денежных отношений, так и не смогли создать эффективное и устойчивое народное хозяйство, адекватное требованиям нового этапа интенсификации в условиях научно-технической революции. Тем не менее, реформы 1950—1960-х годов не были бесполезными. Они во многом обеспечили высокий динамизм советской экономики в этот период, способствовали формированию целого комплекса новых отраслей (космос, высокотехнологичная военная техника и др.), причем в ряде областей советская экономика не только сравнялась, но и опередила мировой уровень. Вырос уровень жизни, превысивший уровень 1940 г. почти в четыре раза. Созданы целые отрасли, обеспечивавшие потребительский спрос, развернуто массовое жилищное строительство.

Вместе с тем, в 1960-е годы начинается затухание темпов экономического роста, приведшее к стагнации начала 1980-х годов. Это сни-

жение было весьма постепенным, и совпало по времени с контрреформаторским периодом конца 1960-х — началом 1980-х годов, когда экономика находилась в своеобразном «промежуточном» состоянии: реформы были начаты, но не завершены, их позитивный эффект был кратковременным. Осуществлялись попытки ограничения действия рыночных элементов при одновременных попытках совершенствования централизованной системы управления (реформа 1979 г.).

Таким образом, советская модель развития не оставалась неизменной. На протяжении ряда десятилетий она демонстрировала весьма значительную эффективность, которая проявлялась в высоких (на отдельных этапах — высших в мире) темпах роста, в формировании передовых (для конкретного времени) отраслей народного хозяйства, в обеспечении выживания, функционирования и развития общества.

* * *

Среди внутренних условий и макрофакторов разной природы и порядка, определявших развитие советской экономики второй половины XX в., можно назвать несколько ключевых: 1. Исходное (к середине XX в.) состояние советского общества, недавно вышедшего из мировой войны и совершившего «экономическое чудо» — восстановление (в основном) экономического потенциала после катастрофических разрушений и потерь 1941—1945 гг., но надолго сохранившего «дефицитный» характер большинства видов ресурсов. 2. Природно-ресурсный потенциал СССР в контексте потребностей собственно советского народного хозяйства и мировой экономической конъюнктуры. 3. Идеологический контекст, общественно-политическое устройство советского общества и государства, определившие как специфические отношения собственности (при тотальном огосударствлении), так и всю систему организации народного хозяйства с всеохватывающим (по замыслу) вертикальным планированием, резким ограничением прав и полномочий хозяйствующих субъектов и т.д. 4. Изменение самого общества в процессе индустриальной модернизации (становление городского общества, изменение качества населения — структуры занятости, места жительства, рост уровня образования и культуры), что объективно, с одной стороны, расширяло поле для экономического прогресса, позволяло наращивать интенсивные факторы экономического роста, с другой — требовало изменений и в методах управления, и в целом — в экономическом механизме. Сохранение в закосневшем виде идеологии, форм организации общественной жизни, экономики, адекватных задачам 1930-х годов, было абсурдным в 1960—1970-х и тем более 1980-х годах — в совершенно ином обществе: городском, индустриальном, образованном.

Внутренние факторы проявлялись во взаимодействии с внешними макро-факторами, существенно влиявшими на развитие советской экономики. Среди них были следующие: 1. Развертывание «холодной войны», и соответственно, гонки вооружений, существеннейшим образом повлиявшей на все параметры советской экономики — отраслевую структуру (с доминированием военно-промышленного комплекса (ВПК)), приоритет конкретных производств и технологий, распределение бюджета, организацию управления, и др. 2. Соревнование двух систем и двух «сверхдержав» на всех направлениях развития, включая и экономическую гонку, подразумевавшую «выявление преимуществ» той или иной общественной модели. 3. Научно-технический прогресс, переходящий в научно-техническую революцию (НТР), являвшийся общемировым фактором и влиявшим на появление новых технологий и целых отраслей (ядерная энергетика, «химизация» производств, индустриальные методы в строительстве и т.д.), а также и на формы организации производства, и др.

Это — далеко не все «факторы», определявшие советское экономическое развитие, однако во многом ключевые, помогающие описать «сущностную» модель экономической динамики второй половины XX в. и избежать при этом примитивного «экономического детерминизма». Следует подчеркнуть, что совокупность «внешних» факторов в этом контексте, представлявшая собой исторический «вызов» СССР (вплоть до постановки вопроса о самом его существовании, что со всей очевидностью проявилось в период его распада), являлась определяющей и для его экономического развития. Экономика в этом контексте была подчиненным элементом всей системы жизнедеятельности (и «жизнеобеспечения») советского общества, и, прежде всего, обеспечения военно-стратегической безопасности. Угроза была более чем реальной: сейчас широко известны планы ядерного нападения США на СССР, особенно план 1949 г. «Дробшот» с уничтожением 200 основных советских городов, не говоря уже о десятилетиях балансирования на грани войны (апогей — Карибский кризис).

Вследствие преимущественно внешних факторов советская экономика второй половины XX в. вновь оказалась в «мобилизационном» режиме: требовалось не только ускоренное восстановление разрушенного войной народного хозяйства и всех систем жизнедеятельности, но и одновременное наращивание военно-промышленного потенциала, способного противостоять внешней угрозе, и все это — в условиях крайнего дефицита материальных, финансовых и людских ресурсов. Вновь вынужденно приоритетными оказались оборонная и тяжелая промышленность, а на втором плане — производство потребительских товаров и сельское хозяйство. Будучи

вынужденно втянут в гонку вооружений, СССР на военные нужды использовал до 20% ВНП, тогда как США — 5—10%. В 1985 г. ВВП на душу населения в СССР был в 4 раза меньше, чем в США, а военные расходы на человека в денежном выражении — практически равны. Даже в США гонка вооружений имела негативные последствия, проявившись в ослаблении конкурентных позиций на мировых рынках, а для СССР последствия были гораздо серьезнее[9].

Мобилизационный режим работы советской экономики стал одним из факторов сдерживания ее перехода к рыночной модели, снизил темпы роста и модернизации многих отраслей экономики, ограничивал рост благосостояния населения. Жертвуя уровнем жизни населения, государству удалось создать надежный оборонительный щит из новейших видов вооружения, а в перспективе, к началу — середине 1970-х годов — достичь ядерно-стратегического паритета с США. Угроза развязывания мировой войны, даже в условиях жесткой «холодной» конфронтации, была сведена к минимуму.

Гонка вооружений имела для советской экономики комплекс противоречивых разнонаправленных следствий, наиболее важные из которых: 1. Растрачивание ресурсов, их ограничение для развития отраслей и производств за пределами ВПК. 2. Диспропорции в отраслевой структуре с явным доминированием оборонных и «сопутствующих» отраслей тяжелой промышленности. 3. Консервацию жестко централизованной системы управления, формирование больших, неповоротливых ведомственно-бюрократических структур со своими корпоративными интересами, которые нередко становились самодовлеющими и косными, невосприимчивыми к инновациям, отторжение существенных инноваций в области управления экономикой. 4. Прорывы на ряде ключевых научно-технологических направлений, ускорение научно-технического прогресса по части разработки новейших технологий, однако ограничение их тиражирования и внедрения в «мирные» производства из-за режима секретности, «ведомственности» и других барьеров. Таким образом, влияние доминирования в экономике ВПК было неоднозначным, и плюсы и минусы его требуют основательного изучения. Вместе с тем, «выматывающий» характер гонки вооружений на протяжении десятилетий для советской экономики очевиден. В ущемленном положении оказались легкая промышленность и особенно сельское хозяйство, которое оставалось источником перераспределения ресурсов в пользу промышленности и города, при этом — весьма неэффективным экономически.

В последние десятилетия допускались грубые политические и управленческие просчеты, что не означало принципиальную, «сущностную» неэффективность и нереформируемость системы, в том

числе плановой экономики (это не только никем не доказано, но и опровергнуто опытом экономических реформ в КНР). Однако крупные частные просчеты в отдельных областях существенно повлияли на общую тенденцию и судьбу советской экономики, да и СССР в целом. Грубым организационным просчетом был доведенный до абсурда «режим секретности», «пропасть» между отраслями ВПК и остальными, что при наличии передовой науки, множества новых технологий привело к общему технологическому отставанию страны в эпоху НТР. Грубым экономическим просчетом стало неадекватное использование благоприятной мировой конъюнктуры (в отличие от 1930-х годов — когда был совершен индустриальный рывок), а именно «проедание нефтедолларов». Дважды (1973—1974 гг. и 1980—1981 гг.) цены на нефть повышались более чем двукратно. Этот случайный благоприятный фактор можно было использовать для рывка в развитии высоких технологий или хотя бы для подъема собственного сельского хозяйства.

Вместе с тем, власть пыталась учитывать совокупность противоречивых процессов, происходивших в мире и в самой стране. Мировые интеграционные тенденции нашли отражение в усилении интеграционной политики в рамках СЭВ, развитие НТР — в попытках выстраивать научно-техническую политику, усилить связь науки с производством, весьма удавшуюся в ряде целевых программ (атомном проекте, космических программах и др.), но несмотря на декларации «соединить достижения НТР с преимуществами социализма» в масштабах всей экономики не удалось.

Внешние «внеэкономические» факторы оказались, пожалуй, еще более серьезным препятствием для поиска путей реформирования планово-рыночного хозяйства (которое существовало в СССР) в более эффективную модель рыночного хозяйства социального типа с регулируемыми рыночными отношениями. С одной стороны, неоднократные антисоветские мятежи в странах Восточной Европы останавливали лидеров КПСС в реформационных поисках, поскольку вариант «демократического социализма» с расширением свободы хозяйствующих субъектов угрожал самой системе власти, построенной на жесткой номенклатурной вертикали. С другой стороны, проводившиеся до второй половины 1980-х годов реформы и эксперименты в сфере экономики оказались весьма ограниченными не только из-за идеологических ограничителей, но и по причине сохранявшегося мобилизационного характера экономики, работавшей прежде всего на оборону, а в такой ситуации наиболее результативны именно командно-централизованные (а вовсе не рыночные) рычаги. Интересно, что в отсутствии внутренней конкуренции, предприятия советского ВПК являлись весьма конкурентоспособными на мировом

рынке вооружений, поскольку вынуждены были «держать форму» в конкуренции с корпорациями США и других стран Запада, и нередко работали по типу «целевых программ» с очень высокой степенью организации, нацеленностью на конечный результат.

Советская модель развития обеспечила переход к индустриальному обществу. Но к «*постиндустриальному», точнее — новой стадии индустриального, СССР перейти не успел.* В чем причины? В том, что эта модель стала тормозом и не позволила? Или дело в конкретных управленческих решениях, которые оказались некомпетентными? Думаю, верно именно второе. Потенциал советской системы вовсе не был исчерпан. Да и как он мог быть исчерпан, если раннеиндустриальная стадия для половины страны еще не была завершена, оставались огромные резервы просто для экстенсивного роста экономики. Вся Средняя Азия, почти все Закавказье оставались резервом ручного неквалифицированного доиндустриального труда. Конечно, гонка вооружений отвлекала огромные дефицитные ресурсы СССР на непроизводительные военные расходы. Но ВПК одновременно нарабатывал колоссальные технологические прорывы по всем направлениям. Эти технологии потом почти даром получили США. Одной из ключевых ошибок советского руководства было то, что не смогли или не захотели создать такой организационный механизм, который задействовал бы достижения ВПК в гражданских отраслях. А эта задача вполне решалась сугубо административно-управленческими методами.

Свое влияние оказали и механизмы принятия решений на уровне политбюро ЦК КПСС, где и идеологические соображения, и личный «вес» каждого члена, представлявшего «сегменты» партии, государственных и общественных структур, народного хозяйства, становились факторами, предопределявшими не только конкретные решения, но и стратегию развития в конкретных областях.

Однако это совершенно не означало, что советская система и СССР как ее государственное воплощение обречены на крах и распад. Хотя в 1960—1970-е годы и был допущен ряд крупных управленческих, тактических и стратегических просчетов, экономическое развитие вплоть до начала 1980-х годов оставалось вполне динамичным, и даже кризисные явления начала — середины 1980-х годов отнюдь не были катастрофичными для советской модели развития: многие западные страны знали гораздо более тяжелые времена. Распад советской системы и крах ее социально-экономической основы не были «фатальными», а носили преимущественно искусственный, субъективный характер, связанной с борьбой внутри советской политической элиты. И задача состояла в выработке правильной стратегии дальнейшего развития в изменившихся внешних и внутренних

условиях: при новом качестве самого советского общества и при постиндустриальном вызове мирового прогресса. И эта стратегия должна была вновь опираться на социокультурные особенности страны.

Не искусственное и насильственное насаждение «общечеловеческих ценностей» (которые суть — ценности западной цивилизации в ее квазилиберальной форме) отвечало интересам развития страны, а прорыв к новым технологическим уровням.

Идеологическая и геополитическая капитуляция в виде политики «нового мышления» М.С. Горбачева (и одностороннего отказа СССР от «холодной войны») в период «перестройки» явилась внешним условием для начала реформирования, концепция которого либо была не продумана, либо сознательно выбрана как разрушительный вариант развития (чему есть подтверждения в мемуарах и современных выступлениях лидеров того времени и их «советников»).

Социализм рухнул, а СССР распался не потому, что они были не жизнеспособны, а потому, что динамичность общества резко упала: закоснели социальные формы, классы и страты стали превращаться в подобие сословий с жесткими перегородками; идеология перестала быть мобилизующей, а превратилась в ритуальную; власть принимала неадекватные стратегические решения, в том числе проспав очередной виток технологической революции; элита оторвалась от народа, переродилась, приняла чужие ценности — не только идеологические, но и ценности чужой цивилизации. Здесь — аналог дореволюционных процессов: низы и верхи в России — это как два абсолютно разных народа в одной стране, с разными интересами, даже с разной системой понятий.

* * *

Завершая краткий анализ мобилизационной модели развития советской экономики в 1950—1980-е годы, подведем некоторые итоги.

После революции в России была создана собственная, национально-ориентированная модель хозяйства, существенно отличавшаяся от западной либерально-рыночной, опиравшаяся на социокультурные основы страны. Большевизм был «переварен» Россией, превратившись с 1930-х годов — в политической практике — в разновидность «почвеннического» течения с леворадикальной марксистской риторикой. На деле он воплощал в жизнь стратегию модернизации с опорой на собственные силы и в национальных интересах, причем — на ряде этапов — стратегию не догоняющего, а опережающего развития.

Если имперско-либерально-рыночная индустриальная модернизация в России провалилась, закончилась революцией и разрухой, то советская индустриальная модернизация в 1930—1940-е годы оказалась успешно реализованной на этатистской нерыночной основе.

Иными — по сравнению с Западом — методами был получен аналогичный результат — становление раннеиндустриальной системы. Это свидетельствует о том, что советская смешанная двухсекторная государственно-кооперативная «нерыночная» модель вполне соответствовала задачам раннеиндустриальной стадии.

По восходящей осуществлялось развитие советской экономики и в 1950-е — середине 1970-х годов, хотя и с угасанием темпов экономического роста. В этот период в мире происходила следующая волна модернизации, обеспечивавшая развертывание НТР, становление зрелого индустриального, а затем и постиндустриального общества. Решение задач этого этапа давалось советской экономике с трудом, хотя она вывела страну в лидеры по ряду направлений НТР (космос, новейшие вооружения, атомная промышленность и др.). Советская экономическая модель претерпела существенные изменения в рыночном направлении, хотя они и были несистемны, половинчаты. Они повышали динамизм экономического развития, но на краткосрочный период. Вместе с тем, оно было вполне успешным с точки зрения основных мировых показателей. Более того, можно сказать, что советская модель экономики была уникальна и высокоэффективна в решении задач, которые перед ней ставились. Она показала, что рыночная экономика далеко не универсальна, что иными способами можно достигать аналогичных или более существенных результатов.

Объективным критерием оценки любой хозяйственной системы могут быть только полученные экономические и социальные результаты. Такими критериями могут быть приняты рост ВНП СССР в сравнении аналогичными показателями других стран за тот же период, изменение места экономики страны в мире. Так, ВНП СССР вырос с 1950 по 1980 г. почти в четыре раза, что было существенно больше, чем в США, крупнейших европейских странах, и уступало лишь Японии. Аналогичные сопоставления характерны для такого показателя, как ВНП на душу населения. В результате экономических успехов укреплялись и мировые позиции СССР, превратившегося именно в этот период в одну из двух сверхдержав, обеспечившей военно-стратегический паритет с США. Можно ли говорить о неэффективности такой экономики, такой хозяйственной системы?

Другой вопрос, что на новый модернизационный вызов при решении задач перехода к постиндустриальному обществу власть не смогла дать адекватного ответа, и прежде всего в экономической сфере. Ряд достоинств советской экономики на ранних стадиях превращался в недостатки в иных условиях. Другими стали и общество, и масштабы экономики, и ее структура, а хозяйственный механизм и система управления менялись медленно и неадекватно. Здесь сыграли свою роль и

идеологический догматизм (отдававший приоритет материальному производству, промышленности, рабочему классу), и растрачивание ресурсов в вынужденной гонке вооружений, и конкретные некомпетентные решения, например, проедание нефтедолларов, подаренных выгодной мировой конъюнктурой, вместо вложения их в новый модернизационный рывок. Не государственная собственность, а ее абсолютное доминирование наряду с бюрократизацией управления стимулировали застой и последующий крах экономики и всей системы.

Самой сложной проблемой явилась трансформация централизованно-планово-государственной экономики в таком направлении, чтобы приспособить народное хозяйство к требованиям эпохи НТР, радикально повысив уровень интенсификации производства, сохранить высокие темпы роста. Этого сделать не удалось. В результате произошло отставание от авангарда западных стран, сумевших перейти к зрелой стадии своего развития, характеризующейся не только высокой экономической эффективностью, но и, на ее основе, высокого уровня и качества жизни. То есть, если еще в 1950—1960-е годы социальные стандарты социализма обладали большой привлекательностью в мире, особенно в развивающихся странах, то позднее СССР утратил лидерство в социальной сфере, а ряд стран нашел иные модели преодоления социально-экономической отсталости.

Нисходящая фаза экономического развития в СССР совпала с консервативными, контрреформистскими настроениями брежневской команды. «Застой», как политическое явление, обернулся экономической стагнацией на рубеже 1970—1980-х годов. Реформы, и весьма радикальные, были неизбежны, но какими они должны быть, кто и как будет их начинать и проводить, в каком направлении, какими методами, в каких темпах, — все эти вопросы были принципиальными.

Результатом реформ стал не выход из предкризисного состояния (а кризис — это нормально для любой страны и экономики, для рыночной экономики — это вообще циклическая закономерность, и капитализм научился их преодолевать, минимизируя экономические и социальные потери), а крах экономики, государства, а затем и подрыв всего социально-экономического и цивилизационного потенциала общества. Советская экономика была чрезвычайно жизнеспособна, разрушить ее можно было только изнутри, а точнее — сверху, из-за ее большой централизации.

Опыт «преобразований» позволяет извлечь некоторые уроки. Реформы не должны осуществляться ради реформ, или ради чьих-то амбиций и капризов, или частных корыстных интересов, или — ради воплощения чьих-то идеологических пристрастий. Если реформы разрушают государство, ведут к падению уровня его безопасности, к

обнищанию основной массы населения, — то такие реформы народу и стране не нужны. Реформы должны быть органичны, то есть соответствовать социокультурным и иным параметрам страны, постепенны, то есть не переходить порог допустимой нагрузки новым, чтобы его успели «переварить». Реформы должны быть концептуальны, а не являться продуктом спонтанных решений и эмоциональных «озарений», метаний из стороны в сторону. Реформы должны быть последовательны и поэтапны, полными, а не частичными. Несистемные, частичные, незавершенные реформы обостряют проблемы и противоречия, ведя тем самым к контрреформам. Все эти и многие другие объективные требования к проведению реформ были проигнорированы и в период перестройки, и — в еще большей степени — после нее.

Однако постсоветскими реформаторами решались совершенно иные задачи, нежели они декларировали в своих политических заявлениях. На деле — под диктовку иностранных советников — решалась задача подрыва модернизационного потенциала России, с тем чтобы действительно включить страну в мировой рынок, но в качестве его сырьевого придатка, источника энергии, мировую свалку вредных промышленных отходов и т.п. Результатом «перестроечных» реформ стало сначала разрушение советской экономики, а в постсоветский период 1990-х годов — вообще подрыв современной производственной базы и цивилизационных основ общества. Но это тема для специального анализа.

[1] См.: *Wiles P.* The Soviet Economy Outpaces the West // Foreign affairs. — 1953. — Vol. 31, no. 4. — P. 566—580.

[2] См. об этом подробнее: *Сенявский А.С., Иголкин А.А.* «Советская экономика опережает Запад»: анализ и оценки американского эксперта начала 1950-х гг. // Экономическая истории России: проблемы, поиски, решения: ежегодник. — Москва; Волгоград, 2008. — Вып. 10. — С. 320—325.

[3] См.: U.S. News and World Report. — 1978. — March 27. — P. 89.

[4] *May B.A.* Очерки становления централизованного государственного управления хозяйством России // Экономическая история: хрестоматия. — М., 2007. — Т. 1. — С. 432.

[5] Там же. —С. 432—433.

[6] Там же. — С. 435—436.

[7] Одним из наиболее тяжелых этапов экономического развития, вызвавших к жизни предельную мобилизацию сил советского общества, был период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления. О некоторых механизмах и формах мобилизационной модели в эти годы см.: *Сенявский А.С., Братченко Т.М.* Мобилизационные механизмы восстановления экономики на освобожденных от германской оккупации территориях РСФСР: использование потенциала молодежи (1942—1950 гг.) // XX век в истории России: сб. науч. тр. — Сергиев Посад: ИРИ РАН: СПГИ, 2006. — С. 96—112.

[8] *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России: реформы и рос. хоз-во в XIX—XX вв. —СПб., 1998. — С. 47.

[9] Там же. — С. 51, 125.

Р.Г. Кирсанов

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ БАНКОВ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПЕРИОДА ПЕРЕСТРОЙКИ

Статья посвящена малоизученному вопросу реформирования советской банковской системы в 1985—1991 гг., в ходе которого были созданы государственные специализированные банки. Анализируя роль и сущность советских банков в их воздействии на развитие экономики государства, автор приходит к выводу, что, создавая новые структурные звенья в кредитной системе в виде спецбанков, советское руководство не сумело нацелить эту систему на ускорение структурной модернизации народного хозяйства, на более эффективное выполнение надзорных и регулирующих полномочий. Реформируемая банковская система оказалась не в состоянии замедлить углубление кризиса советской плановой экономики и предотвратить распад СССР. Автором привлечены для исследования новые архивные материалы.
Ключевые слова: перестройка; банковская система; специализированные банк; кредитование экономики; денежно-кредитная политика; банковское законодательство.

R.G. Kirsanov

The role of the state-owned specialized banks in the implementation of financial and economic policy of the Soviet government during Perestroika

The article is devoted to the scarcely studied issue of reforming of the Soviet banking system in 1985—1991, when there were created state-owned specialized banks. Analyzing the role and nature of Soviet banks in their impact on the economic development of the state, the author comes to the conclusion that while creating new structural units in the credit system (i.e. specialized banks), the Soviet leadership failed to focus this system on acceleration of the structural modernization of the economy, on efficient implementation of supervisory and regulatory powers. Specialized banks were not able to slow down the deepening crisis of the Soviet planned economy and prevent the collapse of the USSR. The article is based on new archival materials.
Keywords: Perestroika (restructuring); banking system; specialized banks; lending to the economy; monetary policy; banking legislation.

К 1987 г., который считается пиком перестройки, народное хозяйство СССР, несмотря на провозглашенные двумя годами ранее совершенствование «развитого социализма», «выявление и раз-

решение новых проблем» и «устранение всего, что мешает развитию»[1], продолжало работать по старой схеме, активно используя методы приказного нажима, политических кампаний, «пробивания дополнительных ресурсов». Остававшаяся непоколебимой планово-распределительная система управления экономикой и огромный бюрократический аппарат сдерживали позитивные новации. Показателен в этом отношении январский Пленум ЦК КПСС, на котором в адрес партии и ее Центрального комитета прозвучали обвинения за то кризисное состояние, в которое погружалась страна. М.С. Горбачев был все еще «полон оптимизма в отношении начатых реформ» и всячески стремился внедрить его в «сознание партии и масс», однако в этом году у него впервые «стали проклевываться сомнения в успехе»[2]. Перестройка начинала «спотыкаться»[3].

Похожие «сомнения» проникали и в общественную среду, которую захлестывала волна гласности и свободы слова. Общее настроение народа можно выразить часто звучавшим тогда упреком: «мы ничего не получаем, перестройка видна только в Центре»[4].

Не только для прогрессивных экономистов, но и для части партийного руководства становилось ясно, что ключ к решению проблем в экономике лежит в перестройке базиса экономической системы.

Докладывая по вопросу финансового положения страны на заседании Политбюро 23 апреля 1987 г. Н.И. Рыжков отметил продолжавшееся снижение темпов экономического роста и увеличение дефицита финансов. Председатель Совмина СССР заявлял о необходимости повышения экономических рычагов в управлении народным хозяйством, в том числе — перевода всех отраслей материального производства на полный хозяйственный расчет. Предлагался широкий диапазон мер: сокращение государственных расходов на жилье, корректировка ценовой политики, изменение функций Минфина, Госбанка, Госкомцена и пр.

В этом году Горбачев стал отходить от паллиативных мер и приступил к более решительным шагам в политической и экономической сферах. К лету 1987 г. была завершена подготовка экономической реформы, к работе над проектом которой были привлечены известные экономисты — Л.И. Абалкин, А.Г. Аганбегян, Т.И. Заславская и другие. Реформа исходила из идеи сохранения плановой экономики, но вместе с тем предполагалось внесение серьезных корректив в существующую экономическую модель. Одним из пунктов реформы была реорганизация сети банковских учреждений.

Первые очертания будущей банковской реформы появились еще в ходе работы XXVII съезда КПСС[5], когда при обсуждении ситуации в кредитной сфере было отмечено, что в конце 70-х — начале 80-х

годов банки «недостаточно активно выполняли роль стимуляторов развития общественного производства, ослабили свое воздействие на эффективность экономики, укрепление хозрасчета, соблюдение режима ресурсосбережения». И далее: «низкая эффективность воздействия кредитно-денежных отношений на решение экономических и социальных задач во многом явилась следствием крупных недостатков и упущений в работе Госбанка СССР и Стройбанка СССР, финансово-кредитной системы в целом»[6]. Кредит во многих отраслях народного хозяйства и отдельных сферах экономического оборота потерял свое подлинное значение.

На том же XXVII съезде партии Н.И. Рыжков заявил, что «в ряде случаев финансово-кредитный механизм тормозит прогрессивные изменения. Здесь нужны существенные перемены с тем, чтобы нацелить его на усиление антизатратного характера развития производства»[7]. По мнению главы правительства, требовалось создание таких условий, «которые побуждали бы предприятия и организации... рационально использовать кредиты, повышать рентабельность, своевременно и полностью рассчитываться с государством»[8].

* * *

К рассматриваемому периоду в стране существовала одноуровневая банковская система, которая включала в себя 4,5 тыс. подразделений (контор, отделений и агентств) Госбанка СССР (здесь было сосредоточено более 88% всех кредитов, выданных народному хозяйству и населению, в том числе свыше 91 % всех краткосрочных ссуд), 1,7 тыс. подразделений Стройбанка СССР и 17 подразделений Внешторгбанка СССР. В состав Госбанка СССР входили Государственные трудовые сберегательные кассы, имевшие к началу 1986 г. весьма разветвленную сеть — 78 500 сберкасс, которые, главным образом, осуществляли хранение денежных средств населения и обслуживание граждан по операциям с государственными займами.

Эта структура сложилась еще в 1959 г. и к моменту, когда началась перестройка и предприятия стали переводиться на хозрасчетную основу, уже с трудом справлялась с потребностями хозяйствующих субъектов и денежного оборота. Государственный банк СССР, формально отвечавший за эмиссионное дело, стабильность национальной валюты и кредитную политику, постоянно информировал правительство о нарастающих диспропорциях в денежно-кредитном обращении и высказывал предложения по стабилизации экономики, включая частичное развитие рыночных отношений. Однако функционируя в режиме подчинения административной хозяйственной системе, главный банк страны не имел возможности опе-

ративно влиять на кредитно-ресурсную политику и фактически превращался в пассивного участника экономического процесса.

Проявлялось это в следующем. Когда какое-либо предприятие начинало нести убытки, на помощь приходило государство, выдававшее ему кредиты (зачастую без достаточных экономических обоснований) на восстановление своей хозяйственной деятельности. Но государство оказывало финансовую помощь не напрямую, а через систему банков, также принадлежавших государству. Положение усугубляли сохранявшиеся годами низкие процентные ставки — 0,5—2 %, которые создавали повышенный спрос на кредиты и втягивали их в покрытие нерентабельных затрат и убытков[9]. Получалось, что государство кредитовало само себя и в ущерб самому себе.

Следствием бессилия банковской системы стали скрытая инфляция (в сфере безналичного оборота), падение покупательной способности рубля, необоснованная денежная эмиссия, нарушение соотношения между денежной массой и товарным обеспечением. К середине 80-х годов излишек денег в обращении, обусловленный недостатком товаров и услуг, составил более 30 млрд. рублей, или около 40% количества денег в обращении[10].

Монополизация государством денежных отношений привела к тому, что исчезли объективные границы между такими самостоятельными сферами, как финансы (госбюджет и финансы отраслей), кредит (банки-кредиторы и предприятия заемщики) и обращение денег. Фактически реальные функции финансов оказались подчинены установкам пятилетних планов и народнохозяйственных программ. Тем самым, «деньги, финансы, кредит в тех условиях выступали подсобными, второстепенными экономическими инструментами»[11]. В результате к началу перестройки размеры убыточной деятельности государственных предприятий вышли за пределы возможностей централизованного перераспределения доходов. Полностью «огосударствленная» банковская система в таких условиях не могла предложить иного выхода из надвигавшегося экономического кризиса, кроме как безудержная кредитная эмиссия. С начала 70-х годов кредитные ресурсы банков все активнее использовались для покрытия бюджетного дефицита и финансирования иных затрат бюджетного характера. Значительная часть финансов отправлялась «на помощь» убыточным предприятиям. Нескончаемый приток денег из госбанков существенно сокращал собственные оборотные средства предприятий, доля которых по сравнению с заемными источниками к рассматриваемому моменту составляла всего 20,3%[12].

Эти обстоятельства определили смену вектора в денежно-кредитной политике и заставили приступить к поиску новой модели бан-

ковского сектора, способной привести в движение поржавевшие механизмы иерархической советской экономики.

По мнению большинства финансистов, выступавших в пользу кредитной реформы, в банковской сфере следовало преодолеть такие негативные явления, как чрезмерный централизм, бюрократизацию, недостаточную специализацию банков и бесконтрольную выдачу кредитов. Надо отметить, что в отличие от многих остальных направлений преобразований, реформа банковского дела имела серьезное научное обоснование. В ее подготовке участвовали научные подразделения Академии наук СССР и отраслевые институты. Разработчики посещали различные банки и на месте знакомились с их работой, периодически проводились совещания банковских сотрудников, на которых их информировали об имеющихся предложениях.

После многочисленных дискуссий и победы сторонников постепенного и планомерного перехода к рынку под жестким контролем государства, на вооружение реформаторов была взята идея создания государственных банков, специализированных с учетом особенностей сфер деятельности народнохозяйственных комплексов. Общий смысл реформы состоял в переводе банков из пассивного состояния, при котором над ними постоянно довлели министерства и ведомства, к эффективному взаимодействию с хозяйствующими субъектами. Сведенное к автоматизму и зачастую безответственное, растратное финансирование неприбыльной производственной деятельности должно было уступить место кредитным методам перераспределения денежных средств, основанным на компетентном подходе и тщательном анализе кредитуемых отраслей экономики. Таким образом, банки теперь должны были более ответственно подходить к процессу кредитования и наравне с предприятиями нести ответственность за убытки в хозяйственной деятельности.

Создание спецбанков вполне отвечало объективным потребностям времени. В ходе перестройки управления экономикой в СССР было создано семь крупных народно-хозяйственных комплексов: машиностроительный, топливно-энергетический, металлургический, химико-лесной, строительный, аграрно-промышленный и социальный. Система в виде трех банков, существовавшая на протяжении почти тридцати лет и на начальном этапе способствовавшая проведению единых принципов руководства денежно-кредитной системой, теперь уже не могла в полной мере учитывать специфику и особенности отраслей и сфер экономики. Шедшие им на смену спецбанки должны были стать активными и заинтересованными участниками перестройки управления экономикой и обеспечить поддержку каждого типа народнохозяйственного комплекса.

Проект создания системы специализированных банков получил одобрение Правительства и через некоторое время составил основу решений июньского 1987 г. Пленума ЦК КПСС, на котором обсуждался вопрос «О задачах партии по коренной перестройке управления экономикой». На Пленуме было отмечено, что экономические эксперименты предшествующих нескольких лет не смогли переломить негативные тенденции в развитии экономики, а «темпы экономического роста упали до уровня, который фактически означал наступление экономической стагнации». В этой связи было решено углублять реформы за счет комплексного подхода к системе управления. Правовые нормативные акты 1987 г. — 12 важнейших законов и постановлений — охватывали весь комплекс проблем управления и хозяйствования, в том числе и в банковской сфере. Особое значение имело принятое на июньском Пленуме решение о стартовом улучшении финансовой обстановки и разработке с этой целью специальной программы финансового оздоровления народного хозяйства, приведения денежного оборота в соответствие с оборотом материальных ресурсов. В этой работе активное участие должна была принять банковская система.

Примечательно, что проект создания спецбанков не являлся оригинальной разработкой советских экономистов и уже прошел «апробацию» в странах Восточной Европы. Однако если в СССР переход к системе специализированных банков представлялся как первый этап на пути к ликвидации государственной монополии на банковское дело и переводу банков на коммерческую основу, то в восточноевропейских странах уже с начала 1980-х годов осуществлялся переход на двухуровневую структуру с выделением центрального банка и экономически самостоятельных коммерческих банков. В этих странах формирование новой банковской структуры производилось на базе действующих банков с соответствующим разделением и преобразованием их функций. Эти преобразования в каждой стране имели свои особенности, однако общим было то, что банки второго уровня, призванные непосредственно обслуживать народное хозяйство, переводились на коммерческие принципы функционирования и могли рассчитывать лишь на новые, привлеченные ресурсы. В первую очередь это касалось привлечения сбережений населения, за которые в условиях межбанковской конкуренции всегда приходится бороться, в частности, путем развития новых видов вкладных операций, расширения сферы банковских услуг.

В отличие от своих европейских коллег, советские банкиры полагали, что непосредственный переход от прежней советской модели к двухуровневой банковской системе с внедрением коммерческих принципов работы был невозможен в то время и породил бы хаос,

поскольку для этого не было ни материальных и организационных предпосылок, ни законодательной базы.

В соответствии с принятым в июне 1987 г. постановлением № 821 «О совершенствовании системы банков в стране и усилении их воздействия на повышение эффективности экономики»[13] система, состоявшая из Госбанка СССР, Стройбанка СССР, Внешторгбанка СССР и сети сберегательных касс, была преобразована в Промстройбанк, Жилсоцбанк, Агропромбанк, Сбербанк с сохранением Внешэкономбанка и ведущей роли Госбанка СССР.

Работа новой системы банков должна была выстраиваться на основе единой государственной денежно-кредитной политики. Образованный в этой связи Совет банков СССР наделялся функциями координационного центра и должен был рассматривать проекты и ход выполнения сводных кредитных планов, анализировать важнейшие проблемы укрепления денежного обращения и совершенствования кредитно-расчетных отношений в народном хозяйстве.

С учетом специализации были определены основные направления и сферы деятельности банков СССР в народном хозяйстве страны.

На Госбанк СССР, как главный банк страны, было возложено централизованное плановое управление денежно-кредитной системой и проведение единой кредитной политики государства, кассовое исполнение государственного бюджета, координация деятельности банков СССР и разработка для них сводных кредитных планов.

Госбанку СССР было предоставлено также право совместно с остальными банками определять на единой методологической основе обязательные для всех банковских учреждений условия кредитования, меры экономического воздействия на ссудозаемщиков, устанавливать правила расчетов в народном хозяйстве, порядок ведения отчетности в банке, а также по согласованию с Госпланом СССР и Министерством финансов СССР и с участием специализированных банков — процентные ставки за пользование кредитами. За Госбанком были сохранены предоставленные ему ранее полномочия в области установления официальных курсов иностранных валют по отношению к советскому рублю и осуществление связей с центральными банками других стран.

К компетенции Промстройбанка СССР были отнесены кредитно-расчетное обслуживание основной эксплуатационной деятельности, финансирование и кредитование капитальных вложений промышленности, строительной сферы, транспорта, связи, системы материально-технического снабжения.

В задачу Агропромбанка СССР входило выполнение банковских операций предприятий, колхозов и других организаций, входящих в агропромышленный комплекс.

Жилсоцбанк СССР был призван производить операции по кредитно-расчетному обслуживанию и финансированию жилищно-коммунального хозяйства, государственной и кооперативной торговли, бытового обслуживания, легкой и местной промышленности, хозяйства, подведомственного местным Советам народных депутатов, а также сферы кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности.

Созданный на основе сберегательных касс Сбербанк СССР был призван аккумулировать сбережения населения и организовывать для него безналичные расчеты. Ему предлагалось принять на кредитно-расчетное обслуживание небольшие предприятия, а также организовывать выдачу и погашение краткосрочных и долгосрочных ссуд граждан в связи с их потребительскими нуждами. Сбербанку было поручено обслуживание внутреннего государственного долга.

Внешэкономбанк СССР был нацелен на обеспечение организации и проведения расчетов по экспортно-импортным и неторговым операциям, кредитование объединений, предприятий и организаций, осуществляющих внешнеэкономические связи. На банк возлагался контроль за исполнением сводного валютного плана, рациональным и экономным использованием валютных ресурсов страны, проведением операций на международных валютных и кредитных рынках, а также операций, связанных с наличной валютой и валютным ценностями.

Количество филиалов спецбанков, без учета филиалов Сбербанка СССР, достигло 5,5 тысяч.

Сразу же после принятия постановления № 821 началась интенсивная работа по его детализации. Уже в октябре появилось постановление Совмина СССР № 1118 «О перестройке деятельности и организационной структуре банков СССР»[14]. Документ содержал призыв к банкам «устранить мелочную опеку деятельности объединений и предприятий, сосредоточить внимание на повышении конечных результатов хозяйствования, подчинить кредитную и расчетную деятельность требованиям рационального использования производственного потенциала, внедрению прогрессивных форм и методов кредитования, расчетов и кассового обслуживания».

Вместе с тем многие банковские руководители полагали, что реорганизация банков носила формальный характер и не затрагивала самих основ их работы. Их аргументы сводились к следующему. Госбанк и Внешэкономбанк остались фактически в неизменном виде. Стройбанк представлял собой реформированный Промстройбанк, который помимо обслуживания капитальных вложений клиента, теперь занялся кредитованием его основной деятельности. Агропромбанк также не являлся каким-то важным нововведением, поскольку был образован на базе одного из подразделений Госбанка.

Банк трудовых сбережений и кредитования населения (Сберегательный банк СССР) практически не отличался от прежних сберегательных касс, которые и до реорганизации имели возможность не только размещать депозиты и привлекать средства населения, но и выдавать кредиты (в основном на приобретение и строительство квартир, дач и т.п.).

«С нуля» создавался только «Банк жилищного хозяйства и социального развития СССР» (Жилсоцбанк). Поскольку одним из направлений перестройки было социальное развитие общества, перед банком была поставлена задача решения конкретных проблем в социальной сфере путем увеличения кредитования производства товаров народного потребления, предоставления услуг населению и т.д. Особое внимание уделялось жилищному строительству, была даже разработана программа полного обеспечения советских граждан жильем к 2000 г. — «Жилье-2000». В этой связи задумывавшийся поначалу Соцбанк расширил свою компетенцию и превратился в Жилсоцбанк.

Хозяйственные органы ожидали от реформы банковской системы весомого оздоровления финансовой обстановки, основанной на приближении денежного оборота за счет ускорения расчетов за товары и услуги к обороту материальных ресурсов. Вместо этого уже в конце первого года работы спецбанков многие финансисты и экономисты аргументированно доказывали, что реформа банковской системы не оправдывала своих ожиданий, а в плане финансового оздоровления народного хозяйства давала отрицательные результаты[15].

Если до января 1988 г. расчетные и кредитные операции осуществлялись, как правило, четко, заработная плата выдавалась своевременно, а расчетные документы не терялись, то в спецбанках задержки в расчетах и утеря платежной документации стали обычным явлением. В обращении руководства одного из транспортных предприятий Казахской ССР в адрес Председателя Правления Госбанка СССР Н.В. Гаретовского говорилось, что до банковской реформы «существовал порядок, который строго исполнялся учреждениями всех банков»[16], и при достаточной настойчивости и компетентности хозорган мог решить с банками практически любой вопрос. Теперь же, после реформы, «дистанция от фактически сложившегося банковского обслуживания хозорганов до их нормального состояния столь велика, что сколь-нибудь существенного улучшения не просматривается даже в ближайшем обозримом времени»[17].

В Госбанке затягивалось принятие новых нормативно-правовых актов и инструкций, обеспечивающих работу спецбанков. Не была осуществлена в срок передача новым банкам части аппарата Госбанка, занимавшаяся кредитованием основной производственной деятельности.

Развитие банковской сети было заметно только в Центре, в регионах же низовые структуры банков оказались сильно ослаблены, поскольку образовался дефицит кадров. Вызвано это было тем, что каждый из четырех вновь образованных банков приступил к созданию собственной вертикальной структуры на всех уровнях — союзном, республиканском, краевом, областном. Создание областных управлений привело к увеличению численности аппарата за счет сокращения ставок непосредственных исполнителей. К примеру, по нагрузке в Советском отделении Промстройбанка штат учетно-операционных работников должен был состоять из 24 человек, а фактически был доведен до 16 человек, в Железнодорожном отделении при нагрузке 15 человек по штатному расписанию реально работали 10 сотрудников. Аналогичная ситуация складывалась в отделах финансирования и кредитования. Нехватка кадров приводила к замедлению расчетов в народном хозяйстве.

Практические работники, имевшие опыт проведения расчетных и кассовых операций, переводились в управленческие звенья. Было неясно, кто в таких условиях останется для непосредственной работы с клиентом.

Помимо этого, в областных управлениях спецбанков создавалось множество отделов, которые фактически выступали в роли статистов, собирая многочисленную и порой ненужную информацию от районных отделений, и не участвовали в экономической работе с предприятиями.

Материальное стимулирование работников отделений банков оставалось самым низким в сравнении с другими отраслями народного хозяйства. Кассир небольшого промышленного предприятия получал заработную плату от 160 до 180 рублей, в то время как рядовой работник банка — от 95 до 120 рублей, заведующий кассой отделения, имевший несравненно бóльшую материальную ответственность, — 130 рублей, кассир — 100 рублей[18]. Как результат, в отделениях банков работали в основном молодые специалисты.

Негативно сказывалась низкая техническая оснащенность учреждений госбанков. Отсутствие вычислительной техники также замедляло расчеты, поскольку большинство платежных документов обрабатывались вручную[19]. Многие банковские отделения не располагали не только новыми техническими средствами, но даже старых не хватало в достаточном количестве. В подсобных помещениях банков скапливались мешки с платежными документами, поскольку банковские сотрудники попросту не успевали вовремя отправлять их на места.

Существенным было и то, что увеличение числа госбанков привело к дроблению денежного оборота, и последовавшее за этим за-

медление оборачиваемости средств в расчетах вызвало сбои в ранее довольно отлаженном механизме.

Главное же, на что следует обратить внимание, — это то, что не была достигнута специализация банков, то есть то, ради чего задумывалась реформа. В каждом районе действовало, как правило, одно учреждение какого-либо из специализированных банков, обслуживавшее всю клиентуру района независимо от ее отраслевой принадлежности. В результате складывалась административная зависимость низового банковского учреждения от областных управлений нескольких спецбанков, ведавших лимитами распределения кредитов.

Став больше числом, банковские учреждения пришли к клиентам с универсальным, заданным механизмом кредитования, десятилетиями сложившимися приемами организации работы. Они были пока не готовы сегментировать отрасли народного хозяйства и в полной мере сосредоточиться на специализации. Так, Жилсоцбанк занимался обслуживанием сферы государственной торговли, Агропромбанк финансировал потребительскую кооперацию[20].

Подобная неразбериха царила во многих регионах. Например, в Киргизии насчитывалось около 60 учреждений государственных банков (без учета Сбербанка). Из них около 40 учреждений приходилось на Агропромбанк и только 20 — на Жилсоцбанк и Промстройбанк.

Ограниченность кредитных ресурсов в отделениях спецбанков все чаще приводила к отказам в выдаче предприятиям плановых кредитов. Такая практика не позволяла обеспечить выполнение заключенных кредитных договоров и порой служила примером необязательности его выполнения другой стороной[21]. Повышение роли кредита в конечных результатах хозяйственной деятельности становилось в таких условиях почти невыполнимой задачей.

Попытки исправить ситуацию административным путем только ослабляли связь банков с народнохозяйственными комплексами. Например, в Октябрьском районе города Куйбышева, где были сосредоточены в основном промышленные предприятия, было предложено ликвидировать отделение Промстройбанка и вместо него открыть отделение Агропромбанка, доля клиентуры которого составляла всего 12%[22]. Схожая ситуация имела место в Новороссийске, где также были расположены важнейшие промышленные предприятия. Но там вместо Промстройбанка, удельный вес клиентов которого составлял 88%, было решено создать отделение Жилсоцбанка, несмотря на то, что его клиентура насчитывала лишь 4%[23]. В целом же по стране весной 1988 г. расформирование грозило 64 отделениям Промстройбанка СССР, многие из которых к этому времени, несмотря на описанные выше трудности, уже начали выходить

на нормальный режим работы[24]. При этом в ряде случаев при определении преобладающего профиля хозяйства городов и районов не были учтены предприятия оборонных отраслей промышленности, кредитовавшиеся тем же Промстройбанком. Помимо этого, решения о ликвидации отделений банков, как правило, не учитывали перспектив развития районов, в некоторых из которых строительство промышленных объектов только намечалось.

В наиболее сложном положении оказался Агропромбанк: на его балансе числились все сельскохозяйственные предприятия страны, причем часть из них брали кредиты в Промстройбанке и Жилсоцбанке. Но поскольку Агропромбанк распределял лимиты на определенные суммы для сельхозпредприятий, то на него автоматически «вешалась» вся ссудная задолженность.

В определенном смысле корень проблем реформированной банковской системы заключался в преобладании прежнего централизма в управлении системой спецбанков. С точки зрения организации, стиля и методов работы новых банков со своими низовыми отделениями, реорганизация банковской системы с 1 января 1988 г. по существу просто заменила монополию бывших Госбанка и Стройбанка монополией вновь созданных специализированных банков. В деятельность спецбанков были перенесены практически те же методы руководства низовыми звеньями, которые господствовали прежде[25]. По сути, специализированные банки представляли собой маленькие министерства, деятельность в которых координировалась по схеме «сверху-вниз». Ссылка на «министерства» — это не сравнение, а констатация правовой нормы, закрепленной в рассмотренном выше постановлении № 821, пункт 8 которого гласил: «Республиканские банки пользуются правами министерств союзных республик». Очевидно, что такое «министерство» будет в первую очередь заботить контроль за хозяйственно-финансовой деятельностью предприятий, а не налаживание взаимовыгодных связей со своими клиентами.

Вдобавок головные учреждения спецбанков находились в экономической зависимости от Госбанка СССР, который «по-прежнему забирал ресурсы, собранные низовыми периферийными специализированными банками, и на платной основе наделял ими то или иное специализированное кредитное “министерство”»[26]. Все это сковывало инициативу низовых учреждений спецбанков и становилось серьезным препятствием на пути повышения эффективности обслуживания предприятий и населения.

Давал о себе знать и «человеческий фактор», включенный Горбачевым в преобразовательные процессы. С самого начала перестройки ставка делалась на то, чтобы разбудить в людях инициативу,

рационализаторские начала, энтузиазм, то есть придать обществу естественное течение, инициировать его «самодвижение». Однако общество было давно приучено жить по указке и даже по прошествии нескольких лет с момента начала перестройки не могло преодолеть окаменевшие формы общественной жизни. В особенности это было актуально для представителей финансового сектора экономики, банковских работников, которые находились на «переднем фронте» реорганизации денежно-кредитной системы, поскольку от степени восприятия ими новых форм взаимоотношений финансовых институтов и хозяйствующих субъектов зависел успех построения в стране новой экономической модели.

Руководство Госбанка СССР открыто признавало, что созданная административными методами система спецбанков не способствует эффективному использованию кредита и не активизирует товарно-денежные отношения и межбанковскую конкуренцию. Оставался острым вопрос убыточности предприятий и невозврата кредитов. Только по 370 предприятиям и организациям союзного подчинения, которым планировалась прибыль, по итогам 1989 г. были допущены убытки в сумме 560 млн. рублей[27]. К примеру, просроченная задолженность по ссудам Промстройбанка за тот же 1989 г. составила свыше 1 млрд. рублей[28]. Чтобы обезопасить себя от невозврата кредитов, спецбанки предлагали создание фондов риска и страхования ссуд, но этого не было сделано[29].

Набирал силу неофициальный принцип «банк всегда прав»[30]. Интересы клиентов часто игнорировались. В письме руководства транспортного предприятия города Семипалатинска в Правление Госбанка СССР приводится такой пример. Указанное объединение неоднократно обращалось в головное учреждение обслуживающего банка с просьбой о принятии мер к банкам области в части исполнения ими обязанностей по производству безналичных расчетов. Однако спецбанк на это обращение никак не отреагировал. В результате фактические затраты времени на производство расчетов объединения с одногородними заказчиками автотранспорта, имевшими нормальное финансовое состояние, достигали десяти календарных дней, тогда как действовавшие правила предусматривали один день. Специализированные банки Семипалатинска не обеспечивали своевременного зачисления на расчетный счет объединения даже наличных денег после их инкассации. Так, за май — август 1988 г. объединением было установлено 123 случая задержек таких зачислений на общую сумму 2,4 млн. рублей. В среднем эти операции производились с задержкой по вине банков на два дня. До реформы подобных явлений не было.

Специализированные банки не смогли также существенным образом изменить ситуацию в потребительской сфере, где дефицит многих видов товаров и услуг не только не уменьшился, но приобрел тенденцию к увеличению. Советский Союз по-прежнему заметно уступал капиталистическим странам в размерах розничной торговли. Даже в Москве, куда стекались покупатели со всей страны (до 3 млн. в день), на 1000 постоянных жителей приходилось лишь 200 квадратных метров торговой площади. В целом по РСФСР обеспеченность населения торговыми площадями находилась на уровне 86% нормативной потребности, а сам этот норматив был в 1,5—2 раза ниже европейского.

Как показали данные изучения общественного мнения, половина покупателей московских промтоварных магазинов не могли совершить покупки по причине отсутствия в продаже требуемого товара либо из-за очередей. В 1989 г. обеспеченность товарами крупного столичного универмага «Москва» составляла лишь 83% от заявленной им потребности. Население было вынуждено постоянно носить при себе крупные суммы денег на случай, если нужные вещи появятся в продаже. Многие граждане выезжали для покупки товаров в областные, республиканские центры, столицу. Например, по данным Московского ГУМа, удельный вес покупок, производимых приезжими покупателями, превышал 60%, в том числе по швейным изделиям он составлял 76%, обуви — 61%, трикотажным изделиям — 62%, посудо-хозяйственным товарам — 62%, фотокинотоварам — 79%. В филиалах ГУМа — магазинах «Прага», «Лейпциг», «Белград», удельный вес приезжих покупателей в товарообороте был еще выше — 70—74%, в том числе по трикотажным изделиям — до 83%.

Между тем вопросы экономического развития теперь постоянно были в повестке дня Политбюро и Секретариата ЦК. Однако если в 1987 г. говорили, что «процесс пошел», то в 1988 г. эйфория первых лет перестройки почти сошла на нет и уступила место озабоченности за дальнейшую судьбу реформ. Стали острее ощущаться трудности в экономике, расширение прав предприятий на деле обернулось «ведомственным, а кое-где и местническим эгоизмом»[31], развитие договорных отношений не привело к ожидаемому укреплению связей между предприятиями. Идеолог перестройки А.Н. Яковлев, громогласно заявлявший летом 1988 г., что социализм «энергично пошел вперед, увидел перед собой перспективы исторического характера», буквально через несколько месяцев, в декабре, выступая на областной партийной конференции в Перми, подверг жесткой критике политику кабинета Рыжкова и поставил вопрос о необходимости возврата к частной собственности в сельском хозяйстве, торговле и промышленности.

Горбачев пытался объяснять негативные явления в экономике главным образом консерватизмом политических структур и пока еще не сформировавшимся «новым мышлением».

В середине 1988 г. банковская система СССР снова претерпела существенные изменения, вызванные принятием в мае того же года закона «О кооперации в СССР»[32]. Новый закон разрешил создание кооперативных банков, тем самым провозгласив отказ от государственной монополии на банковское дело и открыв дорогу становлению системы негосударственных банков в СССР, то есть институтам рыночных отношений. В статье 23 закона говорилось, что «союзы (объединения) кооперативов имеют право создавать хозрасчетные отраслевые или территориальные кооперативные банки». В качестве такого банка рассматривалось кредитное учреждение, которое «на демократических принципах обеспечивает денежными средствами развитие кооператива, производит кассово-расчетное обслуживание, представляет его интересы в хозяйственных и финансовых органах».

На 1988—1989 гг. пришлась первая волна появления кооперативных и паевых (коммерческих) банков. Организация частных банков рассматривалась как мера, которая будет способствовать ускорению перехода всей экономики к рыночным отношениям. Однако спецбанки, поддерживаемые министерством финансов, осознавая необходимость коммерциализации банковского дела, старались тем не менее перенести это решение на более поздний срок.

Государственные банки всячески пытались сохранить за собой своих клиентов и не желали делить их с другими банками. Правда, методы, которыми пользовались перешедшие на хозрасчет спецбанки, не могли способствовать росту их популярности. Стремясь любыми способами увеличить свои активы, спецбанки стали взимать комиссионные сборы за совершение банковских операций для своих клиентов, которые раньше были бесплатными. Например, теперь нужно было дополнительно платить за зачисление наличных денег на расчетный счет, за экспертизу ветхих денежных знаков и т.д. В газете «Коммерсантъ» отношения между спецбанками и коммерческими банками сравнивались с отношениями, которые «неизбежно складываются между зарождающимся рынком и административно-командной системой, но только в более концентрированной и жесткой форме»[33].

Спецбанки рассматривали своих коммерческих «собратьев» как конкурентов. Их, в частности, не устраивало то, что коммерческие банки пользовались большей свободой в установлении процентных ставок. В действительности серьезных поводов для «зависти» почти не было, а влияние новых банков на экономику было едва заметным. Оснащенность помещений банков-пионеров не располагала к пра-

вильной, эффективной постановке банковского дела. Они вообще не проводили кассовое обслуживание своих клиентов, поскольку не имели соответствующей базы. У многих кооперативных банков не было компьютерной техники — она была им просто не по карману. Длительное время у банка занимало формирование объявленного при регистрации уставного капитала. Нередко случалось, что после регистрации учредители отказывались делать взносы в уставный фонд, и банку приходилось искать новых, платежеспособных пайщиков. Не менее существенными проблемами были отсутствие профессиональных банковских кадров и нехватка специальной литературы.

В 1990 г. сеть коммерческих и кооперативных банков включала около 300 банков с суммой средств балансов около 7 млрд. рублей. Из них в Москве находилось более 50 банков с суммой собственных средств около 5 млрд. рублей[34]. Однако к этому моменту доля коммерческих банков в выданных в стране кредитов составляла лишь около 2%, из которых 80% было предоставлено предприятиям и 17% — кооперативам. На начало 1991 г. кредиты коммерческих банков составляли не более 9% всех кредитных вложений в экономику, что в числовом выражении равнялось около 35 млрд. рублей. По выражению первого председателя российского Центробанка Г.Г. Матюхина, в то время «всю экономику держали в руках три монстра — Промстройбанк, Жилсоцбанк и Агробанк»[35].

С принятием закона о кооперации банковская реформа не замерла, а только «прибавила шагу». И следующим шагом на реформаторском пути стало принятие Советом Министров СССР в сентябре 1988 г. нового устава Государственного банка (до этого деятельность Госбанка регулировалась уставом 1980 г.)[36]. Устав 1988 г. закреплял произошедшие в банковской сфере изменения и отражал новое видение места центрального банка в финансовой системе страны. Госбанк СССР объявлялся «главным банком страны, единым эмиссионным центром, организатором кредитных и расчетных отношений в народном хозяйстве». «Банком кредитования народного хозяйства», как было зафиксировано в предыдущем уставе, он уже не именовался, поскольку его учреждения прекратили заниматься кредитованием предприятий и организаций, передав эти операции спецбанкам. Тем самым произошло отделение эмиссионной деятельности от функций по кредитованию хозяйствующих субъектов.

Ряд своих полномочий Госбанк теперь должен был делить либо согласовывать со спецбанками:

— разработка проектов сводных кредитных планов СССР;

— организация инкассации наличных денег в системе банков СССР, осуществление мероприятий по укреплению денежного об-

ращения в стране и повышению покупательной способности советского рубля;

— определение на единой методологической основе обязательного для всех учреждений банков состава объектов кредитования, условий выдачи и погашения кредитов, льгот при кредитовании, мер кредитного воздействия на ссудозаемщиков и условий их применения;

— определение размеров процентных ставок за пользование кредитами.

В свою очередь, Промстройбанк, Агропромбанк и Жилсоцбанк, стараясь все больше выйти из-под контроля Государственного банка, незамедлительно направили подведомственным республиканским банкам и областным (краевым) управлениям указания, запрещающие представление копий годовых отчетов о кредитно-экономической работе соответствующим банкам и управлениям Госбанка СССР. Поскольку банковских законов, в которых было бы зарегламентировано «поведение» банков, на тот момент еще не было, спецбанки могли позволить себе демонстрировать своеволие в отношении распоряжений Государственного банка.

Госбанк СССР неоднократно направлял в спецбанки требования об отмене таких указаний, но его предписания игнорировались. Всякая попытка Госбанка навести порядок воспринималась как возврат к плановым методам управления.

Правительство, которому был по-прежнему подведомствен Государственный банк, занимало в этой ситуации двоякую позицию. С одной стороны, оно не одобряло стремление Госбанка влиять на текущую деятельность специализированных банков. Но с другой, Совмин подвергал критике и деятельность спецбанков, которые фактически монополизировали кредитование и расчетное обслуживание предприятий и отдельных отраслей, затормозив процесс создания независимых коммерческих банков.

Выход из этой развернувшейся межбанковской борьбы вскоре был найден на союзном уровне. Сначала, 31 марта 1989 г., было принято правительственное постановление № 280 «О переводе государственных специализированных банков СССР на полный хозяйственный расчет и самофинансирование», в котором ставилась задача уже до конца года ввести в действие новый механизм хозяйствования банков, соответствующий углубляющейся экономической реформе: перевести государственные специализированные банки СССР на «полный хозяйственный расчет и самофинансирование, положив в основу деятельности банков прибыль (доход) как обобщающий показатель эффективности работы и главный источ-

ник укрепления и развития банковских учреждений, социального развития и материального стимулирования их коллективов»[37].

На переходе к хозрасчетной основе реформаторы не остановились, и через некоторое время началось акционирование Жилсоцбанка и Агропромбанка, а чуть позднее — Промстройбанка. Существующий принцип профилирования банков предполагалось сохранить. В начале июля 1990 г. принимается постановление Совмина СССР о преобразовании Жилсоцбанка СССР в акционерный коммерческий Соцбанк. Часть его акций передавалась Минфину СССР, другая часть могла свободно продаваться юридическим и физическим лицам. Такая же судьба ожидала Агропробанк и Промстройбанк. Последнему отводилась особая роль: выполнять функции агента государства по кредитованию крупных программ общесоюзного значения, а также заниматься обслуживанием органов государственной безопасности, внутренних дел и организаций Министерства обороны СССР.

Верховный Совет РСФСР, внимательно следивший за переделом собственности в финансовом секторе, попытался перехватить инициативу в свои руки, ответив аналогичным ходом: 13 июля 1990 г. он принял постановление «О государственном банке РСФСР и банках на территории республики», в соответствии с которым все российские банки, в том числе отделения государственных банков, за исключением правлений союзных банков, объявлялись собственностью РСФСР. Кроме того, постановление обязывало «преобразовать до 1 января 1991 г. учреждения государственных специализированных банков в автономных республиках, краях и областях в коммерческие банки на акционерной или паевой основе»[38]. Российский республиканский банк Госбанка СССР был объявлен собственностью РСФСР. Инициаторы идеи заявляли, что наличие такого собственника, как государство, постоянно довлело бы над банками и создавало конкурентные преимущества по сравнению с коммерческими кредитными организациями. В реальности, как отмечает бывший в то время первым заместителем министра финансов СССР В.А. Раевский, республиканским властям «нужны были “свои” банки»[39].

При этом не было определено, будут ли новые банки профилированными. Эта неясность привела в итоге к развалу системы спецбанков.

Демарш российского Верховного Совета широко обсуждался в периодической печати. Подконтрольные союзным властям СМИ назвали этот акт народных депутатов РСФСР «трагедией наших банков», «очередной административной ломкой, в ходе которой Советский Союз лишается своих крупных коммерческих банков»[40]. К тому же, принимая описанные выше меры в отношении банковской сис-

темы, Верховный Совет РСФСР нарушал закон «О собственности в СССР», в результате чего общесоюзная собственность на банки была преобразована в собственность союзной республики.

Со своей стороны более независимые печатные издания призывали российские коммерческие банки к неподчинению распоряжениям Государственного банка СССР[41]. Многие российские банки так и стали поступать, перерегистрировав свои уставы в Центральном банке РСФСР, который был образован летом 1990 г.

19 декабря 1990 г. Совет Министров СССР принял постановление о преобразовании Промстройбанка в Государственный коммерческий промышленно-строительный банк с последующим его акционированием до 31 декабря 1991 г. Коммерциализация банка выглядела вполне своевременной мерой, поскольку при грамотной постановке дела открывала дополнительные возможности для усиления воздействия банковского механизма на активизацию экономической жизни, стимулирования предпринимательства и переключения ресурсов на наиболее эффективные направления развития. Тем более что в начале июле 1990 г. Промстройбанк в порядке эксперимента перевел на коммерческий режим работы ряд своих крупных подразделений — Московский городской банк, Ленинградский областной банк, Белорусский республиканский банк и другие.

Идея же с акционированием банка выглядела поспешной и непродуманной. Промстройбанк предлагал перенести решение этого вопроса на более отдаленную перспективу. Подавляющее число промышленных предприятий не обладали сколько-нибудь значительными средствами, которые они могли бы предложить для широкомасштабного участия в акционерном капитале банка. По состоянию на 1 января 1990 г. остаток фондов развития производства во всей промышленности страны составлял всего 11 млрд. рублей. Эти средства были распылены по десяткам тысяч предприятий, и под них были запланированы конкретные хозяйственные мероприятия: строительство или модернизация тех или иных объектов, закупка оборудования и пр. Учитывая кредитный оборот Промстройбанка в размере 100 млрд. рублей, в случае его акционирования уставный капитал должен был составить не менее 5 млрд. рублей. Предварительная проработка этого вопроса с предприятиями показала, что в ближайшие два года из промышленного сектора могло быть привлечено в акционерный капитал лишь несколько сотен миллионов рублей. Скепсис Промстройбанка разделяло руководство Госбанка СССР, но союзное правительство это нисколько не смущало.

Форсированный переход отношений банков с предприятиями на чисто коммерческие лишил последние целенаправленной кредитной

поддержки. Промстройбанк оказался объектом дележа между союзными и республиканскими властями. На территории РСФСР «не только оказывалось противодействие становлению нового банка, но активно и целеустремленно велась работа по его разрушению и изъятию денежных средств, являющихся общесоюзной собственностью, а также принадлежащих трудовым коллективам». Захватывались здания и имущество учреждений Промстройбанка, увольнялись их руководители, снималась милицейская охрана, прекращалось подкрепление наличными деньгами, необходимыми клиентам банка для выплаты заработной платы рабочим и служащим. Все это происходило вопреки действовавшему союзному законодательству и указам президента СССР от 29 июля 1990 г. «О взаимодействии союзных и республиканских органов по финансово-кредитным вопросам в период подготовки нового Союзного договора» и от 12 октября 1990 г. «О мерах по охране неприкосновенности права собственности в СССР».

Госбанк расценивал эти действия как стремление развалить общесоюзную систему Промстройбанка с целью создания на базе его учреждений множества мелких коммерческих банков, которые находились бы в полной зависимости от Центробанка РСФСР. Эти небольшие банки были не способны в достаточной мере обеспечить кредитные потребности народного хозяйства страны, на что, к слову, неоднократно обращали внимание руководители крупных предприятий и объединений промышленности.

Другой пример. Постановлением Совета Министров СССР от 25 октября 1990 г. № 1082 «Вопросы преобразования Банка жилищно-коммунального хозяйства и социального развития СССР» Жилсоцбанку СССР было разрешено передать акционерным коммерческим банкам, создававшимся на базе его учреждений, свои активы и пассивы, основные и оборотные фонды. В соответствии с этим постановлением Госбанком СССР и Минфином СССР 28 ноября 1990 г. был издан приказ, предусматривавший завершение этой процедуры до 1 января 1991 г.[42] Однако в ряде республик (Белорусской, Литовской, Латвийской, Молдавской, Азербайджанской) создание коммерческих банков не могло быть начато из-за задержки принятия республиканских законов о банках и банковской деятельности[43].

Противодействие со стороны республиканских властей дезорганизовало кредитно-расчетное обслуживание народного хозяйства и использовалось для перекрытия каналов формирования государственного бюджета и стабилизационных фондов СССР, что вело к непредсказуемым экономическим и социальным последствиям.

* * *

В 1990 г. стал явственно ощущаться недостаток кредитных ресурсов. Значительная часть кредитов банковской системы ушла на покрытие дефицита государственного бюджета. Государственный внутренний долг банкам на 1 января 1991 г. составил 519,5 млрд. рублей с ростом за год на 169 млрд. рублей, а его удельный вес в размещении денежных средств повысился с 44,9 % до 55 %.

Специализированные банки начали отказывать предприятиям в выдаче займов, но остановить вовлечение кредитов в покрытие бесхозяйственности получалось далеко не всегда. Так, в конце 1989 г. местные учреждения Промстройбанка СССР не приняли к финансированию ряд строительных объектов. Предприятия, для которых велось строительство, обязались «мобилизовать внутренние резервы» за счет сокращения запасов неустановленного оборудования и материалов и реализации ненужного имущества по прекращенным строительным объектам. Такие источники финансирования Промстройбанк назвал «нереальными» и предложил проанализировать имевшиеся у предприятий и организаций внутрихозяйственные финансовые ресурсы, в том числе запасы неустановленного оборудования, определить возможность их максимального вовлечения в оборот и привлечения хозорганами этих ресурсов в качестве источников финансирования капитальных вложений. В ответ Минфин СССР направил жалобу в Госбанк на «неправомерные действия учреждения Промстройбанка СССР». Вопрос был улажен после достижения обоюдного согласия: Промстройбанк получал от Минфина дополнительное бюджетное финансирование, а взамен соглашался прокредитовать указанные выше строительные объекты, в том числе выдать долгосрочные кредиты для строек Минобщемаша[44].

В начале 1990 г. Промстройбанк СССР отказал Министерству оборонной промышленности СССР в предоставлении долгосрочного кредита в объеме 200 млн. рублей. Тогда Минобрпром решил действовать в обход и попросил Госбанк СССР выделить Промстройбанку целевой кредит в объеме 200 млн. рублей[45].

В разрезе банков краткосрочные кредитные вложения на 1 апреля 1990 г. составили по:

— Госбанку СССР — 0,4 млрд. рублей, или 0,1% от общей суммы краткосрочных кредитных вложений;

— Промстройбанку СССР — 83,6 млрд. рублей, или 29,2%;

— Агропромбанку СССР — 141,1 млрд. рублей, или 49,3%;

— Жилсоцбанку СССР — 33,9 млрд. рублей, или 11,8%;

— Внешэкономбанку СССР — 19,1 млрд. рублей, или 6,7%;

— Сбербанку СССР — 0,3 млрд. рублей, или 0,1%;

— коммерческим и кооперативным банкам — 8 млрд. рублей, или 2,8%[46].

Около половины краткосрочных кредитных вложений приходилось на предприятия и организации агропромышленного комплекса, 11,5% — на предприятия социального комплекса, 10,1% — на предприятия машиностроительного комплекса, 7,1% — на предприятия министерств и ведомств, не входящих в комплексы.

На апрель 1990 г. просроченная задолженность по краткосрочным ссудам составила 4,7 млрд. рублей, или 1,7% к общей сумме краткосрочных кредитных вложений, и увеличилась по сравнению с началом 1989 г. на 0,7 млрд. рублей, или 14,9%.

Значительно возросла задолженность по ряду предприятий топливно-энергетического комплекса — в 2,2 раза, химико-лесного комплекса — 1,7 раза, социального — 3,1 раза.

Сами же спецбанки не проводили никакой аналитической работы в плане изучения своей ресурсной базы, степени эффективности кредитных вложений и т.п. Неудивительно, что при такой постановке банковского дела принимавшиеся попытки по увеличению производства и реализации товаров и платных услуг населению не приносили требуемого результата. Несмотря на то, что экономические нормативы хозрасчетной деятельности государственных спецбанков были утверждены в декабре 1989 г. и в начале 1990 г. проводилась их дифференциация и доведение до низовых учреждений, уже на начальном этапе внедрения новых принципов экономической деятельности выявились противоречия между хозрасчетным механизмом и сложившейся структурой и функциями специализированных банков. Порядок продажи и покупки ресурсов оказался не отработан и практически не действовал. Внедрение элементов рыночной структуры происходило при сохранении централизованной схемы управления кредитными ресурсами. Кредитные вложения регулировались лимитами, а их распределение в системе спецбанков производилось строго по вертикали. Административные приемы ограничения кредитной активности спецбанков усложняли управление кредитными ресурсами, ограничивали возможности отделений в осуществлении ими своих хозрасчетных принципов.

Важной вехой в истории советской денежно-кредитной системы стало принятие в 1990 г. первых банковских законов — «О банках и банковской деятельности в СССР» и «О Государственном банке СССР».

Подготовка законов продолжалась почти два года. Поскольку разработчики не имели опыта подготовки законодательных актов, ориентированных на рыночные условия, поэтому приходилось привлекать западных специалистов, но «заграница» помогала нам не-

охотно. К тому же значительная часть законодателей были плохо знакомы с особенностями работы двухуровневой банковской системы (которую и предполагалось строить в СССР)[47].

В основе этих законов лежала классическая концепция двухуровневой системы с Госбанком на верхнем уровне и коммерческими банками — на другом. Госбанк должен был выполнять роль центрального банка страны и кредитора последней инстанции.

Специализированные банки, которые к этому времени стали объектами дележа между союзными и республиканскими властями, оказались исключены из итоговой редакции законов. Вместе с тем, как показал дальнейший ход истории, полный отказ от системы спецбанков был преждевременным. Кооперативные и коммерческие банки, в силу своей финансовой слабости, были еще не готовы занять их место и все более уходили в финансово-торговую сферу, отрываясь от производственной.

В наибольшей степени от ликвидации спецбанков пострадал аграрный сектор экономики, и так донельзя убыточный. Под угрозой оказалась кредитно-финансовая система агрокомплекса Союза. В РСФСР система кредитования агропромышленного комплекса перестала функционировать, так как новоявленные мелкие банки были не в состоянии кредитовать крупные предприятия агрокомплекса. Особенно сложной ситуация была в сельских районах, где ощущалась большая потребность в кредитах. Эти банки фактически превращались в кредитные кооперативы, так как они кредитовали своих клиентов за счет ресурсов, привлекаемых там же. Но поскольку специального законодательства о кредитных кооперативах не было, то к таким банкам предъявлялись такие же требования, что и к остальным (то есть более жесткие). В итоге многие кредитные учреждения, созданные на базе филиалов Агропромбанка, вынуждены были закрыться.

[1] *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. — М., 1995. — Кн. 1. — С. 279–280.
[2] *Черняев А.С.* 1991 год: дневник помощника СССР. — М., 1997. — С. 62–63.
[3] *Яковлев А.Н.* Сумерки. — Изд. 2-е, доп. и перераб. — М., 2005. — С. 411.
[4] *Черняев А.С.* Указ. соч. — С. 64.
[5] См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1986.
[6] Важное звено социалистической экономики // Деньги и кредит. — 1987. — № 11. — С. 7.
[7] Российский государственный архив экономики (РГАЭ). — Ф. 2324. — Оп. 32. — Д. 3149. — Л. 149.
[8] Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — С. 253.
[9] РГАЭ. — Ф. 2324. — Оп. 32. — Д. 3853. — Л. 25 об.

[10] Там же. — Оп. 33. — Д. 741. — Л. 101.
[11] Управление хозяйством и денежный оборот // Коммунист. — 1987. — № 15. — С. 15.
[12] *Рогова О.Л., Моисеева Л.Ф., Никитин М.И.* Проблемы регулирования денежного оборота в СССР. — М., 1991. — С. 80.
[13] Свод законов СССР. — Т. 5. — 1990 г. — Ст. 390-14.
[14] Там же. — Ст. 390-21.
[15] РГАЭ. — Ф. 2324. — Оп. 32. — Д. 3710. — Л. 63.
[16] Там же. — Л. 64.
[17] Там же. — Л. 65.
[18] Там же. — Д. 3526. — Л. 58.
[19] Там же. — Д. 3824. — Л. 174.
[20] Там же. — Д. 3850. — Л. 6.
[21] Там же. — Д. 3526. — Л. 57.
[22] Там же. — Д. 3527. — Л. 10.
[23] Там же. — Л. 11.
[24] Там же. — Л. 10—11.
[25] Там же. — Д. 3526. — Л. 42.
[26] *Мехряков В.Д.* История кредитных учреждений и современное состояние банковской системы России. — М., 1995. — С. 212.
[27] РГАЭ. — Ф. 2324. — Оп. 32. — Д. 3824. — Л. 160.
[28] Там же. — Л. 176.
[29] Там же. — Л. 162.
[30] Там же. — Д. 3710. — Л. 66.
[31] *Воротников В.И.* А было это так...: из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. — М., 1995. — С. 185.
[32] Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. — 1990. — № 26. — Ст. 489.
[33] Коммерсантъ. — 1990. — 12 февр.
[34] РГАЭ. — Ф. 2324. — Оп. 32. — Д. 3845. — Л. 8.
[35] Коммерсантъ. — 2000. — 9 июня.
[36] Свод законов СССР. — Т. 5. — 1990 г. — Ст. 398.
[37] Там же. — Т. 5. — 1990 г. — Ст. 390-28.
[38] См.: Постановление Верховного Совета РСФСР от 13.07.1990 «О Государственном банке РСФСР и банках на территории республики» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР. — 1990. — № 6 (12.07). — Ст. 98.
[39] *Кротов Н.И.* История советской банковской реформы 80-х годов XX века: (свидетельства очевидцев, документы). — М., 2008. — Кн. 2: Первые коммерческие банки (1988—1991). — С. 90.
[40] Бизнес и банки. — 1990. — 22 окт. (№ 11). — С. 1—2.
[41] Коммерсантъ. — 1990. — № 43. — С. 10.
[42] РГАЭ. — Ф. 2324. — Оп. 32. — Д. 4027. — Л. 3.
[43] Основополагающие банковские законы начали приниматься союзными республиками в ноябре — декабре 1990 г.
[44] РГАЭ. — Ф. 2324. — Оп. 32. — Д. 3867. — Л. 16—17.
[45] Там же. — Д. 3825. — Л. 47.
[46] Там же. — Д. 3888. — Л. 74.
[47] *Кротов Н.И.* Указ. соч. — Кн. 2. — С. 82.

А.К. Соколов,
М.Ю. Мухин

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: МОБИЛЬНАЯ СОТОВАЯ СВЯЗЬ В СССР И РОССИИ

В статье изучается процесс создания и развития в Советском Союзе и России мобильной телефонной связи. Авторы рассматривают советские проекты мобильной телефонии — «Алтай» и ВОЛЕМОТ и анализируют основные причины неудачи этих проектов. Далее в работе рассмотрено становление сотовой телефонной связи современной России — соперничество сотовых сетей различных стандартов, влияние на степень распространенности сотовой телефонии кризиса 1998 г., борьбу ведущих сотовых операторов России за господство на массовом рынке мобильной телефонии. Значительное внимание уделено вопросам государственного регулирования сотовой связи в различные годы.
Ключевые слова: сотовая связь; стандарты сотовой связи; кризис 1998 г.; история современности; телефонная связь; история экономики.

A.K. Sokolov,
M.Ju. Mukhin
Modernization of everyday life: mobile cellular communications in the USSR and Russia

The article is concerned with the formation and development of the mobile cellular telephony in the late USSR and Russia. The authors study the Soviet projects of mobile telephony — "Altai" and VOLEMOT and analyze the main reasons of their failure. Next they trace the making of the cellular telephony in modern Russia — including an influence of Western technology, a rivalry between various standards of telephony, the effects of the crisis of 1998, struggles of the main mobile operators for the market domination. Great deal of attention is devolted to the government regulation in this field during the decades in question, and also to the influence of mobile communications on people's everyday life.
Keywords: new technologies; mobile communication and the history of its spread in Russia; modern standards of a cellular telephony; the 1998 crisis; the mass distribution of mobile telephony and new standards in everyday life.

Сотовая телефонная связь глубоко вошла в нашу жизнь. Нам сейчас уже попросту невозможно представить себе — как мы, собственно, обходились без нее всего-то пару десятилетий назад. Вслушайтесь в расхожие фразы: «Кинь мне денег на трубу!», «У меня уже рука замерзла с тобой разговаривать!», «Я в метро — говори быстро!». Если бы вы услышали что-то подобное еще 25 лет тому назад, вы бы просто

не поняли бы, о чем идет речь. Действительно, мобильная телефония изменила жизнь каждого из нас. Но не менее важно и то, что на наших глазах, за считанные годы в России была создана новая отрасль экономики. По сути, вся история отечественной мобильной телефонной связи представляет собой череду успешных «старт-апов» в высокотехнологичной сфере. Думается, анализ основных процессов становления этой отрасли информационных услуг будет весьма полезен в плане осмысления основных векторов инновационного обновления экономики России в целом. К сожалению, история отечественной мобильной телефонии пока не стала предметом специального интереса историков. Наша статья призвана заполнить эту лакуну, представив хотя бы общий абрис становления мобильной телефонии в России.

СИСТЕМА «АЛТАЙ». СССР ВЫХОДИТ ВПЕРЕД!

В истории развития мобильной связи СССР долгое время никакими существенными достижениями похвастаться не мог. Практически все новинки приходили с Запада и лишь творчески осваивались в Стране Советов. Ситуация резко поменялась в начале 1960-х годов. Как ни странно, на этом этапе Советский Союз неожиданно оказался среди лидеров по степени развития мобильной телефонии! В 1965 г. в СССР была сдана в эксплуатацию система ратиотелефонной связи «Алтай». Первоначально в ней использовался ручной коммутатор, но сравнительно быстро «Алтай» был модифицирован с переводом на автоматическую коммутацию, после чего (для пользователя) разницы между звонком со стационарного телефона и с телефона «автомобильного» более не стало. Возня с переключением режимов и ритуальным заклинанием «Прием!» ушли в прошлое — «Алтай» поддерживал дуплексный режим общения. На некоторых моделях автомобильных терминалов системы «Алтай» даже устанавливались привычные дисковые номеронабиратели, но от них быстро отказались — в автомобиле кнопочный номеронабиратель оказался куда удобнее. Так как новая система создавалась в первую очередь для различных управленческих служб и оперативного реагирования на производственные проблемы, в ней изначально был предусмотрен довольно широкий, как сейчас сказали бы, набор дополнительных сервисов: конференц-связь, циркулярный вызов нескольких абонентов, вызов по сокращенной нумерации (сейчас это называется «горячая клавиша») и т.д.

Только в 1969 г. этот успех сумели повторить по ту сторону океана, запустив в коммерческую эксплуатацию систему автоматической радиотелефонии IMTS (Improved Mobile Telephone Service). Между тем, к 1970 г.

система «Алтай» была уже установлена и успешно функционировала в 30 городах Советского Союза. К середине десятилетия география применения «Алтая» еще более расширилась и достигла отметки 114 городов. Первоначально установки «Алтай» применялись для «телефонизации» партийных и государственных деятелей. Затем они пришли на машины руководителей крупнейших предприятий. После Олимпиады 1980 г., в ходе которой «Алтай» продемонстрировал себя с самой лучшей стороны (большинство спортивных репортажей Олимпиады были переданы именно с телефонных аппаратов «Алтая»), сфера применения этой системы существенно расширилась. Терминалы «Алтая» начали устанавливаться на машинах милиции, скорой помощи, Мосэнерго, Мосгортранса и др. Более того, «Алтай» уверенно шел по пути миниатюризации. Появились модели, промежуточные между автомобильным радиотелефоном и привычным нам сотовым аппаратом. Такие модификации «Алтая», вместе с аккумулятором, вполне помещались в чемоданчик типа «дипломат». Надо, правда, признать — это был увесистый чемоданчик. К концу 1980-х годов система «Алтай» работала уже в 80 городах и насчитывала 20 тыс. абонентов. Из них 4,5 тыс. приходилось на Москву[1]. Завершая рассказ о системе «Алтай», отметим, что она эксплуатируется до сих пор в Воронеже и Новосибирске.

Разумеется, введя в строй «Алтай», советские специалисты не сидели сложа руки и не почивали на лаврах. Синхронно с разработкой в США моделей сотовой телефонии, в СССР шли работы над проектом ВОЛЕМОТ (сокращение от названий городов, где находились разработчики: Воронеж, Ленинград, Молодечно, Тернополь). Новая система предусматривала возможность переключаться во время разговора с одной базовой станции на другую без потери связи — сейчас эта функция («хендовер») является обязательной, но тогда была в новинку. Кроме того, поддерживался автоматический роуминг — аппарат, зарегистрированный в одном городе, свободно мог подключаться к «соте» другого города. Таким образом, ВОЛЕМОТ фактически должен был сделать существенный шаг в сторону сотовой архитектуры. Разумеется, сохранялись и недостатки прежней системы. Прежняя архитектура, основанная на малом числе «сот» (по сути, вся Москва представляла собой одну исполинскую соту) с очень мощными передатчиками базовых станций не позволяла резко увеличить число абонентов, а слабость элементарной базы превращала терминалы ВОЛЕМОТа в «сотовые для атлетов». Таким образом, в случае успешного внедрения ВОЛЕМОТ был бы вполне востребован в сельской местности, на дачах, в туристических походах, междугородних поездах и автобусах и т.п. Конечно, его терминалы не могли использоваться как привычные нам сотовые телефоны, однако их вполне было возможно использо-

вать в роли беспроводных полустационарных телефонов. В городах же, где первостепенной задачей было обслуживание большого числа абонентов на сравнительно малой территории, ВОЛЕМОТ явно уступал западным разработкам. Впрочем, все эти рассуждения ныне имеют сугубо академический характер. С начала 1980-х годов находившийся под постоянным экономическим прессингом, СССР не имел финансовых средств для форсированной доводки многих потенциально прорывных проектов. Финансирование ВОЛЕМОТа постоянно шло по остаточному принципу, и окончательно система была доведена лишь к концу 1980-х, когда экономическое состояние Советского Союза не позволяло рассчитывать на успешное осуществление нового амбициозного проекта. Впрочем, позднее работы в русле проекта ВОЛЕМОТ были продолжены. В начале 1990-х годов подобные системы были запущены в ряде городов и успешно используются до сих пор. Как правило, они применяются для обеспечения служебной связи в различных структурах городского хозяйства — «Скорой помощи», такси и т.п.

Ну, и чтобы совсем завершить историю российской мобильной телефонной связи советского периода, отметим, что, строго говоря, внедрение привычной нам сотовой телефонии началось еще в годы существования СССР. «Дельта Телеком», ставшая первый отечественным оператором сотовой телефонной связи, начала предоставлять услуги мобильной телефонии 9 сентября 1991 г. Действительно, хотя до официального роспуска СССР оставалось еще около 3 месяцев, считать осень 1991 г. — время «после ГКЧП» — все еще «советским периодом» можно разве что формально, в порядке юридического крючкотворства. Однако для того, чтобы начать работу в сентябре, подготовку коммутационной инфраструктуры требовалось начать не позднее чем за год, а то и за полтора до этого момента — то есть тогда, когда существование Советского Союза еще ни у кого не вызывало сомнений. Как видим, никаких непримиримых противоречий между существованием СССР и мобильной телефонной связи не существовало. Однако, в силу тех или иных причин, становление отечественной сотовой телефонии происходило уже в постсоветский период. Этому и будет посвящено наше исследование.

У ИСТОКОВ. 1991—1996 ГГ.

Первый звонок по сотовому телефону в России был сделан 9 сентября 1991 г. Звонил мэр Санкт-Петербурга А. Собчак. Этот звонок обслуживался первым отечественным оператором сотовой связи — компанией «Дельта Телеком», созданной в октябре 1990 г. в форме

совместного российско-американского предприятия. Учредителями СП были АО «Петербургская Телефонная Сеть» (ПТС) и US West Inc., впоследствии уступившая свою долю Russian Telecom Development Corporation (RTDC). Во время того памятного звонка Собчак воспользовался аппаратом фирмы «Nokia Mobile Phones» (Финляндия) модели «Mobira MD 59NB2». Масса этой модели достигала 3 кг. Сейчас это кажется запредельным весом, но современникам вес «мобильника» (если тот аппарат можно так назвать) казался, наоборот, уникально малым. «Дельта Телеком» на тот момент распространяла либо автомобильные сотовые аппараты, либо мобильные (переносные). Вес последних составлял около 5 кг, за что в народе такие аппараты прозвали «бодибилдерами». Портативные сотовые телефоны, привычные нам, в те годы покупателям не предлагались. В 1991—1993 гг. основными клиентами «Дельта Телеком» были крупные организации, состоятельные бизнесмены и представители иностранных компаний. Всем абонентам услуги предоставлялись по единому тарифу, причем без предоплаты. Количество абонентов «Дельта Телеком» через год после начала эксплуатации сети не превышало 1500 человек. При этом доходы оператора были значительными, так как все абоненты активно пользовались услугами компании, а тарифы были крайне высоки. Популярность «Дельты Телеком» была так велика, что в Петербурге в начале 1990-х использовался местный неологизм — мобильные телефоны называли «дельтами». В октябре 1995 г. компанией «Дельта Телеком» был впервые открыт автоматический национальный роуминг — с Москвой, а через год, в сентябре 1996-го, автоматический роуминг с Финляндией.

Но это будет уже позже — пока же вернемся к складыванию сотового рынка в России. Первоначально монополия «Дельты Телеком» была абсолютной. Эта компания, ставшая первым и последним сотовым оператором СССР, первым оператором РФ и первым оператором Санкт-Петербурга, до конца 1991 г. оставалась вообще единственным оператором России. Но в декабре 1991 г. в Москве был зарегистрирован флагман столичной мобильной связи — компания «Московская сотовая связь» (МСС). Далее процесс шел по двум основным векторам.

С одной стороны, стали возникать компании сотовой связи, оспаривающие у первопроходцев сотового рынка абонентскую базу Москвы и Санкт-Петербурга. Эти два мегаполиса и прилегающие к ним, сравнительно густо населенные, территории составляли наиболее лакомый кусок отечественного рынка мобильной телефонии. В сфере сотовой связи началось конкурентное соревнование. Первые зарницы «сотовых войн» встали над столицей — в сентябре 1992 г. в Москве была зарегистрирована компания «Вымпелком», которая с лета

1994 г. стала предоставлять услуги сотовой связи под торговой маркой «Билайн», а осенью 1993 г там же был зарегистрирован новый сотовый оператор — компания «Московские ТелеСистемы» (МТС). Впрочем, «северная столица» отстала не намного — летом 1993 г. в Санкт-Петербурге, была создана компания «Северо-Западный GSM».

С другой стороны, синхронно с вышеописанным процессом, сотовая связь пошла вширь, захватывая новые регионы. Местные операторы сотовой связи пользовались всеми преимуществами монопольного положения, но в то же время они были вынуждены, в значительной степени, формировать рынок, объясняя потенциальным клиентам, что такое сотовая телефония и зачем она вообще нужна. Весной 1994 г. была создана компания «Уралсвязьинформ» (Пермь), летом 1994 г. создание в Иркутске сотового оператора Байкалвестком дало старт развитию сотовой телефонии в Восточной Сибири, в октябре 1994 г. с открытием во Владивостоке компании АКОС сотовая связь пришла на российский Дальний Восток, осенью 1995 г. создана «Парма Мобайл» (Коми). В Поволжском регионе этот процесс принял еще более интенсивный характер.

Таблица 1

Начало коммерческой эксплуатации сотовой связи в регионах Поволжья*

Регион	Аналоговые стандарты NMT/AMPS	Цифровой стандарт GSM
Нижний Новгород	Февраль 1994 г. — «ПССР» (AMPS)	Конец июня 1995 г. — «НСС»
Мари Эл	26 января 1996 г. — «Мар Мобайл» (AMPS)	10 июля 2001 г. — «Элайн»
Татарстан	4 мая 1994 г. — «Татинком» (AMPS)	3 марта 1999 г. — «Таифтелком» («Сантел»)
Ульяновская область	11 сентября 1995 г. — «Сотел-Ульяновск» (NMT)	1 июля 1999 г. — «Ульяновск-GSM»
Самарская область	27 декабря 1994 г. — «Би Лайн Самара» (AMPS)	апрель 1996 г. — ЗАО «СМАРТС»
Саратовская область	1994 г. — «Саратовская система сотовой связи» (NMT)	25 августа 1999 г. — «МегаФон»
Чувашия	30 апреля 1995 г. — «Чувашия Мобайл» (AMPS)	1 апреля 1999 г. — СМАРТС «Шупашкар-GSM»

* *Источник*: *Радченко А.* История сотовой связи в Чувашии // На связи.ru: [сайт]. URL: http://www.na-svyazi.ru/public/history-mobile01.htm

Как видим, в Поволжском регионе сотовая телефонизация проходила как бы в два приема — сначала аналоговые сотовые системы позволяли попробовать потребителю новую услугу «на вкус», а затем приходили операторы стандарта GSM, и «первопроходцам» приходилось или также переходить на цифровой стандарт, или уходить с рынка вообще.

Надо сказать, что вопрос с динамикой преобладания сетей того или иного стандарта заслуживает более детального анализа.

БИТВА СТАНДАРТОВ — NMT-450, AMPS, GSM

Дело в том, что вопрос об организации любой радиотелефонии (и сотовой — в том числе) в первую очередь упирается в получение государственной лицензии на ведение работ в такой-то местности в таком-то стандарте связи. Следует учитывать, что государственные структуры при выдаче такой лицензии должны учитывать сразу несколько взаимовлияющих факторов.

Важнейшим правовым актом при лицензировании нового оператора сотовой связи является выделение ему определенного диапазона частот, в котором будут работать телефоны того стандарта, который этот оператор планирует использовать. Однако незанятых диапазонов весьма немного. В результате, чтобы выделить сотовому оператору новую частоту, как правило, приходится сперва эту частоту «очистить», то есть, говоря попросту — у кого-то отнять, так что практически всякий раз выделение лицензии новому оператору подразумевает достаточно долгий и напряженный период разнообразных административных и юридических споров, согласований и переговоров.

Помимо этого, существует проблема конкуренции на сотовом рынке. Если в каком-то регионе уже существует оператор сотовой связи, следует ли государству выделять на этот регион лицензию второму оператору? А третьему? А тридцать третьему? Надо сказать, что и на Западе вопрос о том, сколько, собственно, стране нужно операторов сотовой связи и почему именно столько, был решен далеко не сразу. Скажем, в Великобритании в 1990-х годах регулирующий орган страны отметил, что резкий рост числа абонентов сотовой связи начался как раз после того, как число операторов возросло с 2 до 4. Но этот самый регулирующий орган никак не мог понять, почему при четырех операторах цены на сотовую связь в Великобритании все равно выше, чем в странах скандинавского полуострова, где операторов явно меньше? [2]

В Российской Федерации основы государственного регулирования сотовой телефонии были заложены в 1992 г., когда стандарты сотовой связи NMT-450 и GSM получили статус «федеральных»,

то есть — разрешенных к использованию в масштабах всей страны. Стандарт AMPS не совсем вписывался в уже существующую систему распределения частот, поэтому его одобрение шло с изрядным скрипом, и в конце концов данный стандарт был вынужден ограничится статусом регионального. Наконец, в 1993 г. была принята «Концепция программы Российской Федерации в области связи», которая определила, в общих чертах, принципы вхождения мобильных телекоммуникаций в общегосударственную систему связи России и условия их работы на отечественном рынке услуг связи. В 1998 г. статус федерального, наряду с GSM-900, получил и стандарт GSM-1800 (см. табл. 2).

Таблица 2

Распространение сотовой связи различных стандартов в Москве (Московской области) и Санкт-Петербурге (Ленинградской области)*

Регион	Стандарт	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
Москва и Московская область	NMT-450	—	2415	4774	8000	22 000	30 088
	GSM	—	—	—	425	3092	18 615
	AMPS			1000	6500	21 379	57 250
Санкт-Петербург и Ленинградская область	NMT-450	300	3585	4000	5000	12 877	18 580
	GSM				1700	7900	24 275
	AMPS					3500	10 000
Всего по двум регионам		300	6000	9774	21 625	70 748	158 808

* *Источник*: Связь-1996. — М., 1997. — С. 39.

Если на 1 января 1996 г. насчитывалось 88,5 тыс. абонентов сотовой связи, то на 1 января 1997 г. это число возросло до 223 тыс. чел, в том числе:

— NMT-450 — 68 450 абонентов в 47 регионах;
— GSM — 53 896 абонентов в 17 регионах;
— AMPS — 100 566 абонентов в 38 регионах.

Надо отметить, что одновременное широкомасштабное использование сразу трех стандартов сотовой телефонии являлось довольно специфической чертой российского сотового рынка, не характерной для большинства зарубежных стран[3]. На тот момент в Московской и Петербургской агломерациях существовало достаточно четкое деление — каждый оператор поддерживал свой стандарт связи. Так, в

Санкт-Петербурге «Дельта Телеком» использовала NMT-450, а «Северо-Западный GSM», как следовало из названия компании, делал ставку на панъевропейский стандарт GSM. В Москве «Билайн» развивал связь в стандарте AMPS; МСС выступал проводником скандинавского пути, а МТС базировался на GSM. Собственно, эта структура сотового рынка двух крупнейших российских мегаполисов сохранилась без особенных изменений до самого кризиса 1998 г. В регионах ситуация была несколько иная. По большому счету, она сводится к поволжскому сценарию, описанному выше. Сначала на первый план вышли компании, использовавшие аналоговые системы, но во второй половине 1990-х их вытеснили сторонники GSM. Во всероссийском же масштабе ситуация складывалась так (см. табл. 3):

Таблица 3

Удельный вес различных типов и стандартов радиотелефонной связи общего пользования в первой половине 1990-х годов (%)*

Тип и стандарт	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.
«Алтай»	98,5	81,0	74,0	52,8	19,8	7,0
NMT-450	1,5	19,0	23,4	22,9	35,0	26,0
AMPS	—	—	0,6	20,6	29,0	39,0
GSM				0,7	11,0	21,0
Радиальные и радиально-зоновые системы					5,2	7,0
Всего пользователей (чел.)	20 250	31 521	38 391	58 753	118 026	259 643
Из них пользователей сотовой связи	304	5989	9214	25 969	88 519	223 293
Прирост числа пользователей сотовой связи к прошлому году (%)	—	1870,1	53,8	181,8	240,9	152,3

* *Источник*: Связь-1996. — М., 1997. — С. 41.

В России коммерческое использование сотовой связи началось в 1991 г. в Санкт-Петербурге с аналогового стандарта NMT-450, характерного для Северной Европы. Это дало сетям скандинавского стандарта некоторую фору на старте, однако к середине десятилетия пик развития подобных сетей прошел. В принципе, от сетей стандарта GSM можно было бы ожидать и большей «резвости», однако их развитие в России столкнулось с неожиданным техническим затруднением. Частота 900 МГц, на которую претендовала радиотелефония этого стандарта, была в РФ уже занята аэронавигационными службами[4]. Пришлось немало потрудиться, чтобы «расшить» это «узкое место».

Кроме того, обращает на себя внимание скорость, с какой в России осваивали новые стандарты сотовой связи.

Таблица 4

Начало практической эксплуатации стандартов сотовой связи в мире и в России*

Стандарт	Начало эксплуатации в	
	мире	России
NMT-450	1981 г.	1991 г.
AMPS	1983 г.	1992 г.
GSM-900	1992 г.	1994 г.
GSM-1800	1994 г.	1999 г.
CDMA	1996 г.	1997 г.

* Источник: Связь-98. — М., 1999. — С. 30.

Как видно из табл. 4, если в начале 1990-х годов отставание России составляло около 10 лет, то к концу десятилетия Запад обгонял Россию по внедрен ию передовых стандартов едва на 1—2 года.

При этом стандарты, используемые на отечественном сотовом рынке, имели тенденцию к расширению. Например, с 1997 г. «Билайн» начал развертывание в Москве сети стандарта GSM, но с тактовой частотой не 900, а 1800 МГц.

Такой «разнобой» в стандартах сотовой связи сделал в России особенно популярными модели сотовых телефонов для работы в нескольких диапазонах и режимах (GSM-900/GSM-1800, AMPS/CDMA и др.). Такие аппараты получили название «дуальных трубок».

К концу десятилетия приоритеты сотового рынка окончательно определились в пользу стандарта GSM с несущей частотой 900 и 1800 МГц. В 1997—1998 гг. были выданы лицензии на сотовую радиотелефонную связь в диапазоне:

Таблица 5

Количество лицензий на радиотелефонную связь по диапазонам в России в 1997—1998 гг.*

Вид радиотелефонной связи	1997 г.	1998 г.
Сотовая		
450 МГц	18	17
800 МГц	8	8
900 МГц	25	25
1800 МГц	0	16
Другие виды	36	0

* *Составлено по*: *Попов Н.М.* Лицензионная деятельность // Связь-97. — М., 1998. — С. 23; Связь-98. — М., 1999. — С. 17.

Как видим, «сотовики» голосовали за прогрессивный стандарт рублем, будучи готовы платить в первую очередь именно за наиболее современные технические решения.

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ. 1997—1998 ГГ.

Сотовая связь продолжала оставаться, в первую очередь, принадлежностью двух основных мегаполисов страны — Москвы и Санкт-Петербурга. При этом следует отметить интересную особенность. На 1997 г. на Москву приходилось 175 тыс. абонентов, а на Москву и Московскую область — 231 тыс. При этом в Санкт-Петербурге насчитывалось 100 тыс. пользователей мобильной телефонии, а в Санкт-Петербурге и Ленинградской области вместе — лишь 110 тыс.[5] Таким образом, можно сказать, что наряду с собственно Москвой, Московская область сама по себе была довольно существенным сотовым рынком, располагавшим более, чем 55 тыс. абонентов. При этом все остальные регионы России (кроме Москвы и Санкт-Петербурга) располагали лишь 165 тыс. абонентских подключений, то есть Московская область насчитывала примерно треть всех «региональных» абонентов.

Таблица 6

Развитие мобильной телефонии в 1997—1998 гг. (на конец года)*

Тип сетей	Число абонентов		
	1997 г.	1998 г.	прирост
Сотовые	484 873	747 161	262 288
«Алтай»	17 672	14 838	2834
Радиальные и радиально-сотовые	24 956	31 932	6976
Персонального радиовызова	360 017	383 857	23 840

* *Источник*: *Рокотян А.Ю.* Электрическая связь // Связь-98. — М., 1999. — С. 30.

Как видим, темпы развития сотовых сетей оставляли все прочие виды радиотелефонии далеко позади. Даже бурное развитие систем персонального радиовызова не могло поколебать лидерства сотовой телефонии.

При этом продолжали доминировать сети стандарта AMPS, однако темпы роста сетей стандарта GSM-900 были намного выше:

Таблица 7

Темпы роста мобильных телефонных сетей разных стандартов*

Тип	На 01.01.1997 г.	На 31.12.1997 г.	На 31.12.1998 г.
NMT-450	68 540 абонентов в 47 регионах	136 048 абонентов в 55 регионах	200 736 абонентов в 58 регионах
GSM-900	53 896 абонентов в 17 регионах	151 705 абонентов в 30 регионах	301 071 абонентов в 42 регионах
AMPS	100 566 абонентов в 38 регионах	186 130 абонентов в 47 регионах	226 132 абонентов в 50 регионах
GSM-1800	—	11 000 абонентов в 2 регионах	19 252 абонентов в 55 регионах

* *Источник*: *Юрасова Л.В.* Подвижная связь // Связь-97. — М., 1998. — С. 39; *Рокотян А.Ю.* Электрическая связь // Связь-98. — М., 1999. — С. 30.

С другой стороны, доминирование стандарта AMPS относилось к наибольшему числу абонентов, но при этом наибольший охват (по числу охваченных регионов) продолжал оставаться прерогативой стандарта NMT-450. Это позволяло пользователям телефонов этой системы располагать внутрироссийским роумингом в 1997 г. в 120, а в 1998 г. — уже почти в 400 российских городах. Правда, с роумингом международным было намного хуже — если стандарт GSM-900 обеспечивал международный роуминг в 50 странах мира, то NMT-450 — только в 11. В начале 1998 г. в России были выданы 16 лицензий (по 2 на каждый из регионов сотового вещания: Северный и Северо-Западный, Москва и Московская область, Центральный и Центрально-Черноземный, Поволжский, Северо-Кавказский, Уральский, Сибирский, Дальневосточный) на предоставление услуг сотовой связи в диапазоне 1800 МГц, однако на тот период этот стандарт еще не играл существенной роли в отечественной сотовой телефонии.

В целом, рост сотовой связи продолжался, но, надо отметить, темпы его несколько снизились.

Таблица 8

Нарастание абонентской базы сотовой телефонии в России*

Абонентская база	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.
Число абонентов, тыс.	88,5	223,0	484,8	747,2
Прирост к прошлому году (%)	240,9	152,0	117,4	54,1

* Связь и информатизация в Российской Федерации, 2000 год: федеральный справочник.— М., 2001. — Вып. 1. — С. 470.

Очевидно, что в первой половине 1990-х годов фаза «снятия с рынка сливок» закончилась, и объемы клиентов, готовых платить за мобильную связь любые деньги, — исчерпались. Даже если бы в 1998 г. на страну не обрушился бы экономический кризис, с высокой долей вероятности можно предположить, что на рубеже тысячелетий ведущим игрокам сотового рынка так или иначе пришлось бы менять свою ценовую политику и искать новые маркетинговые шаги для наращивания абонентской базы.

Как ни странно, хотя количество абонентов систем связи «советской генерации» сократилось, в целом система «Алтай», а также родственные ей системы ВОЛЕМОТ, «Старт», «Карт-4-Алтай», «ЛЕСКО» и др. — сохранили свою нишу на рынке. В 1995 г. сети системы «Алтай» работали в 122 городах и охватывали 25 тыс. абонентов; в 1997 г. в 7 городах функционирование аппаратуры «Алтай» было прекращено, а абонентская база сократилась до 18 тыс. чел. Правда, еще в 5 регионах работала система ВОЛЕМОТ, а в 6 — аналогичная система «Старт», однако суммарный охват этих мобильных систем связи едва приближался к 2 тыс. абонентов[6]. Казалось, дни досотовых систем связи сочтены, но на этом уровне падение резко замедлилось. Хотя набор услуг в этих сетях был явно меньше, чем в сотовых, из-за относительной дешевизны досотовая связь оставалась привлекательной если не для частных потребителей, то для мелких административных структур и городских служб — безусловно. Более того, в дни августовского кризиса 1998 г. было замечено определенное «перетекание» пользователей, для которых сотовая связь внезапно оказалась «не по карману», в разряд абонентов «Алтая». Дело в том, что малая стоимость оборудования и отсутствие зависимости от зарубежных поставщиков позволило владельцам отечественных систем связи оставить тарифы неизменными, что летом 1998 г. рассматривалось как очень важное преимущество. Нельзя сказать, чтобы процесс смены сотового телефона на терминал «Алтая» был бурным и повсеместным, но сам факт такого перетекания имел место быть[7].

Достаточно интенсивно продолжались работы по организации государственного регулирования мобильной телефонии. В 1998 г. Управление электрической связи разработало Правила оказания услуг подвижной связи. Этот документ был подготовлен в инициативном порядке, так как соответствующего поручения из правительства не поступало. Тем не менее, Государственный комитет по связи и информатизации, проанализировав ситуацию на рынке и учитывая крупнейших операторов сотовой и мобильной связи, счел необходимой разработку и принятие подобного нормативного акта, так как целый ряд гражданско-правовых вопросов взаимоотношений операторов

и потребителей услуг сотовой связи на тот момент вообще никак не регулировались. В том же году Государственная комиссия по электросвязи при Госкомсвязи России (ГКЭС) рассмотрела вопрос о создании российского сегмента глобальной системы спутниковой телефонии «Иридиум». Было решено, что российский сегмент вполне может быть создан — но при условии соблюдения ряда важных условий, и в первую очередь обеспечения информационной безопасности и реализации Системы оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ)[8].

ЭПОХА «МАЛИНОВЫХ ПИДЖАКОВ»

Время до кризиса 1998 г. можно характеризовать как период абонентов в «малиновых пиджаках». Количество абонентов было невелико, и они были готовы выкладывать тысячи долларов в месяц за пользование сотовым телефоном. В сентябре 1991 г. в Петербурге (единственное место в России, где тогда можно было купить сотовый телефон) мобильные аппараты продавались по 1995 долл. за штуку. Подключение стоило столько же, в качестве аванса за эфирное время брали еще несколько сотен долларов, плюс некую сумму в качестве залога[9]. Всего в сумме абоненту требовалось выложить «на бочку» примерно 5 тыс. долл., что даже сейчас выглядит достаточно весомой тратой, а уж в те годы представлялось суммой просто заоблачной. По большому счету, сотовые операторы 1991—1993 гг. действовали по классической схеме «снятия сливок» с рынка. Расчет был на то, что состоятельные бизнесмены и корпоративные клиенты, для которых оперативная связь жизненно необходима, пойдут на любые расходы. По мере исчерпания рынка «куплю за любые деньги» началось аккуратное снижение планки, и к 1997—1998 гг. цена «входного билета» сотовых услуг понемножку съежилась с 5 тыс. до 5 сотен долларов. Правда, и эта сумма была неподъемна для подавляющего большинства населения, но, по крайней мере, теперь услуги сотовой связи уже не выглядели исключительным атрибутом долларовых миллионеров.

Даже в 1997 г., когда процесс продвижения сотовой телефонии на отечественный рынок уже несколько вошел в цивилизованные рамки, стоимость 1 минуты разговора в Москве и Московской области в среднем составлял 52 цента, а в Санкт-Петербурге и Ленинградской области — 32 цента. В среднем по России стоимость минуты разговора по сотовому телефону составляла 40 центов, а стоимость подключения к сети оператора колебалась от 10 долл. в Центральном и Центрально-Черноземном районах до 1500 долл. в дальневосточном регионе[10]. В 1995 г. в Чувашии (отнюдь не самом богатом регионе России) для

того, чтобы стать пользователем сотовой связи, надо было заплатить 2200 долл.[11] Притом средняя зарплата по стране на тот момент составляла около 25—30 долл. в месяц. Фактически «входной билет» в сотовую телефонию стоил потребителю порядка 6-летней средней зарплаты. Неудивительно, что мобильный телефон рассматривался тогда как атрибут нуворша, а услуги сотовой связи позиционировались как элемент элитного обслуживания. Недорогое сетевое оборудование очень быстро окупилось и приносило операторам сверхприбыль. Средний слой населения на тот момент отнюдь не входил в число приоритетных интересов сотовых компаний, а клиенты с низким уровнем доходов операторов и вовсе не интересовали. Реклама того времени всячески подчеркивала социальную значимость и престижность сотового телефона как символа принадлежности к «высшим слоям общества»[12]. Лишь к 1998 г. стали появляться отдельные модели сотовых телефонов с умеренной ценой, да и стоимость подключения и обслуживания медленно (очень медленно) поползла вниз. Начался постепенный дрейф от концепции «мобильный телефон — предмет роскоши» к трактовке «мобильника» как обиходного устройства, вполне доступного и среднесостоятельным гражданам. Не в последнюю очередь этому способствовало и нарастание насыщенности территории страны компаниями, желающими предложить услуги сотовой телефонии. Времена, когда можно было установить первую и единственную на территории области базовую станцию — и стричь купоны — кончился. К концу десятилетия сотовый бизнес в России стал уже в значительной степени конкурентным. В более чем 80-ти регионах был заявлен хотя бы один оператор, а почти в $^2/_3$ из них работали два или более оператора[13]. Конкурентная борьба естественным образом вынуждала операторов снижать цены в борьбе за потребителя. Правда, до «дефолта» 1998 г. эта тенденция носила очень «мягкий» и плавный характер.

КРИЗИС 1998 Г. КАТАСТРОФА ИЛИ НОВЫЙ СТАРТ?

Кризис 1998 г. буквально обрушил сотовый рынок России. По оценкам экспертов, рынок сотовой телефонии в течение считанных месяцев сократился наполовину[14]. Характерным можно считать пример ситуации в Чувашии. Если на 17 августа 1998 г. в Чувашии было 1563 абонента сотовой связи, то после кризиса количество активных пользователей сократилось до 800 человек.

Многие абоненты не то что бы перестали оплачивать счета вообще, — но платили с опозданием на две-три недели. За счет галопирующей инфляции такие выплаты «по докризисным ценам» обесценивались с каждым днем просрочки[15].

Значительная часть иностранцев покинули страну, в результате чего абонентская база многих операторов резко сократилась. По оценке сайта «Сотовик», в среднем по стране отток клиентов мобильной связи составил 20%, но в отдельных регионах эта цифра могла достигать отметки 50%. Уже через полгода после «дефолта» ряд экспертов в своих прогнозах сделали предположение, что для сотового рынка кризис обернется длительной стагнацией, последствия которой придется преодолевать в течение 3—5 лет[16]. На уровень докризисного роста сотовые компании смогли вернуться только в 2001 г., то есть августовский кризис отбросил рынок мобильной связи примерно на 3 года назад. В результате кризиса клиентская база не просто сократилась — была заложена основа ее качественной коррекции. Отныне сотовые операторы не могли существовать за счет сотен «малиновых пиджаков». Начались «ценовые войны» за клиента среднего уровня достатка.

К концу 1999 г. число абонентов сотовой связи в России достигло 1,4 млн. человек. Ею были охвачены почти все субъекты федерации, за исключением Чечни и Тувы. 60% абонентов приходилось на сети стандарта GSM[17] — их было уже 810 тыс. Абонентов NMT-450 было 230 тыс. человек, а абонентская база сетей стандарта AMPS доросла до 300 тыс.[18] Число абонентов «Алтая» и подобных сетей продолжало сокращаться. На первый взгляд, кризис мало повлиял на сотовый рынок — прослеживались практически все те же тенденции, которые уже просматривались с середины 1990-х годов. Однако с точки зрения структуры рынка ситуация начала резко меняться.

Период «вольницы и анархии» приходил к концу. Выделились вырвавшиеся далеко вперед лидеры и плотно идущий за ними «пелетон». Худо-бедно определились сферы влияния, рынок тоже вроде бы стабилизировался. Но стабилизировался в конфигурации, очень отличающейся от привычной нам сегодня. По сути, крупнейшие операторы интересовались только ситуацией в Москве и Петербурге. Все места в провинции были поделены и очень жестко защищались региональными монополистами. Самара была вотчиной компании «СМАРТС», Екатеринбург — «Уралвесткома», Нижний Новгород контролировался «Нижегородской сотовой». В Петербурге, в свою очередь, тоже не приветствовали московских операторов. Попытки московских компаний МТС и «Вымпелкома» закрепиться на Петербургском рынке сотовой связи вплоть до 2001 г. заканчивались ничем. А вот в самой Москве вплоть до конца XX в. борьба за лидерство не прекращалась при очевидном лидерстве «Вымпелкома» (124 тыс. абонентов) и МТС (113 тыс. абонентов). «Московская сотовая связь» (МСС), ранее находившаяся на первых ролях, со своими 90 тыс. абонентов теперь вынуждена была отойти на третий план.

Таблица 9

Удельный вес крупнейших операторов сотовой связи на рынке России в 1999 г.*

Компания	Доля рынка сотовой связи (%)
Вымпелком	27,6
МТС	22,7
Северо-западный GSM	9,8
МСС	6,8
Дельта Телеком	3,9
СМАРТС	1,7
Нижегородская сотовая связь	0,8
Остальные операторы	26,6

* *Источник*: Связь-99. — М., 2000. — С. 29—30.

Три московских оператора контролировали свыше половины всей абонентской базы страны. Следует также выделить две важные тенденции сотового рынка того времени. С одной стороны, сотовые операторы делились на ясно выраженные группы. К своеобразной «высшей лиге» относились «гранды» («Вымпелком» и МТС). Далее шли крупные компании (Северо-западный GSM и МСС), чьи доли пусть и не дотягивали до 10% рынка, но балансировали предельно близко к этой отметке. Далее шли компании регионального значения, которые не играли существенной роли во всероссийском масштабе, но контролировали местные сотовые рынки. Наконец, существовало большое число мелких операторов, на федеральном уровне практически незаметных. С другой стороны, степень концентрации и монополизации рынка была еще сравнительно невелика — именно эти «незаметные» операторы «местного значения» совокупно обеспечивали четверть российских абонентов услугами сотовой связи.

Особо следует обратить внимание на процесс деконцентрации сотового рынка. На 2000 г. мобильная телефония России была даже не то чтобы сосредоточена преимущественно в Москве и Санкт Петербурге, — она, по сути, была исключительным атрибутом двух столиц. На все прочие регионы России приходилось лишь около одной пятой абонентской базы страны. Однако за каких-то два года ситуация изменилась кардинально. Хотя большинство пользователей абонентской связи по-прежнему проживали в двух крупнейших мегаполисах, удельный вес региональных абонентов был уже вполне сопоставим с долей двух крупнейших городов.

Таблица 10

Распределение абонентов сотовой сети (млн. абонентов)*

Абоненты	2000 г.	2001 г.	2002 г.
Москва и Санкт-Петербург	2,3	5,7	9,5
Регионы	0,49	2,21	8,2

* *Тимошенко Л.С.* Экономическая и инвестиционная политика // Министерство Российской Федерации по связи и информации. Итоги 2002 г. — М., 2003. — С. 29.

В конце 1990-х годов, казалось, ничто не предвещало не то что бурного, а вообще какого-либо роста сотовой связи. Традиционно после кризиса приходит период депрессии, в ходе которого экономика мучительно собирает силы для нового рывка. Сотовая связь на тот момент трактовалась как услуга из категории черт фешенебельной жизни высших слоев общества. В лучшем случае можно было ожидать сравнительно малого снижения спроса, ибо все-таки основной удар кризиса обрушился не на «новых русских», а на основную массу населения России, но — бурный рост рынка? Откуда, за счет каких слоев потребителей? И тем не менее, маленькое чудо свершилось — именно 1999 г. стал началом стремительного, можно сказать, взрывообразного расширения отечественного сотового рынка.

На то было немало причин. В борьбе за клиента сотовые операторы пошли на беспрецедентное снижение цен. Средняя стоимость за минуту соединения опустилась ниже 30 центов. В начале лета 1999 г. компания «Вымпелком» запустила в коммерческую эксплуатацию сотовую сеть в стандарте GSM 900/1800, который стал одним из крупнейших инвестиционных проектов, на полное развертывание которого предполагалось 5 лет. Исходя из трезвого взгляда на состояние экономики и другие ведущие операторы сотовой связи стали делать ставку на средние слои[19]. Если сложившиеся в «лихие 90-е» цены были для подавляющего большинства россиян неподъемны: следовало не гнаться за считанными «золотыми» контрактами, а ставить на поток контракты дешевые. Разумеется, это ставило на повестку дня целый ряд вопросов, которые следовало решать немедленно: новые тарифные планы; новые, бюджетные, модели телефонов; новые схемы дистрибуции; в конце концов, новые рекламные приемы. Но тот, кто не побоялся вызова, стали новыми законодателями мод на сотовом рынке. А те, кто хотел действовать по привычным алгоритмам, были обречены в конкурентной борьбе. Можно сказать, что устранение монополизма, развитие конкуренции стало мощным стимулом развития сотовой связи в стране.

В январе 1999 г. минута разговора на сотовом телефоне, без учета НДС, в «Вымпелкоме» («Билайн») стоила не менее 46 центов (на

тот момент это была наименьшая цена на рынке), а к декабрю МТС снизила минимальную стоимость минуты до 15 центов. Если в начале года самый дешевый контракт на подключение стоил 22 долл. (МТС предоставлял по этому контракту 40 минут эфирного времени в месяц), то в конце года самый дешевый контракт (в той же в МТС) стоил уже всего 14,4 долларов. Характерно, что до кризиса типичной суммой, уходившей на мобильную телефонию у одного пользователя, было 250—300 долларов в месяц, то к концу 1999 г. эта цифра съежилась до 100 долл., а вскоре эта цифра сократилась вдвое. Еще в октябре 1998 г. «Билайн», стремясь закрепиться на новом сегменте рынка, запустил в продажу комплект услуг «БИ-ПЛЮС», рассчитанную на клиентов сравнительно невысокого уровня доходов. Изюминкой проекта было применение предоплаченных дебетовых карт.

Летом 1999 г. «Билайн» навсегда попрощался со стандартом AMPS и запустил в эксплуатацию сети стандартов GSM-900 и GSM-1800. А осенью 1999 г. «Билайн» объявил о начале «эпохи массового телефона». Столь громкое заявление базировалось на двух основаниях. Во-первых, вводилась посекундная тарификация, что позволяло снизить расходы одного потребителя примерно на 20%. А во-вторых, началась дистрибуция сотового телефона “Philips Aeon” стоимостью всего 49 долл. (включая все налоги), в комплекте с телефоном была и карта оплаты услуг «Билайн» номиналом 10 долл. По меркам тех лет это было не просто дешевое, а какое-то даже нереальное предложение. Для сравнения — пейджер с подключением в 1999 г. стоил примерно в полтора раза больше. Собственно говоря, это обстоятельство и подкосило пейджинговую связь в России окончательно. Одновременно сотовые компании стали вводить в оборот федеральные номера — они обходились и операторам, и пользователям дешевле, чем «прямые». В общем-то, операторы получили такие номера еще летом 1998 г., но не спешили выбрасывать их на рынок, пока гром не грянул, а кризис не заглянул через плечо. Наконец, именно в 1999 г. и МТС, и «Вымпелком» сделали бесплатными внутрисетевые входящие звонки.

Практически одновременно с МТС и «Билайном» в гонку за «дешевым клиентом» вступила и МСС, причем ее предложения на первых порах были едва ли не самыми радикальными. Начнем с того, что именно МСС первой — еще осенью 1998 г. — ввела тариф с бесплатными внутрисетевыми входящими звонками, а весной 1999 г. по одному из тарифных планов этой компании в вечернее время минута разговора стоила всего 11 центов, что в докризисный период могло рассматриваться разве что в качестве анекдота. Однако несмотря на все маркетинговые усилия, кризисные события компания МСС не пережила. Стремительно устаревающий стандарт NMT-450 явно уступал

сетям GSM и по качеству связи, и по пропускной способности. Кроме того, новый стандарт имел явные преимущества в плане роуминга. Собственно говоря, «Вымпелком» успел «проскочить» со сменой стандарта практически в последний момент, но для этого работы по смене стандарта требовалось начать в 1996—1997 гг. МСС же не уделил этому вопросу надлежащего внимания, в результате чего запоздал не то что бы катастрофически, а — навсегда. В начале XXI в. МСС была поглощена АФК «Система» и вошла в состав компании «Скайлинк».

Если в 2000 г. в России насчитывалось 3,4 млн. абонентов[20] сотовой связи, а уровень «проникновения» в России был 2,3%, то к концу 2001 г. он уже составил 5,3%, а общее число абонентов сотовой связи возросло до 7,8 млн. чел.[21], что было в три раза выше сводных показателей роста промышленности страны[22]. В значительной мере этот рост был обусловлен нараставшим потоком инвестиций в региональные проекты операторов сотовой связи. На 1 января 2002 г. уже 85% всех абонентов сотовой связи в России пользовались сетями стандарта GSM[23]. Удельный вес сетей стандарта NMT-450 сократился до 5%, однако и там продолжался рост абонентской базы в абсолютных цифрах. Так, в 2001 г. сотовой телефонией скандинавского стандарта воспользовалось еще около 100 тыс. новых абонентов. МСС первой среди отечественных операторов получила разрешение на развертывание сети стандарта CDMA-450. Доля абонентов сетей стандарта AMPS к концу 2001 г. составила около 10%, то есть порядка 800 тыс. человек. Однако было очевидно, что дни сетей этого стандарта уже сочтены. Правительство страны понимало, что процесс адаптации этого сегмента сотового рынка к новым реалиям требует определенного государственного патронажа, поэтому Министерство связи получило предписание взять данную ситуацию под непосредственный контроль. Согласно Меморандуму о взаимопонимании между Минсвязи РФ и предприятиями — операторами сотовой связи в стандарте AMPS, подписанному 28 апреля 2001 г., из 50 действующих операторов этого стандарта 31 получили лицензии на право развертывания сетей стандарта GSM-1800. В целях дальнейшего развития сетей стандарта GSM Совмин РФ в ноябре 2001 г. распорядился о проведении работ по переводу из частотной полосы 890—960 МГц в другие полосы частот наземного и бортового оборудования радиотехнических систем ближней навигации и посадки[24].

На конец 2002 г. общее число абонентов сотовой связи составило уже 17,7 млн. чел., а «проникновение» — 12%[25]. При этом уже 92% абонентов сотой связи пользовались сетями GSM[26]. В конце 2002 г. «Дельта Телеком» официально заявила об открытии в Санкт-Петербурге новой цифровой сотовой сети «Скайлинк», работавшей

в рамках стандарта CDMA-450. Впрочем, предоставление услуг в стандарте NMT-450 продолжалось параллельно с работой цифровой сети. К этому моменту сети стандарта AMPS резко сократили свое представительство и составляли всего 5,5%[27].

В ПОГОНЕ ЗА МАССОВЫМ ПОТРЕБИТЕЛЕМ

В результате внедрения стратегии «массового телефона» МСС и мелкие региональные операторы начали быстро выходить из игры, проигрывая конкурентное состязание. Борьба за клиента привела к жестким ценовым войнам и постоянному падению средней расчетной цены минуты разговора. За 2002—2004 гг. МТС снизила эту цену с 0,144 долл. за минуту до 0,078; «Билайн» — с 0,173 до 0,105; а «Мегафон» — с 0,183 до 0,077[28]. Московские сотовые операторы наконец вышли за пределы МКАД и начали наступление на регионы, и что примечательно — на Петербург. В 2003 г. «Билайн» начал подключать к своей сети абонентов северной столицы, а уже к январю 2005 г. абонентская база «Билайна» в Санкт-Петербурге достигла отметки в миллион пользователей[29]. Тем самым продолжалось победное шествие стандарта GSM по стране. Впрочем, МТС и «Билайн» недолго были единственной парой, успешно овладевших тонкостями телефонии в этом стандарте. В конкуренцию вступил «Мегафон». Компании быстро перешагнули отметку в миллион пользователей, и, не снижая темпов роста, двинулись вперед. Ежегодно количество владельцев мобильных телефонов более чем удваивалось, и это безостановочное наращивание абонентской базы вошло в сколь-нибудь привычные рамки лишь после того, как в стране было продано около 100 млн. симкарт.

Еще одним важным изменением стало появление на рынке недорогих цифровых телефонных аппаратов, стоимость которых находилась в пределах от 250 до 300 долларов, что стало доступно большой части работающего населения. На рынке появились несколько категорий мобильных телефонов: бюджетные, бизнес-телефоны, имиджевые, большей частью приспособленные под стандарт GSM.

В 2003 г. число абонентов сотовой связи впервые в России превысило численность пользователей фиксированной телефонии, что стало еще одним шагом к переходу отечественного рынка связи на новую ступень. Сотовыми телефонами к этому моменту пользовалось уже 36 млн. человек[30], а уровень проникновения достиг отметки 24,7%. В 2004 г. фаза скоростного захвата новых сегментов рынка беспроводной связи практически подошла к концу, уступив место тактической и стратегической борьбе за клиента[31]. В 2004 г. абонен-

тов было уже 72 млн., а уровень проникновения — 50% (в Москве — 100%)[32]. Руководство Министерства информационных технологий и связи РФ прогнозировало, что рубеж в 100 млн. пользователей сотовой связи будет преодолен не позднее конца 2005 г.[33] Но действительность превзошла все ожидания. Хотя в 2005 г. темпы роста сотовой связи несколько снизились ввиду первичного насыщения рынка, но «проникновение» в тот год составило уже 84%[34], а число абонентов выросло до 130 млн. человек[35]. Услуги мобильной связи стали были доступны населению практически на всей территории России[36].

Прирост происходил преимущественно в регионах, так как в Москве и Санкт-Петербурге «проникновение» достигло уже отметок в 131 и 114 мобильных телефонов на 100 жителей соответственно, что сигнализировало о насыщении рынка этих мегаполисов. По оценкам агентства «Сотовик», к этому моменту Россия по числу официально зарегистрированных абонентов сотовой связи вышла на третье место в мире, пропустив вперед только Китай и США[37]. Впрочем, там же делается оговорка, что эксперты агентства предпочитают оперировать численностью активных абонентов[38], а по этому параметру Россия в 2005 г. была лишь четвертой, пропуская вперед еще и Японию. Впрочем, вне зависимости от места — третье или четвертое — это в любом случае была грандиозным достижением. Страна, которая, казалось, безнадежно опоздала к началу сотовой эры, не только наверстала упущенное, но и ворвалась в группу лидеров!

Можно сказать, что в России произошел ураганоподобный рост «проникновения» сотовой телефонии. Это особенно наглядно при сопоставлении с такой экономически развитой страной Западной Европы, как Германия.

Таблица 11

Уровень «проникновения» мобильной связи в России и Германии (сим-карт на 100 жителей)*

Страна	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.
Россия	2,3	5,3	12,0	24,7	50,0	84,0	108,7	126,9
Германия	38,0	60,6	71,6	78,5	86,4	95,0	103,0	117,0

* Составлено по данным, приведенным в «Российском внешнеэкономическом вестнике» (2008. — № 5. — С. 10—11).

Очевидно, что на начало XXI в. разница в степени обеспеченности населения мобильной телефонной связью между Россией и Германией составляла даже не «разы», а «порядки». Однако темпы насыщения сотовыми телефонами в РФ были кардинально выше, и

уже к 2005 г. ситуация практически выровнялась, а с 2006 г. степень «проникновения» в России была уже даже выше. Если Германия с 2001 по 2007 г. увеличила «проникновение» мобильной связи на своей территории примерно вдвое, то Россия — в 24 раза! А во второй половине 2000-х годов по количеству подключений за год Россия стабильно занимала третье место в мире, уступая только, по понятным причинам, Китаю и Индии.

Синхронно росту «проникновения» менялось восприятие обществом мобильной телефонии. Сотовый телефон перестал ощущаться как символ принадлежности к избранным, а после массового распространения карт предоплаты, пользование «мобильником» окончательно стало простым и удобным. Трансформация от «атрибута роскошной жизни» к «товару повседневного потребления» завершилась.

Социологическое обследование абонентов Московской области в 2006 г. показало, что 90% граждан считают необходимостью иметь сотовый телефон, 75% не мыслят свою жизнь без сотового телефона. Сотовые телефоны использовались как часы, будильники, калькуляторы, игровые приспособления, фото- и видеокамеры, органайзеры, плееры, а при наличии «блютуса» (Bluetooth) подключались к таким устройствам, как персональные компьютеры, принтеры, цифровые фотоаппараты и т.д. Все абоненты использовали мобильный телефон для звонков, 80% — для передачи SMS сообщений, 40% — для роуминга. Услугами GPRS, то есть постоянным пакетным подключением к сети информационных и развлекательных услуг пользовалось 23,2%, переадресацией вызова — 17,1%, мультимедийными сообщениями — MMC (изображения, музыка, видео) — 10,5%, голосовой почтой — 5,1%, конференц-связью — 3,1%, электронной почтой — 2,5% абонентов. Правда, всего 18,8% абонентов использовали мобильную связь для выхода в Интернет. Наличие более одной симкарты мотивировалось тем, что необходимо пользоваться услугами нескольких операторов одновременно, а также для деловых переговоров, впрочем многие покупали сим-карты «на всякий случай». У половины пользователей преобладали разговоры личного характера, не исключая, однако, служебных надобностей[39].

НОВЫЙ ЭТАП РОСТА СОТОВОЙ ТЕЛЕФОНИИ

В 2006 г. число абонентов сотовой связи достигло 154,6 млн. чел. Поскольку «проникновение» уже достигло отметки 108,7%, темпы его дальнейшего роста снизились[40]. Разумеется, следует учитывать, что реальное число пользователей мобильной телефонии могло (и, кстати, и сейчас может быть) существенно ниже официально заяв-

ленного. Ввиду дешевизны подключения достаточно быстро при переезде (смена места жительства, долговременная командировка, туризм) стало выгодней не платить за роуминг, а попросту покупать местную «симку». При возвращении домой такая временная сим-карта выкидывается, но продолжает еще долго учитываться в статистических расчетах. С другой стороны, следует учитывать и то обстоятельство, что значимая доля абонентов сотовой связи в России имеет в активном пользовании более одной сим-карты, в результате чего сложность учета возрастает еще больше. Тем не менее, даже со скидкой на несовершенство учета, грандиозный рост абонентской базы (с миллиона с небольшим в 1999 г. до десятков миллионов уже в середине «нулевых») не вызывает сомнения.

Руководитель Ассоциации GSM В. Афанасьев в 2005 г. констатировал, что фаза экстенсивного роста сотового рынка близка к окончательному завершению, и отныне основой роста прибыли в этом бизнесе станет предоставление пользователям новых, особо востребованных, услуг[41]. Следующий, 2006 г. стал, в известном смысле, рубежным. Во-первых, операторы сотовой связи наконец перешли на рублевые тарифы, а во-вторых — в действие был введен принцип «платит звонящий». То, что для 1999 г. было некой тарифной экзотикой, теперь стало нормой. Причем нормой законодательной. 1 июля 2006 г. вступил в силу принятый Советом Федерации Закон «О внесении изменений в статью 54 Федерального закона о связи». С этого момента все входящие звонки в России на все мобильные телефоны не тарифицируются[42]. Аналитики подсчитали, что введение новых правил лишило сотовых операторов до 15% их годовой выручки (приблизительно 1 млрд. долларов), однако интересы качественного развития сотового рынка были важнее сиюминутной прибыли. Как показывали социологические опросы, свыше 78% жителей РФ положительно оценили введение принципа «платит звонящий»[43]. Также была установлена цена исходящих городских звонков на мобильные: 1,5 рубля, из которых мобильные операторы будут получать почти 1 рубль с каждой минуты. Это привело к глобальным структурным изменениям на всем отечественном телекоммуникационном рынке.

Важно отметить и еще один существенный момент. С технической точки зрения 2006 г. стал началом проникновения в Россию сотовой телефонии третьего и четвертого поколений. В конце 2006 г. было объявлено три конкурса на право получения лицензий на оказание услуг сотовой телефонии в стандарте UMTS, итоги которых были подведены весной 2007 г. Первоначально основным локомотивом роста инфокоммуникаций нового поколения стал

беспроводной широкополосный интернет-доступ. Уже в 2008 г. на мобильный Интернет приходилось 3,5% интернет-подключений, а сегодня ряд экспертов высказывают предположения, что со временем население станет пользоваться только мобильным доступом в Интернет.

В 2007 г. темпы роста сотового рынка еще более снизились, однако стало очевидным, что отныне основной вектор развития мобильной телефонии направлен не на экстенсивный рост. Стало происходить смещение приоритетов, все большее внимание уделяется расширению набора услуг, предоставляемых различным категориям абонентов[44]. Всего в 2007 г. начитывалось 171,3[45] млн. абонентов сотовой связи, а «проникновение» составило 126,9%[46]. Из указанных 171,3 млн. абонентов 18 млн. приходилось на Северо-Западный федеральный округ, 37,8 млн. — на Приволжский федеральный округ и 50 млн. — на Центральный федеральный округ[47], то есть именно в этих трех федеральных округах и сосредоточилось большинство отечественных пользователей сотовой телефонии.

Процесс деконцентрации продолжал развиваться — удельный вес двух важнейших мегаполисов постепенно падал под напором стремительно нараставшего числа региональных пользователей. В географическом отношении активные абоненты сотовой связи в России на конец 2008 г. распределялись следующим образом (см. табл. 12).

Таблица 12

Географическое распределение сетевой телефонии*

Федеральный округ	Проникновение сотовой связи (%)	Абонентская база (млн. чел.)	Удельный вес (%)
Центральный	155	57,4	30,7
Приволжский	120	36,3	19,4
Уральский	126	18,0	9,6
Южный	105	23,9	12,8
Сибирский	124	24,2	12,9
Северо-Западный	144	19,5	10,4
Дальневосточный	117	7,6	4,1

* *Источник*: по данным В. Богданова (URL: http://www.mforum.ru/t4/forum/750ar9?goto=92250).

Очевидно, что хотя по степени проникновения сотовой телефонии лидировали Центральный и Северо-Западный федеральные

округа, по количеству абонентов лицо отечественного сотового рынка определяли Центральный и Приволжский округа, составлявшие суммарно свыше половины всей абонентской базы страны. При этом следует учитывать, что практически в каждом федеральном округе выделялся некий регион — локомотив, который составлял определяющую долю абонентов в масштабах всего округа. Скажем, в Центральном федеральном округе из 57,4 млн. абонентов 31,3 млн. приходились на Москву и Московскую область, а в Северо-Западном — из 19,5 млн. абонентов 10,6 млн. на Санкт-Петербург и Ленинградскую область. Таким образом, «две столицы» по-прежнему представляли собой особые регионы.

Впрочем, схожая ситуация, пусть и не столь выраженная, была характерна и для прочих округов. В Южном федеральном округе из 23,9 млн. абонентов 6,89 млн. приходилось на Краснодарский край, еще 4,36 млн. — на Ростовскую область и 3,15 млн. абонентов — на Волгоградскую область. Таким образом, 3 из 13 субъектов федерации, входившие в Южный федеральный округ, располагали 60% всей местной абонентской базы. В Приволжском федеральном округе из 36,3 млн. абонентов свыше половины (51,3%) приходилось на Нижегородскую и Самарскую области, Республики Татарстан и Башкортостан. В Уральском федеральном округе $^{2}/_{3}$ абонентов в 2008 г. приходились на Челябинскую и Свердловскую области. Приблизительно такая же концентрация пользователей была характерна и для других федеральных округов: чем ближе к густонаселенным центрам, тем более высоким было проникновение сотовой связи.

К 2010 г. по уровню проникновения сотовой связи исключительно положение Москвы и Санкт-Петербурга понемногу сошло на нет. Целый ряд областей, краев и республик Российской Федерации подтянулись к лидерам, и хотя два крупнейших мегаполиса сохраняли ведущие позиции, разница между ними и другими районами практически сошла на нет.

Наряду с географическим расширением гораздо более примечательным было техническое обновление сотовой связи. Вопрос о создании в России мобильной телефонии поколения 3G обсуждался еще в первой половине 2000-х годов, но тогда технический уровень оборудования не позволял обеспечить приемлемое качество обслуживания[48]. Лишь в 2006 г. в России начала функционировать первая сеть 3G — «Скайлинк» со стандартом CDMA с несущей частотой 450 МГц.

В целом, рост сотового рынка в 2000-е годы представлен следующим графиком:

%

Источник: Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Итоги работы за 2009 г. — М., 2010. — С.33.

График убедительно показывает тенденцию дальнейшего роста уровня «проникновения» сотовой связи, что говорит о наличии у отечественного сотового рынка немалого потенциала дальнейшего роста. То, что численность абонентов продолжала расти на фоне маломеняющегося «проникновения», очевидно, отражает тот факт, что к этому моменту значительное число пользователей сотовой связи имели в употреблении несколько сим-карт разных операторов, что позволяло абоненту оперативно менять тарифный план в зависимости от текущей ситуации. Темпы развития отрасли сотовой связи в России опережают общемировую тенденцию снижения стоимости услуг сотовой связи и свидетельствуют о высокой ценовой конкуренции на рынке. Стоимость услуг сотовой связи и других сервисов, относящихся к ежемесячным коммунальным тратам населения, развивались в диаметрально противоположных направлениях в России последние 10 лет. Стоимость электроэнергии и газоснабжения выросли с 2001 по 2009 г. в целом по России в 5 и 6,5 раз соответственно. Размер абонентской платы за услуги фиксированной связи вырос в 6 раз. В то время как

средняя стоимость одной минуты разговора для пользователя сотовой связи, по оценкам Интернет-журнала Comnews Research, уменьшилась в 8 раз в долларовом выражении и в 7 раз в рублевом.

К лету 2010 г. число абонентских подключений в России увеличилось до 219,3 млн. По оценкам Comnews Research, Россия к концу первого десятилетия XXI в. входила в пятерку ведущих стран Европы и Северной Америки, не говоря уж про страны СНГ, по количеству активных абонентов и уровню проникновения услуг сотовой связи — 230 млн. чел. и 163% соответственно. Являясь при этом по индексу плотности населения — 8,3 чел./км^2 — одной из самых непривлекательных стран для развития сотового бизнеса. Этот показатель был меньше лишь в Канаде, Исландии и Казахстане.

По мнению большинства экспертов, к этому моменту ценовая конкуренция в привычном нам виде практически себя исчерпала. Так, уже в 2007 г. средняя стоимость минуты разговора составляла всего 6 центов. По данным исследовательской компании Informa Telecoms & Media, уже тогда в России была одна из самых дешевых сотовых связей в мире. Средняя стоимость одной минуты разговора составляла 0,05 долл. Эти данные подтверждает последнее исследование, проведенное World Development Indicators database: базовый пакет сотовых услуг во второй половине 2000-х годов обходился российскому потребителю в 5,96 долл. в месяц. Для сравнения — во Франции подобный пакет стоил 30 долл. К 2010 г. цены на сотовую телефонию и так упали едва ли не до уровня себестоимости, поэтому дальнейшее наращивание клиентской базы за счет снижения тарифов более не давало позитивных результатов. В этой связи все большее значение в борьбе за потребителя приобретали дополнительные услуги и информационно-коммуникативные возможности, повышающие комфортность и простоту пользования мобильной связью: автоматический роуминг, передача коротких текстовых и мультимедийных сообщений, доступ к сети Интернет, видеотелефония и др. Таким образом, основными трендами сотового рынка конца 2000-х стали переход к сетям новых поколений и их региональной экспансии.

Впрочем, важность тарифной политики нимало не умалялась невозможностью продолжать агрессивно снижать цены. Теперь центр тяжести в отношении тарифов был перенесен в область их максимально прицельной ориентации на наиболее привлекательные сегменты рынка. Скажем, большим вниманием со стороны операторов стали пользоваться дети, которым родители все чаще покупали телефон специально для того, чтобы всегда знать, где находится чадо и чем оно занято. Ряд тарифных планов был ориентировано на студенчество.

Помимо «возрастной» сегментации, операторы уделяли внимание и другим способам деления абонентов на целевые группы. Выделялись тарифы, нацеленные на группы с четко выраженными направлениями вызовов, например — на абонентов, часто совершающих международные и междугородные вызовы. Большим спросом пользовались тарифы, ориентированные на активное использование СМС-сервисов и мобильного Интернета.

БОЛЬШАЯ ТРОЙКА РОССИЙСКОЙ СОТОВОЙ СВЯЗИ

Постепенно основную роль на отечественном сотовом рынке стали играть три ведущих сотовых оператора. Нам не хотелось бы превращать научную статью в подобие рекламного буклета, поэтому мы позволим себе лишь очень общё, можно сказать, конспективно, описать основные вехи истории большой сотовой тройки.

Наиболее крупным игроком на рынке сотовой связи была и остается компания ОАО «Мобильные ТелеСистемы» — МТС. Надо сказать, что учреждение компании МТС стало завершением достаточно длительного процесса продвижения на российский рынок стандарта GSM. Первая очередь сети МТС вступила в строй еще летом 1994 г. Она включала в себя всего восемь базовых станций. Одна станция располагалась в центре, шесть по окружности вдоль МКАД, одна — по дороге в направлении на Шереметьево. Уже к 1 января 1996 г. у МТС было 5000 абонентов, в сети работали 14 базовых станций, а к началу 1998 г. в компании обслуживались более 200 тыс. абонентов. МТС стало «тесно» в рамках сугубо московского оператора, и компания начала борьбу за новые рынки. Первые «внемосковские» сети МТС были созданы в Костроме, Твери и Республике Коми. Кризис 1998 г. дал дополнительный импульс к расширению интересов МТС по освоению новых рынков. Крупнейшим успехом МТС этого периода можно считать приобретение «Русской телефонной компании» (РТК), что автоматически принесло лицензии на строительство сети в Смоленской, Псковской, Калужской, Тульской, Владимирской и Рязанской областях. Синхронно приобретались лицензии на предоставление сотовых услуг и в других регионах. Уже к 1999 г. МТС охватывала своей деятельностью 29 регионов России. К 2004 г. сфера деятельности компании распространилась уже на всю территорию России, за исключением Чечни и Пензенской области. Покупка РТК стало не последним крупномасштабным поглощением МТС. Вслед за РТК были присоединены «Кубань GSM» и «Донтелеком» (2002 г.), «ТАИФ-ТЕЛКОМ» и «Сибчелендж» (2003 г.), «Примтеле-

фон» (2004 г.), «Горизонт-РТ», «Телесот-Алания», «Сибинтертелеком» (2005 г.), «Дагтелеком» (2006 г.), «Башсел» (2007 г.).

Одновременно резко пошло вверх и число абонентов компании. Если в 2001 г. услугами МТС пользовалось 2 млн. человек, то к 2003 г. ее абонентская база насчитывала уже 15 млн. пользователей. В значительной мере этот рост был вызван запуском в конце 2002 г. принципиально новых тарифных планов без абонентской платы. Помимо освоения новых регионов РФ, МТС начала экспансию и в ближнем зарубежье. В 2002 г. была запущена в эксплуатацию сеть в Белоруссии, в 2003 г. — на Украине, в 2004 г. — в Узбекистане, а в 2005 г. — в Туркменистане[49]. В 2007 г. МТС приобрело контрольный пакет акций крупнейшего сотового оператора Армении — "K-Teltkom"[50]. В середине десятилетия МТС сохраняли лидирующие позиции в России с долей рынка около 34%. На Украине доля рынка осталась на уровне 42%. Доля МТС на рынке Узбекистана составляла 55%, а в Туркменистане на конец второго квартала 2006 г. компания контролировала 80% рынка. В Республике Беларусь доля рынка компании МТС Беларусь за второй квартал 2006 г. составила 52%. В России в сети МТС было установлено свыше 16 тыс. базовых станций, на Украине — более 4500, в Белоруссии — свыше 1000. Благодаря набору роуминговых соглашений абоненты МТС оставались на связи более чем в 180 странах мира[51].

На март 2011 г. консолидированное число абонентов МТС составило 103,79 млн. человек, из них: в России число абонентов составило 71,46 млн., на Украине — 18,28 млн., в Узбекистане — 9,11 млн., Туркменистане — 2,39 млн., Армении — 2,55 млн., Беларуси — 4,75 млн[52]. По данным ТАСС-Телеком, МТС на 2010 г. по числу абонентов занимала 18 позицию в мире[53]. В апреле 2011 г. к МТС была присоединена компания «Комстар» — объединение ряда отечественных и зарубежных телесистем.

Другим крупным игроком на рынке сотовой связи выступает «Вымпелком», выступавший под брендом «Билайн», который навсегда стал «лицом» компании на сотовом рынке. Еще в середине 1990-х годов, сознавая органические пороки аналогового стандарта AMPS, «Вымпелком» перевел свою сеть на цифровой стандарт DAMPS, однако это не решало проблему кардинально. Поэтому «Вымпелком» перешел на стандарт GSM-1800. Средства для этого были изысканы за счет размещения в 1996 г. акций «Вымпелкома» на Нью-Йоркской фондовой бирже. В 1999 г. «Вымпелком» начинает беспрецедентное снижение цен в ходе борьбы за массового потребителя. В результате по итогам того года оператор стал лидером отечественного сотового рынка, сосредоточив 47% всей абонентской базы страны. Начиная с 2001 г. «Вымпелком»-«Билайн» проводил экспансию в регионы. Уже к концу

2005 г. «Билайн» предоставлял услуги мобильной связи в 77 регионах РФ. За считанные годы сотовая сеть «Билайн» стала крупнейшей в России и одной из крупнейших — в мире. Абоненты «Билайна» пользовались роумингом в 180 странах мира, а при подключении роуминга через спутниковую систему Thuraya — в 199 странах. «Вымпелком» обращал большое внимание внедрению новых сервисов, стремясь победить в конкурентной борьбе именно за счет технического превосходства. Еще в 2001 г. «Вымпелком» впервые в России начал предоставлять мобильный доступ в Интернет, а в 2002 г. — вновь впервые на отечественном сотовом рынке запустил технологию MMS. Именно «Билайн» стал пионером внедрения в России принципиально новых сервисов, обеспечивающих сращивание телефонии в классическом понимании с Интернетом. В 2001 г. «Билайн» первым среди отечественных операторов стал предоставлять услугу GPRS, а в конце 2004 г. — существенно ускорил мобильный доступ в Интернет за счет внедрения технологии EDGE[54]. С 2008 г. компания стала предоставлять услуги 3G. «Билайн» обеспечил обслуживание абонентов в России, на Украине, в Казахстане, Узбекистане, Киргизии, Грузии, а в 2009 г. — в Камбодже.

Третий основной игрок на российском сотовом рынке — «Мегафон» — ведет свою родословную от компании «Северо-Западный GSM». С 1993 г. этот оператор непрерывно расширял сферу своей деятельности. В плане распространения своих услуг компания пошла по нестандартному в России пути — основной стратегией развития было принято создание сети независимых дилеров. Сеть компании непрерывно наращивалась, был открыт международный роуминг. В январе 1998 г. было достигнуто первое в России роуминговое соглашение с сетью спутниковой связи Iridium. В декабре того же года компания объявила переход к антикризисной программе за счет групповых скидок и ежедневной абонентской платы. В январе 2000 г. начала работать двухдиапазонная сеть GSM900/1800. Одновременно компания стала снижать расценки на минуту разговора. Количество абонентов сети превысило к тому времени 150 тыс. В ноябре 2001 г. компания пришла в Москву. На основе объединения компаний стандарта GSM 900/1800 и одной торговой марки с ЗАО «Соник Дуо» (Москва), ЗАО «Мобиком-Кавказ», ЗАО «Мобиком-Центр», ЗАО «Мобиком-Новосибирск», ЗАО «Мобиком-Хабаровск», ЗАО «Мобиком-Киров», ОАО «МСС-Поволжье», ЗАО «Волжский GSM» и ЗАО «Уральский Джи Эс Эм», создания единой организационно-правовой базы и при поддержке международного холдинга «Телекоминвест» в 2002 г. было образовано ОАО «Мегафон». Лицензионная деятельность «Мегафона» постепенно охватила всю территорию России, и «Мегафон» вступил в активную борьбу за потребителя на рынке сотовой связи.

ГОНКА ЗА ЛИДЕРОМ

Первоначально нарастание численности клиентской базы обоих ведущих операторов (МТС и «Билайн») было хотя и бурным, но сравнительно плавным, причем они шли приблизительно вровень друг с другом и лишь с 2002 г. приобрело поистине взрывной характер. Но все более активную роль стал играть «Мегафон», который к середине 2000-х годов преодолел отметку в 20 миллионов абонентов. Темпы наращивания клиентской базы МТС и «Мегафоном» в принципе сравнялись.

Поскольку МТС стартовал во вторую половину «нулевых» с более высокого уровня — он закономерно сохранял свои лидирующие позиции, в то время как «Билайн» начинал демонстрировать тенденции, скажем так, неожиданные. Темпы роста компании стали падать, а в 2008 г. началось снижение клиентской базы — явление, с которым на российском сотовом рынке игроки из лидирующей тройки не сталкивались с 1999 г. Казалось бы, есть повод бить в набат и говорить, как минимум, о серьезных затруднениях компании. На самом деле речь шла о сознательно выбранной политике отключения «молчунов» — клиентов, которые сим-карту приобрели, но на протяжении значительного периода ею не воспользовались. Собственно, о намерении почистить клиентские базы заявили все ведущие операторы сотовой связи, но масштабы сокращения «мертвых душ» у всех были разные. Скажем, если «Мегафон» в 2007 г. попрощался с 420 тыс. «как бы абонентов», то МТС отключило лишь 18 тыс. «вечномолчащих». Да и сама стратегия отбора «молчунов» в Мегафоне была жестче. Если МТС и «Билайн» отводили клиенту полгода на решение вопроса «с кем ты, клиент?», то «Мегафон» отсеивал абонентов с 3-месячным периодом «молчания».

Еще в 2001 г. на российский рынок сотовой связи пришла шведская компания Tele2, которая развернула довольно успешные действия в регионах. Tele2 стала четвертым по числу абонентов оператором сотовой связи в России: абонентская база в стране составила 19,2 млн. человек. Tele2 завладела региональными операторами, работающими в 37 субъектах Российской Федерации. В конце апреля 2011 г. Tele2 выиграла еще 6 лицензий на оказание услуг сотовой связи в следующих регионах: Магаданской области, Еврейской автономной области, Камчатском крае, Корякском округе, Чукотском автономном округе и Сахалинской области. После этого количество регионов России, в которых Tele2 имеет лицензии на оказание услуг сотовой связи, возросло до 43.

Из-за агрессивной рекламы и интенсивного развития, Tele2 участвовало в ряде громких судебных дел. Так, в мае 2006 г. Tele2 было

обвинено в недобросовестной рекламе. Поводом послужила телевизионная реклама тарифа Tele2, в которой женщина, держа на руках спеленутый сверток, торопливо сообщает мужу его рост, вес и другие сведения. Представителям Tele2 удалось доказать суду, что в рекламе не показывается младенец, а «сверток» просто вызывает определенные ассоциации с новорожденным. Другим поводом для обвинения стал рекламный слоган компании: «TELE2. Просто дешевле» или «Всегда дешевле», которым, в сущности, оператор вводил потребителей в заблуждение, поскольку проверки показывали, что отдельные тарифы оказывались даже дороже, чем у конкурентов.

В условиях, когда темпы роста абонентской базы замедлились, а абоненты в основном поделились по сетям, сотовым операторам, чтобы удержать своих клиентов, пришлось развивать тарифные планы, делая их более удобными, расширять диапазон предоставляемых услуг и повышать уровень доверия к компании. Теперь все зависело от оператора. В июне 2009 г., чтобы усилить конкуренцию, «Связьинвест» объявила о намерении создать в России еще одного крупного оператора. Имелся в виду «Скайлинк», но эксперты сильно сомневались, сумеет ли новый оператор увеличить свою долю на рынке. «Скайлинк» была создана летом 2003 г. путем слияния старейших сотовых операторов России — «Дельта Телеком», «МСС» и «Сонет» — для создания единой федеральной сети стандарта CDMA-450 (IMT-MC-450). Используя базовую модель Москвы и Санкт-Петербурга, с 2005 г. «Скайлинк» начала стремительное наступление на регионы. Главным направлением его деятельности стала крупномасштабная техническая модернизация систем сотовой связи, в результате которой сети, работавшие ранее в аналоговом стандарте NMT-450, переходили на цифровой стандарт CDMA-450 в рамках полнофункциональной федеральной сети[55]. В середине 2000-х годов «Скайлинк» превратился в одного из крупнейших в мире операторов, развивавших этот стандарт.

Под влиянием конкурентной борьбы доля компаний на сотовом рынке постоянно менялась. Так, МТС в 2006 г. имела 34,6% зарегистрированных абонентов, но в 2010 г. — 32,9%. «Вымпелком»-«Билайн» в 2006 г. имел 34,2% абонентов, в 2010 г. — 24%. Долгое время «Мегафон» позиционировался как «вечно третий» оператор России, заведомо уступая МТС и «Вымпелкому». В 2006 г. на его долю приходилось 19,1% абонентов. Однако по итогам 2010 г. он вырвался на второе место и заявил о 56,6 млн. пользователей (24,3% отечественного рынка), в то время как «Вымпелом» мог похвастаться лишь 52 млн. абонентов.

ИТАК, ПОДВЕДЕМ ИТОГИ

Что ж, пусть хотя бы в общих чертах, мы описали историю сотовой связи в России. Это был непростой путь, полный технических сложностей и организационных неурядиц, экономических проблем и политических противоречий. И тем не менее — отечественная сотовая связь состоялась. За 20 лет в стране была создана, по сути, новая отрасль, на «ровном месте» возник новый рынок, а отставание от ведущих стран Запада было преодолено за считанные годы. На сегодняшний день филиппики в адрес «прихватизаторов», скупивших в ходе разных темных махинаций народное достояние за гроши, стали уже общим местом. Не будет углубляться в разбор того, насколько эти обвинения оправданы. Просто отметим, что «отцы-основатели» отечественных компаний сотовой связи при всем желании ничего «прихватизировать» не могли. До них в стране сотовой связи, как таковой, не было. По сути, вся история ведущих операторов сотовой связи в России — это одна исполинская летопись нескольких успешных «старт-апов», позволивших создать эффективные и конкурентоспособные предприятия. Особенно хотелось бы отметить, что эти предприятия функционируют в области высоких технологий, а не основаны на добыче и перепродаже за кордон пушнины, пеньки, нефти или чем там еще богата наша земля.

[1] *Авдеева Л.* Вчера, сегодня, завтра мобильной связи России // Мобильные телекоммуникации. — 1999. — № 1. — С. 6.
[2] *Горностаев Ю.М.* Перспективные рынки мобильной связи. — М., 2000. — С. 10.
[3] *Разроев Э.* Маркетинг сотовой связи. — М., 1999. — С. 17.
[4] Там же. — С. 37.
[5] *Юрасова Л.В.* Подвижная связь // Связь-97. — М., 1998. — С. 39.
[6] Там же. — С. 39.
[7] *Рокотян А.Ю.* Электрическая связь // Связь-98. — М., 1999. — С. 31.
[8] Итоги работы ГКЭС за 1998 г. // Там же. — С. 33.
[9] *Сафронов И., Чеберко И.* Космос на связи // Коммерсант-Деньги. — 1998. — 29 июля.
[10] *Юрасова Л.В.* Указ. соч. — С. 40.
[11] *Радченко А.* История сотовой связи в Чувашии // На связи.ru: [сайт]. URL: http://www.na-svyazi.ru/public/history-mobile01.htm
[12] *Давыденко А.С.* Экономическая стратегия развития услуг сотовой связи в Российской Федерации. — Санкт-Петербург, 2002. — С. 12.
[13] *Разроев Э.* Указ. соч. — С. 11.
[14] *Дрожжинов В.* Мобильная связь России на пороге XXI в. // Мобильные телекоммуникации. — 1999. — № 1. — С. 8.
[15] *Ковалевский В.* Связь без брака с абонентом // Там же. — С. 24.
[16] *Разроев Э.* Указ. соч. — С. 7.
[17] Связь-99. — М., 2000. — С. 29.
[18] Там же. — С.30.
[19] Мобильные телекоммуникации. — 1999. — № 2. — С. 4.
[20] *Квицинский В.Ю.* Электрическая связь // Министерство Российской Федерации по связи и информации. Итоги 2001 г. — М., 2002. — С. 10. Далее: *Квицинский*, 2002.

[21] *Рейман Л.Д.* Отрасль связи и информатизации в 2001 г. // Там же. — С. 2.
[22] *Дадали А.* Рынок сотовой связи в России // КомпьютерПресс. — 2002. — № 1.
[23] *Квицинский,* 2002. — С. 10.
[24] Там же. — С. 11.
[25] *Рейман Л.Д.* Итоги отрасли связи и информатизации в 2002 г. и задачи на 2003 г. // Министерство Российской Федерации по связи и информации. Итоги 2002 г. — М., 2003. — С. 2.
[26] *Квицинский В.Ю.* Электрическая связь // Министерство Российской Федерации по связи и информации. Итоги 2002 г. — М., 2003. — С. 10.
[27] Там же.
[28] По материалам агентства «Сотовик» (http://www.sotovik.ru/analyt_old/russia/russia2005/index_311.html).
[29] *Рисс В.* Жизненный путь «миллионера» по имени Билайн в Санкт-Петербурге // Мобильные телекоммуникации. — 2005. — № 2. — С. 12.
[30] *Рейман Л.Д.* Итоги работы отрасли связи и информатизации в 2003 году и задачи на 2004 год // Министерство Российской Федерации по связи и информации. Итоги 2003 г. — М., 2004. — С. 3.
[31] *Слизень В.А.* Государственная политика в области инфокоммуникативных технологий // Министерство Российской Федерации по связи и информации. Итоги 2004 г. — М., 2005. — С. 13.
[32] *Рейман Л.Д.* Итоги работы отрасли связи и информатизации // Там же. — С. 4.
[33] Там же.
[34] Информационные технологии и связь: федеральный справочник. — М., 2006. — С. 18.
[35] *Рейман Л.Д.* Итоги работы отрасли информационных технологий и связи за 2005 год и задачи на 2006 год и среднесрочную перспективу // Министерство Российской Федерации по связи и информации. Итоги 2005 г. — М., 2006. — С. 4.
[36] Там же. — С. 3.
[37] URL: http://www.sotovik.ru/analyt_old/russia/russia2005/index_390.html
[38] То есть абонентов, звонивших хотя бы 1 раз в месяц; при этом количество сим-карт, находящихся на руках у абонента, не учитывается.
[39] См.: Объединенный научный журнал. — 2006. — № 26. С. 19—26.
[40] *Тимошенко Л.С.* Экономическая политика и финансы // Министерство Российской Федерации по связи и информации. Итоги 2007 г. — М., 2008. — С. 50.
[41] Мобильные телекоммуникации. — 2005. — № 9. — С. 18.
[42] Информационные технологии и связь: федеральный справочник. — С. 46.
[43] *Рейман Л.Д.* Итоги работы отрасли информационных технологий и связи за 2006 год и задачи на 2007 год и среднесрочную перспективу // Министерство Российской Федерации по связи и информации. Итоги 2006 г. — М., 2007. — С. 22.
[44] *Тимошенко Л.С.* Экономическая политика и финансы. — С. 49.
[45] *Нарукавников А.В.* Экономическая политика и финансы // Министерство связи и массовых коммуникаций РФ. Итоги работы за 2008 г. — М., 2009. — С. 31.
[46] *Тимошенко Л.С.* Экономическая политика и финансы. — С. 50.
[47] Там же.
[48] *Рейман Л.Д.* «Вопрос о 3G-лицензиях — скорее технический, чем правовой» // Мобильные телекоммуникации. — 2004. — № 5.
[49] В 2011 г. МТС ушла с сотового рынка Туркмении.
[50] *Голицына А.* МТС пришел в Армению // Ведомости. — 2007. — 14 сент.
[51] Информационные технологии и связь: федеральный справочник. — С. 77.
[52] По данным C-News (URL: http://telecom.cnews.ru/news/line/index.shtml?2011/04/27/438203).
[53] URL: http://tasstelecom.ru/r7
[54] Информационные технологии и связь: федеральный справочник. — С. 84.
[55] Там же. — С. 80.

К.Д. Николенко

КПРФ В 1999—2003 ГГ.: ПОТЕРЯ ИНИЦИАТИВЫ И СПАД ВЛИЯНИЯ

В данной статье рассматривается принципиально важный этап развития КПРФ. В ходе него коммунисты потеряли прежний уровень влияния в российском обществе, который не восстановлен вплоть до настоящего времени. Автор подходит к анализу деятельности КПРФ на данной стадии, исходя из парламентского характера партии.
Ключевые слова: КПРФ; выборы; Дума; парламентская деятельность; конъюнктурная коалиция; пакетное соглашение; регионы «красного пояса»; внутрипартийная напряженность; фиаско.

K.D. Nikolenko
A Crucial Period in the History of the CPRF (1999—2003): Loss of Initiative And Influence Decline

This article discusses a fundamentally important stage in the development of the CPRF. During it communists lost previous level of influence in the Russian society. It was not restored until the present days. The author approaches to the CPRF activity analysis at this stage, based on the parliamentary nature of this party.
Keywords: CPRF; votes; Duma: parliamentary activity; opportunistic coalition; package agreement; “red belt” regions; intraparty tensions; fiasco.

Компартия Российской Федерации — неотъемлемый элемент политической жизни постсоветской страны. За 21 год своего функционирования данная организация прошла ряд стадий, характеризовавшихся принципиально разным уровнем влияния и поддержки среди населения.

1999—2003 гг. — временной отрезок, рубежный в истории партии, который стал переходом от восходящей линии движения к нисходящей (затем перешедшей в фазу стабилизации).

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ПАРТИЯ

Рассматривая путь коммунистов, объединенных КПРФ, в постсоветскую эпоху, следует отметить, что его основные вехи связаны с электоральной активностью данной политической структуры. Для Компартии участие в предвыборных кампаниях различного уровня, а

затем в работе избранных органов — направление, которое наиболее заметно, ярко выражено. Парламентский характер деятельности — определяющий фактор. В этой связи динамику развития КПРФ логичнее анализировать через призму парламентского аспекта ее работы.

Влияние на Президента, исполнительную власть со стороны Федерального Собрания (парламент Российской Федерации), его нижней палаты (Государственная Дума) и политических партий, представленных в ней, ограничено. Угроза роспуска неоднократно являлась причиной того, что нижняя палата парламента в критические моменты становилась умеренной в отношениях с Президентом. Это серьезно ограничивало возможности партии влиять на социально-экономический и политический курс путем проведения через Думу своих законопроектов. Даже при наличии большинства в Думе реализация программных положений Компартии было бы невозможным без наличия у коммунистов поста главы российского государства.

ОСЛАБЛЕНИЕ НА ФЕДЕРАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ 1999—2000 ГГ.

19 декабря 1999 г. была избрана Государственная Дума третьего созыва. Это событие стало переломным как для коммунистов, так и для российского парламентаризма. Выборы значительно отличались от кампании 1995 г. как по формальным признакам (число избирательных объединений, участвовавших в гонке, сократилось с 43 до 26[1]), так и принципиально. Проправительственным силам впервые удалось создать избирательное объединение («Межрегиональной движение “Единство”»), которое успешно выступило на парламентских выборах и создало предпосылки для формирования лояльной по отношению к Президенту и Правительству РФ нижней палаты российского парламента.

Усиление прокремлевских сил означало падение авторитета основного их оппонента — КПРФ[2].

Коммунисты оказались не готовы к такому развитию событий, в ходе которого ранее неизвестное политическое объединение во главе с т.н. «силовиками» в короткий срок смогло приблизиться по своим рейтинговым показателям к Компартии, являвшейся самой авторитетной партией в стране.

Результат Компартии по партийным спискам был самым высоким на думских выборах за историю партии (24,29%)[3], но по численности коммунистов и их сторонников ударило снижение доли голосов избирателей, поданных за избирательные объединения, не преодолевшие пятипроцентного барьера, а также поражения в

одномандатных округах. В Думе второго созыва у КПРФ сателлитами были депутатская группа «Народовластие» и Аграрная, в Думе третьего созыва — лишь аграрии (Агропромышленная депутатская группа). Коммунисты могли рассчитывать на 128 человек[4] вместо прежних 220[5]. Это делало затруднительным продвижение законопроектов, разработанных КПРФ, и невозможным блокирование работы Думы в случае противостояния с исполнительной ветвью власти или с ее сподвижниками внутри депутатского корпуса.

15 января 2000 г. состоялся третий этап VI съезда, диагностировавшего, что коммунисты недооценили режим, ослабло их влияние в «красных» регионах и на селе. Была поставлена цель не допустить принятия Земельного кодекса, а также бороться за специальный порядок рассмотрения дел о нарушениях на выборах[6].

Коммунисты выдвинули кандидатуру Зюганова на пост Президента и дали наказы для его программы (модернизация экономики, борьба за материальное и духовное благополучия народа, заслон на пути вывода капитала за границу, подавление сепаратизма, ограничение президентских полномочий)[7].

21 февраля увидел свет документ «Путем созидания: основные направления экономической программы народно-патриотических сил», ключевые идеи которого заключались в увязывании социальной справедливости и динамичного экономического развития, в построении социально-ориентированной рыночной многоукладной экономики, во внедрении современного планирования (не директивного), в защите государственности[8].

26 марта прошли выборы главы государства, на которых победу одержал Путин (52,94%), а Зюганов набрал 29,21%[9]. На следующий день Зюганов выступил с заявлением по поводу итогов голосования, в котором указал, что по данным параллельного подсчета голосов (по 36% протоколов) Путин набрал 44,8%, на основе чего лидер Компартии задал направление готовиться ко второму туру[10]. Окончательные результаты выборов не дали КПРФ реализовать такой сценарий.

ОТ АЛЬЯНСА С ПРОПРЕЗИДЕНТСКИМИ СИЛАМИ К АНТАГОНИЗМУ

Серьезное отличие Госдумы третьего созыва — наличие сразу двух крупных фракций (КПРФ и «Единство»). Данная трансформация повлияла на решение важнейшего вопроса о распределении постов в Думе. На смену компромиссу пришел сговор.

Перед началом работы Госдумы члены фракции КПРФ высказывались за необходимость решения всех вопросов «в согласованном

режиме, путем консультаций и переговоров». Депутат-коммунист Мельников подчеркнул, что «альтернативой такой позиции могут стать попытки сколотить большинство в 226 голосов. С чьей бы стороны эти попытки ни предпринимались — с левой или с какой-то иной, — следует заранее предвидеть их контрпродуктивность»[11].

Получил развитие вариант с договоренностью между КПРФ и пропрезидентским «Единством».

Если первоначально предполагалось, что малые депутатские объединения получат посты председателей комитетов пропорционально своей численности, то 18 января 2000 г. (в день первого заседания Думы) коммунисты и «Единство» совместно с сателлитами (аграрии, «Народный депутат», ЛДПР) пересмотрели пакетное соглашение. В результате сепаратных переговоров были снижены квоты фракций «Отечество — Вся Россия», «Союз правых сил», «Яблоко» и группы «Регионы России».

Была образована тактическая коалиция. Средства массовой информации выдвинули предположение о том, что договоренность фракций КПРФ, «Единство» и их союзников была инспирирована Администрацией Президента РФ[12].

Во время выдвижения кандидатов на пост Председателя Думы трое претендентов (Е. Примаков (ОВР), В. Похмелкин (СПС) и С. Степашин («Яблоко»)), а также председатель группы «Регионы России» О. Морозов выразили свое возмущение «сговором»[13]. Фракции ОВР, СПС и «Яблоко» объявили об отказе от дальнейшего участия в работе пленарного заседания Думы.

Председателем Госдумы был избран Селезнев, занимавший этот пост в парламенте второго созыва. Его заместителями были утверждены: Л. Слиска («Единство»), П. Романов (КПРФ), В. Жириновский (ЛДПР), Г. Семигин (АПГ), В. Аверченко (НД).

Парламент принял 279 голосами при 1 «против» и 1 воздержавшемся постановление о комитетах, предусматривающее создание 27 комитетов и Мандатной комиссии[14]. Новое пакетное соглашение выявило тенденцию к снижению влияния коммунистической фракции. В Госдуме второго созыва фракция КПРФ контролировала 9 комитетов и Мандатную комиссию, их союзникам по Аграрной группе и депутатской группе «Народовластие» принадлежало еще 5 комитетов. В Госдуме третьего созыва коммунистам удалось закрепить за собой посты председателей 9 комитетов и Мандатной комиссии, но союзникам в лице Агропромышленной депутатской группы досталось только 2 комитета. Был утерян контроль над 3 комитетами.

Конъюнктурный союз КПРФ и прокремлевских сил оказался шатким из-за серьезнейших идеологических противоречий меж-

ду участниками этой коалиции. Расхождение во взглядах КПРФ и Кремля на основные вопросы внутренней и внешней политики привело к радикализации деятельности коммунистов: «Учитывая реальное соотношение сил в Государственной Думе, фракция КПРФ, в первую очередь, вынуждена бороться за сохранение существующих трудовых прав граждан, защиту прав пенсионеров, детей, инвалидов и ветеранов, повышение заработной платы работников бюджетной сферы, отбивая попытки Правительства и подконтрольных ему депутатских групп ликвидировать или в значительной мере урезать их»[15].

Затруднительным положением коммунистов попытались воспользоваться фракции СПС и «Яблоко». В декабре 2000 г. они добивались передачи им комитетов по экономической политике, по образованию и по государственному строительству, которые возглавляли члены фракции КПРФ.

В феврале 2001 г. коммунисты собрали подписи депутатов в поддержку вотума недоверия кабинету министров М. Касьянова[16], сама инициатива не получила большинства в Думе. Группа «Народный депутат» внесла предложения по лишению КПРФ ряда руководящих постов. В июне того же года КПРФ резко выступила против проекта Земельного кодекса, который открывал путь к распродаже значительной части земель. Представители Компартии не только использовали парламентские формы борьбы, но и проводили массовые мероприятия (митинги и демонстрации) по всей стране.

Центристские депутатские объединения впервые поставили вопрос об отстранении от должности лояльного коммунистам Руководителя Аппарата Госдумы Н. Трошкина. Данное требование было повторено в декабре 2001 г., когда его обвинили в сознательном торможении рассмотрения проекта нового Трудового кодекса. В феврале 2002 г. группа депутатов обратилась с запросом в Счетную палату Российской Федерации о необходимости проверки финансовой деятельности Аппарата Думы.

В декабре 2001 г. была образована партия «Единая Россия» (путем объединения «Единства», «Отечества» и «Всей России»). Данное событие стало серьезным политическим вызовом для коммунистов и других российских партий. Создание «Единой России» означало постоянную и устойчивую консолидацию депутатских объединений «Единство», «Отечество — Вся Россия», «Регионы России» (за исключением некоторых парламентариев).

В марте 2002 г. центристы добились лишения Селезнева права голоса на заседаниях Совета Госдумы. Высказывались также предложения о снятии его с поста спикера нижней палаты российского парламента.

Развязка наступила 3 апреля 2002 г., когда правые и центристы проголосовали за перераспределение руководящих постов в Государственной думе третьего созыва.

В соответствии с проектом постановления Госдумы фракции КПРФ оставляли 2 комитета (по культуре и туризму и по делам общественных объединений и религиозных организаций), а аграриям — 1 (по делам национальностей), что ущемляло данные депутатские объединения. Не выдерживалась пропорция в плане соотношения числа принадлежавших им мандатов и числа комитетов.

При голосовании по постановлению «за» высказался 251 депутат, «против» — 136, воздержались — 7.

Лидеры центристских и демократических фракций утверждали, что, освобождая представителей фракции КПРФ от руководства думскими комитетами, они стремятся не наказать их, а восстановить справедливость, нарушенную при заключении пакетного соглашения в начале 2000 г.[17]

Представители КПРФ и аграрии подчеркивали, что пересмотр условий пакетного соглашения нужен режиму для «протаскивания через Думу новых антинародных законов»[18]. Лидер аграриев Харитонов сказал, что в Госдуме воцарилась атмосфера «морального и политического террора, когда, пользуясь покровительством Кремля, четверка центристских объединений перекроила палату. Теперь вся ответственность за принятие законов лежит на послушно агрессивном думском большинстве»[19].

В сложившейся ситуации коммунисты и аграрии заявили об отказе от оставленных им комитетов. По поводу Председателя Госдумы Зюганов заявил: «Не может коммунист возглавлять Государственную Думу, которая проводит оголтелый антинародный курс. Это для него политическая смерть. Я уверен, что Геннадий Селезнев, как человек принципиальный, ответственный, примет мужественное решение»[20].

Отказавшись подчиниться решению пленума ЦК КПРФ, Селезнев, Горячева и Губенко 25 мая 2002 г. были исключены из партии. Зоркальцев (председатель Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций) избежал этой участи, оставив за собой руководящий пост. Думское большинство не потребовало ухода уже беспартийных Губенко и Горячевой с занимаемых должностей.

Тактика КПРФ в Государственной думе третьего созыва во взаимоотношениях с лояльными Кремлю объединениями не отличалась продуманностью. Глубокие расхождения между коммунистами и центристами были для обеих сторон очевидными еще до заключения коалиции в январе 2000 г.

В отличие от представителей «Единства», чьи мандаты в Думе подкреплялись административным ресурсом сначала премьера, а позже Президента РФ Путина, Компартия могла рассчитывать лишь на свои собственные силы, задействовав опыт политической деятельности, идеологию, разветвленность партийной структуры, широкую электоральную поддержку, «красный пояс» (глав регионов, избранных при поддержке КПРФ) и т.д. Это и определяло распределение ролей в союзе.

Участие Компартии в альянсе осуществлялось в действительности на правах младшего и зависимого партнера по коалиции. Вступив в переговоры с представителями «Единства» в январе 2000 г., КПРФ совершила стратегический просчет. Внешний «успех» КПРФ в нижней палате парламента стал потерей времени, которое могло быть использовано для повышения авторитета в российском обществе, а не для борьбы внутри Думы, которая отвлекала основные силы Компартии.

Занятие членами фракции КПРФ ряда руководящих должностей действовало на партию расслабляющим образом, путало ориентиры в сложившейся в тот период времени политической обстановке.

РАЗЛОЖЕНИЕ «КРАСНОГО ПОЯСА»

Несмотря на проигрыш Зюганова во втором туре президентских выборов в 1996 г., в дальнейшем КПРФ смогла закрепиться в регионах, добившись победы своих кандидатов и союзников на губернаторских выборах в 26 субъектах Федерации.

Тенденцией 2000—2003 гг. стал распад «пояса»: избранные при поддержке коммунистов губернаторы либо проигрывали выборы, либо отходили от нее, делая выбор в пользу Президента и «Единой России»[21].

9 января 2000 г. спикер Думы, член КПРФ Селезнев проиграл второй тур выборов губернатора Московской области, что стало знаковым событием.

В то же время в 2000—2001 гг. имелись и отдельные достижения.

5 ноября 2000 г. депутат Госдумы, член фракции КПРФ А. Михайлов выиграл второй тур выборов главы Курской области.

3 декабря кандидаты от КПРФ победили на выборах глав Брянской области (Ю. Лодкин — действующий губернатор-коммунист) и Краснодарского края (А. Ткачев — преемник Н. Кондратенко, депутат Госдумы). 17 декабря представители партии выиграли во втором туре выборы губернаторов Ивановской (В. Тихонов) и Рязанской (В. Любимов) областей. 24 декабря на губернаторских выборах в Волгоградской области победил действующий руководитель региона, член КПРФ Н. Максюта.

22 апреля 2001 г. член КПРФ, действующий глава Тульской области В. Стародубцев выиграл губернаторские выборы во втором туре голосования.

29 июля депутат Госдумы Г. Ходырев одержал победу во втором туре выборов губернатора Нижегородской области и объявил о приостановлении членства в КПРФ.

Коммунист-глава региона — это вовсе не означало благополучие соответствующей парторганизации. В КПРФ начала проявляться тревожная тенденция к снижению численности партии. В ходе исследования автор получил доступ к фрагментарной статистике, например, по составу Владимирского регионального отделения Компартии.

Полученные данные за 2001—2003 гг. говорят о снижении численности с 1973 до 1699 человек. Самое резкое сокращение было зафиксировано среди категорий пенсионеров и служащих, которое не было компенсировано приемом новых членов (за три года показатели приема снизились со 102 до 71 человека в год).

По возрастному составу прослеживалось сохранение показателя лиц старше 60 лет — 62—63% от общей численности. В плане социального состава лидировала, ожидаемо, категория пенсионеров (58—62%), на втором месте находились служащие (24—26%), другие слои не были значительны (допустим, рабочие — 7—8%).

Несмотря на требование Устава партии уплачивать взносы, с этим наблюдались затруднения: около 10% членов КПРФ их не вносили.

НАПРЯЖЕННОСТЬ В ПАРТИИ И ОТНОШЕНИЯХ С СОЮЗНИКАМИ

20 мая 2000 г. собрался пленум ЦК. Партия выявила свою главную ошибку на прошедших выборах (не предложила обществу «национальную идею») и сформулировала отношение к Путину, посчитав его целью «охрану награбленного» командой Ельцина, высказала опасение по поводу перспектив установления диктатуры[22].

Летом из НПСР были исключены М. Лапшин, А. Тулеев и А. Подберезкин. КПРФ стала владельцем «контрольного пакета» в данном объединении. Исполком возглавил член Агропромышленной депутатской группы, вице-спикер Думы Г. Семигин.

2—3 декабря прошел VII съезд. В его постановлениях говорилось об обновлении очередных задач партии, отмечался маневр режима в плане использования патриотической риторики[23]. КПРФ повторила требование взять под государственное управление базовые отрасли и природные ресурсы, собиралась сосредоточиться на защите прав наемных работников, отметила, что не обладает должным авторитетом среди рабочих[24].

В плане сотрудничества на постсоветском пространстве важным для развития коммунистического движения стало обращение от 27 января 2001 г. Руководители 12 компартий высказались по поводу организованной лидером СКП-КПСС О. Шениным Компартии России и Белоруссии, сообщили о смещении его и его сторонников с постов и избрании Зюганова председателем Совета СКП-КПСС[25].

В 2002 г. произошли очередные столкновения внутри КПРФ и НПСР. С подачи бывшего первого секретаря Петербургского горкома была устроена кампания против его преемника О. Корякина. Местное руководство обвинялось в «раскольничестве». В феврале 2003 г. горком возглавил лояльный Зюганову С. Сокол.

В 2003 г. развивалась борьба в НПСР между сторонниками Зюганова и председателя исполкома Семигина. Последний проводил работу по переводу секретарей местных и первичных отделений КПРФ на платную основу.

2002—2003 ГГ.: НА ПУТИ К ФИАСКО

Год перед очередными парламентскими выборами стал полосой неудач для КПРФ.

СМИ были наполнены рассуждениями, в которых деятельность партии описывалась нелицеприятным образом. Особо следует выделить телепрограммы А. Караулова.

14 сентября 2002 г. в г. Краснодаре состоялось собрание инициативной группы граждан для подготовки всероссийского референдума. На него планировалось вынести четыре вопроса: запрет купли-продажи земли, кроме приусадебных участков; ограничение размера оплаты коммунальных услуг и электроэнергии 10% от совокупного дохода семьи; доведение минимальной зарплаты и пенсии до уровня прожиточного минимума; национализация недр, топливно-энергетического комплекса, ВПК, лесов, водоемов и др. стратегических ресурсов[26].

18 сентября последовал ответ из нижней палаты парламента. Голосами центристов и демократов Госдума ограничила право на проведение референдума в течение года до и после парламентских и президентских выборов.

В июне 2003 г. Компартия повторила безуспешную попытку объявления вотума недоверия Правительству РФ, объединив усилия с фракцией «Яблоко».

В августе был организован предвыборный блок «Родина» (лидеры партийного списка — член фракции РФ в Госдуме Глазьев, депутат Госдумы Д. Рогозин, член КПРФ, генерал В. Варенников), который

оперировал близкой коммунистам риторикой, выступал за использование природных ресурсов в интересах большинства граждан.

6 сентября коммунисты собрались на первый этап IX съезда, выдвинувшего список кандидатов на выборах в Госдуму (лидеры — Зюганов, Кондратенко, Харитонов) и утвердившего предвыборную программу, в основание которой были положены вопросы запрещенного референдума.

Компартия находилась в информационной блокаде. Сообщения о работе КПРФ носили, в основном, негативный характер («операции подавления»)[27].

По результатам выборов 4 декабря коммунисты получили только 12,61% голосов по пропорциональной системе (40 мандатов) («Единая Россия» — 37,57%), блок «Родина» уверенно прошел в Думу (9,02%)[28]. Всего 13 кандидатов Компартии одержали победу в одномандатных округах. Один из них (И. Игошин) перешел во фракцию «Единая Россия».

КПРФ осуществляла параллельный подсчет голосов, выявила масштабные подтасовки, сопоставив официальные данные и копии протоколов участковых комиссий. По мнению Зюганова, выборы 2003 г. стали «самыми грязными, самыми нечестными, на редкость мерзкими и подлыми в новейшей истории России»[29]. Частично с этой мыслью согласилась миссия европейских наблюдателей[30].

Думские выборы 2003 г. — крупнейшее поражение Компартии РФ за время ее существования. Оно открыло дорогу к масштабному внутрипартийному кризису 2004 г. и способствовало определенному оживлению в КПРФ.

В последующие годы положение в партии стабилизировалось. Она выигрывала или уверенно выступала на региональных выборах, закрепила за собой роль «партии № 2», получила на парламентских выборах 2011 г. 19,19% голосов[31]. Тем не менее, за последние 10 лет прежняя планка поддержки коммунистами так и не была достигнута.

[1] Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] // Архив избирательных кампаний, кампаний референдума. URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv

[2] *Туровский Р.Ф.* Парламентские выборы 1999 г.: региональные особенности // Полития. — Зима 1999—2000. — № 4 (14). — С. 102—121.

[3] Протокол Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о распределении депутатских мандатов между избирательными объединениями, избирательными блоками и о результатах выборов по федеральному избирательному округу / Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 1999 года / Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] // Архив избирательных кампаний, кампаний референдума. URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv

[4] Протокол Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о распределении депутатских мандатов между избирательными объединениями, избирательными блоками и о результатах выборов по федеральному избирательному округу / Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 1999 года / Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] // Архив избирательных кампаний, кампаний референдума. URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv; Результаты выборов по одномандатным округам [Электронный ресурс] // Результаты выборов в Думу III созыва. URL: http://politika.su/fs/gd3rezv.html

[5] Составлено по: История Государственной Думы: от созыва к созыву [Электронный ресурс]. URL: http://ins-union.ru/U_FILE/MS_DOC/istoriya_gosdumy2.doc

[6] Коммунистическая партия Российской Федерации в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1999—2001) / сост. В.Ф. Грызлов. — М.: ИТРК, 2001. — С. 113—115.

[7] Там же. — С.116—117.

[8] Там же. — С.129—163.

[9] Протокол Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов Президента Российской Федерации / Выборы Президента Российской Федерации 2000 год / Выборы Президента Российской Федерации [Электронный ресурс] // Архив избирательных кампаний, кампаний референдума. Режим доступа: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv

[10] Коммунистическая партия Российской Федерации в резолюциях ... — С. 164—165.

[11] Коммунисты за консультации и переговоры // Независимая газета. — 1999. — 30 дек.

[12] *Камышев Д.* Паркетное соглашение // КоммерсантЪ. Власть. — 2000. — № 3.

[13] Оперативные стенограммы заседаний Государственной Думы [Электронный ресурс]. URL: http://transcript.duma.gov.ru
Далее при указании даты пленарного заседания, а также при цитировании выступлений, прозвучавших на них, используется единый источник информации: Оперативные стенограммы заседаний Государственной Думы [Электронный ресурс]. URL: http://transcript.duma.gov.ru, который используется для поиска соответствующего заседания и фрагмента его стенограммы. По этой причине далее ссылки на данный источник будут отсутствовать в тексте, так как предполагаются автоматически в описанных случаях.

[14] О председателях комитетов Государственной Думы и председателе Мандатной комиссии Государственной Думы: Постановление ГД ФС РФ от 19.01.2000 N 13-III ГД [Электронный ресурс] // Банк данных. Нормативно-правовые акты Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://duma.consultant.ru/page.aspx?645035

[15] Отчет депутатской фракции КПРФ о проделанной работе в Государственной Думе Российской Федерации третьего созыва (1999—2003 гг.) // Советская Россия. — 2003. — № 42. Спецвып. № 146: Избиратель.

[16] Коммунистическая партия Российской Федерации в резолюциях ... — С. 220—222.

[17] *Платошкин А.* «Пакет» оказался взрывоопасным // Российская Федерация сегодня. — 2002. — № 8.

[18] Госдума лишила фракцию КПРФ руководства семью комитетами [Электронный ресурс]. URL: http://palm.newsru.com/russia/03apr2002/duma_komm.html (дата обращения: 03.04.2003 г.).

[19] Российская Федерация сегодня. — 2002. — № 8.

[20] Там же.

[21] *Мельников И.И.* КПРФ: строить систему народовластия // Советская Россия. — 2004. — № 41.
[22] Коммунистическая партия Российской Федерации в резолюциях ... — С. 184—188.
[23] Там же. — С. 186—188.
[24] Там же. — С. 188—199.
[25] Там же. — С. 214—216.
[26] Пришло время: слово — народу: (об инициативе народно-патриотических сил по проведению общенародного референдума) // Советская Россия. — 2002. — № 106.
[27] *Васильцов С., Обухов С.* Операции подавления // Там же. — 2003. — 9 дек.
[28] Протокол Центральной избирательной комиссии Российской Федерации о результатах выборов по федеральному избирательному округу и о распределении депутатских мандатов между политическими партиями, избирательными блоками / Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва (2003 год) / Выборы в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] // Архив избирательных кампаний, кампаний референдума. URL: http://cikrf.ru/banners/vib_arhiv
[29] *Зюганов Г.А.* Идти вперед. — М.: Мол. гвардия, 2005. — С. 346.
[30] Специальная комиссия по наблюдению за парламентскими выборами в Российской Федерации: доклад о миссии наблюдателей председателя специальной комиссии Д. Аткинсона // Политическое просвещение. — 2004. — № 2.
[31] Итоги голосования [Электронный ресурс] // Выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в 2011 году. URL: http://www.cikrf.ru/banners/duma_2011/index.html

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аманжолова (Киселева) Дина Ахметжановна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН.

Ащеулов Олег Евгеньевич — кандидат исторических наук.

Борисова Лариса Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН

Жуковская Татьяна Николаевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России с древнейших времен до XX в. С.-Петербургского государственного университета.

Иванова Галина Михайловна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Россия, СССР в истории XX века» Института российской истории РАН, зам. директора Государственного музея истории ГУЛАГа по научной работе.

Калинина Елена Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры дошкольной и социальной педагогики Марийского государственного университета.

Киреева Раиса Александровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Историческая наука России» Института российской истории РАН.

Кирсанов Роман Геннадиевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН

Кривцов Дмитрий Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии и источниковедения Исторического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского.

Круглов Владимир Николаевич — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института российской истории РАН

Кудряшов Сергей Валерьевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Германского исторического института в Москве.

Куликова Галина Борисовна — кандидат исторических наук.

Куманев Георгий Александрович — доктор исторических наук, академик РАН, главный научный сотрудник, профессор, руководитель Центра военной истории России Института российской истории РАН.

Мезенцев Евгений Вячеславович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории РАН.

Мухин Михаил Юрьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН.

Николенко Кирилл Дмитриевич — выпускник аспирантуры Института российской истории РАН.

Сенявский Александр Спартакович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра «Россия, СССР в истории XX века» Института российской истории РАН.

Сидорова Любовь Алексеевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Историческая наука России» Института российской истории РАН.

Соколов Андрей Константинович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН.

Степанов Алексей Сергеевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН.

Научное издание

**ТРУДЫ
ИНСТИТУТА
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ**

Выпуск 13

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института российской истории
Российской академии наук*

Редактор: О.А. Пруцкова
Макет и оформление: Ю.В. Балабанов

Подписано к печати
Формат 60×90/16. Гарнитура NewtonTT.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25,5. Уч.-изд. л. 26,8.
Тираж 500 экз.
Заказ

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного оригинал-макета в

9 785805 503017